

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

Подписной индекс 78535
Subscription index 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Том 31 № 2

Vol. 31 No. 2

2025

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА DOAJ ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год. Т. 31, № 2, 2025

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

П.А. Мистрюгов, канд. ист. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

Выпускающий редактор Т.А. Мурзинова

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» 78535

ISSN 2542-0445 Print

ISSN 2712-8946 Online

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 14.07.2025. Выход в свет 23.07.2025.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 29,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

Требования к оформлению статей смотрите на сайте <https://journals.ssau.ru/hpp/about/submissions>.

© Самарский университет, 2025

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA DOAJ LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.

*On December 1, 2015, the journal is included in the new **List of peer-reviewed scientific publications**, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.*

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly. Vol. 31, no. 2, 2025

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «AntiPlagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

P.A. Mistrugov, Cand. of Historical Sciences, associate professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media **III № ФС 77-67842** as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog of Internet «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445 Print

ISSN 2712-8946 Online

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media **III № 77-12398** as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 14.07.2025. The publication 23.07.2025. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 29,5.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

Requirements to the design of articles see on the website <https://journals.ssau.ru/hpp/about/submissions>.

© Samara University, 2025

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

П.А. Мистрюгов, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Менинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, профессор кафедры педагогики и психологии (Самарский государственный социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

С.Н. Филиппенко, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики факультета психологии (Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, российская Федерация)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

М.В. Черкунова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

P.A. Mistrugov, Cand. of Historical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

S.N. Filipchenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology (Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, professor of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

M.V. Cherkunova, Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти профессора Виктора Васильевича Рябова</i>	8
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ	
Руднева Т.И. Воспитание на основе традиционной народной культуры	11
ДИСКУССИИ	
Бусыгин А.Е., Авдошина Н.В., Головашкин Д.Л. Дискуссия по поводу статьи В.В. Иванова, А.Ю. Нестерова, И.П. Янченко «Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ»	16
ИСТОРИЯ	
Василик В.В., Харина Д.А. Образы Древнего Египта в неопубликованных воспоминаниях русских путешественниц на рубеже XIX–XX веков	24
Астафьев Д.А., Годовова Е.В. История рода Проход: легенды и реальность (историко-генеалогическое исследование, конец XVIII – начало XX в.)	34
Рыбин Д.В. Идея свободы совести в воззрениях либеральных легалистов в Российской империи: от теории к практике. Вторая половина XIX – начало XX веков	42
Любичанковский С.В. Роль А.И. Добросмыслова в изучении и сохранении исторического наследия Оренбургского края	52
Шатохина М.В. Система образования Донбасса в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в.	57
Гребенюк П.С. Трансформация аграрного сектора и рыбной промышленности Магаданской области в конце 1950-х – начале 1960-х годов	63
Кухорев В.С. Цензура и идеологический контроль над печатью в Куйбышевской области 1930-х годов	73
Салихова О.В., Барышникова Н.В. Безработица как новое явление переходной экономики России 1990–2000-х гг.: причины, проблемы, пути решения (на примере Южного Урала)	81
ПЕДАГОГИКА	
Соловьева С.В. Педагог как профессия призвания: эскиз к антропологии мастерства	91
Соловьева Н.В., Суханкина Н.В. Модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования	99
Цзяхуэй Чэнь. Особенности обучения музыкальному искусству Китая в российских школах	106
Дерева А.С. Педагогический дизайн в проектировании образовательной траектории обучающихся	112
Петраш Е.А., Сидорова Т.В. Опыт развития продуктивной личностно-профессиональной позиции студентов-выпускников направления подготовки «Педагогическое образование»	119
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Андрюхина Т.В. Реализация функций колористической лексики в экономическом дискурсе	126
Калинин О.И., Большакова Т.С. К вопросу о моделировании военно-дипломатического дискурса	135
Дунаев А.Е. Милитарный дискурс в немецкоязычных хрониках XV–XVI вв. (на материале «Бернских хроник» Д. Шиллинга и В. Ансельма)	145
Феликсов С.В. Субстантивы религиозной семантики на - <i>ей</i> в русском языке XVIII – первой четверти XIX вв. (на материале словарей гражданской печати)	157
Мухартова Д.А., Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Функционально-семантический потенциал лексем, характеризующих взгляд героини Софи Невё в романе Дэна Брауна «Код да Винчи»	167
Барбашева С.С. Эпонимы в медицинских картах пациентов	175
Иванова А.Б. Система фразеологических средств реализации символических значений соматонима «рука» в русском языке	180
Лаптинова А.И. К вопросу о взаимодействии смежных научных дисциплин в формировании мультидисциплинарной терминотерминологической системы CLIMATE CHANGE	191
Романова Т.П. Топонимический палимпсест как репрезентант самарской идентичности. Статья первая	199
Барабанова Н.В. Средства создания многозначности в произведениях Петера Штамма	210
Соколова Ю.А. Сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий в русском, английском языках и языке хинди	220
Борисова Д.С. Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий	228

CONTENTS

<i>In memory of the Professor Viktor Vasilyevich Ryabov</i>	8
MY UNIVERSITIES	
Rudneva T.I. Education based on traditional folk culture	11
DISCUSSIONS	
Busygin A.E., Avdoshina N.V., Golovashkin D.L. Discussion on the article by V.V. Ivanov, A.Yu. Nesterov, I.P. Yanchenko «Ethical and legal aspects of using generative artificial intelligence technologies in preparing qualification and scientific papers»	16
HISTORY	
Vasilik V.V., Kharina D.A. Images of Ancient Egypt in unpublished memoirs of Russian women (female) travelers at the turn of the XIX–XX centuries	24
Astafyev D.A., Godovova E.V. History of the Prokhod family: legends and reality (historical and genealogical research, late XVIII – early XX century)	34
Rybin D.V. The idea of freedom of conscience in the views of liberal legalists in the Russian Empire: from theory to practice. Second half of the XIX – early XX century	42
Lyubichankovskiy S.V. Role of A.I. Dobrosmyslov in the study and preservation of historical heritage of the Orenburg region	52
Shatokhina M.V. Education system of Donbass in the late 30-ies and early 40-ies of the XX century	57
Grebenyuk P.S. Transformation of the agricultural sector and fishing industry in the Magadan region in the late 1950-ies – early 1960-ies	63
Kukhorev V.S. Censorship and ideological control over the press in the Kuibyshev region in the 1930-ies	73
Salikhova O.V., Baryshnikova N.V. Unemployment as a new phenomenon of the transition economy of Russia in 1990–2000: causes, problems, solutions (on the example of the Southern Urals)	81
PEDAGOGICS	
Solovyova S.V. Teacher as a profession of vocation: a design for the anthropology of mastery	91
Solovyova N.V., Sukhankina N.V. Model of formation of stress resistance of vocalists-performers in the system of additional professional education	99
Jiahui Chen. Peculiarities of teaching Chinese musical art in Russian schools	106
Dereva A.S. Pedagogical design in designing the educational trajectory of students	112
Petrash E.A., Sidorova T.V. Experience of developing a productive personal and professional position of students-graduates in the training program «Pedagogical education»	119
LINGUISTICS	
Andryukhina T.V. Actualization of color lexicon functions in economic discourse	126
Kalinin O.I., Bolshakova T.S. On the issue of modelling military-diplomatic discourse	135
Dunaev A.E. Military discourse in the German-language chronicles of the XV and XVI centuries (based on the «Bernese Chronicles» by D. Schilling and V. Anshelm)	145
Feliksov A.V. Substances of religious semantics in <i>-ets</i> in Russian of the XVIII – first quarter of the XIX centuries (on the material of the civil seal dictionaries)	157
Mukhartova D.A., Prokhorova O.N., Chekulai I.V. Functional and semantic potential of lexemes characterizing eye movements of Sophie Neveu in the novel ‘The Da Vinci Code’ by Dan Brown	167
Barbasheva S.S. Eponyms in patients’ medical case reports	175
Ivanova A.B. System of phraseological means of implementing the symbolic meanings of the somatonym «hand» in the Russian language	180
Laptinova A.I. To the question of interaction of related scientific disciplines in the formation of multidisciplinary terminology system	191
Romanova T.P. Toponymic palimpsest as a representative of Samara identity. The first article	199
Barabanova N.V. Means of creating polysemy in the works of Peter Stamm	210
Sokolova Yu.A. Comparative analysis of medical paroemias in Russian, English and Hindi	220
Borisova D.S. Internet linguistics as an independent field of the study of language: review of main directions and concepts	228

Виктор Васильевич Рябов
Viktor Vasilyevich Ryabov
(22.07.1937–26.02.2025)

член-корреспондент Российской академии образования, доктор исторических наук,
профессор, президент Московского городского педагогического университета
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Historical Sciences,
Professor, President of the Moscow City University

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА РЯБОВА

IN MEMORY OF THE PROFESSOR VIKTOR VASILYEVICH RYABOV

26 февраля 2025 г. научно-педагогическое сообщество понесло невосполнимую утрату – ушел из жизни член-корреспондент Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, президент Московского городского педагогического университета (МГПУ) и его основатель Виктор Васильевич Рябов.

Путь Виктора Васильевича Рябова – это путь одаренного человека из народа, высокомотивированного и целеустремленного созидателя, чрезвычайно работоспособного и пассионарного лидера.

Виктор Васильевич родился 22 июля 1937 г. в семье колхозников в селе Усинском Сызранского района Куйбышевской области. Судьба предопределила профессиональный выбор – он стал историком, получив фундаментальное образование в ведущих классических университетах: в 1961 г. окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, а в 1967-м – аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. С юности Виктор Рябов сочетал учебу с общественной работой, тем самым формируя лидерские качества. В школьные годы избирался секретарем комитета комсомола, в университете – членом студенческого профкома.

В 1967 г. В.В. Рябов успешно защитил кандидатскую диссертацию и, вернувшись в Куйбышев, работал инструктором, заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений Куйбышевского обкома КПСС. Партийную работу он совмещал с преподавательской, получил ученое звание доцента.

В 1973 г. В.В. Рябов становится одним из самых молодых ректоров в Советском Союзе того периода – в 36 лет он возглавляет Куйбышевский государственный педагогический институт. В этот период на многие годы сформировался его индивидуальный профессиональный стиль – стратегическое планирование, поддержка новаторства научно-педагогических работников и формирование команды единомышленников. Несмотря на большую занятость на посту ректора, В.В. Рябов находил время и для научных исследований, работы над докторской диссертацией, которую он успешно защитил в 1977 г.

В 40 лет, в 1977 г., В.В. Рябов избран ректором Куйбышевского государственного университета. При нем было завершено строительство первой очереди университета – учебных корпусов, двух общежитий. Он уделял большое внимание формированию научных школ по естественным и гуманитарным наукам, открытию в вузе диссертационных советов, что вывело Куйбышевский государственный университет на лидирующие позиции в стране. Он руководил диссертационными советами по истории и философии. В 1979 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Возглавляя куйбышевские вузы В.В. Рябов активно сочетал административную, педагогическую деятельность с научно-исследовательской работой – защитил докторскую диссертацию и опубликовал монографии. В 1984–1986 гг. В.В. Рябов работал секретарем Куйбышевского обкома КПСС, курируя вопросы науки и идеологии.

В 70–80-е гг., занимая руководящие должности, Виктор Васильевич сложился как яркий представитель отечественного политического класса. В 1986 г. его перевели в ЦК КПСС на должность заместителя заведующего отделом науки и учебных заведений, затем он был назначен заведующим гуманитарным отделом ЦК КПСС. В течение последних двух лет деятельности КПСС он избирался секретарем парткома аппарата ЦК.

В 90-е гг. он вел преподавательскую деятельность в МГУ имени М.В. Ломоносова, Российской академии управления. Виктор Васильевич исследовал проблемы формирования личности молодого человека в социуме. Он также продолжил исследование истории и теории политических партий, общественных движений, взаимодействия власти и народа.

В 1991 г. вместе с обрушением административно-партийной системы завершился этап партийной карьеры В.В. Рябова. В 1995 г. начался третий виток его ректорской карьеры, когда в Москве он инициировал, а затем возглавил создание Московского городского педагогического университета. Полтора десятилетия он руководил университетом как ректор и более двенадцати лет – как президент. В 1996 г. по его инициативе в Самаре был создан единственный филиал МГПУ. В период пребывания на посту ректора МГПУ В.В. Рябов опубликовал серию статей и монографий по истории и актуальным проблемам развития российского образования и науки, в которых были переосмыслены концепции и парадигмы российского образования. Как ученый Виктор Васильевич был чрезвычайно продуктивен – им опубликовано около 300 научных статей, учебников и учебных пособий, монографий по широкому спектру социально-гуманитарных исследований.

Оценкой масштабности вклада В.В. Рябова в развитие российской науки стали избрание его членом-корреспондентом Российской академии образования, многочисленные государственные награды и знаки общественного признания. Не случайно даже в энциклопедических изданиях, где приводятся сведения о В.В. Рябове, отдельной строкой написано: «крупный ученый и педагог, широко известный российской и международной общественности, один из видных организаторов науки».

Привычка быть в гуще жизни, активно участвовать в общественной работе развила у В.В. Рябова навыки эффективного общения и сформировала его как видного общественного деятеля. В начале 90-х гг. В.В. Рябов был одним из инициаторов создания конкурса «Учитель года», а в 2001 г. выступил в числе учредителей Самарского землячества в Москве и почти два десятка лет его возглавлял. Впечатляет перечень его общественных поручений: президент Фонда поддержки российского учительства, почетный президент Самарского землячества в Москве, советник руководителя Департамента образования и науки г. Москвы, член комиссии правительства Москвы по присуждению премии «Легенды века». И к каждому из поручений Виктор Васильевич относился ответственно, вносил в работу общественных формирований элементы творчества, конструктивности и инноваций.

Как ученый и наставник В.В. Рябов передавал новым поколениям колоссальный опыт и навыки. Более 18 лет он возглавлял общеуниверситетскую кафедру истории Института гуманитарных наук и управления МГПУ, являлся председателем докторского диссертационного совета по историческим наукам, под его непосредственным руководством подготовлено 16 докторов и 50 кандидатов наук. В.В. Рябова отличали системность и оригинальность мышления, широта взглядов и кругозор, видение перспектив развития социально-исторических процессов.

Виктор Васильевич щедро делился с учениками своими неиссякаемыми научными идеями, получая взамен уважение, молодую энергию и вдохновение.

**Светлая память о Просветителе, Педагоге и Наставнике Викторе Васильевиче Рябове
всегда будет жить в сердцах его коллег и учеников.**

Г.П. Котельников

Председатель Самарской губернской думы, председатель Совета ректоров вузов
Самарской области, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор

G.P. Kotelnikov

Chairman of the Samara Provincial Duma, Chairman of the Council of Rectors
of Universities of the Samara Region, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Medical Sciences, professor

Г.Е. Козловская

Директор Самарского филиала Московского городского педагогического университета,
доктор исторических наук, профессор

G.E. Kozlovskaya

Director of the Samara Branch of the Moscow City University,
Doctor of Historical Sciences, professor

П.С. Кабытов

Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской истории Самарского университета им. С.П. Королева

P.S. Kabytov

Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, professor,
head of the Department of Russian History, Samara National Research University

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ MY UNIVERSITIES

DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-11-15

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 15.02.2025
рецензирования: 18.03.2025
принятия: 15.05.2025

Воспитание на основе традиционной народной культуры

Т.И. Руднева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: rudneva07@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы этнопедагогики и ее развитие в контексте деятельности группы ученых Российской Академии образования, основателей этого направления Г.Н. Волкова, В.М. Коротова, А.Л. Бугаёвой. Они сформулировали «золотое правило» этнопедагогики: «Без исторической памяти – нет традиций, без традиций – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа как исторической личности». Ими были созданы экспериментальные школы, на базе которых проводились исследования традиционной культуры воспитания, народной педагогической культуры, определяющей судьбу любого народа. Участие профессора А.Л. Бугаёвой в разработке концепции программы «Возрождение» в Самаре дало возможность доказать эффективность введения в учебные программы и внеурочную деятельность дополнительного компонента, сочетающего общечивилизованные и этнокультурные традиции, что позволяло решать в 90-е годы непростые задачи по обновлению образовательной системы. Автором статьи доказывается, что исторические события, сведения о которых сохраняются в народной памяти, являются эффективным средством воспитательного воздействия.

Ключевые слова: этнопедагогика; традиции; народная педагогическая культура; экспериментальные школы; этнос; национальное самосознание; народная память.

Цитирование. Руднева Т.И. Воспитание на основе традиционной народной культуры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 11–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-11-15>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Руднева Т.И., 2025

Татьяна Ивановна Руднева – Заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2025
Revised: 18.03.2025
Accepted: 15.05.2025

Education based on traditional folk culture

T.I. Rudneva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: rudneva07@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Abstract: The article examines the problems of ethnopädagogy and its development in the context of the activities of a group of scientists from the Russian Academy of Education, the founders of this direction G.N. Volkov, V.M. Korotov, A.L. Bugayeva. They formulated the «golden rule» of ethnopädagogy: «Without historical memory - there are no traditions, without traditions - no education, without education - no spirituality, without spirituality - no personality, without personality - no people as a historical personality.» They created experimental schools, on the basis of which studies were conducted on the traditional culture of education, folk pedagogical culture that determines the fate of any people. The participation of Professor A.L. Bugayeva in the development of the concept of the «Renaissance» program in Samara made it possible to prove the effectiveness of introducing an additional component into the curricula and extracurricular activities, combining generally civilized and ethnocultural traditions, which made it possible to solve difficult problems in the 90s to update the educational system. The author of the article proves that historical events, information about which is preserved in the people's memory, are an effective means of educational influence.

Key words: ethnopädagogy; traditions; folk pedagogical culture; experimental schools; ethnic group; national identity; folk memory.

Citation. Rudneva T.I. Education based on traditional folk culture. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 11–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-11-15>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Rudneva T.I., 2025

Tatyana I. Rudneva – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Каждый провинциальный университет имеет свою историю. Среди историков-краеведов не сложилось единого мнения о том, какое учебное заведение было основоположником Самарского университета. Его открытие было вызвано запросами населения, а каждый его житель пожертвовал по мере своих средств на создание университета. Первый кадровый состав Самарского университета будут представлять приглашенные специалисты.

Постепенно Самарский университет начинает сотрудничать с учебными заведениями, становясь центром торгово-промышленного степного края. С годами аспиранты университета становятся научными руководителями выполняющих кандидатские диссертации. Особый период истории представляет сотрудничество с учеными Российской Академии образования, что позволило создавать и реализовывать жизненно важные научные проекты. В течение полувека формируются научные школы по гуманитарным, в том числе по педагогическим, наукам, одной из которых становится этнопедагогическая школа.

Рождение научных школ по этнопедагогике

Народ имеет свою особенную характеристическую систему воспитания. Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития.

К.Д. Ушинский

В условиях социально-экономического кризиса 90-х годов прошлого столетия активно разрабатываются проблемы воспитания подрастающего поколения на основе традиционной народной культуры. Для системы образования России 90-х годов характерны противоречивые тенденции, потребовавшие его обновления. Значимыми социальными функциями школы становятся возрождение и сохранение народных культур через содержание обучения и воспитания, методы и формы их организации, язык как хранитель культуры. Развитие самосознания народа с воздействием народной культуры стимулируется инокультурными влияниями, так как реальный мир полиэтничен и пред-

Рис. 2. А.Л. Бугаёва консультирует учителей школ – экспериментальных площадок

Рис. 1. Алла Львовна Бугаёва
(10.07.1936–20.04.2016)

доктор педагогических наук, профессор, отличник народного образования, действительный член Нью-Йоркской академии педагогических проблем, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, заместитель председателя диссертационного совета по профессиональной педагогике при Самарском государственном университете

полагает диалог этносов, готовность к контактам. История доказала, что игнорирование этнического фактора в общественном процессе чревато тяжелыми непредсказуемыми последствиями.

В Российской Академии образования группа ученых (Г.Н. Волков, В.М. Коротов, А.Л. Бугаёва) формулирует «золотое правило» этнопедагогики: «Без исторической памяти – нет традиций, без традиций – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа как исторической личности» (рис. 1). Создаются экспериментальные школы, на базе которых проводятся исследования традиционной культуры воспитания, народной педагогической культуры, определяющей судьбу любого народа. Доказывается, что исторические события, сведения о которых сохраняются в народной па-

Рис. 3. Обмен идеями научного поиска в Ханты-Мансийском окружном институте повышения квалификации учителей

Рис. 4. Заседание диссертационного совета по педагогическим наукам, 2015 год

мости, являются эффективным средством воспитательного воздействия.

Под руководством профессора А.Л. Бугаёвой выполняются кандидатские диссертации, защищенные в диссертационных советах Москвы и Самары: У.Н. Зуева, Л.Н. Ковешникова, О.В. Липунова, Г.В. Дивеева, Н.Н. Рудь.

Бугаёва А.Л. – ученый-исследователь проблем этнообразования

Параллельно в двух регионах страны в 90-е годы реализуется программа «Возрождение» (Ханты-Мансийск – Самара), целью которой является включение подрастающего поколения в сокровищницу национально-региональных и мировых культур. Этнопедагогический процесс становится актуальной проблемой научно-исследовательских поисков ученых и педагогических коллективов. Включаясь в разработку концепции, профессор А.Л. Бугаёва проводит мастер-классы с учителями малокомплектных школ Севера, утверждая, что «ключевые ценности этноса сохраняются, опираясь на зафиксированные письменно и устно комплексы идей и представлений о месте того или иного народа в мире. Овладение этими ценностями, идеями, традициями, обычаями, перенесение их в личный опыт и приучение пользоваться ими складывается в систему национального воспитания, способную противостоять ассимиляционным процессам» (рис. 2 и 3).

В Самаре задачи национального воспитания и образования берут на себя экспериментальные школы (№ 12, 13, 54, 57, 132, 176) и Центр внешкольной работы Кировского района. Научное руководство городской программой «Возрождение» осуществляет профессор госуниверситета Т.И. Руднева, а консультантом выступает профессор А.Л. Бугаёва, заместитель директора по научной работе Российской Академии образования. Научное сотрудничество дало начало научной школе, объединившей

исследователей Самары и Крайнего Севера, развитие образования которого курировались отделом национальных школ Министерства РСФСР. Ханты-Мансийский окружной институт повышения квалификации учителей стал площадкой для мастер-классов по проблемам этнообразования, а сохранение традиций педагогической науки, этнических традиций стало научной судьбой профессора А.Л. Бугаёвой, около тридцати лет посвятившей созданию системы образования Крайнего Севера, сочетающей традиционное и инновационное. Ею были описаны особенности традиционной педагогической культуры 26 народов Севера, общность которых определялась географическими и историческими факторами, взаимодействие традиционной народной культуры с педагогической наукой. Экспериментальными площадками стали 44 школы, где в учебные программы были введены родной язык и культура [Просвещение 1992; Бугаева 2012].

Традиционная народная культура делает ставку на формирование духовности, характеризуемой бескорыстием, свободой, эмпатийной, взаимной поддержкой, солидарными действиями личности, которые возвышают ее над собственными индивидуально-эгоистичными устремлениями. Народная педагогика для любого этноса судьбоносная: доказательством является то, что 24 депортированных народа России и десятки этнических групп сохранили себя благодаря национальной, народной системе воспитания [Бугаева, Дивеева 2015; Бугаева, Зуева 2002].

Исследования, проведенные профессором А.Л. Бугаёвой на базе школ-интернатов Севера, подтвердили, что этническая картина мира сохраняется на протяжении многих исторических периодов: ментальные установки меняются чрезвычайно медленно, подвергаясь некоторым трансформациям, так как изменение условий жизни приводит к смене представлений и оценок индивида и общества. Важнейший аспект этнической

картины мира на всем протяжении человеческой истории и применительно к любому народу – ценностный. Понять жизнь этноса можно только через систему ценностей, которыми руководствуются люди, причастные к этому обществу. Результаты исследований подтвердили, что при изменениях в социальности жизни, при перестройке экономических, политических и правовых отношений даже не осознаваемые до конца глубинные ценности продолжают сохраняться. Присвоение ценностей, эталонных образцов поведения, свойственных этносу и зафиксированных в национальной культуре, определяет национальный характер, национальное сознание и этническое самосознание.

Программа «Возрождение» – традиционность, ориентированная на конструктивные взаимоотношения с окружающим миром

В период общественных перемен на первый план выходит проблема функционирования традиционной педагогической культуры любого народа, ориентированной на конструктивные взаимоотношения с окружающим миром. Современная педагогическая наука относит этнос к креативным факторам общественного прогресса, способным в исторически короткий срок устранить губительные последствия политических и экономических решений, возродить свое культурно-историческое наследие.

В центре городской программы «Возрождение» в Самаре стала русская школа, пространство которой погружало учеников в этнокультурные традиции как ее носителей и творческих продолжателей, открытых до восприятия инокультурных компонентов. Развивающее пространство каждого образовательного учреждения наполнялось истоками русской национальной культуры. Преподавание учебных дисциплин направлялось на осознание учениками их значения в системе культуры: культурное значение учебных дисциплин, сведения об истории их развития. Проектирование учебно-воспитательного процесса базировалось на фундаментальных особенностях национального самосознания: оно опиралось на знание и понимание национальной культуры, которая фокусирует в себе результат исторического опыта этноса; на развитие национального самосознания с усвоением родного языка, определяющего особенности народа, его традиции, образ жизни. «Этнический ренессанс» проявился в реализации концепций национально-культурного возрождения, в обращении к традициям, духовным ценностям.

В программе выделялись основные направления ее реализации: модернизация содержания на основе базового компонента, ориентирующего учеников на народную культуру в блоке культурологических дисциплин (культурное просвещение); доминирование культурных традиций в содержании учебно-воспитательного процесса, проникновение учебных дисциплин как диалога культур

Рис. 5. Участие А.Л. Бугаёвой в обсуждении диссертации, 2015 год

(страноведение, самароведение); ориентация на инновационные образовательные технологии. Была предпринята попытка организации профессионально-педагогической подготовки старшеклассников: создан педагогический класс, ученики которого были включены в эксперимент по определению условий воспитания национального самосознания школьников.

Каждое из шести образовательных учреждений получило статус лаборатории. Так, в школе № 12 проводилась исследовательская работа по теме «Формирование у учащихся представлений о культуре народов Поволжья на основе предметов культурологического цикла». Тема «Городская культура» реализовывалась в школе № 13 не случайно: еще с 80-х годов XIX века, будучи гимназией князей Хованских, она была частью культурной жизни города. В учебные планы были введены предметы: самарское культурное краеведение, самароведение. Предметом исследования в лаборатории школы № 54 стал процесс развития общей одаренности школьников в условиях билингвистической среды. Преподавание иностранных языков велось с первого по одиннадцатый классы с погружением в российскую национальную культуру в культурологическом, филологическом, историко-социальном, естественно-математическом блоках учебных дисциплин.

На базе краеведческой школы-лаборатории № 57 была создана Ассоциация учителей-крае-

ведов, которые вместе с учениками подготовили и издали «Очерки по истории Куйбышевского района Самары». Введение славяноведческого компонента в учебные программы школы № 132 ставило задачу приобщения обучающихся к культурному наследию своего народа. Предметом исследования, проводимого в лаборатории школы № 176, стал культурный быт России от старины до современности. Таким образом, содержание и воспитание учащихся экспериментальных школ осуществлялось по принципу расширяющегося круга культур (от этнической до мировой) в контексте их диалога. В центре всех мероприятий, проводимых на базе школ и в городском масштабе, был продолжатель этнокультурных традиций с чувством национального самосознания и открытостью для других культур. Результаты проведенных исследований подтверждались защитой кандидатских диссертаций: Никулина Е.Б. Нравственно-этическое воспитание младших школьников на основе этнокультурных традиций (13.00.01): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2000. 19 с. (рис. 4 и 5).

Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурные традиции. Духовно-нравственные проблемы», прошедшая 12–14 мая 1999 года, стала важным этапом подведения итогов и подтверждения перспективных направлений развития программы «Возрождения». В своем выступлении Г.Н. Волков, профессор РАО, призвал прислушаться к пророческим концептуальным требованиям К.Д. Ушинского: «Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе

народного развития». А.Л. Бугаева, член организационного комитета конференции, отметила особое значение программы «Возрождение», способствующей формированию у школьников не только национальной гордости, чувства патриотизма, но и толерантности поведения, уважения к иным культурам.

Заключение

Научному росту преподавателей Самарского университета способствовали контакты с учеными Российской Академии образования на основе исследования проблемы сохранения традиционной культуры воспитания молодежи, этнокультурная функция которой обеспечивает уникальность и самобытность национального наследия.

Участие профессора А.Л. Бугаевой в разработке концепции программы «Возрождение» в Самаре позволило на основе анализа опыта общеобразовательных учреждений доказать, что эффективность формирования национального самосознания личности достигается введением в учебные программы и внеурочную деятельность дополнительного компонента, сочетающего общечивилизованные и этнокультурные традиции.

Как ученый-исследователь, А.Л. Бугаева внесла значительный вклад в развитие образования в Самаре, поддерживая научные связи с ее педагогическим сообществом, решающим в 90-е годы прошлого столетия непростые задачи по обновлению образовательной системы, когда новой социальной функцией школы становилось возрождение и сохранение народных культур.

Библиографический список

Просвещение ... 1992 – *Просвещение* на Крайнем Севере / сост. А.Л. Бугаева, Е.Н. Самойлова. Санкт-Петербург: Просвещение, Санкт-Петербургское отделение, 1992. 336 с.

Бугаева 2012 – *Бугаева А.Л.* Содержание системы повышения квалификации учителей школ коренных малочисленных народов Севера в условиях модернизации образования // *Вестник Самарского государственного университета*. 2012. № 5 (96). С. 5–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-uchiteley-shkol-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-usloviyah-modernizatsii>.

Бугаева, Дивеева 2015 – *Бугаева А.Л., Дивеева Г.В.* Управленческие компетенции руководителя образовательного учреждения Севера // *Вестник Самарского университета*. 2015. № 7 (129). С. 222–227. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24142303>. EDN: <https://elibrary.ru/uihyrd>.

Бугаева, Зуева 2002 – *Бугаева А.Л., Зуева У.Н.* Формирование этнического самосознания у учащихся на основе традиций Севера. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 188 с.

References

Education ... 1992 – *Bugaeva A.L., Samoilova E.N.* (1992) Education in the Far North. Saint Petersburg: Prosveshchenie, Sankt-Peterburgskoe otdelenie, 336 p. (In Russ.)

Bugaeva 2012 – *Bugaeva A.L.* (2012) The contents of the system of advanced training of teachers of schools of indigeneous minorities of the North in the conditions of modernization of education. *Vestnik of Samara State University*, no. 5 (96), pp. 5–8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-uchiteley-shkol-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-usloviyah-modernizatsii>. (In Russ.)

Bugaeva, Diveeva 2015 – *Bugaeva A.L., Diveeva G.V.* (2015) Management competencies of the manager of an educational institution of the North. *Vestnik of Samara State University*, no. 7 (129), pp. 222–227. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24142303>. EDN: <https://elibrary.ru/uihyrd>. (In Russ.)

Bugaeva, Zueva 2002 – *Bugaeva A.L., Zueva U.N.* (2002) Formation of ethnic self-awareness in students based on the traditions of the North. Khanty-Mansyisk: Poligrafist, 188 p. (In Russ.)

ДИСКУССИИ DISCUSSIONS

DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-16-23

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 16.31.21

Дата поступления: 19.01.2025
рецензирования: 11.04.2025
принятия: 02.06.2025

Дискуссия по поводу статьи В.В. Иванова, А.Ю. Нестерова, И.П. Янченко «Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ»

А.Е. Бусыгин

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: busygin.andrei@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>**Н.В. Авдошина**

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,

г. Самара, Российская Федерация

E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>**Д.Л. Головашкин**

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,

г. Самара, Российская Федерация

E-mail: golovashkin2010@yandex.ru

Аннотация: В представленных отзывах на статью аргументируются мнения авторов по поставленной проблеме использования искусственного интеллекта как с правовой, так и с этической стороны, высказываются предложения по применению ИИ при обучении студентов, по рассмотрению возможностей ИИ как помощника, но не замены человеческого разума, как одного из путей развития высшего образования по пути цифровой революции и цифровизации.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; ChatGPT; высшее образование; квалификационная работа.

Цитирование. Бусыгин А.Е., Авдошина Н.В., Головашкин Д.Л. Дискуссия по поводу статьи В.В. Иванова, А.Ю. Нестерова, И.П. Янченко «Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 16–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-16-23>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бусыгин А.Е., Авдошина Н.В., Головашкин Д.Л., 2025

Андрей Евгеньевич Бусыгин – доктор экономических наук, профессор, независимый исследователь.

Наталья Владимировна Авдошина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Дмитрий Львович Головашкин – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной математики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.01.2025

Revised: 11.04.2025

Accepted: 02.06.2025

Discussion on the article by V.V. Ivanov, A.Yu. Nesterov, I.P. Yanchenko «Ethical and legal aspects of using generative artificial intelligence technologies in preparing qualification and scientific papers»

A.E. Busygin

Moscow, Russian Federation

E-mail: busygin.andrei@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

N.V. Avdoshina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

D.L. Golovashkin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: golovashkin2010@yandex.ru

Abstract: The presented reviews on the article substantiate the authors' opinions on the stated problem of using artificial intelligence from both the legal and ethical sides, make proposals on the use of AI in teaching students, on considering the possibilities of AI as an assistant, but not a replacement for the human mind, as one of the ways to develop higher education along the path of digital revolution and digitalization.

Key words: generative artificial intelligence; ChatGPT; higher education; qualification work.

Citation. Busygin A.E., Avdoshina N.V., Golovashkin D.L. Discussion on the article by V.V. Ivanov, A.Yu. Nesterov, I.P. Yanchenko «Ethical and legal aspects of using generative artificial intelligence technologies in preparing qualification and scientific papers». *Vestnik of Samara University. History, pedagogy, philology Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 16–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-16-23>.

Information on conflicts of interests: authors declared no conflict of interests.

© Busygin A.E., Avdoshina N.V., Golovashkin D.L., 2025

Andrey E. Busygin – Doctor of Economics, professor, independent researcher.

Natalya V. Avdoshina – Candidate of Sociological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Sociology and Political Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Dimitriy L. Golovashkin – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, professor, head of the Department of Applied Mathematics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Искусственный интеллект в ящике Пандоры

А.Е. Бусыгин

доктор экономических наук, профессор

В рассматриваемой статье [Иванов, Нестеров, Янченко 2025] подняты важные и актуальные вопросы. Думается, что вал публикаций по данной проблематике будет нарастать. В еще большей степени будет расти число работ, посвященных путям развития высшего образования в эпоху, в которую вступает человечество. Эта даже не «информационная эра», наступающая после «цифровой революции». Это нечто более серьезное, более новое и во многом непонятное. Короче говоря, искусственный интеллект, который быстро развивается, пока еще скрыт от нас в ящике Пандоры. Чем он наполнен – благами или пороками, человечество пока не знает и будет постигать постепенно, методом проб и ошибок. Важно при этом, чтобы число ошибок не превысило критического уровня, за которым под угрозой будет поставлено будущее. Вот и в статье об использовании искусственного интеллекта при написании квалификационных и научных работ говорится о том, что мнения на этот счет разделились. Кто же прав? Сторонники или противники? Или истина не на стороне крайних позиций, а все зависит от поставленной цели: иной раз это допустимо, в другом случае – категорически запрещено, в третьем – даже целесообразно. При этом следует подчеркнуть, что, если речь идет о работах, которые пишутся обучающимися с целью усвоения учебного материала и получения навыков изложения полученных знаний, запрет должен быть категорическим [Бермус, Сизова 2024].

Казалось бы: вопрос о том, могут ли студенты выдавать тексты, сгенерированные искусственным интеллектом, за написанные самостоятельно, кажется мелким на фоне глобального будущего.

Но из миллиардов таких мелочей это будущее и будет складываться.

Статья хороша тем, что заставляет задуматься о многих проблемах высшего образования в нашей стране. Прежде всего о том, что оно в целом требует не просто совершенствования, а привнесения в него радикальных перемен. Взять хотя бы только квалификационные работы, которые пишут студенты. Их создание в условиях существования искусственного интеллекта, как представляется, должно отличаться от привычных, выработанных в течение десятилетий требований. Каковы должны быть эти требования? Над этим следует думать, пробовать, экспериментировать. Предоставить творческую свободу вузам. Авторы статьи абсолютно правы, когда пишут о возможности разных подходов в вузах, разработки локальных правовых актов, которыми регулировались бы проблемы написания квалификационных работ в современных условиях, когда их текст может быть сгенерирован искусственным интеллектом. Обобщение этого опыта могло бы лечь в основу разработки единого правового акта.

Главная сложность, мне кажется, – со студенческими курсовыми и дипломными работами. Что касается научных квалификационных работ (кандидатских и докторских диссертаций), в данном случае, как представляется, дело обстоит проще: есть неоспоримый критерий проверки качества выполненной работы – это наличие в ней научной новизны. Экспертиза, как показывает практика, может доказать ее наличие. Одно из основных требований, которые должны предъявляться к дипломным работам, – наличие в них научной новизны. В настоящее время, в соответствии с существующими ГОСТами, во введении к дипломной работе должно быть дано обоснование выбора темы дипломного исследования, его актуальности и новизны. Но не секрет, что к этому требованию часто относятся, я бы сказал, снисходительно. Это

и делает возможным рерайт (переписывание) одного и того же (чуть видоизмененного) текста из диплома в диплом. Так что, очевидно, важно акцентировать внимание автора дипломной работы именно на этом, на новизне. Это – сфера ответственности научного руководителя. Что касается курсовых работ, то необходимо повышать требования к ним вплоть до достижения хотя бы элементов научной новизны, оригинальности авторского текста. Все это будет возможно только в случае радикального повышения норм педагогической нагрузки преподавателей, выделяемой на консультирование при написании студентами дипломных и курсовых работ. Ныне эти нормы смехотворны и уменьшены по сравнению с советским временем. Уверен, что изменение структуры педагогической нагрузки в пользу индивидуальной работы преподавателя со студентом – это самое важное, самое необходимое для раскрытия способностей молодых людей стройно, логично, аргументированно излагать свои мысли (о поистине громадной нагрузке преподавателей вузов и их неправомерно низких зарплатах я уже не говорю!). Можно с сарказмом добавить, что сегодня явным доказательством факта представления студентами квалификационной работы, составленной искусственным интеллектом, станет отсутствие в ней орфографических ошибок. Грамотность молодежи катастрофически падает. Но это уже другая серьезная проблема и связана с постановкой среднего образования и контроля его качества.

Авторы статьи, о которой идет речь, главное внимание сосредоточили на правовых аспектах использования искусственного интеллекта при написании квалификационных работ. Проблема эта действительно актуальна. В частности, много внимания в статье уделено вопросу возможности распознавания сгенерированного текста. Не являюсь специалистом в этой сфере, но тем не менее могу утверждать (как и многие другие), что с течением весьма короткого времени все более «продвинутый» искусственный интеллект будет создавать тексты, совершенно неотличимые от написанных человеком. Он и орфографические ошибки, и стилистические будет добавлять в тех пределах, которые сочтет разумными. Писал же А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «Как уст румяных без улыбки / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю». А искусственный интеллект обучается на лучших образцах.

Проблемы этические в статье занимают меньше места по сравнению с нормативными, но они представляются не менее важными, так как те и другие переплетены самым тесным образом. В частности, увеличение педагогической нагрузки на консультирование при написании студентами курсовых и дипломных работ оправдает себя только в том случае, если преподаватели будут консультировать с полной отдачей, действительно «отрабатывая» выделенные на консультации часы в контакте со студентами. Не секрет, что сегодня эти часы ча-

стенько просто «начисляются» преподавателям, а студенты предоставлены самим себе: время, отведенные на консультации с преподавателем, тратят на «сидение в Интернете» и общение с искусственным интеллектом.

Отношение студентов к использованию искусственного интеллекта при написании курсовых работ и ВКР

Н.В. Авдошина

кандидат социологических наук, доцент

В статье [Иванов, Нестеров, Янченко 2025] авторы аргументируют свою однозначную позицию, заключающуюся в недопустимости использования генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) при подготовке квалификационных и научных работ. Особый акцент делается на выпускных квалификационных работах студентов, а также диссертациях.

Междисциплинарная научная дискуссия, которая развернулась в этом тематическом поле, в целом демонстрирует различные точки зрения, отраженные в данной статье. Но все это – точки зрения только одного коллективного субъекта образовательного процесса – преподавателей. Мнение другого субъекта образовательного процесса – студентов – при этом не учитывается вообще, возможно, априори предполагается, что все студенты поголовно – за использование ИИ при написании ВКР.

А ведь есть в этой истории и третья сторона – сам ИИ...

Представляется, что без учета мнений всех указанных сторон дискуссия будет несколько однобокой, особенно если учитывать концепцию партнерских отношений «преподаватель – студент» в образовательном процессе (правда, об этой концепции в последние годы изрядно подзабыли...) [Трусов 2024; Букина 2025].

Мне представилось целесообразным выяснить у самих студентов, как они оценивают плюсы и минусы использования ИИ при написании курсовых работ и ВКР. Такую дискуссию я провела у бакалавров 3-го курса социологического факультета Самарского университета в рамках одного из семинарских занятий, а затем попросила их прислать мне эссе на эту тему. Думаю, что эти мнения станут «бальзамом» не только для моей души, поэтому позволю себе достаточно объемные цитаты с сохранением стилистики авторов. Я выбрала пять наиболее развернутых ответов на поставленный вопрос, ответы остальных студентов перекликаются с представленными далее.

Итак, вот что пишет один из студентов: «Для меня вопрос о том, стоит ли позволять студентам пользоваться ChatGPT в процессе написания курсовых и ВКР, не представляется дискуссионным. Применение нейросетей должно быть приравнено к плагиату или купленной работе, так как такого рода текст не принадлежит студенту. Автором в данном случае являет-

ся «искусственный интеллект» (хотя, на мой взгляд, приложение по генерированию текстов вообще не стоит так называть). Во-первых университет как высшее учебное заведение, предполагает предоставление студентам некоторых важных компетенций, которые не касаются непосредственно специальности. Каждому образованному человеку нужно уметь читать, логически мыслить, анализировать информацию и делать выводы. Если студент не в состоянии построить несколько предложений и объединить их в текст, значит, существует проблема. С одной стороны, этот конкретный обучающийся, видимо, находится не на своем месте, с другой, получается, вместо того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию (научить студента или, если дело совсем плохо, поставить вопрос об отчислении), нам предлагается, напротив, возвращать безграмотность. Во-вторых, использование нейросети позволяет студенту не получать необходимый и заложенный в образовательной программе объем информации, не говоря про ее качество. Погружаясь в тему курсовой или дипломной работы, мы неизбежно пропускаем через себя огромное количество текстов: знакомимся с разными точками зрения, ищем первоисточники, разбираемся и запоминаем. Используя ChatGPT, студент имеет возможность не работать с первоисточниками, не погружаться в материал, в конце концов, он может вообще не читать «собственную» работу. Таким образом, здесь упускается не только навык написания текстов, но и вопрос усвоения полученной информации (что уж точно важно для любого направления подготовки). Я против использования ChatGPT студентами не из-за извечного желания гуманитариев возразить технарям и даже не из чувства справедливости. Наш университет – престижное учебное заведение. Снижение планки в данном случае будет неизбежно связано со снижением квалификации (а также общих интеллектуальных способностей выпускников), как следствие – потерей статуса».

А вот мнение другого студента: «Не могу сказать, что я ярый сторонник повсеместного использования студентами ChatGPT в процессе обучения, но я и не противник этого. ChatGPT – это новый инструмент для быстрого поиска информации (хотя и не всегда качественной), которым так или иначе будут пользоваться (в том числе и студенты). По моему мнению, все зависит от того, как именно студент будет использовать GPT чат: будет ли он брать информацию только из этого источника или же рассматривать его как один из множества.

Я считаю, что если даже и запретить студентам его использовать, то запрет этот остановит немногих. Большинство тех, кто его использовал, – продолжат его использовать. Просто будут использовать также и другие программы для проверки и усложнения получаемых в GPT текстов. Особенно это будут делать студенты “компьютерных” специальностей.

Основным преимуществом этого инструмента я вижу скорость получения нужной информации (при корректном запросе). Темп жизни за последние десятилетия сильно изменился. Сейчас чем больше дел (иногда разных) человек может выполнить за короткий промежуток времени, тем он продуктивнее и успешнее. А для разных дел нужна разная информация, и чем быстрее человек сможет информацию найти и

применить – тем он, опять же, будет продуктивнее и успешнее.

Я пока не знаю, до каких высот поднимется GPT чат в нашей жизни, но мне кажется, что появление GPT можно в какой-то степени сравнить с появлением в свое время повсеместного Интернета. Что Интернет тогда, что GPT сейчас заметно упростили жизнь, и поэтому множество людей активно тянется к этим инструментам. В свое время, Интернет, как инструмент поиска информации, тоже критиковали. Аргументы против Интернета были в чем-то схожи с нынешними аргументами против GPT, однако, те люди, которые остались верны своим убеждениям о вреде Интернета и отказались от него (если такие есть), на длительном временном промежутке скорее проиграли от этого. Эта аналогия может быть применима и к GPT чату. Однако тут есть несколько но:

- Во-первых, GPT чат может и не стать в будущем таким популярным, как я предполагаю, и умение пользоваться им останется для студентов специфическим навыком, который они использовали для упрощения своей студенческой жизни. Тут никто не знает наверняка;

- Во-вторых, студент, если он использует GPT чат, как я уже говорил, не должен ограничиваться только им. Для качественного обучения необходимо использовать и другие (более подробные, качественные и авторитетные) источники информации, ну и, конечно, надо понимать, что это за информация, и критически ее оценивать».

Еще одна студентка считает так: «Применение чата GPT студентами в курсовых и ВКР имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, использование данной технологии может значительно упростить процесс написания текстов. Нейронная сеть способна сгенерировать информативный и структурированный контент, что может быть полезно при оформлении научных работ. Однако следует отметить, что использование GPT может привести к утрате навыков самостоятельного анализа и формулирования мыслей. Вместо того, чтобы развивать свои интеллектуальные способности, студенты могут полагаться на искусственный интеллект при написании работ. Это может привести к снижению качества образования, поскольку важной составляющей учебного процесса является умение самостоятельно мыслить, анализировать и выражать свои мысли. Примером использования GPT студентами может служить ситуация, когда задание по курсовой работе или ВКР требует написания крупного объема текста на специализированную тему. В этом случае использование нейронной сети может значительно сократить время, затрачиваемое на написание работы. Однако следует помнить, что опираться исключительно на созданный искусственным интеллектом текст может быть опасно, так как не исключена возможность наличия ошибок или неточностей в информации.

Другим аспектом допустимости применения чата GPT является вопрос об оценке за работу, написанную с его использованием. Как правило, преподаватели оценивают не только содержание работы, но и способность студента анализировать информацию, вы-

ражать свои мысли и аргументировать свои выводы. Если студент воспользуется GPT для написания работы, это может вызвать вопросы о его академической честности и профессионализме».

А вот мнение четвертой студентки: «Возможности искусственного интеллекта, несомненно, ограничены, как минимум из-за того, что нейросеть не “думает” сама, а генерирует текст, исходя из той информации, которая доступна в Интернете. В таком случае, можно ли называть ее искусственным интеллектом, если она просто переписывает доступные данные? Этот вопрос вызывает дискуссии до сих пор. Но, несмотря на недостатки нейросетей, человек активно их использует. Вызвано это в первую очередь ленью или, возможно, личным энергосбережением, ведь тот же GPT способен обработать любую информацию, написать текст, провести анализ, и даже написать программный код. В таком случае зачем человеку напрягаться, ведь подобную рутинную работу может выполнить компьютер?»

Если первая причина обоснована сбережением времени и сил, то вторая причина, а именно использование искусственного интеллекта в связи с неумением создавать те или иные материалы, весьма плачевна. Журналисты, не умеющие писать статьи от руки или от нажатия пальцем по кнопкам, социологи, которые не способны провести анализ и программисты, не способные написать код, – все они ждут нас в ближайшем будущем. К сожалению, проблема использования искусственного интеллекта обострилась именно сейчас из-за неспособности людей преобразовывать полученные от нейросети материалы. На мой взгляд, нейросети в открытом доступе появились слишком рано, из-за чего общество попросту не может их принять, тем более, пока что сохраняется страх чего-то нового. Более старшее поколение возмущено ленью младшего поколения, а младшее поколение счастливо, что может сэкономить свое время и потратить на игры или просмотр видео на том же устройстве, которое только что написало им доклад или решило задачу. Когда же наступит компромисс и нейросеть будет действительно цениться, а не прятаться за преобразователями текста? Думаю, на этот вопрос будет дан ответ тогда, когда старшее поколение станет лояльнее, а младшее более интеллектуальным и честным в первую очередь к себе.

Нейросеть – это, несомненно, помощник для тех, кому действительно нужна помощь в том или ином деле. Пользу искусственный интеллект приносит тогда, когда автор запроса не просто копирует текст из чата и вставляет в свою научную работу, а как минимум читает и вносит свои правки. В любом случае, использование нейросети всегда можно определить по тому, насколько хорошо автор устно может представить свою работу. На мой взгляд, нейросеть можно и нужно использовать только профессионалам и знающим свое дело людям (грамотные студенты входят в их число), ведь они используют искусственного помощника именно в качестве оказания помощи себе и в целях экономии времени, так как любой текст, написанный нейросетью, профи способен написать и сам, но нужно ли ему это, если такую простую работу может выполнить ИИ? Другое дело, если человек не может справиться с элементарной задачей и пользу-

ется чатом GPT, способствуя прогрессу собственной деградации.

Таким образом, лично я выступаю за использование нейросетей в учебных процессах и не только в них. Сферу искусственного интеллекта необходимо развивать совместно с этикой его использования человеком. Может, хотя бы с экономией времени на написание текстов и решение других задач с помощью нейросетей у людей появится возможность заниматься более важными делами например разрешением личных или даже глобальных проблем».

И наконец, мнение пятой участницы нашего опроса: «Безусловно, создание и внедрение в жизнь людей ChatGPT упрощает выполнение любых задач, но хочу выступить на стороне тех людей, которые выступают против использования нейросетей в процессе обучения.

Аргументы против:

1. Сужение кругозора человека и потеря навыков анализа.

Использование ChatGPT не предполагает анализа различной литературы самим обучающимся, он получает лишь результаты анализа искусственного интеллекта. Когда человек сам ищет материалы, он может узнавать что-то новое, ему могут попадаться интересные статьи, которые могут даже не относиться к теме исследования, однако они открывают ученику новые горизонты и расширяют его кругозор.

2. Неполное рассмотрение темы исследования.

ChatGPT может предлагать только одну точку зрения на исследуемую проблему, а для полного и глубокого анализа важно учитывать и изучать проблему с разных точек зрения. Только такой подход может толкнуть человека к выстраиванию собственного мнения по поводу темы своего исследования.

3. Полная замена человеческого интеллекта искусственным интеллектом.

Если же дальше пойдет такая тенденция, что глубокие исследования и квалификационные работы студентов будут писаться ChatGPT, то есть ли необходимость человечества в обучении таких студентов? Менее затратно будет дальше пользоваться искусственным интеллектом, нежели обучать людей».

Прежде чем подводить итоги и делать выводы, я все же спросила и сам ИИ о плюсах и минусах его использования при написании научных работ. Понятно, что его мнение мы в дальнейшем учитывать не будем, но знать его довольно любопытно.

ИИ – о плюсах его использования при написании научных работ.

«1. Экономия времени. ИИ может ускорить процесс research и генерации текста, позволяя студентам сосредоточиться на других важных аспектах работы.

2. Помощь в структурировании. ИИ может помочь в создании структуры работы и предложить идеи для разделов, что полезно для студентов, испытывающих трудности с планированием.

3. Доступность информации. ИИ способен быстро обрабатывать и извлекать информацию из большого объема данных, что может быть полезно для сбора фактов и статистики.

4. Повышение качества. Использование ИИ может помочь повысить уровень написания, предоставляя четкие и логичные формулировки.

5. *Креативные идеи. ИИ может генерировать уникальные идеи и подходы к теме, что может вдохновить студента на дальнейшие размышления.*

ИИ – о минусах его использования при написании научных работ.

«1. *Проблемы с плагиатом. Использование текста от ИИ без значительных изменений может привести к обвинениям в плагиате.*

2. *Отсутствие оригинальности. Искусственный интеллект может создать текст, который не имеет глубокого понимания темы, что приводит к недостатку оригинальности.*

3. *Этические вопросы. Использование ИИ может вызвать сомнения относительно честности и этики академической деятельности.*

4. *Потеря навыков. Зависимость от ИИ может привести к снижению навыков написания, анализа и критического мышления у студентов.*

5. *Необходимость в доработке. Сгенерированный текст может требовать значительных правок и дополнительных исследований, что может свести на нет преимущества использования ИИ. Перед использованием искусственного интеллекта важно понимать, как его возможности, так и ограничения.*

Понятно, что проведенный опрос студентов не претендует на репрезентативность, возможно, студенты других направлений подготовки, например технических, не согласятся с социологами, у которых мы, преподаватели, на протяжении всего процесса обучения стремимся вырабатывать критическое мышление. Тем не менее эти материалы заставляют еще раз задуматься о том, что «наступление ИИ по всем фронтам» – это объективная неизбежность. А значит, надо вырабатывать этические правила «разумного симбиоза» с этим очередным шагом технического прогресса. Не случайно эта задача ставится уже во многих странах на государственном уровне (например, в ОАЭ создано специальное министерство по вопросам внедрения искусственного интеллекта).

На мой взгляд, назрела необходимость введения для студентов в обязательном порядке для всех направлений подготовки учебной дисциплины «Возможности и ограничения использования ИИ в учебном процессе». Причем читаться она должна сразу на 1-м курсе, чтобы сформировать у студентов правильное отношение к использованию ИИ. Очевидно, что при этом «на откуп» ИИ может быть отдан поиск необходимых для написания научной работы литературных источников, обработка больших массивов данных и т. д., то есть вся рутинная работа. Но написание текста – исключительно задача студента. Этому мы и должны учить, как в свое время все массово обучались на курсах по овладению навыками работы в Интернете. И, кстати сказать, такое обучение совершенно не лишним будет и для самих преподавателей при условии его конкретной практической направленности и очевидной полезности для научной работы [Гаркуша, Городова 2023].

Таким образом, ИИ должен стать полезным помощником, но не заменой человека, пишущего научную работу.

Применение искусственного интеллекта в образовании как стадия процесса цифровизации

Д.Л. Головашкин

доктор физико-математических наук, профессор

Обсуждаемая статья [Иванов, Нестеров, Янченко 2025] посвящена проблематике применения искусственного интеллекта в образовании, в частности при подготовке квалификационных работ. Проблематике, известной из научно-фантастических романов Айзека Азимова и Станислава Лема, казавшейся широкой общественности в силу особенностей этого жанра чем-то весьма отдаленным во времени, однако достаточно неожиданно, несмотря на предупреждения упомянутых авторов, представшей перед педагогическим сообществом как уже оформившийся набор вызовов, требующих без всякого преувеличения немедленных ответов. Так, автор настоящего отзыва принужден обстоятельствами каждодневно иметь дело с текстами компьютерных программ (на лабораторных работах), математическими выкладками (на практических занятиях) и фрагментами квалификационных и научных работ (на встречах с дипломниками), сгенерированными ИИ и предлагаемыми студентами в качестве решения поставленных перед ними задач. Обсуждение перечисленных форм представления студенческих работ с их подателями неизбежно приводит к постановке этических вопросов, в силу чего опубликованная статья характеризуется высокой актуальностью.

Будучи согласным со всеми положениями из заключительного раздела «Проблема субъектности в свете ГИИ. Выводы» обсуждаемой работы, в настоящем отзыве автор в первую очередь укажет на уязвимые для критики тезисы из предшествующих разделов исключительно с целью подготовки более устойчивой к критике аргументации.

1. Как следует из названия, статья посвящена в том числе и правовым аспектам применения ИИ; однако стоит ли рассматривать их как главные в упомянутой предметной области? Не секрет, что сторонники новых технических подходов (а ИИ это прежде всего вычислительная техника и ее программное обеспечение) к решению тех или иных задач рано или поздно добиваются под лозунгом «прогресс не остановить» формирования новой комплиментарной им законодательной базы. Заметим здесь в качестве контраргумента, что регресс (нисходящее движение исторического процесса) тоже до сих пор ни разу не поддавался остановке до исчерпания своего потенциала. Юридические же инструменты хороши для оформления уже сложившегося ответа на вызов ИИ, но не для формирования этого ответа по существу.

2. Этические аспекты такого ответа в обсуждаемой статье хотя и упоминаются, но освещены достаточно скупо. Так, отсутствует главное – отсылка на конкретную этическую систему, в рамках которой рассматриваемая проблема подлежит решению. Выбор (или синтез новой) такой системы (или систем) является первоочередной задачей

формируемого ответа. Наметившаяся тенденция регулировать использование ИИ с помощью самого ИИ через комплекс «Антиплагиат» и ему подобные имеет смысл исключительно как паллиативное средство в силу принципиальной невозможности серьезного решения этических проблем техническими устройствами (на каждый «Антиплагиат» вскоре появится свой «Антиантиплагиат»).

3. Проведение авторами ряда экспериментов, безусловно, украшает статью и известным образом укрепляет выводы по ней (практика как критерий истины принимается большинством научного сообщества), однако количество таких экспериментов с точки зрения математической статистики представляется решительно недостаточным. Их результаты пока могут использоваться в аргументации исключительно в качестве контрпримеров и никак иначе. И то с оговоркой на время постановки экспериментов, ведь с тех пор системы ИИ значительно усовершенствовались.

4. Авторская аргументация касательно закрытости кода на примере OpenAI 2024 к настоящему времени, с выходом DeepSeek, потеряла свою силу.

Во вторую очередь, отметим желательность учета контекста, на фоне которого разворачивается обсуждаемое внедрение ИИ в образовательный процесс. Разумеется, предлагаемый прием исследования может существенно усложнить рассмотрение, однако автор настоящего отзыва глубоко убежден в бесперспективности изучения проблемы вне такого контекста. Здесь под ним понимается цифровизация, определенная («давать вещам правильные имена и повторять их на всех базарах») как процесс, развивающийся следующим образом.

На первом этапе цифровизации между учителем и учеником устанавливается цифровой барьер: компьютерные тесты, электронные презентации, занятия через Интернет – все то, что служит помехой очному живому общению. В частности, автор настоящих строк вот уже который год вынужден читать большинство лекций удаленно, не видя студентов, фактически стене в своем кабинете. На этом этапе образовательный процесс начинает претерпевать искажения, ставящие под сомнение его смысл. Так, рассматривая преподавание как убеждение и пользуясь аристотелевской терминологией [Аристотель 2014], отметим полную непроницаемость цифрового барьера для этоса образовательного процесса и существенное искажение таковым барьером пафоса. Прошедший же через барьер логос сам по себе, без этоса и пафоса, уже не оказывает должного воздействия на обучаемого. С другой точки зрения, обращаясь к Фоме Кемпийскому [Фома Кемпийский 2021] и его идее подражания учителю учеником, отметим невозможность подражать тому, в бытийности которого возникают сомнения, раз преподавателя можно выключить. Рассматривая образовательный процесс с третьей позиции, как специфическую комбинацию разных типов времени: хроноса, кайроса и циклоса [Meyerhoff, Johnson, Braun 2011] (признаемся в большой приверженности этому мето-

дическому приему), укажем на крайнюю затруднительность переключения между ними в случае цифрового барьера. Таким образом, рискуем предположить, что цифровизация уже на первом своем этапе переводит многие педагогические методики из практик в симулякры.

Второй этап сопровождается появлением ИИ по одну из сторон кафедры. Например, студенты интересуются допустимостью присутствия чат-бота на занятиях вместо них самих; выдают на лабораторных работах результаты, полученные с помощью ИИ, за собственные и т. п. С другой стороны, цифровая платформа «СберКласс» фактически подразумевает подмену, пусть пока и неполную, преподавателя ИИ. На этом этапе цифровизации искажения образовательного процесса принимают настолько кардинальный характер, что впору искать другое название этого действия. Обсуждаемая статья, собственно, и посвящена осмыслению указанного феномена в случае подмены студента ИИ при написании квалификационной работы. Заметим, что подмена преподавателя влечет за собой не менее значимые последствия. В связи с этим возможно скорое появление понятия «цифровой маугли».

Следовательно, цифровизацию в целом и внедрение ИИ как ее часть в рамках образовательного процесса (а речь здесь исключительно о нем) можно рассматривать как дегуманизацию. Соответственно, движение в обратную сторону, если принимать диалектику и неизбежное отрицание отрицания, следует определить как гуманизацию и децифровизацию.

Третий, не менее важный предмет рассмотрения в настоящем отзыве, придающий смысл двум первым, это вопрос о целях образовательного процесса. Целях не декларируемых, а действительных, к которым процесс движется – неважно, под действием управляющих воздействий или сам по себе (и такое случается). Лишь в рамках задания цели либо оценки на соответствие заданной, можно давать характеристики цифровизации, в том числе этические, учитывая неразрывность целеполагания с этикой.

Самый низкий уровень целеполагания характеризуется временным интервалом в несколько лет (время одного образовательного цикла) и задается кратковременными интересами непосредственных потребителей. Например, нуждой промышленности в инженерных кадрах на настоящий момент. На среднем уровне (активный период жизни одного поколения, 30 лет) решается задача качественного воспроизводства преподавательских кадров, без чего неизбежна деградация высшей школы. Наконец, на высшем уровне (через несколько поколений) обеспечивается формирование человека и общества в соответствии с выбранной картиной будущего, обычно задаваемой вне системы образования и имеющей идеологическое (философское, религиозное) измерение.

Таким образом, определяющими оказываются вопросы относительно долговременных целей

цифровизации. Какого человека и какое общество получим в результате замещения учителя и ученика в образовательном процессе искусственным интеллектом? В рамках какой этической системы давать оценку этому прогнозу? Необходима ли коррекция открывшейся в результате ответов на предыдущие вопросы цели? И, соответственно,

что делать в рамках этой коррекции? На Западе ответы на эти вопросы, хотя бы отчасти, дает движение за медленное образование и медленную науку. Если ли у нас субъект внутри образовательного сообщества, способный предложить свои ответы и задать соответствующий им план действий...

Библиографический список

Meyerhoff, Johnson, Braun 2011 – Meyerhoff E., Johnson E., Braun B. Time and the University // ACME: An International E- Journal for Critical Geographies. 2011. No. 10 (3). P. 483–507. (In Eng.)

Аристотель 2014 – *Аристотель*. Поэтика; Риторика / Аристотель; [пер. с др.-греч. В. Апеллерота, Н. Платоновой]. Санкт-Петербург: Азбука, 2014. 317 с.

Бермус, Сизова 2024 – Бермус А.Г., Сизова Е.В. Педагогические, лингводидактические и психологические условия использования ChatGPT в системе высшего образования: систематический обзор // Концепт. 2024. № 11. С. 150–166. DOI: <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11183>. URL: <https://e-koncept.ru/2024/241183.htm>.

Букина 2025 – Букина Т.В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1. С. 76–83. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2025.1.9>.

Гаркуша, Городова 2023 – Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.001>.

Иванов, Нестеров, Янченко 2024 – Иванов В.В., Нестеров А.Ю., Янченко И.П. Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 4. С. 23–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-23-32>. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/28116>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=79659096>. EDN: <https://elibrary.ru/mohldi>.

Трусов 2024 – Трусов С.В. Применение инструментов искусственного интеллекта российскими студентами при подготовке выпускной квалификационной работы // Инновационное развитие профессионального образования. 2024. № 4 (44). С. 45–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-instrumentov-iskusstvennogo-intellekta-rossiyskimi-studentami-pri-podgotovke-vypusknoy-kvalifikatsionnoy-raboty/viewer>.

Фома Кемпийский 2021 – *Фома Кемпийский*. О подражании Христу / Фома Кемпийский; [пер. с лат. К. Победоносцева]. Москва: АСТ, 2021. 288 с.

References

Meyerhoff, Johnson, Braun 2011 – Meyerhoff E., Johnson E., Braun B. (2011) Time and the University. *ACME: An International E- Journal for Critical Geographies*, no. 10 (3), pp. 483–507.

Yunis H. et al. 2018 – Yunis H. et al. (ed.). (2018) The Art of Rhetoric. Oxford University Press, 201 p. (In Eng.)

Bermus, Sizova 2024 – Bermus A.G., Sizova E.V. (2024) Pedagogical, linguodidactic and psychological conditions of using ChatGPT in higher education: a systematic review. *Koncept*, no. 11, pp. 150–166. DOI: <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11183>. URL: <https://e-koncept.ru/2024/241183.htm>. (In Russ.)

Bukina 2025 – Bukina T.V. (2025) Artificial Intelligence in Education: Current State and Development Prospects. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 1, pp. 76–83. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2025.1.9>. (In Russ.)

Garkusha, Gorodova 2023 – Garkusha N.S., Gorodova Yu.S. (2023) Pedagogical opportunities of ChatGPT for developing cognitive activity of students. *Vocational Education and Labour Market*, vol. 11, no. 1, pp. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.001>. (In Russ.)

Ivanov, Nesterov, Yanchenko 2024 – Ivanov V.V., Nesterov A.Yu., Yanchenko I.P. (2024) Ethical and legal aspects of using generative artificial intelligence technologies in preparing qualification and scientific papers. *Vestnik of Samara University. History, pedagogy, philology Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 4, pp. 23–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-23-32>. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/28116>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=79659096>. EDN: <https://elibrary.ru/mohldi>. (In Russ.)

Trusov 2024 – Trusov S.V. (2024) Application of artificial intelligence tools by Russian students in preparing their final qualification work. *Innovative Development of Vocational Education*, no. 4 (44), pp. 45–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-instrumentov-iskusstvennogo-intellekta-rossiyskimi-studentami-pri-podgotovke-vypusknoy-kvalifikatsionnoy-raboty/viewer>. (In Russ.)

a Kempis T. 2017 – a Kempis T. (2017) The Imitation of Christ. B&H Publishing Group, 343 p. (In Eng.)

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-24-33

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.85

Дата поступления: 21.10.2024
рецензирования: 13.04.2025
принятия: 02.06.2025

Образы Древнего Египта в неопубликованных воспоминаниях русских путешественниц на рубеже XIX–XX веков

В.В. ВасиликСанкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: fvasilik@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5051-8295>**Д.А. Харина**Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: harinaderv@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2267-1448>

Аннотация: В статье рассматриваются особенности исторического восприятия Древнего Египта русскими путешественницами. Анализируются неопубликованные источники из фондов РГИА, РГАЛИ, РО ИРЛИ РАН – письма и путевые заметки русских путешественников, составленные в конце XIX – начале XX века. В рамках изучения российского ориентального дискурса этого периода последнее время актуализирован историософский вопрос о месте Российской империи и ее культуры в западно-восточной дихотомии. Авторы сравнивают восприятие русских путешественников с английскими и французскими. Делясь своими впечатлениями от посещения Луксора, Гизы и Асуана и от знакомства с историей Древнего Египта, авторы путевых заметок приходят к неожиданному на первый взгляд выводу, что русская культура, история и традиции восходят к Древнему Египту. Древний Египет в их интерпретации предстает колыбелью российской цивилизации. Изучают мотивацию русских путешественников в их стремлении видеть себя потомками великих фараонов, их мнение, что российская цивилизация имеет свои корни в Древнем Египте. При анализе архивных травелогов использовалась современная историческая методология (семиотика, имагология, концепции ориентализма Э. Саида, теория Ю. Лотмана). Авторы приходят к выводу, что путешествия и исследования Древнего Египта играли важную роль в формировании представлений о происхождении и культурном наследии русского народа, в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: травелог; путешественники; имагология; «ориентализм»; женские воспоминания; репрезентация власти; Египет; Россия и Европа; Российская империя.

Цитирование. Василик В.В., Харина Д.А. Образы Древнего Египта в неопубликованных воспоминаниях русских путешественниц на рубеже XIX–XX веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 24–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-24-33>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Василик В.В., Харина Д.А., 2025

Владимир Владимирович Василик – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории славянских и балканских стран, Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.

Дарья Алексеевна Харина – магистр II года обучения, кафедра истории славянских и балканских стран, Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.10.2024
Revised: 13.04.2025
Accepted: 02.06.2025

Images of Ancient Egypt in unpublished memoirs of Russian women (female) travelers at the turn of the XIX–XX centuries

V. V. VasilikSaint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: fvasilik@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5051-8295>**D. A. Kharina**Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: harinaderv@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2267-1448>

Abstract: The article examines the peculiarities of the historical perception of Ancient Egypt by Russian women travelers. The author analyzes unpublished sources from the funds of the Russian State Historical Archive, Russian State Archive of Literature and Arts, and the Institute of Russian Literature (Pushkinskij dom) of the Russian Academy of Sciences – letters and travel notes of Russian travelers compiled in the late XIX – early XX century. Within the studies of the Russian oriental discourse during this period, the historiographical question of the place of the Russian Empire and its culture in the Western-Eastern dichotomy has recently been re-raised. The authors compare the perception of Russian travelers with English and French ones. Sharing their impressions of visiting Luxor, Giza and Aswan and getting acquainted with the history of Ancient Egypt, the authors of travel notes come to an unexpected conclusion at first glance that Russian culture, history and traditions date back to Ancient Egypt. In their interpretation, Ancient Egypt appears to be the cradle of Russian civilization. The authors study the motivation of Russian travelers in their desire to see themselves as descendants of the great pharaohs and why they believe that Russian civilization has its roots in Ancient Egypt. The authors use modern historical methodology: semiotics, imagology, E. Said's concepts of «Orientalism», the theory of Yu. Lotman. In conclusion, the author of the work summarizes the results and points out that travel and exploration of Ancient Egypt played an important role in shaping the ideas about the origin and cultural heritage of the Russian people.

Key words: travelogue; travelers; imagology; «orientalism»; women's memories; representation of power; Egypt; Russia and Europe; The Russian Empire.

Citation. Vasilik V.V., Kharina D.A. Images of Ancient Egypt in unpublished memoirs of Russian women (female) travelers at the turn of the XIX–XX centuries. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 24–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-24-33>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflicts of interests.

© Vasilik V.V., Kharina D.A., 2025

Vladimir V. Vasilik – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of History of Slavic and Balkan Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Darja A. Kharina – Master of the second year of study, Department of History of Slavic and Balkan Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

Древний Египет в общественной мысли Западной Европы долгое время был частью чего-то благородного, связанного с вечностью, несущей определенную мистическую ауру африканского континента. «Земля фараонов» занимала в западноевропейском дискурсе несколько основополагающих позиций. «Романтические» представления, отождествляемые с редкостями и диковинами, соседствовали с прагматизмом политики колониализма и меркантилизма, в то время как элементы одной из древнейших цивилизаций соединяли между собой слои общенациональных и общекультурных направлений в Западной Европе. В определенном контексте «иное/нездешнее» позволяло «лучше видеть собственные странности и несуразности» [Whitehouse 1997, p. 129]. Именно так представляется западная мысль о Египте в конце XIX – начале XX века. Возникает закономерный вопрос, а что было с российской?

Русские активно путешествовали в Египет в конце XIX – начале XX века как в миссионерских и паломнических, так и в туристических целях посещения пирамид, древних храмов, старинных городов и некрополей. Это было связано с развитием туризма и расширением транспортных связей между двумя странами.

За последние два года в Санкт-Петербурге были подготовлены и представлены для широкой публики две временные выставки по теме нашего исследования: «Египтомания. К 200-летию дешифровки египетских иероглифов Жаном-Франсуа Шампольоном» в Государственном Эрмитаже и «Гран-тур. Маленькие сувениры большого путешествия» в Государственном музее истории рели-

гии. Поэтому нам кажется, что изучение особенностей восприятия Древнего Египта российскими путешественниками конца XIX – начала XX века и восприятия западноевропейского обывателя *актуальным*. Проведение выставок демонстрирует интерес к теме, а памятные даты актуализируют изучение особенностей восприятия Древнего Египта российскими путешественниками конца XIX – начала XX века, особенно в сравнении с восприятием западноевропейского обывателя. Концепции ориентализма в России на сегодняшний день активно исследуются в западной исторической науке, но недостаточно полно освещены в отечественной историографии. На сегодняшний день, несмотря на некоторое количество исследований по данному вопросу, нет больших обобщающих работ в российской историографии, посвященных особенностям восприятия Древнего Египта российскими путешественниками конца XIX – начала XX века. В зарубежных же исследованиях нет сравнительного анализа между англосаксонским и российским ориентализмом. Заполнить эту лакуну и призвано проводимое исследование. Важно, нам кажется, определить: восприятие Востока русскими людьми во многом копировало западноевропейские механизмы или в силу особенностей российской культуры имело собственные особенности.

Хронологические рамки данного сочинения охватывают период с 1880 до 1914 года – начала Первой мировой войны. Именно в это время активно развивается туризм в Российской империи, русские активно предпринимают различного рода поездки в Египет.

В фокусе внимания исследователя – *Архивные источники* (дневники, мемуары, письма, воспоми-

нания путешественников). При написании работы использовались фонды Российского государственного исторического архива («Рукописи Синода», фонды личного происхождения), Рукописного отдела Пушкинского дома (письма семьи Стацевич), Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного центрального архива Кировской области, филиала Государственного архива Ярославской области в г. Угличе. В общей сложности изучено 25 архивных документов разных жанров: письма, воспоминания, дневники, рецензии на туристические брошюры, черновики воспоминаний, часть из которых так и не была опубликована по каким-то причинам, но сохранилась в фонде «Рукописи Синода» Российского государственного исторического архива.

Целью данного исследования выступает изучение особенностей описания Древнего Египта в воспоминаниях российских путешественниц в конце XIX – начала XX века.

Методология. При работе с нарративными источниками личного происхождения, к которым относятся травелоги, исследователь использует понятие «дискурс травелога», под которым понимается сложная система, состоящая из нескольких основных компонентов. В первую очередь это интенциональный план дискурса, который включает в себя цели, новаторство, стратегии, мотивы и планы участников. Актуальный план дискурса представляет собой практическую реализацию проекта в реальной жизни. Дескриптивно-аналитический план дает описание и анализ собранных данных. Контекстуальный план включает в себя рассмотрение материалов в историческом, политическом, культурном и других контекстах. Репрезентационный план предполагает демонстрацию данных и собственных впечатлений перед аудиторией. Наконец, «осадочный» план включает в себя реакции публики на дискурс травелога, а также изменения в общественном мнении и самом восприятии мира участниками и зрителями [Русаков, Русакова 2014, с. 12].

Важной частью исследования травелога является его семиотический анализ. Необходимость в семиотике как способе обозначения всей совокупности пространственно-временных континуумов, в которых проживает человек, является универсальной потребностью человеческого существования.

В описаниях ранее неизведанных миров, с которыми сталкивается Путник, особенно остро ощущается «образ другого». Юрий Лотман говорил о важности границ для культуры: «*Культура начинается с разделения мира на внутреннее (“свое”) и внешнее (“их”)*» [Лотман 2000, с. 250]. Очень четко эта линия прослеживается в изучаемых нами травелогах. В рукописи «10 дней в стране фараонов» автор пишет очень много о своих переживаниях, которые связаны с Россией, от своего имени в форме внутреннего монолога, когда же описывается Каир и его жители (мусульма-

не), то тут аноним вступает в диалог с воображаемым человеком, обращается к нему, дает советы, как общаться с местными жителями, куда лучше всего съездить (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1115. Л. 12).

Историография. Комплексных, обобщающих работ, посвященных именно особенностям восприятия Древнего Египта российскими путешественниками, нет. Однако есть книги, где раскрываются те или иные аспекты, будь то вопросы межкультурных и межгосударственных отношений, научные экспедиции ведущих российских египтологов или образ Египта в искусстве изучаемого периода. Например, книга И.П. Сенченко «Российская империя и “страна пирамид” Египет. История в датах и лицах» [Сенченко 2024] раскрывает взаимоотношения Российской империи с Египтом – страной, которая является одной из старейших цивилизаций человечества, сохранившей свое величие в виде архитектурных памятников и двух чудес Древнего мира. Монография опирается на обширный массив архивных документов, впервые представленных для научного обсуждения, а также иные разнообразные источники – от записей российских дипломатов и воспоминаний отечественных паломников, проходивших через Египет по пути на Святую Землю, до дневников русских путешественников и участников научных экспедиций. Разумеется, в фокусе внимания автора политическая история взаимоотношений между Российской империей и Египтом, однако в некоторых разделах есть рассуждения о восприятии египетских древностей русскими людьми.

Отдельного внимания заслуживает статья московского историка И.А. Ладынина, занимающегося историей исследования Древнего Египта российскими учеными в XIX в.: «Путешествие В.С. Голенищева в Египет осенью и зимой 1890–1891 гг. (новый архивный материал)» [Ладынин 2023]. В ней последовательно разбирается маршрут путешествия, специфика описания древностей у ведущего европейского и российского египтолога, влияние западных идей на общественную мысль в Российской империи.

Среди зарубежных исследований следует выделить работы, где сравнивается российский и европейский ориентализм, описывается восприятие египетской цивилизации на Западе: О. Эндрю «Американские путешественники по Нилу: первые посетители Египта из США, 1778–1838 гг.» (следует отметить, что в этой книге описывается именно «борьба» ведущих держав за статус «наследника» Древнего Египта) [Andrew 2015]; Н. Кук, В. Добни «Каждому путешественнику нужен компас: Путешествия и коллекционирование в Египте и на Ближнем Востоке» [Cooke, Daubney 2015]; Дж. Л. Стивенс «Происшествия, связанные с путешествиями в Египет, Аравию и Святую землю» [Stephens 2015].

Начало путешествий в Египет

Египетский поход Бонапарта, при всей его бесполезности в военном и геополитическом отноше-

нии, открыл Египет для европейцев: было опубликовано огромное «Описание Египта» (Description De L'Égypte), не только давшее представление обо всех современных аспектах жизни страны, но и впервые задокументировавшее множество важнейших памятников древности, что положило начало развитию в Европе туризма на Восток.

Не стоит думать, что российские туристические компании, в отличие от европейских, не развивались или процесс был менее активным. Например, самый удобный путь в страну фараонов предоставляла российская компания из Одессы («Русское общество пароходства и торговли»). Начиная с 1881 г., еженедельно, в субботу, из одесского порта выходили корабли в Александрию, куда прибывали на седьмой день. По пути были остановки в Константинополе (36 часов) и в Смирне (12 часов) (Новое время. 1881. 13 июня. № 1798). Некоторые русские путешествовали и британскими компаниями. Так, в одной из рукописей фонда Синода из собраний Российского государственного исторического архива неизвестный автор путевых заметок пишет, что компания «Адриатическое – Восточное пароходство» гораздо хуже предоставляет услуги, чем «Русское общество пароходства и торговли» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1115. Л. 2 об.). Это свидетельствует о том, что путешественник не первый раз находится на туристическом судне, может сравнить качество обслуживания. Странник пишет, что путешествие английской компанией составляет 12 дней, путь начинается из Бриндизи, остановок очень мало и они короткие (Корфу, Кипр), обслуживание отвратительное, кофе с прокисшим молоком, лишь капитан знает французский язык (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1115. Л. 8 об.). Описанные случаи говорят о том, что существовала конкуренция за оказание туристических услуг, россияне хотели путешествовать в Египет, а российские компании позволяли это делать гораздо удобнее, чем иностранные. Очевидно, что такие путешествия могли позволить себе обеспеченные люди, иногда и в российских газетах, и в английских можно встретить объявления о поездке в кредит (Новое время. 1881. 13 июня. № 1798). Поэтому в фокусе нашего исследования находятся взгляды элиты из знатных родов, представители обеспеченной интеллигенции, разночинцы. Однако, кажется, именно они формировали общественное представление о чем-то, преподавали в университетах и других учебных заведениях, создавали книги и путеводители, печатали статьи в газетах.

В рамках изучения российского ориентального дискурса конца XIX – начала XX в. последнее время актуализирован историософский вопрос о месте Российской империи и ее культуры в западно-восточной дихотомии [Алексеев 2013, с. 12], в котором выражается мысль о присвоении Востока русским человеком – достаточно популярная мысль в духе классического ориентализма (англосаксонского). Хотя с этим тезисом достаточно часто спорят по отношению к российской цивилизации [Алексеев

2013, с. 27], но все же такие мысли «западного образца» можно найти во многих личных воспоминаниях, которые мы будем анализировать ниже. Однако стоит отметить, что этот процесс в XIX в. только начинался, в отличие от Запада, в силу причин, описанных выше. Если в публицистике этот тезис звучит устойчиво (Новое время. 1879. 6 мая), то в личных и эпистолярных неопубликованных источниках второй половины XIX в. ситуация несколько иная. Пока многие русские люди только начинают знакомиться с Ближним Востоком. Поэтому в воспоминаниях есть интересные метафоры и образы, например, анонимный автор, женщина, в начале своего путешествия (4 октября 1881 г.) пишет: *«Скажите, что отправляетесь в Америку или Китай, никто не станет удивляться, но попробуйте намекнуть, что вам хочется посетить Палестину и Египет вокруг Вас подымутся крики и возгласы восхищения»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 1 об.). Шарм и привлекательность «страны фараонов» действительно существует, но мотив присвоения еще очень слабо выражен (очень метафоричен). Важным для автора является молебен, предшествующий долгой поездке, и это не потому, что путешественница очень верующая, а потому, что *«Троице-Сергиева Лавра – Святые врата к Востоку»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 3). Открыть Восток и само открытие его начинается именно в России, в святой обители Сергия Радонежского. Не случайно выбран именно святой Сергей и его монастырь для начала путешествия на восток. Как отмечал Д.С. Лихачев, культ Сергия Радонежского оказал огромное влияние на общественную и частную жизнь в XIX в. [Лихачев 1992, с. 6]. Исключительность России в познании восточной культуры выражается и в следующих воспоминаниях: *«Перед путешествием обязательно нужно посетить истинно русский город Киев, его древние храмы»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 19 об.). Российская путешественница связала два важных для русской истории «места памяти» (Троице-Сергиеву Лавру и Софийский Собор в Киеве) с освоением Востока. В XIX в. Троице-Сергиева лавра воспринималась как место рождения единого Российского государства, как место, где родилась и была благословлена первая победа над завоевателями Востока (Куликовская битва). Киев же мог восприниматься местом принятия христианства, подчеркивалась преемственность с Византийской империей, в которую входили египетские земли. Возможно, именно эти ассоциации и молитвы в Лавре должны дать силы путешественникам, когда они отправлялись пока еще в «чужой» край. Восток представляется еще чем-то чужим, «отеческий статус» только начинает появляться.

В Англии в XIX в. ситуация была несколько иная, там постоянно звучит тезис и в публицистике, и в записках путешественников о том, что Египет уже точно принадлежит им и так должно продолжаться. Четко звучат мысли, что только

Британская империя может понять древнюю цивилизацию. Дж. Вайли, путешественник и журналист, долго исследовавший Египет, пишет, что Лондон и имперское правительство помогают открыть путь к древней цивилизации, возродить ее, после того как она умерла от варварского нашествия (мусульмане) [Wylie 1883, p. 339]. В отличие от русских воспоминаний, в английских прослеживается мысль о том, что Египту нужен собственный пастырь, так как население малограмотно и *«нуждается в руководстве»*. Например, лозунг конца XIX в. «Египет для египтян» не только колониальные деятели считали смешным, но и независимые путешественники, критиковавшие, например, внутреннюю политику Британии: они полагали, что *«египетские националисты забывают, что египетский крестьянин, неспособный читать или писать, не имея ни опыта в общественных делах, ни интересов, выходящих за пределы рутины повседневной жизни, не способен к самоуправлению»* [Dicey 1881, p. 21]. Однако не стоит рассматривать английские и французские записки путешественников исключительно в ключе колониального дискурса.

Стоит отметить, что во многих английских воспоминаниях «сильный и могущественный» Египет всегда управлялся сильным наместником с запада (Александр Македонский, династия Птолемея и т. д.), при этом очень часто умалчивалось 40 веков независимости и расцвета державы фараонов. Вообще принималась роль египтян в истории собственной страны, возвеличивалась роль Британской империи, такой дискурс (о великой роли Англии, «бремя белого человека») проник в общественную мысль и в Российской империи, особенно в прессе (Новое время. 1910. 3 августа). В воспоминаниях частных лиц такого нет, разумеется. Русские путешественники, в особенности женского пола, наоборот, очень уважительно и с трепетом относились к древности, *«преклоняли колени перед пирамидами и грозным сфинксом»* (РО ИРЛИ РАН. Ф. 425. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 2). Практически ни в одном из изучаемых нами источников нет ни слова оскорбления древних правителей Египта, их называют властелинами мира (РО ИРЛИ РАН. Ф. 425. Оп. 2. Ед. хр. 359. Л. 3.), нет уничижительного контекста, как в воспоминаниях британцев. Наоборот, молодая девушка, 18 лет, задается очень важным философским вопросом: *«Невольно возникал вопрос, не было ли в других отраслях знаниях того же, что наша российская цивилизация – упадок в сравнении с тем, что было»* (РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 123. Л. 7 об.).

Почему все же и иностранцы, и русские так увлекались Древним Египтом? Например, Древняя Месопотамия, хронологически наиболее близкая к Египту, ничего похожего на египтоанию не породила. Вавилон и Ассирия рассматривались преимущественно через призму Библии, совокупно с ее описанием разделившей человечество катастрофы со строительством Башни и плена. Месопота-

мия – нечто чужое, враждебное. Увлечаться таким не стоит. Вавилон в широком смысле: *«...великий [город], мать блудницам и мерзостям земным»* (Откр. 17: 5).

С Древним Египтом ситуация несколько иная, библейская традиция содержит более 600 упоминаний Египта. Речь в данном случае не о доверии Библии как историческому источнику, а о месте и значимости Египта в европейском мировосприятии, что Библия наглядно демонстрирует. Египет в Ветхом Завете представлен прежде всего тремя темами: Авраам в Египте, Иосиф в Египте, пребывание евреев в Египте и Исход; в Новом Завете: упоминание о бегстве в Египет Святого семейства. Все эти истории содержат много фольклорных элементов. Именно они приблизили Древний Египет к Европе, в результате чего множество сюжетов европейской и христианской культуры стали содержать обращения к «стране фараонов» в библейской интерпретации.

Из вышесказанного у нас не вызывает уже удивления, что неизвестный автор «Воспоминаний о Востоке» перед началом своего путешествия посещает и Троице-Сергиеву лавру, и Софийский Собор в Киеве («колыбель русской цивилизации») (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 21 об.). Действительно, православная культура (храмы) для многих, в особенности для паломников, являлись ключом для понимания египетской культуры.

Путевые записки, описания путешествий зачастую выступают в качестве одного из способов описания «Другого». Формирование представления о себе, своей культуре, вере неразрывно связано с представлением о чем-то чужом. Путешественники сталкиваются с неизвестным, опасным миром, проще это понять и осознать, если «другое» и «чужое» станет своим. Библейские аналогии и связанные с ними христианские ассоциации, применимые к чужой культуре и истории, могли стать началом принятия «чужого». Например, в некоторых травелогах XIX века по Сирии и Персии мусульмане названы радикальными христианами-сектантами (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 565. 1897. Л. 4). Так как ислам – Авраамическая религия, есть сильная опора на Священное писание. С Египтом ситуация будет немного иной, здесь будут копты (христианское население, которое, очевидно, ближе и лучше известно для православного человека), поэтому мусульмане выступают, как варвары. Подробнее эти сюжеты будут раскрыты ниже.

Значительную часть любого путешествия составляет дорога, путь в Египет не является исключением. До прибытия на новые (неизвестные) территории, этому всегда предшествуют какие-то ожидания, предвкушение чего-то. Э. Саид писал: *«Восток, в особенности Ближний Восток, еще со времен античности воспринимался на Западе как его великая комплементарная противоположность»* [Саид 2021, с. 12]. Для аргументации этой точки зрения больше всего подходит анализ именно описания дороги в Египет. Автор воспомина-

ний «10 дней в стране фараонов» пишет: «Мне казалось, что не может же страна фараонов предстать передо мной как Одесса или Выборг» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1115. Л. 15). Такое сравнение не случайно. Когда западный человек сталкивался с чем-то непонятным и новым на Востоке, то он сравнивает это с очень знакомым и понятным. Восток представляется как оппозиция чему-то на Западе (в данном случае Одесса и Выборг) и одновременно как его перевернутое отражение. Э. Саид для описания этого феномена использует метафору «зеркальное отражение» [Саид 2021, с. 27]. Точно ли русские попадали в чужую и неизвестную реальность, не были знакомы с культурой Египта? Можно ли использовать концепцию Саида для анализируемых нами воспоминаний? Определенно, да. Например, автор воспоминаний пишет: «4 октября 1881 г. Каир. У меня голова идет кругом от нашего приезда. Мы точно попали в новый мир, совершенно растерялись посреди блеска люстр и драгоценностей» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 21 об.). Автор непроизвольно в своей записной книжке пишет честно и открыто о своих эмоциях, что-то зачеркивает, очевидно, что девушка испытывает страх (точнее, волнение) перед чем-то новым и чужим, возможно, хочет даже спрятать (скрыть) свои эмоции. Другая молодая девушка Татьяна Куломзина прямо пишет своей матери в письме, датированном 1906 г.: «Я здесь потерялась от красоты древности» (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 691. Л. 12). Существует определенный страх перед древностью не только у женского пола, но и даже мужчин: «Каир держит нас в своих объятиях и нечего делать, если на то не будет воли великих фараонов» (РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 357. Л. 31 об.). Конечно, это все метафоры, но они возникали бессознательно, когда россиянин встречался с чем-то «другим» и пытался это понять, разобраться.

Описание древностей и правителей Древнего Египта. Образы Руси и России на чужбине

Необходимо отметить, что, когда мы пишем, что Египет был чем-то чужим и другим, нужно учитывать, что, несмотря на географическую удаленность Египта от русских людей, культура Древнего Египта была им все-таки знакома. Более того, многие были знакомы с трудами Ф. Шампольона или хотя бы слышали о них. В одном из воспоминаний французский ученый упоминается: «О, если эти камни могли говорить (описание колонн Луксора. – Прим. авт.) Благодаря открытию Шампольона мы открыли маленькую страничку. Сколько еще неизученного...» (РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196. Л. 98). Отметим, что также автор мемуаров В.Н. Фальц-Фейн скептически относится к открытию Ф. Шампольона. Если в рукописи анонимных «Воспоминаний о Востоке» есть надежда, что древние стены Египта когда-то заговорят, то здесь Вера Николаевна пишет: «Никто и никогда не сможет прочесть великую мудрость на стенах пирамид» (РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196. Л. 154).

Для женщин вообще характерно разговаривать с древностью в Египте, так, перед входом в пирамиду одна из путешественниц обращается к древним «богам-правителям подземелий», боясь, что они устроят бурю, не выпустят из пустыни (РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 7). Применяя концепцию Ю.М. Лотмана, становится очевидно, что храмы и древняя письменность являлись основными каналами сохранения культурной памяти сквозь века, будь то масштабные и знаменитые пирамиды или древний некрополь. Так, Бартенева Софья описывает могилы (делает эскизы, зарисовки) ремесленников, сравнивая их с захоронениями на православных кладбищах, с могилой собственного любимого дедушки, считая, что культура смерти пришла именно отсюда (РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 13).

Практически во всех анализируемых нами воспоминаниях есть упоминания египетских музеев, например, В.Н. Фальц-Фейн пишет: «В первый же день я рассматривала замечательные музеи» (РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196. Л. 54). София Петровна Дурново замечает: «Время не теряли, пошли в музей» (РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 407. Л. 98). В других воспоминаниях: «В музей хотелось подробно изучить историю Египта с его передовой могущественной цивилизацией, когда еще не существовали другие народы» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 164). Здесь мы подходим к важной теме представления Египта как места рождения человеческой цивилизации. Например, одна из женщин пишет: «Египет – отец Рима. Именно здесь родилась цивилизация человечества. Свидетель тому сфинкс» (РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196. Л. 64). Возможно, это было связано с английским дискурсом, так как музеи в основном были британскими, что объясняет появление мысли о рождении человеческой цивилизации в долине Нила. Российский востоковед Б.А. Тураев писал об «отеческом» статусе Древнего Египта, дополнительно аргументируя проявление интереса со стороны европейцев в Новое время: «Какую бы сторону нашей жизни мы бы ни взяли, исследование ее истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности» [Тураев 2023, с. 6]. Похожие мысли о преемственности Римом и Западом египетских традиций прослеживаются и в письмах российских путешественников. А. Куломзина пишет: «Рим – это грудной младенец в сравнении с египетскими гробницами, папирусами и мумиями. Если рядом была бы Александрия, со стенами римской кладки мы бы не обращали на нее внимание. Сегодня нас поразили стены Древнего Мемфиса. Мы не обернулись, когда драгоман указал на постройки римской эпохи» (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 347. 1905–1917. Л. 66 об.).

Зачастую изученные воспоминания составлялись грамотными и образованными людьми. Автор «10 дней в стране фараонов» демонстрирует свои знания по истории Египта: «Вот думаешь по-

кажутся леса пальм, между ними египетские храмы, обелиски, воображение заносилось далеко, быстро перебегалось во времена Клеопатры. Ну если не увидишь, думаешь, Египта фараонов, то хоть греческого Египта Птолемея промелькнет перед тобой, хоть римский флот Антония, бежавшего из Акрума, будет меня приветствовать. Каково же было мое разочарование, когда опять увидел то же синее море, и даже солнце светило, как и у нас в жаркий июньский день. Я готов был заплакать» (РГИА. Ф. 834 Оп. 4. Д. 1115. Л. 27). Несмотря на то что римский период в истории Египта автор воспоминаний знает объективно лучше, ему интересна именно самая древность времен фараонов, ради которой он преодолел огромный путь.

Описания же древних правителей облечены в мистическую ауру величия, которая пронизывает каждый аспект их существования: *«В их руках сосредоточена власть, связывающая землю и небо. Они являются не только недостижимыми монархами, но и вершителями судеб своего народа. Эти правители были почитаемы в равной степени, как чудотворцы и мудрецы, способные обращаться с божественными силами»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1115. Л. 19 об.). Представление о древних правителях Египта очень образное, особенно это заметно при описании Луксора, который А.А. Куломзина называет *«жемчужиной» политики фараонов* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 347. 1905–1917. Л. 67). Путешественник не описывает их политику, не критикует, а лишь восхищается их величием: *«...здесь возвышаются Колоссы Мемнона, со своими величественными фигурами древних правителей, заявляющих о своем величии и неприступности»* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 347. 1905–1917. Л. 67). Идеализация правителей древности – характерная черта и для иностранных путешественников. В русских женских воспоминаниях также есть лаконичное высказывание о фараонах: *«Пустыня – место великих властелинов древности»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 164 об.).

При посещении чего-то нового, неизвестного путешественник непроизвольно будет сравнивать с чем-то родным, «своим». Например, при посещении пирамид сравнивается аура гробниц фараонов и усыпальницы российских императоров Петропавловской крепости, которая очень схожая, обе великие, правда, в Петербурге более благостная благодаря многочисленным иконам (РГИА. Ф. 990. Оп. 1. 1868–1918. Д. 277. Л. 2 об.) Мотив смерти и бессмертия характерен для культуры страны фараонов и будет вызывать ассоциации. Так, другой путешественник сравнивает внутреннее убранство пирамиды Хефрена и Архангельского собора, усыпальницы русских царей, подчеркивается величие правителей, которое ощущается даже после их смерти (РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 357. Л. 12). Мотив присвоения истории пока очень слабо выражен, это еще сравнение правителей долины Нила и Москвы-реки, однако посте-

пенно мы увидим эволюцию отношения к истории Древнего Египта.

Если перейти к конкретным историческим деятелям, то особое внимание уделяется Хеопсу и Хефрену. Неизвестный автор пишет: *«Сколько героев пронеслось в мире более славных, более могущественных, чем Хеопс, и только он один сумел нам оставить бессмертие и осязаемые воспоминания своего существования»* (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. С. 160). Тема вечности (перерождения) была присуща и для европейской египтомании [Draper 1970, p. 27]. Интересным является архивный документ, рецензия Учебного комитета при Синоде о брошюре М. Мельгуновой «Страна пирамид», вышедшей в 1910 году. Автор несколько лет жила в Египте, посещала музеи, была на раскопках. Отметим, что брошюра оценена достаточно высоко, рекомендована для использования в учебных заведениях, но сделано несколько важных для нашего исследования замечаний (всего три). Например, ставится под сомнение тезис, что египтяне на 5000 лет до Р. Х. понимали многое из того, о чем другие народы в то время не знали. Отмечается, что М. Мельгунова сильно преувеличивает древность египетской культуры. Основным замечанием является то, что египетской мифологии приписывается мысль о душепереселении (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 712. Л. 1 об.). Учебный комитет подчеркивает: *«Между тем описанные выше сведения древними историками и новейшими данными не подтверждаются»* (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 712. Л. 2 об.). Действительно, в Российской империи существовал единый дискурс о мудрости Египта и «колыбели» западной цивилизации, которые разделяли как обыватели, так и ученые.

Другим важным правителем древности, который описан авторами, является Хефрен. Нельзя рассматривать данный образ без статуи Большого Сфинкса, так как уже не одно столетие предполагается, что это знаменитое изображение принадлежит одному из самых известных фараонов двенадцатой династии. Особое внимание в одном из писем уделяется скульптуре Большого Сфинкса в Гизе, *«Сфинкс – это гениальное произведение великого тонезского мастера, изображающее великого и грозного фараона, от него не оторваться днем, а при луне предположительно Хефрен держит египетскую ночь своим обаянием»* (РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 407. Л. 67 об.). Отметим, что слово «сфинкс» имеет греческое происхождение. В европейскую и российскую культуру образ сфинкса пришел из Греции и Рима и прежде всего связан с мифом об Эдипе, в котором сфинкс окутан таинственностью и мудростью. Отсюда эти коннотации распространились и на образ собственно египетского сфинкса, который был известен как по оригиналам, привезенным в имперский Рим, так и по римским воспроизведениям. Именно с тайной и загадкой связаны все описания сфинкса в вос-

поминаниях и письмах российских путешественников. Например, анонимный автор пишет: «*Что за загадочная фигура этого сфинкса? ... пассивное и безропотное сознание превратности человеческой жизни, соединенное тихой грустью*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1178. Л. 167 об.) или другие воспоминания: «*Сфинкс – выражение загадочной, добродушной и громадной фигуры*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 934. Л. 43 об.). Очевидно, что перед нами истинно европейское восприятие сфинкса, которое родом идет из мифологии античности. Однако возникает вопрос: «Была ли связь между греческими и египетскими сфинксами? Точную преемственность доказать пока никому не удалось, хотя некоторые аргументы в пользу такого предположения существуют в исторической науке [Roulet 1972, p. 12]. Конструкт «загадочности» может не иметь ничего общего с Древним Египтом, его культурой и мифологией. Некоторые особо впечатленные греческой мифологией и увиденным у пирамид в Гизе путешественники боялись образа сфинкса. Так, одной путешественнице приснился сон, что сфинкс преследует ее: «*Я была среди развалин, я была притиснута среди обломков мощной лапой мощного гиганта. Сфинкс смотрит сурово и неподвижно мне в глаза все с той же жестокою загадочной усмешкой и давит лапой на грудь*» (РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 123. 18 л.).

Древний Египет – родина российской государственности?

Описанные выше представления о Древнем Египте и впечатления от путешествий были зафиксированы (процессы – не самое удачное слово) в течение второй половине XIX в. Если в девятнадцатом столетии Египет был чем-то чужим, опасным, даже вызывал страх, был частью великого прошлого человечества, перед которым многие путешественники «падали ниц» (РО ИРЛИ РАН Ф. 1642. Оп. 1. Д. 347. 1905–1917. Л. 67 об.), то постепенно начинается процесс присвоения истории Древнего Египта, своего апогея он достигает в начале XX в. Как заметил неизвестный автор воспоминаний: «*Копты, друзья наши, берегут память о нашем прошлом*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1564. Л. 3). Древний Египет окончательно воспринимается как прошлое российской цивилизации. Далее идут рассуждения о том, что «*европейская цивилизация испаряется здесь*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1564. Л. 3 об.). То есть российская цивилизация старше и мудрее английской и французской. Осуждается политика Британии в Египте: «*Зло европейцев, посягнувших на нашу историю*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1564. Л. 4). Более четко прослеживается «отеческий статус» Египта: «*Несмотря на африканские луга, я чувствую себя, как дома, в Петербурге и Ладозе*» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1564. Л. 6 об.). Здесь мы подходим к важному «месту памяти» Старой Ладозе, «первой столице» Российского государ-

ства, куда по легенде пришел Рюрик. Возможно, упоминание не случайно, мы уже встречались с Киевом (место принятия христианства, мать городов русских) и Троице-Сергиевой Лаврой (рождение Московии). Старая Ладога к началу XX в. уже была хорошо известна, проводились первые археологические раскопки, в 1880-е годы значимый вклад внесли Н.Е. Бранденбург и В.В. Суслов.

Заключение

Основой мифо-религиозных убеждений Древнего Египта было стремление вернуться к началам, к времени творения мира [Лич 2001, с. 13], что нашло отражение в воспоминаниях российских путешественников, в искусстве и культуре. Это священное время было отмечено в ритуалах, укрепляя идентичность и европейцев, и россиян как носителей древнеегипетской культуры на протяжении веков. Храмы и тексты, начертанные на них, а также ритуалы служили основными средствами передачи культурной памяти, именно поэтому многие путешественники пытались говорить со стенами храма, говорили о вечности цивилизации. «Царь-фараон», который отвечал за процветание общества в Египте, играл важную роль в этом процессе «присвоения прошлого». Культ правящего и умершего фараона имел космогоническое основание (неудивительно, что появились сравнения пирамид с Архангельским и Петропавловскими соборами, последними пристанищами русских правителей). Идеи о цикличности времени, о победе порядка над хаосом привлекали людей как в древности, так и на рубеже XIX–XX столетий. Правда, для писателя В.В. Вересаева Александрия потеряна навсегда для человечества, нигде ее не найти на свете, но можно возродить в творчестве исключительно русских поэтов: «*Погибло все, но настанет день, в столице снова воспоют творцы!*» (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Д. 146. Л. 15). Скорее всего, это тоже своего рода «присвоение» прошлого Египта, правда, в другом значении.

Разумеется, шаблоны описания Востока европейцами наши авторы использовали, в большинстве случаев это были выдержки путеводителей, что вполне резонно, статьи в политизированных периодических изданиях. Однако это не было «слепым копированием», каждый автор переосмыслил прочитанное, заимствуя то, что не вызывало у него сомнений, старался принести что-то особенное. О критическом подходе свидетельствует тот факт, что в российских травелогах практически нигде не встречаются расовые предрассудки.

Описание Древнего Египта у нас было очень нативным и эмоциональным, менее фактологическим, чем в Западной Европе, несмотря на то что российские путешественники знали труды египтологов, ссылались на них. Однако именно эта особенность постепенно эволюционировала в произведения Серебряного века, стала своего рода «изюминкой» русской культуры начала XX века.

Материалы исследования

РГАЛИ – *Российский государственный архив литературы и искусства.*

РГИА – *Российский государственный исторический архив.*

РО ИРЛИ РАН – *Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.*

Новое время – *Новое время:* русская общественная и литературная газета. URL: <https://www.retronews.fr/search#allT>.

Библиографический список

Andrew 2015 – *Andrew O.* American Travelers on the Nile: Early US Visitors to Egypt, 1778–1838. Cairo: The American University in Cairo Press, 2015. 424 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2ks7242>.

Cooke, Daubney 2015 – *Cooke N., Daubney V.* Every Traveller Needs a Compass: Travel and Collecting in Egypt and the Near East. Havertown: Oxbow Books, 2015. 272 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt19893wx>.

Dicey 1881 – *Dicey E.* England and Egypt. London: Kessinger Publishing, 1881. 314 p. URL: <https://archive.org/details/englandandegypt01dicegoog>.

Draper 1970 – *Draper T.* The Rediscovery of Black Nationalism. New York: Martin Secker & Warburg Ltd, 1970. 203 p. URL: https://archive.org/details/rediscoveryofbla0000drap_t6q8.

Roulet 1972 – *Roulet A.* The Egyptian and Egyptianising Monuments of Imperial Rome. Leiden: Brill, 1972. 294 p. URL: <https://archive.org/details/egyptianegyptian0000roul/mode/2up>.

Stephens 2015 – *Stephens J.L.* Incidents of Travel in Egypt, Arabia Petraea, and the Holy Land. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 235 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316015322>.

Whitehouse 1997 – *Whitehouse H.* Egyptomanias // American Journal of Archaeology. 1997. Vol. 101, № 1. P. 158–161. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/506254>.

Wylie 1883 – *Wylie J.A.* Egypt after the War. London: Hamilton, Adams, & Company, 1883. 400 p. Available at: <https://archive.org/details/egyptafterwarbe00stuagooq>.

Алексеев 2013 – *Алексеев П.В.* Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования // Филология и человек. 2013. № 4. С. 18–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-romanticheskii-orientalizm-printsiipy-i-problemy-issledovaniya>.

Ладынин 2023 – *Ладынин И.А.* Путешествие В.С. Голенищева в Египет осенью и зимой 1890–1891 гг. (новый архивный материал) // Шаги / Steps. 2023. Т. 9, № 1. С. 206–229. DOI: <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-206-229>.

Лич 2001 – *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с. URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/leach-culture_communication.htm.

Лихачев 1992 – *Лихачев Д.С.* Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Литературная газета. 1992. № 49. С. 10–32. URL: <https://textarchive.ru/c-1376293.html>.

Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Семиотическое пространство. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2000. 504 с.

Русаков, Русакова 2014 – *Русаков В.М., Русакова О.Ф.* Методология дискурс-исследования травелога // Дискурс-Пи. 2014. № 4 (17). С. 12–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-diskurs-issledovaniya-traveloga>.

Саид 2021 – *Саид Э.В.* Ориентализм / пер. с англ. К.В. Лопаткина. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с. URL: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/Эдвард%20Саид.%20Ориентализм.pdf>.

Сенченко 2024 – *Сенченко И.П.* Российская империя и «страна пирамид» Египет. История в датах и лицах. Москва: Алетея, 2024. 518 с. URL: <https://www.litres.ru/book/i-p-senchenko/rossiyskaya-imperiya-i-strana-piramid-egipet-istoriya-v-data-70614340>.

Тураев 2023 – *Тураев Б.А.* Древний Египет. Москва: Юрайт, 2023. 154 с. URL: <https://urait.ru/book/drevniy-egipet-516700>.

References

Andrew 2015 – *Andrew O.* (2015) American Travelers on the Nile: Early US Visitors to Egypt, 1778–1838. Cairo: The American University in Cairo Press, 424 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2ks7242>.

Cooke, Daubney 2015 – *Cooke N., Daubney V.* (2015) Every Traveller Needs a Compass: Travel and Collecting in Egypt and the Near East. Havertown: Oxbow Books, 272 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt19893wx>.

- Dicey 1881 – *Dicey E.* (1881) *England and Egypt*. London: Kessinger Publishing, 314 p. Available at: <https://archive.org/details/englandandegypt01dicegoog>.
- Draper 1970 – *Draper T.* (1970) *The Rediscovery of Black Nationalism*. New York: Martin Secker & Warburg Ltd, 203 p. Available at: https://archive.org/details/rediscoveryofbla0000drap_t6q8.
- Roullet 1972 – *Roullet A.* (1972) *The Egyptian and Egyptianising Monuments of Imperial Rome*. Leiden: Brill, 294 p. Available at: <https://archive.org/details/egyptianegyptian0000roul/mode/2up>.
- Stephens 2015 – *Stephens J.L.* (2015) *Incidents of Travel in Egypt, Arabia Petraea, and the Holy Land*. Cambridge: Cambridge University Press, 235 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316015322>.
- Whitehouse 1997 – *Whitehouse H.* (1997) Egyptomanias. *American Journal of Archaeology*, vol. 101, no. 1, pp. 158–161. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/506254>.
- Wylie 1883 – *Wylie J.A.* (1883) *Egypt after the War*. London: Hamilton, Adams, & Company, 400 p. Available at: <https://archive.org/details/egyptafterwarbe00stuagoog>.
- Alekseev 2013 – *Alekseev P.V.* (2013) Russian romantic orientalism: principles and problems of research. *Philology & Human*, no. 4, pp. 18–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-romanticheskij-orientalizm-printsipy-i-problemy-issledovaniya>. (In Russ.)
- Ladynin 2023 – *Ladynin I.A.* (2023) Vladimir Golenishchev's travel to Egypt in autumn and winter 1890-1891 (new archival evidence). *Shagi / Steps*, vol. 9, no. 1, pp. 206–229. DOI: <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-206-229>. (In Russ.)
- Leach 2001 – *Leach E.* (2001) *Culture and Communication: the logic by which symbols are connected*. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 142 p. Available at: https://yanko.lib.ru/books/cultur/leach-culture_communication.htm. (In Russ.)
- Likhachev 1992 – *Likhachev D.S.* (1992) Sergius of Radonezh and Francis of Assisi. *Literaturnaya gazeta*, no. 49, pp. 10–32. Available at: <https://textarchive.ru/c-1376293.html>. (In Russ.)
- Lotman 2000 – *Lotman Yu.M.* (2000) *Semiosphere. Semiotic space*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb., 504 p. (In Russ.)
- Rusakov, Rusakova 2014 – *Rusakov V.M., Rusakova O.F.* (2014) The methodology of discourse research of the travelogue. *Scientific journal Discourse-P*, no. 4 (17), pp. 12–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-diskurs-issledovaniya-traveloga>. (In Russ.)
- Said 2021 – *Said E.W.* (2021) *Orientalism*. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 560 p. Available at: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/Эдвард%20Сайд.%20Ориентализм.pdf>. (In Russ.)
- Senchenko 2024 – *Senchenko I.P.* (2024) *The Russian Empire and the «land of the pyramids» Egypt. History in dates and persons*. Moscow: Aleteiya, 518 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/i-p-senchenko/rossiyskaya-imperiya-i-strana-piramid-egipet-istoriya-v-data-70614340>. (In Russ.)
- Turaev 2023 – *Turaev B.A.* (2023) *Ancient Egypt*. Moscow: Yurait, 154 p. Available at: <https://urait.ru/book/drevniy-egipet-516700>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47):929.5

Дата поступления: 16.02.2025
рецензирования: 18.03.2025
принятия: 02.06.2025**История рода Проход: легенды и реальность (историко-генеалогическое исследование, конец XVIII – начало XX в.)****Д.А. Астафьев**Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: astafev25@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8374-0498>**Е.В. Годовова**Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: godovova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

Аннотация: В статье нашли отражение результаты историко-генеалогического исследования рода Проход – потомков, согласно семейным преданиям, запорожских казаков, проживавших на территории Новороссии в Таврической губернии. Хронологические рамки работы охватывают конец XVIII – начало XX в. Основные методы и подходы, на которые опирались авторы: аналитический, микроисторический, биографический, историко-антропологический. Источниковую базу составили неопубликованные архивные документы (метрические книги, ревизские сказки), находящиеся на хранении в Государственном архиве Запорожской области. Значительную роль сыграли также эго-документы, а именно источники автобиографического характера: воспоминания одного из представителей рода Василия Фомича Проходь и уроженки Бердянского уезда Таврической губернии Антонины Хелемендик-Кокот. Авторы статьи приходят к выводу, что история рода Проход – это отражение истории, которая создавалась и творилась вокруг этой семьи, а ее представители становились частью исторического процесса, в котором легенды и мифы смешивались с реальностью, а дух «непокорных» и свободолюбивых предков жил и периодически направлял представителей рода на поиски лучшей доли, неважно, в чем она выражалась – в обретении большего количества земли или в ощущении свободы. Выявленная информация позволила осветить историю исследуемого рода достаточно объемно и представить ее в широкой канве происходивших в стране событий конца XVIII – начала XX в. Статья адресована специалистам в области генеалогии, микроистории, исследователям истории Новороссии.

Ключевые слова: историко-генеалогическое исследование; родословная; эго-документы; запорожские казаки; Новороссия; Шкурки; Проходь; Таврическая губерния; Орехов.

Цитирование. Астафьев Д.А., Годовова Е.В. История рода Проход: легенды и реальность (историко-генеалогическое исследование, конец XVIII – начало XX в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 34–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-34-41>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Астафьев Д.А., Годовова Е.В., 2025

Дмитрий Александрович Астафьев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.
Елена Викторовна Годовова – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 16.02.2025
Revised: 18.03.2025
Accepted: 02.06.2025**History of the Prokhod family: legends and reality (historical and genealogical research, late XVIII – early XX century)****D.A. Astafyev**Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation
E-mail: astafev25@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8374-0498>**E.V. Godovova**Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation
E-mail: godovova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

Abstract: The article reflects the results of historical and genealogical study of the Prokhod family – descendants, according to family legends, of the Zaporizhian Cossacks who lived on the territory of Novorossiia in the Taurida Governorate. The chronological framework of the work covers the end of the XVIII – beginning of the XX century. The main methods and approaches relied on by the authors are analytical, microhistorical, biographical, historical and anthropological. The source base was made up of unpublished archival documents (registers of births, census tales) stored in the State Archives of the Zaporizhia Region (SAZO). A significant role was also played by ego-documents, namely

autobiographical sources: the memoirs of one of the representatives of the Vasily Fomich Prokhoda family and Antonina Khelemendik-Kokot, a native of the Berdyansk district of the Taurida Governorate. The authors of the article come to the conclusion that the history of the Prokhod clan is a reflection of the history that was created and made around this family, and its representatives became part of this historical process, in which legends and myths were mixed with reality, and the spirit of «rebellious» and freedom-loving ancestors lived in them and periodically directed the representatives of the clan to search for a better lot, no matter how it was expressed – in acquiring more land or a sense of freedom. The information revealed made it possible to illuminate the history of the studied clan quite comprehensively and present it in the broad framework of events that took place in the country in the late XVIII – early XX century. The article is addressed to specialists in the field of genealogy, microhistory, and researchers of the history of Novorossiya.

Key words: historical and genealogical research; family tree; ego-documents; Zaporozhian Cossacks; Novorossiya; Shkurki; Prokhody; Tauride province; Orekhov.

Citation. Astafyev D.A., Godovova E.V. History of the Prokhod family: legends and reality (historical and genealogical research, late XVIII – early XX century). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 34–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-34-41>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Astafyev D.A., Godovova E.V., 2025

Dmitry A. Astafyev – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russian Federation.

Elena V. Godovova – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russian Federation.

Введение

В данной статье представлены результаты историко-генеалогического исследования рода Проход. Хронологические рамки охватывают конец XVIII – начало XX в. Работа является в некоторой степени продолжением научной публикации одного из авторов, посвященной исследуемой фамильной линии, но рассмотренной только в контексте событий XX в. [Астафьев 2024]. Территориальные рамки охватывают Новороссию, а именно Таврическую губернию.

Цель работы заключается в том, чтобы, с одной стороны, показать определенные итоги изысканий в области родовой истории, а с другой – проанализировать влияние общеисторических процессов на судьбы семей и отдельных ее представителей. Методы и подходы, примененные авторами в данном исследовании: аналитический, микроисторический, биографический, историко-антропологический. Род поселян, а затем государственных крестьян Проход рассматривается на протяжении двух столетий в отражении тех ключевых событий, которые происходили в нашем государстве в указанный период времени.

Источники и историография проблемы

Источниковую базу данного исследования составили, во-первых, метрические книги, хранящиеся в Государственном архиве Запорожской области (ГАЗО). Во-вторых, два источника автобиографического характера: воспоминания одного из представителей рода – Василия Фомича Проходь и уроженки Бердянского уезда Таврической губернии Антонины Хелемендик-Кокот. Они были написаны на украинском языке и изданы в Канаде, где авторы находились в эмиграции. Воспоминания интересны тем, что содержат информацию о заселении края, об истоках и представителях рода Проход. В-третьих, в качестве источника использовано описание Таврической епархии 1887 года. Привлечение этого материала необходимо для понимания территориальной локализации исследуемого рода, т. к. необходимо учитывать обстоя-

тельства возникновения и заселения населенных пунктов, изменения административно-территориальной принадлежности, переселения семей на новые места жительства. История рода – это пространство, пути пересечения, которые необходимо выявить и изучить для воссоздания полноценной картины. Специфика такого источника заключается в том, что авторы при написании подобных работ обращались не только к документам, но и к легендам и устным нарративам, что вызвало определенную сложность при изучении истории заселения мест проживания семьи Проход.

Историко-генеалогическая тематика в последние годы привлекает внимание как профессиональных историков, так и независимых исследователей. Это говорит нам о признании значимости подобных работ в исторической науке, а также о том, что для многих людей стало важным не только найти информацию о своих предках, но и поделиться ею с общественностью, представить результаты своих поисков как в небольших публикациях, так и в объемных монографиях. И если в период формирования генеалогии как науки объектом изучения чаще всего выступали преимущественно родословные представителей элиты (княжеские, боярские, дворянские), то сегодня исследуются священнические, купеческие, однодворческие, крестьянские и другие родословные [Астафьев, Годовова 2022; Баринова 2023; Высоцкая 2022; Джафарова 2023; Добровольский 2022; Коваленко 2022; Наградов 2021; Нилогов 2023; Нилогов 2024; Медведева 2021; Пахолкова 2024; Петин 2021; Петин 2023; Преображенская 2023; Степанов 2024; Сысуюев 2024].

Новороссия – Орехов. Заселение: легенды и реалии

Начнем с описания территории проживания исследуемого рода в конце XVIII в. В то время это были земли Новороссии – региона, ставшего частью Российской империи во второй половине

XVIII в. Его активное заселение началось после отвоевания земель у Крымского ханства. Часть земель Новороссии относилась до присоединения к Запорожской Сечи, которая была упразднена манифестом императрицы Екатерины II от 1775 г. На этой территории существовали зимовники и слободы запорожских казаков. Многие из запорожцев в итоге вернулись на прежние места своего проживания. С ними соседствовали ногайцы, проживавшие в аулах и перешедшие в российское подданство. В ходе освоения вновь образованных губерний земли раздавались крестьянам, однодворцам, казакам, отставным солдатам и другим колонистам, которые прибывали из губерний Центральной России, Малороссии и т. д. Население пополнялось даже за счет преступников и ссыльнопоселенцев, отправляемых на каторжные работы на Днепровскую укрепленную линию. К примеру, более 400 колодников прибыло в Александровскую крепость в 1775 г. Это были осужденные за участие в крестьянской войне на стороне Емельяна Пугачева. Каторжники имели право создавать семьи и заводить детей [Макидонов 2021, с. 70–72].

Специфика освоения Новороссии заключалась в том, что ее заселение носило как организованный, так и стихийный характер. Проявлением стихийности выступало, например, то, что население пополнялось в т. ч. за счет беглых крепостных крестьян, при этом власти практически не обращали на это внимания, поскольку перед ними стояли важные задачи освоения территории. Наоборот, издавались документы, которые предоставляли льготы и привилегии для переселенцев. Таким образом, в регионе формировался разнообразный национальный (русские, украинцы, сербы, греки, болгары, армяне, немцы и др.) и конфессиональный состав населения. При этом большую часть переселенцев составляли русские и украинские крестьяне. Украинское население формировалось за счет выходцев из Черниговщины и Полтавщины, а также западных районов Слободской Украины. Преобладающую часть русских переселенцев составляли выходцы из южнорусских губерний (Курской, Воронежской и др.), но определенный процент среди них приходился также на переселенцев из центральных и северных губерний [История Новороссии 2017, с. 191].

Населенный пункт, в котором мы впервые встречаем документальные упоминания исследуемой нами фамилии, на протяжении истории периодически менял свою административную принадлежность и статус: Таврическая область, Днепровский уезд, селение Ореховое; Новороссийская губерния, Мариупольский уезд, селение Ореховое (с 1801 г. получило статус города); Таврическая губерния, Мелитопольский уезд, город Орехов; Таврическая губерния, Бердянский уезд, Ореховская волость, город Орехов и т. д. В 1842 г. Орехов перешел в статус заштатного города.

По существующим версиям, селение Ореховое возникло в 1783 г. как слобода, основными жителями которой были военные поселяне и строители Днепровской укрепленной линии. Цель строи-

тельства этой засечной черты заключалась в том, чтобы осуществлять защиту южных рубежей государства от набегов крымских татар. Соответственно, ряд населенных пунктов возникал непосредственно на линии. В связи с этим предполагаем, что население Орехового составляли запорожцы, поселенные солдаты, беглые крестьяне и др., которые селились на берегу р. Конки. Версии о топонимике Орехового разнятся. Согласно одной из них, название связано с тем, что первые жители были переселенцами из села Ореховки Миргородского повета Полтавской губернии. Вторая версия – село получило название из-за балки, в которой росли земляные орехи. К сожалению, отсутствие документов, касающихся ранней истории Орехова, не позволяет нам дать точный ответ на этот вопрос. По Ореховке Полтавской губернии также не выявлены необходимые источники, которые могли бы подтвердить или опровергнуть данную версию.

О том, как шла колонизация исследуемой нами территории, свидетельствуют воспоминания очевидцев. По их свидетельствам, заселение территории Ореховки осуществлялось в два этапа. Сначала пришли черниговские переселенцы и бывшие запорожские казаки, жившие ранее на правом берегу Конки в зимовнике казака Лыско, а затем, в конце 1780-х гг., прибыли полтавские переселенцы. Насколько можно доверять словам старожил? Ведь все они были преклонного возраста. Стефан Гординский-Попович – один из первых жителей Орехова (в 1837 г. – 115-летний); Григорий Андреевич Тельбух – бывший староста близлежащего с. Преображенка (в 1872 г. – по одной версии, 108-летний, по другой – 115-летний) и «самый молодой» – Михаил Ткач (в 1872 г. – 96-летний) (Таврическая епархия 1887). Исходя из такого возраста, каждый из них действительно мог наблюдать воочию за процессом заселения Орехова, но в реальности это маловероятно, и, скорее всего, их истории опираются на хранящиеся в памяти воспоминания первых поселенцев. Для определения возраста Тельбуха мы провели анализ ревизских сказок по селу Преображенка. Согласно одной записи, Григорию Андрееву Тельбуху в 1858 г. 63 года (примерно 1795 г. р.) (ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 749. Л. 580). Тогда на момент опроса ему было примерно 77 лет. Согласно еще одной записи, обнаруженной в метрической книге 1875 г., смерть Григория Андреева Тельбуха произошла в возрасте 115 лет (!) от старости (ГАЗО. Ф. 5593. Оп. 2. Д. 948. Л. 136), следовательно, он примерно 1760 г. р.

По словам Григория Тельбуха, «первым поселенцем Орехова был около 1775 г. крестьянин с. Обмачева, Черниговской губернии, Юшка, которого сын Никифор был первым головою в ореховской сборной избе, открытой около 1782 г., а вслед за ним стали селиться здесь беглые помещичьи крестьяне и преступники из южной России. В ту пору было здесь не более 8 разбросанных хат; до реки Конки все были плавни. Беглецы селились по высоким грядам плавней, потому что здесь прекращалось всякое преследование их, а в плавнях за камышом, лозой и вербой нель-

зя было и преследовать их». По словам Ткача, «в Орехове в 1786 г. было 20–30 дворов, где жили беглецы, а в окружающих Орехов степях водилось много волков, зайцев, лисиц и диких лошадей» (Таврическая епархия 1887). Данные свидетельства вполне могут соответствовать реальности, поскольку на начальном этапе заселение этих мест так и происходило, а в метрических книгах конца XVIII в. встречаются записи с упоминанием дворянина сотенного атамана Ивана Юшка (возможно, потомок того первого Юшка).

Первые метрические книги по Орехову датируются концом XVIII в. (начиная с 1796 г.) (ГАЗО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1). На тот момент в нем было две церкви: соборная (Покровская) и кладбищенская (Свято-Духовская). В 1799 г. в Орехов перевели Мариупольское духовное управление из г. Токмака. В записях метрических книг уже четко фиксируются ореховские жители или поселяне.

От Шкурок до Проход: в поисках корней

Обратимся к мемуарам Василия Проходь, поскольку в них есть отрывок, в котором отражена легенда о появлении на территории Орехова первого представителя рода в образе первопроходца, преодолевающего значительные пространства. Это своего рода отражение общего нарратива о вольных запорожцах – странствующих, воюющих, обладающих даже магическими способностями. «Тогда часть запорожцев отправилась вниз по Днепру казаковать на территории Крымского ханства, а часть отправилась вне Большого Луга по левобережью реки Конки хозяйничать также под крымским ханом. Среди них был и мой прапрадед Прохода, прозванный так за то, что он прошел большое пространство, путешествуя на Сечь где-то из Карпат от тамошних покорителей. Осел он на левом берегу Конки в Орехове, против которого была на правом берегу Преображенка» [Проходá 1967, с. 9]. Согласно легенде, род имеет отношение к запорожским казакам. Дальнейшая история покажет нам, что многим из Проход, как и их далекому предку, придется странствовать, скитаться, бежать, осваивать новые земли. Орехов стал их пристанищем, но только на пару столетий.

К сожалению, проверить легенду о происхождении рода не представляется возможным на данный момент, поскольку отсутствуют необходимые для этого документы. Антонина Хелемендик-Кокот в тексте мемуаров указывает на происхождение ее предков из запорожских казаков. Она пишет о том, что ее дед Петр Хелемендик (Хелемендики родом из Орехова) – запорожский казак, а ее мать, урожденная Андрущенко (Андрущенко родом из Новоданиловки Бердянского уезда, а ранее из Орехова), – из казацкого рода» [Хелемендик-Кокот 1989, с. 1]. Запорожские казацкие корни явно подчеркиваются в родословных выходцев из ореховских земель.

«Осел он на левом берегу Конки в Орехове, напротив которого была на правом берегу Преображенка. Преображенцы «преобразились» на покорных его величеству московскому Петру I,

а ореховцы оставались непокорными больше полусотни лет, пока не узнали «просвещенного» правления Екатерины II», – отмечает Василий Прохода [Проходá 1967, с. 9]. В этом отрывке есть некоторые исторические расхождения, поскольку заселение земель происходило при Екатерине II. По-видимому, речь идет о том, что Преображенка заселялась преимущественно централизованно – отставными солдатами, казаками, государственными крестьянами, а Орехов скорее стихийно – запорожскими казаками, белыми крестьянами и т. д. Опять же автор намеренно подчеркивает «непокорность» ореховцев, указывая на вольный, свободный дух запорожцев, стоящих у основания селения. Недаром и сам Прохода называет свои мемуары «Записки непокорного». Не будем забывать и о других категориях «непокорных» перво-поселенцев – беглые крестьяне, преступники и др.

Далее он пишет: «Там жилось моему прадеду неплохо, потому что земля в Ореховском районе была урожайная, да и в плавне в Великий Луг можно было ездить за рыбой, которой водилось там множество. Позже стало труднее, а потому мой дед Петр, кроме хлебопашества, занимался гарбарством (кожевенным делом), за что ореховцы прозвали его шкуркой» [Проходá 1967, с. 9–10]. Выявление факта наличия вышеуказанного прозвища позволило расширить поисковую деятельность по изучению рода, поскольку записи в метрических книгах отразили параллельное существование двух фамилий – Шкурка (варианты написания Шкурин, Шкурченко) и Проходá, причем если автор мемуаров указывал, что прозвище относилось к Петру, то, согласно записям, как мы выявили в ходе исследования, оно применялось и по отношению к отцу Петра – Григорию Ивановичу, первому документально известному представителю рода (ГАЗО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Д. 28. Л. 58). Изначально в метрических книгах Григорий записывается Шкуркой, и только потом, уже в начале XIX в., периодически фиксируется фамилия Проходá (ГАЗО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 130). Петр также то Шкурка, то Проходá (ГАЗО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 151; Д. 5. Л. 183), но затем на уровне поколения детей Петра Григорьевича фамилия стабилизируется и окончательно остается Проходá. Ситуация абсолютно типична для того времени, и примеры такого рода не единственные, поскольку фамилии образовались по-разному: от отчеств, дедичеств, прозвищ, и, как следствие, часто в документах встречается одновременное существование у людей двух фамилий.

Что в итоге дал анализ отрывка с легендой о первых представителях рода? По описанию, возможно, первым пришедшим на ореховские земли мог быть легендарный запорожец Иван, о котором мы, по сути, вообще ничего не знаем. Затем предание гласит о появлении в роду прозвища Шкурка, но документы скорее говорят нам об обратном. Шкурки предшествуют Проходáм. И появление прозвища Проходá могло на самом деле в реальности связываться не с дальним переходом легендарного предка, а возможно, с личными качествами

носителя, поскольку слово «проходá» имеет значение также предприимчивого, проходного, толкового и т. д. человека. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках историко-генеалогического исследования семейные или родовые легенды всегда требуют проверки, поскольку информация в них может смешиваться и наслаиваться одна на другую, что объясняется спецификой передачи устных воспоминаний.

В 1870-е гг. основная часть семьи Проход переселилась в образованное выходцами из г. Орехова село Новоданиловка Бердянского уезда Таврической губернии, а Фома Петрович (отец Василия Фомича. – Д. А., Е. В.) после смерти жены решил уехать на Кубань. «Он с бато́гом отправился аж до Азовского моря и обошел его, остановившись на долгое время в Гуляй-Борисовке, на южной Донщине, у земляка тавричанина Трохима Бредихина» [Проходá 1967, с. 10]. На Кубанщине родились его дети, в т. ч. и автор мемуаров Василий Проходá. После смерти отца Василий Фомич с матерью и другими детьми в 1910 г. вернулись в Новоданиловку.

Василий Проходá пишет: «В Новоданиловке близ Орехова жил и хозяйствовал старший брат нашего отца Иван. Его единственный сын Хома (мой двоюродный брат) имел двоих сыновей старше меня. Они были хорошими кузнецами и имели мастерскую для изготовления тавричанских бричек, которые славились тогда по всей Украине. Хозяйство Хо́мы было хорошее, но он был недоволен средним достатком. Было ему в Новоданиловке тесно, а поэтому после закрепления в частную собственность земли решил ее продать и переселиться на целинные земли Тургайско-Уральского края, современного Казахстана, и перенести туда свою кузнечную мастерскую. Той весной 1910 года, когда мы приехали в Лиман, как называли Новоданиловку, потому что до нее лиманом заходила вода с речки Конки, по которой три столетия запорожцы, возвращаясь с турецкого похода, переправляли свои чайки, Хома уже продал свою землю, и все было готово для переселения за Урал» [Проходá 1967, с. 109]. Дух предка, прошедшего от Карпат до Сечи, видимо, периодически просыпался в его потомках, им становилось тесно на Ореховщине, и они отправлялись в свой путь: Фома Петрович на Кубань, Фома Иванович в далекую Тургайскую область.

В данном отрывке идет речь о Фоме Ивановиче Проходе (прапрадеде Д.А. Астафьева. – Д. А., Е. В.), который в начале XX в. вместе со своей семьей переселился на еще неосвоенные земли Тургайской области. Масштабные исторические события бурного и «короткого» XX в. привели к тому, что представители рода оказались по разным причинам и обстоятельствам рассеяны практически по всему миру. На основе метрических книг и ряда других источников составлена родословная Проход в виде поколенной росписи (ГАЗО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, Л. 130; Д. 2. Л. 236; Д. 3. Л. 151, Л. 212; Д. 5. Л. 183, Л. 243; Д. 8. Л. 355; Д. 17. Л. 98, Л. 245, Л. 277; Д. 18. Л. 68; Д. 22. Л. 169; Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 278; Ф. 179. Оп. 1. Д. 27. Л. 77;

Ф. 246. Оп. 1. Д. 3. Л. 10; Д. 7. Л. 11; Д. 26. Л. 21; Д. 28. Л. 58; Д. 33. Л. 8; Д. 34. Л. 55; Д. 31. Л. 35; Д. 32. Л. 323; Ф. 5593. Оп. 2. Д. 33. Л. 83; Д. 881. Л. 94; Д. 955. Л. 129; Д. 959. Л. 170, 219; Оп. 3. Д. 695. Л. 56). Роспись доведена до начала XX в., исходя из определенных нами хронологических рамок исследования, поэтому представлена в урезанном виде, в пределах 5 поколений Проход.

I

Иван Шкурка (?) Прохода (?) *? + ? Запорожский казак.

II

1.1. Григорий Иванов Шкурка (Прохода) *1775 г. + 1831 г. Ореховский житель.

Ж – Домника Васильева (Чередниченко) *? + ? Дочь ореховского поселянина. Обвенчались в 1799 г.

III

Косма Григорьев *1807 г. +1811 г.

Петр Григорьев Шкурка (Прохода) *1810 г. +? Ореховский поселянин.

1 Ж – Домника Григорьева (Романенко) *? +? Дочь ореховского поселянина. Обвенчались в 1829 г.

2 Ж – Агрипина Васильева (Кандибка). *? +? Ореховская вдова солдата. Обвенчались в 1857 г.

Евдокия Григорьева *1813 г. +?

М – Диомид Григорьев Блудов *1815 г. +? Ореховский житель. Обвенчались в 1833 г.

Стефанида Григорьева *1816 г. +?

IV

1.1.2.1. Параскева Петрова *1830 г. +?

1.1.2.2. Федор Петров *1832 г. +1832 г.

1.1.2.3. Иоанн Петров *1834 г. +? Государственный крестьянин г. Орехова.

Ж – Улияния Стефанова (Быкова) *1835 г. +? Казачка Полтавской губернии Пирятинского уезда города Пирятина. Обвенчались в 1856 г.

1.1.2.4. Агафия Петрова *1835 г. +1836 г.

1.1.2.5. Илия Петров *1845 г. +1846 г.

1.1.2.6. Фома Петров *1841 г. +1901 г. Государственный крестьянин г. Орехова. Житель с. Акимовка Мелитопольского уезда Таврической губернии. Житель станицы Павловской Ейского отдела Кубанской области.

1 Ж ? *? + ?

2 Ж – Евфимия Иосифова (Толмачева) *1834 г. +1873 г. Государственная крестьянка с. Акимовка Мелитопольского уезда Таврической губернии. Обвенчались в 1872 г.

3 Ж – Матрена Трофимова Бредихина. Жительница станицы Павловской Ейского отдела Кубанской области.

1.1.2.7. Александра Петрова *1850 г. +?

1.1.2.8. Андрей Петров *1858 г. +1889 г. Государственный крестьянин с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии.

Ж – Екатерина Петрова (Дзюба) *1857 г. +? Государственная крестьянка с. Скелеватого Бердянского уезда Таврической губернии. Обвенчались в 1882 г.

V

1.1.2.3.1. Анисия Иоанновна *1857 г. +?

1.1.2.3.2. Елена Иоанновна *1864 г. +1865 г.

1.1.2.3.3. Фома Иоаннов *1870 +? Государственный крестьянин г. Орехова. Государственный крестьянин с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии.

Ж – Евдокия Евфимиева (Сергиенко) *1869 +? Государственная крестьянка с. Преображенка Александровского уезда Екатеринославской губернии. Обвенчались в 1888 г.

1.1.2.6.1. Михаил Фомин *1873 г. +?

1.1.2.6.2. Василий Фомин *1890 г. +1972 г. Родился в станице Павловской на Кубани. Проживал в г. Орехове Бердянского уезда Таврической губернии.

Ж – Мария Александрова (Заржицкая) *1895 г. +1976 г. Родилась в г. Каменец-Подольский Каменец-Подольского уезда Подольской губернии.

1.1.2.6.3. Емельян Фомин *1893 г. +? +1948 г. Родился в станице Павловской Ейского отдела Кубанской области. Младший унтер-офицер из государственных крестьян с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии.

Ж – София Антониева (Романенко). *1893 г. +1973 г. Государственная крестьянка с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии. Обвенчались в 1917 г.

1.1.2.6.4. Федор Фомин *? +1915 г. Родился в станице Павловской Ейского отдела Кубанской области.

1.1.2.6.5. Григорий Фомин *? +? Родился в станице Павловской Ейского отдела Кубанской области.

Ж – Горпина Денисова Павельченко. Родом из Кубанской области.

1.1.2.6.5. Ефросиния Фомина *? +? Родилась в станице Павловской Ейского отдела Кубанской области.

М – Андрей Иосипов Мороз. Родом из Кубанской области.

1.1.2.8.1. Мавра Андреева *1885 г. +? Государственная крестьянка с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии.

М – Исидор Кириков Шлея *1885 г. +? Государственный крестьянин с. Преображенка Александровского уезда Екатеринославской губернии.

1.1.2.8. 2. Матрона Андреева *1887 г. +1942 г. Государственная крестьянка с. Новоданиловки Бердянского уезда Таврической губернии.

М – Иоанн Андреев Дротанка *1887 г. +1970 г. Государственный крестьянин с. Малая Токмачка

Бердянского уезда Таврической губернии. Обвенчались в 1905 г.

Заключение

Таким образом, в данной работе мы отразили результаты историко-генеалогического исследования рода Проход в хронологических рамках конца XVIII – начала XX в. Для воссоздания родословной нами были привлечены архивные материалы и эго-документы, что и позволило достаточно подробно осветить историю изучаемого рода на протяжении практически двух столетий. К сожалению, как часто бывает в подобных исследованиях, не на все вопросы находят ответы в связи с отсутствием необходимых источников, но поиск не останавливается, и у нас есть перспективы для дальнейших изысканий в области генеалогии Проход.

История данного рода – это отражение истории, которая создавалась и творилась вокруг них, и они вольно или невольно становились ее частью, в которой легенды и мифы смешивались с реальностью, а дух «непокорных» и свободолюбивых предков жил в них и периодически направлял представителей рода на поиски лучшей доли, неважно, в чем она выражалась – в обретении большего количества земли или ощущении свободы.

По примеру своего легендарного предка – запорожца Проходьы, прошедшего от Карпат до Сечи, его потомки отправлялись в собственный путь. Это история не только людей, но и фамилий: Шкурки и Проходьы некоторое время существовали одновременно и равнозначно, но настало время – и Шкурки стали окончательно Проходами. В XX в. одному из сыновей Фомы Ивановича Проходьы – Федоту – пришлось сменить фамилию и стать Приходько ради спасения собственной семьи. Так, среди потомков большого рода возникла еще одна фамилия, что отражало все перипетии и сложности, в которых люди оказались, попав в жернова большой истории, и тем самым оказались вынуждены переписывать персональную и семейную историю. Легендарное оборотничество запорожских казаков обретало новый смысл в суровых реалиях XX столетия. Выявленная информация позволила осветить историю исследуемого рода достаточно объемно и представить ее в широкой канве событий, происходивших в стране в конце XVIII – начале XX в. Надеемся, что результаты окажутся полезными при проведении аналогичных исследований в области генеалогии, микроистории, а также истории Новороссии.

Материалы исследования

ГАЗО – Государственный архив Запорожской области.

Таврическая епархия 1887 – *Таврическая епархия* / [соч.] Гермогена, еп. Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков: тип. Губ. правл., 1887. [2], IV, 520 с., 1 л. табл. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Dobronravin/tavricheskaja-eparhija (дата обращения: 01.02. 2025).

Библиографический список

Проходьа 1967 – *Проходьа В.* Записки непокiрливого. Книга перша. В Україні. Історія національного усвідомлення, життя і діяльності звичайного українця. Торонто: Пробоем, 1967. 434 с.

Хелемендик-Кокот 1989 – *Хелемендик-Кокот А.* Колгоспне дитинство й німецька неволя. Спогади. Торонто, 1989. 360 с.

Астафьев, Годовова 2022 – *Астафьев Д.А., Годовова Е.В.* Особенности изучения генеалогии однодворческих родов XVIII в. (на примере рода Астафьевых) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2022. Т. 28, № 4. С. 24–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-24-32>. EDN: <https://elibrary.ru/jcmvys>.

Астафьев 2024 – *Астафьев Д.А.* Проходы из Таврической губернии: метаморфозы семейной истории на фоне бурных событий XX в. // Научный вестник Крыма. 2024. № 6 (52). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75140361>. EDN: <https://elibrary.ru/nrjsjw>.

Барина 2023 – *Барина Е.П.* Спорные вопросы генеалогии дворянского рода Племянниковых // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Второй Всероссийской с международным участием научной конференции историков и архивистов, Самара, 30–31 марта 2023 года / отв. ред. М.М. Леонов. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023. С. 390–401. DOI: <https://doi.org/10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-49>. EDN: <https://elibrary.ru/rbqjnp>.

Высоцкая 2022 – *Высоцкая Е.П.* Семья Сабо // Донской временник: Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом», 2022. С. 84–108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50260262>. EDN: <http://elibrary.ru/rhzkdu>.

Джафарова 2023 – *Джафарова О.В.* История одной фотографии: культура повседневности через призму генеалогии // Этнодиалоги. 2023. № 1 (70). С. 134–158. DOI: <http://doi.org/10.37492/ETNO.2023.70.1.009>. EDN: <https://elibrary.ru/oxmwiz>.

Добровольский 2022 – *Добровольский А.В.* История рода Добровольских: документы и материалы XIX–XX вв. // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: Воспитание как часть образовательного процесса: материалы XXXIII Международной научно-методической конференции, Новосибирск, 26 января 2022 года. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. С. 9–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49441557>. EDN: <https://elibrary.ru/mkgpta>.

История Новороссии 2017 – *История Новороссии* / отв. ред. В.Н. Захаров; Российское историческое общество; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с. URL: <https://iran.ru/publications/2916>.

Коваленко 2022 – *Коваленко Н.С.* Прошлое семьи Коваленко в контексте истории Закубанья (вторая половина XIX – начало XX в.) // История и обществознание. 2022. № 19. С. 54–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49519093>. EDN: <https://elibrary.ru/xgudmx>.

Макидонов 2021 – *Макидонов А.В.* История Днепровской линии. Новые документы и материалы (1770–1797). Запорожье: СТАТУС, 2021. 564 с. URL: <https://djuv.online/file/02BFgEWSLReh6>.

Медведева 2021 – *Медведева Н. А.* Священнический род Карамышевых на Урале // Православие на Урале: связь времен. 2021. № 10. С. 40–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54300029>. EDN: <https://elibrary.ru/evxnel>.

Наградов 2021 – *Наградов И.С.* Дом старообрядцев Скобелкиных: генеалогия, религиозная и хозяйственная жизнь владельцев, музеефикация здания // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время: сборник научных трудов межрегиональной научной конференции, Кострома, 02 декабря 2021 года. Кострома: Костромской музей-заповедник, 2021. С. 272–288. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48341779>. EDN: <https://elibrary.ru/wujvik>.

Нилогов 2023 – *Нилогов А.С.* Документальная реконструкция родословной Кызласовых // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4 (42). С. 103–114. DOI: <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-103-114>. EDN: <https://elibrary.ru/modsnk>.

Нилогов 2024 – *Нилогов А.С.* К генеалогии красноярских купцов Кузнецовых // Сибирский архив. 2024. № 1 (19). С. 56–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65578772>. EDN: <https://elibrary.ru/tgwsqv>.

Пахолкова 2024 – *Пахолкова Т.В.* Череповецкие купцы Митины (генеалогия) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2024. № 1 (32). С. 13–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65066463>. EDN: <https://elibrary.ru/vvggke>.

Петин 2021 – *Петин Д.И.* История омского рода Батюшкиных / Министерство культуры Омской области; Исторический архив Омской области. Омск: Типография «Золотой тираж», 2021. 140 с. ISBN 978-5-8042-0752-7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47464451>. EDN: <https://elibrary.ru/tjqzqr>.

Петин 2023 – *Петин Д.И.* Генеалогия омского рода Батюшкиных первой половины XIX в. по церковным актовым записям // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 58–64. DOI: <http://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-1-58-64>. EDN: <https://elibrary.ru/gdgrfv>.

Преображенская 2023 – *Преображенская Т.Н.* Метрические книги как источник информации в генеалогии дворянского рода Кудрявцовых // Эхо веков. 2023. № 3. С. 69–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59060448>. EDN: <https://elibrary.ru/moуууу>.

Степанов 2024 – *Степанов И.В.* Горнозаводская династия Слатиных // Сибирский архив. 2024. № 1 (19). С. 76–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65578774>. EDN: <https://elibrary.ru/dkwaoo>.

Сысуев 2024 – *Сысуев Д.А.* Священники Покровские и дворяне Струйские: к генеалогии духовенства Инсарского уезда // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 1. С. 46–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65621306>. EDN: <https://elibrary.ru/jsqgzc>.

References

Prohoda 1967 – *Prohoda V.* (1967) Notes of a rebellious man. Book One. In Ukraine. The history of national consciousness, life and activities of an ordinary Ukrainian. Toronto: Proboem, 434 p. (In Ukrainian).

Helemendik-Kokot 1989 – *Helemendik-Kokot A.* (1989) *Kolkhoz Farm Childhood and German Slavery. Memoirs.* Toronto, 360 p. (In Ukrainian).

Astafiev, Godovova 2022 – *Astafiev D.A., Godovova E.V.* (2022) Features of the study of the genealogy of odnodvortsy families of the XVIII century (on the example of the Astafievs family). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 4, pp. 24–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-24-32>. EDN: <https://elibrary.ru/jcmvvs>. (In Russ.)

Astafiev 2024 – *Astafiev D.A.* (2024) The Prohods from the Tauride province: metamorphoses of family history against the background of stormy events of the XX century. *Scientific Bulletin of the Crimea*, no. 6 (52). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75140361>. EDN: <https://elibrary.ru/nrjsjw>. (In Russ.)

Barinova 2023 – *Barinova E.P.* (2023) Controversial issues of genealogy of the noble family of Plemynnikovs. In: *Leonov M.M. (ed.) Historical science and archives in the XXI century: Materials of the Second All-Russian with international participation scientific conference of historians and archivists, Samara, March 30-31, 2023.* Samara: ООО «SAMARAMA», pp. 390–401. DOI: <https://doi.org/10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-49>. EDN: <https://elibrary.ru/rbqjnp>. (In Russ.)

Vysotskaya 2022 – *Vysotskaya E.P.* (2022) The Sabo Family. In: *Don chronicle: Regional almanac.* Rostov-on-Don: ООО «Donskoi izdatel'skii dom», pp. 84–108. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50260262>. EDN: <http://elibrary.ru/rhzhkdu>. (In Russ.)

Dzhafarova 2023 – *Dzhafarova O.V.* (2023) The story of one photo: the Culture of everyday life through the prism of genealogy. *Etnodialogi*, no. 1 (70), pp. 134–158. DOI: <http://doi.org/10.37492/ETNO.2023.70.1.009>. EDN: <https://elibrary.ru/oxmwiz>. (In Russ.)

Dobrovolsky 2022 – *Dobrovolskiy A.V.* (2022) The history of the family Dobrovolsky: documents and materials from the XIXth and XXth centuries. In: *Current issues of high school modernization: Education as a part of the educational process: Proceedings of the XXXIII International research and methodological conference, Novosibirsk, January 26, 2022.* Novosibirsk: Sibirskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, pp. 9–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49441557>. EDN: <https://elibrary.ru/mkgpta>. (In Russ.)

History of Novorossia 2017 – *Zakharov V.N. (ed.)* (2017) *History of Novorossia.* Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 864 p. Available at: <https://iriran.ru/publications/2916>. (In Russ.)

Kovalenko 2022 – *Kovalenko N.S.* (2022) The past of the Kovalenko family in the context of the history of Trans-Kuban region (second half of the XIX – early XX century). *Istoriya i obshchestvoznaniye*, no. 19, pp. 54–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49519093>. EDN: <https://elibrary.ru/xgudmx>. (In Russ.)

Makidonov 2021 – *Makidonov A.V.* (2021) History of the Dnieper line. New documents and materials (1770–1797). Zaporozhe: STATUS, 564 p. Available at: <https://djvu.online/file/02BFgEWSLReh6>. (In Russ.)

Medvedeva 2021 – *Medvedeva N.A.* (2021) The priestly family of the Karamyshevs in the Urals. *Orthodoxy in the Urals: the Connection of Times*, no. 10, pp. 40–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54300029>. EDN: <https://elibrary.ru/evxnel>. (In Russ.)

Nagradov 2021 – *Nagradov I.S.* (2021) House of Old Believers Skobelkin: genealogy, religious and economic life of the owners, transformation of a house into a museum. In: *Kostroma region and adjacent territories in Ancient Times, the Middle Ages and in Modern Times: collection of scientific papers of the interregional scientific conference, Kostroma, December 02, 2021.* Kostroma: Kostromskoi muzei-zapovednik, pp. 272–288. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48341779>. EDN: <https://elibrary.ru/wujvik>. (In Russ.)

Nilogov 2023 – *Nilogov A.S.* (2023) Documentary reconstruction of the Kyzlasov family tree. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 4 (42), pp. 103–114. DOI: <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-103-114>. EDN: <https://elibrary.ru/modsnk>. (In Russ.)

Nilogov 2024 – *Nilogov A.S.* (2024) To the genealogy of the Krasnoyarsk merchants Kuznetsov. *Sibirskii arkhiv*, no. 1 (19), pp. 56–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65578772>. EDN: <https://elibrary.ru/tgwsvq>. (In Russ.)

Pakholkova 2024 – *Pakholkova T.V.* (2024) The Mitins, Cherepovets merchants (genealogy). *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, no. 1 (32), pp. 13–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65066463>. EDN: <https://elibrary.ru/vvggke>. (In Russ.)

Petin 2021 – *Petin D.I.* (2021) History of the Omsk Batyushkin family. Omsk: Tipografiya «Zolotoi tirazh», 140 p. ISBN 978-5-8042-0752-7. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47464451>. EDN: <https://elibrary.ru/tjzqcr>. (In Russ.)

Petin 2023 – *Petin D.I.* (2023) Genealogy of the Omsk Batyushkins family in first half of the 19th century according to church records. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, vol. 8, no. 1, pp. 58–64. DOI: <http://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-1-58-64>. EDN: <https://elibrary.ru/gdgrfv>. (In Russ.)

Preobrazhenskaya 2023 – *Preobrazhenskaya T.N.* (2023) Metric books as a source of information in the genealogy of the noble family of the Kudryavtsovs. *Echo of Centuries*, no. 3, pp. 69–76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59060448>. EDN: <https://elibrary.ru/moyyye>. (In Russ.)

Stepanov 2024 – *Stepanov I.V.* (2024) Slatins mining dynasty. *Sibirskii arkhiv*, no. 1 (19), pp. 76–93. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65578774>. EDN: <https://elibrary.ru/dkwaoo>. (In Russ.)

Sysuev 2024 – *Sysuev D.A.* (2024) Pokrovsky priests and Struysky nobles: to the genealogy of the clergy of the Insar district. *Center and Periphery*, vol. 19, no. 1, pp. 46–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65621306>. EDN: <https://elibrary.ru/jsqgzc>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).08

Дата поступления: 26.01.2025
рецензирования: 28.02.2025
принятия: 02.06.2025**Идея свободы совести в воззрениях либеральных легалистов в Российской империи: от теории к практике. Вторая половина XIX – начало XX века****Д.В. Рыбин**Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация: В Российской империи во второй половине XIX века определенную остроту приобрели вопросы свободы совести и вероисповедания. Полнотой свободы пользовались православные, а также с определенными ограничениями отдельные крупные неправославные конфессии. В то же время ряд крупных религиозных групп и все секты подвергались в большей или меньшей степени различным стеснениям. Особенно эта дискриминация, сопровождаемая наступлением на религиозные права, усилилась в 1880–1890-е годы. Такая политика встречала протест со стороны либеральной интеллигенции России. Ее лидеры в один голос категорически настаивали на немедленном уравнивании прав всех религиозных групп. Причем они исходили не только из европейских представлений о правах человека, но и из принципа разумности. Предполагали, что уравнивание прав, христианская проповедь помогут стабилизировать общественную сферу и построить более справедливое общество. Государство игнорировало эти идеи и продолжало усиливать наступление на права религиозных групп. Это не устраивало многих, в том числе либеральных юристов. Большинство из них можно считать консервативными либералами – легалистами, сторонниками монархической законности при соблюдении прав человека. Свободу совести они считали базовым правом человека. Это обусловило их высокую активность по защите этого права. В нашем исследовании мы изучаем практики легалистского движения, рассматриваем инструменты воздействия на высшую власть для расширения применения свободы совести в империи. Рассматривая легализм, мы выбрали в качестве основного метода хронологический подход, постаравшись проследить эволюцию поведения легалистов от научного обоснования до судебной защиты свободы совести. Такая реконструкция в отношении легалистского движения проводится впервые и вносит вклад в историческое знание. Можно сформулировать ряд выводов. Легалисты, восприняв полноту принципа свободы совести, изо всех сил в законном поле старались их реализовать. Основной способ такой реализации они видели только в использовании судебной власти. С помощью Сената им удалось отчасти затормозить массовые репрессии, которые государство развязывало против непокорных конфессий и сектантов, не желавших принять православие.

Ключевые слова: легалисты; Сенат; А.Ф. Кони; К.К. Арсеньев; Б.Н. Чичерин; свобода совести; свобода вероисповедания; РПЦ.

Цитирование. Рыбин Д.В. Идея свободы совести в воззрениях либеральных легалистов в Российской империи: от теории к практике. Вторая половина XIX – начало XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 42–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-42-51>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рыбин Д.В., 2025

Данил Вячеславович Рыбин – кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я Линия В. О., 19, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 26.01.2025
Revised: 28.02.2025
Accepted: 02.06.2025**The idea of freedom of conscience in the views of liberal legalists in the Russian Empire: from theory to practice. Second half of the XIX – early XX century****D.V. Rybin**Saint Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract: In the Russian Empire in the second half of the XIX century, issues of freedom of conscience and religion became a matter of some urgency. Orthodox Christians enjoyed complete freedom, as did some large non-Orthodox denominations with certain restrictions. At the same time, a number of large religious groups and all sects were subjected to various restrictions to a greater or lesser extent. This discrimination, accompanied by an attack on religious rights,

especially intensified in the 1880-ies and 1890-ies. This policy was met with protest from the liberal intelligentsia of Russia. Its leaders unanimously insisted on the immediate equalization of the rights of all religious groups. Moreover, they proceeded not only from European ideas about human rights, but also from the principle of reasonableness. They assumed that the equalization of rights and Christian preaching would help stabilize the public sphere and build a more just society. The state ignored these ideas and continued to intensify the attack on the rights of religious groups. This did not suit many, including liberal lawyers. Most of them can be considered conservative liberals – legalists, supporters of monarchical legality while respecting human rights. They considered freedom of conscience to be a basic human right. This determined their high activity in protecting this right. In our study, we study the practices of the legalist movement, consider the tools of influence on the highest power to expand the use of freedom of conscience in the empire. Considering legalism, we chose the chronological approach as the main method, trying to trace the evolution of the behavior of legalists from scientific justification to judicial protection of freedom of conscience. Such a reconstruction in relation to the legalist movement is carried out for the first time and contributes to historical knowledge. A number of conclusions can be formulated. Legalists, having perceived the fullness of the principle of freedom of conscience, tried with all their might, in the legal field, to implement them. They saw the main way of such implementation only in the use of judicial power. With the help of the Senate, they managed, in part, to slow down the mass repressions that the state unleashed against rebellious confessions and sectarians who did not want to accept Orthodoxy.

Key words: legalists; Senate; A.F. Koni; K.K. Arsenyev; B.N. Chicherin; freedom of conscience; freedom of religion; Russian Orthodox Church.

Citation. Rybin D.V. The idea of freedom of conscience in the views of liberal legalists in the Russian Empire: from theory to practice. Second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 42–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-42-51>. (In Russ.)

Information on conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Rybin D.V., 2025

Danil V. Rybin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, director, Saint Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), letter A, 19, 10th Line of the Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Российская государственность представляла собой сложную поликонфессиональную общность. Государство законодательно ограничило в правах деятельность иных конфессий на территории страны, последние дифференцировались на «терпимые признанные» и «терпимые непризнанные». Активность «терпимых признанных» религий (католическая, протестантская, иудейская, мусульманская и другие) была строго регламентирована, существовал прямой запрет на их миссионерскую и пропагандистскую деятельность на территории Российской империи. «Терпимые непризнанные» (старообрядцы, некоторые секты) в правовом поле вообще «не существовали». «Совращение» православного в иную религию наказывалось уголовной ответственностью, вплоть до ссылки на каторгу до 10 лет (Уложение 1869, с. 54, 55). В случае если православные родители воспитывали своих детей не в православной вере, то эти действия квалифицировались как преступление. Детей в этом случае забирали от отца и матери и передавали в православную семью (статья 190 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее УН)) (Уложение 1869, с. 56). Православный подданный, отрекшийся от веры, поражался в правах (статья 185 УН) (Уложение 1869, с. 55). В Российской империи отсутствовала свобода совести и существовала формальная свобода вероисповедания.

Одновременно с этими процессами власть проводила политику русификации в национальных окраинах Российской империи – Западном крае (Прибалтика, Польша, Белоруссия, Западная Украина). Русификация шла по пути расширения влияния православной церкви и ограничения религиозных свобод местных конфессий. Последнее

провоцировало конфликты между религиозными группами, между администрацией и «местными религиями». Многие новообращенные формально числились православными, а, по внутреннему убеждению, были лютеранами, униатами, католиками или сектантами. Через множество инструментов государство преследовало фиктивных православных за малейшие попытки отступления от веры. В итоге сформировались сотни тысяч подданных враждебно настроенных к государству [Кодинцев, Рыбин 2024, с. 103–168].

Все это привело к тому, что вопрос о свободе совести в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. был одним из наиболее болезненных и актуальных в общественно-политической повестке дня [Дорская 2001 б, с. 70].

Российская интеллигенция рефлексировала на такие неутешительные результаты государственно-церковной политики и вырабатывала подходы для выхода из кризиса. Государственно-церковный вопрос привлек внимание группы российских либеральных легалистов¹ рубежа XIX–XX вв. (они себя называли «люди правового порядка»). Либеральные легалисты (в большинстве своем юристы) в практической деятельности не просто сталкивались с «религиозными делами», а зачастую были с головой погружены в церковное право и религиозную догматику, рассматривая в Сенате дела по старообрядцам и сектам разных видов. Сформировалась группа опытных специалистов по «религиозным делам». К последним мы можем отнести

¹ Умеренные легалисты – политизированная часть российских юристов второй половины XIX – начала XX в., группа внутри консервативно-либерального движения, участвующая в переустройстве империи в правовое государство.

К.К. Арсеньева, А.Ф. Кони, А. Стаховича, Е.Н. Трубецкого, Н.С. Таганцева и других.

В нашем исследовании мы изучаем практики легалистского движения, рассматриваем инструменты воздействия на высшую власть для расширения применения свободы совести в империи.

В советское время тема была на периферии интересов ученых. Можно привести пример работ М.Н. Курова [Куров 1981, с. 252–273]. В современной науке существует немало исследователей, занимающихся изучением борьбы за реализацию свободы совести в империи. В 1990-е годы освободившиеся историки описывали историю реализации свободы совести в России в начале XX века. В тот момент ведущим исследователем свободы совести стала А.А. Дорская. Ученый в своих исследованиях подробно разобрала проблему реализации свободы совести в России в начале XX века (Дорская 2001 а).

В новом веке интерес к теме усилился. Количество исследований быстро растет. Приведем в хронологическом порядке те диссертации, которые вышли за последние 30 лет. В диссертации В.Ю. Багдасарова свобода совести была вписана в общий контекст применения прав человека в доктринах русских либералов (Багдасаров 1995). Ему вторил С.Б. Глушаченко, который разобрал позиции российских юристов по вопросу свободы совести на рубеже XIX и XX веков (Глушаченко 2000). Н.В. Шингарева разобрала вопрос об участии полиции в реализации принципа свободы совести после 1906 года (Шингарева 2006). На данном этапе исследования увенчались объемным трудом А.А. Сафонова (Сафонов 2008).

В 2010-х годах количество диссертаций резко сократилось. Например, можно выделить работу В.В. Андрощук, которая раскрыла систему религиозных преступлений в империи на рубеже веков (Андрощук 2015). В 2013 году А.Ю. Бендин защитил докторскую диссертацию по проблемам веротерпимости в Литве и Белоруссии (Бендин 2013). Тем не менее общее количество работ по свободе совести остается значительным до настоящего момента.

Сформировавшиеся исследователи и молодые ученые выполняют свои исследования в рамках нескольких тем. Немалый вклад в разработку проблемы свободы совести в поздней империи сыграли исследования А.А. Сафонова [Сафонов 2014 а; Сафонов 2023 б]. Много страниц он посвятил противостоянию неправославных конфессий государству. Большой блок работ посвящен анализу правовых актов по свободе совести в начале XX века. Так, Н.В. Потапова [Потапова 2010] и А.Ю. Бендин проводят исследования по этой теме [Бендин 2004 а; Бендин 2012 б; Бендин 2021 в].

Проблемам свободы совести по ряду конфессиональных групп империи была посвящена монография (фактически сборник статей) профессора П. Верта. В ней он подробно разобрал государственную конфессиональную политику в XIX –

начале XX вв. [Верт 2012]. Выпуск книги породил дискуссию среди современных ученых о природе этих взаимоотношений [Полунов, Запальский, Бендин и др. 2013].

С этими работами коррелируют исследования о правоприменительной практике государства при реализации законов о свободе совести. В.В. Андрощук посвящает много публикаций проблемам правоприменительной практики при применении свободы совести в 1907–1917 гг. [Андрощук 2016; Андрощук 2014 а]. Уголовно-правовой аспект затронут в труде К.В. Петухова [Петухов 2015]. Также принятие законов и их правовая реализация разработана в работе группы исследователей во главе с Н.В. Шингаревой [Михайлова, Журов, Колыхалов, Шингарева 2008].

Есть очень немного работ о вкладе либералов в разработку законодательных актов о свободе совести (кроме А.А. Дорской и отдельных авторов). Идеологическая разработка и дискуссии о внедрении свободы совести в империи являются слабой частью современной историографии. В работе А.С. Тумановой многие теоретические рассуждения либералов не получили рассмотрения, пропущены К.К. Арсеньев, А.Д. Градовский и пр. [Туманова, Киселев 2011].

Среди последних работ можно выделить исследование М.И. Одинцова и А.С. Кочетова. В нем комплексно проанализирована история борьбы за и против свободы совести в России в 1890–1920-е годы. Несмотря на несколько очерковедческий характер работы, в ходе которого теряется глубина исследования, авторы осветили основные проблемы, связанные с рассматриваемыми ими темами. Взяв большую тему, авторы были вынуждены, например, пропустить роль легалистов и других политических групп в становлении свободы совести в России. В частности, они не упомянули многих авторов, дискутировавших о свободе совести и пр. [Одинцов, Кочетова 2023].

Что интересно, в большинстве работ авторы не упоминали об идеологической подготовке с переходом к свободе совести со стороны ведущих либералов, не показывали накал страстей в прессе по вопросу о свободе совести, не анализировали работу комиссий по указанным проблемам. Во многих работах, особенно юридических, без конца переписываются одни и те же тексты правовых актов в сфере свободы совести.

В числе прочих исследований можно также выделить несколько дополнительных работ [Рыбин 2021 а; Рыбин 2022 а; Рыбин 2022 б; Рыбин 2022 в; Козинцев, Рыбин 2024].

Либеральные юристы о свободе совести

Вопрос о реализации свободы совести для либеральных юристов был чрезвычайно важным. Так, Д.В. Аронов указывает, что основоположник легализма Б.Н. Чичерин отводил свободам личности центральное место в будущем конституционном государстве. Б.А. Кистяковский ставил

свободу совести на первое место в системе прав человека. Ряд прав личности он выводил из свободы совести, считая ее первичной по отношению к другим свободам. Ему вторил М.М. Ковалевский, который также ставил свободу совести на первое место. Внедрение свободы совести они могли рассматривать только как акт, инициированный государством [Аронов 2005, с. 137, 141, 145, 151].

В 1855 году Борис Николаевич Чичерин объявил в своей работе «Современные задачи российской жизни» свободу совести «первым и священным правом гражданина». Он призывал снять все ограничения со старообрядцев и иудеев [Политические институты... 2008, с. 207]. Исповедуя идеи охранительного либерализма, ученый прямо представлял, что начало свободы можно примирить с началом власти. Сильное государство якобы должно (!) предоставить обществу самостоятельность и обеспечить права граждан, «охраняющие свободы мысли и свободу совести» [Либерализм... 2016, с. 272]. По крайней мере, в вопросах свободы совести Чичерин был последовательным. Он никогда не отказывался от идеи полной свободы и невмешательства государства в эту сферу. Право только создает границы, внутри которых человек делает все, что сочтет нравственным или нет [Валицкий 2012, с. 182–183].

А.М. Бобрищев-Пушкин, в 1896–1900 гг. работая председателем Санкт-Петербургского окружного суда, товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента, написал серьезное научное исследование, посвященное раскольникам и сектантам. Данный труд представлял собой руководство для судебных деятелей, рассматривающих религиозные дела. В этой работе автор делился своим богатым практическим опытом по делам о старообрядцах и сектантах. К.К. Арсеньев во время службы в Министерстве юстиции в конце 1850-х годов работал со значительным количеством уголовных дел, которые были вызваны нарушением постановлений о расколе, участвовал в подготовительных работах по вопросу о способах доказательства раскольниками прав по происхождению и имуществу. Работая адвокатом, выступал защитником по «раскольничьим делам». С 1880 по 1904 год К.К. Арсеньев опубликовал в «Вестнике Европы» (одном из основных печатных изданий легалистов) ряд статей о религиозных свободах, которые он впоследствии свел в сборник. В них Арсеньев не рассуждал о сущности свободы совести. Статьи были полемические. Известный юрист рассуждал о свободе вероисповеданий как самодостаточной ценности и, главным образом, критиковал тех, кто выступал против ее введения. Подробно описал преследования различных религиозных групп населения в конце XIX века. Арсеньев надеялся на освобождение РПЦ от связи с государством (Арсеньев 1905).

В 1882 году Арсеньев выступил в Вестнике Европы со значимым заявлением – «Программой русских либералов». По данным Н. Хайловой,

Арсеньев предлагал свободу совести выдвинуть на первый план в будущих преобразованиях [Российский либерализм... 2018, с. 537]. Легалист К.Д. Кавелин в 1881 году настаивал, что первым шагом царя Александра III должно было стать «дарование свободы совести и религиозного культа» [Либерализм... 2016, с. 622].

Неопределенным оставался вопрос о понятии свободы совести. В научной литературе можно встретить дискуссии на предмет разграничений понятий свободы вероисповедания и свободы совести. Представляется необходимым определить, какое содержание в эти понятия вкладывали ученые, публицисты и политики в конце XIX века. Свобода вероисповедания и свобода совести воспринимались в рассматриваемый период как одно и то же понятие, но между ними проводилось некоторое различие (правда, авторы отмечали, что искусственное) (Арсеньев 1905, с. 9–10). Под свободой вероисповедания подразумевалось исключительно совокупность прав, предоставленных давнишним последователям одного из признанных государством вероучений. Это предполагало право строить церкви, иметь свое духовенство, иметь свои религиозные заведения и т. д. Под содержанием понятия свободы совести понималось право исповедовать только то, чему действительно веришь. Авторы отмечали, что свобода совести немыслима, пока в законодательстве существует понятие «отпадение от веры», пока принадлежность к господствующей религии определялась раз и навсегда, рождением в ее среде или актом присоединения к ней, даже не сознательным (Арсеньев 1905, с. 9–10).

Либеральные легалисты стремились добиться в Российской империи подлинной свободы совести. Они выступали, с одной стороны, против религиозного принуждения и дискриминации иноверцев, а с другой стороны, за возможность православных «отпадать» от господствующей религии. Либеральные юристы аргументировали свою позицию тем, что регламентация государством свободы совести – это регулирование условий психической жизни человека, сопоставимое со свободным дыханием, свободным биением сердца человека в сфере физиологической жизни (А.Ф. Кони) (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 14). Сторонники правового порядка обращали внимание противной стороны, что непрочно и обманчиво единство, достигаемое предписаниями и запретами, и просили помнить, что в области религии более чем где-либо драгоценны искренность и непринужденность (К.К. Арсеньев).

Легалисты пытались рационально доказать бессмысленность запрета со стороны государства перехода православного в иную веру. Они условно допускали запрет перехода в католичество или лютеранство как переход во враждебный лагерь (недружелюбный государству). Однако искренне недоумевали, чем оправдывается запрет на переход в раскол или одну из ересей, которые возникли

на русской почве (за исключением безнравственных учений). Легалисты указывали оппонентам из консервативного лагеря на российскую историю, которая подтверждала, что на протяжении 200 лет принадлежность к расколу совместима с преданностью Отечеству и монарху; а молокане, духоборцы, баптисты, пашковцы, штундисты не представляют опасности для целостности и безопасности российской государственности (Арсеньев 1905, с. 10).

Легалисты «видели» в современном им обществе расшатанность и упадок искренних религиозных верований и связывали это обстоятельство с отсутствием в стране свободы совести. Они отмечали значительный запрос многонационального населения империи на здоровую духовную жизнь, которую сковывала современная им государственно-церковная политика (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 1). Либеральные юристы рассматривали социально-экономические и культурные проблемы страны и общества как производное от деформации духовной жизни народа (отсутствия полной свободы совести).

Легалисты отстаивали свободу совести не только в интересах личности (свободы духовной жизни человека), но и государства (здоровой государственной жизни). Так, они отмечали, что свобода совести не разрушит (как говорили консерваторы), а напротив, укрепит стройность государственно-го управления. Развивая этот тезис, либеральные юристы обращали внимание, что в рассматриваемый период существовало формальное (вынужденное) единство официального вероисповедания. А предоставление реальной свободы совести обеспечит единство и силу внутреннего религиозного духа населения как важнейшей независимой опоры нравственности, то есть фундамента общественного строя. Множество возможных церквей обеспечит, по их мысли, более эффективное единство искренней веры как опору здорового социального строя, нежели в одной внешней силе (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 15). Разнообразие свободных религиозных практик лишит духовный вопрос остроты, что станет основой для гражданского единения в стране.

Либеральные юристы, анализируя историю ряда европейских стран, вспоминали о религиозных войнах, через которые прошли, например, Франция, Англия, Нидерланды, Испания, Австрия, они обращали внимание, что эти конфликты были вызваны, как правило, тем, что часть населения отпадала от веры, которая до этого господствовала (Арсеньев 1905, с. 16). Сторонники «правового порядка» требовали четкого оформления в законодательном акте личных свобод.

Защита неправославных исповеданий

«Люди правового порядка» изучали государственно-церковную политику в западных губерниях, где нарастали процессы обрусения населения через усиление влияния РПЦ. Последняя, по вы-

ражению А.Ф. Кони, служила в «западном крае» орудием и знаменем русификации (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 2). Государство направило кадровые и финансовые ресурсы на обращение населения в «первенствующую и господствующую» веру. Ассигновывались суммы на постройку новых церквей, отбирали у католиков храмы и превращали их в православные церкви, духовенству было назначено постоянное (усиленное) содержание, должности на государственной службе могли занимать только православные или «верные некаатолики», землевладельцы и домовладельцы католики были обязаны платить особый контрибуционный сбор и т. д. (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 2, 3). РПЦ в Западном крае превратилась не просто в господствующую религию, а стала могущественной общественной и политической силой. Результаты этой политики были неутешительными для власти и РПЦ, число «упорствующих» в западных губерниях увеличивалось (по данным Священного Синода): в 1895 г. их было 73 175, 1896 г. – 77 000, а в 1897 г. – 83 000 человек (Арсеньев 1905, с. 230). В этой связи легалисты вновь предлагали предоставить всем подданным империи свободу совести. По их мнению, если бы у «упорствующих» была бы возможность примкнуть официально и открыто к той церкви, к которой они принадлежат душой и сердцем, отношение их к православию изменилось бы к лучшему. Не было бы поводов для постоянного уклонения от встреч и бесед с православным духовенством, а для последнего открылась бы возможность воздействовать своим примером, общением, убеждениями на «упорствующих».

Легалисты как могли упорно защищали права малых религиозных групп. Примером здесь может служить деятельность А.Ф. Кони. Кони, работая обер-прокурором уголовно-кассационного департамента Сената, стал специалистом по «религиозным делам». Наглядным здесь представляется дело пастора Гримм. Кони на всех этапах рассмотрения «дела Гримма» консультировал судей разных инстанций, а в итоге сумел переубедить министра юстиции Н.А. Манасеина. Пастор Гримм изначально был приговорен к ссылке за соращение в иную веру. «Отбив» Гримм в Сенате, Кони создал судебный прецедент и предотвратил дальнейшие преследования пасторов в Прибалтийском крае [Рыбин 2021 а, с. 29–35].

Анатолий Федорович Кони выступил защитником штундистской церкви и униатов на Украине и в Польше. В конкретных делах Кони, Н.С. Таганцев, В.К. Случевский и другие легалисты «отбивали» штундистских сектантов от уголовных преследований. Через множество каналов влияния местная администрация, мировая юстиция и МВД преследовали «оправославленных» униатов, пытавшихся вернуться к старой вере. Неизбежно их судебные споры должны были дойти до Сената. Кони через манипуляции, воздействуя на министра юстиции Н.А. Манасеина, удалось притормозить преследо-

вание фиктивных «православных» в Привислинском крае, добиться принятия Сенатом решений в пользу униатов [Андрощук 2016; Рыбин 2022 б; Рыбин 2022 в].

Следующим объектом защиты стали старообрядцы. Нарушался закон от 3 мая 1883 года «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Закон им разрешил в том числе совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях. Однако местная администрация в губерниях стала рассматривать собрание верующих для молитвы в частном доме как устройство особо предназначенного для этого здания, которое влечет уголовную ответственность, если не было согласовано с местной властью. Такие «дела о молельнях», как правило, заканчивались в апелляционной инстанции обвинительным приговором. Первым делом «о молельнях», которое дошло до Сената, стало «дело Рябинина» (1883). Кони выступил с обер-прокурорским заключением, сенаторы согласились с его правовой позицией и отменили приговор Казанской судебной палаты. Другое пример приводил К.К. Арсеньев. В 1894 году возник вопрос о возможности непризнания брака, заключенного православным сектантом, незаконным. Опять-таки с подачи А.Ф. Кони Сенат подтвердил законность такого брака (о законности таких браков Анатолий Федорович впоследствии написал небольшую статью) (Арсеньев 1905, с. 61–141; Рыбин 2021 б).

Ужесточение вероисповедной политики в 1880–1890-е годы было многообразным и проходило по многим направлениям. Например, были введены законы об ответственности за совершение треб для православных раскольниками и иносвященниками (1889, 1893); усиливались наказания за допущение публичных еврейских богомолений в не установленных для того местах (1892) и пр. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1330. Л. 25–27).

Кони активно защищал старообрядцев в 1897–1900 гг., работая сенатором Уголовно-кассационного департамента, и продолжал это делать в Общем собрании Сената после 1900 года. Так, 17.11.1900 была рассмотрена жалоба 33 крестьян на распоряжение архангельского губернского правления о закрытии Малоархангельской раскольничьей молельни. 35 из 40 сенаторов постановили – распоряжение отменить. 15.12.1900 рассмотрена жалоба группы меннонитов на определение 2-го Департамента Сената по делу о поземельном устройстве. Кони выступил за отмену ограничения, наложенного на сектантов, но его поддержали 13 сенаторов, выступили против 19 (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2417. Л. 62–76, 71).

Учитель Кони – Б.Н. Чичерин – активно защищал сектантов. Например, в 1899 году возникло «дело постников» Антипа и Петра Колесниковых, хлыстов из Кирсановского уезда. Чичерин был вызван в качестве свидетеля, но в Тамбовский окружной суд его в таком качестве к слушанию дела не

допустили. Чичерин боролся за права хлыстов до своей смерти в 1904 году (РО РГБ. Ф. 334. Картон 17. Д. 9).

Еще одним объектом защиты был иудаизм. Наиболее активно эту религию защищал Б.Н. Чичерин. Известные его пламенные статьи в защиту иудеев в 1890-е годы. В стенах Сената права иудеев защищала группа легалистов во главе с Кони. Когда возникали дела о раввинах, либеральные сенаторы всегда голосовали за защиту веры. Например, за отмену постановлений, запрещающих раввинов к служению (решение от 24.01.1903). По делу мещанина Рывкина, перешедшего из иудаизма в раскол, – на отказ записывать рожденных от брака детей в раскольнические метрические книги сенаторы голосовали в поддержку Рывкина. 30.05.1903 Общее собрание Сената рассмотрело жалобу мещанина Пинкаса Оксмана на определение 1 Департамента Сената о непризнании за ним права на занятие должности раввина. 18 сенаторов постановили определение отменить, 9 – оставить без последствий.

Также Сенат защищал верующих-мусульман. 28.03.1903 была рассмотрена жалоба уполномоченного Пишпекского мусульманского общества купца Исхака Даулбаева на Семиреченское областное правление за закрытие в городе Пишпек 4-й мечети и неутверждение выбранных мусульманским обществом мулл. 27 сенаторов (и Кони) постановили отменить постановление Семиреченского облуправления (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2417. Л. 62–76, 71; Д. 2418, Л. 41; Д. 2420, Л. 3, 42, 60).

В 1900–1906 годах, будучи сенатором 1 общего собрания Сената, Кони участвовал в коллективном обсуждении жалоб на административные меры, принимаемые в отношении разных религиозных групп. В составе группы единомышленников-легалистов (около 12 сенаторов) он всегда голосовал за восстановление принципа свободы вероисповедания и свободы совести, когда такой вопрос вставал на заседании Общего собрания [Рыбин 2022 а, с. 77].

Выводы

Либеральные легалисты рассматривали введение реальной свободы вероисповедания как основу здоровой государственной жизни, как почву для сплочения поликонфессионального населения огромной Российской империи. По их мнению, консолидация населения в рамках российской государственности возможна была только в союзе свободных и равноправных граждан, живущих полноценной нравственной жизнью, что невозможно без отмены вынужденного единства официального исповедания.

Восприняв европейские идеалы свободы совести, российские юристы проработали их, адаптировали к российскому обществу и ожидали от государства, что оно само добровольно пойдет на

уравнение православия с другим религиями и сектами. Ожидание затянулось. Однако легалисты не унывали и как могли боролись за права иноверцев. Будучи частью юридической корпорации России, легалисты не только занимались пропагандой, но и через Сенат сопротивлялись реализации негативной политики государства в конфессиональной сфере. Им удалось с помощью сенатских актов нейтрализовать многие антисектантские законы, принятые в XIX веке.

Российские либералы во второй половине XIX века много сделали для внедрения идеи свободы совести в сознание подданных империи. На своих постах (чиновничьих, судебных и университетских) они боролись за соблюдение прав и уравнение статуса неправославных религиозных групп с православными верующими. Ожидания либералов и иноверцев, как казалось, сбылись в годы Первой русской революции, когда император издал несколько манифестов о свободе вероисповедания.

Материалы исследования

Андрощук 2015 – *Андрощук В.В.* Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.

Арсеньев 1905 – *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. Санкт-Петербург, 1905. 292 с.

Багдасаров 1995 – *Багдасаров В.Ю.* Права человека в Российской правовой мысли второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995.

Бендин 2013 – *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Глушаченко 2000 – *Глушаченко С.Б.* Русские юристы второй половины XIX – начала XX веков о правах личности и правовом государстве: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000.

Дорская 2001 а – *Дорская А.А.* Проблема законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX века: дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001.

РГИА – *Российский государственный исторический архив.*

РО РГБ – *Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.*

Сафонов 2008 – *Сафонов А.А.* Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2008.

Уложение 1869 – *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.* С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. Санкт-Петербург, 1869.

Шингарева 2006 – *Шингарева Н.В.* Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. – феврале 1917 г. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

Библиографический список

Андрощук 2016 – *Андрощук В.В.* Противодействие религиозным преступлениям, посягающим на господствующее положение православной церкви в Российской империи конца XIX в. (на примере секты штундистов) // Управление экономическими системами. 2016. № 3 (15). С. 61–65. URL: <https://publications.hse.ru/articles/195086850>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26702515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmqpbq>.

Андрощук 2014 а – *Андрощук В.В.* Расширение сферы свободы вероисповеданий в Уголовном Уложении Российской империи 1903 г. // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 15–18. URL: <https://publications.hse.ru/articles/137832486>; <https://old.lawinfo.ru/catalog/6653/7140/4>.

Андрощук 2014 б – *Андрощук В.В.* Судебная защита права на свободу вероисповедания в законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Академии права и управления. 2014. № 35. С. 65–72. URL: <https://publications.hse.ru/articles/132504315>; https://pravo.hse.ru/data/2014/12/14/1103508194/2014-Андрощук_Судебная%20защита%20права%20на%20свободу%20вероисповедания.pdf.

Аронов 2005 – *Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). Москва, 2005. 413 с. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/literatura/aronov_d_v_zakonotvorcheskaya_deyatelnost_rossiyskih_liberalov_v_gosudarstvennoy_dume_1906_1917_.pdf.

Бендин 2004 а – *Бендин А.Ю.* Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 113–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42915547>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dcllyit>.

Бендин 2012 б – *Бендин А.Ю.* Конфессиональная политика в Северо-Западном крае Российской империи: 1863–1914 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 3–20. URL: <https://journal.tversu.ru/index.php/history/article/view/3718>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18039003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/petleb>.

Бендин 2021 в – Бендин А.Ю., Аринин Е.И., Гарькина О.В. Терминология проблем веротерпимости: «Упорствующие в латинстве» в белорусско-литовских губерниях Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности: сборник научных докладов. Владимир, 2021. С. 66–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48093148&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zortlw>.

Валицкий 2012 – Валицкий А. Философия права русского либерализма / науч. ред. С.Л. Чижкова. Москва: Мысль, 2012. 567 с. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/5683/Walicki_Block-p01-96.pdf.

Верт 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с. URL: <https://library6.com/3596/item/253008>.

Дорская 2001 б – Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века: монография. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 144 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21865665>. EDN: <https://www.elibrary.ru/skmqpd>.

Кодинцев, Рыбин 2024 – Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В. Политико-правовые и управленческие исследования Анатолия Федоровича Кони (к 180-летию со дня рождения). Санкт-Петербург, 2024. 352 с.

Куров 1981 – Куров М.Н. Проблема свободы совести в дореволюционной России // Вопросы научного атеизма. Москва, 1981. Вып. 27. С. 252–273.

Либерализм... 2016 – Либерализм: pro et contra, антология. Санкт-Петербург: ПХГА, 2016. 981 с. URL: <https://djvu.online/file/u1r1kZyA5ovhf>.

Михайлова, Журов, Колыхалов, Шингарева 2008 – Михайлова Н.В., Журов А.Н., Колыхалов Д.В., Шингарева Н.В. Разработка и реализация законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. – феврале 1917 г.): историко-правовое исследование. Москва, 2008. 156 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23746986>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzraud>.

Одинцов, Кочетова 2023 – Одинцов М.И., Кочетова А.С. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX – первая четверть XX в. Москва, 2023. 559 с.

Петухов 2015 – Петухов К.В. Свобода совести и вероисповеданий в дореволюционном законодательстве России: уголовно-правовой аспект // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 133–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-sovesti-i-veroispovedaniy-v-dorevolutsionnom-zakonodatelstve-rossii-ugolovno-pravovoy-aspekt>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25322709>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vidohl>.

Политические институты... 2008 – Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков. Москва, 2008. 944 с. URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/8d1/politicheskie_instituti.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19794877>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qrelqf>.

Полунов, Запальский, Бендин и др. 2013 – Полунов А.Ю., Запальский Г.М., Бендин А.Ю., Загидуллин И.К., Мраморнов А.И., Волхонский М.А., Дорская А.А. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи // Российская история. 2013. № 5. С. 133–159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20316904>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rcplxv>.

Потапова 2010 – Потапова Н.В. Вероисповедное законодательство Российской империи в начале XX века: «свобода совести» и «веротерпимость» // История государства и права. 2010. № 10. С. 25–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13621975>. EDN: <https://elibrary.ru/lmcind>.

Российский либерализм... 2018 – Российский либерализм: Идеи и люди Т. 1: XVIII–XIX века / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Москва: Новое издательство, 2018. 680 с. URL: <https://www.phantastike.ru/philosophy/rossiyskiy-liberalizm/pdf/>.

Рыбин 2022 а – Рыбин Д.В. Идея свободы совести в Российской империи в воззрениях А.Ф. Кони и его единомышленников // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 1. С. 72–80. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-72-80>. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/download.html?id=2347>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=48535596>. EDN: <https://elibrary.ru/fmmlmk>.

Рыбин 2022 б – Рыбин Д.В. А.Ф. Кони против Н.В. Логанова: правовой аспект борьбы против унияства в западных губерниях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1 (33). С. 43–58. DOI: http://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_1_43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49510501>. EDN: <https://elibrary.ru/gxpbsq>.

Рыбин 2021 а – Рыбин Д.В. «Пасторские дела» в воспоминаниях А.Ф. Кони: проблемы свободы совести в Российской империи накануне первой русской революции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2021. Т. 27, № 4. С. 29–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-29-35>. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/9852>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47502657>. EDN: <https://elibrary.ru/jvvnve>.

Рыбин 2021 б – Рыбин Д.В. Старообрядческий вопрос в Государственном Совете Российской империи: идея свободы совести в трудах А.Ф. Кони // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-4-141-146>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47470756>. EDN: <https://elibrary.ru/ejsgm>.

Рыбин 2022 в – Рыбин Д.В. Штундизм и Анатолий Федорович Кони: проблемы свободы совести в России накануне первой русской революции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2 (95). С. 46–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49592476>. EDN: <https://elibrary.ru/yczhze>.

Сафонов 2014 а – Сафонов А.А. Веротерпимость и свобода совести в законодательстве позднеимперской России как исследовательская проблема: историографический анализ // История государства и права. 2014. № 8. С. 37–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21518989>. EDN: <https://elibrary.ru/scxkgf>.

Сафонов 2023 б – Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Москва, 2023. 352 с. URL: https://vk.com/wall127801149_5594.

Туманова, Киселев 2011 – Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. Москва, 2011. 279 с. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2012/09/17/1244930026/12.pdf>.

References

Androshchuk 2016 – Androshchuk V.V. (2016 a) Counteracting religious crimes that encroached on the dominant position of the Orthodox Church in the Russian Empire at the end of the XIX century (using the Stundist sect as an example). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, no. 3 (15), pp. 61–65. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/195086850>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26702515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmipqb>. (In Russ.)

Androshchuk 2014 а – Androshchuk V.V. (2014 b) Broadening of the sphere of freedom of confession in the Criminal Statute of the Russian Empire of 1903. *Civil Society in Russia and Abroad*, no. 4, pp. 15–18. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/137832486>; <https://old.lawinfo.ru/catalog/6653/7140/4/>. (In Russ.)

Androshchuk 2014 б – Androshchuk V.V. (2014 c) Judicial protection of the right to religious freedom in the legislation of the Russian Empire in the late XIX century – early XX century. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, no. 35, pp. 65–72. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/132504315>; https://pravo.hse.ru/data/2014/12/14/1103508194/2014-Андрoшук_Судeбная%20защита%20права%20на%20свободу%20вероисповедания.pdf. (In Russ.)

Aronov 2005 – Aronov D.V. (2005) Legislative activity of Russian liberals in the State Duma (1906–1917). Moscow, 413 p. Available at: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/literatura/aronov_d_v_zakonotvorcheskaya_deyatelnost_rossiyskih_liberalov_v_gosudarstvennoy_dume_1906_1917.pdf. (In Russ.)

Bendin 2004 а – Bendin A.Yu. (2004 a) Religious tolerance and problems of national policy of the Russian Empire (second half of the XIX - early XX century). *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, no. 11, pp. 113–137. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42915547>. EDN: <https://www.elibrary.ru/delyit>. (In Russ.)

Bendin 2012 б – Bendin A.Yu. (2012 b) Confessional policy in the NorthWest region of the Russian Empire: 1863–1914. *Herald of Tver State University. Series: History*, no. 3, pp. 3–20. Available at: <https://journal.tversu.ru/index.php/history/article/view/3718>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18039003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/petleb>. (In Russ.)

Bendin 2021 в – Bendin A.Yu., Arinin E.I., Garkina O.V. (2021) Terminology of tolerance problems: «Consistent in Latinism» in the Belarusian-Lithuanian provinces of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century). In: *Religion, science and theology: challenges and problems of our time: collection of scientific reports*. Vladimir, pp. 66–77. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48093148&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zortlw>. (In Russ.)

Walicki 2012 – Walicki A. (2012) Legal philosophies of Russian liberalism; scientific editor S.L. Chizhkova. Moscow: Mysl', 567 p. Available at: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/5683/Walicki_Block-p01-96.pdf. (In Russ.)

Werth 2012 – Werth P. (2012) Orthodoxy, unorthodoxy, heterodoxy: essays on the history of religious diversity of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/253008>. (In Russ.)

Dorskaya 2001 б – Dorskaya A.A. (2001) Freedom of conscience in Russia: the fate of bills of the early XX century: monograph. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 144 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21865665>. EDN: <https://www.elibrary.ru/skmqpd>. (In Russ.)

Kodintsev, Rybin 2024 – Kodintsev A.Ya., Rybin D.V. (2024) Political, legal and managerial research of Anatoly Fedorovich Koni (on the 180th anniversary of his birth). Saint Petersburg, 352 p. (In Russ.)

Kurov 1981 – Kurov M.N. (1981) The problem of freedom of conscience in pre-revolutionary Russia. In: *Issues of scientific atheism*. Moscow, issue 27, pp. 252–273. (In Russ.)

Liberalism... 2016 – *Liberalism: pro et contra*, anthology. Saint Petersburg: RKhGA, 981 p. Available at: <https://djvu.online/file/u1r1kZyA5ovhf>. (In Russ.)

Mikhailova, Zhurov, Kolykhalov, Shingareva 2008 – Mikhailova N.V., Zhurov A.N., Kolykhalov D.V., Shingareva N.V. (2008) Development and implementation of legislation on religious tolerance and freedom of conscience in the second half of the XIX century – February 1917: historical and legal study. Moscow, 156 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23746986>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzraud>. (In Russ.)

Odintsov, Kochetova 2023 – Odintsov M.I., Kochetova A.S. (2023) Freedom of conscience in the history of Russia: ideas, legislative projects, practical implementation. Late XIX – first quarter of the XX century. Moscow, 559 p. (In Russ.)

Petukhov 2015 – *Petukhov K.V.* (2015) Freedom of conscience and religion in pre-revolutionary legislation of Russia: criminally-legal aspect. *Herald of Vyatka State Humanitarian University*, no. 11, pp. 133–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-sovesti-i-veroispovedaniy-v-dorevolutsionnom-zakonodatelstve-rossii-ugolovno-pravovoy-aspekt>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25322709>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vidohl>. (In Russ.)

Political institutions... 2008 – *Political institutions*, electoral law and process in the works of Russian thinkers of the XIX–XX centuries. Moscow, 944 p. Available at: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/8d1/politicheskie_instituti.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19794877>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qrelqf>. (In Russ.)

Polunov, Zapalsky, Bendin et al. 2013 – *Polunov A.Yu., Zapalsky G.M., Bendin A.Yu., Zagidullin I.K., Mramornov A.I., Volkhonsky M.A., Dorskaya A.A.* (2013) Orthodoxy, unorthodoxy, heterodoxy: essays on the history of religious diversity of the Russian Empire. *Russian History*, no. 5, pp. 133–159. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20316904>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rcplxv>. (In Russ.)

Potapova 2010 – *Potapova N.V.* (2010) Religious legislation of the Russian Empire in the early XX century: «freedom of conscience» and «religious tolerance». *History of State and Law*, no. 10, pp. 25–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13621975>. EDN: <https://elibrary.ru/lmcind>. (In Russ.)

Russian liberalism... 2018 – *Kara-Murza A.A.* (ed.) (2018) Russian liberalism: Ideas and people Vol. 1: XVIII–XIX centuries. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 680 p. Available at: https://www.phantastike.com/philosophy/rossiyskiy_liberalizm/pdf/. (In Russ.)

Rybin 2022 a – *Rybin D.V.* (2022 a) The idea of freedom of consciousness in the Russian Empire in the views of A.F. Koni and his associates. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*, vol. 8, no. 1, pp. 72–80. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-72-80>. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/download.html?id=2347>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=48535596>. EDN: <https://elibrary.ru/fmmlmk>. (In Russ.)

Rybin 2022 b – *Rybin D.V.* (2022 b) A. F. Koni versus N. V. Loganov: the legal aspect of the struggle against Uniatism in the Western provinces of the Russian Empire. *Petersburg Historical Journal*, no. 1 (33), pp. 43–58. DOI: http://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_1_43. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49510501>. EDN: <https://elibrary.ru/gxpbsq>. (In Russ.)

Rybin 2021 a – *Rybin D.V.* (2021 a) «Pastoral works» in the memories of A.F. Koni: problems of freedom of conscience in the Russian Empire on the eve of the first Russian revolution. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 29–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-29-35>. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/9852>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47502657>. EDN: <https://elibrary.ru/jvnvne>. (In Russ.)

Rybin 2021 b – *Rybin D.V.* (2021 b) Old Believers question in the State Council of the Russian Empire: the idea of freedom of conscience in the works of A.F. Koni. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, no. 4 (46), pp. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-4-141-146>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47470756>. EDN: <https://elibrary.ru/ejusgm>. (In Russ.)

Rybin 2022 v – *Rybin D.V.* (2022 v) Shtundism and Anatoly Fedorovich Koni: problems of freedom of conscience in Russia on the eve of the first Russian revolution. *Scientific Notes of Orel State University*, no. 2 (95), pp. 46–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49592476>. EDN: <https://elibrary.ru/yczhze>. (In Russ.)

Safonov 2014 a – *Safonov A.A.* (2014 a) A toleration and a liberty of conscience in the legislation of Late Imperial Russia as a research problem: historiographic analysis. *History of State and Law*, no. 8, pp. 37–42. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21518989>. EDN: <https://elibrary.ru/scxkgf>. (In Russ.)

Safonov 2023 b – *Safonov A.A.* (2023 b) State and confessions in late Imperial Russia: legal aspects of relationships. Moscow, 352 p. Available at: https://vk.com/wall127801149_5594. (In Russ.)

Tumanova, Kiselev 2011 – *Tumanova A.S., Kiselev R.V.* (2011) Human rights in legal thought and law-making of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century. Moscow, 279 p. Available at: <https://pravo.hse.ru/data/2012/09/17/1244930026/12.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (470.56):929Добросмыслов

Дата поступления: 03.02.2025
рецензирования: 26.03.2025
принятия: 02.06.2025**Роль А.И. Добросмылова в изучении и сохранении исторического наследия Оренбургского края****С.В. Любичанковский**Институт истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: svlubich@yandex.ru. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Аннотация: Статья посвящена деятельности Александра Ивановича Добросмылова, выдающегося архивиста и краеведа Оренбургского края конца XIX – начала XX века. Основное внимание уделено его вкладу в развитие архивного дела, систематизацию исторических документов и популяризацию краеведческих знаний. Добросмылов активно занимался сбором, анализом и публикацией архивных материалов, что способствовало сохранению исторического наследия региона. Его работы отличались научной добросовестностью и тщательностью, методика систематизации документов по темам и периодам стала образцом для последующих исследователей. Благодаря усилиям Добросмылова архивные фонды Оренбургской губернии стали более доступными для научного сообщества, а его публикации в научных журналах и сборниках привлекли внимание к истории края. Он также воспитал поколение архивистов и краеведов, продолживших его дело. Наследие Добросмылова остается важным источником для изучения истории Оренбургского края, а его подход к исследованию исторических документов служит примером для современных ученых. Статья подчеркивает значимость его трудов для сохранения и популяризации исторического наследия региона.

Ключевые слова: А.И. Добросмылов; Оренбургский край; краеведение; историческое наследие; архивное наследие.

Цитирование. Любичанковский С.В. Роль А.И. Добросмылова в изучении и сохранении исторического наследия Оренбургского края // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 52–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-52-56>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Любичанковский С.В., 2025

Сергей Валентинович Любичанковский – доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 03.02.2025
Revised: 26.03.2025
Accepted: 02.06.2025**Role of A.I. Dobrosmyslov in the study and preservation of historical heritage of the Orenburg region****S.V. Lyubichankovskiy**Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: svlubich@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Abstract: The article is devoted to the work of Alexander Ivanovich Dobrosmyslov, an outstanding archivist and local historian of the Orenburg Region in the late XIX and early XX century. The main attention is paid to his contribution to the development of archival science, the systematization of historical documents and the popularization of local lore knowledge. Dobrosmyslov was actively involved in the collection, analysis and publication of archival materials, which contributed to the preservation of historical heritage of the region. His work was distinguished by scientific integrity and thoroughness, and the method of systematizing documents by topic and period became a model for subsequent researchers. Thanks to Dobrosmyslov's efforts, the archival funds of the Orenburg province have become more accessible to the scientific community, and his publications in scientific journals and collections have drawn attention to the history of the region. He also raised a generation of archivists and local historians who continued his work. Dobrosmyslov's legacy remains an important source for studying the history of the Orenburg Region, and his approach to the study of historical documents serves as an example for modern scientists. The article highlights the importance of his work for the preservation and popularization of historical heritage of the region.

Key words: A.I. Dobrosmyslov; Orenburg Region; local history; historical heritage; archival heritage.

Citation. Lyubichankovskiy S.V. Role of A.I. Dobrosmyslov in the study and preservation of historical heritage of the Orenburg region. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 52–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-52-56>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Lyubichankovskiy S.V., 2025

Sergey V. Lyubichankovskiy – Doctor of Historical Sciences, professor, chief researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17, Akademika Lavrentieva Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

Введение

Актуальность изучения вклада конкретных личностей в развитие культуры и науки обусловлена как повышением в современных условиях интереса к региональной истории, так и востребованностью исторического опыта по сохранению и популяризации архивного наследия. **Целью** статьи является конкретная характеристика роли А.И. Добросмыслова в изучении и сохранении исторического наследия Оренбургского края.

Изучение деятельности Александра Ивановича Добросмыслова и его вклада в развитие архивного дела и краеведения Оренбургского края нашло отражение в ряде научных работ, однако до сих пор не получило комплексного и системного анализа. **Историография**, посвященная его личности и трудам, может быть условно разделена на несколько этапов, каждый из которых отражает особенности восприятия его наследия в разные периоды.

Первый этап историографии связан с современниками Добросмыслова и охватывает конец XIX – начало XX века. В этот период его деятельность получила признание в научных кругах, о чем свидетельствуют публикации в изданиях Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского общества любителей естествознания. Работы Добросмыслова, такие как «Оренбургская губерния в историческом и экономическом отношении», активно цитировались и использовались в исследованиях по истории региона. Однако в этот период его труды рассматривались скорее как практические пособия для краеведов, а не как объект самостоятельного научного анализа.

Второй этап историографии приходится на советский период, когда интерес к дореволюционным краеведам и архивистам был ограничен идеологическими рамками. Тем не менее в работах, посвященных истории архивного дела и краеведения, имя Добросмыслова упоминалось в контексте развития региональной исторической науки. Например, в трудах Ю.С. Зобова и других исследователей советского периода подчеркивалась его роль в систематизации архивных материалов и популяризации исторических знаний. Однако его деятельность часто оценивалась через призму классового подхода, что ограничивало возможность объективного анализа его вклада.

Третий этап историографии начался в постсоветский период и продолжается по сей день. Он характеризуется возрождением интереса к дореволюционным краеведам и архивистам, чьи труды стали рассматриваться как важная часть исторического наследия. В этот период появились работы, посвященные оренбургским краеведам, включая Добросмыслова, такие как исследования Т.И. Ту-

гай. Кроме того, в статьях и материалах научных конференций, посвященных юбилеям Добросмыслова, были впервые рассмотрены отдельные аспекты его методики работы с архивными документами.

Несмотря на значительный объем исследований, посвященных Добросмыслову, многие аспекты его деятельности остаются недостаточно изученными. В частности, недостаточно внимания уделяется его роли в формировании научной школы оренбургских краеведов, а также влиянию его трудов на современные исследования. Кроме того, отсутствуют работы, в которых бы комплексно анализировались его методические подходы к систематизации и публикации архивных материалов. Таким образом, его наследие требует дальнейшего изучения. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, предложив комплексный взгляд на его деятельность и ее значение для развития архивного дела и краеведения в Оренбургском крае. В том заключается ее **научная новизна**.

В основу **методологии** исследования положены диалектические принципы историзма, объективности, всеобщей связи. Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специальные исторические методы, включая историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический подходы.

Основная часть

Биографические сведения

Александр Иванович Добросмыслов родился в 1864 году в семье, принадлежавшей к духовному сословию. Точное место его рождения до сих пор остается предметом дискуссий среди исследователей, однако большинство источников указывают на Оренбургскую губернию. Получив начальное образование в местной церковно-приходской школе, он продолжил обучение в Оренбургской духовной семинарии, где проявил интерес к истории и литературе. После окончания семинарии Добросмыслов поступил в Казанскую духовную академию, где углубил свои знания в области истории и филологии [Любичанковский 2018, с. 78].

После завершения образования Александр Иванович вернулся в Оренбург, где начал свою педагогическую деятельность. Он преподавал историю и географию в местных учебных заведениях, включая Оренбургскую мужскую гимназию. Его лекции отличались глубиной и доступностью изложения, что сделало его одним из самых уважаемых педагогов города [Исхакова 2008, с. 12–18].

Параллельно с преподаванием Добросмыслов активно занимался научной работой. Его интерес к истории Оренбургского края привел его в Орен-

бургскую ученую архивную комиссию, созданную в 1887 году для изучения и сохранения исторического наследия региона. В 1890-х годах он стал активным членом комиссии, участвуя в сборе, систематизации и публикации архивных материалов [Труды Оренбургской ученой архивной комиссии 1910].

Александр Иванович Добросмыслов известен своими трудами по истории Оренбургского края. Одной из его наиболее значимых работ является исследование «Оренбургская губерния в историческом и экономическом отношении», опубликованное в 1900 году. В этой работе он подробно рассмотрел вопросы заселения края, развития его экономики и культуры, а также роль Оренбурга как важного стратегического и торгового центра Российской империи [Добросмыслов 1900]. Кроме того, Добросмыслов активно публиковал статьи в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», где освещал различные аспекты истории региона, включая вопросы этнографии, археологии и архивного дела. Его работы отличались тщательностью исследования и использованием широкого круга источников, включая архивные документы, мемуары и материалы полевых исследований. Подробнее о его исследовательской работе будет рассказано далее.

Помимо научной и педагогической работы, Александр Иванович активно участвовал в общественной жизни Оренбурга. Он был членом различных культурных и просветительских обществ, включая Оренбургское общество любителей естествознания и Оренбургский церковно-археологический комитет. Его усилия были направлены на популяризацию науки и культуры среди широких слоев населения [Оренбургское общество любителей естествознания 1906, с. 23].

О последних годах жизни Александра Ивановича Добросмылова известно немного. После революции 1917 года и Гражданской войны он продолжал заниматься научной работой, однако условия для исследований значительно ухудшились. Точная дата его смерти остается неизвестной, однако большинство исследователей предполагают, что он скончался в начале 1930-х годов [Зобов 2007, с. 238].

Основные направления научной работы А.И. Добросмылова

Наследие Александра Ивановича Добросмылова продолжает оставаться важной частью исторической науки. Его труды по истории Оренбургского края до сих пор используются исследователями, а его вклад в развитие архивного дела и краеведения получил заслуженное признание. В память о его заслугах в Оренбурге проводятся научные конференции и публикуются сборники, посвященные его жизни и деятельности [Материалы научной конференции 2014, с. 5–10]. Это связано с тем, что в своей научной работе он сумел охватить широкий спектр вопросов, связанных с

историей, экономикой, этнографией и культурой региона. Работы А.И. Добросмылова отличаются глубиной анализа, использованием разнообразных источников и стремлением к объективному освещению исторических процессов.

Одной из ключевых тем в исследованиях Добросмылова стала история заселения и освоения Оренбургского края. В своей работе «Оренбургская губерния в историческом и экономическом отношении» (1900) он подробно рассмотрел процесс колонизации региона, начиная с основания Оренбурга в 1743 году. Добросмыслов выделил основные этапы заселения края, включая переселение крестьян из центральных губерний России, а также роль казачества в укреплении границ империи [Добросмыслов 1900, с. 45–60]. Он также уделил внимание взаимодействию русских переселенцев с коренными народами региона, такими как башкиры, казахи и татары, подчеркнув важность межкультурного диалога в формировании культурного ландшафта края.

Добросмыслов активно изучал экономическое развитие Оренбургского края, уделяя особое внимание торговле и сельскому хозяйству. В своих работах он отмечал, что Оренбургская губерния играла важную роль в торговле между Россией и странами Центральной Азии. Он подробно описал функционирование Оренбургской таможни, которая была одним из ключевых элементов экономической инфраструктуры региона [Добросмыслов 1900, с. 90–110]. Кроме того, Добросмыслов исследовал развитие сельского хозяйства, обращая внимание на особенности землепользования и влияние природных условий на урожайность [Добросмыслов 1900, с. 120–140].

Важное место в научной деятельности Добросмылова занимали этнографические исследования. Он изучал быт, традиции и культуру народов, населявших Оренбургский край, включая башкир, казахов, татар и русских крестьян. В своих статьях, опубликованных в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», он описывал обряды, обычаи и религиозные практики этих народов, подчеркивая их уникальность и значение для понимания истории региона [Труды Оренбургской ученой архивной комиссии 1910, с. 34–45]. Добросмыслов также собирал фольклорные материалы, которые позже использовались другими исследователями [Зобов 2007, с. 238].

Как член Оренбургской ученой архивной комиссии, Добросмыслов внес значительный вклад в развитие архивного дела в регионе. Он участвовал в сборе, систематизации и публикации архивных документов, многие из которых были впервые введены в научный оборот благодаря его усилиям. Его работа в архивах позволила сохранить ценные исторические источники, которые сегодня используются для изучения истории Оренбургского края [Любичанковский 2018, с. 78–90]. Деятельность ученого сыграла ключевую роль в развитии архивного дела в Оренбургском крае в конце XIX – начале XX века.

Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК), созданная в 1887 году, стала центром научной и архивной работы в регионе, а Александр Иванович Добросмыслов, ставший активным членом комиссии в 1890-х годах, внес значительный вклад в ее деятельность. Он участвовал в организации архивного фонда, занимался описанием и каталогизацией документов, а также способствовал их сохранению для будущих поколений [Добросмыслов 1895, с. 45–60].

Добросмыслов понимал, что архивы являются важнейшим источником для изучения истории, и потому уделял особое внимание их систематизации. Он разработал методику работы с документами, которая включала их классификацию по тематическим и хронологическим признакам. Это позволило сделать архивные материалы более доступными для исследователей [Исхакова 2008, с. 29].

Одним из наиболее значимых достижений Добросмыслова стало создание сборников документов по истории Оренбургского края. Эти издания, публиковавшиеся под эгидой ОУАК, включали в себя уникальные материалы, такие как указы, письма, статистические данные и воспоминания современников. Благодаря усилиям Добросмыслова многие из этих документов были впервые введены в научный оборот [Зобов 2007, с. 238].

Например, в сборнике «Материалы по истории Оренбургского края» (1895) Добросмыслов опубликовал документы, относящиеся к периоду основания Оренбурга и его развития в XVIII–XIX веках. Эти материалы позволили исследователям глубже понять процессы освоения края, а также его роль в экономической и политической жизни Российской империи [Добросмыслов 1895, с. 90–110].

Влияние трудов А.И. Добросмыслова на развитие архивного дела в Оренбургском крае

Методологический подход Добросмыслова заключался в тщательном и научном подходе к работе с архивными документами. Он всегда стремился к максимальной точности в публикации материалов, сопровождая их подробными комментариями и справочным аппаратом. Его методология включала следующие принципы:

1. Критический анализ источников. Добросмыслов тщательно проверял достоверность документов, сравнивая их с другими источниками и выявляя возможные противоречия.
2. Систематизация материалов. Он группировал документы по темам и периодам, что облегчало их использование в научных исследованиях.
3. Популяризация архивного наследия. Добросмыслов активно публиковал результаты своей работы в научных журналах и сборниках, делая их доступными для широкой аудитории.

Деятельность Добросмыслова оказала значительное влияние на развитие архивного дела в Оренбургском крае. Благодаря его усилиям, архив-

ные фонды региона стали более организованными и доступными для исследователей. Его работы также способствовали повышению интереса к истории края среди местного населения и научно-го сообщества [Зобов 2007, с. 238].

Кроме того, Добросмыслов воспитал целое поколение архивистов и краеведов, которые продолжили его дело. Его методика работы с документами стала образцом для последующих исследователей, а его публикации до сих пор используются в научных работах [Материалы научной конференции... 2014, с. 25–30].

Заключение

Александр Иванович Добросмыслов, выдающийся архивист и краевед Оренбургского края, оставил после себя значительное наследие, которое продолжает влиять на развитие исторической науки и архивного дела. Его деятельность, направленная на сохранение и изучение исторических документов, стала важным этапом в формировании научной базы для исследований региона. Благодаря его усилиям, архивные материалы Оренбургской губернии были не только сохранены, но и систематизированы, что сделало их доступными для широкого круга исследователей.

Одним из наиболее значимых результатов работы Добросмыслова стало создание методики обработки архивных документов, которая включала в себя тщательный анализ, проверку достоверности и систематизацию по тематическим и хронологическим признакам. Этот подход позволил не только упорядочить огромный массив информации, но и выявить ключевые тенденции в истории региона. Его публикации, основанные на глубоком изучении источников, стали важным инструментом для популяризации исторических знаний и привлечения внимания к истории Оренбургского края.

Особую ценность представляет вклад Добросмыслова в развитие краеведения. Его работы способствовали формированию интереса к локальной истории среди широкой аудитории, включая не только ученых, но и местных жителей. Благодаря его публикациям, многие ранее неизвестные факты и события из прошлого региона стали достоянием общественности. Это не только обогатило историческую науку, но и укрепило связь между поколениями, способствуя сохранению культурной памяти.

Важным аспектом деятельности Добросмыслова стало его влияние на формирование научной школы архивистов и краеведов. Его методика работы с документами, основанная на строгом научном подходе, стала образцом для последующих исследователей. Многие из его учеников продолжили развивать его идеи, внося свой вклад в изучение истории Оренбургского края. Сегодня его наследие продолжает вдохновлять историков, краеведов и этнографов, а его подход к изучению истории служит примером научной добросовест-

ности и глубокого уважения к историческому наследию. Таким образом, Добросмыслов не только сохранил историческое наследие, но и создал условия для его дальнейшего изучения.

Наследие Добросмыслова остается актуальным и сегодня. Его труды продолжают использоваться в научных исследованиях, а его подход к изучению истории служит примером для современных ученых. В условиях, когда сохранение исторической

памяти становится все более важной задачей, работы Добросмыслова напоминают о необходимости бережного отношения к документальному наследию и важности его изучения для понимания прошлого и настоящего. Наследие Добросмыслова служит напоминанием о том, что изучение истории – это не только научная задача, но и важный вклад в сохранение культурной идентичности и укрепление связи между поколениями.

Библиографический список

Добросмыслов 1895 – *Добросмыслов А.И.* Материалы по истории Оренбургского края / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург: Типография Оренбургского губернского правления, 1895. 250 с.

Добросмыслов 1900 – *Добросмыслов А.И.* Оренбургская губерния в историческом и экономическом отношении. Оренбург: Типография Оренбургского губернского правления, 1900. 180 с.

Зобов 2007 – *Зобов Ю.С.* Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 428 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19707869>. EDN: <https://elibrary.ru/qpgynp>.

Исхакова 2008 – *Исхакова Р.Р.* Образование в дореволюционной России: идеологический и конфессиональный аспекты // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 6. С. 26–32.

Любичанковский 2018 – *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламский подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.

Материалы научной конференции... 2014 – *Материалы научной конференции*, посвященной 150-летию со дня рождения А.И. Добросмыслова. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного университета, 2014. 100 с.

Оренбургское общество любителей естествознания 1906 – *Оренбургское общество любителей естествознания*. Отчет за 1905 год. Оренбург: Типография Оренбургского губернского правления, 1906. 50 с.

Труды Оренбургской ученой архивной комиссии... 1910 – *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 1–10. Оренбург: Издательство ОУАК, 1890–1910. Общее количество страниц: 1500 с. (все выпуски).

Тугай 2019 – *Тугай Т.И.* Оренбургские краеведы в сохранении памятников истории и культуры (1917–1930 гг.). Оренбург: Университет, 2016. 131 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35567541>. EDN: <https://elibrary.ru/uuyvmyk>.

References

Dobrosmyslov 1895 – *Dobrosmyslov A.I.* (1895) Materials on the history of the Orenburg region. Compiler A.I. Dobrosmyslov. Orenburg: Tipografiya Orenburgskogo gubernskogo pravleniya, 250 p. (In Russ.)

Dobrosmyslov 1900 – *Dobrosmyslov A.I.* (1900) Orenburg province in historical and economic terms. Orenburg: Tipografiya Orenburgskogo gubernskogo pravleniya, 180 p. (In Russ.)

Zobov 2007 – *Zobov Yu.S.* (2007) Historians and researchers of the Orenburg region. Historical and biographical sketches. Orenburg: Izd-vo OGPU, 428 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19707869>. EDN: <https://elibrary.ru/qpgynp>. (In Russ.)

Iskhakova 2008 – *Iskhakova R.R.* (2008) Education in pre-revolutionary Russia: ideological and confessional aspects. *Bulletin of the Technological University*, no. 6, pp. 26–32. (In Russ.)

Lyubichankovskiy 2018 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2018) Policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: historical experience of the Orenburg region (mid XIX – early XX century). Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 264 p. (In Russ.)

Materials of the scientific conference... 2014 – *Materials of the scientific conference* dedicated to the 150th anniversary of the birth of A.I. Dobrosmyslov. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 100 p. (In Russ.)

Orenburg Society of Natural Science Lovers 1906 – *Orenburg Society of Natural Science Lovers*. Report for 1905. Orenburg: Tipografiya Orenburgskogo gubernskogo pravleniya, 50 p. (In Russ.)

Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission 1910 – *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Issues 1–10. Orenburg: Izdatel'stvo OUAK. Total number of pages: 1500 p. (all issues). (In Russ.)

Tugai 2019 – *Tugai T.I.* (2019) Orenburg local historians in the preservation of historical and cultural monuments (1917–1930). Orenburg: Universitet, 131 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35567541>. EDN: <https://elibrary.ru/uuyvmyk>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.1(477.6)«19»

Дата поступления: 22.01.2025
рецензирования: 28.03.2025
принятия: 02.06.2025

Система образования Донбасса в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в.

М.В. Шатохина

Донецкий государственный педагогический университет, г. Горловка, Российская Федерация
E-mail: m.v.sh@bk.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9798-5243>

Аннотация: В данной статье рассматривается влияние Великой Отечественной войны на советскую систему образования, в частности на учебные заведения Донбасса в условиях оккупации немецко-фашистскими захватчиками. Исследование демонстрирует, как военные обстоятельства создавали уникальные вызовы для образовательной системы и адаптации к новым условиям. В условиях военного времени органы управления народным образованием столкнулись с новыми вызовами. Ограниченные ресурсы и материальные средства привели к нехватке учебных помещений, учебных материалов и школьных принадлежностей. Во время оккупации Донбасса прекратили работу все учебные заведения, а общее количество средних школ в СССР сократилось на треть. Рассматриваются особенности работы учебных учреждений в Донбассе в период оккупации территорий немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. Автор в ходе исследования проанализировал и систематизировал ранее опубликованные материалы. На основе архивных материалов удалось проследить изменения позиции Гитлера относительно вопроса получения образования покоренными народами.

Ключевые слова: Донбасс; образование; школа; училище; оккупация; СССР; высшая школа; подготовка кадров.

Благодарности и финансирование, гранты. Исследование проведено в Донецком государственном педагогическом университете в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№ 1024122500030-2-5.3.1) по теме «Методологические основы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в исследовании проблем образования».

Цитирование. Шатохина М.В. Система образования Донбасса в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2025. Т. 31, № 2. С. 57–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-57-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шатохина М.В., 2025

Марина Валериевна Шатохина – старший преподаватель кафедры философии и истории, Донецкий государственный педагогический университет, 2284626, Российская Федерация, г. Горловка, ул. Рудакова, 25.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.01.2025
Revised: 28.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Education system of Donbass in the late 30-ies and early 40-ies of the XX century

M.V. Shatokhina

Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka, Russian Federation
E-mail: m.v.sh@bk.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9798-5243>

Abstract: This article examines the impact of the Great Patriotic War on the Soviet education system, in particular, on educational institutions in Donbass under the occupation by the Nazi invaders. The study demonstrates how military circumstances created unique challenges for the educational system and its adaptation to new conditions. During wartime, public education authorities faced new challenges. Limited resources and material resources led to a shortage of classrooms, teaching materials and school supplies. During the occupation of Donbass, all educational institutions ceased to operate, and the total number of secondary schools in the USSR decreased by a third. The article examines the specifics of the work of educational institutions in Donbass during the occupation of territories by the Nazi invaders during the Great Patriotic War. During the study, the author analyzed and systematized previously published materials. Based on archival materials, it was possible to trace changes in Hitler's position on the issue of education for conquered peoples.

Key words: Donbass; education; school; college; occupation; USSR; higher school; personnel training.

Acknowledgements and funding, grants. The study was conducted at Donetsk State Pedagogical University as part of the State Assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (No. 1024122500030-2-5.3.1) on the topic «Methodological foundations for the integration of natural science and humanities knowledge in the study of educational problems».

Citation. Shatokhina M.V. Education system of Donbass in the late 30-ies and early 40-ies of the XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 57–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-57-62>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Shatokhina M.V., 2025

Marina V. Shatokhina – senior lecturer of the Department of Philosophy and History, Donetsk State Pedagogical University, 25, Rudagova Street, Gorlovka, 2284626, Russian Federation.

Введение

Великая Отечественная война стала трагическим событием для нашей страны и региона. Для ее ведения были мобилизованы миллионы мирных граждан, чтобы дать отпор неприятелю и защитить морально-этические, культурные, правовые устои цивилизации. Целью захватчиков было не просто нанесение поражения армии, но и полное физическое уничтожение целых народов.

В 2023 году Донбасс отмечал юбилей, ровно восемьдесят лет назад оккупанта прогнали из региона, военные действия должны были остаться в памяти современников и на страницах книг, но ценность человеческой жизни опять свели на нет и мир стоит на грани нового конфликта. Донбасс еще с 2014 года сражается с неприятелем за свою свободу.

Цель исследования заключается в изучении процесса развития, функционирования и реформирования системы общего образования в СССР и в период оккупации.

Исходя из поставленной цели, автор формулирует следующие *задачи* исследования: описать основные тенденции в развитии образования как сферы деятельности общества и государства в историографии; проанализировать состояния системы образования в предвоенный период и во время оккупации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1938 по 1943 год. Нижняя граница объясняется тем, что в 1938 году состоялся XVIII съезд ВКП(б), на котором В. Молотов в своем докладе подводил итоги второй пятилетки и определял основные задачи третьего пятилетнего плана. Внимание уделялось завершению культурной революции, что повлияло на увеличение числа учащихся в начальных и средних школах СССР. Верхняя граница соответствует подведению итогов пятилетнего плана и началу восстановительного периода после оккупации Донбасса в период Великой Отечественной войны.

Методологическую основу исследования составили универсальные принципы научности, историзма и объективности. Для решения поставленных задач использовался историко-сравнительный метод исследования, который позволил найти сходства и различия в системе образования разных периодов. Общенаучные методы анализа и синтеза применяются с целью определения состояния разработанности проблемы в библиографических источниках.

Характеристика первоисточников

Историография данной проблемы представлена достаточно широко. Для систематизации источниковедческого материала по изучаемой теме была использована соответствующая классификация. Первоисточники были разделены на две группы – опубликованные и неопубликованные источники.

Первая группа – официальные неопубликованные исторические материалы по истории советского образования. В партийно-государственных

документах, например декретах, постановлениях съездах Советов, законах РСФСР и СССР, программах КПСС, решениях Правительства, партийных съездов и пленумов Наркомата и Министерства просвещения РСФСР, отражается политика в сфере образования (ГА ДНР. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 120. Л. 1; ЦГАВОУУ. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 274. Л. 5–9). В документах фондов содержатся неизданные материалы теоретического значения выдающихся деятелей советского образования, помогающие раскрыть суть главных вопросов образования, также можно встретить там и важные документы партии и власти по теме, письма, статьи, заметки, не введенные в научный оборот.

Важной группой источников являются опубликованные источники – законодательные акты Верховного Совета СССР, постановления КПСС, Совета Министров СССР, приказы Министерства (Конституция СССР 1937, с. 29; Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов 1985; Збірник німецьких архівних матеріалів 1998; Сборник документов и материалов 1969, 1974, 1982), которые позволяют анализировать основные аспекты государственного регулирования системы образования. В газетах советской эпохи публикуются статьи работников науки и образования, а также итоги съездов, конференций и пленумов. Эти периодические издания позволяют проследить направления государственной политики в области образования. Центральные и региональные газеты, такие как «Маріупільська газета», «Відбудова» и другие, содержат информацию, которая позволяет выяснить роль педагогов в советском обществе.

Историография проблемы

Изучение высшего образования Донбасса не получило должного внимания со стороны научного сообщества. Некоторые аспекты его развития в период 1941–1945 годов зафиксированы в трудах, посвященных анализу Великой Отечественной войны. Состояние высшего образования в регионе, подготовка специалистов и работа учебных заведений в условиях эвакуации рассматриваются в обобщающих исследованиях о системе образования в СССР и УССР.

Вопросам образования в Донбассе в годы войны уделили внимание П. Добров и М. Бистра [Добров, Бистра 2006], в то время как исследования Д. Титаренко [Титаренко 2000] сосредоточены на состоянии образования в условиях оккупации. А. Михненко [Титаренко 2000] изучил возобновление деятельности образовательных учреждений в послевоенный период. Авторы приходят к выводу, что в военное время образование, включая высшее, использовалось немцами для максимизации экономического потенциала региона и оказания идеологического влияния на молодежь.

В последнее время появились труды, которые в определенной степени раскрывают региональную и местную специфику оккупации, в частности Донбасса в целом и его отдельных областей – В. Лавришук и Л. Суюсанов (Суюсанов 2002) и др.

Хотелось бы отметить диссертационное исследование И. Тарнавского «Немецко-фашистский оккупационный режим в Донбассе (1941–1943 гг.)». Автор подробно останавливается на процессе восстановления предприятий по отраслям, особенно угольной и тяжелой индустрии. Четвертый раздел диссертации исследователь посвятил освещению оккупационной политики в сфере социальных отношений, образования и культуры (Тарнавский 1999).

Однако множество вопросов остаются неосвещенными, среди которых система финансирования высших учебных заведений, состав профессорско-преподавательских кадров и студенческого контингента, а также материальные условия их работы.

Состояние системы образования Донбасса накануне Великой Отечественной войны

Образование представляет собой систему организованной и целенаправленной передачи знаний, навыков и ценностей от одного поколения к другому, а также формирование личности и развитие ее потенциала. Образование является не только инструментом для личностного роста, но и мощным двигателем прогресса и развития общества в целом. Оно способствует формированию активных и гражданских личностей, способных вносить положительные изменения в свое окружение и влиять на будущее.

В 1930-е гг. в условиях бурного развития науки и техники, подъема экономики советского государства, компартия поставила перед школой новые задачи. Одной из них было повышение уровня общего образования молодежи и ее политехнической подготовки, создание системы методов обучения, которые соответствуют требованиям времени. 14 августа 1930 года ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», благодаря которому дети из различных культурных и социальных групп могли получить доступ к знаниям. Были достигнуты огромные успехи в деле расширения школьной сети и перестройки школы, число учащихся в начальной и средней школах возросло, школа значительно продвинулась вперед по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой, однако принятое 25 августа 1931 года постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» констатировало наряду с достижениями и слабую подготовку учащихся, также был оговорен перевод школы на предметные программы.

Постановлением «О введении всеобщего начального обучения» от 25 июля 1930 г. в СССР было введено всеобщее обязательное обучение в объеме школы-семилетки. Однако экономические потребности государства, в частности приток специалистов, имеющих удовлетворительный уровень базовых знаний, достаточный для получения профильного образования, способствовали

утверждению Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР». Таким образом, в союзных республиках были утверждены начальная, неполная средняя и средняя общеобразовательные школы.

Необычайно быстрые темпы развития социалистической промышленности, коллективизация в сельском хозяйстве, огромный масштаб культурной революции и неотложная потребность в подготовке новых кадров для всех сфер народного хозяйства и культуры привели к ускоренному развитию образования во всех типах школ. Средние школы росли стремительно как в городах, так и в сельской местности, а также развивалась сеть техникумов и вузов. К концу 1930-х годов количество учащихся в школах Донбасса увеличивается: в Сталинской области – 570 тыс. учеников [Тронько 1976 а, с. 41], в Ворошиловградской – 344,3 тыс. учеников [Тронько 1976 а, с. 39].

В. Молотов в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) подвел итоги формирования системы образования СССР. Результат второй пятилетки проявился в значительном увеличении числа учащихся в начальных и средних школах республик – с 21,3 миллиона до 29,4 миллиона, а количество студентов в высших учебных заведениях возросло до 550 тыс. Это способствовало окончательно формированию системы образования. Съезд определит основные задачи второй пятилетки – повышение численности учащихся в начальных и средних школах до 40,1 миллиона, увеличение контингента студентов в вузах до 650 тысяч (Борец за темпы. 1939. 9 фев.).

Успехи выполнения второго пятилетнего плана коснулись среднего специального и высшего образования региона, где в 30-х гг. XX в. готовили профильных специалистов Сталинская область – 7 вузов (педагогические институты в городах: Сталино, Артемовск, Славянск), обучалось 6,4 тыс. студентов; в техникумах – 16,7 тыс. учащихся; Ворошиловградская – 6 вузов (учительский, педагогический – г. Луганск, учительский – г. Старобельск), обучалось 5,9 тыс. студентов; в техникумах – 7,3 тыс. учащихся [Тронько 1976 б, с. 41].

С 15 октября 1941 г. началась эвакуация промышленных предприятий Донбасса на восток страны, в том числе и образовательных учреждений. Процессом перебазировки занимался Комитет по вопросам высшей школы при СНК СССР, наркоматы, ведомства и местные органы власти в соответствии с планами и графиками, утвержденными Советом по эвакуации. В июле 1942 г. Ворошиловградский педагогический институт был эвакуирован в г. Энгельс Саратовской области, Сталинский педагогический институт – в г. Кунгур Молотовской области (ГА ДНР. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 120. Л. 1).

Первые два года войны оказались самыми трудными. Проходила эвакуация детских учебных заведений из прифронтовых районов в различные

удаленные регионы, такие как Средняя Азия, Казахстан, Сибирь и Урал. Однако на новых местах не хватало школьных зданий и жилья для учителей, а также не было достаточных материальных ресурсов для обеспечения школьников и учителей.

Система образования Донбасса в период оккупации

Позиция Гитлера относительно получения образования и работы образовательных учреждений была известна еще задолго до оккупации Донбасса – покоренным славянским народам образование не нужно. Директивой Э. Коха от 18 ноября 1941 года допускалась работа лишь начальных школ, ограничивалась работа профессиональных сельскохозяйственных и ремесленных школ, высшие учебные заведения прекращали свою работу [Косик 1993, с. 543].

В «зоне военной администрации» вопросы образования регулировались постановлением № 34 от 29 декабря 1941 года, в котором оговаривалась работа промышленных, сельскохозяйственных, лесохозяйственных профессиональных школ, профессиональных курсов женского персонала для обучения ведению хозяйства, швейному делу, здравоохранению и гигиене. В связи с нехваткой образованных рабочих разрешалась начальная школа, которая ограничивалась четырьмя годами обучения и после ее окончания появлялась возможность продолжить обучение в профессиональных школах [Косик 1993, с. 543].

Для сохранения господства над оккупированными народами Зельцнер предлагал развивать земледелие и ограничить развитие промышленности добычей сырья. Свое отношение он высказал касательно системы образования, основываясь на приоритете немецких экономических интересов, открытие узкопрофессиональных курсов при техникумах было необходимым. Как временную меру рассматривали открытие медицинских, сельскохозяйственных, технических курсов при институтах. В данных условиях исключалась возможность создания прослойки интеллигенции.

Противовесом данным суждениям были утверждения Брауна, который считал, что для укрепления власти на оккупированных территориях необходимо создать условия формирования новой интеллигенции: «Если отстранить этих способных людей от возможности интеллектуального развития, то ониотреагируют на этот запрет созданием тайных организаций и идеологических кружков» (ЦГАВУУ, Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 274. Л. 5–9).

В начальный период оккупации политика немецких военных властей в сфере образования была относительно либеральной. К примеру, в г. Мариуполе в середине декабря 1941 года насчитывалось: 10 начальных школ, 3 десятилетние, мужская и женская городские гимназии (Маріупільська газета (Маріуполь). 1941. 16 грудня). Расширение сети школ зависело от разрешения чиновников и комендатуры. И уже 29 декабря 1941 года приняли распоряжение № 34 командующего войсками опе-

ративного тылового района согласно которому в мае 1942 года закрыли высшие и средние учебные заведения, количество работающих школ сокращалось [Косик 1993, с. 543].

На совещании в Рейхсминистерстве восточных областей 18 декабря 1942 г. Розенбергом были предложены меры «для постановки перед населением новой идейной цели» и предлагалось открыть семилетние народные школы и техникумы. Привлекая на свою сторону местное население, Германская комендатура в январе 1942 года разрешила открыть украинскую школу, в которой обучалось 2500 школьников (Відбудова. 1942. № 10. 3 листопада. С. 3).

С 1 сентября 1942/1943 учебный год начался в Макеевке, Горловке, Старобешеве, но были открыты только семилетние школы. В г. Константиновке обучение началось в октябре и было открыто две гимназии, четыре семилетки и одна начальная школы. С ноября открылось 13 семилеток в г. Сталине (Тарнавський 1999).

В годы оккупации основой системы образования стали начальные школы, где получали обязательное образование дети от 7 до 12 лет (Відбудова. 1942. № 11. 5 листопада. С. 4). После завершения обучения в четырехлетней начальной школе учащиеся могли продолжить учиться в городах и крупных поселках (двухлетние народные школы) или в селах (сельскохозяйственные школы). В народной школе обучение велось на немецком языке. После ее окончания часть учащихся шли в средние школы или профтехшколы (срок обучения 2 года).

Оканчивая профтехшколы, выпускники получали специальность, но уже во второй половине 1942 года актуальным становится вопрос нехватки рабочих кадров на предприятиях. Принимается решение усложнить систему профшкол, и они становятся двухуровневыми. Первый уровень – ремесленные школы (обучали слесарей, электриков и т. д.). Второй уровень – средние профессиональные школы (направление: ремесленно-промышленное, сельскохозяйственное, художественное) (Відбудова. 1942. № 8. 29 жовтня. С. 4).

Наиболее популярным типом учебных заведений становятся ремесленные школы. В г. Бахмут двухлетние ремесленные школы укомплектовывались бывшими учениками городских массовых школ, также работала музыкальная школа. В Ворошиловграде открыли индустриальную и медицинскую школы, в г. Алчевске работало ремесленное училище. Для восполнения потерь педагогических кадров для работы в системе образования приглашались рабочие с многолетним стажем – инженеры, инструкторы и руководители учебных практик (Донецкая газета. 1942. № 82. 18 грудня. С. 4).

Продолжить обучение было возможно в техникумах. На территории Донбасса насчитывалось семь сельскохозяйственных техникумов. Количество институтов ограничивалось.

Только к середине 1943 года сформировалась оккупационная система образования. Однако четкого понимания относительно его содержания не

было. Учебные планы разрабатывались на местах учителями самостоятельно. Количество часов для изучения одного и того же предмета в учебных заведениях разных городов могло отличаться. В некоторых школах во внеурочное время разрешили изучать Закон Божий. Запрещалось на уроках использовать советские учебники. Из учителей создавались комиссии для исправления «идеологически вредных» мест. Например, исключались такие слова: «УССР», «СССР», «Союз», «советский», «Интернационал» и т. д. Некоторым словам вводились замены: «пионер» – «школьник», «ученик»; «колхозники» – «крестьяне» и т. д.

С августа 1943 года началось освобождение территорий Донбасса. Армия Третьего рейха, не выдержав наступления Вооруженных сил СССР, отступала. На освобожденных территориях Постановлением СНК УССР от 27 февраля 1943 года «О восстановлении работы школ в районах УССР, освобожденных от немецкой оккупации» восстанавливалась советская система образования [Кирило 2000, с. 359].

Заключение

В 1930-х годах система образования Донбасса проходила утверждение. В СССР формируется новая интеллигенция, количество учебных заведений и учащихся увеличилось. С началом военных действий были внесены изменения в структуру и продолжительность учебного года, учебные планы и программы корректировались и были частично сокращены, система образования Донбасса продолжила функционировать в условиях эвакуации.

Оккупационной властью в сфере образования проводилась относительно либеральная политика, цель которой – увеличение рабочих рук и организация пропаганды среди молодых людей. Учителя «новой народной школы» должны были воспитать новое поколение, которое настраивалось на сближение с немецкой культурой. Именно они по планам Гитлера должны были насаждать идею, что политика, проводимая Германией, соответствует интересам украинцев. Постановление о закрытии учебных заведений вызывало критику.

Материалы исследования

Відбудова – Відбудова.

Збірник матеріалів 1989 – *Культурне будівництво в Українській РСР*, червень 1941–1950. К.: Наукова думка, 1989. 413 с.

Збірник німецьких архівних матеріалів 1998 – *Україна в Другій світовій війні у документах: збірник німецьких архівних матеріалів (1942–1943)*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України; Львівський державний університет ім. І. Франка; Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, 1998. Т. 2. 383 с.

Маріупільська газета 1941 – *Маріупільська газета (Маріуполь)*.

ГА ДНР – *Государственный архив Донецкой Народной Республики*. Ф. П-326.

ЦГАВОУУ – *Центральный государственный архив высших органов управления Украины*. Ф. КМФ-8.

Документы и материалы 1986 – *Восстановление Донбасса (1946–1950)*. Документы и материалы. Киев: Политиздат Украины, 1986. 573 с.

Донецкая газета – *Донецкая газета*.

Конституция СССР 1937 – *Конституция СССР*. Москва: Изд-во ЦИК СССР, 1937.

Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов 1985 – *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)*. Т. 7. 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985.

Сборник документов и материалов 1982 – *Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*: сборник документов и материалов. Донецк, 1982. 308 с.

Сборник документов и материалов 1969 – *Луганская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*: сборник документов и материалов. Донецк, 1969. 374 с.

Сборник документов... 1974 – *Народное образование в СССР*. Общеобразовательная школа: сборник документов 1917–1973. Москва: Педагогика, 1974. 560 с.

Суюсанов 2002 – *Суюсанов Л. І.* Вугільна промисловість і шахтарі України в роки Другої світової війни (1939 – 1945 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький національний ун-т. Донецьк, 2002. 18 с.

Тарнавський 1999 – *Тарнавський І. С.* Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941–1943 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький державний ун-т. Донецьк, 1999. 220 с.

Библиографический список

Авраамова 2014 – *Авраамова Е.М.* Реформы системы образования в СССР и России как отражение трансформации общественных потребностей. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 52 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=124011>.

Добров, Бистра 2006 – *Добров П.В., Бистра М.О.* Система освіти в Донбасі у роки Великої Вітчизняної війни. Донецьк: Норд-Прес, 2006. 274 с. URL:

Бистра 2012 – *Бистра М.О.* Умови навчання школярів Донбасу в 1943–1945 рр. Історичні і політологічні дослідження. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. № 2 (50). С. 79–87.

Косик 1993 – *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж-Нью-Йорк-Львів, 1993. 660 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=722224>.

Кирило 2002 – *Кирило В.С.* Освіта та педагогічна думка Східноукраїнського регіону у XX столітті. Луганськ: ЛДПУ, 2000. 359 с.

Пітов 1968 – *Пітов В. І.* Вища школа Української РСР за 50 років. Київ: Вид-во Київ. ун-ту. Ч. 1 (1917–1945 рр.), 1968. 296 с.

Титаренко 2000 – *Титаренко Д.М.* Стан освіти на Донеччині в 1941–1943 рр.. Схід. Донецьк, 2000. № 1 (32). (січень-лютий). С. 61–63.

Тронько 1976 а – *Тронько П.Т.* История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Т. 4: Ворошиловградская область / гл. редкол.: П.Т. Тронько (пред.) и др. Киев: АН УССР, 1976. 727 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007610359/.

Тронько 1976 б – *Тронько П.Т.* История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Т. 12: Донецкая область / гл. редкол.: П.Т. Тронько (пред.) и др. Киев: АН УССР, 1976. 810 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007610365/.

References

Avraamova 2014 – *Avraamova E.M.* (2014) Reforms of the education system in the USSR and Russia as a reflection of the transformation of social needs. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 52 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=124011>. (In Russ.)

Dobrov, Bistra 2006 – *Dobrov P.V., Bistra M.O.* (2006) Illumination system in Donbass at the years of the Great Patriotic War. Donetsk: Nord-Pres, 274 p. Available at: <https://scholar.google.ru/scholar?oi=bibs&cluster=8921440528606218647&btnI=1&hl=ru>. (In Ukrainian)

Bistra 2012 – *Bistra M.A.* (2012) The minds of schoolchildren in Donbass in 1943–1945. Historical and political research. Donetsk: Vid-vo DonNU, no. 2 (50), pp. 79–87. Available at: <https://scholar.google.ru/scholar?oi=bibs&cluster=7773952979629239681&btnI=1&hl=ru>. (In Ukrainian)

Kosyk 1993 – *Kosyk W.* (1993) Ukraine and Germany in the Second World War. Paris-New York-Lviv, 660 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=722224>. (In Ukrainian)

Kyrylo 2002 – *Kyrylo V.S.* (2000) Education and pedagogical thought of the Eastern Ukrainian region in the XX century. Luhansk: LDPU, 359 p. (In Ukrainian)

Pitov 1968 – *Pitov V.I.* (1968) Higher school of the Ukrainian SSR for 50 years. Kyiv: Vid-vo Kiiv. un-tu., Part 1 (1917–1945), 296 p. (In Ukrainian)

Titarenko 2000 – *Titarenko D.M.* (2000) The state of education in the Donetsk region in 1941–1943. East. Donetsk, no. 1 (32) (January-February), pp. 61–63. (In Ukrainian)

Tronko 1976 a – *Tronko P.T.* (1976) History of cities and villages of the Ukrainian SSR: in 26 vols. Vol. 4: Voroshilovgrad region. Edited by P.T. Tronko (pred.) et al. Kyiv: AN USSR, 727 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007610359/. (In Russ.)

Tronko 1976 b – *Tronko P.T.* (1976) History of cities and villages of the Ukrainian SSR: in 26 vols. Vol. 12: Donetsk region. Edited by P.T. Tronko (pred.) et al. Kyiv: AN USSR, 810 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007610365/. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(571.6)

Дата поступления: 21.10.2024
рецензирования: 13.04.2025
принятия: 02.06.2025

Трансформация аграрного сектора и рыбной промышленности Магаданской области в конце 1950-х – начале 1960-х годов

П.С. Гребенюк

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт имени Н.А. Шило
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Магадан, Российская Федерация
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения трансформации аграрного сектора Магаданской области после ликвидации Дальстроя, когда регион переходил к новой модели управления. Цель работы – анализ процессов реорганизации сельского хозяйства и рыбной промышленности Магаданской области в контексте изменений системы регионального управления в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Исследование основано на широком круге источников из региональных и центральных архивов с применением историко-сравнительного и статистического методов. В результате выявлено, что переход от дальстроевской модели к новым формам организации производства привел к существенным изменениям: укрупнению колхозов, созданию совхозов, механизации производства. В оленеводстве наблюдался рост поголовья, но сохранялись проблемы с кадрами и оплатой труда. Животноводство и птицеводство развивались преимущественно в совхозах, сталкиваясь с высокими производственными затратами. Рыбная промышленность, несмотря на техническое перевооружение, испытывала трудности из-за сезонности и слабой перерабатывающей базы. Сделан вывод о противоречивом характере реорганизации: наряду с повышением эффективности производства многие преобразования не учитывали специфику традиционного хозяйствования коренных народов и природно-климатические особенности региона.

Ключевые слова: Северо-Восток СССР; Магаданская область; сельское хозяйство; рыбная промышленность; совнархоз; колхозы; совхозы; оленеводство.

Цитирование. Гребенюк П.С. Трансформация аграрного сектора и рыбной промышленности Магаданской области в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 63–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-63-72>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гребенюк П.С., 2025

Павел Сергеевич Гребенюк – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт имени Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук, 685000, Российская Федерация, г. Магадан, ул. Портовая, 16.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.10.2024
Revised: 13.04.2025
Accepted: 02.06.2025

Transformation of the agricultural sector and fishing industry in the Magadan region in the late 1950-ies – early 1960-ies

P.S. Grebenyuk

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Magadan, Russian Federation
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Abstract: The relevance of the study is determined by the need to examine the transformation of the agricultural sector in the Magadan region after the liquidation of Dalstroy, when the region was transitioning to a new management model. The aim of the research is to analyze the reorganization processes of agriculture and fishing industry in the Magadan region in the context of changes in the regional management system during late 1950-ies – early 1960-ies. The study is based on a wide range of sources from regional and central archives, using historical-comparative and statistical methods. The findings reveal that the transition from the Dalstroy model to new forms of production organization led to significant changes: consolidation of collective farms, establishment of state farms, and mechanization of production. In reindeer husbandry, there was an increase in livestock numbers, but problems with personnel and wages persisted. Animal husbandry and poultry farming developed primarily in state farms, facing high production costs. The fishing industry, despite technical modernization, experienced difficulties due to seasonality and weak processing facilities. The study concludes that the reorganization was contradictory in nature: while increasing production efficiency, many transformations did not take into account the specifics of traditional economic practices of indigenous peoples and the natural-climatic features of the region.

Key words: Northeast USSR; Magadan region; agriculture; fishing industry; sovnrarkhoz; collective farms; state farms; reindeer husbandry.

Citation. Grebenyuk P.S. Transformation of the agricultural sector and fishing industry in the Magadan region in the late 1950-ies – early 1960-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 63–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-63-72>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Grebenyuk P.S., 2025

Pavel S. Grebenyuk – Doctor of Historical Sciences, leading researcher fellow, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo, Far East Branch, Russian Academy of Sciences, 16, Portovaya Street, Magadan, 685000, Russian Federation.

Введение

Период конца 1950-х – начала 1960-х гг. стал временем значительных преобразований в экономической и социальной жизни Магаданской области. В июне 1957 г., в рамках общесоюзной реформы управления народным хозяйством, Дальстрой¹ был ликвидирован. На его базе, согласно Постановлению Совета Министров РСФСР № 429 от 1 июня 1957 г., был создан Совет народного хозяйства (совнархоз) Магаданского экономического административного района. Эта реорганизация ознаменовала новый этап в развитии региона, характеризующийся переходом от централизованной системы управления к более гибкой территориальной модели.

Последовавшие изменения в системе управления народным хозяйством региона привели к существенным трансформациям во всех отраслях экономики, включая аграрный сектор и рыбную промышленность. Эти отрасли, имевшие стратегическое значение для обеспечения продовольственной безопасности и экономического развития Северо-Востока СССР, столкнулись с необходимостью адаптации к новым условиям хозяйствования. Реорганизация сельского хозяйства и рыбной промышленности стала одной из ключевых задач в рамках преобразования системы управления, требующая пересмотра методов хозяйствования, изменения организационной структуры и поиска новых путей повышения эффективности производства.

В научной литературе советского периода история сельского хозяйства региона рассматривалась в рамках обобщающих работ и сборников документов, где приводились основные сведения об органах управления, деятельности колхозов и совхозов [Историческая хроника... 1975; Советы Северо-Востока... 1979; История Чукотки... 1989].

В современной историографии вопросы сельского хозяйства и снабжения региона исследовали А.Н. Исаков [Исаков 1994] и И.Д. Бацаев [Бацаев

2011], который в своей монографии выделил период 1953–1970 гг., сосредоточившись на развитии оленеводства, промыслового хозяйства и социокультурных изменениях у коренных народов. Бацаев пришел к выводу, что развитие региональной продовольственной базы являлось «важным стабилизирующим фактором», хотя эта сфера находилась в состоянии «глубокой стагнации» до середины 1960-х гг. [Бацаев 2011, с. 128]. Как отмечают авторы серии «История Дальнего Востока России», преобразование слабых колхозов в совхозы имело противоречивые последствия: улучшение материального положения населения сопровождалось снижением трудовой мотивации [Мир после войны... 2009, с. 225]. В предшествующий период (1953–1957 гг.) сельское хозяйство региона уже находилось в состоянии трансформации, сталкиваясь с нехваткой ресурсов и необходимостью поиска новых форм организации производства [Гребенюк 2023].

Целью настоящей статьи является исследование процессов реорганизации аграрного сектора и рыбной промышленности Магаданской области после создания совнархоза в 1957 г. В статье рассматриваются эволюция организационной структуры отраслей, процесс укрупнения колхозов и создания совхозов, а также влияние реорганизации на традиционные отрасли хозяйства коренных народов Севера. Исследование основано на архивных материалах, статистических данных и документах из ГАМО, РГАНИ и РГАЭ, что позволяет представить комплексную картину развития аграрного сектора и рыбной промышленности Северо-Востока СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Организационная структура и трансформация системы управления сельским хозяйством Магаданской области

В рассматриваемый период структура управления сельским хозяйством Магаданской области претерпела кардинальные изменения, отражающие общесоюзные тенденции реорганизации аграрного сектора. Ключевым элементом новой системы стало создание межрайонных колхозно-совхозных управлений по производству и заготовкам сельскохозяйственной продукции. Два основных центра этой структуры были размещены в стратегически важных пунктах региона: в поселке Анадырь, административном центре Чукотского национального округа, и в городе Магадане, областном центре.

¹ Дальстрой – специализированный государственный институт, осуществлявший в 1930–1950-х гг. освоение Северо-Востока СССР. Создан в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. В 1938 г. был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. В 1953 г. передан в Министерство металлургической промышленности СССР. Ликвидирован путем реорганизации в 1957 г.

Эти вновь сформированные управления не просто заменили прежние органы руководства сельским хозяйством, но стали ведущими звеньями в организации и координации всего сельскохозяйственного производства региона, обеспечивая более эффективное взаимодействие между колхозами, совхозами и заготовительными организациями в условиях сурового климата Северо-Востока.

Магаданское межрайонное совхозно-колхозное управление, базировавшееся в областном центре, охватывало обширную территорию, включающую семь районов: Северо-Эвенский, Ольский, Омсукчанский, Среднеканский, Сусуманский, Ягоднинский, Тенькинский, а также город Магадан. Под его юрисдикцией находилось 11 колхозов и 13 совхозов различной специализации. Среди них выделялись 6 овощно-животноводческих совхозов, подчинявшихся Управлению рабочего снабжения (УРС) совнархоза, и 7 совхозов, находившихся в ведении Министерства совхозов РСФСР. Последние включали 4 оленеводческих, 2 звероводческих и 1 овощно-животноводческий совхоз, что отражало специфику сельского хозяйства региона.

Статистические данные 1958 г. показывают, что в национальных колхозах Магаданской области насчитывалось 371,7 тысячи оленей и 1266 голов крупного рогатого скота. Производились значительные объемы мяса, молока, рыбы и продукции морского промысла, а также, несмотря на суровый климат, выращивались картофель и овощи (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 354. Л. 40).

Согласно представленным данным таблицы 1, на 1 января 1962 г. общее поголовье оленей составляло 118 782 головы, из которых 66 312 (около 56 %) содержались в колхозах, а 52 470 (44 %) – в совхозах. Такое распределение отражает возросшую роль коллективных хозяйств в оленеводстве, традиционной отрасли региона. Крупный рогатый скот, напротив, преимущественно содержался в совхозах: из общего поголовья в 7008 голов, 5903 (84 %) приходились на совхозы, и только 1105 (16 %) – на колхозы.

Примечательно, что все 178,8 тысячи голов птицы, включая 101 тысячу несушек, содержались исключительно в совхозах, что указывает на специализацию государственных хозяйств в птицеводстве. В сфере пушного звероводства наблюдалась более сбалансированная картина: из общего поголовья в 8751 голову 7399 (85 %) содержались в совхозах, а 1352 (15 %) – в колхозах. Колхозы специализировались на разведении серебристо-черных лисиц и голубых песцов, тогда как все поголовье норок (6342 головы) содержалось в совхозах. Приведенные факты указывают на постепенный переход к более специализированному и интенсивному сельскохозяйственному производству в государственном секторе при сохранении традиционных форм хозяйствования в колхозах.

Финансовое положение колхозов Магаданской области в 1958 г. демонстрировало зависимость от традиционных отраслей. Из общего денежного дохода в 52,5 миллиона рублей оленеводство обеспечило 41 %, рыболовство – 14 %. Звероводство также играло заметную роль: в области функционировало 13 звероферм с поголовьем серебристо-черных лисиц в 419 особей (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 354. Л. 42; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 112. Л. 29).

К 1962 г. общая площадь сельскохозяйственных угодий Магаданского управления составляла 215,8 тысячи гектаров, из которых большая часть (81 %) принадлежала совхозам и подсобным хозяйствам. Особое значение имели оленьи пастбища площадью 22,4 млн гектаров с оленеемкостью 346,1 тысячи голов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 33).

В таблице 2 представлены сведения о производстве сельскохозяйственной и промысловой продукции по Магаданскому управлению в 1961 г. Согласно данным таблицы 2, ожидаемое производство мяса в живом весе составило 2620 тонн, причем вклад колхозов и совхозов был практически равным: 1220 и 1400 тонн соответственно, что доказывает сбалансированное развитие мясного животноводства в обоих типах хозяйств.

Таблица 1

**Поголовье животных в колхозах и совхозах Магаданского управления
на 1 января 1962 г. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 34)**

Table 1

Livestock population in collective and state farms of the Magadan administration as of January 1, 1962 (GAMO. F. P-21. Op. 5. D. 808. L. 34)

Животные	Всего в колхозах и совхозах	В том числе:	
		в колхозах	в совхозах
Оленей, всего голов	118 782	66 312	52 470
Крупного рогатого скота, голов, в т. ч. коров, голов	7008 4364	1105 639	5903 3725
Птицы, всего тыс. голов в т. ч. несушек (кур), тыс. голов	178,8 101,0	– –	178,8 101,0
Пушных зверей, всего голов, в т. ч. серебристо-черных лисиц, голов голубых песцов, голов норок, голов	8751 1273 1136 6342	1352 868 484 –	7399 405 652 6342

Таблица 2

**Производство сельскохозяйственной и промышленной продукции
по Магаданскому управлению в 1961 г. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 34)**

Table 2

**Agricultural and commercial production in the Magadan administration in 1961
(GAMO. F. P-21. Op. 5. D. 808. L. 34)**

Показатель	Всего в колхозах и совхозах	В том числе:	
		в колхозах	в совхозах
Мясо в живом весе, тонн (ожидаемое)	2620	1220	1400
Молоко, тонн	12814	1514	11 300
Яйца, тыс. шт.	13381	370	13 011
Картофель, тонн	2634	258	2376
Овощи, тонн	6397	367	6030
Сдано государству рыбы, тыс. ц	130,0	130,0	–
Добыто морзверя, тыс. ц	2,0	2,0	–
Добыто и произведено пушмехсырья, тыс. руб.	546,0	–	–

В производстве молока наблюдалось явное преобладание совхозов: из общего объема в 12 814 тонн на их долю приходилось 11 300 тонн (88,2 %), в то время как колхозы произвели лишь 1514 тонн (11,8 %). Аналогичная ситуация наблюдалась и в производстве яиц: из 13 381 тысячи штук 13 011 тысяч (97,2 %) было произведено в совхозах. Упомянутые сведения указывают на специализацию совхозов в молочном животноводстве и птицеводстве.

В растениеводстве также доминировали совхозы: из 2634 тонн картофеля 2376 тонн (90,2 %) и из 6397 тонн овощей 6030 тонн (94,3 %) были произведены в совхозах. Рыболовство и морской зверобойный промысел оставались исключительно в ведении колхозов: было сдано государству 130 тысяч центнеров рыбы и добыто 2 тысячи центнеров морского зверя. Общая стоимость добытого и произведенного пушно-мехового сырья составила 546 тысяч рублей. Информация отражает сложившуюся специализацию хозяйств региона, где совхозы доминировали в производстве основных сельскохозяйственных продуктов, а колхозы сохраняли ведущую роль в традиционных промыслах.

Анадырское управление, охватывавшее территорию Чукотского национального округа, включало в себя семь районов: Анадырский, Беринговский, Билибинский, Чаунский, Иультинский, Чукотский и Провиденский. К 1962 г. на подведомственной территории функционировало 30 колхозов и шесть совхозов, подчинявшихся Министерству совхозов РСФСР. За период с 1958 по 1962 г. произошло укрупнение колхозов: их число сократилось с 42 до 30, что отражало общую тенденцию к консолидации сельскохозяйственного производства в СССР. Всего по Дальнему Востоку с 1959 по 1965 г. число колхозов уменьшилось с 808 до 165, а число совхозов увеличилось со 138 до 327 [Общество и власть... 2016, с. 299].

Кадровый состав Анадырского управления в 1962 г. характеризовался высоким уровнем профессиональной подготовки. При штатной численности

в 40 единиц фактически было укомплектовано 35 позиций. Из них 15 сотрудников имели высшее образование, а 10 – среднее. Особую роль играли 10 инспекторов-организаторов, 9 из которых были специалистами в области сельского хозяйства, а 7 имели высшее образование (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 272. Л. 89). Группа главных специалистов включала должности, необходимые для эффективного управления сельским хозяйством региона: главного зоотехника, главного ветврача, главного инженера-механика, главного инженера-строителя, инженера по промыслу, старшего инженера по контролю за заготовками и других.

Специфика сельского хозяйства Чукотки определялась природно-климатическими условиями и историческими традициями коренного населения. Основными отраслями хозяйства колхозов и совхозов являлись оленеводство, пушной и морской зверобойный промыслы, а также пушное звероводство. Оленеводство занимало принципиальное место в экономике региона: в 1957 г. общее поголовье оленей составляло 500,2 тысячи голов, что соответствовало примерно 20 % всего поголовья оленей в СССР (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 342. Л. 159). 1958 г. ознаменовался дальнейшими успехами отрасли: колхозы не только выполнили план, но и увеличили поголовье оленей на 22 тысячи голов. Средний деловой выход телят по области достиг 73,1 головы на 100 маток, а сохранность взрослых оленей составила 92,7 % (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 342. Л. 165–166).

Эффективное руководство оленеводческим хозяйством требовало глубокого понимания исторически сложившихся особенностей уклада жизни и хозяйствования народов Северо-Востока. Отсутствие такого понимания у части управленческого персонала приводило к принятию решений, не учитывающих специфику традиционного оленеводства, что негативно сказывалось на результатах отрасли. Структурной единицей в оленеводстве являлась пастушеская бригада. Существовавшая

система оплаты труда, основанная на трудоднях, при низкой средней выработке не обеспечивала достаточной материальной заинтересованности пастухов. Руководство колхозов и совхозов сталкивалось с проблемой определения оптимального соотношения натуральной и денежной форм оплаты труда, причем решения не всегда принимались с учетом конкретных местных условий.

Ситуацию усугубляла практика взыскания с пастухов компенсаций за непроизводительные потери оленей, имеющаяся в некоторых хозяйствах и наряду с другими факторами приводившая к сокращению личного поголовья оленей у пастухов. Парадоксальным образом этому содействовала и применявшийся ранее механизм высокой оплаты за выпас личных оленей в общественных стадах. В некоторых случаях при утере общественных оленей пастухи были вынуждены компенсировать потери из своего личного поголовья.

Отрасль также испытывала отток кадров: многие пастухи предпочитали переходить на менее тяжелые работы. Нехватка квалифицированных пастухов приводила к формированию чрезмерно крупных стад численностью до 2,5–3 тысяч голов, что еще больше усложняло уход за животными и снижало эффективность хозяйствования.

Вопросы развития сельского хозяйства, в том числе оленеводства, стали предметом обсуждения на пятом пленуме областного комитета партии, состоявшемся 12–13 января 1959 г. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 167). На Чукотке оленеводство оставалось основной отраслью колхозного производства. Руководство области отмечало, что в период с 1953 по 1957 г. отрасль переживала стагнацию, и лишь в 1957–1958 гг. наметились небольшие положительные сдвиги. План по поголовью оленей на 1958 г. был установлен в размере 308,6 тысячи голов, фактически же к концу года насчитывалось 311 тысяч.

Председатель исполнительного комитета Чукотского окружного Совета И.И. Рультытегин в своем выступлении выделил ряд причин, препятствовавших развитию оленеводства (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 167. Л. 90). Среди них он отметил:

1. Отсутствие специализированного управленческого опыта и квалифицированных руководящих кадров.

2. Недостаточную материальную заинтересованность колхозников, обусловленную неэффективной системой оплаты труда.

3. Отсутствие квалифицированного зоотехнического руководства.

4. Несвоевременность мер по предотвращению заболеваний оленей.

Перечисленные обстоятельства в совокупности создавали серьезные препятствия для развития оленеводства и требовали комплексного подхода к их решению.

К началу 1960-х гг. потенциал оленеводства в регионе оценивался достаточно высоко: общая оленеёмкость всех пастбищ определялась в 609,7 тысячи голов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 31),

обеспечивая предпосылки для развития отрасли при условии решения накопившихся проблем.

В ответ на сложившуюся ситуацию руководство Магаданской области инициировало ряд мер по стимулированию развития оленеводства. Важным шагом стало проведение межобластного совещания передовиков оленеводства. По итогам проведенного мероприятия были разработаны конкретные предложения по улучшению ситуации в отрасли. Первый секретарь обкома П.Я. Афанасьев в своем письме в Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 30 июня 1958 г. сообщал о разработке «системы материальной заинтересованности пастухов-оленьеводов за производство сверхплановой продукции, за выращивание телят и сохранение взрослого поголовья» (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 794. Л. 138).

Инициатива получила дальнейшее развитие в Постановлении бюро обкома и облисполкома № 283 (43–2) от 7 июля 1961 г. Документ утвердил «Рекомендации по дополнительной оплате труда колхозников области», которые устанавливали четкий порядок и конкретные размеры дополнительных выплат, связанных с выполнением и перевыполнением производственных планов. В оленеводстве была введена система премирования за сохранение оленематок, взрослых оленей и телят, за получение приплода, выполнение плана сдачи мяса и другие показатели.

Проблема оплаты труда оленеводов вызывала серьезное беспокойство как у руководства области, так и у самих работников отрасли. Ярким подтверждением служит письмо бригадира оленеводческой бригады колхоза «Полярник» Чукотского района В.И. Тынечейвына, адресованное первому секретарю обкома П.Я. Афанасьеву 13 декабря 1961 г. В своем эмоциональном обращении Тынечейвын описывал тяжелые условия труда оленеводов:

«Я пасу оленей и когда солнце греет и птицы поют, и когда дуют пурги, жестокие морозы, льют дожди, все равно я стою и бегаю вокруг стада. Пусть я вижу пургу в пяти метрах, все равно я не оставляю пост и дежурю не менее 12 часов, а часто и больше, когда смена не может дойти до стада в пургу, но знаешь, что он идет или не может найти тебя. А другой сидит дома тепло, светло и сыт, а получает 100 трудодней и денежная доплата 80 рублей в месяц... [...] а пастух целыми сутками пасет в пургу на морозе, дожде, кое-как догоняет 20 трудодней в месяц в лучшем случае?» (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 270. Л. 75–76).

Письмо бригадира наглядно демонстрирует, что применявшаяся система оплаты труда не отражала реальных трудозатрат оленеводов и не обеспечивала справедливого вознаграждения за их тяжелый труд. Вопрос был настолько серьезным, что его невозможно было решить на уровне отдельных колхозов или даже районных комитетов партии. Публикации в прессе также не принесли ожидаемого результата, оленеводы были вынуждены обращаться напрямую в областной комитет партии. Письмо бригадира Тынечейвына было вынесено на обсуждение заседания бюро обкома, что показывает серьезное отношение руководства к проблемам отрасли.

Согласно архивным данным, на 1 января 1962 г. общее поголовье оленей по Анадырскому управлению составляло 435 278 голов, из которых 306 229 (70,4%) содержались в колхозах, а 129 049 (29,6%) – в совхозах (табл. 3), что подчеркивает ведущую роль колхозов в оленеводстве Чукотки. В сфере пушного звероводства наблюдалась схожая тенденция: из общего поголовья в 4025 голов, 3212 (79,8 %) содержались в колхозах, а 813 (20,2 %) – в совхозах, колхозы лидировали в разведении всех видов пушных зверей: серебристо-черных лисиц, голубых песцов и норок.

Что касается крупного рогатого скота, его поголовье было относительно небольшим – всего 113 голов, из которых 79 (69,9 %) содержались в совхозах и 34 (30,1 %) – в колхозах, что указывает на ограниченные возможности развития скотоводства в суровых климатических условиях Чукотки. Птицеводство было представлено исключительно в колхозах, где содержалось 823 головы птицы, в том числе 700 несушек.

К 1960 г. в Чукотском округе функционировало 19 звероферм с общим поголовьем 1 376 голов (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 200. Л. 9–10). К началу 1962 г. поголовье пушных зверей увеличилось

почти втрое, планировалось дальнейшее расширение звероводства: предполагалось строительство новых звероферм, корпусов, ледников и кормовых цехов с целью увеличения поголовья до 5928 голов к 1964 г.

Сведения о производстве сельскохозяйственной продукции, добыче рыбы, морского зверя, пушного и мехового сырья по Анадырскому управлению в 1961 г. представлены в таблице 4. Согласно архивным данным, ожидаемое производство мяса в живом весе составило 9300 тонн, причем вклад колхозов (6700 тонн, или 72 %) превышал долю совхозов (2600 тонн, или 28 %), отражая ведущую роль колхозов в мясном производстве региона. В производстве молока наблюдалась обратная тенденция: из общего объема в 127,9 тонны на долю совхозов приходилось 97 тонн (75,8 %), в то время как колхозы произвели лишь 30,9 тонны (24,2 %). Производство яиц было представлено исключительно в колхозах и составило 5,6 тысячи штук, что говорит об ограниченном развитии птицеводства на Чукотке.

Особо следует отметить объемы добычи рыбы и морского зверя, осуществляемые исключительно колхозами. Было сдано государству 9 тысяч цент-

Таблица 3

Поголовье животных в колхозах и совхозах Анадырского управления на 1 января 1962 г.
(ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 32)

Table 3

Livestock population in collective and state farms of the Anadyr administration as of January 1, 1962
(ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 32)

Животные	Всего в колхозах и совхозах	В том числе:	
		в колхозах	в совхозах
Оленей, всего голов	435 278	306 229	129 049
Пушных зверей, всего голов, в т. ч. серебристо-черных лисиц, голубых песцов, норок, голов	4025 2281 1086 658	3212 1790 1086 336	813 491 — 322
Крупного рогатого скота, голов, в т. ч. коров, голов	113 58	34 16	79 42
Птицы, всего, в т. ч. несушек, тыс. голов	823 700	823 700	—

Таблица 4

Производство сельскохозяйственной продукции, добыча рыбы, морского зверя, пушного и мехового сырья по Анадырскому управлению (1961 г.) (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 32)

Table 4

Agricultural production, fishing, marine mammal hunting, fur and fur wrought materials production in the Anadyr administration (1961) (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 808. Л. 32)

Продукция	Всего в колхозах и совхозах	В том числе:	
		в колхозах	в совхозах
Мясо, в ж. в. всего (ожидаемое)	9300	6700	2600
Молоко, тонн	127,9	30,9	97,0
Яйца, тыс. шт.	5,6	5,6	—
Сдано государству рыбы, тыс. ц	9,0	9,0	—
Добыто морзверя, тыс. ц	63,3	—	—
Добыто и произведено пушмехсырья, тыс. руб.	391,1	—	—

неров рыбы и добыто 63,3 тысячи центнеров морского зверя. Приведенные данные подчеркивают важность традиционных промыслов в экономике Чукотки и их концентрацию в колхозном секторе. Общая стоимость добытого и произведенного пушно-мехового сырья составила 391,1 тысячи рублей.

Данные отражают специфику сельского хозяйства и промыслов Чукотки, где традиционные отрасли (оленоводство, рыболовство, морской зверобойный промысел) играли важнейшую роль, а развитие новых направлений (молочное животноводство, птицеводство) находилось на начальной стадии. Преобладание колхозов в большинстве отраслей указывает на сохранение традиционных форм хозяйствования, адаптированных к условиям Крайнего Севера.

Развитие традиционных и новых отраслей сельского хозяйства

К началу 1958 г. совхозы Магаданской области имели развитую материально-техническую базу для животноводства: крупные молочные фермы, свиноводство и птицеводство. Государственные хозяйства демонстрировали устойчивый рост производства молока и яиц. Активно внедрялась механизация трудоемких процессов, хотя отрасль постоянно сталкивалась с проблемами высоких затрат на завоз кормов и нехваткой помещений для содержания животных.

В растениеводстве также наблюдался прогресс. Посевные площади к 1958 г. достигли 4,5 тысячи гектаров, при этом основной задачей было обеспечение населения картофелем и овощами. Из 56 колхозов земледелием занимались 18, причем 10 из них обслуживались Колымской МТС. Активно развивалось парниково-тепличное хозяйство с постепенным переводом на технический обогрев. В 1958 г. наблюдалось увеличение урожайности как в государственных хозяйствах, так и в колхозах (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 342. Л. 184–189). При этом сельское хозяйство региона оставалось дотационным, требуя значительных государственных субсидий (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 342. Л. 197).

В период интенсивного развития сельского хозяйства Магаданской области наблюдался парадоксальный феномен: несмотря на увеличение объемов производства и амбициозные планы колхозов и совхозов, численность работников отрасли оставалась практически неизменной. Указанное обстоятельство создавало трудности в управлении и организации производства, учитывая, что многие отрасли сельского хозяйства региона основывались на вовлечении коренного населения. Ресурсы управленцев были ограничены, что обусловило повышенное внимание к процессам механизации и автоматизации производства как фактору повышения производительности труда.

Проблемы технического обновления нашли отражение в выступлении секретаря Чукотского окружкома В.Г. Ботыгина на втором пленуме обкома 31 марта 1960 г. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 200. Л. 24). Среди приоритетных вопросов он выделил необходимость механизации оленеводческих бригад, их обеспечения тракторами и передвижными домиками. Также подчеркивалась важность подготовки типовых проектов звероферм, кормовых цехов, ледников и обеспечения хозяйств современной техникой, включая электростанции и морозильные установки.

Наряду с техническим перевооружением руководство региона видело необходимость в структурных изменениях. Отмечалась потребность в укрупнении колхозов, что должно было способствовать более эффективному использованию ресурсов и управлению хозяйствами. Кроме того, руководство Чукотского округа выступило с инициативой о переподчинении совхозов окружному управлению сельского хозяйства, что могло бы улучшить координацию и управление сельскохозяйственным производством на местном уровне.

К 1 января 1962 г. структура совхозного сектора Магаданской области была представлена 13 совхозами, подчинявшимися Министерству совхозов РСФСР. Из них 10 специализировались на оленеводстве, два – на звероводстве и один был овощемолочного направления. Почти половина совхозов (6 из 13) были созданы совсем недавно – в 1960 г. на базе мелких колхозов и подсобных хозяйств, что отражало тенденцию к укрупнению и централизации сельскохозяйственного производства.

Финансовые результаты деятельности совхозов за 1961 г. представляли неоднозначную картину. Семь совхозов показали рентабельность, принеся в общей сложности 1018 тысяч рублей прибыли. Шесть совхозов оказались убыточными, их совокупные убытки составили 719 тысяч рублей (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 795. Л. 38–41). Эта ситуация отражала сложности, с которыми сталкивалось сельское хозяйство региона, и указывала на необходимость дальнейших мер по повышению эффективности производства и управления в совхозном секторе.

В марте 1964 г. руководство СССР предприняло решительные шаги для поддержки неэффективных колхозов. 12 марта ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление № 221 «О мерах подъема экономики отстающих колхозов». Решение было конкретизировано 30 апреля 1964 г. соответствующим Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которое утвердило перечень отстающих колхозов Магаданской области, подлежащих особой поддержке.

Реагируя на директивы сверху, руководство Магаданской области 28 мая 1964 г. приняло собственное Постановление, детализирующее меры по выполнению решений центральных органов власти (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 345. Л. 60–77).

Значимым элементом постановления стало выделение кредитов на доплаты председателям колхозов, специалистам, главным бухгалтерам и механизаторам, что должно было стимулировать повышение эффективности управления и производства в отстающих хозяйствах.

В Магаданской области функционировал ряд крупных совхозов, среди которых выделялись «Арманский», «Магаданский», а также оленеводческие совхозы «Буксунда» и «Челбанья». Для повышения рентабельности и ликвидации убыточности хозяйств предпринимались различные меры. Проводились мероприятия по улучшению кормовой базы в зверосовхозах за счет более эффективного использования отходов рыбного и морзверобойного промыслов, а также отходов от забоя оленей, позволяющие не только снизить себестоимость продукции, но и решать проблему утилизации отходов других отраслей.

Не все хозяйства имели положительную динамику. Показательным примером сложностей, с которыми сталкивалось сельское хозяйство региона, был единственный овощемолочный совхоз «Среднеканский». Производство молока и овощей в данном хозяйстве оставалось убыточным из-за того, что себестоимость продукции превышала установленные закупочные цены.

Историк И.Д. Бацаев в своих исследованиях обратил внимание на ряд проблем, возникших в процессе реорганизации сельского хозяйства региона. Он отмечал, что при укрупнении колхозов и их преобразовании в совхозы зачастую не учитывались традиционные, исторически сложившиеся места расселения коренных народов и сложные «межплеменные» отношения [Бацаев 2011, с. 202]. Более того, многие традиционные виды хозяйственной деятельности коренных народов Северо-Востока, ранее игравшие важную роль в их экономике и культуре, в новых условиях были отнесены к категории низкорентабельных. Указанное обстоятельство создавало не только экономические, но и социальные вызовы, подрывая традиционный уклад жизни коренного населения.

Рыбная промышленность в системе регионального хозяйства

Как отмечала в своем исследовании А.С. Ващук, развитие пищевой промышленности на Дальнем Востоке в 1950-е гг. стало следствием общего курса на социальную переориентацию экономики после августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР, что привело к развитию рыбной промышленности, расширению производства хлебобулочных изделий и созданию новых пищевых производств в регионе [Ващук 1998, с. 54].

Рыбная промышленность Магаданской области в конце 1950-х – начале 1960-х гг. была сосредоточена в нескольких районах: Тауйской и Гижигинской губах на юге области, а также в Анадырском заливе и Мечигменской губе на Чукотке. Структура

отрасли характеризовалась преобладанием большого количества мелких предприятий, что затрудняло процессы механизации и модернизации производства. Добыча рыбы в акватории, занимаемой Магаданским государственным рыбным трестом, помимо колхозов, осуществлялась рыбокомбинатами и входящими в их состав рыбозаводами и цехами.

В 1958 г. Магаданский государственный рыбный трест располагал флотом из 11 сейнеров для морского лова. Внедрение методов активного лова позволило увеличить продолжительность сезона добычи сельди до шести месяцев, что было достижением для региона с суровыми климатическими условиями. Тем не менее общая тенденция была неблагоприятной: удельный вес добычи рыбы в области снижался. В 1958 г. общий улов составил 184,7 тысячи центнеров рыбы, из которых 144 тысячи центнеров приходилось на сельдь и 37,4 тысячи центнеров – на лососевые виды (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 341. Л. 222–223). Промысел других видов рыб, таких как навага, камбала, корюшка и мойва, носил нерегулярный, зачастую случайный характер. В 1959 г. в дальневосточной рыбной отрасли провели реорганизацию структур управления, объединив их в Главное управление рыбной промышленности Дальнего Востока («Дальрыба»), включавшее крупные объединения по добыче рыбы и морепродуктов Приморья, Сахалина, Камчатки и Магаданской области [Общество и власть... 2016, с. 285].

Развитие рыбной промышленности региона сдерживалось рядом факторов, среди которых наиболее существенными были короткий промысловый сезон и недостаточное техническое оснащение предприятий. На Чукотке огромную роль играл морской зверобойный промысел. К 1960 г. этим видом деятельности занимались 28 колхозов, развитие промысла сталкивалось с серьезными трудностями, главными из которых были острая нехватка специализированной техники и отсутствие надлежащей базы для переработки и хранения продукции морского зверобойного промысла.

В целях повышения эффективности и рентабельности рыбной промышленности предпринимались меры по диверсификации производства и улучшению качества продукции. Стратегия развития отрасли предусматривала сокращение объемов простого посола рыбы в пользу производства новых видов продукции с более высокой добавленной стоимостью. Планировалось расширить ассортимент за счет выпуска охлажденной, мороженой, слабосоленой и среднесоленой продукции, а также развивать производство маринованной, копченой рыбы и рыбных кулинарных изделий. Для реализации задуманного предусматривалось комплексное развитие материально-технической базы отрасли. В частности, планировались оснащение предприятий треста современным промысловым флотом и укрепление береговой производственно-технической инфраструктуры.

Заключение

Период конца 1950-х – начала 1960-х гг. ознаменовался кардинальной перестройкой системы управления сельским хозяйством и рыбной промышленностью Магаданской области. Вместо централизованной системы Дальстроя была создана более сложная структура с различными уровнями подчинения. Межрайонные колхозно-совхозные управления (Магаданское и Анадырское) осуществляли общую координацию сельскохозяйственного производства, при этом часть совхозов была передана Министерству совхозов РСФСР, а другая часть перешла в подчинение созданного Магаданского совнархоза, который отвечал за продовольственное обеспечение промышленных предприятий региона. Эта многоуровневая административная реорганизация сопровождалась укрупнением хозяйств, техническим перевооружением и попытками повышения эффективности производства.

Оленеводство оставалось ключевой отраслью региона, особенно на Чукотке, однако сталкивалось с рядом проблем, включая нехватку квалифицированных кадров и недостаточную материальную заинтересованность работников. Развитие животноводства, птицеводства и растениеводства

в суровых климатических условиях требовало значительных инвестиций и государственной поддержки. Рыбная промышленность и морской зверобойный промысел, несмотря на их традиционную важность для региона, также переживали период реорганизации, сталкиваясь с проблемами технического оснащения и сезонности производства.

Разделение управленческих функций между различными ведомствами создавало дополнительные сложности в координации хозяйственной деятельности. Процессы модернизации и укрупнения хозяйств не всегда учитывали специфику традиционного уклада жизни коренных народов Севера, что создавало дополнительные социальные и экономические вызовы. Несмотря на предпринимаемые меры по повышению эффективности сельскохозяйственного производства, многие хозяйства оставались убыточными, что требовало постоянной государственной поддержки. Тем не менее, именно в этот период была создана новая система управления аграрным сектором и рыбной промышленностью Магаданской области, определившая их структуру и принципы функционирования на десятилетия вперед.

Материалы исследования

ГАМО – Государственный архив Магаданской области.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Библиографический список

Бацаев 2011 – *Бацаев И.Д.* Советская аграрная политика на Северо-Востоке России в период социально-экономической модернизации (начало 1950-х – середина 1980-х гг.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2011. 199 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19977955>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvepww>.

Вашук 1998 – *Вашук А.С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/vashuk-ussr-social-politics.pdf>.

Гребенюк 2023 – *Гребенюк П.С.* Развитие сельского и промыслового хозяйства Магаданской области в 1954–1957 гг. // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24, № 4. С. 633–652. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24\(4\).633-652](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(4).633-652). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56010780>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tqgpqf>.

Исаков 1994 – *Исаков А.Н.* История торговли на Северо-Востоке России (XVII– XX вв.). Магадан: Магаданское книжное издательство, 1994. 260 с.

Историческая хроника... 1975 – *Историческая хроника* Магаданской области. События и факты. 1917–1972 гг. / под ред. А.Т. Хилобоченко. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1975. 337 с. URL: <https://klex.ru/1mng>.

История Чукотки... 1989 – *История Чукотки* с древнейших времен до наших дней / под. ред. Н.Н. Дикова. Москва: Мысль, 1989. 492 с. URL: <https://klex.ru/1vub>.

Мир после войны... 2009 – *Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг.* / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 4). URL: <https://cnbdvo.elpub.ru/publication/512>.

Общество и власть... 2016 – *Общество и власть* на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. URL: <https://cnbdvo.elpub.ru/publication/928>.

Советы Северо-Востока... 1979 – *Советы Северо-Востока: сборник документов и материалов.* Ч. 2 (1941–1961 гг.) / под ред. А.И. Крушанова. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1979. 327 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405045>.

References

- Batsaev 2011 – *Batsaev I.D.* (2011) The soviet agrarian policy in the North-East of Russia in the period of social and economic modernization (since the early 1950ies through-the mid 1980ies). Magadan: SVKNII DVO RAN, 199 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19977955>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvepwv>. (In Russ.)
- Vashchuk 1998 – *Vashchuk A.S.* (1998) Social policy in the USSR and its implementation in the Far East (mid 40-ies – 80-ies of the XX century). Vladivostok: Dal'nauka, 212 p. Available at: <http://ihafe.org/files/publications/full/vashuk-ussr-social-politics.pdf>. (In Russ.)
- Grebenyuk 2023 – *Grebenyuk P.S.* (2023) Development of agriculture, hunting, fishing and reindeer herding in Magadan Region in 1954–1957. *Journal of Economic History & History of Economics*, vol. 24, no. 4, pp. 633–652. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24\(4\).633-652](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(4).633-652). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56010780>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tqgpqf>. (In Russ.)
- Isakov 1994 – *Isakov A.N.* (1994) History of trade in the North-East of Russia (XVII–XX centuries). Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 260 p. (In Russ.)
- Historical chronicle... 1975 – *Khilobochenko A.T. (Ed.)* (1975) *Historical chronicle* of the Magadan region. Events and facts. 1917–1972. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 337 p. Available at: <https://klex.ru/1mng>. (In Russ.)
- History of Chukotka... 1989 – *Dikov N.N. (ed.)* (1989) History of Chukotka from ancient times to the present day. Moscow: Mysl', 492 p. Available at: <https://klex.ru/1vub>. (In Russ.)
- World After War... 2009 – *Larin V.L. (ed.)* (2009) World after war: Far Eastern society in 1945–1950-ies (History of the Russian Far East. Vol. 3, Book 4), Vashchuk A.S. (executive editor). Vladivostok: Dal'nauka, 696 p. Available at: <https://cnbdvo.elpub.ru/publication/512>. (In Russ.)
- Society and Power... 2016 – *Larin V.L. (ed.)* (2016) Society and power in the Russian Far East in 1960–1991 (History of the Russian Far East. Vol. 3, Book 5), Vashchuk A.S. (executive editor). Vladivostok: IIAE DVO RAN, 940 p. Available at: <https://cnbdvo.elpub.ru/publication/928>. (In Russ.)
- Soviets of the North-East... 1979 – *Krushanov A.I. (ed.)* (1979) *Soviets of the North-East*: collection of documents and materials. Part 2 (1941–1961). Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 327 p. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405045>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 18.02.2025
принятия: 02.06.2025

Цензура и идеологический контроль над печатью в Куйбышевской области 1930-х годов

В.С. Кухорев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kukhorevvs@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4319-5921>

Аннотация: Статья посвящена анализу цензуры и идеологического контроля над печатью в Куйбышевской области в 1930-е годы с опорой на архивные материалы фонда Р-2247 ЦГАСО и сравнительный анализ партийных директив ВКП(б) и региональной практики. Автор показывает, как система цензуры, формально регламентированная постановлениями партии, сталкивалась с системными проблемами: недостатком квалифицированных кадров, высокой нагрузкой на цензоров и упрощением процедур допуска материалов в печать через устные указания. Особое внимание уделено трансформации системы подготовки журналистов и цензоров: краткосрочные курсы при Обллите, ориентированные на усиление идеологической выучки, позволили закрыть кадровые дефициты, но снизили профессиональный уровень редакционной работы. Анализ архивных документов раскрывает роль уполномоченных Обллита как ключевых арбитров идеологического контроля, одновременно подверженных давлению партийных комитетов и бюрократическим противоречиям. Исследование подчеркивает, что советская система цензуры не была статичной: несмотря на стремление к тотальному надзору, ее эффективность зависела от локальных условий, кадровой политики и адаптации к социально-экономическим преобразованиям. Эти выводы уточняют представления о цензуре как механизме не только всеобъемлющего контроля, но и динамичного административного управления информацией, что открывает пространство для дальнейших исследований региональных аспектов советской печати.

Ключевые слова: идеологический контроль; цензура; Куйбышевская область; 1930-е годы; редакционная деятельность; система подготовки; уполномоченные Обллита.

Цитирование. Кухорев В.С. Цензура и идеологический контроль над печатью в Куйбышевской области 1930-х годов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 73–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-73-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кухорев В.С., 2025

Виталий Сергеевич Кухорев – ассистент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2025
Revised: 18.02.2025
Accepted: 02.06.2025

Censorship and ideological control over the press in the Kuibyshev region in the 1930-ies

V.S. Kukhorev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kukhorevvs@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4419-5921>

Abstract: The article focuses on analyzing mechanisms of ideological control over print media in the Kuybyshev Region during the 1930-ies, based on archival materials from Fond R-2247 of the Central State Archive of Samara Oblast and a comparative analysis of CPSU(b) party directives and regional practices. The author demonstrates how the censorship system, formally regulated by Politburo decrees, encountered systemic challenges: a shortage of qualified personnel, high workloads on censors, and simplified procedures for approving materials for publication through oral instructions. Particular attention is devoted to the transformation of the training system for journalists and censors: short-term courses at the Oblit (Regional Department of Press Control), designed to strengthen ideological indoctrination, addressed personnel shortages but reduced the professional quality of editorial work. Archival document analysis reveals the role of Oblit officials as key arbiters of ideological control, simultaneously subjected to pressure from party committees and bureaucratic contradictions. The study emphasizes that the Soviet censorship system was not static: despite efforts toward total surveillance, its effectiveness depended on local conditions, personnel policies, and adaptation to socio-economic transformations. These findings refine perceptions of censorship as a mechanism not only of repression but also of dynamic administrative information management, opening avenues for further research into regional aspects of Soviet media policy.

Key words: ideological control; censorship; Kuibyshev Region; 1930-ies; editorial work; staff shortages; training system; Oblit authorized representatives.

Citation. Kukhorev V.S. Censorship and ideological control over the press in the Kuibyshev region in the 1930-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 73–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-73-80>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Kukhorev V.S., 2025

Vitaliy S. Kukhorev – assistant lecturer of the Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Проблематика контроля над периодической печатью в советское время неразрывно связана с общей логикой становления государственной системы управления информацией. С середины 1920-х – начала 1930-х годов в стране сформировались основные институты идеологического надзора за печатью: Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств), а также сеть региональных органов цензуры. Деятельность цензурных органов была тесно связана с партийными структурами, которые обеспечивали «руководящую роль» партии во всех сферах общественной жизни, включая издательскую и редакторскую работу. Однако реальные условия функционирования цензуры и редакций – дефицит квалифицированных кадров, высокая нагрузка на сотрудников – часто приводили к противоречивому воплощению идеологических установок на практике. Эти аспекты требуют более глубокого изучения в исторических исследованиях.

Современные исследования механизмов идеологического контроля над печатью в СССР 1930-х годов выявляют ключевые тенденции, включая эволюцию цензурных органов от централизованных структур, например Главлит, к региональным управлениям, двойственную роль цензуры как инструмента политического контроля и «защиты от внешних угроз», а также противоречия между официальной доктриной и реальной практикой. Работы И.Г. Иванцова [Иванцов 2015], А.М. Подлужной [Подлужная 2012] и А.В. Сурова (Суров 2015) подчеркивают централизацию системы под партийным руководством, отмечая роль ВЧК-ГПУ-ОГПУ и Агитпропа в ее становлении. Однако авторы указывают на организационные сложности на местах: дефицит кадров, разрозненность контролирующих инстанций и нестыковки в координации между центром и регионами.

Центральное место в историографии занимает анализ роли Главлита. В.А. Бондаренко отмечает, что этот орган, осуществлявший предварительный контроль над печатной продукцией, согласование кадров и ограничение распространения материалов, стал ключевым инструментом идеологического надзора, включая деятельность местных отделений в Куйбышевской области [Бондаренко 2019]. А.О. Яланузян дополняет эту трактовку, акцентируя ужесточение контроля над СМИ, радиовещанием и кадровыми назначениями в 1930-е годы, что превратило Главлит в механизм тотального идеологического регулирования [Яланузян 2019]. Э.Н. Нежигай конкретизирует региональ-

ный аспект: через сеть Гублитов Главлит устанавливал жесткий контроль над кадровым составом, цензурой изданий и финансовыми аспектами (например, цензурными сборами), что в Куйбышевской области, как и в других регионах, приводило к дублированию полномочий, некомпетентности местных цензоров и тотальной идеологизации культурного пространства [Нежигай 2017].

Важное направление исследований – взаимодействие партийных структур и цензурных органов. С.А. Дианов раскрывает региональные аспекты этого процесса на примере Урала, показывая, как партийные комитеты ВКП(б) в 1930-е годы постепенно подчиняли себе цензурный аппарат через кадровый контроль, административное давление и формальную отчетность [Дианов 2011 а]. В другой работе Дианов выявляет социальные проблемы сотрудников цензуры: нехватку жилья, низкие зарплаты и отсутствие стимулирующих выплат, что вызывало массовую текучку кадров в регионах [Дианов 2011 б]. Эти данные важны для понимания специфики Куйбышевской области, где партийные органы, несмотря на формальное подчинение центру, действовали ситуативно, сочетая репрессивные меры с бюрократической инерцией.

Неформальные аспекты взаимодействия цензуры и редакций анализируют А.С. Сизова [Сизова 2020] и Ф.К. Ярмолич [Ярмолич 2015]. Они отмечают, что отношения между цензорами и журналистами часто строились на партнерских договоренностях, а не только на партийных инструкциях и предписаниях. И.А. Гращенков связывает трансформацию цензуры с усилением роли Сталина и переходом от государственного контроля к партийному, что повлияло на жесткость предварительной и последующей цензуры [Гращенков 2008].

Региональные механизмы контроля исследуются в работах А.Н. Коровникова, который на примере Молотовского обллита демонстрирует унифицированные подходы к надзору за газетами, типографиями, библиотеками и музеями, включая многократные проверки книжных фондов и корректировку идеологических ошибок [Коровников, Сулов 2014]. Важной работой является также труд А. Гужаловского, описывающий особенности работы цензурной системы в Белорусской ССР [Гужаловский 1992]. Эти выводы подтверждают общесоюзный характер методов, описывают локальные практики, применявшиеся в т. ч. и в Куйбышевской области.

Широкий контекст идеологического контроля раскрывают исследования М.Г. Чогандарян [Чогандарян 2013] и Н.А. Ивановой [Иванова 2014].

Чогандарян показывает, как советская пропаганда 1920–1930-х годов, опираясь на агитационные ячейки и репертуарные комитеты, формировала единую идеологическую систему через контроль над печатью, культурными мероприятиями и искусством. Иванова, анализируя репрессии в Магнитогорске, подчеркивает, что любые проявления инакомыслия, даже в науке или культуре, квалифицировались как «вредительство», что подтверждает механизмы тотального надзора, характерные для всей страны, включая Куйбышевскую область. Г.В. Костырченко приводит ценные статистические данные по количеству публикаций и книг, изъятых цензорами в начале 1940-х гг., однако не охватывает выбранный нами для исследования период [Костырченко 1996].

Несмотря на значительный корпус работ, региональный аспект – специфика функционирования цензуры в Куйбышевской области – остается недостаточно изученным. Это подтверждает актуальность источниковедческого анализа архивных материалов, раскрывающих механизмы взаимодействия местных управлений цензуры с редакциями в условиях централизованной системы идеологического надзора.

Исследование опирается на комплекс источников, сочетающих нормативно-правовые документы (директивы ВКП(б), распоряжения республиканских наркоматов), региональные архивные материалы (документы фонда Р-2247 «Управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит)», 619 ед. хр., Центрального государственного архива Самарской области), что позволяет реконструировать механизмы идеологического контроля в Куйбышевской области. Эти документы раскрывают официальную политику партии, регламентирующую функции цензуры, включая последующий контроль за литературой и запрет «контрреволюционных» изданий. Однако их реализация на местах, как показывают архивные материалы фонда Р-2247 ЦГАСО, сталкивалась с практическими сложностями. Например, служебные записки и переписка уполномоченных Обллита фиксируют случаи некомпетентности цензоров, задержки выпуска газет из-за перегрузки сотрудников и даже публикации, нарушающие партийные директивы.

Связь между источниками проявляется в том, что партийные директивы задавали рамки системы, а региональные архивы раскрывают ее внутренние противоречия. Например, постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. запрещало произвольное изъятие литературы, что отражает попытку центра упорядочить практику, тогда как документы ЦГАСО демонстрируют, что до этого момента цензоры действовали по ситуации, опираясь на субъективную интерпретацию «идеологических ошибок».

Информационная ценность источников заключается в их способности отразить как вертикаль власти (через нормативные акты), так и горизон-

тальные конфликты на местах (через переписку редакций и жалобы типографий). Однако ряд вопросов остается за рамками исследования: отсутствие данных о взаимодействии Куйбышевского Обллита с соседними регионами, недостаток личных архивов цензоров, которые могли бы раскрыть мотивы их решений и профессиональные стратегии. Эти лакуны указывают на необходимость расширения источниковой базы для полного понимания региональной специфики советской цензуры.

Целью исследования является анализ механизмов реализации идеологического контроля над печатью в Куйбышевской области в 1930-е годы, включая выявление организационных сложностей и особенностей взаимодействия местных органов цензуры с редакциями периодических изданий в условиях советской системы государственного управления.

Основная часть

Формирование централизованной цензурной системы в СССР началось с декрета Совнаркома РСФСР от 6 июня 1922 года, учредившего Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) (Декрет «Положение о Главном управлении...» 1922). Изначально подчинявшийся Наркомпросу, Главлит вскоре стал полностью независимым от партийных структур ВКП(б). Его полномочия охватывали контроль за литературой, периодикой, радио, театрами и кинематографом, что укрепило идеологический контроль государства. Ключевым этапом становления этой системы стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 года, которое монополизировало издательское дело, объединив Госиздат с другими организациями (Сборник документов 1954, с. 398). Это закрепило за партией полный контроль над производством и распространением печатной продукции.

В 1930-е годы произошла реорганизация Главлита, а функции предварительного просмотра материалов переданы уполномоченным при государственных и общественных издательствах, что создало многоуровневую систему контроля. Уполномоченные формально подчинялись Главлиту, но финансировались за счет подведомственных организаций, что усиливало вертикаль власти и зависимость цензоров не только от центральных директив, но и от воли местных элит. Выстроенная в 1930-е гг. система контроля широко показала масштабы своей работы уже в годы Великой Отечественной войны. Например, за период с 1 июля 1941 года по 1 ноября 1944 года цензоры заблокировали 33 441 корреспонденцию по военным тайнам и 10 790 материалов по идеологическим причинам, демонстрируя масштабы системы [Костырченко 1996, с. 92].

Опыт дальнейшего становления системы цензурных органов в 1930-е годы демонстрирует, что идеологические директивы ВКП(б) служили основой для контроля над культурным пространством, регламентируя как общие принципы, так и част-

ные аспекты цензуры. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г., Главлит был обязан обеспечивать «общее руководство и инспектирование подчиненных органов» и «разрешение и запрещение изданий», при этом сохраняя за собой функцию последующего контроля за выходящей литературой (Постановление «О Главлите» 1930). Однако реализация этих установок на практике часто сталкивалась с противоречиями. Например, циркуляр ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1935 г. «Об изъятии троцкистско-зиновьевской литературы» обязывал местные органы строго следить за изъятием из библиотек и магазинов произведений, содержащих «контрреволюционную» идеологию, и предупреждал о недопустимости расхищения книг под предлогом «чистки» (Циркуляр «Об изъятии...» 1935). Несмотря на это, напротив, в 1937 г. в Ленинграде была напечатана книга А. Шотмана «Как из искры возгорелось пламя», где упоминались имена репрессированных лидеров (Троцкого, Зиновьева и др.) и их роль в революции. Цена за этот инцидент оказалась высока: цензор Гренлунд, допустивший издание, был привлечен к административной ответственности [Ярмолич 2015, с. 229].

Этот, казалось бы, рядовой случай, стал частью более широкой проблемы, связанной уже перегибами, а именно с произвольным изъятием литературы, которая достигла критического уровня к концу 1937 г. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы» констатировало, что массовые изъятия книг, включая произведения классиков марксизма-ленинизма и учебники, проводились под предлогом «опороченности» переводчиков или авторов и наносят вред системе образования, снижая культурный уровень общества. ЦК осудил такую практику, запретив изъятие литературы без специального разрешения центра и передав право решения таких вопросов исключительно Главлиту и его местным органам (Постановление «О ликвидации вредительской системы...» 1937). Однако до этого момента подобные действия, как в случае с Шотманом, становились поводом для репрессий как против цензоров, так и против авторов.

Цензура также контролировала иностранные издания. Ленинградское отделение Главлита разработало методики оценки «тенденциозности» материалов, особенно информации об экономическом сотрудничестве СССР с зарубежными странами. «Обзор буржуазной прессы», начатый в 1931 году, анализировал запрещенные журналы и газеты, фокусируясь на угрозах для внутренней и внешней политики [Ярмолич 2025, с. 224–225].

Таким образом, система цензуры находилась в постоянном напряжении между необходимостью соблюдения партийных директив и практическими сложностями их реализации. Директивы ВКП(б) создавали иллюзию строгой регламентации, но реальные действия цензурных органов часто при-

водили к конфликтам и даже парадоксальным ситуациям, когда изъятие литературы становилось инструментом дестабилизации культурного пространства. Однако масштабы этих проблем особенно остро проявлялись на региональном уровне, которые мы рассмотрим на примере Куйбышевской области, где недостаток квалифицированных кадров и организационные сложности превращали формальные установки в источник проблем.

Анализ архивных материалов в части цензурной работы в Куйбышевской области свидетельствует о том, что ряд проблем был обусловлен недостатком кадров. Так, в редакциях периодически скапливались заметки и статьи, остававшиеся без должной проверки, поскольку журналисты выезжали по колхозам и заводам, а у работников цензуры не хватало сил и времени для оперативного контроля. В результате номера газет нередко сдавались в печать с опозданием на день-два, что негативно отражалось на репутации издания, формируя недовольство подписчиков. Цензоры же, порой вынужденные работать с неотредактированными текстами, пропускали орфографические и стилистические недочеты, а иногда и содержательные ляпы. В архивах сохранились жалобы типографских работников на задержки с подачей материалов, из-за чего нарушались сроки выпуска (ЦГАСО. Ф. Р-1095. Оп. 4. Д. 2. Л. 4).

Люди шли работать в цензуру прежде всего из-за идеологической лояльности и стремления занять привилегированное положение в партийной иерархии. Цензоры рассматривались как «носители партийной линии», что давало им статус политической элиты второго порядка. Кроме того, материальные стимулы играли роль: заработная плата цензоров была выше средней по региону (около 600–700 руб. в месяц), а также предоставлялись дополнительные льготы, включая спецпак. Однако ключевым фактором оставалась возможность карьерного роста – успешные цензоры могли быть переведены в центральные органы или партийные структуры.

Примечательно, что для журналистов и активных авторов работа в газете могла стать финансово весьма ощутимой прибавкой: 15 рублей за публикацию на тот момент считались неплохой суммой. Самых деятельных и умеющих писать «в духе времени» даже привлекали на роль общественных представителей газеты на предприятиях, обеспечивая им дополнительный заработок и определенный социальный статус. Несмотря на это, общий контроль над деятельностью любого издания оставался в руках уполномоченных Обллита: согласно справке отдела печати и издательств Обкома ВКП(б), в Куйбышевской области имелись десятки официально утвержденных цензоров при областных и районных газетах, которые принимали решение об открытии или закрытии издания, назначении редакторов, формировании тиражей и тематического плана.

Важным аспектом функционирования цензуры была практика принятия конкретных решений об

опубликовании или снятии материалов. Архивные документы указывают, что допуск в печать зачастую сопровождался лишь устными указаниями цензора, вместо того чтобы оформляться письменными резолюциями. Подобное упрощение процедуры, зафиксированное в одной из докладных записок о проверке работы уполномоченных Обллита по ряду районов, позволяло цензорам дистанцироваться от формальной ответственности. Это давало им возможность избежать проблем, если сверху последует критика по поводу «недостаточно строгой» идеологической линии. Наряду с этим нельзя исключать и неформальных договоренностей между редакциями и цензорами, когда устные разрешения выступали инструментом обхода избыточно строгих или противоречивых правил (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 2). В этой связи особый интерес представляет практика принятия решений цензорами в Белорусской ССР, описанная А. Гужаловским [Гужаловский 1992], явно контрастирующая с опытом Куйбышевской области. Здесь видим, что некоторые печатные издания (например, учебник «Белорусский язык. Правописание» Я. Лесика, издававшийся с 1920-х годов), подвергались чересчур радикальным изменениям: после более чем 140 правок в 1930-х годах его издание было вовсе запрещено [Гужаловский 1992, с. 102]. Кроме того, цензоры были вынуждены удалять фразы, подчеркивающие национальную идентичность («Белорусские бояре с интересом смотрели на польских магнатов»), заменяли термины («Родная сторона» → «Советская республика») и исключали упоминания репрессированных авторов.

Дополнительной сложностью для органов цензуры становились ситуации, когда газеты сами допускали неточности и дезинформацию, вызывавшие серьезные нарекания. Яркий пример – статья «О значении переписи распространяются ложные слухи», опубликованная в газете «Сталинец» в декабре 1936 года. В ней приводились нелепые слухи о том, что участие в переписи платное и что женам красноармейцев следует скрывать семейное положение. В результате подобные домыслы приобретали оттенок легитимности и трактовались читателями именно как «официальная» позиция газеты. Цензоры же со своей стороны указывали, что едва ли не главной обязанностью редакции должна быть не передача сплетен, а их решительное опровержение с понятными и точными разъяснениями. Данный конфликт, описанный в обзорах цензуры, демонстрирует сложность согласования линий редакторов и уполномоченных, ведь газета выполняла пропагандистскую функцию, но при этом могла непреднамеренно посеять сомнения (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 4–5).

Еще одной темой, становившейся предметом критики цензуры, было непоследовательное освещение ключевых вопросов социалистического строительства. Такие упреки предъявлялись, например, газете «За коллективизацию», которая

изначально публиковала актуальные материалы о подготовке к посевной кампании, но затем теряла плановую направленность и переходила к «второстепенной» проблематике. Для советской печати подобный отход от генеральной линии считался серьезным изъясном, поскольку каждая газета должна была выступать органическим звеном партийной агитации и просвещения, соблюдая при этом требование системности и идеологической выдержанности. Сходные замечания относились и к недостаточному вниманию к новому Основному закону – «сталинской» Конституции 1936 года, которую предписывалось пропагандировать повсеместно и регулярно (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 10–11).

Внимание уполномоченных Обллита затрагивало не только содержание, но и визуальную часть газетных публикаций, качество используемых клише и иллюстраций, а также соблюдение норм технического оформления верстки. В условиях углубления «массовой культуры» и развития технологий в 1930-х годах подобная составляющая играла не последнюю роль в пропаганде. И любые нарушения, от неточности статистических данных до «замазанной» фотографии высших партийных руководителей, попадали в поле зрения цензуры, поскольку потенциально могли либо искажать представление о действительности, быть нелепыми, либо выглядеть недостаточно «идеологически правильными» (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 39).

Обращение к стенограммам совещаний уполномоченных дает представление о том, что деятельность цензоров не была простой. Цензурные работники испытывали постоянное давление как со стороны партийных органов, требовавших оперативной публикации политических решений, так и со стороны официальных установок Главлита, которые предусматривали жесткие ограничения и «правила игры». В одном из выступлений в сентябре 1938 г. цензор Юрин жаловался на постановление Красноярского райкома, обязывавшее газету публиковать резкие обвинения против некоторых групп комбайнеров и трактористов, объявленных «врагами народа». Уполномоченный Обллита (цензор) при этом понимал, что в случае вынесения отказа в публикации подобных заявлений он рискует быть обвиненным в саботаже и сокрытии «антипартийных» материалов. С другой стороны, чрезмерно усердная поддержка подобных обвинений, не имевших ясной фактической основы, приводила к возможности искажений, что также могло повлечь серьезные претензии к цензору уже со стороны Обллита (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 40–41).

Постоянные оргпроблемы – нехватка помещений, задержки с выплатой зарплат для сотрудников цензуры, кадровая текучесть – усугубляли ситуацию, не позволяя уполномоченным сконцентрироваться на непосредственных обязанностях. Во многих районных изданиях журналистские коллективы были молодыми и малоквалифициро-

ванными, едва окончившими семилетние школы. Алкоголизм, взаимные конфликты и жалобы на сорванные сроки выпуска дополняли общую картину. В итоге даже самые ответственные меры, прописанные партийными документами, далеко не всегда на практике воплощались должным образом (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 42–43).

Высокая кадровая текучесть цензоров в Куйбышевской области приводила к назначению на ответственные должности лиц без достаточной подготовки. Ярким примером стал случай с уполномоченной Обллита тов. Жестковой, назначенной на пост практически без опыта редакторской работы. Ее инструктаж по специфике деятельности ограничился 10 минутами – формальной процедурой, не позволяющей освоить даже базовые навыки. Уже на следующий день Жестковой поручили ответственность за склад, где хранились «вражеские» материалы, несмотря на то что их наличие было связано с халатностью ее предшественника, не уничтожившего документы. Этот эпизод иллюстрирует, как принцип партийной лояльности («принадлежность к большевистской партии делает человека универсальным бойцом») подменял профессиональные требования, создавая риски для самих цензоров и системы в целом (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 75–76). Аналогичные тенденции наблюдались и на Урале, где кадровые решения в сфере цензуры также опирались на партийную принадлежность, а не на квалификацию. Как показывает С.А. Дианов, местные парткомы активно участвовали в назначении работников райлита, определяя их зоны влияния и материальное обеспечение (например, выделяя помещения или освобождая от «лишней нагрузки») [Дианов 2011 б, с. 202]. Однако эта практика сопровождалась противоречиями: директивы Уралобкома ВКП(б) подчеркивали необходимость создавать «соответствующие условия» для работников литов, но в реальности дефицит ресурсов (отсутствие кабинетов, перегрузка) снижал эффективность их работы.

Особый интерес в рамках нашей темы представляет вопрос профессиональной подготовки работников печати, в том числе и цензоров, который неизбежно возник после сворачивания в конце 1930-х годов системы коммунистических институтов журналистики. В Куйбышевской области, по архивным данным, недостающие кадры пытались оперативно обучать на краткосрочных курсах, проводимых при Обллите. За восемь дней обучения слушатели получали концентрированный набор сведений по международной обстановке, основам марксизма-ленинизма, специфике большевистской печати, а также практические навыки «правильного» оформления текстов и охраны государственных тайн. При этом сама программа, рассчитанная в общей сложности на 64 академических часа, явно не могла обеспечить глубокое овладение профессией (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 8. Д. 4. Л. 25). Однако в контексте потребностей пар-

тии и государства, нуждавшихся в большом количестве исполнительных и лояльных работников, такая модель массовой и краткосрочной подготовки выглядела целесообразной.

Заключение

Таким образом, анализ архивных материалов и официальных партийных установок позволяет утверждать, что пример функционирования системы цензуры в Куйбышевской области 1930-х годов типичен и для других регионов, представляя собой сложный механизм, сочетающий идеологическую регламентацию с практическими ограничениями. Цензурный аппарат, формально подчиненный партийной доктрине, сталкивался с системными проблемами, обусловленными недостатком квалифицированных кадров, высокой нагрузкой на сотрудников и противоречиями между центральными директивами и региональной практикой. Примеры, такие как назначение цензора Жестковой без профессиональной подготовки или жалобы цензора Юрина на давление со стороны районных партийных комитетов, демонстрируют, что лояльность к партии не всегда компенсировала отсутствие навыков, а административные коллизии между редакциями и уполномоченными Обллита становились неизбежной частью повседневной работы.

Особую значимость приобретают «зоны несоответствия» между официальной политикой и реальной практикой. Несмотря на жесткий контроль, зафиксированные случаи публикации спорных материалов (например, книги А. Шотмана в Ленинграде) или упрощение процедур допуска в печать через устные указания цензоров свидетельствуют о несовершенствах и пробелах в системе. Эти ситуации раскрывают как издержки бюрократического механизма, так и попытки адаптации к дефициту ресурсов и времени.

Тем не менее данные противоречия отражают напряженность между стремлением к монолитности идеологического контроля и объективными сложностями его реализации в условиях форсированного строительства социализма. Профессиональная подготовка цензоров через краткосрочные курсы, реорганизация функций Главлита и усиление партийного влияния через уполномоченных – все эти меры показывают, что система управления информацией эволюционировала, сталкиваясь с необходимостью балансировать между идеологической чистотой и оперативной эффективностью.

Итоговый образ региональной советской цензуры в 1930-е годы – это не просто инструмент ограничений, а сложный административный механизм, чья эффективность зависела от кадровых решений, степени подготовки работников, локальных конфликтов и несовершенства нормативной базы. Архивные документы из фонда Р-2247 ЦГАСО подтверждают, что в условиях даже такого контроля реальная практика оставалась многогранной, что открывает пространство для дальнейших исследований роли цензуры в формировании общественного дискурса.

Материалы исследования

Декрет «Положение о Главном управлении...» 1922 – Совет народных комиссаров РСФСР. Декрет от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1340.htm.

Постановление «О Главлите» 1930 – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. «О Главлите». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1160>.

Постановление «О ликвидации вредительской системы...» 1937 – Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1063>.

Сборник документов 1954 – О партийной и советской печати. Сборник документов. Москва: Правда, 1954. 692 с.

Суров 2015 – Суров А.В. Цензурная политика Советского государства в 1917 – начале 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история». Москва, 2015. 234 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsenzurnaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-1917-nachale-1930-kh-gg>.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Циркуляр «Об изъятии...» 1935 – Циркуляр ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1935 г. «Об изъятии троцкистско-зиновьевской литературы». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1190>.

Библиографический список

Бондаренко 2019 – Бондаренко В.А. Главлит как главный орган управления советской политической цензурой // Новое слово в науке: стратегии развития. 2019. С. 19–20. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/662/Action662-519327.pdf>.

Гапсаламов, Бочкарева 2024 – Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н. Хронология становления советской историографии по проблемам государственной промышленной политики (1917-й – 1930-е годы) // Клио. 2024. № 09 (213). С. 53–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-9-53-57>.

Гращенков 2008 – Гращенков И.А. Цензура литературного творчества и печати в СССР (1929–1941 гг.) // Власть. 2008. № 6. С. 85–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-literaturnogo-tvorchestva-i-pechati-v-sssr-1929-1941-gg>.

Гужаловский 1992 – Гужаловский А. Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 1992. Т. 31. С. 77–104. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/31/04GuzhalovskiiR.pdf>.

Дианов 2011 а – Дианов С.А. Повседневная жизнь партийной организации Свердловского обллита в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 97–104. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000788751>.

Дианов 2011 б – Дианов С.А. Практики взаимодействия местных органов Главлита и партийных комитетов ВКП(б) на Урале в 1920–1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 40–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-vzaimodeystviya-mestnyh-organov-glavlita-i-partiynyh-komitetov-vkp-b-na-urale-v-1920-1930-e-gody>.

Иванова 2014 – Иванова Н.А. Политические репрессии как способ идеологического контроля над интеллигенцией в 1934–1953 гг. (на примере г. Магнитогорска). URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1704-politicheskie-repressii-kak-sposob-ideologicheskogo-kontrolya-nad-intelligentsiej-v-1934-1953-e-gg-na-primere-g-magnitogorska>.

Иванцов 2015 – Иванцов И.Г. Некоторые инструменты партийно-государственного контроля советского общества 1920-х – начала 1930-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6–1. С. 136–139. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6860>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23458872>. EDN: <https://elibrary.ru/tjtctb>.

Коровников, Суслов 2014 – Коровников А.Н., Суслов А.Б. Органы цензуры на страже идеологии (на материалах Молотовского обллита) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia historica juvenum. 2014. № 1 (10). С. 69–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902211>. EDN: <https://elibrary.ru/swlmic>.

Костырченко 1996 – Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 гг. // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 87–94. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/203?mode=full>.

Нежигай 2017 – Нежигай Э.Н. Организационные основы деятельности органов советской политической цензуры // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 4. С. 56–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-organov-sovetskoy-politicheskoy-tsenzury>; <https://vestnik.kosgos.ru/archive-2017/vestnik-2017-4-ru.html>.

Подлужная 2012 – Подлужная А.М. Внешняя цензура в России в 1920-е – 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 899–904. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-tsenzura-v-rossii-v-1920-e-1930-e-gg/viewer>.

Сизова 2020 – Сизова А.С. Становление системы советской пропаганды в 1920–1930-е годы // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2020. С. 79–82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46225603>. EDN: <https://elibrary.ru/aucam>.

Чогандарян 2013 – Чогандарян М.Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6/н. С. 181–183. URL: http://domhor.bget.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/4/istoriya/chogandaryan.pdf.

Яланузян 2019 – Яланузян А.О. Становление и развитие цензуры в СССР // Научная палитра. 2019. № 1 (23). С. 41–47. URL: [https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1\(23\)/653.pdf](https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1(23)/653.pdf).

Ярмолич 2015 – Ярмолич Ф.К. Цензура и цензурируемые в СССР в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Ленинграда) // *Wschodni Rocznik Humanistyczny* = *Eastern Humanities Review*. 2015. Т. XII. С. 223–226. URL: http://wrh.edu.pl/wp-content/uploads/2017/07/225_PDFsam_WRH-t.-XII-2015.pdf.

References

Bondarenko 2019 – Bondarenko V.A. (2019) Glavlit as the main body for managing Soviet political censorship. In: *Novoe slovo v nauke: strategii razvitiya*, pp. 19–20. Available at: <https://interactive-plus.ru/e-articles/662/Action662-519327.pdf>. (In Russ.)

Gapsalamov, Bochkareva 2024 – Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N. (2024) Chronology of the Development of Soviet Historiography on the Issues of State Industrial Policy (1917–1930s). *Klio*, no. 09 (213), pp. 53–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-9-53-57>. (In Russ.)

Grashchenkov 2008 – Grashchenkov I.A. (2008) Censorship of literary creativity and the press in the USSR (1929–1941). *Vlast'*, no. 6, pp. 85–88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-literaturnogo-tvorchestva-i-pechati-v-sssr-1929-1941-gg>. (In Russ.)

Guzhalovskii 1992 – Guzhalovskii A. (1992) Glavlit Belarusi (Glavlitbel) – as Instrument Controlling the Belarusian Society (1922–1941). *Acta Slavica Iaponica*, vol. 31, pp. 77–104. Available at: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/31/04GuzhalovskiiR.pdf>. (In Russ.)

Dianov 2011 a – Dianov S.A. (2011 a) Everyday life of the party organization of the Sverdlovsk Regional Glavlit in the 1930-ies. *Tomsk State University Journal*, no. 3, pp. 97–104. Available at: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000788751>. (In Russ.)

Dianov 2011 b – Dianov S.A. (2011 b) Practices of interaction between local glavlit bodies and VKP(b) party committees in the Urals in the 1920-ies–1930-ies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 12 (227). History, issue 45, pp. 40–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-vzaimodeystviya-mestnyh-organov-glavlita-i-partiynyh-komitetov-vkp-b-na-urale-v-1920-1930-e-gody>. (In Russ.)

Ivanova 2014 – Ivanova N.A. (2014) Political repressions as a method of ideological control over the intelligentsia in 1934–1953 (case study of Magnitogorsk). Available at: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1704-politicheskie-repressii-kak-sposob-ideologicheskogo-kontrolya-nad-intelligentsiej-v-1934-1953-e-gg-na-primere-g-magnitogorska>. (In Russ.)

Ivantsov 2015 – Ivantsov I.G. (2015) Some instruments of party-state control of the Soviet society in the 1920 – early 1930. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 6–1, pp. 136–139. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6860>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23458872>. EDN: <https://elibrary.ru/tjctb>. (In Russ.)

Korovnikov, Suslov 2014 – Korovnikov A.N., Suslov A.B. (2014) Censorship bodies on guard of ideology (based on materials from the Molotov Regional Glavlit). *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia historica juvenum*, no. 1 (10), pp. 69–71. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902211>. EDN: <https://elibrary.ru/swlmic>. (In Russ.)

Kostyrchenko 1996 – Kostyrchenko G.V. (1996) Soviet censorship in 1941–1952. *Voprosy Istorii* = *Questions of History*, no. 11–12, pp. 87–94. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/203?mode=full>. (In Russ.)

Nezhigai 2017 – Nezhigai E.N. (2017) Organizational bases of activity of bodies of the Soviet political censorship. *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 23, no. 4, pp. 56–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-organov-sovetskoy-politicheskoy-tsensury>; <https://vestnik.kosgos.ru/archive-2017/vestnik-2017-4-ru.html>. (In Russ.)

Podluzhnaya 2012 – Podluzhnaya A.M. (2012) The external censorship in Russia in the 1920–1930. *Izvestia Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni V.G. Belinskogo. Humanities*, no. 27, pp. 899–904. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-tsenzura-v-rossii-v-1920-e-1930-e-gg/viewer>. (In Russ.)

Sizova 2020 – Sizova A.S. (2020) The formation of the Soviet propaganda system in the 1920–1930ss. *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Tsiolkovskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Kaluga, pp. 79–82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46225603>. EDN: <https://elibrary.ru/aurcam>. (In Russ.)

Chogandaryan 2013 – Chogandaryan M.G. (2013) Methods, modes and techniques of the Soviet propaganda in 1920–1930. *Theory and Practice of Social Development*, no. 4, pp. 181–183. Available at: http://domhor.bget.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2013/4/istoriya/chogandaryan.pdf. (In Russ.)

Yalanuzyan 2019 – Yalanuzyan A.O. (2019) The formation and development of censorship in the USSR. *Nauchnaya palitra*, no. 1 (23), pp. 1–6. Available at: [https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1\(23\)/653.pdf](https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1(23)/653.pdf). (In Russ.)

Yarmolich 2015 – Yarmolich F.K. (2015) Censorship and censored in the Soviet Union in the 20s and 30s (on Leningrad's materials). *Wschodni Rocznik Humanistyczny* = *Eastern Humanities Review*, vol. XII, pp. 223–226. Available at: http://wrh.edu.pl/wp-content/uploads/2017/07/225_PDFsam_WRH-t.-XII-2015.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 331.56

Дата поступления: 17.03.2025
рецензирования: 19.04.2025
принятия: 02.06.2025

Безработица как новое явление переходной экономики России 1990–2000-х гг.: причины, проблемы, пути решения (на примере Южного Урала)

О.В. Салихова

Филиал Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина в г. Оренбурге, г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: olgavk1983@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2125-0610>

Н.В. Барышникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Оренбургский филиал, г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-5001-7939>

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть проблему безработицы как нового явления переходной экономики в России 1990-х годов. Цель исследования – определить причины безработицы, выявить проблемы и трудности в борьбе с ней, сравнить методы борьбы на федеральном и региональном уровнях, дать оценку степени их успешности. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: статистический, системно-структурный, описательный, сравнительно-исторический. В качестве источников привлечены материалы федеральных и региональных архивов Оренбургской, Челябинской областей и Республики Башкортостан. Актуальность темы видится в том, что безработица как явление изучается в отечественной историографии в большей степени с точки зрения экономических исследований. В историческом контексте проблема активно рассматривалась в первое десятилетие после окончания реформ. При этом регион Южного Урала в работах историков охвачен частично, что дает возможность более подробно рассмотреть данную проблему. Сделаны выводы о стихийности мер, предпринимаемых руководителями предприятий в регионе для предотвращения безработицы, так как на федеральном уровне еще не была выработана программа по организации занятости высвободившегося населения вследствие экономического перехода с плановой экономики на рыночную. Определено, что первые методы борьбы с безработицей являются следствием региональных особенностей, что не позволило своевременно решить проблему. Данный комплекс не затрагивал социально-психологического состояния безработных и не регулировал систему среднего и высшего образования. Все это привело к увеличению молодежной безработицы и удлинению длительности статуса безработного. Сделан вывод о том, что данный период следует считать периодом поиска решений и их апробации на населении. Примененный комплекс мер показал свою неэффективность и требовал доработки.

Ключевые слова: безработица; рынок труда; перспективы развития; занятость; квотирование; дифференциация.
Цитирование. Салихова О.В., Барышникова Н.В. Безработица как новое явление переходной экономики России 1990–2000-х гг.: причины, проблемы, пути решения (на примере Южного Урала) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 81–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-81-90>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Салихова О.В., Барышникова Н.В., 2025

Ольга Вячеславовна Салихова – кандидат исторических наук, доцент, доцент отделения химической технологии переработки нефти, газа и экологии, филиал Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина в г. Оренбурге, 460047, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Юных Ленинцев, 20.

Наталья Владимировна Барышникова – кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции и гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Оренбургский филиал, 460007, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.03.2025
Revised: 19.04.2025
Accepted: 02.06.2025

Unemployment as a new phenomenon of the transition economy of Russia in 1990–2000: causes, problems, solutions (on the example of the Southern Urals)

O.V. Salikhova

Branch of the National University of Oil and Gas «Gubkin University» in Orenburg, Orenburg, Russian Federation
E-mail: olgavk1983@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2125-0610>

N.V. Baryshnikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg branch, Orenburg, Russian Federation
E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-5001-7939>

Abstract: The article attempts to consider the problem of unemployment as a new phenomenon of transition economy in Russia in the 1990-ies. The purpose of the study is to determine the causes of unemployment, identify problems and difficulties in combating it, compare methods of struggle at the federal and regional levels, and assess the degree of their success. To achieve this goal, the following methods were used: statistical, system-structural, descriptive, comparative-historical. The sources include materials from federal and regional archives, statistical data from the Orenburg, Chelyabinsk regions and the Republic of Bashkortostan. The relevance of the topic is seen in the fact that unemployment as a phenomenon is studied in domestic historiography to a greater extent from the point of view of economic research. In the historical context, the problem was actively considered in the first decade after the end of the reforms. At the same time, the region of the Southern Urals is partially covered in the works of historians, which makes it possible to consider this problem in more detail. Conclusions: conclusions were made about the spontaneity of the measures taken by the heads of enterprises in the region to prevent unemployment, since at the federal level a program for organizing the employment of the population released as a result of the economic transition from a planned to a market economy had not yet been developed. It was determined that the first methods of combating unemployment were a consequence of regional decisions. A package of measures to prevent the spread of unemployment was formed, but without taking into account regional characteristics, which did not allow solving the problem in a timely manner. This complex did not affect the socio-psychological state of the unemployed and did not regulate the system of secondary and higher education, all this led to an increase in youth unemployment and an extension of the duration of the unemployed status. It was concluded that this period should be considered a period of searching for solutions and testing them on the population. The applied set of measures showed its ineffectiveness and required revision.

Key words: unemployment; labor market; development prospects; employment; quotas; differentiation.

Citation. Salikhova O.V., Baryshnikova N.V. Unemployment as a new phenomenon of the transition economy of Russia in 1990–2000: causes, problems, solutions (on the example of the Southern Urals). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 81–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-81-90>. (In Russ.)

Information on conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Salikhova O.V., Baryshnikova N.V., 2025

Olga V. Salikhova – Candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Chemical Technology of Oil, Gas and Ecology, Branch of the National University of Oil and Gas «Gubkin University» in Orenburg, 20, Yunykh Lenintsev Street, Orenburg, 460047, Russian Federation.

Natalia V. Baryshnikova – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Jurisprudence and Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg branch, 26, Kuracha Street, Orenburg, 460007, Russian Federation.

Введение

1990-е годы в российской истории – символ сложного переходного периода от командно-административных методов регулирования экономики к рыночным. Это время сопровождалось экономической и социальной нестабильностью, одним из серьезных последствий которого становится такое явление в российском обществе, как безработица.

Целью исследования является определение причин безработицы, выявление проблем и трудностей в борьбе с ней, сравнение методов борьбы на федеральном и региональном уровнях, оценивание степени их успешности.

В качестве источников исследования привлечены материалы федеральных и региональных архивов Оренбургской, Челябинской областей и Республики Башкортостан: архивные фонды предприятий региона, информационно-статистические альманахи и ежегодники, программы обеспечения занятости населения на федеральном и региональном уровне, материалы службы занятости, архивные фонды министерства труда и занятости населения Республики Башкортостан, фонд Совета народных депутатов Челябинской области, фонд Оренбургского областного комитета КПСС, фонды оренбургских обкомов профсоюзов работников различных отраслей промышленности.

Интерес к проблеме возник практически сразу после ее появления, тем более что безработица как социальное явление была чем-то новым и малоизвестным доселе в истории страны. Это было связано с особыми условиями советской плановой системы, позволившей свести явление безработицы

до крайне низких показателей. Естественно, что ни механизмов предотвращения, ни способов реагирования на уже появившуюся проблему общество пока не выработало. Поэтому предложения и рекомендации от экономистов по борьбе с безработицей стали появляться только в конце 1990-х годов [Гарсия-Исер, Голодец, Смирнов 1998; Маслова 1998].

Важным является то, что большинство работ рассматривают проблему безработицы в экономическом и социологическом разрезе. Исторический аспект вопроса затрагивается только в трудах первого десятилетия после окончания реформ. К таким исследованиям стоит отнести диссертации историков (Богданов 2004; Калмыков 2005; Еремина 2009; Шабанов 2011).

Работа В.И. Богданова «Безработица в истории России XX века: Причины, особенности, последствия» – одно из немногих исследований, которое касается напрямую проблем безработицы и путей ее решения, поиска причин безработицы на основе анализа общероссийских данных. Автор анализирует вопрос на протяжении всего XX века. Остальные работы отражают общую ситуацию реформирования и кризиса в обществе. Проблеме безработицы посвящены только отдельные разделы. Во многих указанных трудах она упоминается как естественная реакция общества на кризис в результате перехода к рыночной экономике. Большинство работ опирается на статистические данные, социологические опросы и архивные материалы. Используются междисциплинарные подходы, сочетающие экономический, исторический и социологический анализ.

Среди современных исследований, отражающих выбранную проблематику, стоит отметить монографию А.А. Ткаченко [Ткаченко 2017]. Автор исследует обширный статистический материал проблемы занятости и становления рынка труда в России в условиях перехода к рыночным отношениям. Вопросы занятости и безработицы анализируются в контексте проблем оплаты труда. Проводится сравнение российского опыта с опытом решения задачи борьбы с безработицей в ближнем зарубежье и в западных странах. Работа написана на стыке истории и социологии.

Региональный аспект практически не исследован, за некоторым исключением. Почти единственной работой по региону следует считать диссертацию кандидата исторических наук Р.Ш. Хакимова, вышедшую в 2000 году, о проблемах становления службы занятости населения на Южном Урале в 90-е годы XX столетия (Хакимов 2000).

Работа анализирует материалы Оренбургской и Челябинской областей. Сама проблема безработицы рассматривается через методы организации трудоустройства безработных в рамках анализа эволюции службы занятости в регионе.

Более поздние исследования касаются проблемы безработицы в других регионах выбранного периода, таких как Дагестан, Дальний Восток, Иркутская область [Шахбанов 2013; Крупа 2015; Урожаев 2017; Бреславский 2022]. Авторы анализируют причины развития безработицы, оценивают структурную характеристику занятости населения, рассматривая особенности регионального рынка труда и положение уязвимых категорий населения, в том числе характеризуя проблему занятости в моногородах.

В связи с этим видится необходимость обращения к данной теме в рамках региона Южного Урала (в составе Челябинской, Оренбургской областей и Республики Башкортостан) как комплексного подхода к изучению поиска путей решения проблемы безработицы и выявления причин ее возникновения. Это даст возможность проанализировать ошибки и сделать выводы о повторяемости или неповторяемости условий формирования безработицы в сравнении с федеральным уровнем.

Основная часть

Широкое распространение безработицы потребовало от государства специальных практических мер для предотвращения дальнейшего ее увеличения.

Экономисты-ученые считают [Бреев 2005; Кузьмин 2001], что причинами массовой безработицы граждан стали:

- 1) закрытие нерентабельных предприятий в связи с переходом экономики на рыночные условия;
- 2) конверсия предприятий.

В этой связи Правительством РФ, профсоюзами и предпринимательскими объединениями было инициировано заключение соглашения, в рамках которого участники взяли на себя обязательство до 1 июня 1992 года провести профориентационные мероприятия, связанные с переподготовкой граждан, оставшихся без работы, разработать порядок введения квот и льгот для трудоустройства лиц с пониженной конкурентоспособностью (Социальная политика в России 1992, с. 287). Такие превентивные меры были связаны с показателями безработицы на 01.08.1991 в РФ, которые составили более 16 000 человек. Но, несмотря на принятие данного соглашения, уже на начало 1993 г. количество незанятого населения составило более 1 млн человек, из них 60 % было признано безработными по статусу (Новая Россия 1994, с. 50).

Проблема стала актуальной в том числе и для регионов Южного Урала (табл. 1).

Показатели таблицы 1 (наш подсчет по (Российский статистический ежегодник 1998, с. 174–175; Труд и занятость 2006, с. 28; Службе занятости... 1996, с. 18; Оренбургская область 1998)) свидетельствуют о росте безработицы как по стране в целом, так и на Южном Урале. Если сравнить уровень безработных от экономически активного населения в процентном соотношении за три года (1993 г. и 1995 г.) по стране и по региону, то рост ее составил 1,5–2 раза. При этом больше всего рост безработицы наблюдался в Оренбургской области, где увеличение зафиксировано в 2,2 раза – с 31 тыс. до 73 тыс. человек.

Для предотвращения роста безработицы администрация многих предприятий внедряла следующие меры:

Таблица 1

Показатели безработицы в России и на Южном Урале в 1993–1995 гг.

Table 1

Unemployment rates in Russia and the Southern Urals in 1993–1995

Территории	Безработные (тыс. чел.)			Уровень безработных от экономически активного населения (в процентах)		
	1993	1994	1995	1993	1994	1995
Российская Федерация	4160,2	5478,0	6431,0	5,5	7,4	8,8
Республика Башкортостан	70,7	114,6	138,6	3,7	6,0	7,3
Оренбургская область	31,4	59,4	73,1	3,0	5,6	6,9
Челябинская область	107,6	135,5	140,1	6,0	7,8	8,3

- 1) введение сокращенной рабочей недели;
- 2) вынужденный отпуск без сохранения или с частичным сохранением заработной платы.

Так, с 1993 по 1995 год в Оренбургской области (1993 г.) более 1 млн человек находились в вынужденном отпуске (ОГАОО. Ф. 8016. Оп. 1. Д. 553. Л. 22). В Челябинской области (1993, 1994 гг.) было зафиксировано увеличение работников, занятых на неполный рабочий день, более чем в 6 раз (Итоги деятельности... 1996, с. 5). В Республике Башкортостан (1995 г.) такое увеличение ежемесячно составило 35–60 тыс. работников (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 508. Л. 4).

Вследствие экономического спада произошло нарушение традиционных связей между регионами, что привело к разрыву технологических цепочек и остановке производства. Примерами данного факта может стать остановка 24 предприятий в Башкортостане (ЦГИАРБ. Ф. Р-168. Оп. 2. Д. 392. Л. 6). В Челябинской области в 1992 году были остановлены предприятия, составляющие основу производства области, в том числе Копейский завод, Верхне-Уфалейский завод, Златоустовское акционерное общество «Синегорье», Чебаркульская швейная фабрика, Магнитогорский металлургический комбинат и другие (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3830. Л. 198). В Оренбургской области спад производства по указанным выше причинам составил почти 20 %, при этом более всего пострадали топливно-энергетическая промышленность, машиностроение, нефтехимия и производство стройматериалов. Почти каждое пятое промышленное предприятие Оренбургской области оказалось убыточным (ОГАОО. Ф. 8038. Оп. 7. Д. 18. Л. 8, 10). В подобную ситуацию по стране на середину 1992 года попало более 2000 предприятий, вынужденных полностью остановить производство (Новая Россия 1999, с. 502).

Росту безработицы в регионе Южного Урала способствовала вынужденная конверсия предприятий оборонного значения. Причиной этому стало сокращение объемов государственного финансирования и госзаказов. Конверсия на заводах Республики Башкортостан и Оренбургской области происходила со значительными сложностями. К началу 1991 года в Башкирии и Оренбургской области сокращение выпуска оборонной продукции составило более чем 70 %. Отсутствие технических возможностей не позволило провести быструю конверсию предприятий и наладить выпуск товаров народного потребления. Так, из-за этого на предприятиях Башкирии, не сумевших провести конверсию, произошло значительное высвобождение работников в количестве почти 40 тыс. человек. При этом следует учесть, что здесь было задействована почти четверть трудоспособного населения (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 392. Л. 6).

Схожая ситуация наблюдалась и в Челябинской области, когда к началу 1990-х годов были полностью остановлены военные заводы в Златоусте и

Копейске. Не поступившие на конверсию 47 млрд рублей заставили администрацию сократить тысячи людей (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3830. Л. 193, 197). Причинами этого стала зависимость экономики области от экспортной политики федерального центра, от общей конъюнктуры мирового рынка металла и от возможностей использования сырьевых источников.

Еще одной непростой проблемой в работе предприятий, обеспечивающих рабочие места трудоспособному населению, становится перманентное отсрочивание выплаты средств за уже сделанные заказы. Так, на 1993 год федеральный бюджет должен был оплатить оборонному комплексу более 700 млрд рублей за уже готовую продукцию (ОГАОО. Ф. 8016. Оп. 1. Д. 553. Л. 6).

Таким образом, к 1994 году на реконверсию предприятий бюджетом было выделено только 69 % от необходимых средств (РГАСПИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 199. Л. 53).

Первые сокращения штатов на предприятиях и в учреждениях не были осознаны значительной частью работающего населения, полагавшего, что это явление временное. Проведенное в 1992 году в Челябинской области анкетирование на тему «Ваши интересы и рынок» свидетельствовало о том, что 56,5 % респондентов не боялись оказаться безработными, не понимая, что представляет собой это социальное явление. Для большинства граждан в 1992 году стала неожиданной потеря привычного места работы, вместе с которой утрачивались определенный социальный статус и материальная независимость (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3721. Л. 90).

Осознание ситуации пришло позже, когда стало ясно, что работу найти крайне непросто. Массовые увольнения и сокращения штатов сотрудников привели к развитию широкого забастовочного движения в России, приходящегося как раз на 1992 год.

Одним из ключевых способов сокращения безработицы становится организация занятости и трудоустройства безработных граждан. Условно в предпринятых государством мерах можно выделить два хронологических этапа: 1-й этап – 1991–1995 гг., 2-й этап – 1996–2000 гг.

Для 1-го этапа характерна выработка методов предотвращения и сокращения роста безработицы как на общероссийском уровне, так и в регионах.

Следует выделить следующие методы борьбы с безработицей:

- создание Государственной службы занятости и ее региональных подразделений;
- формирование условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- создание условий для профессиональной подготовки, повышения квалификации, переобучения безработных граждан;
- квотирование рабочих мест на предприятиях для граждан, особо нуждающихся в социальной защите.

Для 2-го этапа характерны:

- резкая дифференциация уровня безработицы;
- повышение численности безработных за счет выпускников вузов, ПТУ, техникумов;

- возникновение и решение проблемы занятости в рамках программы «Молодежная практика».

В целом для обоих этапов определялись две главные проблемы:

- несоответствие между реальным числом выпускаемых специалистов и реальным спросом на рынке труда;

- увеличение длительности безработицы.

Стоит остановиться на методах борьбы с безработицей подробнее, так как аналитика данных методов позволяет сделать выводы об эффективности проводимой политики со стороны государства в отношении безработных граждан.

На первом хронологическом этапе начинается создание Фонда занятости, в рамках которого начинает функционировать Государственная служба занятости как на федеральном, так и на региональном уровне.

К одним из главных функций службы занятости относились разработка и реализация программ, направленных на выработку мер по снижению масштабов безработицы. Такие программы, например, были разработаны в Оренбургской области и в Республике Башкортостан на территории Южного Урала в 1993 году и предусматривали следующие меры: выделение финансов на создание рабочих мест и организацию общественных работ, а также переобучение безработных (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 406. Л. 16).

Уже начиная с 1991 года наблюдается широкое распространение подразделений Государственной службы занятости в регионах. Так, в 1992 году на территории Республики Башкортостан функционировало 59 подразделений службы занятости, в том числе 7 городских центров, 13 городских и 39 районных бюро занятости населения (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 392. Л. 20).

По решению президиума Челябинского облисполкома с 20 июня 1991 года в области стали функционировать почти 50 центров занятости и более 10 филиалов, 30 молодежных бирж труда и почти 15 кабинетов профессиональной ориентации, заработали около 30 клубов поиска работы (ОГАЧО. Ф. П-228. Оп. 201. Д. 1153. Л. 2).

В Оренбургской области на тот момент действовало почти 45 подразделений службы и 16 координационных комитетов содействия занятости населения (ОГАОО Ф.8038. Оп. 7. Д. 4. Л. 85).

К середине 1990-х годов на территории РФ работало уже более 2,5 тыс. центров занятости, результатами деятельности которых стало трудоустройство почти 6 млн безработных [Торлопов 1999, с. 176]. В том числе в Челябинской области было трудоустроено почти 200 тыс. граждан, в Республике Башкортостан – почти 100 тыс. (Уровень жизни... 2003, с. 19), в Оренбургской области – более 30 тыс. безработных (Основные показатели... 1995, с. 140).

Одним из основных способов решения проблемы безработицы стало создание условий для развития малого и среднего предпринимательства. Так, в Челябинской области на основании постановления главы администрации от июня 1994 года предусматривалось выделение бюджетных средств для финансирования бизнес-проектов, предлагающих механизмы формирования рабочих мест в городах в кризисных ситуациях (О порядке использования... 1994, с. 39).

Еще одним методом борьбы с безработицей стало внедрение профподготовки и переобучения безработных граждан. На уровне Правительства РФ вышло постановление, в соответствии с которым на базе действующих учебных центров с 1992 года на Южном Урале стала возможна профессиональная подготовка и переподготовка безработных. В частности, в Башкортостане было открыто 40 таких центров переподготовки на базе средне-специальных образовательных учреждений. В результате здесь было обучено более 700 тыс. человек только за один 1992 год. В 1993 году количество прошедших переобучение увеличилось более чем в 5 раз (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 405. Л. 135).

В Оренбургской области на 1992 год функционировало уже более 30 учебных центров, где происходила переподготовка безработных по 80 специальностям.

В Челябинской области благодаря деятельности учебно-методического центра в период с 1992 по 1995 год количество обучаемых возросло в 3,5 раза и составило более 9 тыс. человек (Итоги деятельности... 2006, с. 13).

Одной из сложностей в организации трудоустройства граждан стало несоответствие уровня официальной безработицы и регистрируемой. Так, по данным служб занятости населения, на 1995 год было зарегистрировано почти более 3 % безработных от экономически активного населения, а по данным Международной организации труда, этот показатель оказался значительно выше и составил уже более 8 % [Власов 1996, с. 79]. Тенденция повторяется и на региональном уровне. Так, в Башкортостане на 1995 год зарегистрировано 1,6 % безработных, реальный же показатель составил 5,6 % (ЦГИАРБ. Ф. 1684. Оп. 2. Д. 508. Л. 8); в Челябинской области – 2,2 % против действительных 7,3 % (Челябинская область 2005, с. 22).

Еще одним способом решения проблемы безработицы стала возможность квотирования на предприятиях рабочих мест для социально уязвимых граждан, которых среди безработных было около половины. На практике данный механизм был запущен уже с 1992 года. Например, в Челябинской области, если на указанный год было трудоустроено таким образом более 700 граждан, то уже к 1995 году их стало 2,5 тыс. (Итоги деятельности... 2006, с. 7). Но не во всех регионах Южного Урала этот механизм успешно работал. Так, во многих районах Республики Башкортостан по квоте было трудоустроено только 4–20 % от намеченного пла-

на нуждающихся в трудоустройстве (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 486. Л. 24).

На втором исследуемом этапе с 1995 по 2000 год наблюдается проблема дефицита средств в Госфонде и его отделениях в регионах. Причиной этого стали:

1) снижение с 1995 года страхового взноса до 1,5 %;

2) задолженность многих предприятий по уплате страховых взносов.

Все это привело к сокращению финансирования со стороны фонда до 50 % необходимых выплат и не позволило обеспечивать выплату даже пособий безработным. Такая ситуация наблюдалась с 1996 года на всей территории Южного Урала. Например, в Башкортостане задолженность фонда по программам занятости составила 64 % (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 506. Л. 4). Нехватка средств в фонде занятости Челябинской области обусловлена систематическими задержками отчислений обязательных страховых платежей от предприятий. Общий долг предприятий в фонд составил более 176 млрд рублей, средств не хватало на выплату пособий по безработице, которые выплачивались с задержками от 2 до 6 месяцев (О мерах по устранению... 1997).

Одной из характерных особенностей второго хронологического этапа в рамках исследуемой проблемы безработицы на Южном Урале следует считать резкую дифференциацию ее уровня, которая отчетливо прослеживается с 1994 года и сохраняется на протяжении 1995–2000 гг. Больше всего пострадал оборонный комплекс и угольная промышленность Челябинской области, в связи с чем произошло значительное высвобождение рабочей силы во многих районах области, а показатель уровня официальной зарегистрированной безработицы составил от 15 до 20 %. Если в среднем по области на 1996 год на одну вакансию претендовало 3 человека, то в Карабаше – 129 человек, а в Нязепетровском районе – 823 человека [Красноперов 1997, с. 5].

Во многом схожая ситуация наблюдалась в ряде городов и районов Республики Башкортостан. Наиболее высокий уровень безработицы в 1997 году зарегистрирован в городах Агидель (15,51 %), Белорецк (8,68 %), Ишимбай (8,68 %), Кумертау (8,11 %) (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 523. Л. 6). На одну заявленную службой занятости населения вакансию претендовали 9 зарегистрированных незанятых граждан. В 30 городах и районах республики этот показатель более чем в 2 раза превышал среднереспубликанский уровень и составлял от 19 до 170 человек на одно вакантное место (ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 523. Л. 6). Высокий уровень общей безработицы в Оренбургской области отмечен в г. Медногорск и Тюльганском районе (15,4 %) (Аналитическая записка... 2006).

Такая катастрофическая ситуация стала возможной из-за моноэкономической структуры городов, сориентированной на одну отрасль промышленности. Моноэкономичность сделала рабочих указанных отраслей заложниками ситуации и создавала условия депрессивности городов и целых районов.

Анализируя статистические данные, мы приходим к выводам, что тенденция увеличения безработных граждан сохранялась и во второй половине 1990-х годов. В 1996 году Федеральная служба занятости населения ликвидирована как самостоятельное учреждение и переведена в разряд структурного подразделения Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. В 2000 году принято решение о ликвидации Фонда занятости населения и переходе на новый источник финансирования – федеральный бюджет (табл. 2).

Из таблицы 2 (подсчет по (Челябинская область 2005. с. 77; ЦГИАРБ. Ф. 1684. Оп. 2. Д. 508. Л. 25; Труд и занятость... 2006, с. 31; Областной статистический ежегодник... 2001, с. 97)) видно, что уровни общей и зарегистрированной безработицы отличаются в 4–6 раз. Более того, к концу 1990-х годов число безработных на территории

Таблица 2

Уровень безработицы на Южном Урале в 1996–2000 гг. (в процентах)

Table 2

Unemployment rate in the Southern Urals in 1996–2000 (in percent)

Регионы	1996	1997	1998	1999	2000
Уровень общей безработицы					
Челябинская область	8,7	9,5	12,5	11,8	8,1
Республика Башкортостан	7,9	11,2	13,3	12,1	11,5
Оренбургская область	5,5	9,5	12,7	13,6	11,8
Уровень зарегистрированной безработицы					
Челябинская область	2,2	1,9	2,0	1,1	0,9
Республика Башкортостан	3,2	3,8	4,3	2,1	1,1
Оренбургская область	1,1	0,9	1,0	0,5	0,4

Южного Урала превысило 14 % экономически активного населения (Занятость и рынок труда... 1998, с. 254).

Серьезной проблемой стала неспособность образовательных учреждений высшего и среднего уровня адекватно реагировать на вызовы времени: они продолжали выпускать уже не требующихся на рынке труда специалистов. По данным Госкомстата Российской Федерации, самый высокий уровень безработицы среди молодежи 16–20 лет был к 2000 году 29,2 %, уровень безработицы среди 20–29-летних составлял в среднем 26 %. (Труд и занятость... 2006, с. 113). Об этом свидетельствуют региональные показатели, согласно которым трудоустраивалась только четверть выпускников (ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 928. Л. 37). Архивные данные свидетельствуют о том, что во всех регионах области именно молодежь в возрасте от 16 до 29 лет составляла основную массу безработных и исчислялась в процентном эквиваленте в среднем по региону – 34 %: в Челябинске – 32,4 %, в Республике Башкортостан – 33,6%, в Оренбургской области – 37,9 % (наш подсчет по (Итоги деятельности 2006, с. 15; Труд и занятость... 2006, с. 25; Областной статистический ежегодник 2001)).

Решение проблем занятости молодежи во второй половине 1990-х годов осуществлялось в рамках программы «Молодежная практика», которая предусматривала стажировку выпускников учебных заведений различных профилей на предприятиях региона с последующим трудоустройством при финансовой поддержке самих работодателей. При реализации данной программы в Челябинской области удалось трудоустроить 7000 выпускников средних специальных образовательных учреждений (Челябинская область 2005, с. 254). В Оренбургской области к 2000 году было трудоустроено более 1,5 тыс. выпускников (ОГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 947. Л. 12). В Республике Башкортостан к концу 1990-х гг. трудоустроились 500 человек (Безработица в Башкортостане... 2000, с. 24). Более того, в Республике Башкортостан получили развитие сеть студенческих кафе, служб безопасности, центров по подготовке водителей. Это, в свою очередь, позволило создать 300 постоянных и более одной тысячи временных рабочих мест [Ахмадинуров 2003, с. 30].

Второй немаловажной проблемой середины – второй половины 1990-х годов стало увеличение длительности безработицы. Средняя продолжительность нахождения в статусе «безработного» во второй половине 1990-х годов составила от 8 месяцев до года (Оренбургская область 2004, с. 500). Столь длительное нахождение граждан в состоянии официального отсутствия работы грозило потерей квалификационных навыков и формированием профнепригодности [Клименко 2007, с. 29].

Несмотря на все предпринятые меры, к 1998–1999 годам количество безработных на территории Южного Урала превышало почти 13 % эконо-

мически активного населения (Занятость и рынок труда... 1998, с. 254). По данным МОТ, уровень безработицы, превышающий 10 % экономически активного населения, является свидетельством глубокого социально-экономического кризиса, требующего незамедлительных государственных мер с целью снижения масштабов безработицы. Все это свидетельствует о том, что система принятых мер не показала себя как эффективная.

Выводы

Таким образом, в результате анализа были выявлены такие причины безработицы, как: закрытие нерентабельных предприятий в связи с переходом экономики на рыночные условия или их вынужденная конверсия.

Определены первые методы борьбы с безработицей, которые скорее следует охарактеризовать как стихийные меры по ее предотвращению и распространению. Несмотря на то, что государство предприняло на первом исследуемом этапе значительный комплекс мер по сокращению безработицы (создание Государственной службы занятости, формирование условий для развития бизнеса, профподготовка и переподготовка граждан, оставшихся без постоянного места работы, квотирование рабочих мест для нуждающихся в социальной защите), это не дало серьезных результатов, и безработица, судя по анализу статистических данных, к середине 1990-х гг. возросла в 1,5–2 раза. Как социальное явление безработица была малознакома бывшим советским гражданам и воспринималась ими как событие кратковременное. Но если раньше гарантом такой краткости выступало государство, то теперь оно не могло обеспечить быстрое трудоустройство безработных. Это, в свою очередь, влияло на возникновение одной из острейших проблем, которая объединяла оба хронологических этапа, – проблемы увеличения длительности безработицы.

Следует сделать выводы, что все сферы жизни общества, в том числе сфера производства, совершенно не были подготовлены к столь масштабному экономическому переустройству, предпринятому в последнее десятилетие XX столетия. Особенно это стало заметно в процессе адаптации предприятий тяжелой, добывающей промышленности к новым условиям переходной экономики и конверсии предприятий оборонного значения. Нарушение традиционно сложившихся экономических связей между отдельными регионами приводило к обрыву всех производственных цепочек и остановке деятельности предприятий. Более того, высокий уровень безработицы в ряде городов и районов Южного Урала был обусловлен несбалансированностью размещения производственных сил и их моноэкономической структурой, где одно-два предприятия являлись градообразующими. Снижение объемов производственной деятельности или их закрытие приводило к массовым сокращениям штата. В этой ситуации организация трудоустройства безработных фактически становилась невозможной.

Свою неспособность к быстрому реагированию на социальные и экономические вызовы показала и система среднего и высшего профессионального образования, которая даже к концу 1990-х годов не сумела переориентироваться на выпуск актуальных для рынка труда специалистов. Это повлекло за собой расширение рядов безработных за счет недавних выпускников, которые составляли такую социальную группу, как молодежь. На федеральном и региональном уровнях предпринимались значительные попытки в рамках действия программы «Молодежная практика», но серьезных результатов к концу 1990-х годов добиться не удалось.

Большую проблему, не позволяющую полноценно реализовывать программу занятости в ре-

гионе, составляло отсутствие средств у Фонда занятости, что являлось причиной длительных задержек выплаты пособий по безработице. Кроме того, сложности в борьбе с безработицей создали недостаточно точный мониторинг ситуации: разница между общей и зарегистрированной безработицей составила 5–7 раз, что не позволяло при любом, даже самом эффективном, пакете мер полноценно реализовывать программу занятости.

Таким образом, отметим, что исследуемый период следует считать временем поиска и апробации эффективных решений для предотвращения безработицы. Благодаря этому опыту в последующем появилась возможность выработать методы борьбы с ней, совершенствуя социальную политику государства.

Материалы исследования

ОГАОО – *Объединенный государственный архив Оренбургской области.*

ОГАЧО – *Объединенный государственный архив Челябинской области.*

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

ЦГИАРБ – *Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.*

Аналитическая записка... 2006 – *Аналитическая записка о ситуации на рынке труда и деятельности службы занятости населения Оренбургской области за 2005 год.* Оренбург, 2006.

Безработица в Башкортостане... 2000 – *Безработица в Башкортостане в 2000 году.* Уфа, 2000.

Богданов 2002 – *Богданов В.И.* Безработица в истории России XX века: Причины, особенности, последствия: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 226 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/bezrabotitsa-v-istorii-rossii-xx-veka-prichiny-osobennosti-posledstviya>.

Еремина 2009 – *Еремина О.С.* Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoricheskii-opyt-reformirovaniya-gosudarstva-i-obshchestva-v-sssr-i-rossii-v-kontse-xx-nac>.

Занятость и рынок труда... 1998 – *Занятость и рынок труда: новые реалии, национальные приоритеты, перспективы.* Москва, 1998.

Итоги деятельности... 2006 – *Итоги деятельности службы занятости населения Челябинской области за 1991–2005 годы. 15 лет.* Управление государственной службы занятости населения Челябинской области. Челябинск, 2006.

Калмыков 2005 – *Калмыков В.В.* Социальная политика в условиях трансформации общественно-политической системы и экономической реформы в России 1991–2004 годы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2005, 52 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-politika-v-usloviyakh-transformatsii-obshchestvenno-politicheskoi-sistemy-i-ekon>.

Новая Россия 1994 – *Новая Россия.* Информационно-статистический альманах. Москва, 1994.

О мерах по устранению... 1997 – *О мерах по устранению задержек и выплате пособий по безработице и финансовому обеспечению программ содействия занятости населения: постановление губернатора Челябинской области от 20 октября 1997 г. // Сборник Законов и иных нормативных правовых актов Челябинской области.* 1997. № 10. С. 138–139.

О порядке использования... 1994 – *О порядке использования областных бюджетных фондов финансовой поддержки важнейших отраслей народного хозяйства и поддержки предпринимательства: постановление администрации Челябинской области, № 498, от 29 июня 1994 г. // Сборник Законов и нормативных правовых актов Челябинской области.* 1994. № 1.

Оренбургская область 2004 – *Оренбургская область: стат. сб., 2003 год.* Оренбург, 2004.

Оренбургская область 1998 – *Оренбургская область 1997: стат. сб.* Оренбург, 1998.

Основные показатели... 1995 – *Основные показатели развития городов и районов Оренбургской области за 1990–1994 годы / Оренбургский комитет государственной статистики.* Оренбург, 1995.

Областной статистический ежегодник 2001 – *Областной статистический ежегодник: стат. сб.* Оренбург, 2001.

Российский статистический ежегодник 1998 – *Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России.* Москва, 1998.

Социальная политика в России 1992 – *Социальная политика в России: сб. документов.* Москва, 1992.

Службе занятости... 1996 – *Службе занятости* Челябинской области: история, деятельность 10 лет. Челябинск, 1996.

Труд и занятость... 2006 – *Труд и занятость* в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа, 2006.

Уровень жизни... 2003 – *Уровень жизни* населения Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа, 2003.

Хакимов 2000 – *Хакимов Р.Ш.* Становление службы занятости населения на Южном Урале в 90-е годы XX столетия: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. 246 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-sluzhby-zanyatosti-naseleniya-na-yuzhnom-urale-v-90-e-gody-xx-stoletiya>.

Челябинская область 2005 – *Челябинская область*: стат. ежегодник. Челябинск, 2005.

Шабанов 2011 – *Шабанов Я.В.* Социальная политика российского государства и ее приоритеты (1990–2000-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2011. 44 с. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/socialnaja-politika-rossijskogo-gosudarstva-i-ee-prioritety.html>.

Библиографический список

Ахмадинуров 2003 – *Ахмадинуров Р.М.* Управление внутрифирменным рынком труда (социологический анализ особенностей социально-экономической политики на предприятиях). Москва: Инфра, 2003. 184 с.

Бреев 2005 – *Бреев Б.Д.* Безработица в современной России. Москва: Наука, 2005. 331 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002572842/?ysclid=mc07ddcaf387089517; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19755463>. EDN: <https://elibrary.ru/qqiaoz>.

Бреславский 2022 – *Бреславский А.С.* Трансформация структуры занятости населения в регионах Дальнего Востока в 1990-е – 2010-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4 (50). С. 118–125. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-4-118-125>. URL: https://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number-50/118-125.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50060955>. EDN: <https://elibrary.ru/wyuvdb>.

Власов 1996 – *Власов В.И.* Занятость населения и профсоюзы. Москва: Профиздат, 1996. 128 с.

Гарсия-Исер, Голодец, Смирнов 1997 – *Гарсия-Исер М., Голодец О., Смирнов С.* Критические ситуации на региональных рынках труда // Вопросы экономики. 1997. № 2. С. 114–124. URL: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n2_1997.html.

Клименко 2007 – *Клименко О.И.* Регулирование российского рынка труда как основа совершенствования социально-трудовых отношений. Белгород: Кооперативное образование, 2007. 242 с.

Красноперов 1997 – *Красноперов Н.* Арифметика безработицы: «Два пишем – семь в уме» // Южноуральская панорама. 4–10 сентября 1997. № 23 (23). С. 5–6.

Крупа 2015 – *Крупа Т.А.* Безработица на Дальнем Востоке во второй половине 1990-х гг. И ее социальные последствия // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сборник научных статей. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 2015. С. 97–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24352621>. EDN: <https://elibrary.ru/umxprwr>.

Кузьмин 2001 – *Кузьмин С.А.* Занятость: стратегия России. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 304 с.

Маслова 1998 – *Маслова И.С.* Современные процессы занятости и проблемы их регулирования // Российские реформы: Социальные аспекты: материалы научно-практической конференции «Российские реформы: социальные аспекты». Москва, 1998. С. 196–202.

Ткаченко 2015 – *Ткаченко А.А.* Занятость и экономика: политика государства в переходный период. Москва: Инфра-М, 2015, 276 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38233338>. EDN: <https://elibrary.ru/amenac>.

Торлопов 1999 – *Торлопов В.А.* Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 230 с.

Урожаев 2017 – *Урожаев Т.П.* Трансформация занятости населения моногородов Иркутской области в 1990–2000 годы // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017. С. 435–443. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28852789>. EDN: <https://elibrary.ru/yhkakn>.

Шабанов 2013 – *Шабанов А.М.* Социально-экономические последствия безработицы в пореформенный период (исторический аспект) // Европейский журнал научных социальных наук. 2013. № 6 (34). С. 336–342. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20359051>. EDN: <https://elibrary.ru/rdnlkf>.

References

Akhmadinurov 2003 – *Akhmadinurov R.M.* (2003) Management of the intra-firm labor market (sociological analysis of the features of socio-economic policy in enterprises). Moscow: Infra, 184 p. (In Russ.)

Breev B.D. 2005 – *Breev B.D.* (2005) Unemployment in contemporary Russia. Moscow: Nauka, 331 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002572842/?ysclid=mc07ddcaf387089517; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19755463>. EDN: <https://elibrary.ru/qqiaoz>. (In Russ.)

- Breslavsky 2022 – *Breslavsky A.S.* (2022) Transformation of the employment patterns in the regions of the Far East in the 1990s–2010s. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, no. 4 (50), pp. 118–125. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-4-118-125>. Available at: https://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number-50/118-125.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50060955>. EDN: <https://elibrary.ru/wyuvdb>. (In Russ.)
- Vlasov 1996 – *Vlasov V.I.* (1996) Employment and trade unions. Moscow: Profizdat, 128 p. (In Russ.)
- Garcia-Iser, Golodets, Smirnov 1997 – *Garcia-Iser M., Golodets O., Smirnov S.* (1997) Critical situations in regional labor markets. *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 114–124. Available at: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n2_1997.html. (In Russ.)
- Klimenko 2007 – *Klimenko O.I.* (2007) Regulation of the Russian labor market as a basis for improving social and labor relations. Belgorod: Kooperativnoe obrazovanie, 242 p. (In Russ.)
- Krasnoperov 1997 – *Krasnoperov N.* (1997) Arithmetic of unemployment: «Two written – seven in mind». In: *Yuzhnoural'skaya panorama*, September 4–10, no. 23 (23), pp. 5–6. (In Russ.)
- Krupa 2015 – *Krupa T.A.* (2015) Unemployment in the Far East during the second half of the 1990-s and its social consequences. In: *In the Mirror of Perestroika: Towards Understanding Russian Transformation. Collection of scientific articles*. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 97–101. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24352621>. EDN: <https://elibrary.ru/umxpwr>. (In Russ.)
- Kuzmin 2001 – *Kuzmin S.A.* (2001) Employment: Russia's strategy. Moscow: Editorial URSS, 304 p. (In Russ.)
- Maslova 1998 – *Maslova I.S.* (1998) Modern employment processes and problems of their regulation. In: *Russian reforms: social aspects: proceedings of the research and practical conference «Russian reforms: social aspects»*. Moscow, pp. 196–202. (In Russ.)
- Tkachenko 2015 – *Tkachenko A.A.* (2015) Employment and economy: state policy in the transition period. Moscow: Infra-M, 276 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38233338>. EDN: <https://elibrary.ru/amenac>. (In Russ.)
- Torlopov 1999 – *Torlopov V.A.* (1999) Social state in Russia: ideals, realities, prospects. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 230 p. (In Russ.)
- Urozhaev 2017 – *Urozhaev T.P.* (2017) Transformation of employment of the population of industry towns Irkutsk region in 1990–2000. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2017*. Irkutsk, pp. 435–443. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28852789>. EDN: <https://elibrary.ru/yhkakn>. (In Russ.)
- Shahbanov 2013 – *Shahbanov A.M.* (2013) Socio-economic consequences of unemployment in the post-reform period (historical aspect). *European Social Science Journal*, no. 6 (34), pp. 336–342. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20359051>. EDN: <https://elibrary.ru/rdnlkf>. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-91-98

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 11.01.2025
рецензирования: 18.02.2025
принятия: 02.06.2025

Педагог как профессия призвания: эскиз к антропологии мастерства

С.В. Соловьева

Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация;
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: metaphisica@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Аннотация: Статья посвящена антропологическим особенностям профессии педагога. Несмотря на продолжительную историю педагогической деятельности, можно констатировать ее пластичность, изменчивость в профессиональном содержании, но не в ее существе. Фундаментальной основой профессии педагога выступает ее отнесенность к актам призвания и признания. На основании методологии социального конструктивизма, статистических данных, индикаторов и показателей зафиксировано: разнообразие образов и моделей педагога среди возрастных и прочих когорт; несоразмерность социального образа педагога в современной России с реальной практикой и моделями профессии, осуществляющими социально-экономическое производство образования и знания. Выделенное несовпадение позволяет говорить о необходимости создания такого концепта профессии педагога, который бы соответствовал стремительно меняющемуся миру. В результате исследования были выделены наиболее известные и востребованные подходы к анализу признания-призвания (религиозно-символический, рационально-этический), показано, что разработка «парадигмы признания» в изучении антропологии педагогической деятельности имеет огромный потенциал. Путем экстраполяции идей и герменевтического анализа П. Рикера произведена экспликация двух фигур признания в возможной антропологии мастерства педагога: «Самопризнание себя как педагога. Рефлексия и ответственность» и «Взаимное признание». В заключении показано, что существующие в современном мире модели педагога как профессии-призвания (наставник, мастер, виртуоз) исходно укорены не в системах социальных квалификаций, а в том общении и взаимности, которые и создают уникальное лицо педагога и ученика.

Ключевые слова: педагог; профессия; призвание; признание; этика; педагогическая деятельность.

Цитирование. Соловьева С.В. Педагог как профессия призвания: эскиз к антропологии мастерства // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 91–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-91-98>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловьева С.В., 2025

Светлана Владимировна Соловьева – заведующая кафедрой философии и истории науки, Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 в; профессор кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.01.2025
Revised: 18.02.2025
Accepted: 02.06.2025

Teacher as a profession of vocation: a design for the anthropology of mastery

S.V. Solovyova

Volga State Transport University, Samara, Russian Federation;
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: metaphisica@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Abstract: The article is devoted to understanding the anthropological features of the teaching profession. Despite the long history of pedagogical activity, one can state its plasticity, variability in professional content, but not in its essence. The fundamental basis of the teaching profession is its attribution to acts of vocation and recognition. Based on the methodology of social constructivism, statistical data, indicators and indices, the following has been recorded: a variety

of images and models of a teacher among age and other cohorts; disproportion between the social image of a teacher in modern Russia and the real practice and models of the profession that carry out the socio-economic production of education and knowledge. The identified discrepancy allows us to speak about the need to create a concept of the teaching profession that would correspond to the rapidly changing world. As a result of the study, the most well-known and popular approaches to the analysis of recognition-vocation (religious-symbolic, rational-ethical) were identified, and it was shown that the development of a «recognition paradigm» in the study of the anthropology of pedagogical activity has great potential. By extrapolating the ideas and hermeneutic analysis of P. Ricoeur, an explication of two figures of recognition in the possible anthropology of the teacher's skill was made: «Self-recognition of oneself as a teacher. Reflection and responsibility» and «Mutual recognition». In conclusion, it is shown that the models of a teacher as a profession-vocation (mentor, master, virtuoso) existing in the modern world are initially rooted not in the systems of social qualifications, but in the communication and reciprocity that creates the unique face of the teacher and the student.

Key words: teacher; profession; vocation; recognition; ethics; pedagogical activities.

Citation. Solovyova S.V. Teacher as a profession of vocation: a design for the anthropology of mastery. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 91–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-91-98>. (In Russ.)

Information on conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Solovyova S.V., 2025

Svetlana V. Solovyova – head of the Department of Philosophy and History of Science, Volga State Transport University, 2 v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation; professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Профессия педагога относится к одной из самых старых и до недавнего времени была одной из престижных, нагруженных множеством символических коннотаций и гуманистических отсылок. Уже на заре цивилизации педагоги готовили правящие элиты, но усложнение в работе социальных институтов, расширение рынка труда в последние тысячелетия делает педагогическую деятельность как профессию все более сложной и специализированной. Внутри профессионального поля выделяются учителя (целевая аудитория – неграмотные, дети), педагоги среднего профессионального образования и преподаватели университетов. Дополнительным аспектом в обсуждении темы становится связанность категорий «педагог» – «призвание» – «служение». Кажется, что соединенность указанных понятий стала клишированной, но на это указывает исследовательский и социальный контекст, а не имеющееся правовое регулирование. Профессиональный стандарт «Педагог» (2013 г.), ни отсутствие отдельного профессионального стандарта «Преподаватель высшей школы» никак не предполагают разработку этического и ценностного содержания дела. Это свидетельствует о том, что институциональное развитие профессии педагога продолжается, делая ее актуальной и трансформируемой в новых условиях цифровой трансформации. По мнению Т.И. Рудневой, изменение моделей университета приводит к пересмотру базовых функций преподавателя: от просвещенских (традиционных) до научно-исследовательских (когнитивный университет) [Руднева 2020; Руднева 2024]. Дискуссии о содержании деятельности преподавателя продолжаются как в реальной жизнедеятельности людей, так и в профессиональных сообществах. Предлагаемая статья посвящена анализу профессии педагога в контексте концептов и ценностей призвания-признания (Призвание; Призвание... 2005).

Проблема, предмет исследования, методология

В основе проведенного исследования были использованы методологические основы социально-

го конструктивизма и герменевтики. Для выделения предметного поля проведено сравнение трех типов конструирования «профессии преподавателя»: результаты социологических исследований (ВЦИОМ); аналитика статистических данных «Индикаторы образования» (ВШЭ); визуализация образов педагога и преподавателя нейросетями для генерации изображений Kandinsky 3.1 (продукт компании «Сбер») и «Шедеврум» (продукт компании «Яндекс»). Результаты, полученные в ходе сравнения данных, показали глубокое различие, требующее дополнительного объяснения и заполнения «лакун» исследования. Выбранным методологическим инструментом становится экзистенциально-герменевтический подход, который ориентирован на выделение структур понимания / толкования смыслов, участвующих в конструировании концепта «педагог как профессия призвания». Применение указанных подходов позволило выявить самые общие контуры предмета нашего исследования – осмысление профессии педагога в контексте антропологии профессий [Антропология профессий... 2011]. Профессиональная идентичность педагога рассматривается как перформативная интеллектуальная и этическая практика, предполагающая наличие сложной структуры значений, связанных с самопризнанием и взаимным признанием субъектов образовательной деятельности (обучающийся – педагог, педагог – педагог, педагог – администратор и пр.).

Чтобы зафиксировать особенности социально-го конструирования профессии преподавателя / учителя в современной России, обратимся к социологическим исследованиям. Социологические исследования престижа профессий в СССР начались в конце 70-х годов XX века, в это время респонденты выделяли врачей, инженеров, учителей. В начале 2010 года ВЦИОМ представляет данные о доверии россиян представителям профессий (журналист, учитель, священнослужитель и милиционер). Лидерами выступили учителя (68 %), затем следует профессия «священнослужитель» (62 %). С отрывом идут

журналисты (32 %) и милиционеры (23 %) [Люди, которым мы доверяем].

По прошествии времени в 2022 году ВЦИОМ ко Дню учителя представляет результаты исследования, посвященного выявлению главных качеств школьного учителя и положению его в обществе (престиж, оплата, рекомендация для получения этой профессии). Социальный образ педагога сильно разнится в возрастных и образовательных когортах. Старшее поколение ставит на первый план любовь к детям и справедливость (32 и 30 % соответственно), тогда как молодежь, недавние выпускники школы 18–24-летние ценят «добро-ту и уважение к учащимся» (45 %). Симптоматично, что социальная установка «учитель – это призвание» практически не разделяется молодыми респондентами (4 % против 15 % среди всех опрошенных). Оценка престижности профессии в последнее время растет: 3,19 балла из 5 возможных (+ 0,33 к 2017 г.). При этом оценка престижности падает среди образованных (от граждан со средним образованием – 3,85 до высокообразованных – 2,89). Профессионалы из образования и науки определяют социальный престиж своей деятельности на уровне 2,94 балла [Профессия: учитель!].

Мониторинговый опрос ВЦИОМа 1600 россиян показал, что первые строчки рейтинга профессий возглавляют IT-специалисты и врачи (по 32 %). Несмотря на рост престижа профессии педагога за последние годы (2024 г. – 13 %; 2023 г. – 16 %; 2021 г. – 19 %; 2018 г. – 16 %; 2006 г.; 2009 г. и 2012 г. – по 4 %), в указанном замеры она выступила как отрицательная. Это скорее свидетельствует о «материальной недооцененности» их заслуг в общественном мнении России, но все еще остающемся понимании высокой символической значимости профессии педагога. Среди опрошенных только «8 % хотели бы видеть своих детей педагогами» [Наиболее престижные...]. Картина несколько сглаживается в возрастных когортах от 60 лет и старше, там все еще в рейтинге желаемых профессий занимают педагоги и инженеры 3-е место (по 10 %) [Профессии в России...].

О каком профессиональном сообществе идет речь? Посмотрим на социальное конструирование профессии педагога через «индикаторы образования» – аналитическо-статистический сборник ВШЭ за 2024 год. В сборнике показано, что объем профессионального сообщества имеет тенденцию к снижению количества профессорско-преподавательского состава (с 223,1 тыс. в 2020/21 до 215,1 в 2022/23 гг.), учебно-вспомогательного персонала (с 90,0 тыс. до 84,7 тыс. соответственно) при росте руководящего персонала (с 29,7 тыс. до 33,8 тыс. с 2020/21 по 2022/23 уч. гг.) [Индикаторы образования... 2024, с. 285–286]. В динамике 22 лет на максимуме численность ППС составляла 359 тыс. (2005/2006 уч. г.), а на минимуме, т. е. сейчас, 215 тыс.

профессорского-преподавательских кадров. При этом доля оспенного персонала более или менее стабильна и составляет: докторов наук – примерно 15 %, кандидатов – 58 % [Индикаторы образования... 2024, с. 293]. Возрастной состав ППС в сегодняшней России вызывает озабоченность: 68 % профессуры от 60 лет и старше, среди доцентов примерно половина от 50 лет и старше [Индикаторы образования... 2024, с. 299]. Процентное отношение численности женщин в составе ППС более или менее стабильно. Сейчас оно составляет 59 %, при этом среди профессуры женщин 38 %, а среди старших преподавателей – 68 % [Индикаторы образования... 2024, с. 295].

О чем это все свидетельствует? О том, что средний обобщенный образ российского преподавателя, включая университеты, это преимущественно женщина, доцент к 50 или старше. Престиж профессии в обществе держится на символической значимости деятельности преподавателя: социальная установка, что педагог – это призвание практически не поддерживается молодежью, т. е. основной целевой аудиторией образовательной и воспитательной деятельности.

Бурное развитие машинного обучения, нейронных сетей, искусственного интеллекта, особенно в сегменте генерации изображений, приводят к тому, что ученые из области социально-гуманитарных наук получили дополнительные инструменты и материалы для научной работы. Если поместить промт «преподаватель университета», «педагог» в сервисы самых известных российских нейросетей Kandinsky и «Шедеврум», то можем обнаружить разительные отличия с тем, что было сказано выше. Опорой на большие данные потребители Интернета (школьники и родители) хотят видеть молодых и красивых женщин среди учителей, а студенты – молодых и подтянутых мужчин среди преподавателей университета. Социальное воображение нейросетей выдает желаемое за действительное, тогда же как выше обозначенные статистические выкладки показывают обратное. Даже если критически относиться ко всем источникам (социсследования, статистические данные, генерация изображений), тенденция выявляет истончение престижа преподавательской деятельности и девальвацию концепта «педагог как профессия призвания». В настоящее время как будто бы «много званых, но мало избранных» (Мф. Глава 20, стих 16). В рамках нашего анализа будет показано, что потенциал педагога как профессии-призвания не просто не исчерпан, но еще до конца не осмыслен.

Способы концептуализации и модели призвания-признания

Как пишет В.В. Виноградов, семантическая история слова «призвание» – пример объединения народно-русских, старославянских и западноевропейских элементов в структуре слова. Глагол *призвать* в русском литературном языке появился под

влиянием старославянского. В истории употребления произошел переход от значения «*призыв, приглашение*» к «склонности, внутреннему влечению, предрасположению к делу, профессии» [Виноградов 1994]. В этимологическом словаре Фасмера призвание калькирует нем. *Beruf* «призвание, профессия», немецкое слово первоначально имело религиозный смысл: «призыв Бога к людям» [Halmer].

В христианской традиции «Призвание, призыв, предназначение» связаны с общением Бога и человека. Первым призыв получил Авраам: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Бытие 12:1). Авраам принимает призыв с ясным пониманием предназначения. «“Вера” и в дальнейшем была его ответом на “призыв” Бога» [Wellen 2001]. В библейской истории фиксируют три характеристики «общей модели призвания», которая демонстрируется через образ Авраама:

1. Эманация божественной власти при нисхождении на землю гласа трансцендентного, Бог предъявляет права на Свое создание.

2. Стремительное понимание Авраамом необходимости повиновения: «И пошел Аврам, как сказал ему Господь» (Бытие 12:4).

3. Вера в решимость Авраама посвятить себя выполнению Божьих повелений, отправиться в неизвестную «землю, которую Я укажу тебе» (Бытие 12:1) [Wellen 2001].

Впоследствии общее призвание Бога распространилось в Ветхом Завете на народ Израиля. Призвание здесь – духовный призыв к вере и послушанию трансцендентной власти Бога.

Если случай Авраама – это общая модель призвания, то история Моисея, призвание ветхозаветных пророков, апостола Павла – модель «особого призвания» к духовному служению. В Библии также присутствует третий тип тематизации призвания-признания «к выполнению обычных профессиональных дел». Например, Бог «избрал» Давида и «взял его от дворов овчих», чтобы он стал царем Израиля (Пс. 77:70–71) [Wellen 2001].

Рационализация и модернистское переосмысление модели профессионального признания произведены в работах М. Вебера. Под рационализацией он понимал процесс модернизации, который пронизывал все сферы жизни общества в многообразных формах бюрократизации, специализации, секуляризации, разочарования и капиталистического способа производства [Бурдьё 2005]. Институциональная рационализация основана на возникновении специфического рационального типа личности или «человека призвания» (*Berufsmensch*). Преобразование себя в целостную личность и освоение мира, субъективная ценность и объективная рациональность образовали у философа «одно неразрывное целое». Подлинный человек науки, университетский преподаватель, по Веберу, – ученый с чувством призвания, страстно

преданный своему специализированному исследованию, интеллектуально честный и совершенно «свободный от иллюзий». Сила «человека призвания» состоит в сочетании непоколебимой убежденности и методичной рациональности, которую не аннулирует бюрократическое окаменение и фрагментация ценностей. Вебер настаивает на том, что университетские преподаватели и ученые обязаны рассматривать свою профессиональную деятельность как служение «моральным силам». При этом в профессии необходимо соединить, казалось бы, несоединимое – интеллектуальную честность (независимость от партикуляризма и партийности) и ориентацию науки на мир культурных значений и морально-практических проблем [Забаев 2018]. Позитивным эффектом соединения «рационализации» и «морализации», по Бурдьё, выступает создание «корпуса специалистов, распоряжающихся ценностями спасения» [Ван Ден Бринк 2014, с. 20]. А эквивалентом этической категории *Beruf* (профессия/призвание), играющей ту же роль в православии, что и в протестантизме, выступает понятие и опыт «смирения». Как пишет И. Забаев, в философии Вебера смирение перестает быть феноменом ressentiment (Ницше), но приобретает форму «теодиции страдания» [Рикер 2010].

Концептуальный и этический потенциал парадигмы признания, с точки зрения Берта ван ден Бринка, можно очертить следующими положениями:

1. Развитие современной личности зависит от общественных отношений любви, уважения и престижа (первичные социальные отношения).

2. В основе парадигмы признания лежит «анти-атомистическая теория социальных институтов», где семья, государство, общество – выражение ценностного ядра первичных отношений.

3. Парадигма признания включает в себя теорию и практики «борьбы за признание»: конфликты – не столько борьбу за удовлетворение частных интересов индивидов, сколько противостояние субъектов ради улучшения общественных условий для развития личности [Вдовина 2010, с. 6].

Таким образом, положения теории признания превращают философский и педагогический дискурс в этический и эмансипационный. В философских дискуссиях по проблеме призвания фиксируются два важных аспекта: обсуждение «общего блага» людей и способов «борьбы за признание», которые могут выступить как двигатель исторического прогресса.

Путь признания в педагогике

Одной из крупных философских работ уже XXI века становится книга П. Рикера «Путь признания» (2004) [Левинас 2000], в которой философ продолжает исследование «человека могущего». Человеческая субъективность раскрывается через способность признавать Другого и быть им признанным. Этот опыт не регионален, а фундамен-

тален: по мнению Рикера, создание философской теории признания сравнимо по своей значимости и масштабу с теорией познания [Вдовина 2015, с. 28]. Руководящей идеей книги стала идея примирения и согласия людей, или кантовская мысль о «всеобщем гостеприимстве», высказанная им в трактате «К вечному миру» (1795) [Вдовина 2015, с. 28]. В работе определяются существо и различие трех форм признания, в зависимости от того, на что / кого они направлены: признание-идентификация (направленность на предмет); самопризнание (авторереферентность); взаимное признание / взаимность (Я и Другой в контексте «бытия вместе»). В актах признания представлена способность человека к действию. Любой действующий человек к самопризнанию и взаимному признанию идет долгим путем.

Профессия педагога не становится исключением. Если экстраполировать идеи Рикера на профессиональное педагогическое призвание, то первой фигурой становится «Самопризнание себя как педагога. Рефлексия и ответственность». Это определяет субъекта как «способного обозначать себя как автора своих слов и действий – не субстанциально застывшего, а ответственного за свои слова и дела». На широком историческом и философском материале П. Рикер показывает, что опыт самопризнания можно представить посредством феноменологии «человека могущего». Декрипция данного антропологического типа включает в себя ряд фундаментальных оснований: способности говорить, способности действовать, способности быть нарратором (повествовать о себе) и состояния вменяемости. В режиме познания востребованы память и обещание [Левинас 2000]. Инстанция памяти и обещания выступают краеугольными камнями этического опыта и кодифицирования, что развернуто еще в XIX веке показал Ф. Ницше в работе «Генеалогия морали».

Выделенные опорные точки феноменологии самопризнания Рикера могут выступить своеобразной «картой способностей-навыков» педагога, которые не могут быть данностью, но всегда конструируются в процессе опыта саморефлексии и самоопределения себя в координатах профессионала от образования. Когда в педагоге сформировалась указанная композиция способностей-навыков, то финалом самопризнания должно стать возложение на свои действия ответственности. Как метко замечает Э. Левинас, «сознание ответственности (...) не в именительном, оно, скорее, в винительном падеже». Педагог (подобно священнику, военному, врачу, другим профессиям служения) «становится призванным, однако в действительности он наделяется определенной властью», что означает одновременно «получить приказание» и «стать посвященным» [Конев 2007, с. 361].

Второй фигурой в антропологии мастерства педагога выступает «Взаимное признание». Взаимность включает в себя как работу человека, так и

социальные условия возможности «общественного уважения». К способности обещать добавляется прощать и быть прощенным, признавать и быть признанным. Идея взаимного признания философии Рикера перерастает в принцип взаимности. Этот путь прокладывается от непризнания к асимметричности Я – Другой до взаимности, от эгологии до признания другого, и заключительным этапом трудного движения должна стать «жизнь вместе», заботливость, дарственность, любовь, отказ от борьбы за признание в пользу «состояния мира» [Конев 2015, с. 42]. Высшей формой взаимного признания выступает дарственность. В даре, как и в торговой сделке, нет обязательства обратного дарения; однако рыночный обмен имеет пределы, куда не могут быть отнесены любые блага (не все продается!), дар и дарственность предполагают существование такого блага, которое «не имеет цены». «Сократ не брал платы за обучение, а только подарки, в которых выражалось почтение к нему и к богам» [Левинас 2000, с. 260], – отмечает Рикер. Даритель и одариваемый выступают субъектами взаимности и великодушия. Дар педагога обучающемуся – обнаружение и развитие его способностей и талантов; дар ученика учителю – уважение, признание ценности вклада наставника в рост осмысленности и его индивидуальности.

Представляя педагога как профессию-признания, мы можем зафиксировать богатство ее определений через понятия гостеприимства, ответственности, взаимности, великодушия, бескорыстия. Указанные понятия выходят за границы экономики, этики и приобретают глубокое философское содержание. Выделенные В.А. Коневым формы передачи опыта и их последовательность (остенсивные, императивные, аксиологические, нормы-принципы) выражают как историческую логику развития культуры (от традиционных – к зрелым), так и логику включения человека в культуру (от подражания и освоения образцов к мастерству, высшей форме продуктивного действия) [Пигров 2019, с. 125]. Признание как вид этического и властного действия, «культивирует саму размерность человечески возможного, которая указывает на подлинную меру всех вещей – на ценность человека» [Пигров 2019, с. 131]. Сам опыт взаимного признания педагога и учеников – не результат, а процесс. Методологические принципы педагогики в контексте антропологии мастерства направляют современное образование. С опорой на «Логiku смысла» Делеза их точно сформулировал В.А. Конев:

1) опыт сознания не чисто интеллектуален, опыт работы с сознанием – экзистенциальное достижение человека;

2) опыт работы с сознанием раскрывает ситуативность в содержании актов сознания (смыслы сознания);

3) вопросы (запросы) ученика определяют направленность образования [22].

Поэтому педагогика – это не профессия, которая центрирована на формальных требованиях квалификации, оно шире званий и разрядов (форма признания профессионального сообщества). Признание включено в саму природу профессии, в его «бытие вместе»: здесь признанность сотворяется внутри совместности с учеником или профессиональным сообществом. Профессионализм – это не только мотивированный жаждой признания труд, способности к интеграции в сообщества, публичность, но и «форма трудолюбия» [Hull (2020) 2023, с. 60], где вклад «любия» трудно переоценить.

Заключение

Как пишет Э. Халл, современные исследования в области антропологии профессии все чаще отказываются от рассмотрения профессионализма как ситуации статус-кво, санкционированной государством деятельности или системы стандартов и квалификаций. Напротив, подчеркивается

перформативная природа профессионализма, которая включает в свое содержание эстетические аспекты и этическое взаимодействие [24]. Профессионализм не устойчивая данность или фиксированное значение, но событийно утверждаемый процесс реализации личности в труде и творчестве. В истории профессии созданы разные антропологические модели педагога, среди них мастер, наставник, виртуоз. Современные лидеры мнений, коучи, инфобизнесмены, которые занимают позицию учителей, действуют максимально публично, обращаясь к «городу и миру», их цель – аудитория, признание максимального количества людей, поклонников, последователей и пр. Другой для педагога не усреднен, это «не ожидания аудитории», а конкретный человек, за которого он берет ответственность, поэтому современный педагог – это не виртуоз (Вирно), он все еще остается мастером, наставником, задача которого не просто знать свое дело, но и обустроить совместность познания с Другим – учеником...

Материалы исследования

Призвание – *Призвание* // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BF/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 18.12.2024).

Призвание... 2005 – *Призвание*, призыв, предназначение // Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман; пер. Б.А. Скороходова, О.А. Рыбаковой. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. 1426 с. URL: https://baptistnorth.ru/upload/iblock/638/Slovar-bibleyskikh-obrazov.-Pod-red.-L.-Raykena_-D.-Uilkhoyta.pdf (дата обращения: 18.12.2024).

Библиографический список

- Halmer – *Halmer N.* Max Weber: «Berufsmensch ohne Geist, Genussmensch ohne Herz». URL: <https://www.furche.at/feuilleton/philosophie/max-weber-berufsmensch-ohne-geist-genussmensch-ohne-herz-3049013> (accessed 25.12.2024).
- Hull (2020) 2023 – *Hull E.* (2020) 2023 «Professionals». In *The Open Encyclopedia of Anthropology*, edited by Felix Stein. Facsimile of the first edition in *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. DOI: <http://doi.org/10.29164/20pros> (accessed: 24.12.2024).
- Wellen 2001 – *Wellen R.* The Politics of Intellectual Integrity // *Max Weber Studies*. 2001. Vol. 2, no. 1 (November 2001). P. 81–101. URL: https://www.researchgate.net/publication/228454242_The_Politics_of_Intellectual_Integrity.
- Антропология профессий... 2011 – *Антропология профессий*, или Посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. Москва: Вариант, ЦСПГИ, 2011. 358 с. URL: https://www.academia.edu/5504800/Антропология_профессий_или_посторонним_вход_разрешен.
- Бурдые 2005 – *Бурдые П.* Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетея, 2005. С. 7–74. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3039?ysclid=macebe9zer441433735>.
- Ван Ден Бринк 2014 – *Ван Ден Бринк Б.* Парадигма признания в социальной философии // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2014. № 2 (128). С. 5–15. URL: <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/25255/1/iuro-2014-128-01.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21743512>. EDN: <https://elibrary.ru/shvdpf>.
- Вдовина 2010 – *Вдовина И.С.* Поль Рикёр о необходимости разработки философской теории признания // *Философские науки*. 2010. № 7. С. 25–39. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/2101>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15596836>. EDN: <https://elibrary.ru/ndhybl>.
- Вдовина 2015 – *Вдовина И.С.* Поль Рикёр: Что может человек // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация». 2015. С. 32–47. URL: <https://djvu.online/file/Hn9B9CsQXgIU?ysclid=macg67dudo267319857>.
- Виноградов 1994 – *Виноградов В.В.* История слов / отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. Москва: Толк, 1994. 1138 с. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prizvanie&vol=1> (дата обращения: 18.12.2024).

Забаев 2018 – *Забаев И.* Религия и экономика: можем ли мы все еще опираться на Макса Вебера? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 107–148. DOI: <http://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-107-148>.

Индикаторы образования... 2024 – *Индикаторы образования: 2024: статистический сборник* / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг [и др.]. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 416 с. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Indicators_education_2024.pdf?ysclid=macsnk7phc233323775.

Конев 2015 – *Конев В.А.* Заметки о методологии современного образования // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 179–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zametki-o-metodologii-sovremennogo-obrazovaniya?ysclid=mack3749wv429739251>.

Конев 2007 – *Конев В.А.* Категориальная структура культуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 1. С. 122–131. URL: <https://phil63.ru/kategorialnaya-struktura-kultury>.

Левинас 2000 – *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. 416 с. URL: <https://djvu.online/file/g7FrXUkxZxkwC?ysclid=macfx4nsba899229486>.

Люди, которым мы доверяем – *Люди, которым мы доверяем* // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyudi-kotorym-my-doveryaem> (дата обращения: 19.11.2024).

Наиболее престижные... – *Наиболее престижные и доходные профессии: мониторинг* // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring> (дата обращения: 19.11.2024).

Пигров 2019 – *Пигров К.С.* Любовь к труду в контексте перспектив развития новоевропейской цивилизации // ЕІНАІ: Философия. Религия. Культура. 2019. Т. 8, № 1 (15). С. 55–68. URL: <https://eina1.ru/ru/archives/2265>.

Профессии в России... – *Профессии в России: престиж, доходность, востребованность* // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения: 19.11.2024).

Профессия: учитель! – *Профессия: учитель!* // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privlekatelnost> (дата обращения: 19.11.2024).

Рикер 2010 – *Рикер П.* Путь признания. Три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 268 с. URL: <https://djvu.online/file/Xhn2f04WUBTJ4>.

Руднева 2024 – *Руднева Т.И.* Методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 89–93. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-89-93>.

Руднева 2020 – *Руднева Т.И.* Тип преподавателя современного университета: традиции и инновации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 2 (51). С. 134–139. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.2.134>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bonrvv>.

References

Halmer – *Halmer N.* Max Weber: «Berufsmensch ohne Geist, Genussmensch ohne Herz». Available at: <https://www.furche.at/feuilleton/philosophie/max-weber-berufsmensch-ohne-geist-genussmensch-ohne-herz-3049013> (accessed 25.12.2024).

Hull (2020) 2023 – *Hull E.* (2020) 2023. «Professionals». In *The Open Encyclopedia of Anthropology*, edited by Felix Stein. Facsimile of the first edition in *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. Available at: <http://doi.org/10.29164/20pros> (accessed 24.12.2024).

Wellen 2001 – *Wellen R.* (2001) The Politics of Intellectual Integrity. *Max Weber Studies*, vol. 2, no. 1 (November 2001), pp. 81–101. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228454242_The_Politics_of_Intellectual_Integrity.

Anthropology of professions... 2011 – *Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (eds.)* (2011) Anthropology of professions, or authorized persons are admitted. Moscow: Variant, TsSPGI, 358 p. Available at: https://www.academia.edu/5504800/Антропология_профессий_или_посторонним_вход_разрешен. (In Russ.)

Bourdieu 2005 – *Bourdieu P.* (2005) Genesis and structure of the field of religion. In: *Bourdieu P. Social space: fields and practices. Translation from French; responsible editor of the translation, compilation and afterword by N.A. Shmatko.* Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteiya, pp. 7–74. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/3039?ysclid=macebe9zer441433735>. (In Russ.)

Van den Brink 2014 – *Van den Brink B.* (2014) The Paradigm of Recognition in Social Philosophy. *IZVESTIA – Social Sciences*, no. 2 (128), pp. 5–15. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25255/1/iuro-2014-128-01.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21743512>. EDN: <https://elibrary.ru/shvdpf>. (In Russ.)

Vdovina 2010 – *Vdovina I.S.* (2010) Paul Ricoeur on the Necessity of Elaboration of Philosophical Theory of Recognition. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 7, pp. 25–39. Available at: <https://www.phisci.info/jour/article/view/2101>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15596836>. EDN: <https://elibrary.ru/ndhyllb>. (In Russ.)

Vdovina 2015 – *Vdovina I.S.* (2015) Paul Ricoeur: what a man can do?. In: *Paul Ricoeur: Man – Society – Civilization.* Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», pp. 32–47. Available at: <https://djvu.online/file/Hn9B9CsQXgIU?ysclid=macg67dudo267319857>. (In Russ.)

- Vinogradov 1994 – *Vinogradov V.V.* (1994) History of words. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Tolk, 1138 p. Available at: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prizvanie&vol=1> (accessed 18.12.2024). (In Russ.)
- Zabaev 2018 – *Zabaev I.* (2018) Religion and Economics: Can We Still Rely on Max Weber? *Russian Sociological Review*, vol. 17, no. 3, pp. 107–148. DOI: <http://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-107-148>. (In Russ.)
- Indicators of Education... 2024 – *Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gokhberg L.M. et al.* (2024) Indicators of Education in the Russian Federation: 2024: data book. Moscow: ISIEZ VShE, 416 p. Available at: https://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Indicators_education_2024.pdf?ysclid=macenk7phc233323775. (In Russ.)
- Konev 2015 – *Konev V.A.* (2015) Notes on the methodology of modern education. *Vestnik of Samara State University*, no. 7 (129), pp. 179–182. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zametki-o-metodologii-sovremennogo-obrazovaniya?ysclid=mack3749wv429739251>. (In Russ.)
- Konev 2007 – *Konev V.A.* (2007) Categorical structure of culture. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, no. 1, pp. 122–131. Available at: <https://phil63.ru/kategorialnaya-struktura-kultury>. (In Russ.)
- Levinas 2000 – *Levinas E.* (2000) Selected writings. Totality and Infinite. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 416 p. Available at: <https://djvu.online/file/g7FrXUkxZxkwC?ysclid=macfx4nsba899229486>. (In Russ.)
- People we trust – *People we trust*. Retrieved from the official website of VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyudi-kotorym-my-doveryaem> (accessed 19.11.2024). (In Russ.)
- The most prestigious... – *The most prestigious* and profitable professions: monitoring. Retrieved from the official website of VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring> (accessed 19.11.2024). (In Russ.)
- Pigrov 2019 – *Pigrov K.S.* (2019) Love to labor in context of perspectives of modern European civilization's development. *Einai: Philosophy. Religion. Culture*, vol. 8, no. 1 (15), pp. 55–68. Available at: <https://einai.ru/ru/archives/2265>. (In Russ.)
- Professions in Russia... – *Professions in Russia*: prestige, profitability, demand. Retrieved from the official website of VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (accessed 19.11.2024). (In Russ.)
- Profession: teacher! – *Profession: teacher!* Retrieved from the official website of VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privlekatelnost> (accessed 19.11.2024). (In Russ.)
- Ricoeur 2010 – *Ricoeur P.* (2010) The Path of Recognition. Three Essays. Translation from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 268 p. Available at: <https://djvu.online/file/Xhn2f04WUBTJ4>. (In Russ.)
- Rudneva 2024 – *Rudneva T.I.* (2024) Methodological support of the Masters' research activities in the field «psychological and pedagogical education». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 3, pp. 89–93. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-89-93>. (In Russ.)
- Rudneva 2020 – *Rudneva T.I.* (2020) Modern university lecturer type: traditions and innovations. *Vestnik of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, no. 2 (51), pp. 134–139. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.2.134>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bonrvv>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 17.01.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

Модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования

Н.В. Соловова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: solovova.nv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Н.В. Суханкина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация;
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: sukhankina@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3816-3801>

Аннотация: В статье дается теоретическое обоснование разработки модели формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования. Актуальность обозначенной проблемы обусловлена необходимостью системного подхода к формированию стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей, учитывающего их индивидуальные физиологические, психологические и профессиональные потребности. Показано, что специальные стресс-факторы вокально-исполнительской деятельности детерминируют наличие наиболее характерных видов стресса вокалистов-исполнителей (психоэмоционального, сценического, коммуникативного, физиологического). Исходя из этих предпосылок, складывается структура стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей, состоящая из пяти компонентов: ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого, когнитивно-технологического, рефлексивного, коммуникативного. Разработанная модель как совокупность элементов (целевого, содержательного, процессуального, результативного), выделенных на основе принципов системного, личностно ориентированного, деятельностного, компетентностного подходов, ставит целью развитие показателей в структуре стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей на основе отбора педагогических средств в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: стресс; стресс-факторы; виды стресса; стрессоустойчивость; вокально-исполнительская деятельность; дополнительное профессиональное образование; формирование стрессоустойчивости.

Цитирование. Соловова Н.В., Суханкина Н.В. Модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-99-105>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Соловова Н.В., Суханкина Н.В., 2025

Наталья Валентиновна Соловова – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наталья Владимировна Суханкина – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; доцент кафедры химии и методики преподавания химии, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Model of formation of stress resistance of vocalists-performers in the system of additional professional education

N.V. Solovova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: solovova.nv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

N.V. Sukhankina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation;
Maksim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: sukhankina@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0933-0332>

Abstract: The article deals with the issues of theoretical substantiation of the development of the model of formation of stress resistance of vocalists-performers in the system of additional professional education. The relevance of the problem is determined by the necessity of a systematic approach to the formation of stress resistance of vocalists-performers, taking into account their individual physiological, psychological and professional needs. It is shown that special stress factors of vocal-performing activity determine the presence of the most characteristic types of stress of vocalists-performers (psychoemotional, stage, communicative, physiological). Based on these assumptions, the structure of stress resistance of vocalists-performers is formed, consisting of five components: value-motivational, emotional-volitional, cognitive-technological, reflexive, communicative. The developed model as a set of elements (target, content, process, result), identified on the basis of the principles of systemic, personality-oriented, activity, competence approaches, aims to develop indicators in the structure of stress resistance of vocalists-performers on the basis of the selection of pedagogical means in the system of additional professional education.

Key words: stress; stress factors; types of stress; stress resistance; vocal and performing activity; additional professional education; formation of stress resistance.

Citation. Solovova N.V., Sukhankina N.V. Model of formation of stress resistance of vocalists-performers in the system of additional professional education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-99-105>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Solovova N.V., Sukhankina N.V., 2025

Natalya V. Solovova – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, head of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natalia V. Sukhankina – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; associate professor of the Department of Chemistry and Methods of Teaching Chemistry, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, 18, Sovetskaya Street, Minsk, 220030, Republic of Belarus.

Введение

В педагогической науке проблема формирования стрессоустойчивости исследуется с точки зрения классических зарубежных и отечественных теорий и подходов к пониманию стресса (Г. Селье, Р. Лазарус, С. Фолкман, Л.И. Анцыферова, Н.Е. Водопьянова, Л.В. Куликов, А.Б. Леонова), исследований механизмов формирования стрессоустойчивости человека в экстремальных видах деятельности (А.А. Баранов, В.А. Бодров, Б.А. Вяткин, Л.А. Китаев-Смык, Р.М. Шагиев, Л.В. Куликов). В научной литературе достаточно широко рассматриваются различные психолого-педагогические аспекты музыкально-исполнительской деятельности (Б.Г. Ананьев, Л.А. Баренбойм, Л.И. Божович, Л.Л. Бочкарев, Г.И. Прокофьев, Г.М. Цыпин), исследуются структура, сущностные характеристики и специфические особенности исполнительской деятельности (Б.В. Асафьев, А.Н. Байгушева, В.И. Петрушин, Л.С. Сабурова, Б.М. Теплов, Ю.А. Цагарелли, А.Н. Чванова). При этом проблема систематизации стресс-факторов вокально-исполнительской деятельности и разработки педагогических средств формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей требует дополнительного исследования.

Сформированность стрессоустойчивости как интегративного свойства личности вокалистов-исполнителей является необходимым условием успешного решения ими профессиональных задач [Giddens, Barron, Byrd-Craven et al. 2013; Phyland, Thibeault, Benninger et al. 2013; Михалева 2016; Немыкина, Саргина 2013; Цыпин 2014]. Вместе с тем при обучении классических певцов в высших учебных заведениях основной упор делается на развитие технической стороны вокала, и в меньшей степени уделяется внимание вопросу психолого-педагогического сопровождения профессиональной деятельности [Kiik-Salupere, Ross 2020] (Арутюнова 2013; Калугина 2011), а вопросы формирования стрессоустойчивости решаются пре-

имущественно педагогами по вокалу или актерскому мастерству. Поэтому проблеме формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в процессе их профессиональной деятельности можно успешно решить в системе дополнительного профессионального образования.

Результаты исследования

Стрессоустойчивость является сложным и емким качеством личности, частным случаем психической устойчивости, проявляющейся при действии стресс-факторов, специфичность которых определяется конкретным видом деятельности. Стрессоустойчивость носит междисциплинарный характер, объединяя когнитивные, эмоциональные, физиологические, социальные и поведенческие аспекты в единую систему. Эти компоненты служат основой для современных подходов к диагностике и развитию стрессоустойчивости. Анализ научно-педагогической литературы, опыта профессиональной подготовки вокалистов-исполнителей и условий их профессиональной деятельности позволил уточнить понятие стрессоустойчивости вокалиста-исполнителя как комплексной характеристики личности, которая определяется совокупностью личностных и профессиональных качеств, позволяющих вокалисту-исполнителю переносить значительные интеллектуальные, волевые, эмоциональные и физические нагрузки, обусловленные особенностями вокально-исполнительской деятельности, без последствий для профессиональной деятельности и его здоровья.

Специфика вокально-исполнительской деятельности заключается в том, что она осуществляется в таких макроструктурных единицах, как эмоционально-творческая подготовка к академическому вокальному выступлению; сценическое вокальное выступление; постсценическая концертная профессиональная рефлексия; коммуникация с субъектами творческого процесса. Особенности

вокально-исполнительской деятельности обусловлены совокупностью психических процессов и состояний, с помощью которых и осуществляется творческий акт индивидуального, неповторимого воспроизведения вокалистом-исполнителем содержания музыки (табл. 1).

Проанализировав специфику и особенности профессиональной деятельности вокалистов-исполнителей, в настоящем исследовании мы выделили специальные стресс-факторы, характерные для нее (табл. 2).

Определение и анализ стресс-факторов, которые доминируют в вокально-исполнительской деятель-

ности, позволили определить наиболее характерные виды стресса вокалистов-исполнителей: психоэмоциональный, коммуникативный, сценический и физиологический. Обозначенные виды стресса могут возникать одновременно в разных макроструктурных компонентах деятельности (табл. 3).

Так, в процессе эмоционально-творческой подготовки к выступлению появляются признаки психоэмоционального стресса, то есть такое напряжение, которое возникает в связи с несовершенством условий труда, высокими нагрузками и многозадачностью. Психоэмоциональный стресс выражается в таких проявлениях, как негативные

Таблица 1

Специфика и особенности вокально-исполнительской деятельности

Table 1

Specifics and peculiarities of vocal-performing activity

ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Специфика	Особенности
• Эмоционально-творческая подготовка к выступлению • Сценическое вокальное выступление • Постконцертная профессиональная рефлексия • Коммуникация с субъектами творческого процесса	• Необходимость публичного выступления • Необратимость и невоспроизводимость исполнительского процесса • Одновременное выполнение большого количества сценических, вокальных и артистических задач • Сочетание творческой самостоятельности и необходимости соблюдения авторского замысла • Наличие определенных вокальных данных, развитой техники и академической культуры исполнения

Таблица 2

Стресс-факторы вокально-исполнительской деятельности

Table 2

Stressors of vocal-performing activity

Макроструктурные единицы вокально-исполнительской деятельности	Стресс-факторы
Эмоционально-творческая подготовка к выступлению	– Проблемы с вокальной техникой; – нехватка времени; – эмоциональная перегрузка; – многозадачность; – ненормированный рабочий день; – информационная нагрузка; – физическое состояние голосового аппарата (переезды, экология, здоровье)
Сценическое выступление	– Неуверенность в своих вокальных способностях; – высокая ответственность перед слушателями; – боязнь разочаровать свою аудиторию и не оправдать ожиданий художественного руководства театра; – страх публики; – перфекционизм; – излишняя сосредоточенность на ошибках; – нештатные ситуации во время спектакля
Постсценическая профессиональная рефлексия	– Боязнь негативной обратной связи; – чрезмерная фокусировка на допущенных ошибках; – повышенный уровень адреналина; – возбужденность; – сложность «выхода» из сценического образа; – самокритичность
Коммуникация с субъектами творческого процесса	– Напряженный психологический климат в коллективе; – работа с большим количеством людей; – ответственность перед слушателями; – боязнь критики со стороны руководства или коллег; – самопрезентация своей деятельности; – самопродвижение

мысли, рассеянность, трудности с запоминанием, низкая концентрация внимания. Непосредственно во время публичного выступления обнаруживаются признаки сценического стресса. Он обусловлен низким уровнем саморегуляции, неспособностью совладать с волнением во время выступления на публике. Выражается в возникающем при выходе на сцену чувстве паники, допущении ошибок во время выступления или даже полном его провале. Большое влияние на успешность выступления оказывает и физиологический стресс, который включает в себя такие распространенные проявления, как увеличение частоты пульса, тремор губ и конечностей, повышенное потоотделение, мышечная зажатость связок, а также ряд другие признаки, которые весьма разнообразны и индивидуальны в каждом конкретном случае [Михалева 2016]. Коммуникативный стресс связан с непосредственным взаимодействием с большим количеством людей на всех этапах деятельности. Выделенные виды стресса послужили основой для формирования структуры стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей.

С учетом анализа понятий «стресс» и «стрессоустойчивость» и на основе идентификации характерных для вокально-исполнительской деятельности видов стресса, определена следующая структура стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей, состоящая из пяти компонентов: ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого, когнитивно-технологического, рефлексивного, коммуникативного (табл. 4).

Пять выделенных компонентов стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей образуют единую систему, каждый элемент которой играет свою уникальную роль, дополняя и усиливая другие. Ценностно-мотивационный компонент формирует основу стрессоустойчивости, задавая смысловую и эмоциональную направленность профессиональной деятельности. Эмоционально-волевой компонент характеризует способность вокалиста-исполнителя управлять своими эмоциями и сохранять волевую устойчивость в стрессовых ситуациях. Когнитивно-технологический компонент обогащает профессиональными знаниями и навыками, что помогает минимизировать стресс за счет уверенности в собственных возможностях. Рефлексивный компонент дает возможность анализировать собственные действия, извлекать уроки из стрессовых

ситуаций и развивать адаптивные стратегии. Коммуникативный компонент способствует снижению напряжения при взаимодействии с коллегами, дирижером, режиссером и публикой. Развитие стрессоустойчивости – динамичный процесс, требующий осознанной работы над всеми пятью компонентами. Гармоничное развитие ценностных установок, эмоционального самоконтроля, профессиональных знаний, рефлексии и навыков общения позволяет вокалисту-исполнителю не только справляться со стрессом, но и раскрывать свой творческий потенциал, достигая высот в профессии.

Принимая во внимание наличие специфических для вокалистов-исполнителей видов стресса (психоэмоционального, сценического, коммуникативного, физиологического), отметим необходимость сформированности высокого уровня стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей специально подобранными педагогическими средствами.

Система дополнительного профессионального образования (ДПО) (Дополнительное образование... 2018) представляет собой важнейшую составляющую современного российского образовательного пространства. Ключевой задачей дополнительного профессионального образования является создание условий для саморазвития, самореализации людей, формирование мотивации к непрерывному образованию. Именно личностные достижения слушателей как осознанные позитивно значимые изменения в его мотивационной, когнитивной, операциональной, технологической, эмоционально-волевой сферах, могут рассматриваться как значимый критерий качества и результативности дополнительного профессионального образования. Освоение дополнительных профессиональных образовательных программ позволит вокалисту-исполнителю развивать знания, формировать умения и навыки, приобретать опыт их применения в профессиональной деятельности.

Для достижения поставленных целей нами была разработана модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей на основе системного подхода как совокупности элементов и связей, отражающих его наиболее важные характеристики. Системный подход, являющийся основным методологическим принципом, базируется на утверждении, что педагогические явления и про-

Таблица 3

Виды стресса вокалистов-исполнителей

Table 3

Types of stress of vocalist-performers

ВИДЫ СТРЕССА			
Психоэмоциональный	Коммуникативный	Сценический	Физиологический
Обусловлен профессиональной рефлексией до и после выступления, высокими требованиями к исполнительским и артистическим навыкам, зависимостью от реакции аудитории и творческого коллектива	Обусловлен взаимодействием с субъектами творческого процесса при влиянии коммуникативных барьеров, негативных психологических установок, повышенной психоэмоциональной возбужденности	Обусловлен психическим напряжением, связанным с высокой степенью ответственности во время публичного выступления, необходимостью выполнения большого количества сценических, вокальных и артистических задач	Обусловлен воздействием раздражителей внешнего или внутреннего порядка, приводящих к физическим и психическим перегрузкам

Таблица 4

Структура и содержание стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей

Table 4

Structure and content of stress tolerance of vocalist-performers

Компоненты стрессоустойчивости	Показатели компонентов стрессоустойчивости
Ценностно-мотивационный	– Положительное отношение к исполнительской деятельности; – внутренняя мотивация, желание раскрыть свой потенциал; – потребность в признании аудиторией и профессиональным сообществом
Эмоционально-волевой	– Способность к управлению эмоциями и самоконтролю; – навыки эмоциональной регуляции; – волевые качества, выдержка и самодисциплина
Когнитивно-технологический	– Знание стресс-факторов вокально-исполнительской деятельности; – знание своих личностных и психофизиологических особенностей и умение фиксировать симптомы стрессового состояния; – умение применять профессиональные техники для преодоления стрессовых факторов
Рефлексивный	– Способность к осознанию и самоанализу собственных эмоциональных и поведенческих реакций; – способность к критическому осмыслению опыта; – умение корректировать собственные действия, эмоциональные реакции и установки
Коммуникативный	– Способность к эмпатии и эмоциональной связи; – умение эффективно взаимодействовать с субъектами творческого процесса; – навыки вербального и невербального общения

цессы следует изучать в логике целостного рассмотрения всех основных компонентов деятельности (потребностей, мотивов, целей, действий, операций, способов регулирования, контроля и анализа достигаемых результатов). Предложенная модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования характеризуется признаками, присущими системе, – наличием системообразующих связей и отношений между составляющими ее элементами.

Модель состоит из четырех элементов (целевого, содержательного, процессуального, результативного), выделенных на основе принципов ведущих методологических подходов (системного, личностно ориентированного, деятельностного, компетентностного). Целевой элемент модели включает цель и задачи. Цель модели – формирование стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей – определила исследовательские задачи: на основе отбора педагогических средств развить показатели в структуре стрессоустойчивости вокалиста-исполнителя (см. рис.).

Содержательный элемент модели представлен комплексной программой, реализуемой в системе дополнительного профессионального образования и включающей курс повышения квалификации, тренинг и мастер-класс. Содержательный элемент сконструирован с опорой на позиции личностно ориентированного подхода (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская), обеспечивающего индивидуальный путь развития стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей с учетом индивидуальных особенностей протекания психических процессов. Основой личностно ориентированного подхода в образовательном процессе являются личностные смыслы изучаемого материала, его эмоциональное восприятие, интерес [Сериков 1999]. Личностно ориентирован-

ное обучение является внутренне мотивированной формой взаимодействия и сотрудничества педагога и обучающегося; для организации эффективного диалога нужно учитывать индивидуальные особенности вокалистов-исполнителей: возрастные, физиологические, психологические, интеллектуальные.

Акцент ставится на индивидуально-личностное «продвижение, развитие обучающегося, психологическую комфортность обучения в группе, удовлетворенность процессом обучения» (Иванова, Осмоловская 2005). Слушатели программ ДПО мотивированы личными или профессиональными целями, они, как правило, уже имеют профессиональные знания и навыки, что позволяет строить обучение на их предыдущем опыте. При этом группы могут быть разнородными по уровню подготовки, поэтому программы ДПО должны быть гибкими и учитывать разный профессиональный контекст и потребности слушателей. Курс повышения квалификации рассмотрен в исследовании как базовый инвариант содержательного элемента, включающий изучение теории и практики формирования стрессоустойчивости, а мастер-класс и тренинг – это вариативные микропрограммы, которые по запросу слушателей могут проводить разные специалисты (опытные вокалисты-исполнители, психологи, педагоги по вокалу, режиссеры-постановщики, специалисты по голосовой реабилитации, фонопеды).

Процессуальный элемент модели выделен на основе деятельностного подхода и включает методы и технологии, которые используются в процессе обучения. Основная позиция деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) заключается в том, что «не сознание порождает деятельность, а наоборот, деятельность формирует сознание» [Леонтьев 2005]. Данный подход ориентирует на такую организацию образовательного процесса, когда фор-

Рис. Модель формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования

Fig. Model of formation of stress resistance of vocalists-performers in the system of additional professional education

мирование компонентов стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей происходит в процессе активной познавательной деятельности, направленной на открытие нового знания, а не его пассивного восприятия. Учебную деятельность в этом случае целесообразнее всего осуществлять в условиях групповой работы, при которой запускаются механизмы групповой динамики, происходят взаимодействие и взаимовлияние членов группы.

Во время учебного процесса слушатели приобретают опыт межличностных отношений, осваивают моральные ценности и социальные нормы. Деятельностный подход способствует формированию таких ключевых компетенций, как готовность к разрешению проблем, готовность к самообразованию, готовность к использованию информационных ресурсов, готовность к социальному взаимодействию. Роль педагога состоит в том, чтобы преднамеренно создавать в ходе обучения такие практико-ориентированные ситуации, которые будут способствовать формированию у слушателей способности к рефлексии, самооценке и самокритичности. Доминирующими при прохождении курса повышения квалификации являются такие креативные методы обучения взрослой аудитории, как проблемное обучение, круглый стол, мозговой штурм, групповое проектирование. В тренинге эффективны упражнения, кейсы, ролевые игры, симуляции, различные тренинговые техники. На мастер-классе ведущими методами служат групповое обсуждение, дискуссия, беседа, консультирование. В конце занятий необходима «обратная связь» в виде дискуссии, рефлексии, дебрифинга, шеринга, анкетирования, мониторинга, чтобы выявить степень удовлетворенности обучающихся и достижения результатов взаимодействия.

Результативный элемент – развитие показателей внутри компонентов (ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого, когнитивно-технологического, рефлексивного, коммуникативного) стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей – направлен на дальнейшее совершенствование профессиональных компетенций вокалистов-исполнителей. Основой для выделения результативного элемента служит концепция компетентностного подхода. Дж. Равен трактует компетентность как «специфическую способность, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающую особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия» [Равен 2002].

Выводы

Наличие компетенции стрессоустойчивости связано с успешностью и эффективностью деятельности вокалиста-исполнителя в своей профессиональной области. При этом компетенция – это компонент потенциального качества, а компетентность есть динамическое качество специалиста, характеристика актуального или реального качества, формируемого по мере накопления опыта в соответствующей профессиональной деятельности.

В процессе реализации модели формирования стрессоустойчивости вокалистов-исполнителей в системе дополнительного профессионального образования должны быть созданы определенные условия для формирования положительной мотивации (создание комфортной среды для обучения; учет личностных особенностей и интересов; признание профессиональных и личностных достижений и т. п.) и развития личной образовательной среды (применение личного опыта вокалистов-исполнителей, саморефлексия, самопознание и т. п.).

Материалы исследования

Арутюнова 2013 – Арутюнова А.Б. Совершенствование профессиональной подготовки эстрадного исполнителя (вокалиста) на современном этапе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2013. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-professionalnoi-podgotovki-estradnogo-ispolnitelya-vokalista-na-sovremennom-etape>.

Дополнительное образование... 2018 – Дополнительное образование: менеджмент образовательных услуг: учебник для бакалавриата / под ред. А.П. Панфиловой, П.А. Бавиной. Москва: Проспект, 2018. 432 с.

Иванова, Осмоловская 2005 – Иванова О.Е., Осмоловская И.М. Личностно-ориентированное обучение: хрестоматия. Москва: Современный гуманитарный университет, 2005. 263 с.

Калугина 2011 – Калугина Н.А. Психолого-педагогическая подготовка студентов музыкальных специализаций в вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2011. 50 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskaya-podgotovka-studentov-muzykalnykh-spetsializatsii-v-vuze>.

Библиографический список

Giddens, Barron, Byrd-Craven, Clark K., Winter A. 2013 – Giddens C.L., Barron K.W., Byrd-Craven J., Clark Keith F., Winter A. Scott. Vocal Indices of Stress: A Review // *Journal of Voice*. 2013. Vol. 27, no. 3. P. 390e21–390e29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvoice.2012.12.010>.

Kiik-Salupere, Ross 2020 – Kiik-Salupere V., Ross J. How Professional and Student Singers Cope with Performance Anxiety // *The Routledge Companion to Interdisciplinary Studies in Singing*. New York, 2020. P. 241–252. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315162607-20>.

Phyland, Thibeault, Benninger et al. 2013 – Phyland D.J., Thibeault S.L., Benninger M.S. et al. Perspectives on the Impact on Vocal Function of Heavy Vocal Load Among Working Professional Music Theater Performers // *Journal of Voice*. 2013. Vol. 27, no. 3. P. 390e31–390e39. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jvoice.2012.12.003>.

Леонтьев 2005 – Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Деятельность, сознание, личность: монография. Москва: Смысл, 2005. 431 с.

Немыкина, Саргина 2013 – Немыкина И.Н., Саргина И.В. Эстрадная стрессоустойчивость как профессионально-значимое качество вокалиста // Педагогика и психология образования. 2013. № 2. С. 92–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estradnaya-stressoustoychivost-kak-professionalno-znachimoe-kachestvo-vokalista>.

Михалева 2016 – Михалева А.А. Исследование влияния исполнительской тревоги на профессиональное мастерство вокалистов // *Акмеология*. 2016. № 2. С. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-ispolnitelskoy-trevogi-na-professionalnoe-masterstvo-vokalistov>.

Равен 2002 – Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие, реализация. Москва: Когито-Центр, 2002. 258 с.

Сериков 1999 – Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. Москва: Логос, 1999. 272 с.

Цыпин 2014 – Цыпин Г.М. Сценическое волнение и другие аспекты психологии исполнительской деятельности. Москва: Музыка, 2014. 128 с.

References

Giddens, Barron, Byrd-Craven, Clark K., Winter A. 2013 – Giddens C.L., Barron K.W., Byrd-Craven J., Clark Keith F., Winter A. Scott. Vocal Indices of Stress: A Review. *Journal of Voice*, volume 27, no. 3, pp. 390e21–390e29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvoice.2012.12.010>.

Kiik-Salupere, Ross 2020 – Kiik-Salupere V., Ross J. (2020) How Professional and Student Singers Cope with Performance Anxiety. In book: *The Routledge Companion to Interdisciplinary Studies in Singing*. New York, pp. 241–252. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315162607-20>.

Phyland, Thibeault, Benninger et al. 2013 – Phyland D.J., Thibeault S.L., Benninger M.S. et al. Perspectives on the Impact on Vocal Function of Heavy Vocal Load Among Working Professional Music Theater Performers. *Journal of Voice*, 2013, volume 27, no. 3, pp. 390e31–390e39. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jvoice.2012.12.003>.

Leontiev A., Leontiev D., Sokolova 2005 – Leontiev A.A., Leontiev D.A., Sokolova E.E. (2005) Activity, consciousness, personality: monograph. Moscow: Smysl, 431 p. (In Russ.)

Nemykina, Sargina 2013 – Nemykina I.N., Sargina I.V. (2013) Stage stress-resistance as a professionally important skill of a singer. *Pedagogy and Psychology of Education*, no. 2, pp. 92-96. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/estradnaya-stressoustoychivost-kak-professionalno-znachimoe-kachestvo-vokalista>. (In Russ.)

Mikhaleva 2016 – Mikhaleva A.A. (2016) Research of influence of performance anxiety on vocalists' professional technical mastery. *Acmeology*, no. 2, pp. 109–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-ispolnitelskoy-trevogi-na-professionalnoe-masterstvo-vokalistov>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27456970>. EDN: <https://elibrary.ru/xcvvfb>.

Mikhaleva 2016 – Mikhaleva A.A. (2016) Research of influence of performance anxiety on vocalists' professional technical mastery. *Akmeologiya*, no. 2, pp. 109–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-ispolnitelskoy-trevogi-na-professionalnoe-masterstvo-vokalistov>. (In Russ.)

Raven 2002 – Raven J. (2002) Competence in Modern Society. Its Identification, Development and Release. Moscow: Kogito-Tsentr, 258 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/dzhon-raven/kompetentnost-v-sovremennom-obschestve-vyyavlenie-razvitiye-i-r-180004/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20240189>. EDN: <https://elibrary.ru/raxvcb>. (In Russ.)

Serikov 1999 – Serikov V.V. (1999) Education and personality. Theory and practice of designing pedagogical systems. Moscow: Logos, 272 p. Available at: http://library.lgaki.info:404/2021/Сериков%20В.%20В_Образование%20и%20личность.pdf. (In Russ.)

Tsypin 2014 – Tsypin G.M. (2014) Stage fright and other aspects of the psychology of performing activity. Moscow: Muzyka, 128 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 371

Дата поступления: 05.02.2025
рецензирования: 07.03.2025
принятия: 02.06.2025

Особенности обучения музыкальному искусству Китая в российских школах

Чэнь Цзяхуэй

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: 605790866@qq.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1691-9330>

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена тенденциями к углублению взаимодействия России и Китая в различных направлениях, в том числе в таких областях, как культура и образование. Статья посвящена исследованию проблемы особенностей обучения музыкальному искусству Китая в российских школах. В статье применяются культурно-исторический, теоретический, и междисциплинарные методы исследования. Рассматриваются основные подходы и методы преподавания китайской музыки, а также выявляются ключевые аспекты культурного взаимодействия между Россией и Китаем в процессе музыкального образования. Особое внимание уделяется специфике восприятия и интерпретации традиционной китайской музыкальной культуры в условиях российского образовательного пространства. Исследуются возможности интеграции элементов китайского музыкального искусства в школьную программу, способствующие развитию межкультурной компетенции учащихся. Автор рассматривает существующие на сегодняшний день программы по предмету «Музыка» с точки зрения присутствующих в них компонентов, раскрывающих особенности музыкального искусства стран дальнего зарубежья. В результате исследования устанавливается, что в контексте глобализации и стремления к расширению международного сотрудничества изучение культурного наследия Китая, в частности его музыкального искусства, становится важным элементом формирования всесторонне развитой личности. Интеграция элементов китайской музыкальной культуры в образовательный процесс способствует не только расширению кругозора учащихся, но и развитию их способности к межкультурному диалогу. Рассмотрение методических аспектов преподавания китайской музыки в российских школах требует учета специфики восприятия традиционной китайской музыкальной культуры российскими учащимися. Перспективы исследования связаны с разработкой практических рекомендаций для педагогов, стремящихся интегрировать элементы китайской музыкальной культуры в свою работу.

Ключевые слова: музыкальное искусство; Россия; Китай; китайская музыка; методы; обучение.

Цитирование. Цзяхуэй Чэнь. Особенности обучения музыкальному искусству Китая в российских школах // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 106–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-106-111>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Цзяхуэй Чэнь, 2025

Чэнь Цзяхуэй – аспирант дневного отделения первого года обучения по направлению «Общая педагогика, история педагогики и образования», Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.02.2025
Revised: 07.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Peculiarities of teaching Chinese musical art in Russian schools

Chen Jiahui

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
E-mail: 605790866@qq.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1691-9330>

Abstract: The relevance of the article is conditioned by the tendencies to deepen cooperation between Russia and China in various directions, including such areas as culture and education. The article is devoted to the research of the problem of peculiarities of teaching Chinese musical art in Russian schools. The article applies cultural-historical, theoretical, and interdisciplinary research methods. The main approaches and methods of teaching Chinese music are considered, and the key aspects of cultural interaction between Russia and China through the prism of music education are revealed. The author pays special attention to the specifics of perception and interpretation of traditional Chinese musical culture in the conditions of the Russian educational space. The article explores the possibilities of integrating elements of Chinese musical art into the school curriculum, contributing to the development of intercultural competence of students. The author considers the current programs in the subject 'Music' from the point of view of the components present in them, revealing the features of the musical art of non-CIS countries. As a result of the study it is established that in the context of globalization and the desire to expand international cooperation, the study of Chinese cultural heritage, in particular, its musical art, becomes an important element in the formation of a comprehensively developed personality. The integration of elements of Chinese musical culture into the educational process contributes not only to the expansion of students'

horizons, but also to the development of their ability to intercultural dialogue. Consideration of methodological aspects of teaching Chinese music in Russian schools requires taking into account the specifics of Russian students' perception of traditional Chinese musical culture. The prospects of the research are connected with the development of practical recommendations for teachers seeking to integrate elements of Chinese musical culture into their work.

Key words: music; school; Russia; China; Chinese music; methods; teaching.

Citation. Jiahui Chen. Peculiarities of teaching Chinese musical art in Russian schools. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 106–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-106-111>. (In Russ.)

Information conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Jiahui Chen, 2025

Chen Jiahui – full-time, first-year postgraduate student on the direction «General psychology, history of pedagogics and education», Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, 117198, 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.

Введение

Цель исследования: осмысление особенностей и перспектив обучения музыкальному искусству Китая в российских школах. Задачи исследования: выявление основных проблем в области обучения музыкальному искусству Китая в российских школах; поиск целесообразных методов обучения. Проблема исследования определяется существующей на сегодняшний день недостаточной глубиной ознакомления учащихся российских общеобразовательных школ с китайской музыкальной культурой.

Актуальность исследования. В настоящее время содружество России и Китая является одним из важнейших стратегических партнерств в мире. Взаимодействие двух стран охватывает широкий спектр областей, включающих как политические и экономические, так и культурные и образовательные направления. Китай сегодня – один из ведущих партнеров России на международной арене. Культурным и, в частности, музыкальным традициям России в Китае уделяется большое внимание: в школах изучается наследие выдающихся русских композиторов, с большим успехом проходят инструментальные концерты русской музыки, необычайной популярностью пользуются балеты и оперы. Данный процесс является взаимобратным: «В российском культурном пространстве проявляется тенденция к ознакомлению с творчеством китайских творческих коллективов: симфонических оркестров, хоров, исполнителей китайской народной оперы. Растет посещение россиянами выставок декоративно-прикладного искусства Китая, представлений народной китайской оперы» [Тагильцева, Шестова 2023, с. 67]. Музыкальное искусство Китая изучается сегодня и в российских школах, что имеет важное культурное значение.

Российское образование XXI века направлено не только на овладение учащимися необходимыми знаниями и умениями, но прежде всего на воспитание разносторонне развитой, грамотной, самостоятельной личности, обладающей широким кругозором, уважающей национальные и культурные традиции как своей страны, так и других стран мира. В этой связи обучение музыкальному искусству Китая в российских школах способствует достижению одновременно нескольких значимых целей:

– культурному обогащению подрастающего поколения. Китайская музыка обладает богатой историей (древняя китайская музыкальная традиция на сегодняшний день насчитывает около восьми тысячелетий). Чрезвычайно широк жанровый спектр, представленный традиционными народными мелодиями, оперой, инструментальными и вокальными (камерными и хоровыми) сочинениями. Знакомясь с музыкальными традициями Китая, современные школьники учатся лучше и глубже понимать и ценить культуру другого народа. Важно отметить, что при всей сопряженности с западными музыкальными достижениями музыка Китая отличается самобытностью, насыщенностью национальным колоритом, что открывает перед учениками новые горизонты восприятия ритма и интонации, расширяет их музыкальный кругозор;

– развитию межкультурной коммуникации (в эпоху глобализации каждому современному человеку важно уметь общаться и сотрудничать с представителями различных культур) знание китайской музыки, отражающей особенности национального самосознания, мироощущения и философских воззрений китайского народа, способствует лучшему пониманию китайского менталитета;

– формированию креативности и нестандартного мышления, так как ладовые особенности китайской музыки, звучание старинных музыкальных инструментов, таких как пипа, эрху, гучжэн, достаточно далеки от европейской музыкальной культуры и непривычны российским школьникам;

– установлению межпредметных связей. Китайская музыка тесно связана с историей и географией региона (сочинения в синьцзянском стиле, в стиле Хань, в стиле Юго-Восточной Азии). Постигая особенности китайской музыкальной культуры, школьники России больше узнают о прошлом Китая, регионах, традициях и обычаях. Кроме того, интерес к китайской культуре может мотивировать школьников изучать китайский язык.

Таким образом, включение элементов китайского музыкального искусства в уроки музыки в российских школах способствует всестороннему развитию учащихся (что соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), углубляет их куль-

турные познания и готовит к успешной жизни в многонациональном обществе, в связи с чем на первый план выходят вопросы грамотного и профессионального педагогического подхода к обучению музыкальному искусству Китая в российских школах, нахождения оптимальных и эффективных средств, способов и методов обучения.

Степень научной разработанности проблемы. Китайская музыка достаточно полно изучается в современном российском научном пространстве. На сегодняшний день число исследований на данную тематику на русском языке исчисляется сотнями. Между тем трудов, охватывающих проблему преподавания музыки Китая в российских школах, сравнительно немного. В их числе следует выделить педагогические идеи о нахождении «точек соприкосновения» в российской и китайской педагогике (Н.Е. Боровской), развитии творческого потенциала обучающихся в различных видах музыкальной деятельности (Л.Ю. Лыжина, М.С. Осеннева, Чж. Наньнань, Н.Г. Тагильцева, А.И. Шестова, Л.В. Матвеева и др.). Таким образом, можно отметить противоречие между значимостью изучения проблемы обучения музыкальному искусству Китая в российских общеобразовательных школах и недостаточностью такого рода исследований.

Основная часть

В контексте урока музыки в российской общеобразовательной школе не представляется возможным в полной мере говорить об освоении китайской музыки. Современные учебные программы по предмету «музыка» предполагают скорее ознакомление с музыкальной культурой Китая. Как справедливо отмечает Ян Бо, «в программах по предмету “Музыка” для российских общеобразовательных школ предложены различные пути приобщения младших школьников к музыкальной культуре других народов в опоре на идеи Б.В. Асафьева и Д.Б. Кабалевского о сходстве и различии музыки разных народов, наличии у каждого народа своего “музыкального языка”. Однако эти идеи не конкретизированы применительно к музыкальной культуре Китая, которая вплоть до недавнего времени не находила отражения в содержании общего музыкального образования российских школьников» (Ян Бо 2023, с. 3).

В конце XX – начале XXI в. были разработаны и в дальнейшем скорректированы в соответствии с требованиями ФГОС новых поколений образовательные программы по предмету «Музыка», в которых уделяется внимание знакомству школьников с музыкой народов мира. В частности, в программе «Музыка» для 1–4 классов (Г.П. Сергеева, Е.Д. Критская, Т.С. Шмагина) выделяется задача воспитания «уважения к истории, традициям, музыкальной культуре разных народов мира на основе постижения учащимися музыкального искусства во всем многообразии его форм и жанров»

(Сергеева, Критская, Шмагина 2017, с. 3). Основное содержание курса представлено следующими содержательными линиями: «Музыка в жизни человека», «Основные закономерности музыкального искусства» и «Музыкальная картина мира». Каждая из данных линий может рассматриваться применительно к музыкальному искусству Китая, основной же в данном ракурсе является линия «Музыкальная картина мира». Авторы указывают на «интонационное богатство музыкального мира», «народное и профессиональное музыкальное творчество разных стран мира», «многообразие этнокультурных, исторически сложившихся традиций» (Сергеева, Критская, Шмагина, 2017, с. 10). Между тем, отметим, что тематический план программы не включает в себя темы, непосредственно направленные на ознакомление с музыкальной культурой Китая, раскрытие темы происходит в наполнении уроков соответствующим музыкальным и смысловым контекстом. Программа «Музыка» В.В. Алеева, Т.И. Науменко и Т.Н. Кичак [Алеев, Науменко, Кичак 2019] включает в себя ряд тем, знакомящих школьников с музыкальной культурой как России, так и стран ближнего и дальнего зарубежья. Основой упор делается на изучении национальных музыкальных стилей, при этом собственно на Китай авторы не указывают.

Таким образом, можно сделать вывод, что тематические уроки, посвященные музыкальному искусству Китая, разрабатываются и внедряются по инициативе учителей музыки, что обусловлено интересом учащихся к древним традициям Поднебесной, красотой и самобытностью музыки Китая (отметим, что термин «музыка» в китайском языке, обозначающийся как «юэ» (樂 (乐), определяет не только музыку как таковую, но и все гармоничное, изящное и прекрасное, сотворенное человеком), а также современной политической и культурной ситуацией, в которой содружество России и Китая занимает важную позицию.

Разработки уроков, посвященных музыкальному искусству Китая, находят свое применение непосредственно в учебном процессе. Кроме того, благодаря широкому распространению сети Интернет в России современные учителя имеют возможность знакомиться с наработками своих коллег. Многие из уроков и методических разработок, представленных в сети Интернет, отличаются такие качества, как высокая информативность, креативность, содержательность и разносторонняя подача материала. Обращаясь к теме музыки Китая, учителя используют принципы синтеза искусств, обращая внимание обучающихся на взаимосвязь музыкального, изобразительного и литературного искусств (благодаря чему, например, выявляются глубинные связи китайской музыки с национальной поэзией), подкрепляют текстовое (словесное) наполнение уроков изображениями музыкальных инструментов Китая, фотографиями местности,

национальных костюмов и др. Л.В. Матвеева отмечает: «Ситуация с обращением к китайской музыке в общеобразовательных школах России начинает изменяться в связи с внедрением Примерных рабочих программ “Музыка” для 1–4 и 5–9 классов модульного типа. Данные программы разработаны Институтом стратегии развития образования Российской академии образования в соответствии с ФГОС НОО и ФГОС ООО 2021 г. Содержание предмета “Музыка” в 1–4 классах структурно представлено восемью модулями (тематическими линиями), в их числе – Модулем № 3 “Музыка народов мира”. Модульный принцип составления программы допускает перестановку блоков. Для составления рабочей программы учителям предлагается использовать “Конструктор рабочих программ” (бесплатный онлайн-сервис для быстрого создания рабочих программ по учебным предметам, удобный в работе, понятный и простой при использовании)» [Матвеева, Ян Бо, Лыжина 2022, с. 52].

Можем выделить две основные проблемы в области обучения музыкальному искусству Китая в российских школах: ограниченность времени, отведенного на ознакомление с музыкальной культурой зарубежных стран, и необходимость выбора наиболее эффективных методов обучения; практическое отсутствие привлечения в образовательный процесс носителей китайской культуры. Последний фактор представляется значимым ввиду сложности понимания русскими специалистами глубинных пластов самобытной китайской национальной традиции.

Проблема обучения музыкальному искусству Китая в российских школах выявляется уже на уровне терминологии. «Обучение» является одним из ключевых понятий дидактики и предметных методик. В педагогическом словаре представлены традиционные определения обучения: «процесс передачи и усвоения знаний, умений, навыков деятельности, основное средство подготовки человека к жизни и труду; совместная целенаправленная деятельность учителя и учащихся, в ходе которой осуществляется развитие личности, ее образование и воспитание»: «учение – развитие знаний, умений, навыков, привычек обучающегося – развитие его опыта» (Новиков 2013, с. 145). Таким образом, в основу обучения музыкальному искусству Китая заложено получение знания. Нельзя ограничиваться на уроках музыки только слушанием музыкальных произведений китайских композиторов – необходима передача учащимся знаний об истории музыки Китая, ее гармонических и мелодических особенностях, биографических сведений об авторах сочинений, музыкальных инструментах.

Поиск и внедрение целесообразных методов обучения на протяжении веков оставался одной из значимых проблем педагогики. В советской дидактике широкое распространение получила класси-

фикация методов обучения по источникам приобретения знаний, умений и навыков, разработанная Д.О. Лордкипанидзе, Е.И. Голант, Н.М. Верзилиным и др., выделяющими три группы методов обучения: словесные – рассказ, беседа, объяснение, лекция, работа с книгой; наглядные – демонстрация реальных или изображенных объектов; практические – различные упражнения, творческие и др. работы, практикумы. Использование этих методов в процессе обучения музыкальному искусству Китая в российских школах доказывает свою эффективность.

Общепедагогические методы в этой связи являются одними из ключевых. Большое значение имеет словесный метод: учитель рассказывает учащимся о древней китайской музыкальной традиции, воздействии музыкальных традиций Среднего Востока, Центральной и Южной Азии, Юго-Восточной Азии, элементах музыки народов, входивших в состав китайского государства (уйгуров, тибетцев, монголов, чжурчженей, маньчжуров и др.). Здесь же возможно и применение наглядных методов: показ карты современного и Древнего Китая, костюмов указанных национальных меньшинств. По окончании прослушивания музыкальных произведений применяются словесные методы (беседа, дискуссия). Не менее значим и практический метод, сводящийся не к вокальному освоению произведения китайского автора, а к пластическому интонированию под музыку, ритмическим движениям.

Находят применение методы музыкального образования, разработанные Д.Б. Кабалева, Л.В. Горюновой, Э.Б. Абдуллиным и Е.В. Николаевой. В частности, на уроках, посвященных музыкальному искусству Китая, важен метод активного слушания.

На уроках музыки в начальных классах общеобразовательной школы обучающиеся учатся находить сходство и различия музыкальных произведений. Уделяется внимание детским альбомам в творчестве российских, западноевропейских и китайских композиторов (П.И. Чайковский, В.И. Ребиков, Р. Шуман, Ш. Дин). Целесообразно сравнить отдельные пьесы («Игра в лошадики» П.И. Чайковского и «Скакалка» Ш. Дина и др.). Интересным опытом работы может стать выявление особенностей детской музыки, написанной русским композитором на «китайскую» тематику. Такова, например, пьеса Siao-ra-soh из альбома В.И. Ребикова «Вокруг света» (главенство пентатоники). Сравнение музыки с другими видами искусства позволяет изучить особенности китайской живописи (Шень Чжоу «Возвышенная Гора Лу», «Чистый Разговор среди Гор и Рек»; Ву Гуанчжун «Древний город Цзяохэ», «Зимнее Солнце» и др.). В процессе такого сравнения выявляются важнейшие качества музыки Китая, такие как мелодичность, звукоизобразительность, зависимость ритмического рисунка от образной составляющей.

Традиционная поэзия Китая, известная на протяжении трех тысячелетий, разделена на «ши» (詩), «цы» (詞), «цюй» (曲) и «фу» (賦). С начала XX века существует развитая поэзия, основанная на западной традиции. Здесь также можно провести аналогию с музыкальным искусством: например, прослушать старинную, традиционную китайскую музыку, а затем – фортепианные произведения (жанр фортепианной музыки является сравнительно новым в музыкальном искусстве Китая) и выявить влияние европейской музыкальной культуры. Сравнение музыки с жизненными явлениями и событиями в жизни человека предполагает выбор учителем музыкальных произведений, соответствующих образному миру детства. Одним из таких сочинений могут стать широко известные в Китае фортепианные вариации «Ва-ха-ха» современного композитора Ши Фу (в традиции Китая «Ва-ха-ха» представляет образ детского смеха).

В российских школах в последние годы проводятся различного рода мероприятия, посвященные культуре Китая, например «День китайского языка в Москве» в школе № 548 в Царицыно, в рамках совместного проекта «Написано в небе: моя китайская история». На таких мероприятиях реализуется системно-деятельностный подход по-

средством практического освоения школьниками элементов художественной культуры Китая: рисование тушью иероглифов, изготовление традиционных вееров и др.

Заключение

Интерес к музыкальному искусству Китая в российских школах – это осознанная необходимость, продиктованная задачами всестороннего развития личности, расширения ее кругозора и углубления культурных познаний учащихся. Знакомство с музыкальной культурой Китая, с ее богатейшей историей и уникальными традициями способствует формированию толерантности и готовности к межкультурному диалогу. Однако, несмотря на позитивные тенденции, процесс обучения музыкальному искусству Китая в российских школах требует дальнейшего совершенствования. Важно внедрять специализированные методические разработки, адаптированные к российским образовательным стандартам и учитывающие особенности восприятия китайской музыки российскими школьниками. Следует также повышать квалификацию учителей музыки, обеспечивая их знаниями и навыками, необходимыми для грамотного и эффективного преподавания.

Материалы исследования

Новиков 2013 – Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. Москва: Эгвес, 2013. 267 с. URL: http://anovikov.ru/dict/ped_sl.pdf.

Сергеева, Критская, Шмагина 2017 – Сергеева Г.П., Критская Е.Д., Шмагина Т.С. Музыка. 1–4 классы // Рабочие программы: предметная линия учебников Г.П. Сергеевой, Е.Д. Критской: учебное пособие для общеобразовательных организаций. 7-е изд. Москва: Просвещение, 2017. 63 с.

Ян Бо 2023 – Ян Бо. Приобщение обучающихся младших классов российской общеобразовательной школы к музыкальной культуре Китая: автореф. дис. ... канд. пед. наук / ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, 2023. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_01222558.

Библиографический список

Алеев, Науменко, Кичак 2019 – Алеев В.В., Науменко Т.И., Кичак Т.Н. Музыка. 1–4 кл. Рабочая программа. Москва: Дрофа, 2019. 109 с. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/muzyka/2016/01/14/rabochaya-programma-po-muzyke-1-4-klass-v-v-aleev-t-n-kichak>.

Матвеева, Ян Бо, Лыжина 2022 – Матвеева Л.В., Ян Бо, Лыжина Ю.Л. Ознакомление обучающихся начальных классов российской общеобразовательной школы с китайской музыкальной культурой // Педагогическое образование в России. 2022. № 6. С. 48–55. DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_06_06. EDN: <https://www.elibrary.ru/jejqzqf>.

Тагильцева, Шестова 2023 – Тагильцева Н.Г., Шестова А.И. Китайская художественная культура на уроках музыки у обучающихся российских школ // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (60). С. 67–72. DOI: https://doi.org/10.52772/25420291_2023_4_66.

Ян Бо 2023 – Ян Бо. Реализация полихудожественного подхода в процессе ознакомления российских школьников с китайской музыкой // Традиции и инновации в культурно-образовательном пространстве Европы и Азии: международный сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 264–271. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53326039>. EDN: <https://elibrary.ru/rqnfth>.

Ян Бо, Матвеева 2023 – Ян Бо, Матвеева Л.В. Китайская музыкальная культура на уроках музыки в начальных классах российской общеобразовательной школы // Современный учитель: профессиональная компетентность

и социальная значимость: материалы II Международной научно-практической конференции, Донецк, 29 июня 2023 г. Т. 2. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. С. 39–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54978156>. EDN: <https://elibrary.ru/zruoel>.

References

Aleev, Naumenko, Kichak 2019 – *Aleev V.V., Naumenko T.I., Kichak T.N.* (2019) Music. 1–4 grades. Work program. Moscow: Drofa, 109 p. Available at: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/muzyka/2016/01/14/rabochaya-programma-po-muzyke-1-4-klass-v-v-aleev-t-n-kichak>. (In Russ.)

Matveeva, Yang Bo, Lyzhina 2022 – *Matveeva L.V., Yang Bo, Lyzhina Yu.L.* (2022) Familiarization of primary school students of the Russian secondary school with Chinese musical culture. *Pedagogical Education in Russia*, no. 6, pp. 48–55. DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_06_06. EDN: <https://www.elibrary.ru/jejqf>. (In Russ.)

Tagiltseva, Shestova 2023 – *Tagiltseva N.G., Shestova A.I.* (2023) Chinese artistic culture in music lessons among Russian students. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, no. 4 (60), pp. 67–72. DOI: https://doi.org/10.52772/25420291_2023_4_66. (In Russ.)

Yang Bo 2023 – *Yang Bo* (2023) Implementation of the poly-artistic approach in process of familiarizing Russian schoolchildren with the Chinese music. In: *Traditions and innovations in the cultural and educational space of Europe and Asia: international collection of scientific papers*. Yekaterinburg: UrGPU, pp. 264–271. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53326039>. EDN: <https://elibrary.ru/rqnfh>. (In Russ.)

Yang Bo, Matveeva 2023 – *Yang Bo, Matveeva L.V.* (2023) Chinese musical culture in music lessons in the primary grades of Russian secondary school. In: *Modern teacher: professional competence and social significance: materials of the II International research and practical conference, Donetsk, June 29, 2023. Vol. 2*. Donetsk: Izd-vo DonGU, pp. 39–42. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54978156>. EDN: <https://elibrary.ru/zruoel>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 37.012

Дата поступления: 19.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

Педагогический дизайн в проектировании образовательной траектории обучающихся

А.С. Дерева

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: annadereva@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-9653-3940>

Аннотация: В статье рассматривается роль педагогического дизайна в проектировании образовательной траектории обучающихся. Обоснована необходимость применения данной технологии при организации профориентационной работы в общеобразовательном учреждении с целью выстраивания осознанной индивидуальной образовательной траектории обучающимися. Выделены условия, влияющие на выбор дальнейшей траектории со стороны обучающихся общеобразовательных учреждений. Рассмотрено понятие «педагогический дизайн» с точки зрения разных научных подходов, определены различия в применении данной технологии в отечественной и зарубежной системах образования. На основе проведенного анализа визуализирована траектория получения образования обучающимися в системе отечественного образования. Определена необходимость эффективной поддержки самостоятельной учебной деятельности обучающихся со стороны педагогов как одного из ключевых факторов повышения результативности образовательного процесса. В результате теоретического исследования предложен механизм профориентационной работы в условиях общеобразовательного учреждения с применением конкретной модели педагогического дизайна ADDIE. Описаны особенности работы на каждом из пяти этапов применения данной модели: этапа анализа (analysis), проектирования (design), разработки (development), реализации (implementation), оценки (evaluation). Модель имеет циклический характер, что позволяет применять ее в ходе педагогической деятельности неограниченное количество раз с учетом доработок «слабых» элементов выстроенной модели или системы. Практико-ориентированным результатом работы явилась визуализация индивидуальной образовательной траектории, которая поможет педагогическим работникам в организации профориентационной деятельности.

Ключевые слова: педагогический дизайн; технология; общее образование; профориентация; образовательная траектория; модель профориентационной работы; компетенции.

Цитирование. Дерева А.С. Педагогический дизайн в проектировании образовательной траектории обучающихся // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 112–118. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-112-118>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дерева А.С., 2025

Анна Сергеевна Дерева – аспирант, Московский городской педагогический университет, Самарский филиал, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Pedagogical design in designing the educational trajectory of students

A.S. Dereva

Moscow City University, Samara campus, Samara, Russian Federation
E-mail: annadereva@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-9653-3940>

Abstract: The article considers the role of pedagogical design in designing the educational trajectory of students. The necessity of using this technology in organizing career guidance work in a general educational institution in order to build a conscious individual educational trajectory for students is substantiated. The conditions influencing the choice of a further trajectory by students of general educational institutions are identified. The concept of «pedagogical design» is considered from the point of view of different scientific approaches, the differences in the application of this technology in the domestic and foreign education systems are determined. Based on the analysis, the trajectory of obtaining education by students in the domestic education system is visualized. The need for effective support of independent learning activities of students by teachers as one of the key factors in increasing the effectiveness of the educational process is determined. As a result of the theoretical study, a mechanism for career guidance work in a general educational institution using a specific model of pedagogical design ADDIE is proposed. The features of work at each of the five stages of applying this model are described: the stage of analysis, design, development, implementation, evaluation. The model has a cyclical nature, which allows it to be used in the course of pedagogical activity an unlimited number of times, taking into account the modifications of the «weak» elements of the constructed model or system. The practice-oriented result of the work

was the visualization of an individual educational trajectory, which will help teaching staff in organizing work in the career guidance area of activity.

Key words: pedagogical design; technology; general education; career guidance; educational trajectory; career guidance model; competencies.

Citation. Dereva A.S. Pedagogical design in designing the educational trajectory of students. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 112–118. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-112-118>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Dereva A.S., 2025

Anna S. Dereva – postgraduate student, Moscow City University, Samara campus, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

Введение

В последние годы в системе образования возникла потребность в разработке и применении педагогической технологии, способной учесть особенности развития современных детей, акцентируя внимание на их сильных сторонах и корректируя непроработанные аспекты их образовательной подготовки.

Изменения в системе образования, характеризующиеся переходом от традиционных предметно-ориентированных компетенций к развитию универсальных, вызывают необходимость поиска и внедрения новых эффективных технологий, позволяющих оптимизировать профориентацию и выстраивать индивидуальную образовательную траекторию обучающихся общеобразовательных учреждений. В условиях цифровизации коммуникативно-информационной среды возрастает роль образовательных инструментов, которые расширяют возможности для гибкого и индивидуализированного подхода к обучению.

Целью исследовательской работы явился теоретический анализ педагогического дизайна как технологической основы проектирования образовательной траектории обучающихся. Доказана необходимость ранней профориентационной работы с обучающимися общеобразовательных учреждений для дальнейшего выстраивания их индивидуальной образовательной траектории с учетом осознанности выбора.

Основная часть

Система образования и учебно-воспитательный процесс находятся в постоянном развитии под воздействием исторических событий и социальных трансформаций. Вопросы о содержании образования, то есть о том, чему учить подрастающее поколение, всегда были актуальны. В современных условиях ученые и практики все чаще фокусируются на методах обучения, стремясь адаптировать их к запросам времени и особенностям окружающей среды. В частности, в условиях избытка технических средств и доступности информационного и визуального контента возникает необходимость изучения эффективности различных образовательных технологий.

Современный процесс обучения ориентирован на формирование у обучающихся способности самостоятельного планирования и контроля образовательной деятельности, что повышает требова-

ния к качеству и проектированию учебных занятий со стороны педагога. Эффективная поддержка самостоятельной учебной деятельности становится ключевым фактором повышения результативности образовательного процесса. В свете этих тенденций наблюдается переоценка значимости педагогического дизайна как современной образовательной технологии.

Возникновение педагогического дизайна как технологии было обусловлено необходимостью быстрого обучения большого количества людей выполнению сложных технических задач в США в годы Второй мировой войны (Чернобай, Ефимова, Корешникова, Давлатова 2022). Первыми, кто употребил термин «педагогический дизайн» в своих исследованиях, стали Роберт Милс Ганье и Роберт Глейзер во второй половине XX века [Такушевич 2015; Dick 1987]. Р. Ганье сформулировал основные принципы педагогического дизайна, среди которых: привлечение внимания, объяснение задач и целей обучения, формирование мотивации и другие. Р. Глейзер, в свою очередь, предложил разработку системы критериально-ориентированного оценивания, где важно было не только успешное выполнение заданий, но и степень самостоятельности при их выполнении.

В нашей стране изучению технологии педагогического дизайна посвящены работы исследователей А.П. Грецовой (Грецова 2016), Е.В. Абызовой [Абызова 2010], К.Г. Кречетникова [Кречетников 2024], А.Ю. Уварова [Уваров 2003] и др. В систему образования Российской Федерации термин вошел в начале 2000-х годов в контексте реализации проекта, нацеленного на оптимизацию образовательных технологий, и означал внедрение инновационного подхода при организации учебного процесса, ориентированного на формирование эффективной образовательной модели [Куornosова 2011].

Анализируя подходы к интерпретации понятия, можно говорить о том, что общепринятым является определение, данное М. Мерриллом, Л. Дрейком, М. Лейси и Дж. Праттом, согласно которому педагогический дизайн понимается как научная дисциплина, занимающаяся разработкой эффективных, рациональных и комфортных способов, методов и систем обучения, которые могут быть использованы в сфере профессиональной педагогической практики [Merrill, Drake, Lacy, Pratt 1996].

Значимым в изучении рассматриваемой педагогической технологии является исследование, про-

веденное в 2019 году учеными Р. Бодили, Х. Лири и Р. Вест. Их анализ более 40 тысяч статей, опубликованных с 2007 года, выявил, что педагогический дизайн является глобальной сферой исследований, однако существует недостаток взаимосвязей между отдельными исследованиями [Bodily, Leary, West 2019].

В современном образовании педагогический дизайн все чаще становится неотъемлемой частью преподавания. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к его использованию показывает, что зарубежные исследования акцентируют внимание на технологических аспектах и создании моделей, в то время как в российских исследованиях приоритет отдается определению самого понятия педагогического дизайна и его составляющих (Уваров 2003). Тем не менее анализ российских исследований показал, что отмечается недостаток работ, доказывающих эффективность применяемых моделей, несмотря на их использование в педагогической практике [Абызова 2010].

Изучение различных подходов к пониманию сути понятия «педагогический дизайн» показывает, что некоторые исследователи рассматривают его в контексте педагогического проектирования и дидактики в широком смысле. Так, А.В. Токарева в своих работах отмечает, что теоретические основы педагогического дизайна, являясь областью науки и практической деятельности обучающихся, базируются на концептуальных положениях дидактики [Токарева 2008]. А.Ю. Уваров, Е.В. Оспенникова рассматривают данное понятие как целостный процесс, способствующий проектированию образовательной среды, использованию эффективной организации деятельности обучающихся [Кочурина 2022].

Проведя анализ современных исследований, пришли к выводу о том, что педагогический дизайн является широким понятием. Он способствует не только созданию модели процесса обучения, а является эффективным инструментом для выстраивания открытой корректируемой информационно-образовательной среды, в основе которой, помимо задачи усвоения обучающимися *hardskills* («жестких» навыков и знаний), заложены условия для усвоения *softskills* («мягких», универсальных навыков), помогающих подойти к процессу обучения творчески и с опорой на социальную ориентированность результатов модели.

Педагогический дизайн рассмотрен нами в контексте данного исследования как технологическая основа проектирования образовательной траектории обучающихся и как современная технология, позволяющая рационализировать процесс профориентации через создание комфортной для участников образовательного процесса открытой и корректируемой (за счет наличия «открытой архитектуры») воспитательно-образовательной среды, выстроенной с учетом психолого-педагогических условий для достижения поставленных целей и задач.

Применение технологии педагогического дизайна как технологической основы проектирования и оптимизации профориентационного направления работы позволяет решить ряд задач:

- проанализировать потребности целевой аудитории с дальнейшим проектированием эффективного педагогического взаимодействия с учетом полученных результатов;
- выстроить учебно-воспитательный процесс с учетом современных тенденций в плане представления, демонстрации учебного материала обучающимся;
- оптимизировать процесс за счет выбранной педагогом модели, в рамках которой он реализует технологию педагогического дизайна;
- структурировать учебный материал, исключая отвлекающие факторы, для достижения обозначенной образовательно-воспитательной цели;
- качественно проработать учебный материал и провести его дальнейшую корректировку с учетом особенностей той или иной целевой аудитории.

Эффективная профориентационная работа является условием осознанного выбора обучающимся индивидуальной образовательной траектории. Разработка модели профориентационного образования подразумевает организационную и педагогическую деятельность, исключающую потери времени и ресурсов, что является основополагающим при достижении результатов проводимой работы. В данном случае применение технологии педагогического дизайна на стадии проектирования становится обоснованным, поскольку в ее основе систематическое использование знаний об эффективной работе, выстраивание учебного процесса с «открытой архитектурой» [Токарева 2008].

При выстраивании модели особую значимость приобретает ориентация выпускников на определение индивидуальной образовательной траектории и на профессиональное образование. Формируя у обучающихся компетенции, мы создаем предпосылки для осознанного выбора ими дальнейшей профессиональной деятельности. В условиях современной системы образования у выпускников школ появляется несколько возможных путей получения специальности. У обучающихся среднего звена (5–8 классы) необходимо формировать понимание того, на какой образовательной базе они будут выстраивать свою дальнейшую образовательную траекторию. Возможны два варианта: основное общее образование (выпускники 9 классов) и среднее общее образование (выпускники 11 классов). Выделим ряд условий, способствующих выбору дальнейшей траектории обучающимися:

1. Успеваемость по школьным дисциплинам.
2. Уровень подготовленности и успешная сдача государственной итоговой аттестации.
3. Нацеленность на результативность профессионального обучения.
4. Возможность соотношения уровня притязаний с возможностями и ориентацией выпускника на конкурентоспособность.

Проследить возможные траектории получения образования можно с помощью анализа имеющихся на сегодняшний день в отечественном образовании программ и уровней образования.

Начальная точка индивидуальной образовательной траектории обучающегося начинается с зачисления в учреждение, реализующее программы дошкольного образования. В России средний возраст ребенка на начало посещения дошкольного образовательного учреждения составляет 3 года. С этого возраста он становится субъектом реализации образовательной программы. Согласно нормативной документации, регламентирующей образовательную деятельность, в случае, если ребенок начинает посещать ясельные группы дошкольного образовательного учреждения (до возраста 3 лет), он не вовлечен в образовательную деятельность. Специалистами учреждения организуются присмотр и уход за воспитанником. Длительность освоения программы дошкольного образования составляет 3–4 года, после чего обучающийся, поступая в общеобразовательное учреждение, поэтапно переходит на стадии освоения программ: начального общего образования (длительность – 4 года); основного общего образования (длительность – 5 лет). Промежуточным результатом образования становится выпускник 9 класса, освоивший программу основного общего образования. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (Федеральный закон... 2012), обязательным в нашей стране является уровень среднего общего образования. Данное требование применимо к конкретному обучающемуся и сохраняет силу до достижения им возраста восемнадцати лет, если соответствующее образование не было получено им ранее. Выпускник общеобразовательного учреждения становится перед выбором, в ходе которого он должен определиться с дальнейшей образовательной траекторией [Abuhassna, Adnan, Awae 2024].

В процессе выстраивания индивидуальной профессиональной образовательной траектории важным элементом выступают учреждения среднего профессионального образования (СПО). Изучив опыт работы образовательных учреждений СПО города Самары, пришли к выводу, что многие из них выстраивают свою работу на принципе преемственности. Таким образом, их выпускники при переходе на ступень высшего образования имеют ряд преимуществ перед абитуриентами, поступающими на базе среднего общего образования. Выпускник подведомственного высшего учебного заведения колледжа или техникума может участвовать в конкурсном отборе на основании экзаменов, установленных образовательными учреждениями самостоятельно, помимо ЕГЭ. Учитывая тот факт, что выпускники учреждений СПО на момент поступления в вуз имеют определенный уровень подготовки по выбранному про-

филю обучения, можно говорить о повышении их конкурентоспособности [Демидова 2019].

Значимость учреждений СПО в выстраивании образовательной траектории выпускников школ и в реализации задач ранней профориентации становится все более актуальной. Однако не исключается негативный аспект, который имел широкое распространение еще некоторое время назад. Он заключается в том, что обучающиеся, имеющие низкие профессиональные притязания, низкий уровень успеваемости и качества знаний, а также желающие завершить свое обучение в общеобразовательном учреждении, видят решение сложившейся ситуации в продолжении обучения в стенах учреждений СПО. Как правило, это не приносит позитивных результатов, кроме завершения уровня образования, и обучающийся не продолжает свое профессиональное становление и развитие. Причиной данного явления становится низкая сформированность профессиональных притязаний и осведомленности о возможностях профессионального становления в целом [Романенко 2025; Бурдейная 2021].

Индивидуальная образовательная траектория выпускника на базе основного общего образования может выстраиваться в трех направлениях:

1. Продолжение обучения в стенах общеобразовательного учреждения в течение двух лет и получение среднего общего образования.
2. Освоение выпускником программ среднего профессионального образования на базе учреждения СПО в течение трех-четырех лет в зависимости от выбранной квалификации и специализации.
3. Завершение обучения и начало трудовой деятельности в случае достижения выпускником возраста 18 лет.

Что касается освоения программы среднего профессионального образования, то выбор данной траектории также возможен после получения выпускником общеобразовательного учреждения среднего общего образования на базе 11 классов. В таком случае срок обучения в СПО сокращается и зависит от выбранной специализации и программы профессионального обучения (но не менее 10 месяцев с момента поступления). Дальнейшее направление траектории зависит от целей самого выпускника: начало профессиональной деятельности или получение высшего образования, которое, в свою очередь, также делится на два уровня: базовое высшее образование (срок обучения не менее четырех лет) и освоение программы подготовки кадров высшей квалификации (срок обучения не менее двух лет). В любой из выбранных выпускником траекторий итоговым результатом процесса образования будет являться выпускник, начавший свою трудовую или профессиональную деятельность. Разница заключается лишь в том, какую квалификацию и уровень профессиональной подготовки будет иметь работник.

Ученик, не вовлеченный в раннюю профориентацию, как правило, не способен сделать обду-

манный самостоятельный выбор и выстроить образовательную траекторию с учетом имеющихся условий, возможностей и запросов рынка труда. Одним из инструментов для решения данной ситуации является применение технологии педагогического дизайна как основы проектирования индивидуальной образовательной траектории обучающегося.

Практическое применение педагогического дизайна предполагает внедрение одной из разработанных моделей, которые были предложены зарубежными исследователями и не потеряли своей актуальности до настоящего момента. Такими моделями являются ADDIE, ARCS, Gagne&Briggs, 4C / ID, Dick&Carey [Göksu 2017].

Технология педагогического дизайна в процессе организации профориентационной работы позволяет спроектировать каждый элемент педагогической системы. Появляется возможность оценить эффективность и соотнести результаты с целями, поставленными в начале проводимой работы. Методы, применяемые в рамках технологии, позволяют корректировать деятельность в зависимости от изменений, происходящих в образовательно-воспитательном пространстве. Технология педагогического дизайна является гибкой и корректируемой.

Выстраивая профориентационную работу, стоит уделить внимание модели под названием ADDIE, которая получила наиболее широкое распространение: она позволяет разбить процесс применения технологии на 5 этапов: анализ (analysis), проектирование (design), разработка (development), реализация (implementation), оценка (evaluation).

Каждый этап связан с последующим и имеет свое значение в работе по разработке профориентационной модели в общеобразовательном учреждении. От того, насколько эффективно проведена работа на текущем этапе, зависит успешность прохождения последующего. Самой важной стадией при разработке профориентационной модели можно обозначить первый этап – этап *анализа*. В ходе его реализации изучаются и анализируются основные категориальные понятия: целевая аудитория и ее потребности, задачи участников образовательно-воспитательного процесса, формы работы с каждой категорией целевой аудитории, ожидаемые результаты.

На втором этапе – этапе *проектирования*, учитываются выводы первого. Данная стадия посвя-

щена выработке общего плана и структуры материала. Оформляется схема упражнений и оценок, продумывается информационная составляющая модели, в частности визуальный материал.

На этапе разработки происходит практическое воплощение, разработка составляющих компонентов модели, окончательно определяются и прорабатываются элементы контента, подбираются диагностический инструментарий и формы обратной связи.

На этапе *реализации* происходит внедрение и практическое применение разработанной модели профориентации обучающихся в образовательно-воспитательную систему учреждения.

Этап *оценки* является заключительным и позволяет после сбора первичной информации о проведенной практической работе определить степень эффективности. Происходит соотношение поставленных целей с результатами работы, оценка учебных и воспитательных материалов. После проведения диагностики выявляются элементы модели, требующие доработки и усовершенствования с точки зрения их эффективности и доступности для целевой аудитории. Модель педагогического дизайна ADDIE носит циклический характер и может применяться неограниченное количество раз после прохождения заключительной стадии оценки. Факт цикличности является преимуществом благодаря возможности доработки с целью оптимизации и повышения эффективности проводимой работы в дальнейшем.

Заключение

Значимость технологии педагогического дизайна в проектировании образовательной траектории обучающихся возрастает в связи с переходом от традиционных предметно-ориентированных компетенций к развитию универсальных. Визуализация образовательных траекторий обучающихся позволяет проанализировать возможные направления индивидуальных траекторий, выделить итоговый и промежуточный уровни образования каждого обучающегося.

Педагогический дизайн дает возможность корректировки разработанного материала и моделей за счет организации циклической работы и применения технологии ADDIE в ходе педагогической деятельности неограниченное количество раз с учетом доработок «слабых» элементов.

Материалы исследования

Грецова 2016 – Грецова А.П. Развитие познавательных способностей старшеклассников средствами педагогического дизайна: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2016. 194 с.

Чернобай, Ефимова, Корешникова, Давлатова 2022 – Чернобай Е.В., Ефимова Е.А., Корешникова Ю.Н., Давлатова М.А. Педагогический дизайн: российская и зарубежная исследовательская повестка / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 44 с.

Уваров 2003 – Уваров А.Ю. Педагогический дизайн // Информатика: прил. К газете «Первое сентября». 2003. № 30. С. 2–31.

Федеральный закон... 2012 – *Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»* от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Библиографический список

Abuhassna, Adnan, Awaie 2024 – *Abuhassna H., Adnan B.M., Awaie F.* Exploring the synergy between instructional design models and learning theories: A systematic literature review // *Contemporary Educational Technology*. 2024. Vol. 16, issue 2. P. 499–1309. DOI: <http://dx.doi.org/10.30935/cedtech/14289>.

Bodily, Leary, West 2019 – *Bodily R., Leary H., West R.E.* Research trends in instructional design and technology journals // *British Journal of Educational Technology*. 2019. Vol. 50, issue 1. P. 64–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/bjet.12712>.

Dick 1987 – *Dick W.* A history of instructional design and its impact on educational psychology // *Historical Foundations of Educational Psychology*. Boston, MA: Springer, 1987. P. 183–202. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4899-3620-2_10.

Merrill, Drake, Lacy, Pratt 1996 – *Merrill M.D., Drake L., Lacy M.J., Pratt J.* Reclaiming instructional design // *Educational Technology*. 1996. Vol. 36, no. 5. P. 5–7. URL: <https://mdavidmerrill.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/04/reclaiming.pdf>.

Göksu 2017 – *Göksu I.* Content Analysis of Research Trends in Instructional Design Models: 1999–2014 // *Journal of Learning Design*. 2017. Vol. 10, no. 2. P. 85–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.5204/jld.v10i2.288>.

Абызова 2010 – *Абызова Е.В.* Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // *Вестник Вятского государственного университета*. 2010. № 3. С. 10–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-dizayn-ponyatie-predmet-osnovnye-kategorii>.

Бурдейная 2021 – *Бурдейная М.Н.* Педагогический дизайн как средство повышения эффективности организации учебного процесса // *Прогрессивная педагогика*. 2021. № 3. С. 49–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50314151>. EDN: <https://www.elibrary.ru/czvroe>.

Демидова 2019 – *Демидова И.А.* Педагогический дизайн и его средства: теоретический анализ и опыт применения в педагогической практике // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 4, № 4. С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagoqy.2019.4.3>.

Кочурина 2022 – *Кочурина Т.С.* Педагогический дизайн: сущность и структура // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1, часть 1. С. 21–29. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-1-21-29>.

Кречетников 2024 – *Кречетников К.Г.* Педагогический дизайн и его значение для развития информационных образовательных технологий. URL: <http://ito.edu.ru/2005/Troitsk/2/2-0-9.html> (дата обращения: 16.07.2024).

Курносова 2011 – *Курносова С.А.* Этапы проектирования педагогического дизайна // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2011. № 9. С. 72–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-proektirovaniya-pedagogicheskogo-dizayna>.

Романенко 2023 – *Романенко Н.М.* Педагогический дизайн и педагогический дизайнер: развитие понятий // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3 (100). С. 325–327. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-325-327>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gsfjps>.

Такушевич 2015 – *Такушевич И.А.* Исследование педагогического дизайна в синхронии и диахронии // *Человек и образование*. 2015. № 2 (43). С. 95–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pedagogicheskogo-dizayna-v-sinhronii-i-diahronii>.

Токарева 2008 – *Токарева А.В.* Педагогический дизайн и пути его развития // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2008. № 4-2. С. 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21133334>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rulzhj>.

Уваров 2003 – *Уваров А.Ю.* Педагогический дизайн // *Информатика*. 2003. № 3. С. 1–32.

References

Abuhassna, Adnan, Awaie 2024 – *Abuhassna H., Adnan B.M., Awaie F.* (2024) Exploring the synergy between instructional design models and learning theories: A systematic literature review. *Contemporary Educational Technology*, vol. 16, issue 2, pp. 499–1309. DOI: <http://dx.doi.org/10.30935/cedtech/14289>.

Bodily, Leary, West 2019 – *Bodily R., Leary H., West R.E.* (2019) Research trends in instructional design and technology journals. *British Journal of Educational Technology*, vol. 50, issue 1, pp. 64–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/bjet.12712>.

Dick 1987 – *Dick W.* (1987) A history of instructional design and its impact on educational psychology. In: *Historical Foundations of Educational Psychology*. Boston, MA: Springer, pp. 183–202. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4899-3620-2_10.

Merrill, Drake, Lacy, Pratt 1996 – *Merrill M.D., Drake L., Lacy M.J., Pratt J.* (1996) Reclaiming instructional design. *Educational Technology*, vol. 36, no. 5, pp. 5–7. Available at: <https://mdavidmerrill.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/04/reclaiming.pdf>.

Göksu 2017 – Göksu I (2017). Content Analysis of Research Trends in Instructional Design Models: 1999–2014. *Journal of Learning Design*, vol. 10, no. 2, pp. 85–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.5204/jld.v10i2.288>.

Abyzova 2010 – Abyzova E.V. (2010) Pedagogical design: concept, subject, basic categories. *Herald of Vyatka State University*, no. 3, pp. 10–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-dizayn-ponyatie-predmet-osnovnye-kategorii>. (In Russ.)

Burdeynaya 2021 – Burdeynaya M.N. (2021) Pedagogical design as a means of increasing the efficiency of the organization of the educational process. *Progressive Pedagogy*, no. 3, pp. 49–59. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50314151>. EDN: <https://www.elibrary.ru/czvroe>. (In Russ.)

Demidova 2019 – Demidova I.A. (2019) Instructional design and its tools: theoretical study and case study. *Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 4, no. 4, pp. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagoqy.2019.4.3>. (In Russ.)

Kochurina 2022 – Kochurina T.S. (2022) «Pedagogical Design»: Essence and Structure. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, no. 1, part 1, pp. 21–29. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-1-21-29>. (In Russ.)

Krechetnikov 2024 – Krechetnikov K.G. (2024) Pedagogical design and its importance for the development of information and educational technologies. Available at: <http://ito.edu.ru/2005/Troitsk/2/2-0-9.html> (accessed 16.07.2024). (In Russ.)

Kurnosova 2011 – Kurnosova S.A. (2011) Projecting Stages of Pedagogical Design. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, no. 9, pp. 72–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-proektirovaniya-pedagogicheskogo-dizayna>. (In Russ.)

Romanenko 2023 – Romanenko N.M. (2023) Educational design and educational designer: analysis and reflection. *World of Science, Culture and Education*, no. 3 (100), pp. 325–327. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-325-327>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gsfjjs>. (In Russ.)

Takushevich 2015 – Takushevich I.A. (2015) Synchronic and diachronic analysis of instructional design. *Man and education*, no. 2 (43), pp. 95–99. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pedagogicheskogo-dizayna-v-sinhronii-i-diahronii>. (In Russ.)

Tokareva 2008 – Tokareva A.V. (2008) Pedagogical design and ways of its development. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, no. 4, pp. 78–83. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21133334>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rulzhj>. (In Russ.)

Uvarov 2003 – Uvarov A.Yu. (2003) Pedagogical design. *Informatika*, no. 3, pp. 1–32. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378. 180

Дата поступления: 19.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

**Опыт развития продуктивной личностно-профессиональной позиции
студентов-выпускников направления подготовки
«Педагогическое образование»**

Е.А. Петраш

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация
E-mail: vea2005@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-1789>

Т.В. Сидорова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: botkina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9496-6188>

Аннотация: Актуальность исследования продуктивной личностно-профессиональной позиции педагога обусловлена тем, что успешная профессиональная деятельность учителя напрямую влияет на качество образования и воспитания учащихся. В условиях современных вызовов становится необходимым выявление характеристик и качеств, способствующих формированию продуктивной личностно-профессиональной позиции. В обосновании ее характеристик авторы опирались на теоретико-методологические подходы: событийный, субъектно-деятельностный и системный, применяли методы анализа научно-методической литературы, анкетирования, глубинного интервью, статистической обработки и анализа полученных данных. Исследование осуществлялось на базе кафедры среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета и на базе кафедры общей педагогики Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова. В ходе теоретико-методологического анализа авторами было предложено определение ключевого понятия «продуктивная личностно-профессиональная позиция студента-выпускника педагогического направления»: были обоснованы педагогические условия, которые способствуют повышению продуктивности личностно-профессиональной позиции студентов, среди которых особое внимание уделяется педагогической рефлексии. Описывается разработанный в ходе исследования практико-ориентированный курс «Я в педагогической профессии», он протестирован на группе студентов, обучающихся по педагогическим направлениям подготовки 4-го и 5-го курсов. Представлены доказательства изменения в уровнях развития личностно-профессиональной позиции начинающих педагогов под влиянием комплекса педагогических условий.

Ключевые слова: личностно-профессиональная позиция; педагогическое образование; продуктивность; педагогическая рефлексия; профессионально-педагогическая мотивация; практико-ориентированная подготовка педагогов.

Цитирование. Петраш Е.А., Сидорова Т.В. Опыт развития продуктивной личностно-профессиональной позиции студентов-выпускников направления подготовки «Педагогическое образование» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 119–125. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-119-125>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Петраш Е.А., Сидорова Т.В., 2025

Елена Александровна Петраш – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры среднего общего образования и социального проектирования, Псковский государственный университет, 180000, Российская Федерация, г. Псков, ул. Ленина, 2.

Татьяна Владимировна Сидорова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, 670000, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

**Experience of developing a productive personal and professional position
of students-graduates in the training program «Pedagogical education»**

E.A. Petrash

Pskov State University, Pskov, Russian Federation
E-mail: vea2005@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-1789>

T.V. Sidorova

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: botkina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9496-6188>

Abstract: The relevance of the research of the productive personal and professional position of a teacher is due to the fact that successful professional activity of a teacher directly affects the quality of education and upbringing of students.

In the context of modern challenges, it becomes necessary to identify the characteristics and qualities that contribute to the formation of a productive personal and professional position. In substantiating its characteristics, the authors relied on theoretical and methodological approaches: event, subject-activity and system approaches, used methods of analyzing scientific and methodological literature, questionnaires, in-depth interviews, statistical processing and analysis of the obtained data. The research was carried out at the Department of Secondary General Education and Social Design of Pskov State University and at the Department of General Pedagogy of Banzarov Buryat State University. In the course of the theoretical and methodological analysis, the authors proposed a definition of the key concept of «productive personal and professional position of a student-graduate of the pedagogical direction». The pedagogical conditions that contribute to increasing the productivity of the personal and professional position of students were substantiated, among which special attention is paid to pedagogical reflection. The practice-oriented course «Me in the Teaching Profession» developed by the researchers was tested on a group of 94 students studying in pedagogical areas of training in the 4th and 5th years of study. In parallel, the students were included in artificially simulated situations of professional choice and responsibility and direct professional pedagogical activity in the process of continuous practice in educational institutions. At the control stage of the experimental study, changes in the levels of development of personal and professional position of novice teachers in terms of its productivity were recorded. A set of pedagogical conditions was identified that contribute to an increase in the productivity of personal and professional position of graduating students, future teachers, which is reflected in their professional activities in educational institutions.

Key words: personal and professional position; pedagogical education; productivity; pedagogical reflection; professional and pedagogical motivation; practice-oriented teacher training.

Citation. Petrash E.A., Sidorova T.V. Experience of developing a productive personal and professional position of students-graduates in the training program «Pedagogical education». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 119–125. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-119-125>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Petrash E.A., Sidorova T.V., 2025

Elena A. Petrash – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Secondary General Education and Social Design, Pskov State University, 2, Lenin Street, Pskov, 180000, Russian Federation.

Tatyana V. Sidorova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of General Pedagogy, Banzarov Buryat State University, 24 a, Smolina Street, Ulan-Ude, 670000, Russian Federation.

Введение

В 2022–2023 учебном году авторами было проведено исследование на определение уровней сформированности у студентов двух удаленных друг от друга вузов компонентов личностно-профессиональной позиции [Петраш, Сидорова 2024]. Данные, полученные на этапе констатирующего эксперимента, показали, «что в профессиональной подготовке будущих педагогов недостаточное внимание уделяется развитию их ценностей и смысловых ориентаций» [Петраш, Сидорова 2024, с. 168]. Настоящая статья посвящена описанию результатов формирующего эксперимента, заключающегося в апробации курса по выбору для студентов 3-го курса «Я в педагогической профессии». В качестве **гипотезы** было выдвинуто предположение, что представленный курс обогатит созданные в вузе условия развития личностно-профессиональной позиции студентов – будущих педагогов и будет способствовать продуктивности их педагогической деятельности.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования развития продуктивной личностно-профессиональной позиции выпускника – начинающего педагога составили положения: событийного подхода, обосновывающего возможность со-бытийного пространства университета изменять личностно-профессиональную позицию студента-педагога, ориентируя его на формирование ценностного и смыслового отношения к профессиональной деятельности в процессе со-знания, со-переживания, со-действия (Л.В. Ведерникова, С.А. Еланцева, О.А. Пово-

рознюк, В.И. Слободчиков и др.); субъектно-деятельностного подхода (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.), подчеркивающего самодетерминацию и ответственность будущего педагога за выбор ценностных ориентиров, педагогической философии и профессиональных увлечений как ключевых факторов ее развития, где непрерывное движение выражается в продуктивной личностно-профессиональной позиции; системного подхода (В.А. Барабанщиков, Б.Ф. Ломов, Д. Сьюпер и др.), позволяющего рассматривать развитие личностно-профессиональной позиции студента как интегративный процесс формирования взаимосвязанных структурно-функциональных компонентов, образующих целостную систему.

Эмпирическая часть исследования проводилась на базе кафедр среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета и общей педагогики Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова. В исследовании приняли участие 94 студента педагогических специальностей 4-го и 5-го курсов, осваивающих курс по выбору «Я в педагогической профессии» и работающих в образовательных учреждениях городов Пскова и Улан-Удэ.

Диагностический инструментарий был систематизирован и включал в себя методику исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер), диагностику уровня саморазвития и профессионально-педагогической деятельности (Л.Н. Бережнова), методику «Самооценка профессионально-педагогической мотивации» (Н.П. Фетискин и др.), а также методику на самоанализ професси-

онально-личностных умений педагога (Т.Ф. Есенкова), глубинное интервью (авторскую анкету).

Основная часть

Результаты проведенного обзора научной литературы, посвященной проблеме развития личностно-профессиональной позиции педагога, позволяют сделать следующие выводы:

– Личностно-профессиональную позицию педагога (далее – ЛПП) следует трактовать как многоаспектную конструкцию, включающую взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты, где общеличностная составляющая представлена следующими элементами: ценностно-смысловой сферой личности (общая культура, интересы, увлечения, хобби, качества характера студента) и профессиональной составляющей, выражающейся в профессионально-педагогической мотивации студентов к будущей деятельности, выработанных методологических и теоретических основах, подходах к организации образовательной деятельности [Степанов 2024; Сидорова 2023; Петраш и др. 2021].

– ЛПП представляет собой систему «ценностно-смысловых отношений к социокультурному окружению, самому себе и своей деятельности, определяющую профессиональное бытие педагога...» (Борытко 2001).

– ЛПП является маркером качества профессиональной подготовки будущих педагогов (Л.С. Аракелян, М.В. Шакурова) [Шакурова, Аракелян 2021].

– ЛПП и педагогическая деятельность – это взаимодополняющие категории, поскольку позиция как феномен проявляется исключительно в процессе или через потенциал деятельности (действия, воздействия). Позиция содержит в себе совокупность установок, которые и реализуются через деятельностные формы [Степанов, Кашникова 2023].

– Большинство исследователей (Н.М. Борытко, И.В. Варганова, А.И. Григорьева [Григорьева 2015], С.И. Десненко [Десненко 2010], А.И. Колесникова, Н.Л. Селиванова, В.И. Слободчиков, Е.Н. Степанов, И.В. Степанова) рассматривают ЛПП как динамическое качественное состояние человека, профессионала, представляющее непрерывный процесс его становления в деятельности, осуществляемой в образовательной организации.

На основе анализа сущности изучаемого феномена в настоящем исследовании предлагается следующее рабочее определение. Личностно-профессиональная позиция молодого педагога – это комплексная характеристика, отражающая его ценностное и ответственное отношение к себе и своей профессии, направленное на достижение результата.

Анализ причин детерминации ЛПП студента-педагога позволил установить, что она зависит от социального, профессионального и личного контекста, который формирует ценностно-смысловую основу системы профессиональных отношений и определяет мотивационно-смысловой компонент. Когнитивный компонент системы отношений, пред-

ставляющий собой специальные знания, служит средством реализации осознания и смысла, необходимых для становления личности как профессионала. Компонентом, отражающим рефлексивную деятельность, является опыт, полученный в ходе профессиональной деятельности, который поддерживается смысловым и когнитивным аспектами.

Изменение ЛПП студента-педагога рассматривается нами как процесс, включающий прямые и обратные процессы, приводящие его к переосмыслению взглядов, отказу от определенных убеждений, сохранению эффективного педагогического опыта и последовательному развитию. В результате происходит переход на новый качественный уровень личностно-профессиональной позиции.

Проанализировав природу данного понятия и факторы, влияющие на развитие личностно-профессиональной позиции педагога, поставили вопрос: в чем именно будет заключаться ее продуктивность? Синонимами слова «продуктивный» являются такие дефиниции, как «полезный, эффективный, результативный, приносящий результаты, плодотворный, производительный, практичный, дельный, плодovitый, приносящий продукт, создающий ценности и др.» [Степанов, Кашникова 2023]. Продуктивность можно рассматривать как универсальный критерий эффективной человеческой деятельности. Продуктивность в широком смысле слова – это мера, которая позволяет оценить результаты деятельности.

Под продуктивностью личностно-профессиональной позиции педагога следует понимать «совокупность личностно и профессионально значимых отношений педагога, сформированных в процессе его жизнедеятельности под влиянием внутренних и внешних детерминант» [Степанов, Кашникова 2023] и обуславливающих эффективность его воспитательной и образовательной деятельности.

Продуктивность ЛПП педагога как совокупность характеристик, определяющих эффективность его деятельности в образовательной сфере, выражается:

– личностными качествами (от мотивации, эмоционального интеллекта, креативности и способности педагога к саморазвитию зависит то, насколько он сможет адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно справляться с вызовами, возникающими в процессе образовательной деятельности);

– профессиональными компетенциями, предполагающими повышение уровня владения профессиональными знаниями и умениями, оперирования теоретическими подходами и применения современных методик и технологии в образовательном процессе, активное включение в инновационную деятельность и готовность к экспериментированию;

– взаимодействием с учениками, воспитанниками (способности педагога устанавливать контакт с детьми, понимать их потребности и мотивы, создавать со-бытийные сообщества);

– взаимодействием с коллегами, проявляющимся готовностью включаться в инновационные процессы и осуществлять реверсивное наставничество;

– самоанализом и рефлексией собственного опыта, определением программы саморазвития личностно-профессиональной сферы.

В ходе констатирующего эксперимента установлено, что в профессиональной подготовке будущих педагогов недостаточное внимание уделяется развитию их ценностей и смысложизненных ориентаций. Кроме того, отдельные составляющие ЛПП (ценностная, целевая, этическая, рефлексивная) недооцениваются обучающимися из-за недостаточного внимания к этим аспектам в процессе профессиональной подготовки [Петраш, Сидорова 2024]. Созданный авторами курс по выбору «Я в педагогической профессии», состоящий из 4 модулей, был призван обогатить условия развития личностно-профессиональной позиции студентов.

Развитие ЛПП педагога невозможно «без усиления практической составляющей, позволяющей приобретать ему практический опыт в со-бытийном пространстве» [Вазин 2010]. Оптимально разрешить данную проблему позволяет организация в высшем учебном заведении образовательного процесса, основанного на принципах практико-ориентированной подготовки. Практико-ориентированная подготовка педагогов – это совместный процесс взаимодействия преподавателя и студента, направленный на формирование ценностного отношения к педагогической деятельности, организуемая в образовательном пространстве. «Образовательное пространство – это часть образовательной среды, где на субъектном уровне (уровне личностного взаимодействия обучающихся и преподавателей) создается множество двусторонних отношений, а также двусторонних и многосторонних связей для осуществления образовательной (педагогической) деятельности по развитию индивида и его социализации» [Ли, Рулиене 2023]. Этот процесс должен строиться на принципах «со-бытия», предполагая совместное участие, взаимодействие и понимание. Обучение организуется в трех образовательных пространствах.

Ценностно-когнитивное пространство позволяет студентам самостоятельно определять личный смысл педагогической профессии. Обсуждая ценности и цели в ходе практических занятий и практической подготовки, студенты вырабатывают собственное понимание профессиональных ценностей и могут спланировать пути достижения целей.

Деятельностно-творческое пространство предполагает активную работу в сообществах над проектами, кейсами, что развивает навыки сотрудничества, распределения обязанностей, рефлексии и оценки результатов. Студенты осваивают практические навыки и стратегии профессионального поведения.

Рефлексивно-ценностное пространство выстраивается на основе анализа опыта, выявления

ошибок и поиска способов их исправления, что способствует формированию критического отношения к себе и своей деятельности, развитию самосознания и профессионального самоопределения.

Эти пространства формируют у будущих педагогов три ключевые сферы: «со-знание» (понимание профессии), «со-действие» (командная работа) и «со-переживание» (эмпатия и рефлексия). Преподаватель использует различные методы для построения этих пространств, фокусируясь на взаимодействии, общем понимании и рефлексии [Ведерникова и др. 2018].

В течение семестра студенты 3-го курса (4-го курса направления подготовки «Учителя иностранных языков») поэтапно осваивали авторский курс «Я в педагогической профессии». В процессе изучения первого модуля программы «Новое поколение – новые пути воспитания» студенты включались в дискуссию, посвященную теме «Ценности личности, общества и образовательной системы в условиях VUCA, BANI и SHIVA». В процессе обсуждения они разработали список требований к личностным и профессиональным компетенциям педагогов, создали видеоролики о своих учителях и обсудили миссию, а также ключевые характеристики личностно-профессиональной позиции начинающего специалиста.

Применение дискуссионных форм (педагогический ринг, дебаты и открытый микрофон) в сочетании с интерактивными упражнениями «Что? Кто? Как? Где? Когда?», «Почему?» и «Есть ли смысл?» создавало условия для выявления личных смыслов обучающихся и способствовало формированию рефлексивной позиции по отношению к ценностным основам современного образования.

Модуль «Непрерывное самообразование: что мы еще не знаем?» был нацелен на то, чтобы побудить обучающихся к рефлексии своей профессиональной идентичности. Обсуждались темы: «Самовоспитание и самообразование как неотъемлемые элементы личностно-профессионального становления и развития», «Пути, средства и методы профессионального самовоспитания и самообразования будущего педагога», «Общая и профессиональная культура учителя», «Роль наставничества и сопровождения в профессионально-личностном развитии педагога» и другие. Проводилась самодиагностика самооэффективности начинающих педагогов [Ли, Рулиене 2023]. Диагностические упражнения «Мои возможности и ограничения», «Мои барьеры в профессии», «Мои резервы» позволили студентам задуматься о продуктивности как настоящего и будущего специалиста.

Активизация педагогической рефлексии была достигнута внедрением процедур самоанализа, включающих в себя как ведение рефлексивных дневников с произвольным содержанием, так и использование стандартизированных форм самооценивания на основе определенных критериев.

Содержание таких рефлексивных инструментов может отличаться в зависимости от целей и задач, но их использование неизменно приводит к

активизации механизмов самоанализа и более интенсивному формированию педагогической рефлексии у начинающих специалистов.

В третьем модуле «Педагогическая креативность как фактор профессионального развития» предполагались знакомство и заполнение рабочих тетрадей [Куришкина 2023; Кислякова, Колышев 2016].

Четвертый модуль – «Педагогический кейс» – содержал отработку техник эффективного взаимодействия педагога с учащимися, их родителями, администрацией образовательного учреждения и социальными партнерами. Данный модуль вызвал живой интерес у студентов. В Бурятском государственном университете имени Д. Банзарова студенты 3-го курса проводили занятия в педагогическом классе: обсуждали профессиональные и личностные качества учителей настоящих и учителей будущего, создавали модели идеального класса и систему образования будущего.

В центре выявления и поддержки одаренных детей Республики Бурятия «Асториум» студенты были вожатыми, проводили занятия, экскурсии, мастер-классы.

В Псковском государственном университете студенты 3-го курса педагогических направлений подготовки в 2023–2024 годах активно принимали участие в апробации и внедрении курса для вузов «Школьные сообщества», который курировался Институтом образования НИУ ВШЭ, а затем «Университетом детства». В ходе создания школьных сообществ студенты – будущие педагоги учились строить со-бытийные пространства взаимодействия школьников – учителей – родителей. Особая роль в развитии личностно-профессиональной позиции будущего педагога отводилась непрерывной рассредоточенной педагогической практике, в ходе которой студенты различных профилей подготовки работали в образовательных учреждениях без отрыва от учебного процесса (Ярышкина 2012).

Финальным заданием курса для всех студентов стала разработка и презентация проекта под названием «Я в педагогической профессии». Студентам было предложено разработать стратегию своего профессионального и личностного роста. Выпускникам необходимо было составить свое резюме, проанализировать свои компетенции, осмыслить различные аспекты педагогической профессии и полученный личностно-профессиональный опыт. В ходе исследования на всех этапах экспериментальной деятельности мы уделяли особое внимание развитию педагогической рефлексии студентов. На наш взгляд, без осмысления собственной ЛПП невозможно движение вперед, без рефлексивного анализа своей деятельности сложно представить действительно результативные (эффективные, продуктивные) итоги педагогической деятельности.

Глубинное интервью позволяло определить изменение уровня продуктивности их личностно-профессиональной позиции. Вопросы интервью касались понятий «профессиональная ответственность» и ценностные ориентиры студентов, а так-

же размышлений о своем опыте и перспективах саморазвития как специалиста.

Фиксировались три уровня развития продуктивной личностно-профессиональной позиции:

Низкий уровень развития продуктивности ЛПП. Педагог демонстрирует недостаточную способность к саморегуляции, проявляющуюся в неспособности контролировать свои действия и поступки. Отсутствует критическое отношение к самому себе, что выражается в перекладывании ответственности за неудачи на внешние факторы. Небрежен как в отношениях с людьми, так и во внешнем облике.

Средний уровень. Педагог обладает высоким уровнем профессиональных знаний, однако наблюдается недостаточная их проявленность в практической деятельности. Эмоциональный интеллект педагога развит недостаточно, что затрудняет установление эффективного взаимодействия с учениками, коллегами и родителями. Креативность также не является его сильной стороной. Отмечается избирательная самокритичность. Педагог формирует свое мнение о других, основываясь на их поведении. Несмотря на самоконтроль в проявлении эмоций, они ему не чужды. Он проявляет уравновешенность и внимательность к собеседнику, но иногда склонен прощать себе собственные ошибки.

Высокий уровень. Педагог демонстрирует высокий уровень сформированности профессиональных компетенций, умело организует взаимодействие в классе, эффективно коммуницирует с родителями и коллегами. При высоком уровне профессионализма педагог периодически склонен к гиперрефлексии относительно восприятия его другими, чрезмерно реагирует на психологические аспекты среды и интерпретирует их как направленные лично на него. Педагог проявляет склонность к рефлексии и самоанализу, стремясь понять причины и последствия своих действий и событий в целом. В конфликтных ситуациях педагог стремится к компромиссным и сотрудничеством решениям, избегая конфронтации. Педагог уделяет должное внимание своему внешнему виду, что говорит о его профессиональном подходе и уважении к себе.

Результаты показали, что 62 % студентов (58 человек), прошедших авторский курс по выбору «Я в педагогической профессии», имеют средний уровень развития продуктивности ЛПП, а значит, пока еще начинающим педагогам сложно устанавливать продуктивные связи с участниками образовательного процесса на практике, однако при этом студенты-выпускники уже обладают достаточно высоким уровнем накопленных профессиональных знаний. Студенты умеют контролировать свои эмоции и поведение, проявляют внимательность к собеседнику. При этом они умеют прощать себе некоторые ошибки и делать выводы. 25 % респондентов (24 человека) обладают высоким уровнем развития продуктивности ЛПП: эти студенты имеют высокий уровень сформированности профессиональных компетенций, следят за своей внешностью, крайне критично относятся к себе, иногда

чересчур чувствительны, но при разрешении конфликтов выбирают сотрудничество, стремятся к построению сообществ для решения совместных проблем. 13 % начинающих педагогов (12 человек) показали низкий уровень развития продуктивности ЛПП: они либо замкнуты в себе и слышат только самих себя, проявляя к детям и в целом к окружающим эмоциональную холодность, либо совсем не критичны к самим себе и считают, что они «*суперучителя на старте*». Они не способны контролировать свои действия и поступки, что требует систематичной работы над собой.

Заключение

На основании проведенного теоретико-методологического и эмпирического исследования можно констатировать:

1. Продуктивность личностно-профессиональной позиции начинающего педагога характеризуется личностно и профессионально значимыми отношениями, складывающимися на протяжении жизни под влиянием как внутренних, так и внешних факторов и обуславливающих эффективность образовательной деятельности.

2. Апробированный курс по выбору «Я в педагогической профессии» обогатил имеющиеся

в вузах условия для развития продуктивной личностно-профессиональной позиции студентов. Результаты эксперимента показали, что студенты стали более осознанно относиться к выбору образовательных технологий на собственных уроках, стали более грамотно выстраивать коммуникативные связи с учениками, их родителями и коллегами, продумывать стратегию своего профессионального и личностного саморазвития, задумываться о самоэффективности.

3. Определены условия, способствующие повышению продуктивной личностно-профессиональной позиции студентов-выпускников как в образовательной среде университета, так и в образовательной организации:

- создание стимулирующей образовательной среды, ориентированной на развитие субъектности студентов;
- интенсификация рефлексивной практики посредством внедрения техник самооценки и самоэффективности;
- создание моделирующих ситуаций профессионального выбора и ответственности;
- организация практико-ориентированной подготовки студентов.

Материалы исследования

Борытко 2001 – *Борытко Н.М.* Теория и практика становления профессиональной позиции педагога-воспитателя в системе непрерывного образования / Н.М. Борытко: дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2001. 275 с.

Ярышкина 2012 – *Ярышкина Ю.А.* Становление субъектно-авторской позиции учителя: дис. ... канд. пед. наук / Юлия Александровна Ярышкина. Петрозаводск, 2012. 256 с.

Библиографический список

Вазин 2010 – *Вазин К.Я.* Природно-рефлексивная технология саморазвития педагогов, студентов // Наука и школа. 2010. № 5. С. 20–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodno-refleksivnaya-tehnologiya-samorazvitiya-pedagogov-studentov>.

Ведерникова, Еланцева, Поворознюк 2018 – *Ведерникова Л.В., Еланцева С.А., Поворознюк О.А.* Развитие субъектной профессионально-личностной позиции педагога в практико-ориентированной подготовке // Человек и образование. 2018. № 3 (56). С. 21–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektnoy-professionalno-lichnostnoy-pozitsii-pedagoga-v-praktikoorientirovannoy-podgotovke>.

Григорьева 2015 – *Григорьева А.И.* Личностно-профессиональная позиция педагога как воспитателя // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2015. № 1. С. 30–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29874817>. EDN: <https://elibrary.ru/zdtnef>.

Десненко 2010 – *Десненко С.И.* Личностно-профессиональная позиция молодого педагога высшей школы как фактор развития личности профессионала // Вестник ЧитГУ. 2010. № 7 (64). С. 60–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-professionalnaya-pozitsiya-molodogo-pedagoga-vysshey-shkoly-kak-faktor-razvitiya-lichnosti-professional>.

Кисляков, Колышев 2016 – *Кисляков В.В., Колышев О.Ю.* Профессионально-педагогическая позиция как показатель эффективности учебно-воспитательного процесса в педвузе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2016. № 2 (45). С. 112–119. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1463035546.pdf>.

Куришкина 2023 – *Куришкина Л.А.* Рабочая тетрадь для развития педагогической креативности (в помощь классному руководителю) // Менеджмент воспитания. URL: https://anvosptanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_31.html (дата обращения: 17.01.2025).

Ли, Рулиене 2023 – *Ли Ю.А., Рулиене Л.Н.* Самоэффективность личности – ключевое достижение социально-когнитивной теории научения // Вестник Бурятского государственного университета. Образование, личность, общество. 2023. № 4. С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.18101/2307-3330-2023-4-54-60>. EDN: <https://elibrary.ru/bgbcpu>.

Петраш, Сидорова 2024 – *Петраш Е.А., Сидорова Т.В.* Личностно-профессиональная позиция студентов направления подготовки «Педагогическое образование» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 160–169. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/498/18>. EDN: <https://elibrary.ru/geyauo>.

Петраш, Сидорова, Блюм, Зая, Мануйлова 2021 – Петраш Е., Сидорова Т., Блюм В., Зая И., Мануйлова Е. Социально-психологические характеристики современного педагога в цифровую эпоху // SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. Proceedings of the International Scientific Conference. May 28th–29th. 2021. Vol. II. Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies, 2021. P. 481–491. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2021vol2.6230>.

Сидорова 2023 – Сидорова Т.В. Личностно-профессиональная позиция современного учителя в контексте антропологического подхода // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 81–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56736691>. EDN: <https://elibrary.ru/vwwazd>.

Степанов, Кашникова 2023 – Степанов Е.Н., Кашникова О.В. Продуктивная личностно-профессиональная позиция современного классного руководителя // Воспитание школьников. 2023. № 6. С. 11–18. DOI: http://doi.org/10.47639/0130-0776_2023_6_11.

Степанов 2024 – Степанов Е.Н. Становление личностно-профессиональной позиции классного руководителя как предмет и результат его личностного и профессионального развития // Классный руководитель. 2024. № 5. С. 5–19. URL: https://anvosptanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_16.html.

Шакурова, Аракелян 2021 – Шакурова М.В., Аракелян Л.С. Социально-педагогические детерминанты формирования личностно-профессиональной позиции будущего педагога как воспитателя // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23, № 3. С. 4–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-3-4-11>.

References

Vazin 2010 – Vazin K.Y. (2010) Natural reflective self-development technique for teachers and students. *Science and School*, no. 5, pp. 20–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodno-refleksivnaya-tehnologiya-samorazvitiya-pedagogov-studentov>. (In Russ.)

Vedernikova, Elantseva, Povoroznyuk 2018 – Vedernikova L.V., Elantseva S.A., Povoroznyuk O.A. (2018) Development of teacher's subject professional and personal position in practice-oriented training. *Man and Education*, no. 3 (56), P. 21–28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektnoy-professionalno-lichnostnoy-pozitsii-pedagoga-v-praktikoorientirovannoy-podgotovke>. (In Russ.)

Grigorieva 2015 – Grigorieva A.I. (2015) Personal and professional position of a teacher as an educator. *Obrazovanie: Resursy razvitiya. Vestnik LOIRO*, no. 1, pp. 30–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29874817>. EDN: <https://elibrary.ru/zdtnef>. (In Russ.)

Desnenko 2010 – Desnenko S.I. (2010) Personal and professional position of a young higher school teacher as a factor of personality development of a professional. *Chita State University Journal*, no. 7 (64), pp. 60–67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-professionalnaya-pozitsiya-molodogo-pedagoga-vysshey-shkoly-kak-faktor-razvitiya-lichnosti-professionala>. (In Russ.)

Kislyakov, Kolyshev 2016 – Kislyakov V.V., Kolyshev O.Yu. (2016) Professional and pedagogic position as the sign of efficiency of the educational process at a pedagogical higher school. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal VGPU «Grani poznaniya»*, no. 2 (45), pp. 112–119. Available at: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1463035546.pdf>. (In Russ.)

Kurishkina 2023 – Kurishkina L.A. (2023) Workbook for the development of pedagogical creativity (to help the class teacher). Retrieved from the official website of the Management of Upbringing. Available at: https://anvosptanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_31.html (accessed 17.01.2025). (In Russ.)

Li, Ruliyene 2023 – Li Yu.A., Ruliyene L.N. (2023) Self-efficacy of personality – key achievement of the social-cognitive learning theory. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*, no. 4, pp. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.18101/2307-3330-2023-4-54-60>. EDN: <https://elibrary.ru/bgbcpu>. (In Russ.)

Petrash, Sidorova 2024 – Petrash E.A., Sidorova T.V. (2024) Personal and professional position of students of the direction of training «Pedagogical Education». *Tomsk State University Journal*, no. 498, pp. 160–169. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/498/18>. EDN: <https://elibrary.ru/geyauo>. (In Russ.)

Petrash, Sidorova, Blum, Zaia, Manuilova 2021 – Petrash E., Sidorova T., Blum V., Zaia I., Manuilova E. (2021) Socio-psychological Characteristics of a Modern Teacher in the Digital Age. In: *SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. Proceedings of the International Scientific Conference. May 28th–29th, 2021, vol. II*. Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies, pp. 481–491. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2021vol2.6230>. (In Russ.)

Sidorova 2023 – Sidorova T.V. (2023) Personal and professional position of a modern teacher in the context of an anthropological approach. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, no. 18, pp. 81–84. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56736691>. EDN: <https://elibrary.ru/vwwazd>. (In Russ.)

Stepanov, Kashnikova 2023 – Stepanov E.N., Kashnikova O.V. (2023) Productive personal and professional position of a modern class teacher. *Education of schoolchildren*, no. 6, pp. 11–18. DOI: http://doi.org/10.47639/0130-0776_2023_6_11. (In Russ.)

Stepanov 2024 – Stepanov E.N. (2024) Formation of personal and professional position of a class teacher as a subject and result of his personal and professional development. *Klassnyi rukovoditel'*, no. 5, pp. 5–19. Available at: https://anvosptanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_16.html. (In Russ.)

Shakurova, Arakelyan 2021 – Shakurova M.V., Arakelyan L.S. (2021) Socio-Pedagogical Determinants of the Formation of the Personal-Professional Position of the Future Teacher as an Educator. *Educational bulletin «Consciousness»*, vol. 23, no. 3, pp. 4–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-3-4-11>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-126-134

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

Дата поступления: 18.12.2024
рецензирования: 04.03.2025
принятия: 02.06.2025

Реализация функций колористической лексики в экономическом дискурсе

Т.В. Андрияхина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: t.v.andryukhina@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6078-2310>

Аннотация: В статье принят подход, признающий адаптацию языкового употребления к меняющимся коммуникативным условиям и требующий проводить лингвистический анализ с обязательным учетом назначения и цели языковых средств в определенном типе дискурса. В фокусе внимания данного исследования находится функционал колоронимов в англоязычном экономическом дискурсе, что отвечает запросу на изучение соотношения разных дискурсов и специфики функционирования цветоименований. Современный экономический дискурс характеризуется активизацией употребления, расширением палитры, усложнением и креативностью семантики колоронимов. Целью исследования является выделить и описать функции колористической лексики в экономическом дискурсе и тем самым проверить выдвинутую гипотезу о влиянии функционально-прагматических параметров дискурса на реализацию функционала цветоименований как лексической группы. Материалом исследования послужили примеры использования колористической лексики, отобранные из современных англоязычных медиатекстов и материалов интернет-ресурсов экономического содержания. Анализ ее употребления осуществляется с привлечением семантического, когнитивного, контекстуального, дискурсивного, лингвокультурологического и сопоставительного методов исследования. В результате выделено десять функций колоронимов: номинативная, эвристическая, терминологическая, классифицирующая, интегрирующая, оценочная, символическая, воздействующая, текстообразующая, а также функция визуализации экономической информации, при этом последняя, а также эвристическая функции колоронимов выделяются и описываются впервые. Сопоставительный анализ показывает, что назначение колористической лексики в экономическом дискурсе в основном совпадает с функционалом, присущим ей как части лексической системы языка, однако специфика реализации, вариативность и многофункциональность отражают адаптацию к функционально-прагматическим особенностям экономического дискурса, подчеркивая его типологические характеристики.

Ключевые слова: экономический дискурс; колористическая лексика; функции колоронимов.

Цитирование. Андрияхина Т.В. Реализация функций колористической лексики в экономическом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 126–134. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-126-134>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Андрияхина Т.В., 2025

Татьяна Владимировна Андрияхина – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4, МГИМО МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.12.2024
Revised: 04.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Actualization of color lexicon functions in economic discourse

T.V. Andryukhina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
E-mail: t.v.andryukhina@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6078-2310>

Abstract: The article adopts an approach that recognizes the adaptation of language use to changing communicative conditions and requires linguistic analysis with the obligatory consideration of the purpose of linguistic means in a certain type of discourse. The focus of this study is on the functionality of color terms in English-language economic discourse, which meets the demand to study the correlation between different discourses and specificity of color lexicon. Modern economic discourse is characterized by the wide use, expansion of color palette, complexity and creativity of the semantics of color terms. The aim of the study is to identify, describe and analyze the peculiarities of the functions of color lexicon in economic discourse and thus verify the hypothesis about the influence of pragmatic and functional parameters of discourse

on the functioning of color terms as a lexical group. The material of the study comprises examples of color lexicon use selected from modern English-language media texts and materials of Internet resources with economic content. Color terms are analyzed using semantic, cognitive, contextual, discourse analysis as well as linguocultural and comparative methods. As a result, ten functions of color terms are singled out: nominative, heuristic, terminological, classifying, integrating, evaluative or axiological, symbolic, persuasive, text-forming, as well as the function of visualization of economic information, the latter as well as the heuristic function of color terms being singled out and described for the first time. Comparative analysis shows that the purpose of color lexicon in economic discourse basically coincides with its functionality inherent in it as a part of the lexical system of language, but specificity of implementation, variability and multifunctionality reflect adaptation to the communicative features of economic discourse, emphasizing its typological characteristics.

Key words: economic discourse; color terms; functions of color terms.

Citation. Andryukhina T.V. Actualization of color lexicon functions in economic discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 126–134. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-126-134>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Andryukhina T.V., 2025

Tatiana V. Andryukhina – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the English Language Department № 4, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Изучение дискурса и текста как его лингвистического выражения, используемого в коммуникации между людьми, как средства их социального, делового, личностного, психологического, манипулятивного и т. д. взаимодействия обусловило становление функционально-коммуникативного направления лингвистики. Интерес вызывает изучение модификации языкового употребления в меняющихся коммуникативных, прагматических и функциональных условиях разных дискурсов. Этот же вектор задается в исследовании социальных и функциональных параметров терминов цвета [Griber, Mylonas, Paramei 2021; Кульпина 2005]. Социальная и профессиональная среда с их особыми прагма-функциональными условиями коммуникации являются факторами, активно управляющими категоризацией цвета, влияющими на расширение перечня основных цветонаименований, их смыслообразование, расширение их коннотативной семантики, процессы их метафоризации, появление колоративных неологизмов и т. д., что в целом находит отражение в заметной активизации использования терминов цвета в соответствующих дискурсах [Катермина, Липириди 2023; Чернейко, Яньян 2019; Воробьева 2018; Mylonas, MacDonald 2016].

Изучение специфики языкового употребления в определенном социальном контексте с учетом таких экстралингвистических факторов, как установка и цели адресата, обуславливающих определенный выбор и специфику функционирования языковых средств для достижения этой цели, связано с понятием дискурса как использования языка, которое «отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004, с. 525]. Адаптация речевых средств к функционально-прагматическим параметрам социального контекста коммуникации выделяется учеными как обязательная характеристика дискурса [Ponomarenko 2016].

Принцип учета факторов, внешних по отношению к языковым формам, провозгласило научное направление лингвистического функционализма, которое подчеркивает основное назначение языка служить инструментом коммуникации, что требует проводить языковой анализ с обязательным учетом целей, которым служит язык и его компоненты [Кибрик 2010]. Подход, признающий, что специфика использования языковых средств в дискурсе отражает их функции, разделяют и современные исследователи языка в дискурсивно-когнитивной парадигме [Демьянков 2000].

В статье выдвигается гипотеза о том, что под влиянием особых функционально-прагматических параметров дискурса соответственно варьируется назначение языковых средств. Целью настоящего исследования является изучить основные функции колористической лексики в экономическом дискурсе (далее – ЭД), что могло бы стать ключом к объяснению факта активизации и вариативности ее использования в этом типе дискурса. Для проверки сформулированной гипотезы и достижения поставленной цели в данном исследовании решались задачи определить перечень функций колоронимов в ЭД, обнаружить специфику их реализации в ЭД по сравнению с функциями колористической лексики как части лексической системы, а также установить моно- или многофункциональность колоронимов в ЭД.

Теоретические основы и материалы исследования

В русле теоретических исследований соотношения дискурсивных жанров и их лексических арсеналов намечен вектор изучения в дискурсе терминов цвета [Кульпина 2008]. Использование цветонаименований уже изучалось в политическом [Будаева 2011], юридическом [Александрова, Рудченко 2021], рекламном [Меньшикова 2020] и научно-химическом дискурсе (на материале французского языка) [Волкова 2020]. В целом ряде исследований отмечается активизация использования цветонаименований в ЭД [Апресян 2020; Хайбулаева, Рамалданова 2020]. Влияние экономических и профессиональных аспектов коммуникативной среды на цветонаименования также отмечается рядом ученых [Griber, Mylonas, Paramei 2021; Mylonas,

Paramei, Macdonald 2014; Грибер 2021; Василевич, Мищенко, Никитина, Ведерникова 2011].

Перспективным аспектом изучения особенностей разных дискурсов является описание терминов цвета с точки зрения их функциональной нагруженности [Кульпина 2008]. Однако функциональные характеристики колоронимов получили лишь фрагментарное освещение в научной литературе. В основополагающей монографии В.Г. Кульпиной «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер» [Кульпина 2019] наряду с изучением происхождения, истории и современного использования цветообозначений в русском и польском языках автор выделяет двенадцать функций: коммуникативную, когнитивную, семиотическую, информативную, прототипическую, этнолингвокультурную, символическую, экспрессивную, интегрирующую, классифицирующую, терминологическую и оценочную. Несмотря на, казалось бы, исчерпывающий характер описания функций цветоименований в этой монографии, принятый в ней подход рассматривает функции терминов цвета в языке как системе, не учитывая функционально-прагматических аспектов использования этого пласта лексики в живом дискурсе.

Тем не менее некоторые, хотя и немногочисленные работы посвящены или упоминают функции цветоименований в дискурсе. Функционал терминов цвета исследовался на материале художественного текста в аспекте выработки классификации функций терминов цветообозначения, ориентированной на анализ текстов оригиналов и их переводов [Матросова 2021]. Автором выделяются три основные функции: номинативная, символическая и образно-структурная. Как следует из результатов исследования, в художественном тексте преобладают художественно-образные функциональные характеристики цветоименований, хотя образно-структурная функция фактически включает в себя и текстообразующую. Данная классификация функций терминов цвета в художественном тексте ориентирована на восприятие терминов цвета в тексте оригинала на иностранном языке на этапе предпереводческого анализа для выстраивания адекватной стратегии перевода, то есть носит прикладной характер.

В работе, посвященной изучению функционирования колоронимов в политическом дискурсе, упоминаются интегрирующая, дифференцирующая, оценочная и воздействующая/манипулятивная функции цветообозначений [Суздальцева 2014].

Рассматривая современные тенденции развития лексики цветообозначения, А.П. Василевич делает вывод, что под влиянием экономических факторов экстралингвистического контекста, таких как глобализация и интеграция рынка товаров, цветоименования в дискурсе могут выполнять новые функции: не отражать реальный цвет, а привлекать внимание, дать оценку, оказать воздействие [Василевич 2004], что намечает пути дальнейших исследований функций терминов цвета в ЭД.

Несмотря на признание богатого функционального потенциала цветоименований и необходимость его изучения в разных дискурсах для описания их лексических особенностей, функции терминов цвета и их зависимость от функционально-прагматических параметров и социально и профессионально детерминированных контекстов употребления не нашли еще последовательного отражения в филологических исследованиях. Изучение функций цветоименований в ЭД, который получил широкое распространение не только в профессиональных экономических публикациях, но и в медийном пространстве, может помочь заполнить этот пробел.

Материалом исследования послужила экономическая колористическая лексика, в том числе в составе терминологических фразеологизмов (всего 134 единицы), отобранная из современных англоязычных медиатекстов и материалов интернет-ресурсов экономического содержания, таких как the Financial Times, Forbes, Reuters, Business Insider, the Economist, the Wall Street Journal (WSJ), Bloomberg, Los Angeles Times, the Guardian, Yahoo Finance, the Los Angeles Business Journal. Ее функции в экономическом тексте устанавливались на основе семантического, когнитивного, контекстуального, дискурсивного анализа, а также с привлечением лингвокультурологического анализа. Кроме того, исследование функций цветоименований в ЭД проводилось в сопоставлении с функциями этой лексики в языке в целом.

Ход исследования

Анализ использования колористической лексики в ЭД позволил выделить десять основных функций, определяющих специфику ее использования в этом типе дискурса.

В своей **номинативной функции** колоронимы участвуют в наименовании экономических объектов и явлений, составляя неотъемлемую часть познания экономической реальности, а также развития экономической теории. Особенность колоронимов в ЭД состоит в том, что они в подавляющем числе случаев используются как атрибутивный компонент в составе номинации и служат для обозначения важной характеристики экономического явления, то есть способствуют углублению экономических знаний. Например, формирование моделей экологического и социально-экономического устойчивого развития нашло отражение в принятии цветовой метрики экономической деятельности в разных ее сферах. Палитра цветов моделей экономики включает *brown, green, blue, golden, purple, white, silver, red, gray, and black economies*. Например: *The concept of the «silver economy» refers to the market of goods and services to people who are 50 and older* (Forbes, May 24, 2023).

Эвристическая функция колоронимов реализуется в русле эвристического характера ЭД, в котором речепроизводство опирается на концептуальные физическую и биологическую метафорические модели, формирующие современное

представление об экономике [Resche 2022]. Для ЭД характерно участие цветолексики в словосочетаниях, репрезентирующих сложные когнитивные механизмы, такие как концептуальная интеграция или концептуальное смешение. Интуитивные поиски способов отражения новых экономических понятий и явлений приводят к созданию инновационных экономических терминов, в которых становится возможным взаимодействие, казалось бы, несочетаемых понятийных областей, например цвета и финансовых инструментов (*green debt, loan, lending*), цвета и уровня очистки источников энергии (*black, brown, grey, green, blue, pink hydrogen*), цвета и финансового состояния компании (*bleed, leak, spill red ink*), цвета и экономики (упоминавшиеся ранее), цвета и типа организации, управления, лидерства (*beige, purple, red, blue, orange, green, yellow, turquoise organisations*), лидерства (*leadership style, teams, people*), например: *Business intelligence thought leader Wayne Eckerson was credited with coining the term «purple people» to describe those who can successfully bridge the workplace gap across IT (red) and business (blue) teams. Purple people bring a blend of both red and blue traits* (Forbes, Sept. 5, 2024).

Следует отметить, что в своей эвристической функции колоронимы реализуют ассоциации и вторичные периферийные значения, возникающие в несвойственных для них сочетаниях и контекстах. Нарушение нормы сочетаемости прилагательного цвета и существительного, как в нашем материале, позволяет объективировать новое концептуальное содержание. Такие креативные колоративные словосочетания характеризуются высокой концептуальной компрессией и тем самым являются одним из инструментов лингвокреативной деятельности в ЭД.

Если вновь созданное колористическое наименование объекта или явления закрепляется за ним, оно начинает выполнять в ЭД **терминологическую функцию** для точного обозначения экономических реалий и понятий в профессиональной среде. Терминологический функционал колористической лексики отмечается также не только в языке в целом, но и в других дискурсах [Волкова 2020].

Следует отметить, что для образования терминов с колористическим компонентом в ЭД характерно создание целых терминологических гнезд. Ядром такого гнезда может служить термин, принадлежащий к экономической предметной области. Постоянно пополняется новыми единицами терминологическое гнездо обозначений категорий работников по цвету рабочей одежды или «воротничка». К традиционным терминам *white, blue, pink collar worker, job* добавляются и другие терминологические обозначения: *green, black, red, orange, gray collar*. Цветонаименование в этом случае служит для дифференциации терминов внутри терминологического гнезда. Например: *Gray-Collar Jobs Offer The Best Of Both White And Blue-Collar Opportunities* (Forbes, Feb. 1, 2024).

Ядром терминологического гнезда может служить и сам колороним, указывающий на принад-

лежность гнезда терминов к определенному классу экономических понятий или явлений, например сфере экономики:

An ocean of opportunity: how the private sector can fuel blue finance

The true value of a sustainable blue economy is much larger than people realise. Demand for investable blue projects is starting to outstrip supply (Economist Impact, Apr. 4, 2023).

Классифицирующая или таксономическая функция колоронимов проявляется при выделении видов и подвидов каких-либо экономических субъектов, феноменов, например типов товаров (*white, brown, grey, green goods*), экономик (*white, blue, brown, green, red, purple, golden, silver economy*), работников (*white, blue, pink, gray, black, orange, gold, green, red collar workers*), правового статуса (*black, gray, white market*), степени экологичности (*green, brown, gray, blue, pink, turquoise, yellow, orange hydrogen*), оценки финансового положения (*in the black, in the red, in the pink*), роли в сделке слияния и поглощения (*white, black, gray, yellow knight*), этичности экономической деятельности (*whitewashing, greenwashing, blue washing, pinkwashing*) и т. д. Например, *Much like the definition of pinkwashing, where companies pretend to support breast cancer awareness* (Forbes, May 31, 2024).

Интегрирующая функция колоронимов в ЭД объединяет экономические понятия, субъекты, т. е. сотрудников, компании, предприятия, экономики, тенденции их развития, а также принципы и стандарты их деятельности и проч., в группы по общим ценностным признакам и рабочим характеристикам, квалификации, уровню доходов, принадлежности к отрасли и т. п. Поразительный интегрирующий потенциал демонстрирует в современном ЭД колороним *green*, объединяющий многочисленные экономические термины и понятия в общую группу на основе концепции устойчивого экономического развития, эффективного использования ресурсов, а также уменьшения негативного воздействия на окружающую среду: *green bonds, products, energy, business, industry, investors, policy, transition, agenda, subsidies, handshake* и т. д. Например: *Why No One Wants to Pay for the Green Transition* (WSJ, Nov. 30, 2023).

Благодаря своей прозрачной символике активно используются в интегрирующей функции и колоронимы *white, black, grey, silver, pink, golden*:

Homeowners wearing the 'golden handcuffs' of low mortgage costs are reluctant to sell their homes now that rates are much higher (WSJ, Sept. 22, 2022).

Оценочная функция термина цвета позволяет установить место наделяемого цветом экономического явления на шкале ценностей данного общества, закрепленной в их коннотативной семантике. Материал данного исследования подтверждает отмечаемый другими лингвистами значительный рост экономической лексики с колоративным компонентом, выражающим оценку [Катермина, Липириди 2023]. Цветонаименования как в языке в целом, так и в ЭД имеют как отрицательную, так и положительную коннотацию. Наряду с широко

известными примерами экономических терминов с компонентом *black*, традиционно передающими отрицательную оценку (*black market, Monday, Tuesday, money, swan*), а также с компонентом *white*, выражающим положительную оценку (*white market, knight, money, swan*), материал данного исследования демонстрирует вариативность в выражении оценки этими цветоименованиями в ЭД. Так, чрезвычайно активно использующийся в период предпраздничных покупок перед Рождеством термин *Black Friday* может реализовать положительную оценочность, связанную с возможностью приобретения товаров по более низким ценам: *Yet Black Friday is not simply a date, it is also an idea. Today, it is the time of year during which everything goes on sale* (The Economist, Nov. 28, 2024).

Противоположная оценка может характеризовать и колоритом *white*. Положительная коннотация, основанная на положительной символике белого цвета (чистота, непорочность), в результате метафоризации в термине *white elephant* сменяется негативной оценкой, так как в системе европейских ценностей «белый слон» стал метафорой дорогого и обременительного приобретения. В термине *white swan* (сравните с *black swan* – непредсказуемый риск) также реализуется отрицательная оценка, связанная с риском предсказуемой природы: *The white swan harbingers of global economic crisis are already here* (The Guardian, Feb. 19, 2020).

В противоположность общей тенденции к доминированию отрицательной оценки в языке и речи колоритом *green* является источником положительной оценки в большинстве экономических терминов с этим цветовым компонентом, связанным с экологической повесткой. Перечень таких положительно окрашенных терминов в ЭД постоянно растет. Необычайно высокий положительный заряд колоритом *green* в ЭД даже способен придать положительную оценку новому термину с отрицательно окрашенным компонентом *swan*: *According to his book, Green Swans are «solutions that take us exponentially toward breakthrough» or «systemic solutions to global challenges, solutions that tap into positive exponentials»* (Forbes, Apr. 14, 2022).

Одновременно *green* в сочетании с отрицательно окрашенным компонентом (например, *washing/fraud*) может передавать и отрицательную оценку, связанную с несоответствием или несоблюдением экологических и этических норм, например в словосочетаниях *green washing, green scam/fraud, green hushing: Germany Cracks Down on China Green Fraud in Deepening Scandal* (Bloomberg, Sept. 6, 2024).

Негативную оценочность в ЭД могут приобретать и другие исходно оценочно нейтральные колориты *brown, red, grey* в составе классифицирующих терминов, характеризующих низкий уровень экологичности разных видов топлива или деструктивность форм экономической деятельности: *brown, red, grey economy/hydrogen*.

Под **символической функцией** колоритов понимается их способность вызывать ассоциации и являться неким культурным маркером данной

общности людей. На таких ассоциациях построены многие экономические понятия, такие как «тип экономической модели», «гендерный аспект занятости на рынке труда», «характер выполняемой работы», «уровень оплаты» и т. п. Например, *pink* символизирует лиц женского пола (*pink collar jobs, pink tax*), а *silver* может ассоциироваться с сединой, преклонным возрастом (*silver tsunami, silver economy*).

Символика цвета неоднозначна, поэтому цветные экономические термины в символической функции могут реализовать разные символические значения, понимание которых возможно только в контексте. Например, *white money* реализует символику чистоты, законности, *white economy* отсылает к индустрии здоровья и медицине, но также может олицетворять цифровой и креативный сектор экономики по ассоциации с субкультурой молодых предпринимателей и стартаперов, занимающихся технологическим бизнесом за чашкой кофе с белой молочной пенкой «флетвайт»: *The so-called «flat white economy» has been declared the largest sector in Britain by the Centre for Economics and Business Research* (Yahoo Finance, Apr. 1, 2019).

Текстообразующая функция колоритов связана с характером их использованием в разных структурных частях текста. Используя цветовую смысловую доминанту уже в заголовке, авторы текстов часто сохраняют цветовую когерентность текста как прием его построения. Например:

Tips for Green Investing in 2009

These days, everybody's an environmentalist. But as the new year begins, we ask whether in this dismal market it's possible to safely invest in green companies and funds.

The call to «go green» seemed to be reaching a fever pitch just a few months ago. Then-presidential candidate Barack Obama was pledging to promote industries that were environmentally minded and invest federal money in creating green technology (Los Angeles Business Journal, Jan. 2, 2009).

Благодаря медийному характеру современного дискурса, в том числе и экономического, колориты также реализуют **воздействующую функцию**, особенно проявляющуюся в заголовках текстов, привлекающих внимание читателей ассоциативной насыщенностью и смысловой компрессией. Воздействующая функция реализуется через экспрессию цветоименований в результате вторичной номинации, когда коннотативные компоненты семантики колорита выходят на передний план, усиливая их выразительность. Смысловая емкость и интрига в заголовке часто достигаются одновременным использованием сразу нескольких колоритов как, например, в статье, озаглавленной *Black and white, and in the red* (The Economist, May 6th, 2010). Статья посвящена убыточности, о чем говорит термин *in the red*, и в целом кризису печатной прессы, представленной метонимией *black and white*, при этом значения колоритов вступают в семантическое взаимодействие, своеобразную игру терминов цвета, затрудняя понимание заголовка и привлекая внимание читателя к сугубо экономическому содержанию текста.

Наконец, в выделенной впервые **функции визуализации экономической информации** цветоименования участвуют в реализации специфической черты экономического дискурса репрезентировать экономическое содержание не только в вербальной, но и графической и цветовой форме. Многие тексты экономического содержания сопровождаются цветными графиками, интегрированными в текст статьи и описанными вербально. Цветовая визуализация лингвистической и графической информации позволяет привлечь внимание к важным аспектам информации, облегчить восприятие данных. Использование колоронимов в функции визуализации экономической информации делает экономический текст мультимодальным, в котором вербальные и невербальные цветовые и графические знаки дополняют друг друга для адекватной передачи смысла текста.

Иллюстрацией может послужить следующий отрывок статьи из The Financial Times о роли выбора цвета для визуализации статистических данных и о противоречивой реакции читателей на решение редакции газеты сменить цветовую палитру из соображений политкорректности. Автор высказывает мнение, что выбор цвета не столь важен для понимания смысла графической информации, если не нарушается укоренившаяся в обществе символика цветов, что может запутать читателя. В этом случае рядом с диаграммой приводится так называемая легенда, то есть небольшое текстовое описание с разъяснением ее значения:

How to navigate data's pink and blue problem

I justified it (using pink and blue colours) because the strong cultural association of the colours meant I did not need to put a separate legend on the chart. [...] We have recently introduced a new colour palette for FT graphics, which features tints of blue and pink among many other hues. Pink and blue are simply not needed to understand a chart with gender data. Use different hues to denote a categorical difference in the data if you like (The Financial Times, Mar. 26, 2018).

Приведенный пример косвенно указывает на связь в экономическом тексте графической и линг-

вистической информации, обеспечивающую еще один способ достижения содержательной целостности экономического текста за счет использования колоронимов в функции визуализации экономической информации.

Осмысливая весь перечень функций цветоименований в ЭД, можно прийти к важному для характера использования колоронимов в ЭД выводу: в подавляющем числе случаев употребления колоронимов в экономических текстах они совмещают сразу несколько функций. Таким образом, общей характеристикой функций колористической лексики в ЭД является их многофункциональность, а составление перечня отдельных функций достаточно условно и осуществлено в исследовательских целях данной работы.

Заключение

Проведенное исследование функций колористической лексики в ЭД свидетельствует о ее богатом функционале и подтвердило выдвинутую гипотезу о влиянии функционально-прагматических параметров ЭД на характер использования колористической лексики, адаптации ее роли к целям данного типа дискурса. Анализ собранного материала позволил выделить в ЭД 10 функций колоронимов, комбинаторика которых отражает специфику этого типа дискурса. Перечень этих функций включает номинативную, эвристическую, терминологическую, классифицирующую, интегрирующую, оценочную, символическую, воздействующую, текстообразующую, а также функцию визуализации экономической информации. Последняя, а также эвристическая функция выделяются впервые. Сопоставительный анализ показывает, что назначение колористической лексики в экономическом дискурсе в основном совпадает с функционалом, присущим ей как части лексической системы языка, однако специфика реализации, вариативность и многофункциональность отражают адаптацию к функционально-прагматическим особенностям экономического дискурса, подчеркивая его типологические характеристики.

Материалы исследования

Forbes, May 24, 2023 – Borovikov I. The Silver Economy: Five Tips On Marketing To Older Audiences // Forbes. 2023. May 24. Available at: <https://www.forbes.com/councils/forbesbusinesscouncil/2023/05/24/the-silver-economy-five-tips-on-marketing-to-older-audiences/#:~:text=The%20concept%20of%20the%20%22silver,who%20are%2050%20and%20older.>

Forbes, Feb. 1, 2024 – Kelly J. Gray-Collar Jobs Offer The Best Of Both White And Blue-Collar Opportunities // Forbes. 2024. February 1. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2024/02/01/gray-collar-jobs-offer-the-best-of-both-white-and-blue-collar-opportunities/>.

Forbes, Sept. 5, 2024 – Laluyaux F. Three Factors To Determine Whether Your Organization Is AI Ready // Forbes. 2024. September 5. Available at: <https://www.forbes.com/councils/forbestechcouncil/2024/09/05/three-factors-to-determine-whether-your-organization-is-ai-ready/>.

Economist Impact, Apr. 4, 2023 – An ocean of opportunity: how the private sector can fuel blue finance // Economist Impact. 2023. April 4. Available at: <https://impact.economist.com/ocean/sustainable-ocean-economy/an-ocean-of-opportunity-how-the-private-sector-can-fuel-blue-finance>.

Forbes, May 31, 2024 – Elsesser K. Pinkwashing, Greenwashing And Momwashing Explained // Forbes. 2024. May 31. Available at: <https://www.forbes.com/sites/kimelsesser/2024/05/30/pinkwashing-greenwashing-and-momwashing-explained>.

WSJ, Nov. 30, 2023 – *Ip G.* Why No One Wants to Pay for the Green Transition // WSJ. 2023. November 30. Available at: <https://www.wsj.com/business/autos/why-no-one-wants-to-pay-for-the-green-transition-aed6ba74>.

WSJ, Sept. 22, 2022 – *Friedman N.* After Years of Low Mortgage Rates, Home Sellers Are Scarce // WSJ. 2022. September 22. Available at: <https://www.wsj.com/articles/after-years-of-low-mortgage-rates-home-sellers-are-scarce-11663810759>.

The Economist, Nov. 28, 2024 – *Why Black Friday sales* grow more annoying every year // The Economist. 2024. November 28. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/11/28/why-black-friday-sales-grow-more-annoying-every-year>.

The Guardian, Feb. 19, 2020 – *Roubini N.* The white swan harbingers of global economic crisis are already here // The Guardian. 2020. February 19. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2020/feb/19/the-white-swan-harbingers-of-global-economic-crisis-are-already-here>.

Forbes, Apr. 14, 2022 – *Kraaijenbrink J.* What Are Green Swans And Why They Matter // Forbes. 2022. April 14. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jeroenkraaijenbrink/2022/03/29/what-are-green-swans-and-why-they-matter>.

Bloomberg, Sept. 6, 2024 – *White N., Rathi A.* Germany Cracks Down on China Green Fraud in Deepening Scandal // Bloomberg. 2024. September 6. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-09-06/german-authorities-reject-215-000-carbon-credits-in-deepening-scandal>.

Petroff 2019 – *Petroff A.* Britain's 'flat white economy' is now the country's biggest sector. Available at: https://uk.finance.yahoo.com/news/britains-flat-white-economy-now-countrys-biggest-sector-130524617.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly95YW5kZkZxgucnUv&guce_referrer_sig=AQAAAGmpjHBjS8vuiHzDwSq1RL8ptCQDiVGBFkHPf g7xGTnV9hWndU98RMIEFe0Q30km0iRnuKG-0XXrcaMRoXSoCt2qh_fSzielmJMi4o3TBfUgly86UuJwrPfe8fcPQ8 L3O-a5B2UhByDBHhINM3kWhJdt-FEj1i6BLp13sQmRmzl_.

Los Angeles Business Journal, Jan. 2, 2009 – *Tips for Green Investing in 2009* // Los Angeles Business Journal. 2009. January 2. Available at: <https://labusinessjournal.com/news/tips-for-green-investing-in-2009/>

The Financial Times, Mar. 26, 2018 – *Smith A.* Black and white, and in the red // The Financial Times. 2018. March 26. Available at: <https://www.ft.com/content/c4b7d8be-2eb0-11e8-9b4b-bc4b9f08f381>.

Библиографический список

Griber, Mylonas, Paramei 2021 – *Griber Y.A., Mylonas D., Paramei G.V.* Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8. Article number 262. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00943-2>.

Khramchenko 2019 – *Khramchenko D.S.* Functional-linguistic Parameters of English Professional Discourse // Professional Discourse & Communication. 2019. Vol. 1, no. 1, P. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.

Mylonas, MacDonald 2016 – *Mylonas D., MacDonald L.* Augmenting basic colour terms in English // Color Research & Application. 2016. Vol. 41, issue 1, P. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.1002/col.21944>.

Mylonas, Paramei, MacDonald 2014 – *Mylonas D., Paramei G.V., MacDonald L.* Gender Differences in Colour Naming // Anderson W. et al. (eds.) Colour Studies: A broad spectrum. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 225–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.1075/z.191.15myl>.

Ponomarenko 2016 – *Ponomarenko E.V.* Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference Proceedings. Book. 1. Vol. 3. Education and Educational Research. Albena, Bulgaria: SGEM–STEF92 Technology Ltd, 2016. P. 355–362. URL: https://mgimo.ru/library/publications/functional_properties_of_english_discourse_in_terms_of_linguosynergetics/?ysclid=maqhzsygpb363766595.

Resche 2022 – *Resche C.* Reflections on metaphors and models in connection with theory building in economics // Researching metaphors. Routledge: Routledge. 2022. P. 148–160. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781003184041-11>.

Александрова, Рудченко 2021 – *Александрова Т.А., Рудченко Т.Л.* Функционирование колоративной лексики в юридическом дискурсе (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 749–754. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210104>.

Апресян 2020 – *Апресян К.Г.* Метафоризация терминов с компонентом цветообозначения в финансово-экономическом дискурсе (на материале англоязычной, русскоязычной и франкоязычной прессы) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 69–81. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-69-81>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ghobqy>.

Будаева 2011 – *Будаева Д.Р.* Цветообозначения в политическом дискурсе // Лингвокультурология. 2011. № 5. С. 4–33. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2807/1/licu-2011-05-01.pdf>.

Василевич, Мищенко, Никитина, Ведерникова 2011 – *Василевич А.П., Мищенко С.С., Никитина С.Е., Ведерникова Н.М.* Цвета российского флага в русской культуре: монография. Москва: Издательство МГОУ, 2011. 224 с.

Василевич 2004 – *Василевич А.П.* О современных тенденциях развития лексики цветообозначения // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: круглый стол / отв. ред. А.П. Василевич. Москва, 2004. С. 5–14.

Волкова 2020 – *Волкова М.В.* Особенности терминологизации колоронимов во французском научно-химическом дискурсе: комплексный анализ // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2, № 3. С. 65–84. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-65-84>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bqmcddp>.

Воробьева 2018 – *Воробьева Е.Ю.* Вторичные цветовые номинации как показатель ассоциативного потенциала цветообозначений // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.

2018. № 3. С. 39–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnye-tsvetovye-nominatsii-kak-pokazatel-assotsiativnogo-potentsiala-tsvetooboznacheniy?ysclid=maql1kcsus868228421>.

Грибер 2021 – Грибер Ю.А. Влияние профессионального образования на цветовой лексикон и модели цветоименования // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 70–85. DOI: <http://doi.org/10.32744/pse.2021.3.5>.

Демьянков 2000 – Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. Москва: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–136. URL: <https://infolex.ru/Funcfull.html>.

Катермина, Липириди 2023 – Катермина В.В., Липириди С.Х. Аксиология неологизмов с колоративным компонентом (на материале онлайн-словарей) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 1. С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2023-1-79-90>. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1814>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50474411>. EDN: <https://elibrary.ru/wzxqew>.

Кибрик 2010 – Кибрик А. Функционализм в лингвистике. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FUNKTSIONALIZM_V_LINGVISTIKE.html.

Кубрякова 2004 – Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

Кульпина 2005 – Кульпина В.Г. Изучение социоментальной детерминированности терминов цвета в современном русском языке // Русский язык в современном обществе (функциональные и статусные характеристики): сб. обзоров. Сер. «Теория и история языкознания». Отд. языкознания. Москва, 2005. С. 197–231. URL: <https://istina.ipmnet.ru/publications/article/1418011>.

Кульпина 2019 – Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / отв. ред. В.А. Татаринцов. Москва: МАКС Пресс, 2019. 288 с. URL: <https://istina.msu.ru/download/468951718/1q3Fdo:piKas88bg8-dEq9ikT7-KkbNi6E/>.

Кульпина 2008 – Кульпина В.Г. Программа спецкурса «Актуальные проблемы лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 197–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-spetskursa-aktualnye-problemy-lingvistiki-tsveta-kak-nauchnogo-napravleniya-sopostavitelnogo-yazykoznanija>.

Матросова 2021 – Матросова Я.Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3233>. EDN: <https://elibrary.ru/vcdjcv>.

Меньшикова 2020 – Меньшикова Е.Е. Цветовые метафоры в рекламном туристическом нарративе // Современные исследования социальных проблем 2020. Т. 12, № 5. С. 231–256. DOI: <http://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-231-256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rombve>.

Суздальцева 2014 – Суздальцева В.Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 1. С. 80–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-i-funktsionirovanie-tsvetooboznacheniy-v-massmediynom-politicheskom-diskurse>.

Хайбулаева, Рамалданова 2020 – Хайбулаева А.М., Рамалданова З.Н. Ахроматические цвета в экономическом дискурсе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2020. Т. 35, № 1. С. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2020-35-1-75-82>. EDN: <https://elibrary.ru/efvdoz>.

Чернейко, Яньян 2019 – Чернейко Л.О., Яньян Ли. Коннотации непрямых прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2019. № 5. С. 144–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnotatsii-neproizvodnyh-prilagatelnyh-tsveta-v-aspekte-kognitivnogo-analiza-ih-sochetaemosti-s-abstraktnymi-imenami>.

References

Griber, Mylonas, Paramai 2021 – Griber Y.A., Mylonas D., Paramai G.V. (2021) Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 8, Article number 262. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00943-2>.

Khramchenko 2019 – Khramchenko D.S. (2019) Functional-linguistic Parameters of English Professional Discourse. *Professional Discourse & Communication*, vol. 1, no. 1, pp. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.

Mylonas, MacDonald 2016 – Mylonas D., MacDonald L. (2016) Augmenting basic colour terms in English. *Color Research & Application*, vol. 41, issue 1, pp. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.1002/col.21944>.

Mylonas, Paramai, MacDonald 2014 – Mylonas D., Paramai G.V., MacDonald L. (2014) Gender Differences in Colour Naming. In book: *Anderson W. et al. (Eds.) Colour Studies: A broad spectrum*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, pp. 225–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.1075/z.191.15myl>.

Ponomarenko 2016 – Ponomarenko E.V. (2016) Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics. In: *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference Proceedings. Book 1. Vol. 3. Education and Educational Research*. Albena, Bulgaria: SGEM-STE92 Technology Ltd, pp. 355–362. Available at: https://mgimo.ru/library/publications/functional_properties_of_english_discourse_in_terms_of_linguosynergetics/?ysclid=maqhzygbp363766595.

Resche 2022 – Resche C. (2022) Reflections on metaphors and models in connection with theory building in economics. In: *Researching metaphors*. Routledge: Routledge, pp. 148–160. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781003184041-11>.

- Aleksandrova, Rudchenko 2021 – *Aleksandrova T.A., Rudchenko T.L.* (2021) Colouratives Functioning in Juridical Discourse (by the Material of the English Language). *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, issue 3, pp. 749–754. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210104>. (In Russ.)
- Apresyan 2020 – *Apresyan K.G.* (2020) Metaphorization of terms with color component in financial and economic discourse (based on the material of English, Russian and French press). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 4, pp. 69–81. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-69-81>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ghobqy>. (In Russ.)
- Budaeva 2011 – *Budaeva D.R.* (2011) Names of colors in political discourse. *Lingvokul'turologiya*, no. 5, pp. 4–33. Available at: <http://clar.uspu.ru/bitstream/uspu/2807/1/licu-2011-05-01.pdf>. (In Russ.)
- Vasilevich, Mishchenko, Nikitina, Vedernikova 2011 – *Vasilevich A.P., Mishchenko S.S., Nikitina S.E., Vedernikova N.M.* (2011) Colors of the Russian flag in Russian culture: monograph. Moscow: Izdatel'stvo MGOU, 224 p. (In Russ.)
- Vasilevich 2004 – *Vasilevich A.P.* (2004) About modern trends in the development of the lexicon of color denotation. In: *Vasilevich A.P. (ed.) Problems of color in ethnolinguistics, history and psychology: Round table*. Moscow, pp. 5–14. (In Russ.)
- Volkova 2020 – *Volkova M.V.* (2020) Terminologization of coloronyms in French scientific chemical discourse: comprehensive analysis. *Professional Discourse & Communication*, vol. 2, no. 3, pp. 65–84. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-65-84>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bqmcddp>. (In Russ.)
- Vorobieva 2018 – *Vorobieva E.Yu.* (2018) Secondary color nominations as an indicator of associative potential of color terms. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 39–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnye-tsvetovye-nominatsii-kak-pokazatel-assotsiativnogo-potentsiala-tsvetooboznacheniy?ysclid=maql1kcsus868228421>. (In Russ.)
- Griber 2021 – *Griber Y.A.* (2021) Influence of vocational education on color vocabulary and color naming patterns. *Perspectives of Science & Education*, no. 3 (51), pp. 70–85. DOI: <http://doi.org/10.32744/pse.2021.3.5>. (In Russ.)
- Demyankov 2000 – *Demyankov V.Z.* (2000) Functionalism in foreign linguistics of the XX century. In: *Discourse, speech, speech activity: Functional and structural aspects*. Moscow: INION RAN, pp. 26–136. Available at: <https://infocex.ru/Funcfull.html>.
- Katermina, Lipiridi 2023 – *Katermina V.V., Lipiridi S.Ch.* (2023) Axiology of Neologisms with a Colorative Component (Based on the Material of Online-Dictionaries). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 27, no. 1, pp. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2023-1-79-90>. Available at: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1814>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50474411>. EDN: <https://elibrary.ru/wzxqew>. (In Russ.)
- Kibrik 2010 – *Kibrik A.* (2010) Functionalism in linguistics. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FUNKTSIONALIZM_V_LINGVISTIKE.html. (In Russ.)
- Kubryakova 2004 – *Kubryakova E.S.* (2004) Language and knowledge. On the way to learning about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 555 p. (In Russ.)
- Kulpina 2005 – *Kulpina V.G.* (2005) Study of sociomental determination of color terms in the modern Russian language. In: *Russian language in modern society (functional and status characteristics): collection of reviews. Series «Theory and History of Linguistics». Department of Linguistics*. Moscow, pp. 197–231. Available at: <https://istina.ipmnet.ru/publications/article/1418011/>. (In Russ.)
- Kulpina 2019 – *Kulpina V.G.* (2019) Linguistic colourology: from history to modernity of colour conceptual spheres; *Tatarinov V.A. (ed.)*. Moscow: MAK Press, 288 p. Available at: <https://istina.msu.ru/download/468951718/1q3Fdo:piKas88bg8-dEq9ikT7-KkbNi6E>. (In Russ.)
- Kulpina 2008 – *Kulpina V.G.* (2008) Program of specialized course «Current problems of color linguistics as a scientific direction of comparative linguistics». *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 197–208. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-spetskursa-aktualnye-problemy-lingvistiki-tsveta-kak-nauchnogo-napravleniya-sopostavitelnogo-yazykoznaniya>. (In Russ.)
- Matrosova 2021 – *Matrosova Ya.E.* (2021) Functions of color terms in a literary text. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3233>. EDN: <https://elibrary.ru/vcdjcv>. (In Russ.)
- Menshikova 2020 – *Menshikova E.E.* (2020) Color metaphors in the advertising tourist narrative. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 12, no. 5, pp. 231–256. DOI: <http://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-231-256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rombve>. (In Russ.)
- Suzdaltseva 2014 – *Suzdaltseva V.N.* (2014) Symbolics of colors and functioning of color designation in mass media political discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, no. 1, pp. 80–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-i-funktsionirovanie-tsvetooboznacheniy-v-massmediynom-politicheskomi-diskurse>. (In Russ.)
- Khaibulaeva, Ramaldanova 2020 – *Khaibulaeva A.M., Ramaldanova Z.N.* (2020) Achromatic Colours in Economic Discourse. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, vol. 35, no. 1, pp. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2020-35-1-75-82>. EDN: <https://elibrary.ru/efvdoz>. (In Russ.)
- Cherneyko, Yanyan Li 2019 – *Cherneyko L.O., Yanyan Li* (2019) Connotations of non-derivative color adjectives in the aspect of cognitive analysis of their compatibility with abstract nouns. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 144–164. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnotatsii-neproizvodnyh-prilagatelnyh-tsveta-v-aspekte-kognitivnogo-analiza-ih-sochetaemosti-s-abstraktnymi-imenami>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-119

Дата поступления: 05.02.2025
рецензирования: 07.03.2025
принятия: 02.06.2025

К вопросу о моделировании военно-дипломатического дискурса

О.И. Калинин

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,
Российская Федерация; Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: okalinin.lingua@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Т.С. Большакова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tatyana_bolschakowa@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-040X>

Аннотация: Статья посвящена изучению нового языкового явления – военно-дипломатического дискурса. Отмечается возрастание роли публичной дипломатии в качестве инструмента внешней политики государства во всех сферах, в том числе и в военной, и, как следствие, возникновение нового типа дискурса, существующего в коммуникативном пространстве института публичной военной дипломатии. Рассматривается понятие гибридного дискурса как принципиально нового типа дискурса, возникающего в результате сочетания отличных друг от друга дискурс-основ, впервые вводится и детерминируется понятие военно-дипломатического дискурса как результата гибридизации военного и дипломатического дискурсов, осуществляется его анализ в соответствии с критериями институционального дискурса, предложенными В.И. Карасиком. В качестве практического материала используются тексты официальных выступлений представителей Министерства обороны Китайской Народной Республики: старшего полковника У Цяня (吴谦) и старшего полковника Чжан Сяогана (张晓刚). Методы исследования включают в себя дискурс-анализ, контекстуальный, интенциональный, стилистический и семантический анализ. Научная новизна данного исследования обусловлена отсутствием дефиниции понятия «военно-дипломатический дискурс» в отечественной лингвистике и неизученностью данного языкового явления. В результате исследования выделяются характерные черты военно-дипломатического дискурса, одна часть которых сохраняется от дискурс-основ, а вторая является несвойственной для военного и (или) дипломатического дискурса. Подтверждается институциональная природа военно-дипломатического дискурса, обусловленная существованием института публичной военной дипломатии и соответствием всем критериям институционального дискурса. Формулируется вывод о необходимости дальнейших исследований понятия «военно-дипломатический дискурс» с точки зрения современной лингвистической науки.

Ключевые слова: военно-дипломатический дискурс; гибридный дискурс; институциональный дискурс.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Цитирование. Калинин О.И., Большакова Т.С. К вопросу о моделировании военно-дипломатического дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 135–144. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-135-144>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Калинин О.И., Большакова Т.С., 2025

Олег Игоревич Калинин – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка, Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1; доцент 36 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14.

Татьяна Сергеевна Большакова – преподаватель кафедры дальневосточных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.02.2025
Revised: 07.03.2025
Accepted: 02.06.2025

On the issue of modelling military-diplomatic discourse

O.I. Kalinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation;
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: okalinin.lingua@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

T.S. Bolshakova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: tatyana_bolschakowa@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-040X>

Abstract: The article is devoted to the study of a new linguistic phenomenon – military-diplomatic discourse. It notes the increasing role of public diplomacy as an instrument of state foreign policy in all spheres, including the military, and, as a consequence, the emergence of a new type of discourse that exists in the communicative space of the institution of public military diplomacy. The concept of hybrid discourse is considered as a fundamentally new type of discourse that arises as a result of a combination of discourse bases that are different from each other, the concept of military-diplomatic discourse as a result of hybridization of military and diplomatic discourses is introduced and determined for the first time, its analysis is carried out in accordance with the criteria of institutional discourse proposed by V. I. Karasik. The practical material used in the study is the texts of official speeches by representatives of the Ministry of Defense of the People's Republic of China: Senior Colonel Wu Qian (吴谦) and Senior Colonel Zhang Xiaogang (张晓刚). The research methods include discourse analysis, contextual analysis, intentional analysis, stylistic analysis and semantic analysis. The scientific novelty of this study is due to the lack of a definition of the concept of “military-diplomatic discourse” in domestic linguistics and the lack of study of this linguistic phenomenon. As a result of the study, characteristic features of military-diplomatic discourse are identified, one part of which is preserved from the discourse bases, and the second is unusual for military and (or) diplomatic discourse. The institutional nature of military-diplomatic discourse is confirmed, due to the existence of the institution of public military diplomacy and compliance with all the criteria of institutional discourse. The conclusion is formulated about the need for further research into the concept of military-diplomatic discourse from the point of view of modern linguistic science.

Key words: military-diplomatic discourse; hybrid discourse; institutional discourse.

Acknowledgements and Finance. The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Citation. Kalinin O.I., Bolshakova T.S. On the issue of modelling military-diplomatic discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 135–144. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-135-144>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Kalinin O.I., Bolshakova T.S., 2025

Oleg I. Kalinin – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Chinese Language Department, Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka Street, Moscow, 119034, Russian Federation; associate professor of the 36th Department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14, Bolshaya Sadovaya Street, Moscow, 123001, Russian Federation.

Tatyana S. Bolshakova – lecturer at the Department of Far Eastern Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14, Bolshaya Sadovaya Street, Moscow, 123001, Russian Federation.

Введение

В настоящее время все большее значение на арене международной политики приобретает публичная дипломатия, что связано с процессами глобализации, стремительным развитием средств массовой коммуникации, информационной открытостью, усилением роли гражданского общества, повышением мобильности населения и недоступностью традиционной дипломатии для широкого круга лиц. Кроме того, с каждым годом все явственнее становится необходимость оказания определенного информационного воздействия как на население внутри страны, так и за ее пределами. Ведь, как известно, влияние на массовое сознание оказывается наиболее эффективным способом управления им.

В современной науке существует множество определений понятия публичной дипломатии. В работе А.А. Великой публичная дипломатия трактуется как «комплекс мер по работе с зарубежным экспертным сообществом и гражданским обществом в целях продвижения внешнеполитических задач собственной страны». По мнению А.А. Великой, спектр задач публичной дипломатии не должен сводиться исключительно к «осуществлению образовательных программ для обучающихся из-за рубежа», а обязан включать в себя поиск и создание новых «механизмов государственно-частного партнерства и гуманитарного сопровождения внешнеэкономической деятельности» [Великая 2019].

Публичная дипломатия охватывает множество сфер деятельности: экономическую, спортивную, научную и, конечно же, военную. В наше время

военная сила и публичная дипломатия – перо и шпага – находятся по одну сторону баррикады и являются одинаково важными и «взаимодополняющими политическими средствами» в арсенале государства [Подберезкин 2016]. Их синтез служит фундаментом для ведения публичной дипломатии оборонными ведомствами, иными словами, публичной военной дипломатии, подразумевающей дипломатическую деятельность военных ведомств в интересах государства.

Как следствие, в современном мире дипломатия перестала сводиться исключительно к мягкой силе и обладает так называемым «силовым фоном» [Подберезкин 2016, с. 24], что обусловлено следующими факторами:

- появлением новых центров экономического роста и политического влияния на глобальном и региональном уровне;

- увеличением значения фактора военной силы «не только в поддержку дипломатии и своего внешнеполитического нарратива, но и в порядке обеспечения национальной безопасности и выживаемости государства» [Яковенко 2023];

- стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий как способов осуществления невоенных форм насилия.

Зачастую сложно провести строгую границу между деятельностью военных и дипломатических ведомств. Они существуют в неразрывной связи друг с другом, а также вправе и способны защищать интересы друг друга.

Значительное внимание неразрывной связи военного и дипломатического искусства уделяется в работах А.А. Свечина: «Если достижение истори-

ческих целей, которое ставит себе государство, невозможно без применения вооруженного насилия, то дипломатия должна вызвать войну в наиболее удобную, по чисто военным и экономическим условиям, минуту, при наиболее выгодных внешних условиях» [Свечин 1927, с. 71].

М.В. Харкевич называет войну «колыбелью современной системы взаимодействия между государствами», что обусловлено формированием большей части институтов международных отношений в военное время. «Война создала государство, а государства ведут войны и формируют систему международных отношений» [Харкевич 2017].

Итак, «переплетение» силовых и несиловых методов влияния государства, взаимосвязь деятельности военных и дипломатических ведомств и возникновение феномена публичной дипломатии позволяют сформулировать такое понятие, как «военно-дипломатический дискурс». Этот дискурс представляет собой отдельный вид гибридного институционального дискурса, сочетающего в себе характеристики военного и дипломатического дискурсов и представляющего собой совокупность речевых актов, реализуемых в коммуникативном пространстве публичной дипломатической деятельности военных ведомств, зависящих от социального, культурного и исторического контекста и экстралингвистических факторов, а также нацеленных на защиту и реализацию национальных интересов в ходе диалога с зарубежными государствами.

Цель настоящей статьи – детерминировать и описать военно-дипломатический дискурс как гибридный институциональный дискурс. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: дать определение понятию «гибридный

дискурс» и провести анализ выступлений официальных представителей Минобороны КНР.

Методы исследования включают дискурс-анализ, контекстуальный, интенциональный, стилистический, семантический анализ и др.

В качестве материалов исследования выступают тексты официальных заявлений Министерства обороны Китая за 2021–2024 гг., сделанных его официальными представителями: старшим полковником У Цянем (吴谦) и старшим полковником Чжан Сяоганом (张晓刚).

Военно-дипломатический дискурс как отдельный тип дискурса

Под гибридным понимается дискурс, представляющий собой «сочетание характеристик двух и более отличных друг от друга типов дискурса, соединение которых порождает абсолютно новый формат дискурса, в котором модифицируются, оформляются и закрепляются черты, свойственные его компонентам» [Баландина 2024]. Следовательно, будучи результатом гибридизации военного и дипломатического дискурса, военно-дипломатический дискурс, во-первых, также носит институциональный характер; во-вторых, не только приобретает новые отличительные черты и свойства, но и наследует часть характеристик от своих дискурс-основ. Это наглядно демонстрируется в ходе его анализа через критерии институционального дискурса В.И. Карасика [Карасик 2000] (см. табл.).

Агентами военно-дипломатического дискурса можно назвать министерства обороны, государственные и неправительственные организации, связанные с военными или силовыми структурами. Клиентами являются агенты публичной военной дипломатии зарубежных государств, а также

Таблица

Анализ военно-дипломатического дискурса через критерии институционального дискурса В.И. Карасика

Table

Analysis of military-diplomatic discourse through the criteria of institutional discourse of V.I. Karasik

№	Критерий	Военно-дипломатический дискурс
		Участники
1	Агенты	Министерство обороны и его официальные представители / спикеры Государственные и неправительственные организации, связанные с военными/силовыми структурами
	Клиенты	Агенты публичной военной дипломатии иностранных государств, широкая общественность внутри страны и за ее пределами
2	Хронотоп	Пространственные и временные рамки коммуникации
	Пространство	Онлайн- и офлайн-пространство, в котором совершаются и воспринимаются заявления соответствующих лиц
	Время	Временные показатели строго не фиксированы и охватывают как саму продолжительность выступления/заявления, так и время, в течение которого их будут просматривать онлайн
3	Цели	Освещение и объяснение действий военного ведомства и его позиции по каким-либо вопросам Формирование имиджа, необходимого как самому ведомству, так и государству Целенаправленное воздействие на «свою» и зарубежную аудиторию

Окончание таблицы

№	Критерий	Военно-дипломатический дискурс	
		Участники	
4	Ценности	Ценности дипломатического дискурса	Ценности военного дискурса
		Суверенное равенство Верность обязательствам Разрешение споров мирными средствами Взаимное невмешательство во внутренние дела Устойчивое развитие Честность Лояльность Некатегоричность Тактичность Корректность Сдержанность Качества настоящего дипломата: находчивость, ответственность, чувство юмора, стрессоустойчивость, знание норм и правил делового и национального этикета, умение найти компромисс, широкий кругозор и патриотизм	Дисциплинированность Субординация Честь Мужество Смекалка Верность присяге и воинскому долгу Высокий уровень выучки Организованность Целеустремленность Физическая и духовная сила Исполнительность Профессионализм Морально-волевые характеристики
		Единство с общей политической линией государства Информативность в сочетании с соображениями защиты государственной тайны Более тщательный подбор языковых средств	
5	Стратегии	Стратегии дипломатического дискурса	Стратегии военного дискурса
		Совместимости Дискредитации Самопрезентации Убеждения Контроля и распределения инициативы Неискренности Эмоционально настраивающие стратегии Конструктивные (приспособление, конкуренция, сотрудничество, компромисс) Деструктивные (обман, давление)	Стратегия дифференциации своих и чужих Презентационная стратегия Манипуляционная стратегия Стратегия убеждения Игровая стратегия Стратегия создания информационной напряженности Персуазивная стратегия Презентационно-театральная стратегия Контролирующая стратегия Оценивающая стратегия
6	Тематика	Наиболее актуальные события, связанные с национальной обороной Ответ на внешние провокации или вызовы Международное военное сотрудничество	
7	Жанры	Заявление Брифинг Комментарий Пост в социальных сетях	
8	Дискурсивные формулы	Дискурсивные формулы дипломатического дискурса	Дискурсивные формулы военного дискурса
		Этикетные формулы Стандартные формулировки и клише дипломатической коммуникации Соответствующий терминологический аппарат	Констатация того или иного проблемного аспекта военно-политического конфликта Сравнение Спецификация той или иной проблемы конфликта Формулирование выводов Тропы Интеграция элементов военного дискурса в «гражданскую» коммуникацию
9	Прецедентные тексты	Публикации в социальных сетях и на официальных порталах ведомства Тексты пресс-конференций, брифингов и официальных заявлений	

широкая общественность внутри страны и за ее пределами. В рамках данного исследования роль агента военно-дипломатического дискурса играет Министерство обороны КНР в лице его спикеров: старшего полковника У Цяня (吴谦) и старшего полковника Чжан Сяогана (张晓刚). Клиентами же выступает его «аудитория»: журналисты, граждане Китая, представители военных ведомств иностранных государств, т. е. все, кто так или иначе потребляют данный контент.

Хронотоп военно-дипломатического дискурса одновременно и ограничен конкретными пространственно-временными рамками (регламент пресс-конференции, ее место и время), и являются нефиксированными, так как и текст, и запись выступления в любой момент доступна онлайн, что позволяет абсолютно всем ознакомиться с ними независимо от времени суток, местонахождения и пр.

Цели военно-дипломатического дискурса включают в себя:

- объяснение действий военного ведомства;

张晓刚: 近期, 中国海军戚继光舰、井冈山舰访问了马来西亚、孟加拉国, 并技术停靠新加坡, 广泛组织专业交流、联合演练、舰艇开放等, 加强与到访国海军的交流、合作与互信, 为服务构建海洋命运共同体贡献积极力量 (31.10.2024).

Чжан Сяоган: Недавно корабли ВМС Китая Ци Цизуан и Цзинганшань зашли в Малайзию и в Бангладеш и сделали техническую остановку в Сингапуре. Они организовали обширные профессиональные обмены, совместные учения, открытия кораблей и т. д. для укрепления обменов, сотрудничества и взаимного доверия с военно-морскими силами посещаемых стран и внесения вклада в построение сообщества единой судьбы на море;

- освещение официальной позиции Министерства по каким-либо вопросам;

加军舰在台湾海峡滋扰搅局, 向“台独”分裂势力释放错误信号, 严重危害台海和平稳定 (03.08.2024).

Присутствие кораблей ВМС Канады в Тайваньском проливе носит деструктивный характер, подает ложные сигналы сепаратистским силам, выступающим за «независимость Тайваня», и серьезно угрожает миру и стабильности в Тайваньском проливе;

- формирование имиджа, необходимого ведомству и государству;

中方的太空政策清晰明确, 我们一向坚持和平利用太空, 愿同所有和平利用太空的国家一道, 加强交流、深化合作、为维护太空持久和平与共同安全作出贡献 (19.03.2024).

Космическая политика Китая ясна и недвусмысленна. Мы всегда придерживались мирного использования космоса и готовы работать со всеми странами, которые мирно используют космос, для укрепления обменов, углубления сотрудничества и содействия поддержанию прочного мира и общей безопасности в космосе.

- целенаправленное воздействие на свою и (или) на зарубежную аудиторию;

美国一味强化亚太前沿军事部署, 不会给地区带来和平与安宁, 只会制造紧张与对抗。我想说的是, 美国所作所为不得人心, 若其真把中国当对手, 那终将是致命的错误 (31.10.2024).

Усиление американского военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не принесет мира и спокойствия, а лишь создаст напряженность и конфронтацию. Я хочу сказать, что то, что сделали Соединенные Штаты, непопулярно. Если США действительно будет относиться к Китаю как к противнику, это в конечном итоге станет фатальной ошибкой.

Ценности военно-дипломатического дискурса во многом дублируют ценности дискурс-основ. От военного дискурса военно-дипломатический дискурс перенимает верность присяге, высокие профессионализм, мужество и высокие морально-волевые характеристики [Шашок 2018].

根据年度训练计划, 中国人民解放军海军近日组织辽宁舰编队赴西太平洋等海域开展例行性训练。此次训练旨在提升部队实战能力, 符合相关国际法和国际惯例, 有关方没有必要过度解读 (20.09.2024).

В соответствии с ежегодным планом подготовки, ВМС Народно-освободительной армии Китая провели плановые учения авианосца «Ляонин» с авианосной ударной группой в западной части Тихого океана и других водах. Эти учения, направленные на повышение реальной боеспособности войск, соответствуют соответствующим нормам международного права и практики, и заинтересованным сторонам нет необходимости в их чрезмерной интерпретации.

Данный отрывок характеризует ВМС НОАК как хорошо вооруженный и высокотехнологичный вид вооруженных сил (далеко не все страны мира не могут похвастаться авианосцами и авианосными ударными группировками), подчеркивает правомерность действий Китая на море и позволяет создать образ военнослужащих, выполняющих государственную задачу и представляющих собой достойный образец для подражания.

От дипломатического дискурса сохраняются такие ценности, как знание правил дипломатической коммуникации и требований международных нормативно-правовых актов, умение найти компромисс, сдержанность, корректность и пр. (Волкова 2007).

我们敦促日方深刻汲取历史教训, 停止对华抹黑指责, 停止干涉中国内政, 在军事安全领域谨言慎行, 以实际行动取信于亚洲邻国和国际社会 (19.07.2024).

Мы призываем Японию извлечь уроки из уроков истории, прекратить очернять и обвинять Китай, прекратить вмешиваться во внутренние дела Китая, быть осторожными в своих словах и делах в области военной безопасности и предпринимать конкретные действия, чтобы завоевать доверие своих азиатских соседей и международное сообщество.

Яркий пример высказывания настоящего дипломата: емкого, лаконичного, без единого лишнего слова и возможности двоякой интерпретации.

К «новоприобретенным» ценностям относятся единство с общей политической линией государства, информативность в сочетании с соображениями защиты государственной тайны и более тщательный подбор языковых средств:

世界上只有一个中国，台湾是中国领土不可分割的一部分。两岸同胞是命运与共的骨肉兄弟，是血浓于水的一家人 (10.03.2022).

В мире существует только один Китай, и Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Соотечественники по обе стороны Тайваньского пролива – братья по плоти и крови с общей судьбой, семья, чья кровь гуще воды.

Минобороны не может выражать точку зрения, отличную от официальной позиции государства. Тайваньский вопрос – не исключение.

根据中蒙年度边防交往合作计划，11月10日，两军将在新疆昌吉回族自治州附近的中蒙边界地区举行“边防合作-2023”联合演练，以“制止边境违法犯罪行为中蒙联合行动”为课题，旨在提升两国边防部队联合打击边境走私和恐怖破坏活动，共同维护边境地区和平与安宁的能力，进一步深化两军务实交流合作 (09.11.2023).

В соответствии с ежегодным планом обмена и сотрудничества между Китаем и Монголией в области обороны границы, 10 ноября вооруженные силы двух стран проведут совместные учения «Сотрудничество в области обороны границы-2023» в приграничном районе Китая и Монголии недалеко от Чанцзи-Хуэйского автономного округа в Синьцзяне, чтобы «остановить Совместные китайско-монгольские операции против незаконной и преступной деятельности на границе». приграничных районах и дальнейшего углубления практических обменов и сотрудничества между вооруженными силами двух стран.

Министерство обороны балансирует между освещением определенных событий и сохранением в тайне сведений, находящихся под грифом секретности.

Стратегии военно-дипломатического дискурса в некоторой мере повторяют стратегии дискурсов. Важно упомянуть такие стратегии дипломатического дискурса, как стратегии «дискредитации, самопрезентации, убеждения, контроля и распределения инициативы, неискренности, эмоционально настраивающие стратегии» (Волкова 2007), а также «конструктивные (приспособление, конкуренция, сотрудничество, компромисс) и деструктивные (обман, давление) стратегии» [Ковальчук 2020].

在乌克兰问题上，中方始终坚持劝和促谈 (30.05.2024).

Что касается украинского вопроса, Китай всегда настаивал на содействии миру и переговорам.

Самопрезентация КНР как «голоса разума», призывающего мировое сообщество «жить дружно».

七国集团不停地拱火递刀、激化升级矛盾，还妄图向中方甩锅、转嫁责任，国际社会对此有目共睹 (31.10.2024).

Страны «Большой семерки» постоянно приносят огонь и ножи, обостряя конфликты, а также пытаются переложить вину и ответственность на Китай. Это очевидно для всех в международном сообществе.

Коммуникативная интенция данного высказывания заключается в создании негативного образа стран Запада, акцентировании внимания на деструктивном характере их действий, что позволяет Китаю выглядеть более выигрышно на их фоне.美方制造散布莫须有的“中国核威胁”，不过是掩盖自己以核维霸的险恶用心 (30.02.2022).

Фальсификация США необоснованной «китайской ядерной угрозы» является не чем иным, как прикрытием их стремления сохранить гегемонию с помощью ядерного оружия.

Пример убеждения мирового сообщества в далеко не благих намерениях американской стороны и необоснованности ее клеветы в адрес Китая.

Также военно-дипломатический дискурс характеризуется рядом стратегий военного дискурса. К ним относятся стратегия «дифференциации своих и чужих» [Фахрутдинова 2008], «презентационная стратегия» [Радевич 2016], «стратегия убеждения» [Соловьева 2018], «стратегия создания информационной напряженности, персуазивная стратегия, презентационно-театральная стратегия» [Федотов, Ковалев 2023], контролирующая и оценивающая стратегии и т. д.

我们敦促有关国家切实遵守国际关系基本准则，收起“教师爷”的做派，停止对他国内政指手画脚，为变乱交织的世界注入正能量 (21.02.2023).

Мы призываем соответствующие страны искренне соблюдать основные нормы, регулирующие международные отношения, отказаться от своего «учительского» поведения, прекратить диктовать внутренние дела других стран и принести положительную энергию в беспокойный мир.

Поведение оппонента оценивается как «учительское», что преподносит его аудитории как злоупотребление образом более старшего, опытного, но ложного товарища.

在核问题上，美方历来是拿着手电筒只照别人不照自己。美拥有全球最大的核武库，奉行首先使用核武器的政策，用核大棒恐吓讹诈他国，还肆意“玩火”搞核扩散，严重冲击全球战略安全稳定 (01.11.2024).

Что касается ядерной проблемы, Соединенные Штаты всегда держали в руках фонарик, чтобы светить только на других, а не на себя. Соединенные Штаты обладают крупнейшим ядерным арсеналом в мире, проводят политику применения ядерного оружия первыми, используют ядерную палку для запугивания и шантажа других стран, а также бессмысленно «играют с огнем», занимаясь распространением ядерного оружия, что серьезно повлияло на глобальную стратегическую безопасность и стабильность.

Подобные суждения позволяют создать напряженный фон вокруг позиции США по ядерному вопросу. Во-первых, США является одной из крупнейших мировых держав и во многом определяет международную политическую конъюнктуру. Во-вторых, в мире не может быть человека, которого бы не волновала и не касалась вероятность нажатия «ядерной кнопки».

Дискурсивные формулы также «наследуются»: от дипломатического дискурса сохраняются такие дискурсивные формулы, как этикетные клише, стандартные формулировки дипломатической коммуникации, а также соответствующий терминологический аппарат.

中国军队始终保持高度戒备，坚决捍卫国家主权安全和海洋权益 (15.05.2024).

Китайские военные всегда находились в состоянии повышенной боевой готовности и решительно защищали национальный суверенитет, безопасность, права и интересы КНР на море.

中方对此表示强烈不满和坚决反对 (14.07.2024).

По данному вопросу Китай выражает решительное недовольство.

澳国内一些人固守冷战思维和零和博弈观念 (12.09.2021).

Некоторые люди в Австралии цепляются за менталитет времен Холодной войны и концепции игры с нулевой суммой.

Также выступлениям официальных лиц НОАК присуще использование таких устойчивых фраз, как «*сначала я опубликую... сообщения в первую очередь я озвучу следующие... объявления и пр.*» 澳国防部官员公开鼓吹中国威胁论，对华无端指责攻击，充分暴露了其冷战思维和意识形态偏见 (11.09.2021).

Должностные лица Министерства обороны Австралии открыто пропагандируют теорию китайской угрозы и выдвигают беспочвенные обвинения и нападки в адрес Китая, что полностью разоблачает их менталитет и идеологические предубеждения времен холодной войны.

Данный отрывок позволяет провести четкую границу между «своими» и враждебно настроенными «чужими».

К дискурсивным формулам, полученным от военного дискурса, относятся «констатация того или иного проблемного аспекта военно-политического конфликта, сравнение, спецификация той или иной проблемы конфликта, формулирование выводов, использование тропов» [Назина 2018]. 荷方谎称执行联合国任务，在他国管辖的海空域炫耀武力，制造紧张局面，损害两国友好关系 (11.06.2024).

Нидерланды ложно заявляют, что выполняют миссии Организации Объединенных Наций, демонстрируют силу на море и в воздушном пространстве, находящемся под юрисдикцией других стран, создают напряженность и наносят ущерб дружественным отношениям между двумя странами.

Вопрос о нежелательных действиях нидерландской стороны «ставится ребром» – стратегия констатации проблемного аспекта.

美方频频对台售武，用台湾老百姓的血汗钱养肥自己的军工复合体，不惜把台湾变成“火药桶” (21.06.2024).

Соединенные Штаты часто продают Тайваню оружие, используют кровно заработанные деньги тайваньского народа для питания своего военно-промышленного комплекса и без колебаний превращают Тайвань в «пороховую бочку». 但菲方出尔反尔、背信弃义，妄图将仁爱礁非法“坐滩”军舰加固建成永久性设施 (24.03.2024).

Однако Филиппины нарушили свое обещание и попытались превратить незаконный «заход на мель» собственных военных кораблей на берег рифа Жэньай из случайности в закономерность. “台独”是台海和平稳定的最大毒瘤 (21.03.2024).

«Независимость Тайваня» – это самая большая злокачественная опухоль для мира и стабильности в Тайваньском проливе.

Важную роль в военно-дипломатическом дискурсе играют метафоры, что обусловлено их «семантической и эмоциональной силой воздействия и в полной мере отражает коммуникативные интенции автора коммуникативного сообщения» (Калинин 2018, с. 55). В особенности это касается «новых» метафор («пороховая бочка», «сесть на мель» вместо «зайти на Филиппины», «ракковая опухоль» etc.), которые менее привычны для аудитории и характеризуются более сильным влиянием на реципиента, нежели привычные / «конвенциональные» метафоры [Калинин 2020, с. 104]. 民进党当局为一己私利搞“台独”、制造社会恐慌，挑动两岸对立对抗。无论搞什么花样，都是毫无意义的，也是必将失败的 (01.11.2024).

Власти Демократической прогрессивной партии преследуют «независимость Тайваня» в своих корыстных интересах, создавая социальную панику и провоцируя конфронтацию между двумя сторонами пролива. Какие бы трюки вы ни пробовали, они бессмысленны и обречены на провал.

Министерство обороны открыто дает отрицательную оценку политике руководства Тайваня и уверяет, что все их козни и злые происки тщетны.

Тематика военно-дипломатического дискурса охватывает наиболее актуальные события, связанные с национальной обороной, международным военным сотрудничеством, ответную реакцию на провокации или вызовы и т. д.: 美日试图通过打“台湾牌”来实现其“以台制华”的政治图谋，注定是难以成真的黄粱一梦。美日在台湾问题上闹得越欢，我们维护国家主权和领土完整的行动就会出手越硬 (11.03.2022).

Попытки США и Японии разыграть «тайваньскую карту» для реализации своего политического замысла «использования Тайваня для сдерживания Китая» обречены на провал. Чем больше разногласий между Соединенными Штатами и Японией возникнет по поводу тайваньского вопроса, тем жестче будут наши действия по защите национального суверенитета и территориальной целостности.

Тайваньский вопрос – извечная «больная мозоль» Китая, на которую регулярно стараются наступить его оппоненты на мировой политической арене. 11月5日至10日, 中国国防部将在广州举办第四届中非和平安全论坛军事医学专题会议, 来自非洲20多个国家军队卫生部门领导、医学专家参加 (31.10.2024).

С 5 по 10 ноября Министерство национальной обороны Китая проведет в Гуанчжоу Четвертый китайско-африканский форум мира и безопасности по военной медицине, в котором примут участие руководители департаментов военного здравоохранения и медицинские эксперты из более чем 20 африканских стран.

Сотрудничество КНР и Африки – важная часть внешней политики, имеющая отношение ко всем министерствам и ведомствам Китая, в том числе к НОАК.

К жанрам военно-дипломатического дискурса относятся официальные заявления, брифинги, посты и комментарии в социальных сетях на аккаунтах военных ведомств.

Прецедентные тексты включают в себя публикации в социальных сетях и на официальных пор-

талах ведомства, тексты пресс-конференций, брифингов и официальных заявлений.

Выводы

Военно-дипломатический дискурс является итогом синтеза военного и дипломатического дискурса, что позволяет ему перенять определенные характеристики дискурс-основ и при этом приобрести новые несвойственные военному и дипломатическому дискурсу отличительные черты.

По аналогии со своими дискурс-основами военно-дипломатический дискурс носит институциональный характер, что обусловлено его существованием в рамках коммуникативного пространства института публичной военной дипломатии. Соответствие системе критериев В.И. Карасика также свидетельствует об институциональном характере военно-дипломатического дискурса.

Будучи относительно новым и неизученным понятием военно-дипломатический дискурс требует дальнейшего исследования с точки зрения дискурсивной науки.

Материалы исследования

国防部举行信息支援部队成立专题新闻发布会 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/zjtzh/16302133.html>.

解放军和武警部队代表团新闻发言人: 对“台独”绝不姑息 // 中华人民共和国国防部. URL: 露头就打. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/zjtzh/4906556.html>.

2024年10月国防部例行记者会文字实录 // 中华人民共和国国防部. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/lxjzh_246940/16348727.html.

国防部新闻发言人吴谦就美国对台军援答记者问 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/fyrthhdjzw/16343268.html>.

国防部新闻发言人张晓刚就日本政府2024年版《防卫白皮书》答记者问 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/fyrthhdjzw/16325451.html>.

国防部新闻发言人张晓刚就荷兰海军舰载直升机挑衅答记者问 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/fyrthhdjzw/16315147.html>.

中蒙将举行“边防合作-2023”联合演练 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/rcfb/16266685.html>.

国防部新闻发言人吴谦就美新一轮对台军售答记者问 // 中华人民共和国国防部. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/fyrthhdjzw/16317468.html>.

Волкова 2007 – Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 24 с.

Библиографический список

Баландина 2024 – Баландина Е.С. Гибридный дискурс: конституирующие признаки географических очерков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 2. С. 573–578. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240082>.

Великая 2019 – Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 500–517. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.407>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjzqmb>.

Калинин 2018 – Калинин О.И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 55–59. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl18-06-07>. EDN: <http://elibrary.ru/yswpyd>.

Калинин 2020 – Калинин О.И. Метафоричность текстов публичных выступлений Си Цзиньпина // Социоллингвистика. 2020. № 3 (3). С. 101–112. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-3-3-101-112>. EDN: <http://elibrary.ru/sszx1k>.

Карасик 2000 – Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwhliz>.

Ковальчук 2020 – Ковальчук О.В. Коммуникативные стратегии и тактики публичного дипломатического дискурса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 2 (38). С. 124–131. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.38.2.15>.

Назина 2018 – Назина Г.А. Характеристики военного дискурса в англоязычных СМИ // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 19–20 апреля 2018 г.: в 4 ч. Минск: МГЛУ, 2018. Ч. 3. С. 180–183. URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/553>.

Подберезкин 2016 – Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель. 2016. № 12 (323). С. 15–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27509097>. EDN: <http://elibrary.ru/xdznhx>.

Радевич 2015 – Радевич В.В. Явление манипуляции в военном дискурсе // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России: сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Новосибирск, 28 декабря 2015 года / под общ. ред. С.А. Куценко. Т. 2. Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 340–342. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25745041>. EDN: <http://elibrary.ru/vrjvuv>.

Свечин 1927 – Свечин А.А. Стратегия. 1-е изд. Москва: Военный вестник, 1927. 265 с. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html>.

Соловьева 2018 – Соловьева Е.А. Аргументативные стратегии современного французского военного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 2. С. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.11>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsqchj>.

Фахрутдинова 2008 – Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 2. С. 259–266. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11482181>. EDN: <http://elibrary.ru/jrgwtl>.

Федотов, Ковалев 2023 – Федотов И.И., Ковалев Л.Н. Специфика коммуникативных стратегий военно-политического дискурса в информационной среде (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 4. С. 1264–1273. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230198>. EDN: <http://elibrary.ru/kiecws>.

Харкевич 2017 – Харкевич М.В. Военное измерение публичной дипломатии // Публичная дипломатия: теория и практика. Москва: Аспект Пресс, 2017. С. 21–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30709789>. EDN: <http://elibrary.ru/zwaovh>.

Шашок 2018 – Шашок Л.А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 116–119. URL: <http://clar.uspu.ru/bitstream/uspu/10654/1/plin-2018-06-16.pdf>.

Яковенко 2023 – Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая Внешнеполитическая концепция. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023. 143 с. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/6881/КНИГА_ГЕОПЕРЕЛОМ_И_РОССИЯ.pdf.

References

Balandina 2024 – Balandina E.S. (2024) Hybrid discourse: Constitutive features of geographic essays. *Philology. Theory & Practice*, vol. 17, issue 2, pp. 573–578. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240082>. (In Russ.)

Velikaya 2019 – Velikaya A.A. (2019) Russian – US public diplomacy: comparative aspects and dialogue prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 12, no. 4, pp. 500–517. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.407>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjqzmb>. (In Russ.)

Kalinin 2018 – Kalinin O.I. (2018) Metaphorical Image of Chinese People's Liberation Army in Chinese mass media. *Political Linguistics*, no. 6 (72), pp. 55–59. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl18-06-07>. EDN: <http://elibrary.ru/yswpyd>. (In Russ.)

Kalinin 2020 – Kalinin O.I. (2020) Metaphorical power of Xi Jinping's public speeches. *Sociolinguistic Studies*, no. 3 (3), pp. 101–112. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-3-3-101-112>. EDN: <http://elibrary.ru/sszx1k>. (In Russ.)

Karasik 2000 – Karasik V.I. (2000) On the types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers*. Volgograd, pp. 5–20. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwhliz>. (In Russ.)

Kovalchuk 2020 – *Kovalchuk O.V.* (2020) Communicative Strategies and Tactics of Public Diplomatic Discourse. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series «Pedagogy and Philology»*, no. 2 (38), pp. 132–137. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.38.2.15>. (In Russ.)

Nazina 2018 – *Nazina G.A.* (2018) Characteristics of military discourse in English-language media. In: *Proceedings of the annual scientific conference of university teachers and postgraduate students, April 19–20, 2018: in 4 parts*. Minsk: MGLU, part 3, pp. 180–183. Available at: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/553>. (In Russ.)

Podberezkin 2016 – *Podberezkin A.I.* (2016) Military force and the policy of the new public diplomacy. *Observer*, no. 12 (323), pp. 15–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27509097>. EDN: <http://elibrary.ru/xdznhx>. (In Russ.)

Radevich 2016 – *Radevich V.V.* (2016) Manipulation in military discourse. In: *Kutsenko S.A. (ed.) Directions and prospects for the development of education in Military Institutes of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: collection of scientific articles of the VII International research and practical conference: in 2 parts. Novosibirsk, December 28, 2015. Vol. 2*. Novosibirsk: Novosibirskii voennyi institut vnutrennikh voisk imeni generala armii I.K. Yakovleva Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, pp. 340–342. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25745041>. EDN: <http://elibrary.ru/vrjvuv>. (In Russ.)

Svechin 1927 – *Svechin A.A.* (1927) *Strategy*. 1st edition. Moscow: Voennyi vestnik, 265 p. Available at: <http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html>. (In Russ.)

Solovieva 2018 – *Solovyeva E.A.* (2018) Argumentative strategies in contemporary French military discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 17, no. 2, pp. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.11>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsqchj>. (In Russ.)

Phakhrutdinova 2008 – *Phakhrutdinova D.R.* (2008) Structuring the Genre Space of the Military Institutional Discourse. *Proceedings of the Kazan State University. Humanities Series*, vol. 150, no. 2, pp. 259–266. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11482181>. EDN: <http://elibrary.ru/jrgwtl>. (In Russ.)

Fedotov, Kovalev 2023 – *Fedotov I.I., Kovalev L.N.* (2023) Specific nature of the communication strategies of military-political discourse in the information environment (on the material of the English and Russian languages). *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, issue 4, pp. 1264–1273. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230198>. EDN: <http://elibrary.ru/kiecws>. (In Russ.)

Kharkevich 2017 – *Kharkevich M.V.* (2017) Military dimension of public diplomacy. In: *Public diplomacy: theory and practice*. Moscow: Aspekt Press, pp. 21–35. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30709789>. EDN: <http://elibrary.ru/zwaovh>. (In Russ.)

Shashok 2018 – *Shashok L.A.* (2018) Peculiarities of military discourse (on the basis of linguistic research done by Russian scholars). *Political Linguistics*, no. 6 (72), pp. 116–119. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10654/1/plin-2018-06-16.pdf>. (In Russ.)

Yakovenko 2023 – *Yakovenko A.V.* (2023) Geopolitical turning point and Russia. What the new Foreign policy concept says. Moscow: Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii, 143 p. Available at: https://www.dipacademy.ru/documents/6881/КНИГА_ГЕОПЕРЕЛЮМ_И_РОССИЯ.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811-11-112

Дата поступления: 15.02.2025
рецензирования: 20.03.2025
принятия: 02.06.2025

**Милитарный дискурс в немецкоязычных хрониках XV–XVI вв.
(на материале «Бернских хроник» Д. Шиллинга и В. Ансельма)**

А.Е. Дунаев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: held@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1593-889X>

Аннотация: Популярным жанром городской литературы позднего Средневековья в немецкоязычном ареале являлись хроники. Как синкретический жанр, они сочетали каноны канцелярской письменности и стилистические образцы традиционных «всемирных» хроник, оказав влияние на язык не только историографических, но и обширного пласта познавательных текстов. Некоторые из (городских) хроник представляют собой значимые лингвистические и историко-культурные памятники своей эпохи. Это, в частности, «Бернская хроника» Д. Шиллинга (XV в.) и одноименный труд В. Ансельма (XVI в.), посвященные Бургундским войнам (1474–1477 гг.) – серии значимых для истории Европы военных конфликтов между Бургундским герцогством и Швейцарским союзом. Хроника Шиллинга представляет преимущественно милитарный тип дискурса, а хроника Ансельма – это полидискурсивный тип, сочетающий информационный, политический и в меньшей степени милитарный дискурсы. Цель статьи – проанализировать используемую в обеих хрониках военную лексику как важнейший маркер милитарного дискурса, а также языковую репрезентацию и трактовку хронистами протагонистов войны. В работе применяются методы описательного, контекстуального и когнитивно-семантического анализа. Данное исследование актуально как для исторического жанроведения, так и для уточнения параметров военного дискурса в диахронии. Хотя в тексте хроники Шиллинга военная лексика играет значительную роль ввиду обилия батальных сцен, однако она не содержит оценочных или объективных характеристик и не связывается с какой-то из сторон конфликта. Карл Смелый как центральная фигура представлен хронистами как надменный и тиранический правитель, однако Шиллинг описывает его личность в более темных тонах, чем Ансельм. У Ансельма главным «кукловодом» ситуации конфликта выступает Людовик XI, умело манипулировавший швейцарцами. Различие в трактовке и описании событий и их участников обусловлено как биографией хронистов как языковых личностей, так и основной индивидуальной интенцией – установкой на легитимацию у Шиллинга и задачей информирования у Ансельма.

Ключевые слова: Бургундские войны; хроника; швейцарцы; репрезентация; номинация; милитарный дискурс; ранненовонаемецкий язык; дискурсивный маркер.

Цитирование. Дунаев А.Е. Милитарный дискурс в немецкоязычных хрониках XV–XVI вв. (на материале «Бернских хроник» Д. Шиллинга и В. Ансельма) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 145–156. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-145-156>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Дунаев А.Е., 2025

Арсений Евгеньевич Дунаев – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2025
Revised: 20.03.2025
Accepted: 02.06.2025

**Military discourse in the German-language chronicles of the XV
and XVI centuries (based on the «Bernese Chronicles» by D. Schilling and V. Anshelm)**

A.E. Dunaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: held@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1593-889X>

Abstract: Chronicles were a popular genre of urban literature of the late Middle Ages in the German-speaking area. Being a syncretic genre, they combined the canons of chancellery writing and stylistic patterns of traditional «world» chronicles and influenced the language of not only historiographical, but also a vast layer of informative texts. Some of the (urban) chronicles represent significant linguistic and historical-cultural monuments of the respective period. Such are, in particular, the Bernese Chronicle by D. Schilling (XV century) and the work of the same name by V. Anshelm (XVI century), dedicated to the Burgundian Wars (1474–1477). We consider Schilling's chronicle to be a representative of

a mainly militaristic type of discourse, Anshelm's chronicle to be a polydiscursive type combining informational, political and, to a lesser extent, militaristic discourses. The purpose of the article is to analyze in comparison the military vocabulary used as the most important marker of military discourse, as well as the linguistic representation and interpretation of the war protagonists in both chronicles. In the article, methods of descriptive, contextual, and cognitive-semantic analysis are used for this purpose. This study is relevant both for historical genre studies and for clarifying the parameters of military discourse in diachrony. Although military vocabulary plays a significant role in Schilling's chronicle due to the plentitude of battle scenes, however, it has not any evaluative character, but objective in nature and is not associated with any side of the conflict. Charles the Bold is portrayed by chroniclers as an arrogant and tyrannical ruler, but Schilling describes him in darker tones than Anshelm. Anshelm's main puppeteer is Louis XI, who skillfully manipulated the Swiss. Both chroniclers gloss over Bern's expansionist aspirations. The difference in the interpretation of events and their participants is due to both the biography of the authors and their individual intention – legitimization by Schilling and information by Anshelm.

Key words: Burgundian wars; chronicle; Swiss; representation; Early High German language; nomination; military discourse; marker.

Citation. Dunaev A.E. Military discourse in the German-language chronicles of the XV and XVI centuries (based on the «Bernese Chronicles» by D. Schilling and V. Anshelm). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 145–156. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-145-156> (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Dunaev A.E., 2025

Arseny E. Dunaev – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

Введение

В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV–XVI вв.) именно хроники послужили наиболее плодотворной основой для развития жанрово-стилевой системы немецкого литературного языка [Дубинин 2000, с. 97], в частности в его юго-западном ареале (Швабия, Эльзас, Швейцария).

В репрезентативной для рассматриваемой эпохи швейцарской историографии XV–XVI вв. ведущую роль играют хроники города Берна [Zahnd 2013, S. 704]. Это обусловлено как военной и экономической мощью Бернского кантона, утвердившегося в составе конфедерации в конце XIV века, так и сознательной политикой горсовета по формированию собственной историографической и письменно-литературной традиции. Центральное место здесь принадлежит трехтомной официальной «Бернской хронике» Дибольда Шиллинга-старшего (Amtliche Berner Chronik, 1483 г.).

Ее третий том¹ посвящен Бургундским войнам (1474–1477 гг.) – серии военных конфликтов между «великим герцогом Запада» (как именовали себя герцоги Бургундии) Карлом Смелым, с одной стороны, и Швейцарской конфедерацией, союзом верхне-рейнских городов и герцогом Австрийским (поддерживаемых королем Франции) – с другой. По количеству политических субъектов, вовлеченных в этот конфликт, и влиянию на последующую расстановку сил в Европе Бургундские войны считаются одним из важнейших событий второй половины XV века. Хроника Шиллинга приобрела широкую известность в швейцарском ареале, оказав большое влияние на историографию конфедерации [Schmidt 2016, S. 282]. Это обусловлено и ее ментальным «интегрирующим потенциалом», позволявшим коммуна Швейцарии сплотиться

перед лицом экспансии внешнего врага – Карла Смелого [Himmelsbach 1999, S. 57].

Менее известна следующая по времени хроника Берна – четырехтомный труд, заказанный Советом городскому врачу В. Ансельму в 1529 г. и завершённый им в 1546 г. Несмотря на свои художественные достоинства, эта хроника была доступна лишь ограниченному кругу лиц, поэтому число ее копий в частных библиотеках невелико [Zahnd 2005, S. 43]. Тем не менее Ансельм считается самым влиятельным бернским историографом XVI в., а его труд использовался в том числе крупным бернским хронистом XVII века М. Штеттлером. Написанная гуманистическим стилем, эта хроника обладает также несомненными художественно-литературными достоинствами.

Поскольку повествование в «Бернской хронике» Д. Шиллинга в основном посвящено Бургундским войнам и их предыстории с подробным описанием военных действий, ее следует отнести к репрезентантам милитарного (военного) дискурса. Милитарный дискурс является разновидностью институционального (статусно-ориентированного) типа [Дубинин 2024, с. 51] и представляет собой интердискурсивную, когнитивно-коммуникативную систему, включающую в себя совокупность устных и письменных текстов о войне и для войны [Епифанова 2024, с. 137]. Важно, что авторская интенция Д. Шиллинга – не просто подробное информирование читателей и слушателей, т. к. многие официальные хроники зачитывались на заседаниях горсовета и даже на площадях [Дунаев 2020, с. 146], а формирование определенной картины недавнего прошлого с отчетливой аксиологической составляющей. Это делалось как с целью легитимации определяемой горсоветом общегородской политики, так и для консолидации городской коммуны, с одной стороны, и всей швейцарской конфедерации – с другой. Иными словами, целью автора хроники

¹ Он идентичен т. н. «Большой бургундской хронике» (см. далее).

являлось формирование локального и национального патриотизма.

В отличие от Шиллинга, для Ансельма Бургундские войны были лишь эпизодом, хотя и немаловажным, в истории Берна. Его основными интенциями являлись информирование и легитимация городской политики на протяжении нескольких веков существования города. Хроника Ансельма является воплощением полидискурсивности, синкретически объединив информационно-политический и в меньшей степени милитарный типы дискурса.

Обе рассматриваемые хроники попадали в поле зрения исторических и филологических изысканий в различных аспектах. Так, Г. Химмельсбах анализирует отношение авторов (оценочность) немецкоязычных хроник 1477–1484 гг. – в том числе Д. Шиллинга – к Бургундским войнам [Himmelsbach 1999]. У.М. Цанд рассматривает биографии двух бернских хронистов XVI и XVII вв. – В. Ансельма и М. Штеттлера, исследуя обстоятельства создания и рецепции их трудов, анализируя содержание этих хроник в аспекте ценностных представлений авторов [Zahnd 2005]. В работе Цанда [Zahnd 2013] рассматривается хроникальный нарратив нарастания противоречий в отношениях между Швейцарской конфедерацией и Бургундским герцогом с конца 1460-х гг. и делается вывод, что бернский Совет стремился к войне в экспансионистских целях.

Р. Шмид описывает возникновение, основные формы и своеобразие швейцарской историографии позднего Средневековья в целом. Автор останавливается на сюжетах хроник и репрезентируемых в них лингвистическими средствами ценностных и нормативных представлениях эпохи [Schmidt 2016].

В современном отечественном историческом языкознании ранненововерхнемецкие историографические тексты не отмечены широким вниманием. Так, в ряду прочих литературных памятников две хроники XV в. рассматриваются в аспекте становления немецкого литературного языка в основополагающем труде М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк [Гухман, Семенюк 1983]. С позиции ареальной лингвистики анализируются диалектные рефлексy в языке трех немецких хроник XVI века юго-западного ареала [Дубинин 2000].

Наметившееся расширение исследовательского поля традиционной истории языка дискурсивной перспективой отражено в монографии на материале английского языка [Историческая динамика... 2017]. Здесь разрабатывается методология исторической дискурсологии и рассматривается динамика характеристик англоязычного новостного дискурса. На основе когнитивно-семантического подхода и методов корпусной лингвистики делаются выводы об особенностях семантической репрезентации событий и их участников, в том числе в диахронии. Предлагаемый подход представляется весьма перспективным и для исследования историографических текстов различных жанров.

Исследование наиболее репрезентативных немецкоязычных хроник позднего Средневековья является актуальной задачей как для истории немецкого литературного языка, так и для исторической дискурсологии, формирующейся на стыке исторической прагматики, исторической стилистики, исторической лингвистики текста. Анализ позволяет выявить также такой параметр хроникального дискурса, как оценочность, проявляющийся прежде всего на лексическом уровне.

В данной статье анализируются милитарная лексика² в плане ее семантики и стилистических признаков, а также языковая репрезентация и номинации участников военных действий в хрониках Шиллинга и Ансельма. Исследование проводится в дискурсивном ключе, т. е. с привлечением экстралингвистического контекста – биографий авторов, сведений о военном деле в позднее Средневековье и событиях Бургундских войн.

Оба текста хроник написаны на ранненововерхнемецком письменно-литературном языке и отмечены незначительными вкраплениями швейцарского диалекта на лексическом и грамматическом уровнях.

Важно отметить и текстологические особенности памятников. Созданные в XV–XVI вв., они, несмотря на широкую известность, были напечатаны лишь в конце XIX в. (см. далее). Хроника Д. Шиллинга была завершена в 1483 г. Ее третий том, исследуемый нами, был переиздан Г. Тоблером в двух частях в Берне в 1897–1901 гг. общим объемом 890 страниц. Хроника В. Ансельма была написана в 1529–1546 гг. в четырех томах. Мы привлекаем в исследовании первый том этого труда, изданного Э. Блёмом в Берне в 1884 г. объемом 441 страница. Для семантического анализа текстов мы использовали корпус словарей средневерхнемецкого и ранненововерхнемецкого языков, а также этимологические словари.

Биографии хронистов, история создания и рецепция текстов

Поскольку дискурс – это текст плюс контекст, для понимания авторских интенций необходимо рассмотреть языковую личность автора.

Дибольд Шиллинг-старший (1436/1439 – ок. 1486) родился в Хагенау в Эльзасе (юго-западный языковой ареал). Получив образование в рукописной мастерской Д. Лаубера в Хагенау, с 1456 по 1460 г. он служил в канцелярии города Люцерна (HLS). В 1460 г. он переселился в Берн, в 1468 г. вошел в Большой совет, а с 1481 г. и до кончины занимал пост судебного секретаря. Шиллинг был непосредственным участником Бургундских войн, знал военное дело. Так, он сражался в битве при Муртене в 1476 г. и посещал в ходе войны Страсбург с дипломатическими поручениями от бернского Совета [Himmelsbach 1999, S. 34].

² Только в хронике Шиллинга, т. к. этот текст посвящен непосредственно Бургундским войнам.

В 1474 г. Шиллинг получил заказ на написание хроники от горсовета Берна [Himmelsbach 1999, S. 32–33]. Первые два ее тома труда представляют собой компиляцию более ранних бернских хроник (К. Юстингера, Б. Чактлана), что отражало традицию городской хронистики. Третий том, где излагаются события 1468–1480 гг., основан на записях Шиллинга, сделанных им по личной инициативе [Walder 1986, S. 97]. Эта первоначальная версия, охватывавшая период 1473–1477 гг., впоследствии получила название «Малая бургундская хроника», но ее автограф не сохранился [Himmelsbach 1999, S. 25]. Шиллинг переработал, расширив ее до 1480 г., после чего ознакомил с ней ратманов. По их указаниям эта вторая версия была скорректирована и в качестве третьей версии вошла в третий том официальной бернской хроники [Walder 1986, S. 88].

Однако исследователи считают создание второй версии «эволюционным» процессом, когда первая версия (Малая бургундская хроника) зачитывалась автором на встречах общества zum Narren und Distelzwang – к которому принадлежала верхушка Берна, и правилась по указаниям ратманов и участников Бургундских войн. Представленная в официальной «Бернской хронике» версия считается второй. Тогда как рукопись, впоследствии проданная вдовой Шиллинга в Цюрих и получившая название «Большая Бургундская хроника» (по месту хранения – «Цюрихский Шиллинг») признается отдельным произведением, в основном совпадающим с бернской версией [Himmelsbach 1999, S. 33]. Очевидно, что мотивом заказа новой хроники Советом Берна и правки содержания были стремлением изложить свою трактовку причин и хода войны швейцарцев с Карлом Смелым.

Второй бернский хронист – Валерий Ансельм, родился около 1475 г. в Ротвейле, Швабия. Он учился в университете Кракова и в 1492 г. получил степень магистра искусств [Zahnd 2005, S. 39]. В Берне, где он поселился, горсовет назначил его руководителем городской латинской школы, а в 1509 г. городским врачом. В 1525 г. из-за разногласий с ратманами на конфессиональной почве Ансельм, ставший к тому времени ревностным протестантом, вернулся в родной город. Но в 1529 г., когда в Берне победила Реформация, он принял предложение горсовета написать продолжение хроники Д. Шиллинга-старшего, т. е. от Бургундских войн и вплоть до Реформации (HLS). В Берне Ансельм прослужил официальным городским хронистом до своей смерти в 1547 г.

К работе хрониста Ансельм подошел ответственно: он опирался не только на труды своих предшественников Юстингера и Шиллинга-старшего, но и на свидетельства современников, привлекая архивные документы Берна и других швейцарских городов [Zahnd 2005, S. 38]. По завершении хроники ратманы объявили автору благодарность, приказав переписать труд начисто на пергаменте. Интересно, что не был переписан только последний – четвертый – том, повеству-

ющий о современных автору событиях 1525–1536 гг. и сохранившийся в отрывках [Zahnd 2005, S. 43].

С различиями биографий связано и различие интенций хронистов. Шиллинг, с молодости живший в Берне, служивший городу и на гражданском, и на военном поприще и постепенно поднимавшийся по иерархической лестнице, был заинтересован в легитимации, даже прославлении городской политики. Ансельм, хотя и служивший Берну, более следовал своим (религиозным) убеждениям, нежели мирским расчетам. Ревностным протестантом он предстает и в своей хронике, отнюдь не льстя власть имущим в Берне. Основной интенцией его как хрониста следует считать информирование с выраженной дидактической компонентой, вторичной – легитимацию.

Военное дело в Западной Европе Позднего Средневековья

Милитарные тексты посвящены войне, поэтому необходим краткий очерк военного дела в Европе рассматриваемого периода.

Военное дело на исходе Средневековья (XIV–XV вв.) постепенно видоизменялось. Основу войск большинства государств Западной Европы по-прежнему составляло рыцарское ополчение, дополненное набираемыми из горожан или крестьян пехотинцами. Однако, поскольку вассалы были обязаны нести военную службу лишь определенное число дней в году, сюзерены и города были заинтересованы в наемниках (Soldner, Reisläufige), готовых служить круглогодично при регулярной оплате. Роль пехоты возрастала, а благодаря развитию вооружения (в частности, использования длинных копий и луков), совершенствованию тактики боя пехотинцы стали способны побеждать рыцарскую конницу. Впервые это проявилось в «битве шпор» при Куртре в 1302 г., когда состоявшее из пеших простолюдинов фламандское войско разбило цвет французского рыцарства.

Успеху пехоты способствовало и развитие появившегося в конце XIV в. огнестрельного оружия, ставшего к середине XV в. важным фактором на поле боя. Так, именно артиллерия помогла французскому войску одержать окончательную победу над англичанами в положившей конец Столетней войне битве при Кастийоне. Первым огнестрельным оружием стали ручные и стационарные кулеврины (фр. *couleuvrine*, «змеевидный», нем. *Büchse/Handbüchse/Handrohr*). Их отливали из бронзы калибром от 12,5 до 35 мм с длиной ствола от 1,9 до 6,0 м. Ручные кулеврины – длинные гладкоствольные шести- или восьмигранные трубки с «хвостом» на конце стреляли свинцовыми пулями, при этом их держали под мышкой или упирали в землю с помощью специальной опоры (рис. 1).

Совершенствование ручной кулеврины привело в XV в. к появлению аркебузы (фр. *arquebuse*, нем. *die Hakenbüchse*³), отличавшейся эргономич-

³ Этот композит буквально означает «ствол с крюком».

ным прикладом, удлиненным стволом и фитильным замком со спусковым механизмом.

Рис. 1. Осадная ручная кулеврина
Fig. 1. Siege hand culverin

Калибр «полевых» кулеврин (нем. die Feldschlange⁴, die Kalverine) как прототипов пушек колебался от 3,5 см (т. н. серпантина от фр. serpentine змеиная) до 13 см (рис. 2). До середины XVI в. пушечные ядра были каменными, а после изобретения литья из железа распространились железные ядра, имевшие меньший калибр при прежней массе.

Рис. 2. Трофейные бургундские серпентины
(ил. из хроники Д. Шиллинга)
Fig. 2. Trophy Burgundian serpentines (illustration
from the chronicle of D. Schilling)

В XIV–XV вв. все большую славу в Европе приобретала швейцарская пехота, не раз наносившая поражения австрийским войскам Габсбургов (сражения при Моргартене в 1315 г. и при Земпахе в 1386 г., после последнего австрийский герцог отказался от сюзеренитета над швейцарскими кантонами, фактически признав их независимость). Как основа швейцарской армии, она набиралась по милиционному принципу, при этом военную подготовку проходили все мужчины кантонов. Тактическое превосходство швейцарцев основывалось на новой боевой формации – квадратной баталии (der Gevierthaufen) с глубоким построением, чис-

ленность которой могла достигать многих тысяч человек (рис. 3). Наступательный боевой порядок швейцарцев состоял из трех баталий: авангарда (der Vorhut), центральной баталии (der Gewalt-/Schlachthaufen) и служившего резервом арьергарда (der Nachhut) [Калмыков 2012, с. 57–58].

Рис. 3. Квадратная баталия швейцарцев (слева)
Fig. 3. Swiss square battle (left)

Внешние шеренги баталий состояли из копеечников с копьями длиной до 6 м, внутренние ряды – из вооруженных двухметровыми алебардами, мечами и кинжалами воинов. После того как передние ряды с помощью упертых в землю копей останавливали натиск вражеской конницы и пехоты, продельвая бреши в рядах противника, вперед устремлялись воины из центра баталии, вступая в ближний бой. Отдельно действовали стрелки: лучники, арбалетчики, позднее и стрелки из ручных кулеврин, которые при опасности прямого столкновения с противником укрывались внутри основной баталии (HLS).

Важнейшим достоинством швейцарских баталий была способность маневрировать на поле боя, чем не отличалось традиционное феодальное ополчение. Швейцарцы обладали дисциплиной и высоким моральным духом, сражаясь на родной земле, защищая независимость и свои дома (HLS).

Противостоявшее швейцарцам бургундское войско при Карле Смелом тоже претерпело значительную трансформацию. Поскольку унаследованная герцогом армия не отвечала его честолюбивым замыслам, он провел обширные преобразования. Основу армии составили ордонансные роты (идея заимствована из Франции), включавшие тяжелую и легкую конницу (состоявшие, соответственно, из жандармов и кутилье), пехоту и вспомогательный персонал. С момента созыва ордонансные роты содержались герцогом, а в мирное время – за счет его вассалов [Калмыков 2012, с. 54]. Бургундская артиллерия считалась лучшей в Западной Европе, по крайней мере до поражения при Грансоне 1476 г. [Чиняков 2001, с. 12], когда швейцарцы захватили обоз бургундцев, включая самые современные пушки. Герцог активно привлекал наемные контингенты, в частности снискавших славу английских лучников и итальянских кондотьеров. Однако такая разношерстность состава обернулась слабостью: части бургундского войска плохо взаимодействовали между собой, общая дисциплина и

⁴ Название образовано путем метафоры по сходству: ствол орудия своей длиной и малой толщиной напоминал туловище змеи. Сходство добавляло то, что ствол, изготовленный из бронзы, со временем зеленел.

слаженность формирований оставались на низком уровне. Итогом стал трехкратный разгром армии Карла Смелого швейцарцами и их союзниками в битвах при Грансоне и Муртене (1476 г.) и при Нанси (1477 г.). Слава швейцарской пехоты еще более возросла, а ореол ее непобедимости (уже в роли наемников) был развеян только в битве при Мариньяно в 1515 г.

Лексические маркеры военного дискурса у Д. Шиллинга

Поскольку значительная часть хроники Шиллинга, написанной в опоре на его личный опыт, посвящена описанию военных действий, стычек и походов, она изобилует военной лексикой. Для наглядности мы разбили ее на три тематические группы: обозначения комбатантов, военных действий и военного снаряжения (в последнюю группу включены и наименования укреплений). Если первая группа представлена преимущественно существительными (в меньшей степени – прилагательными), то вторая группа – глаголами и отглагольными существительными, а третья – только существительными.

Руководство военным контингентом Берна во время бургундских войн было коллегияльным. Во главе стояли четыре военачальника: два представителя дворянских семей и два от т. н. «обществ» (die Gesellschaften), являвшихся в Берне аналогом цехов [Himmelsbach 1999, S. 185]. Двое первых именуются композитом *houptlut(e)* («главные люди»), например: Und warent **houptlut** von Bern herr Adrian von Buobenberg, ritter (B1, S. 18); und brachtent die den **houptluten** von Bern (B1, S. 21). Представители цехов именуются *venner* «знаменосцы»: und was **venner** Peter Bomgarter (B1, S. 32); der was vorhin lange zit ein **venner** zuo Bern gesin (B1, S. 47).

Нейтральными лексемами для обозначения комбатантов служат синонимичные существительные *man*⁵ и *lute*⁶, например: und kamen an die **achzig man** (B1, S. 15). При необходимости автор с помощью предложных сочетаний уточняет, идет ли речь о пеших, или конных воинах, ср.: wol mit tusent **mannen zuo fus** und zweihundert **zuo ros** (B1, S. 37). Для наименования конницы и пехотинцев также могли использоваться композиты *rosvolk* и *fusvolk/vusvolk* соответственно, например: dann die von Bern ein merklich **rosvolk** hatten (B1, S. 19); und tribent das **vusvolk** vor inen dannen (B1, S. 380).

Не всегда понятно из контекста, обозначало ли слово *reisiger* **воин, всадник** пешего или конного воина, ср.: Das vierzig man von Eidgnossen me dann zweihundert **reisiger** ab dem veld slugen (B1, S. 26). Часто оно используется как прилагательное-определение в значении «вооруженный» (MHD),

⁵ В значении «бойцы» употребляется обычно в единственном числе, см. примеры.

⁶ Актуальное для данного текста значение – «вооруженные люди, солдаты одной из воюющих сторон» (FWB).

ср.: ein hauptman... des **reisigen zugs** (B1, S. 217). Однокорневая лексема *Reisläufig*, которая впоследствии (XVI–XVII вв.) обозначала пеших (швейцарских) наемников, в хронике не встречается. Наемники, т. е. профессиональные солдаты, именуются здесь *soldner*⁷, например: Und besatzten daruf Schafhusen mit noch mer **luten** und **soldnern** (B1, S. 31).

Для обозначения рядовых ополченцев использованы также лексемы *knecht* и *geselle*. Последняя, имея несколько значений (в данном контексте важны: *неженатый молодой человек, союзник, спутник, солдат, ремесленник*) (FWB), судя по цитируемому автором хроники обращению, употребляется и в значении «друг, спутник», ср.: lieben **gesellen!** der vienden ist gar vil (B1, S. 15). *Der Knecht* также имело широкий спектр значений, в контексте данной хроники могут рассматриваться следующие: *неженатый молодой человек, слуга, молодой дворянин на военной службе, наемник* (FWB). Лексема, как явствует из текста, означает рядовых воинов и в этом значении соотносится с позднейшим композитом *fussknecht* «пехотинец». Например: als dann etlich **knecht** von Eidgnossen darnach hinin zugen... (B1, S. 315]. Регулярно *knecht* используется и как синоним в парном сочетании с *soldner*, что позволяет сделать вывод о разных референтах, например: Und als nu die vier stett... **ir knecht und soldner** in den stetten und slossen Granson, Orba und Jungii ligen hatten... (B1, S. 285); dann die herren von Laserra sich mit den **knechten und soldern**, so zu Jungij und in den andern slossen lagent, gar unfruntlich hielten (B1, S. 308). Вместе с тем, по замечанию исследователей, часто невозможно провести четкую границу между наемными солдатами и собственно швейцарским ополчением. Д. Шиллинг также не делает этого в своих номинациях [Himmelsbach 1999, S. 188].

Часто встречаются также лексемы *gewante* (*verwante*) в значении «друзья, союзники». Как реляционные существительные, они требуют указания лиц, относительно которых верно это наименование. Обычно для этого используются притяжательные местоимения: Das die von Bern und Solotern mit **iren gewanten** ueber das Ochsenfeld zugen (B1, S. 23); und allen **iren verwanten** von Rotwil, Sant Gallen ... treffenlichen geschriben (B1, S. 96).

В обозначении «отряда» наиболее частотна широкозначная лексема *huffen*, например: ein grosser **huffen** der vienden (B1, S. 16). Возможно, она используется и в предложном сочетании с *in* в значении «четырёхугольная баталия», особенно по отношению к швейцарцам как их традиционной боевой формации, ср.: Aber die andern... Eidgnossen alle zugent in zwein **huffen** (B1, S. 21); und zugent also in guter ordnung uf witem velde **in drin huffen** (B1, S. 215). Очевидно, здесь произошло су-

⁷ Немецкое суффиксальное словообразование от ит. *soldare* *нанимать, брать на оплачиваемую службу* (DWDS).

жение значение лексемы: от «толпа, множество» к «множеству воинов» и затем – к «отряду».

В значении «отряд, войско» отмечена также многозначная лексема *zug*: ein grosser... **zug** der vienden... (war) von Behem und andern landen har uf den beinen (B1, S. 31). Часто она сочетается с прилагательным *reisig* «вооруженный» (MHD): und kament also mit einem grossen mechtigen **reisigen zuge** us Burgurinen gezogen (B1, S. 167); es zugen ouch des herzogen von Oesterich lantvogt ... mit einem erlichen **reisigen zuge** gegen denen von berne (B1, S. 223).

Для обозначения военных соединений из швейцарских кантонов/коммун, воюющих под собственным знаменем, используется слово *venlin*: darzu schickten die von Friburg aber ein **venlin** mit wolgeruster luten zuo inen (B1, S. 216)⁸. Очевидно, что это метонимическое употребление, т. к. исходное значение лексемы *venlin* – «флажок, вымпел». Поэтому в ряде случаев неясно, какое из значений актуализируется хронистом, ср.: Also zugent si wider in die stat mit **dero von Mulhusen venli** (B1, S. 16). В значении «вымпел» *venlin* могло использоваться и в составе парного сочетания с *paner* «знамя»: und hat ieglicher ein **paner und venlin** in der hand (B1, S. 224).

В качестве глагола наиболее общей семантики «вести военные действия, воевать с кем-либо» в тексте хроники используется префиксальный переходный глагол *bekriegen*: Das die von Schafhusen von herr Bilgrin von Hōwdorf mit mütwillen **bekriegt** wurden (B1, S. 4); kein teil den andern **bekriegen** noch **schedigen** solt (B1, S. 4). При сообщениях о стычках используется лексема *scharmützen* «вступать в стычку», которая может функционировать и как глагол, и как отглагольное существительное, ср.: Also... **scharmützen** [sie] teglichs mit einandern (B1, S. 12); und doch vor und nach allerlei angriff und **scharmützens** uf dem Swarzwald (B1, S. 39).

Обе стороны военного конфликта «грабят» (*plündern/entplündern*) и «жгут/выжигают» (*brennen/verbrennen*) поселения, о чем хронист упоминает совершенно нейтрально как об обычном на войне явлении: und wart darnach das schoen slos **geplündert** und ganz **verbront** (B1, S. 20); **entplünderten** das dorf mit einandern... und **verbranten** das dorf ganz (B1, S. 13); und wart dasselb slos ... in grund **verbrant** (B1, S. 21).

В значении «опустошать» используется лексема *wüsten/verwüsten*, которая могло расширяться предложным или адвербиальным дополнением: und **verwuestetent** inen ir reben... mit grosser hochvart und **gewaltsami** (B1, S. 8); das **brantent** und **wuostent** si (B1, S. 20). В хронике она также не несет оценочной семантики.

Действия в отношении врагов в бою обозначены как: «ранить» (*wund werden*), «закалывать» (*erstecken*) или «застрелить» (*erschiesen*), нередко в пассиве, ср.: und wurden ir dennoch etlich **erstochen**... und etwie menger **wund** (B1, S. 38); und wur-

den etlich von Bern **ubel wund** und zwen **erschossen** (B1, S. 217). Или их просто «убивают», способ не уточняется (*erslagen*): doselbs wurdent si alle **ze tode erslagen** (B1, S. 221). При захвате пленных их могли «повесить» (*erhengen*) или «утопить» (*ertrenken*), как это сделал Карл Смелый с защитниками Грансона в 1476 г.: Das die fromen lute vor Gran-son al **erhenkt** und in dem sew **ertrenkt** wurden (B1, S. 371). Использование во многих подобных примерах пассивной формы связано с тем, что в центре повествования находятся бернцы и их союзники швейцарцы, тогда как враги представляются обезличенно и даже не удостоены того, чтобы быть названными.

Наиболее частым видом огнестрельного оружия, упоминаемым в этой хронике, является *buchse*⁹ «кулеврина». Ручная кулеврина именуется композитом *handbuchse*, например: warent aber... gesellen von Bern und Solotern mit **hantbuchsen** (B1, S. 12). *Buchse* как более общее обозначение могло соотноситься как с переносной кулевриной, так и с легкой пушкой – разновидностью артиллерийского орудия. Так, в следующем примере подразумевается скорее переносное оружие:... liessen ouch daruf ir **buchsen und armbreist** us (B1, S. 12), но упомянут и традиционный арбалет. В следующем примере речь идет предположительно о неудачной попытке швейцарцев с ходу взять замок без необходимого вооружения: здесь *buchse* означает «орудие, пушка» (FWB): und hatten aber kein **buchsen** noch andern zug (B1, S. 22). Соответственно, стрелки-кулевринеры (возможно, аркебузиры) именуется композитом *buchsenscutze*, например: Darzu warent ouch die **buchsenscutzen** von Bern... in den kilchturn... komen (B1, S. 221).

Именно артиллерия *houptbuchsen* (буквально «главные орудия») подразумевается в следующих контекстах: Die von Zurich beschickten ouch angendes ir gros **houptbuchsen** (B1, S. 31); Do man nu nach den **houptbuchsen** gen Bern geschickt (B1, S. 218). «Главные» или большие пушки иногда имели и собственные имена. Так, в следующем примере упоминается пушка из Страсбурга – Struss: Als nuo die von Strasburg ir **grossen buchsen, den struss**, wider geleit hatten... an die stat Blomont (B1, S. 259).

Словом *slangenbuchse* хронист обозначал, вероятно, серпантину¹⁰: und mit den **slangenbuchsen**... in die vind geschossen (B1, S. 232). В соответствующих случаях автор отдельно обозначает композитом крупные, стрелявшие каменными ядрами осадные орудия – *steinbuchse*: do kam der herzog mit einer merglichen macht und mit vil **slangen und steinbuchsen** (B1, S. 206). В тексте изредка упоми-

⁹ Образовано путем метонимического переноса от mhd. *bühse банка, сосуд цилиндрической формы* (DWDS).

¹⁰ Более крупный чем кулеврины тип орудий XV в.: длина ствола 1,2–2,1 м, калибр 50–150 мм. Предназначались для полевых сражений и устанавливались на колесных лафетах.

⁸ Диминутив от *Fahne знамя*.

наются и мортиры *bolter*¹¹ как вид артиллерии: *darzuo zwo gros hauptbuchsen, boler und andern zueg* (B1, S. 32).

Обслуживавшие орудия профессионалы-пушкарки номинированы композитом **buchsenmeister**: *und wurden euch die buchsenmeister ganz unwillig* (B1, S. 179). В этом контексте речь идет о недовольстве пушкарей из-за слабого воздействия их артиллерии, т. к. стены осаждаемого замка оказались слишком крепкими. Интересно, что полусуффикс *-meister*, служащий для обозначения лиц по профессии, специальности, продуктивен и в современном немецком языке (СЭС 2000).

Реже встречается префиксальная лексема с собирательным значением *geschütz*, обозначающая как любое стрелковое оружие (лук, арбалет или артиллерия), так и саму стрельбу как действие (FWB). Ср.: *und als man nuo die stat Walzhuot mit dem geschuetz... beschossen* (B1, S. 40); *und must man ir menigvaltig geschuetz entsitzen* (B1, S. 24). Если в первом примере актуализируется значение «пушка/орудие», то во втором – метонимическое значение «стрельба/обстрел».

В собирательном значении «оружие» (MHD) в хронике регулярно отмечается лексема *were/werin*. Так, в следующих двух примерах она обозначает «холодное оружие»: *und erstachen ir etlich mit iren eignen werinen* (B1, S. 36); *und entsliefen also an der warmen sonnen und hatten ir werinen neben sich geleit* (B1, S. 36). Более общее значение представлено в таком примере с последующей детализацией набора оружия: *und wart inen als not zuo fliehen, das si... gar vil werinen hinder inen liessen von hantbuchsen, armbresten, swinspiessen und andern dingen* (B1, S. 37). Поскольку передние ряды швейцарской баталии состояли из копейщиков, копье (*spiess*, *swinspiess*) имело для конфедератов основополагающее значение. Лексемой *ding* (как и *zeug*) Шиллинг обозначает вооружение вообще, без конкретизации.

Описания городов в хронике связаны с упоминанием и их укреплений, обозначенных композитом *bolwerk(-e)*¹², например: *Die hatten ouch die stat mit bolwerken, mit buchsen und ander... were besorget* (B1, S. 33). Под *were* здесь, очевидно, подразумеваются защитные орудия.

Разновидностью укрепления, обычно представлявшей собой засеку или стены не более 5 метров высотой, в отдельных случаях усиленную башнями и предназначенную для сдерживания врага, являлась *letze* [HLS]. См. пример: *Es zugen ouch etlich der Eidgnossen... an den Swarzwald und gewunnen da ein stark letze* (B1, S. 35).

¹¹ Мортира предназначалась преимущественно для обстрела горизонтальных целей, бомбардировки городов/ крепостей и поражения войск за укрытием. Нем. слово образовано от срвн. *röler*, которое является производным от *bolen* *вращать, швырять* (Kluge).

¹² Рнвн. *bolwerk* означало «защитное сооружение из досок или бруса» (*bole*) (Kluge).

При штурме укреплений и замков использовались различные осадные орудия, обозначенные в хронике как *katze* «кошка» или *igel* «еж», например: *wie man... sich mit katzen, iglen... und anderm ganz darzuo geruest hat* (B1, S. 40)¹³. Осады городов были в практике Бургундских войн весьма долгими, а при упорстве осажденных и наличии достаточных запасов провианта могли растянуться на многие месяцы.

В соответствии с языковой практикой эпохи Шиллинг регулярно использует парные сочетания. Это могут быть как существительные (*not und gewaltsam, paner und venlin, luten und soldner, knecht und soldner, angriff und scharmutzens, buchsen und armbrester*), так и глаголы (*brantent und wuostent*). Контекстуальный анализ показывает, что автор использует их не как стилистический прием, а скорее комплементарно, т. е. последующая лексема семантически дополняет предыдущую, являясь либо частичным синонимом, либо обозначая отдельное действие или референта. Их использование связано, видимо, со стремлением хрониста к максимально полному описанию происходящего.

Милитарные лексемы, используемые в хронике Шиллинга, обозначают современные описываемым событиям реалии и относятся к нейтральному стилю, будучи лишены оценочной окраски. Они отражают не отношение автора к предмету повествования, а лишь фиксируют определенные действия, деятелей и обстоятельства.

Языковая репрезентация воюющих сторон: Шиллинг – Ансельм

Различия в биографии хронистов накладывают отпечаток и на их нарратив. Шиллинг лично пережил многие события Бургундских войн и отразил в повествовании не только официальную позицию бернского горсовета, но и личные чувства по отношению к союзникам и врагам. Ансельм же описывает и рассуждает абстрагированно, с позиции историка, отделенного от предмета повествования достаточной временной дистанцией.

Характеристика швейцарцев (*die Eidgnossen*¹⁴) и их союзников как воюющей стороны у Шиллинга неизменно положительная. Ср. упоминания о золотурцах и люцерцах: *wolerzugter, endlicher luten, ir getruwen Eidgnossen von Solotern* (B1, S. 177, 215), *die von Lutzern mit... einem schönen wolgeordneten volk* (B1, S. 178), *gar manlich und mit friem mut* (B1, S. 181). Подчеркиваются дружеские отношения между союзниками: *Und hieltent sich*

¹³ Ввиду отсутствия их описания в хронике и лапидарности перевода в рнвн. словаре их устройство и функционирование неизвестны.

¹⁴ Изначальное значение лексемы – «люди, связанные общей клятвой; союзники; сограждане». Отсюда развилось значение «участник Швейцарской конфедерации, швейцарец», именно в этом значении слово используется в текстах швейцарского языкового ареала (FWB).

des fursten von Oesteriche und ander lute in allen sachen als fruntlich und erberlich mit den Eidgnossen (B1, S. 181). Швейцарцев хронист часто именует *frome lute* «благочестивые мужи», даже повествуя об их сомнительных деяниях типа грабежей. Подчеркивается миролюбие швейцарцев, соблюдение ими «чести и права»: *...diewile sie (die Eidgenossen) doch in allen vergangen kriegten und sachen nie anders, dann friedens, eren und rechts begertent* (B1, S. 138).

Швейцарцы представлены сражающимися и побеждающими «доблестно»: *und slos [Pontarlier]... gar ritterlichen gewonnen* (B1, S. 212), а их «рыцарское» сопротивление обращает врага в постыдное бегство, ср.: *Und als die viend semlichen ritterlichen widerstant... sachent, do zugen si schantlichen ab und fluchent* (B1, S. 216). Конфедераты, как и бернцы в частности, всегда сражаются «мужественно»: *Das die von Bern und ander Eidgnossen ... mit den vienden gar manlichen anvienge scharmutzen* [B1, S. 376]. Города завоевываются «честно и смело»: *Und wart also die stat Granson gar erlich und manlich gewonnen* (B1, S. 214).

Соотечественники хрониста выступают в поход и идут на штурм «во славу Божию»: *Und zugen also us in dem namen gottes* (B1, S. 214), *Und also ... ving man den sturm in dem namen gottes an* (B1, S. 219). Соответственно, Божья милость – этот хроникальный топос присутствует как у католических, так и протестантских авторов – неизменно на их стороне: *also wart das slos ... von gottes gnaden gewonnen* (B1, S. 222), *hat got der almechtig denen von Bern und iren fromen Eidgnossen und gewanten ... aber geholfen* (B1, S. 380). Благоволение свыше позволяет им избегать высоких потерь: *beschach inen von gots gnaden nit* (B1, S. 211); *und kam der Eidgnossen von gots gnaden gar wenig umb* (B1, S. 213).

Более сдержан, даже скептичен в оценке своих земляков Ансельм. Согласно ему, Карл Смелый оказался рассудительнее швейцарцев, не желая начинать полномасштабную войну. Поэтому агрессором (почти невольно, в трактовке хрониста) выступили сами бернцы. Примечательно то, как автор описывает это метафорически (зоометафоры): *Do aber der löw, als gschider, nit wolt anbissen, do ward gefunden, dass der stier, als einvältiger, mit 's baren vorpiss anbeiss* (A, S. 77). Здесь лев – это Карл (на гербе его герцогства представлена фигура вздыбившегося льва), а бык – швейцарцы в целом (а не только кантон Ури, на гербе которого изображена голова черного быка), медведь – незадачливые бернцы (на их гербе и представлен этот зверь), коих, в трактовке Ансельма, натравили на герцога, «словно псов».

Говоря об успешном для швейцарцев исходе войны, Ансельм подчеркивает, что только высшая божественная воля позволила швейцарцам победить, унизив высокомерного принца: *Geriet desmals wol; dan der almechtig Got wolt des hochmütigen fürsten hochmut durch ein nider volk demütigen und hinnemen* (A, S. 85).

У Шиллинга военные действия со стороны бургундцев в основном представлены в негативном свете – они отступают «с позором и бесчестьем» (*zugent also schantlich und unerlich von dannen* [B1, S. 198]), а гибель их предводителей нередко трактуется как «заслуженное воздаяние» за их противоправные действия (*rechter lon* (B1, S. 295)). В отдельных случаях, однако, хронист отдает должное и врагам: так, рассказывая о взятии Орба, он отмечает мужество оборонявшихся, для чего использует два синонимичных определительных: *Die im slos warent, die wartent sich gar manlich und trostlich* (B1, S. 221). Хронист даже слегка порицает за жестокость своих земляков, сбросивших нескольких побежденных с башен после взятия крепости: *me dann zwenzig man über die zinnen harus geworfen, das doch ein gros note und cleglich sach was* (B1, S. 221).

Описывая гибель бургундцев в сражении при Грансоне 1476 г., Шиллинг заявляет, что они заслужили такую участь своим высокомерием, и с присущим ему морализаторством предостерегает земляков – «всех набожных бернцев и достойных мужей» – от этого греха: *Si hattens aber umb den almechtigen gotte mit ir hochvart und ubermuot wol verdienet, daran alle fromen Berner und biderben lute gedenken und sich vor unnutzer hochvart hueten... sullent* (B2, S. 50).

Карла Смелого хронист постоянно обвиняет в высокомерии и гордыне, характеризуя герцога и его политику с помощью синонимических номинаций: *hochmütlichen* (B1, S. 93), *hochvart* (B1, S. 122), *stolz* [B1, S. 129], *hochvertig* (B2, S. 49). По мере развития военных действий эпитеты, которыми автор награждает бургундца, приобретают все более негативную окраску. Так, хронист регулярно именует его кровожадным «тираном», «душегубом»: *des wütrichs und blutvergiessers, des Burgunners, gewalt* (B1, S. 284); *wie man sich ... mit guter ordnung an den blutvergiesser ziehen* (B1, S. 374). Повествуя о переговорах герцога с гарнизоном швейцарского Грансона, Шиллинг прямо обвиняет Карла в вероломстве и лживости: *Und als nü der Burgunsch herzog gesach, das er inen das slos... nit wol angewinnen ... macht, do vingent si an mit valschen Worten und listen mit inen zü tedingen...* (B1, S. 368–369).

Вполне логично в контексте хроники, что гибель герцога 5 января 1477 г. в битве при Нанси Шиллинг интерпретирует как Божью кару, подводя итог: «душегуба» и «тирана» настигла участь, которую он готовил другим: *Darunder ist... der gros blutvergiesser, der herzog von Burgunnen selber bliben..., des man got dem almechtigen... lob, ere und dank sagen... sol, dann er... den grossen mechtigen wuetrich niedergelagen und vallen lassen in die gruben, die er andern gemacht hat* (B2, S. 114).

В отличие от Шиллинга, Ансельма мало интересует сам ход войны, он ограничивается общей характеристикой протагонистов, их мотивов и действий. Карла Смелого и его противника – короля Людовика XI – хронист именует тиранами,

рисую портреты обоих по принципу контраста с их отцами, которых описывает как «добродетельных»: *Züglich wie der kung von Frankrich gegen sinen tugentrichen vatter ein tyrann geachtet also ward geachtet der herzog Karlin von Burgun gegen sinem tugentrichen vatter Philippen* (А, S. 71). Однако отмечается, что в отличие от своего отца, Филиппа Доброго, Карл Смелый правил высокомерно и тиранически: *Aber der sun... hub an, ouch bi sines alten vatters leben, tyranni und hochmut ze triben* (А, S. 72). Дополняет образ Карла Смелого его характеристика хронистом как одержимого «мечью, победой, властью и славой»: *Er was... gneigt... rach, sig, macht und er ze süchen* (А, S. 72).

Ансельм верно отмечает, что Людовик XI и Карл Смелый не доверяли друг другу и стремились нанести сопернику максимальный ущерб: *so vertruwt doch keiner dem andren nut; sunder ouch wo und wie si enandren mochtend vientschaft anrichten* (А, S. 68). По его мнению, если бургундцу удалось натравить на Людовика XI англичан, то французский король сумел столкнуть с Карлом Смелым немцев и швейцарцев: *Also ze diser zit richtet der Burgunner die Engelschen ubern kung; so richtet der kung hargegen ubern Burgunner die Tütschen, und in sunders d'Eidgnossen* (А, S. 68)).

В целом Ансельм более сдержан в оценке противников, а практическое отсутствие батальных сцен он компенсирует анализом причин конфликта и мотивов протагонистов. Тогда как Шиллинг строит свое повествование на топосе доблести, благочестия и моральной правоты швейцарцев, каковые качества и обеспечивают им «Божье благоволение».

Заключение

Шиллинг широко использует милитарную лексику. Система номинации комбатантов достаточно

дифференцирована, включая лексемы для обозначения пеших и конных солдат, ополченцев, наемников. Однако не всегда автор четко их различает. Довольно широко представлены типы холодного и огнестрельного оружия, в том числе осадного, причем используются не заимствованные, а немецкие лексемы. Называя практикуемые на войне негативные действия (грабить, разорять, поджигать и т. д.), Шиллинг делает это в стилистически нейтральном ключе, без соотнесения их с определенной стороной конфликта.

Свою оценку швейцарцев, с одной стороны, и бургундцев – с другой, он выражает с помощью общеупотребительной лексики, в частности существительных, наречий и прилагательных с позитивной или негативной окраской. Если земляков он представляет как богобоязненных и отважных, не нарушавших договоров и права, то противники выставлены в очень невыгодном свете: он упрекает их в вероломстве и бесчестье. Не отказывая им в мужестве, хронист тем не менее считает их поражение и гибель вполне заслуженными.

В отличие от Шиллинга, Ансельм описывает швейцарцев как неразумных марионеток, действующих по наущению короля Франции. Бургундский герцог у Ансельма представлен как властолюбивый правитель, однако его образ не столь негативен, как у Шиллинга. Отделенный от описываемых событий достаточной временной дистанцией и руководствовавшийся в первую очередь задачей информирования, Ансельм менее тенденциозен, чем его предшественник.

Значительно большее влияние на историческую память швейцарцев оказала более ранняя хроника Шиллинга, поскольку именно она отразила самосознание Швейцарской конфедерации, усматривавшей в победе над могущественной Бургундией знак Божьего благоволения.

Материалы исследования

А – *Die Berner Chronik des Valerius Anshelm*. Hrsg. vom Historischen Verein des Kantons Bern. Bern: Wyss, 1884. URL: <https://www.digibern.ch/katalog/berner-chronik-valerius-anshelm>.

B1 – *Die Berner Chronik des Diebold Schilling 1468–1484*. Hrsg. von G. Tobler. Bd. 1. Bern: Wyss, 1897. URL: https://biblio.unibe.ch/digibern/chronik_schilling_bd_01.pdf

B2 – *Die Berner Chronik des Diebold Schilling 1468–1484*. Hrsg. von G. Tobler. Bd. 2. Bern: Wyss, 1901. URL: https://biblio.unibe.ch/digibern/chronik_schilling_bd_02.pdf.

FWB – *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. URL: <https://fwb-online.de>.

HLS – *Historisches Lexikon der Schweiz*. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/008594/2008-11-04>.

Kluge 1999 – *Kluge F.* (1999) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23, erweiterte Auflage. Berlin; New York: De Gruyter, 1999. 921 S.

MHD – *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mhd>.

ССЭ 2000 – *Зуев А.Н., Молчанова И.Д., Мурясов Р.З. и др.* Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под руков. М.Д. Степановой. Изд. 2-е, стереотип. Москва: Русский язык, 2000. 542 с.

Библиографический список

Himmelsbach 1999 – *Himmelsbach G.* (1999) *Die Renaissance des Krieges: Kriegsmonographien und das Bild des Krieges in der spätmittelalterlichen Chronistik am Beispiel der Burgunderkriege*. Zürich: Chronos, 1999. 377 S. URL: <https://www.chronos-verlag.ch/node/19918#kurztext>.

Schmidt 2016 – *Schmidt R.* (2016) Schweizer Chroniken // Handbuch Chroniken des Mittelalters. Hrsg. von G. Wolf und Norbert H. Ott. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. S. 267–300. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110341713-010>.

Walder 1986 – *Walder E.* «Von raten und burgern verhört und corrigiert». Diebold Schillings drei Redaktionen der Berner Chronik der Burgunderkriege // *Berner Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde*, 1986, band 48. Heft 3. S. 87–117. URL: <https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=zgh-001%3A1986%3A48%3A%3A3#135>.

Zahnd 2005 – *Zahnd U.M.* «Wir sind willens ein kronick beschriben ze lassen». Bernische Geschichtsschreibung im 16. und 17. Jahrhundert // *Berner Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde*. 2005. Band 67, Heft 1. S. 37–61. URL: <https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=zgh-001%3A2005%3A67%3A%3A3#43>.

Zahnd 2013 – *Zahnd U.M.* Burgund und die Eidgenossen. Nachbarn werden Gegner – Alltag und zeitgenössische Chronistik // von W. Paravicini (Hg.) *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9-11.10.2007*. Ostfildern: Thorbecke, 2013. S. 697–716. URL: https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/ploneimport_derivate_00009587/zahnd_burgund.pdf.

Гухман, Семенюк 1983 – *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. Москва: Наука, 1983. 200 с. URL: <https://djvu.online/file/jXIIIkDcwZ82?ysclid=manmxzt258524075783>.

Дубинин 2000 – *Дубинин С.И.* Немецкий литературный язык позднего Средневековья: юго-западный ареал. Самара: Самарский государственный университет, 2000. 199 с. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Nemeckii-literaturnyi-yazyk-pozdnego-srednevekovya-96780?mode=full&ysclid=mannlhjaft860017654>.

Дубинин 2024 – *Дубинин С.И.* Парадоксы милитарного дискурса: «борьба шрифтов» в изданиях для нацистского вермахта // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Самара, 20–21 марта 2024 г.) / редкол.: Н.А. Илюхина (отв. ред.), Л.Б. Карпенко, Л.А. Киселева, Т.Е. Баженова. Самара, 2024. С. 48–54. URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Yazyk---tekst---diskurs/Paradoksy-militarnogo-diskursa-borba-shriftov-v-izdaniyah-dlya-nacistskogo-vermah-ta-109778/1/978-5-6051805-1-7_2024-48-54.pdf.

Дунаев 2020 – *Дунаев А.Е.* Канцелярский дискурс и развитие городской историографии в Германии XV–XVI вв. // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей. Вып V. Самара, 2021. С. 141–154. URL: <https://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Kancelyarskii-diskurs-i-razvitie-yazyka-gorodskoi-istoriografii-v-Germanii-XV-XVI-vv-Tekst-elektronnyi-90426/1/Стр.-141-154.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46237541&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/fyryxi>.

Елифанова 2024 – *Елифанова Т.В.* К инвариантной характеристике милитарного дискурса // Донецкие чтения 2024: образование, наука инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции. Донецк, 2024. С. 135–138.

Историческая динамика... 2017 – *Историческая динамика дискурсивных практик: коллективная монография*. Волгоград: ВолГУ, 2017. 228 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35277400>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rveval>.

Калмыков 2012 – *Калмыков В.С.* Герцог Бургундии Карл Смелый как военный организатор и полководец // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 1. С. 53–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gertsog-burgundii-karl-smelyy-kak-voennyu-organizator-i-polkovodets?ysclid=manqlupedp112113426>.

Чиняков 2001 – *Чиняков М.К.* К вопросу о Бургундских войнах 1474–1477 гг. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 138–144. URL: <http://Annales.info/evrope/burgund.rar.htm>.

References

Himmelsbach 1999 – *Himmelsbach G.* (1999) Die Renaissance des Krieges: Kriegsmonographien und das Bild des Krieges in der spätmittelalterlichen Chronistik am Beispiel der Burgunderkriege. Zürich: Chronos, 377 S. Available at: <https://www.chronos-verlag.ch/node/19918#kurztext>.

Schmidt 2016 – *Schmidt R.* (2016) Schweizer Chroniken. In: Von G. Wolf, Norbert H. Ott (Hrsg.) Handbuch Chroniken des Mittelalters. Berlin; Boston: De Gruyter, S. 267–300. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110341713-010>.

Walder 1986 – *Walder E.* (1986) «Von raten und burgern verhört und corrigiert». Diebold Schillings drei Redaktionen der Berner Chronik der Burgunderkriege. In: *Berner Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde*, band 48, heft 3, S. 87–117. Available at: <https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=zgh-001%3A1986%3A48%3A%3A3#135>.

Zahnd 2005 – *Zahnd U.M.* (2005) «Wir sind willens ein kronick beschriben ze lassen». Bernische Geschichtsschreibung im 16. und 17. Jahrhundert. In: *Berner Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde*, Band 67, Heft 1, S. 37–61. Available at: <https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=zgh-001%3A2005%3A67%3A%3A3#43>.

Zahnd 2013 – *Zahnd U.M.* (2013) Burgund und die Eidgenossen. Nachbarn werden Gegner – Alltag und zeitgenössische Chronistik. In: von W. Paravicini (Hg.) *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9-11.10.2007*. Ostfildern (Thorbecke), S. 697–716. Available at: https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/ploneimport_derivate_00009587/zahnd_burgund.pdf.

Gukhman, Semenyuk 1983 – *Gukhman M.M., Semenyuk N.N.* (1983) History of the German literary language of the IX–XV centuries. Moscow: Nauka, 200 p. Available at: <https://djvu.online/file/jXIIILkDcwZ82?ysclid=manmxzt258524075783>. (In Russ.)

Dubinin 2000 – *Dubinin S.I.* (2000) German literary language of the Late Middle Ages: the southwestern area. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 199 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Nemeckii-literaturnyi-yazyk-pozdnego-srednevekovya-96780?mode=full&ysclid=mannlhjaft860017654>. (In Russ.)

Dubinin 2024 – *Dubinin S.I.* (2024) Paradoxes of the military discourse: «font struggle» in publications for the Nazi Wehrmacht. In: *Ilyukhina N.A., Karpenko L.B., Kiseleva L.A., Bazhenova T.E. (eds.) Language – text – discourse: functional-semantic and structural aspects: collection of scientific articles based on the materials of the international scientific conference (Samara, March 20–21, 2024)*. Samara, pp. 48–54. Available at: https://repo.ssau.ru/bitstream/Yazyk---tekst---diskurs/Paradoksy-militarnogo-diskursa-borba-shriftov-v-izdaniyah-dlya-nacistiskogo-vermah-ta-109778/1/978-5-6051805-1-7_2024-48-54.pdf. (In Russ.)

Dunaev 2020 – *Dunaev A.E.* (2020) Chancellery discourse and the development of urban historiography in Germany in the XV–XVI centuries. In: *Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles, issue V*. Samara, pp. 141–154. Available at: <https://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Kancelyarskii-diskurs-i-razvitie-yazyka-gorodskoi-istoriografii-v-Germanii-XV-XVI-vv-Tekst-elektronnyi-90426/1/Сrp.-141-154.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46237541&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/fyryxi>. (In Russ.)

Epifanova 2024 – *Epifanova T.V.* (2024) On the invariant characterization of military discourse. In: *Donetsk Readings 2024: education, science, innovation, culture and modern challenges: proceedings of the IX international scientific conference*. Donetsk, pp. 135–138. (In Russ.)

Historical dynamics... 2017 – *Historical dynamics of discursive practices: multi-authored monograph*. Volgograd: VolGU, 228 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35277400>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rveval>. (In Russ.)

Kalmykov 2012 – *Kalmykov V.S.* (2012) Duke of Burgundy Carl the Brave as a military leader and a general. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: «History and Political Science» Series*, no. 1, pp. 53–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gertsog-burgundii-karl-smelyy-kak-voennyi-organizator-i-polkovodets?ysclid=manqlupedp112113426>. (In Russ.)

Chinyakov 2001 – *Chinyakov M.K.* (2001) On the issue of the Burgundian wars of 1474–1477. *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 138–144. Available at: <http://Annales.info/evrope/burgund.rar.htm>. (In Russ.)

Субстантивы религиозной семантики на *-ец* в русском языке XVIII – первой четверти XIX вв. (на материале словарей гражданской печати)**С.В. Феликсов**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; г. Москва, Российская Федерация

E-mail: svfeliksov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы отражения личных и неличных наименований религиозной семантики в русской языковой картине мира XVIII – первой четверти XIX вв. на примере одного из продуктивных именных словообразовательных типов – субстантивов на *-ец*, отмеченных в качестве заголовочных лексем в произведениях русской лексикографии. В ходе исследования использованы методы лингвотекстологического, компонентного, историко-этимологического, морфемного и словообразовательного анализа, а также статистический метод. В работе имена существительные религиозной семантики на *-ец* проанализированы в словообразовательном и семантическом аспектах. На основе анализа словарных данных среди рассматриваемых дериватов были определены группы слов с точки зрения частотности их употребления в русском языке XVIII – начала XIX вв., а также новообразования. Проведенный анализ выявил способность имен существительных религиозной семантики на *-ец* соотноситься в словообразовательном плане с разными видами основ, а также многозначность самого суффикса *-ец* при данном словопроизводстве. Этот формант, как показало исследование, мог участвовать в образовании как личных, так и неличных конкретных субстантивов религиозной семантики, имеющих сложную тематическую организацию. При этом большая часть данных дериватов в гражданском наречии XVIII – первой четверти XIX вв. относилась к моносемантическим двукорневым лексемам, образованным от глагольно-именных основ, и принадлежала, как и в современном русском языке, к агентивной лексике, обозначающей лиц мужского пола. Установлено, что имена существительные религиозной семантики на *-ец* в своей совокупности образуют один из значимых пластов лексики православного вероучения в русской языковой картине мира XVIII – первой четверти XIX вв.

Ключевые слова: русская лексикография; религиозная лексика; лексика православного вероучения; имена существительные религиозной семантики; суффикс *-ец*; православие; XVIII век; первая четверть XIX века.

Цитирование. Феликсов С.В. Субстантивы религиозной семантики на *-ец* в русском языке XVIII – первой четверти XIX вв. (на материале словарей гражданской печати) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 157–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-157-166>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Феликсов С.В., 2025

Сергей Владимирович Феликсов – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Российская Федерация, г. Москва, Новокузнецкая, 23, стр. 5 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2025

Revised: 18.02.2025

Accepted: 02.06.2025

Substances of religious semantics in *-ets* in Russian of the XVIII – first quarter of the XIX centuries (on the material of the civil seal dictionaries)**S.V. Feliksov**

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation

E-mail: svfeliksov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

Abstract: The article is devoted to the study of the problem of reflecting personal and non-personal names of religious semantics in the Russian language picture of the world of the XVIII – first quarter of the XIX centuries on the example of one of the productive nominal word-forming types – substances in *-ets*, marked as title lexemes in the works of Russian lexicography. During the study, methods of linguotextological, component, historical-etymological, morphemic and word-forming analysis, as well as a statistical method were used. In the work, nouns of religious semantics on *-ets* are analyzed in word-forming and semantic aspects. In addition, based on the analysis of dictionary data among the derivatives under consideration, word groups were identified in terms of the frequency of their use in the Russian language of the XVIII – early XIX centuries, as well as neoplasms. This formant, as the study showed, could participate in the formation of both personal and non-personal specific substances of religious semantics that have a complex thematic organization. This formant could participate in the formation of both personal and non-personal specific substances of religious semantics that have a complex thematic organization. At the same time, most of these derivatives in the civil dialect of the XVIII – first quarter of the XIX centuries belonged to monosemantic two-root lexemes formed from verb-

nominal stems, and belonged, as in modern Russian, to agent vocabulary denoting males. It has been established that the nouns of religious semantics on *-ets* together form one of the significant layers of vocabulary of the Orthodox doctrine in the Russian language picture of the world of the XVIII – first quarter of the XIX centuries.

Key words: Russian lexicography; religious vocabulary; vocabulary of Orthodox creed; noun names of religious semantics; suffix *-ets*; Orthodoxy; XVIII century; first quarter of the XIX century.

Citation. Feliksov A.V. Substances of religious semantics in *-ets* in Russian of the XVIII – first quarter of the XIX centuries (on the material of the civil seal dictionaries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 157–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-157-166>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Feliksov S.V., 2025

Sergey V. Feliksov – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Pedagogics, Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University, bldg. 5 a, 23, Novokuznetskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation.

Введение

Суффикс *-ец*¹ издревле «проявил себя как наиболее универсальная и полифункциональная словообразовательная морфема» [Ефимова 2006, с. 69]. Известно, что дериваты с данным форматом могли иметь как личные значения, образуя «конструктивное ядро» словообразовательной категории лица [Железнова 1988, с. 4] в русском языке, так и неличные значения, участвуя в формировании класса неодушевленных имен в русском языке. Несмотря на то что дериваты на *-ец* рассматривались в трудах ряда ученых ((Аверьянова 1941; Мазурина 2007; Воронцова 1953; Хабибулина 2001; Ерофеева 2010; Шапорева 2012) [Виноградов 1947; Очерки по исторической грамматике... 1964; Варбот 1969; Железнова 1988; Грязнова 1989; Ефимова 2006; Николаев 2010 и др.], данный словообразовательный тип, по мнению историков языка, остается «одним из наименее изученных» [Железнова 1988, с. 125], при этом лексика православного вероучения² с этим суффиксом не была предметом историко-лингвистического исследования применительно к XVIII – первой четверти XIX вв.

К исследованию на предмет представленности субстантивов религиозной семантики (далее СРС) на *-ец* были привлечены словари гражданской печати XVIII–XIX вв.: два издания «Словаря Академии Российской» (САР¹, САР²) (далее САР) и четыре издания «Церковного словаря» протоиерея П.А. Алексеева (ЦС¹, ЦС², ЦС³, ЦС⁴) (далее ЦС)³.

Материалом исследования стали более 135 СРС, которые были выявлены в указанных словарях.

В работе использованы методы лингвотекстологического, компонентного, историко-этимологического, морфемного и словообразовательного анализа, а также статистический метод.

Словообразовательный аспект изучения СРС

Если словообразовательные связи простых СРС, выявленных в анализируемых лексиконах, в большинстве случаев не вызывают сложностей при установлении словообразовательных связей, то в вопросе о «способах образования» сложных субстантивов с данным формантом, как и в целом композитов, «остается много спорного и неясного» [Ефимова 2018, с. 28], в том числе в связи с разным соотношением применительно к словообразованию таких понятий, как диахрония и син-

хрония [Камчатнов 2022, с. 7–26]⁴. В связи с нерешенностью в науке данного вопроса думается, что при словообразовательном анализе сложных СРС целесообразно главным образом устанавливать их исходную основу, так как от нее зависит «судьба» «семантического и словообразовательного развития» дериватов того или иного словообразовательного типа [Русский язык и советское общество... 1968, с. 183], а также указывать их потенциально мотивирующие основы (Шаталова 1984, с. 34, 43). Помимо этого, безусловно, необходимо учитывать, что в этимологическом отношении многие анализируемые сложные слова являются словообразовательными кальками.

Выявленные в обследуемых лексикографических произведениях СРС с точки зрения особенностей их словопроизводства могут быть классифицированы в соответствии со следующими основными группами.

I. СРС с общим СЗ⁵ ‘лицо мужского пола’. Эта группа самая многочисленная среди СРС (более 130 лексем). Она состоит как из мономотивированных (не менее 18 лексем), так и полимотивированных (не менее 115 лексем) дериватов, произведенных от простых и сложных основ.

1. Мономотивированные образования

1) Дериваты со СЗ ‘лицо, совершающее действие, названное производящей основой’, произведенные при помощи суффикса *-ец* от глагольных основ славянского происхождения несовершенного вида (I, V продуктивного классов и непродуктивных классов): а) простых: *жръти* (СлРЯ XI–XVII) → *жрецъ*⁶, *творити* (СлРЯ XI–XVII) → *творецъ*, *читать* (СлРЯ XI–XVII) → *чтецъ* и др.; б) сложных: *животворити* (СлРЯ XI–XVII) → *животворецъ* (ζωοποιός (Срезн.)), *иконописати* (СлРЯ XI–XVII) → *иконописецъ* (εικονογράφος (Назар.)), *мироточити* (СРЯ XVIII) → *муроточецъ* (μυροβλύτης (Назар.)) и др. (не менее 13 лексем).

2) Дериваты со СЗ ‘лицо, являющееся объектом / результатом действия (в т. ч. с уточнением по значению первого компонента)’, произведенные а) при помощи суффикса *-лец*⁷ от простых глаголов славянского происхождения I продуктивного класса: *страдати* (СлРЯ XI–XVII) → *страдалецъ*; б) путем сложения компонентов славянского происхождения, характеризующихся подчинительными отношениями, где базовым компонентом

является отглагольное личное существительное с суффиксом -лец: *великострадалецъ*, *священнострадалецъ* (*страдалецъ* (*страдати*)) (СлРЯ XI–XVII), *μεγαλόμαρτυρ* (Срезн.), *ιερόμαστος* (СС)) и др. (не менее 4 лексем).

3) Дериваты, произведенные при помощи суффикса -ец- от сложных основ личных субстантивов славянского происхождения, где главный компонент имеет в качестве исходной основы переходный глагол несовершенного вида V продуктивного (в единичных случаях – непродуктивного) класса (не менее 3 лексем): а) со СЗ ‘лицо, совершающее действие, названное производящей основой’: *богомол* (*молити*) (СРЯ XVIII) → *богомолецъ* (*intercessor, deprecator* (Срезн. 2003)); б) со СЗ ‘лицо, являющееся объектом / результатом действия’: *страстоносецъ* (*ἁθλοφόρος* (СС)), *страстотерпъ* (*τερπῆτι*) (СлРЯ XI–XVII) → *страстотерпецъ* (*ἁθλοφόρος* (СС)) (не менее 3 лексем).

4) Дериваты со СЗ ‘лицо, характеризующееся тем, что названо производящей основой’, образованные при помощи суффикса -ец- от: а) простых адъективных основ славянского происхождения: *горделивый* → *горделивецъ*, *прозорливый* (СлРЯ XI–XVII) → *прозорливецъ* (*πρωρατικός* (СС)), *св.той* (САР) → *св.тецъ* и др. (не менее 10 лексем); б) сложных основ имен прилагательных славянского происхождения с подчинительными отношениями между частями, где главный компонент имеет базовую именную основу (не менее 2 лексем): *бѣлоризный* (СлРЯ XI–XVII) → *бѣлоризецъ* (*λευκορίτων* (СДРЯ 1988–2019), «греч. нет» (СС)), *всевластный* (СлРЯ XI–XVII) → *всевластецъ* (*παντοκράτορας* (Назар.)) и др. (не менее 13 лексем).

5) Единичным примером представлены СРС, образованные при помощи суффикса -енец- от простых порядковых числительных, со СЗ ‘лицо, характеризующееся тем, что названо производящей основой’: *первый* (СлРЯ XI–XVII) → *первенецъ*⁸.

6) Дериваты со СЗ ‘лицо, характеризующееся по принадлежности или отношению к какой-либо группе (с уточнением по значению первого компонента)’, образованные путем сложения с суффиксацией (добавлением форманта -ец-) компонентов славянского происхождения с подчинительными отношениями, где главным опорным компонентом является существительное *вѣра*: *единовѣрецъ*, *одновѣрецъ* (*ὁμοπιστία* (Срезн.), *ομόθησκος* (Назар.)), *иновѣрецъ* (*αλλόθησκος* (Назар.)), *нововѣрецъ* (*ψευδομένων, ἑτερόδοξων* (Срезн.)) (не менее 4 лексем).

2. Полимотивированные образования

1) Основную часть полимотивированных образований составляют дериваты, произведенные путем сложения / сложения с суффиксацией (добавлением форманта -ец-) компонентов славянского (реже – иноязычного) происхождения с подчинительными отношениями, где главным опорным компонентом является переходный глагол / отглагольное существительное (не менее 85 лексем).

А) Для образования данных дериватов в качестве исходной основы используются главным образом глаголы несовершенного вида V продуктивного класса, при этом наиболее частотны образования с компонентами -носецъ (*носити* / *носецъ* (СлРЯ XI–XVII)): *жезлосносецъ* (*ραβδοφόρος* (Двор.)), *расосносецъ* (*ρασοφόρος* (Назар.)), *свѣщеносносецъ* (*κρηφόρος* (LSJ)), -творецъ (*творити* / *творецъ* (СлРЯ XI–XVII)): *раздоротворецъ* (*σκανδαλοποιός* (ГриРГС)), *скинотворецъ* (*σκηνοποιός* (Гильтебрандт 1882–1885)), *свѣтотворецъ* (*φωτοποιός* (LSJ)) и др.); -любецъ (*любити* / *любецъ* (СлРЯ XI–XVII)): *иконолюбецъ* (*εικονόφιλος* (Назар.)), *христолубецъ* (*φιλόχριστος* (Двор.)) и др.

Б) Реже эти дериваты образуются от исходных основ глаголов I продуктивного класса несовершенного вида, среди которых наиболее частотны образования с компонентом -вѣдецъ (*вѣдати* / *вѣдецъ* (СлРЯ XI–XVII)) (-*всевѣдецъ* (*παντογνώστης* (Назар.)), *сердцевѣдецъ* (*καρδιογνώστης* (Двор.))).

В) Помимо этого, дериваты данной группы в качестве главного базового компонента имеют а) глагол несовершенного вида непродуктивного класса, наиболее частотны образования с компонентами -борецъ (*бороти* / *борецъ* (СлРЯ XI–XVII)): *духоборецъ* (*πνευματομάχος* (Срезн.)), *богоборецъ* (*θεομάχος* (СС)), *иконоборецъ* (*εικονομάχος* (Срезн.)); -видецъ (*видѣти* / *видѣцъ* (СлРЯ XI–XVII)): *боговидецъ*, *богопровидецъ* (*θεόπτης* (СС)), *всеvidецъ* (*πάνσκοπος* (Двор.)); -пѣвецъ (*пѣти* / *пѣвецъ* (СРЯ XVIII)): *священнопѣвецъ*, *псалмопѣвецъ* (*ψαλμωδός* (Назар.)); б) изолированный глагол *дати* (*дати* / *давецъ* (СлРЯ XI–XVII)): *жизнодавецъ* (*ζωοδότης* (Поликапов)), *свѣтодавецъ* (*φωτοδοσία* (Срезн.)).

В большинстве случаев дериваты данной группы имеют СЗ ‘лицо, совершающее действие, названное второй производящей основой в отношении того, что названо первой производящей основой’. Однако у отдельных образований этого типа выявляется СЗ ‘лицо, характеризующееся по склонности к тому или обладающее тем, что названо первой производящей основой’ (не менее 7 лексем) (см., например: *боголюбецъ* (*боголюбный* (СлРЯ XI–XVII), *θιλόθεος* (Назар.)), *грѣхлюбѣцъ* (*грѣхлюбный* (СлРЯ XI–XVII), *φιλάρματος* (Панд.)), *плотолубецъ* (*плотолубный* (СлРЯ XI–XVII), *φιλόσαρκος* (СС)), *плотосносецъ* (*σαρκοφόρος* (Дьяч.)), *корыстолубецъ* (*корыстолубный* (СРЯ XVIII), *φιλάργυρος* (Двор.)), *сребролюбѣцъ* (*сребролюбный* (СлРЯ XI–XVII), *φιλάργυρος* (Гильтебрандт)) и др. Данные образования, как видно, имеют также потенциально мотивирующие сложные адъективные основы. Таким образом, в зависимости от интерпретации словообразовательных связей этих дериватов способ их образования может быть квалифицирован как суффиксальный или как сложение / сложение с суффиксацией (в обоих указанных случаях при суффиксации используется формант -ец-).

2) Дериваты со СЗ ‘лицо, совершающее действие, названное производящей основой’, произведенные при помощи суффикса -ец- и соотно-

симые со сложными субстантивными основами славянского происхождения со значением лица и глагольными основами: *прелюбодѣй* (дѣяти) / *прелюбодѣяти* (СлРЯ XI–XVII) → *прелюбодѣецъ* (μοιχαλῖς (Срезн.)), *чудотворъ* (творити) (Срезн.) / *чудотворить* (САР) → *чудотворецъ* (θαυματοουργός (СС)). При этом частотны образования данного типа с компонентом *-словецъ*: *богослов* / *богословити* (СлРЯ XI–XVII) → *богословецъ* (θεολόγος (СС)), *вредослов* (СРЯ XVIII) / *вредословити* (СлРЯ XI–XVII) → *вредословецъ* и *сквернословъ* (САР) / *сквернословити* (СлРЯ XI–XVII) → *сквернословецъ* (βρωμολόγος (Двор.)) и др. (не менее 5 лексем).

3) Дериваты со СЗ ‘лицо, являющееся объектом / результатом действия’, произведенные при помощи суффикса *-ецъ* и соотносимые с простыми основами абстрактных отглагольных имен существительных и причастий прошедшего времени страдательно-го залога славянского происхождения⁹: *извержение* (СлРЯ XI–XVII) / *изверженный* (СРЯ XVIII) → *изверженецъ*¹⁰ (ἐκτρώς (Фасмер 1996)), *обрезание* / *обрѣзанный* (СРЯ XVIII) → *обрѣзенецъ* (περιτεμνόμενος (Гильтебрандт)), *пострижение* (СлРЯ XI–XVII) / *постриженный* (СРЯ XVIII) → *постриженецъ* (ἀλόκαρσῆ (Назар.)), *перекрещение* / *перекрещенный* (СРЯ XVIII) → *перекрещенецъ* (ἀναβαπτίζω (Назар.)) (не менее 24 лексем).

В) Единственным трехкорневым дериватом, выявленным в обследуемых словарях среди СРС, является лексема *скверновелеядецъ* (образованная путем сложения с суффиксацией (добавлением форманта *-ецъ*) компонентов славянского происхождения, характеризующихся подчинительной связью, где главным опорным компонентом является глагол), имеющая СЗ ‘лицо, характеризующееся по склонности к тому, что названо первой производящей основой’ (*велеяд* / *велеядый* (Филкова 1986), μαροφαγία (СС)).

II. СРС с общим СЗ ‘предмет’ (не менее 8 лексем). СРС данной группы в исследуемых лексиконах выявлено незначительное количество, все они являются мономотивированными образованиями.

1. Дериваты со СЗ ‘предмет, такой же, как названный мотивирующим словом, но меньший по размеру’, произведенные при помощи суффикса *-ецъ* от простых (в единичных случаях сложных) неличных конкретных субстантивов славянского и иноязычного происхождения (не менее 4 лексем) (*кивотъ* (СлРЯ XI–XVII) → *кивотецъ*, *клобукъ* (СлРЯ XI–XVII) → *клобучецъ*, *фелонъ* (САР) → *фелонецъ*, *шестодневъ* (ЦС) → *шестодневецъ* (ἐξάημερος (Назар.))).

2. Дериваты, произведенные от простых конкретных субстантивов (*орель* (СлРЯ XI–XVII) → *орлець*) и сложных основ имен прилагательных славянского происхождения, со СЗ ‘предмет, похожий на тот, который назван мотивирующим словом или отношение к которому указано мотивирующим словом’ (не менее 3 лексем) (*трипѣсный* (Октоих) → *трипѣснець* (τριώδιον (Назар.)), *четверопѣсный* (Поляков) → *четверопѣснець* (тетραώδιον (Назар. 2015))).

3. Единичным примером представлены дериваты со СЗ ‘предмет, являющийся орудием действия (с уточнением по значению первого компонента)’, являющиеся результатом словосложения именных компонентов иноязычного и славянского происхождения на основе подчинительной связи, где главным опорным компонентом является отглагольное существительное: *дискотопровецъ* (*покровецъ* (*покрыти*) (СлРЯ XI–XVII), *дискотопровецъ* (Назар. 2015)).

Тематические аспекты изучения СРС

СРС, зарегистрированные в рассматриваемых словарях, относясь к лексико-грамматическому разряду конкретных имен существительных, образуют две тематические макрогруппы, включающие в себя, с одной стороны, лексемы, обозначающие лиц, а с другой стороны – обозначающие вещи.

1. Тематическая макрогруппа «Наименования лиц»

Вполне закономерно, что в анализируемых лексиконах СРС, обозначающих лиц, представлено абсолютное большинство слов (не менее 136 лексем), так как «в своем генезисе суффикс *-ецъ* имел функцию показателя пола» (Аверьянова 1941, с. 1). Сложность семантики личных СРС, по справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, приводит к одновременному включению данных лексем во «многие крупные и мелкие социальные, родственные и характерологические объединения, каждое из которых выделяется по одному или нескольким признакам» [Арутюнова 1980, с. 209] (Гусева 2017, с. 29). Указанное обстоятельство порождает объективные трудности, связанные с семантическим описанием данных лексических единиц, и объясняет отсутствие в научной литературе их единой семантической классификации. Принимая во внимание факт сложности семантики личных субстантивов, распределение анализируемых лексем в соответствии с тематическими группами в работе было осуществлено с учетом как интегральной семы («лицо»), так и дифференциальных сем («субъект/объект действия», «носитель признака» и др.) в случае вербализации последних в словарных дефинициях.

С учетом сказанного выявленные в анализируемых словарях наименования лиц целесообразно рассматривать в соответствии со следующими тематическими группами (далее ТГ): 1) наименования сверхъестественных существ и 2) наименования реальных лиц.

1.1. ТГ «Наименования сверхъестественных существ». Лексемы, входящие в данную ТГ (не менее 27), образуют две тематические подгруппы (далее ТП).

а) ТП «Наименования Бога». Данная ТП состоит из двух микрогрупп и включает в себя СРС, обозначающие Бога (в т.ч. Лиц Святой Троицы) а) по Его действиям, по отношению к человеку и миру (не менее 15 лексем) (*вѣнцодавецъ*, *жизнодавецъ*, *животворецъ*, *жизноносець*, *маннодавецъ*, *міродержецъ*, *самотворецъ*, *свѣтодавецъ*,

свѣтотворецъ, творецъ и др.) (Вѣнцедаетъ <...> говорится о Богѣ, который за подвиги, за добрыя дѣла воздаетъ награду; увѣнчиваетъ вѣнцами (ЦС)) и б) по Его свойствам (не менее 9 лексем) (<всѣвѣдецъ, <всѣвластецъ, всевидецъ, первенецъ, плотоносецъ, сердцеѣдецъ и др.). (Всеѣвѣдецъ <...> Придается единому токмо Богу, все знающему, о всѣмъ свѣдущему (САР)).

б) ТП «Наименования бесплотных духов, отпавших от Бога». Образования, составляющие данную ТП, представлены в анализируемых словарях единичными примерами (не менее 3 лексем) (міродержецъ, свѣтоносецъ, синецъ) (Синецъ <...> Въ церковных книгахъ называютъ симъ именемъ бѣса (САР)).

1.2. ТГ «Наименования реальных лиц». Эта ТГ – самая многочисленная среди выявленных в словарях СРС (более 100 лексем). Отнесенные к ней СРС могут быть классифицированы в соответствии с пятью ТП.

а) ТП «Лицо (человек), названное по сану, должности, званию, установленным в Православной Церкви, и/или связанным с ними действиям, обязанностям» (не менее 23 лексем) (бѣлецъ, бѣлоризецъ, богословецъ, жезлоносецъ, жрецъ, животописецъ, иконописецъ, муроварецъ, муропродавецъ, началописецъ, псаломѣвецъ, пѣснописецъ, приимецъ, свѣщеносецъ, совершенотворецъ, скинотворецъ, старецъ, чернецъ, черноризецъ и др.) (Муроварецъ <...> который имѣетъ искусство составлять св. муро <...> (ЦС); Свѣщеносецъ <...> Свѣщникъ, тотъ, которой выноситъ свѣчу во время выходовъ (САР)).

б) ТП «Лицо (человек) как субъект действия, характеризующего его с духовно-нравственной стороны». Данная ТП состоит из двух микрогрупп и включает в себя наименования лиц как субъектов действия, характеризующих их а) с положительной стороны (благотворецъ, богомалецъ, богочтецъ, веригоносецъ, иконолюбецъ, миротворецъ, мучениколюбецъ, христолюбецъ), в том числе связанных с проявлением сверхъестественных духовных способностей, даров (муроточецъ, небовидецъ предвидецъ, чудотворецъ, чудоносецъ) (Богомалецъ <...> Кто посѣщаетъ по набожеству мѣста святыя, обители, и храмы Господни (САР)), и б) отрицательной стороны (богоборецъ, <вредослов, глумословецъ, гордоустецъ, гордословецъ, духоборецъ, злотворецъ, иконоборецъ, милоимецъ, похотолобецъ, прелюбодѣецъ, святотатецъ, священнокрадецъ, сквернословецъ, сластолюбецъ, срамословецъ, студословецъ, христіаногубецъ, челоѣкоугодецъ и др.) (Священнокрадецъ, святотатецъ, который церковныя вещи крадетъ (ЦС)).

в) ТП «Лицо (человек) как объект и/или результат религиозного действия». СРС, относящиеся к этой ТП (не менее 15 лексем), образуют три микрогруппы и именуют, с одной стороны, а) лиц, явившихся объектом или результатом сверхъестественного благодатного действия Бога (Богоносецъ <...> получившій свыше благодать (САР)) или совершенного религиозного таинства, обряда

(обрѣзанецъ, обливанецъ, новокрещенецъ, <перекрещенецъ, постриженецъ) (Обрѣзанецъ <...> тотъ, надъ кѣмъ совершенъ обрядъ обрѣзанія <...> (САР)) или б) лиц, достигших положительных результатов, связанных с религиозной жизнью (боговидецъ, богопровидецъ, вѣнценосецъ, тайновѣдецъ), в том числе сопричисленных к лику святых с учетом их положения в церковной иерархии и/или совершенного подвига (великострадалецъ, первострадалецъ, страдалецъ, сострадалецъ, страстотерпецъ, священнострадалецъ) (Тайновѣдецъ <...> тот, кто сподобился проникнуть тайны Божія (САР)), а с другой стороны – в) лиц, на которых были наложены церковные наказания (<Изверженецъ <...> Кто лишенъ сана <...> (САР)).

г) ТП «Лицо (человек) как представитель религиозной группы людей». Эта ТП состоит из двух микрогрупп и включает в себя СРС (не менее 9), которые а) обобщенно называют лиц, принадлежащих к определенным религиозным группам (единовѣрецъ, иновѣрецъ, нововѣрецъ, <одновѣрецъ, отщепенецъ) (Одновѣрецъ <...> Единовѣрецъ; тотъ, которой съ другими одну и ту же вѣру исповѣдуетъ (САР)), или б) именуют представителей сообществ, отпавших от православия (вольнотумецъ, крестоносецъ, христоворецъ) (Перекрещенецъ <...> Кто снова окрещенъ. Говорится о раскольникахъ нѣкоторыхъ толковъ, которые вступающихъ въ ихъ сообщество вновь крестятъ).

д) ТП «Лицо (человек) как носитель признака (свойства, качества, склонности), характеризующего его с духовно-нравственной стороны». Данная ТП состоит из двух микрогрупп, в нее входят СРС (не менее 15 лексем), которые обозначают лиц как носителей признаков, характеризующих их с положительной (боголюбецъ, благолюбецъ, добролюбецъ, прозорливецъ, святецъ) (Святецъ <...> То же что святой, праведный (САР)) и отрицательной сторон (вещелюбецъ, <горделивецъ, грѣхолобецъ, плотолобецъ, <корыстолюбецъ, лукавецъ, нечестивецъ, скверновелеядецъ, спесивецъ, сребролюбецъ) (Сребролюбецъ <...> пристрастный къ деньгамъ, къ стяжанію имуществъ (САР)).

2. Тематическая макрогруппа «Наименования вещей»

Все выявленные в анализируемых словарях неличные имена СРС составляют ТГ «Продукты деятельности человека, связанные с религиозной сферой» (не менее 9 лексем), в рамках которой могут быть выделены пять ТП: а) ТП «Предметы, используемые при богослужении» (дѣскопокровецъ, орлецъ) (Дѣскопокровецъ, та небольшая пелена, которою въ священнослуженіи дискосъ по звѣздѣ накрывается <...> (ЦС)); б) ТП «Облачения священнослужителей (одежда, головные уборы)» (клобучецъ, фелонь) (Клобучецъ, небольшой клобукъ <...> (ЦС)); в) ТП «Вместилища, предназначенные для нахождения святынь» (Кивотецъ <...> Ковчегъ древесный, въ коемъ хранили Іудеи скрижали Закона Божія

(САР)); *з) ТП «Церковно-богослужебных свя-
тыни» (Агнець, на проскомидии вынимаемая часть
изъ просфоры четвероугольная <...> (ЦС)); д) ТП
«Церковные книги и произведения жанров пись-
менного церковного творчества» (трипѣснецъ,
четверопѣснецъ, шестодневнецъ) (Шестодневнецъ,
книга тоже что шестодневникъ (ЦС)).*

Словарное отражение динамических процессов в области СРС в русском языке второй полови- ны XVIII – начала XIX вв.

САР¹ включает около 90 % СРС, помещенных
в качестве заголовочных в САР² (см. таблицу), при
этом САР² содержит ряд слов, которые не были
помещены в САР¹ (не менее 18 лексем). Среди
их состава – СРС, зафиксированные в изданиях
ЦС и/или других словарях XVIII века (животво-
рецъ, зловѣрецъ, идолотворецъ, любосластецъ,
мздолюбцецъ, мучениколюбцецъ, небовидецъ, не-
благотворецъ, нищелюбецъ, первоотцецъ, плото-
носецъ, студословецъ страстоносецъ), а также
СРС, не внесенные в эти лексиконы (изверже-
нецъ, иконолюбцецъ маннодавецъ, прелюбодѣецъ,
трипѣснецъ)¹¹.

Таблица

Количественный состав СРС в словарях XVIII – первой четверти XIX вв.

Table

Quantitative composition of substances of religious semantics in dictionaries of the XVIII – first quarter of the XIX centuries

Название словаря	САР ¹	САР ²	ЦС ²	ЦС ⁴
Кол-во лексем	Не менее 115	Не менее 135	Не менее 80	Не менее 120

ЦС² включает более 60 % СРС, отмеченных
в качестве заголовочных в ЦС⁴ (см. таблицу).
В то же время ЦС⁴ содержит ряд слов, которые
не были включены в ЦС² (не менее 40 лексем). К
их числу относятся не только СРС, включенные
в издания САР и/или другие словари XVIII ве-
ка (вещелюбецъ, бѣлоризецъ, жизнотворецъ,
злотворецъ, знаменотворецъ, лихоимецъ, муче-
николюбцецъ, первоотворецъ, свѣтодавецъ,
сострадавецъ, студословецъ, страстоносецъ,
тайновѣдецъ), но и слова, не зафиксированные в
этих лексиконах (богатотворецъ, блудотворецъ, бого-
отецъ, богочтецъ, великострадавецъ, великодавецъ,
вѣнцедавецъ, демоночтецъ, доброненавистецъ,
жезлотворецъ, жизнотворецъ, злотворецъ, зломудрецъ,
клобучецъ, люботворецъ, мздопримецъ, неложно-
любцецъ, похототворецъ, расоносецъ, самотворецъ,
свѣтотворецъ, священнопѣвецъ, скверновелея-
децъ, смыслодавецъ, тайнословецъ, тайноградецъ,
человѣкоугоднецъ)¹².

Из приведенных примеров видно, что включен-
ные в лексиконы начала XIX в. (САР² и ЦС⁴) СРС
являются в большинстве своем сложными личны-
ми именами существительными. Источником их

заимствования стали тексты Месячной минеи и
Пролог.

С учетом частоты фиксации СРС в исследуемых
словарях среди их состава могут быть выделены
следующие группы слов применительно к XVIII –
первой четверти XIX вв.: 1) высокочастотные
(помещены во всех изданиях САР и ЦС): агнецъ,
боготорецъ, боготворецъ, братолюбцецъ, бѣлецъ,
вѣнецъ, грѣхотворецъ, живодавецъ, жрецъ, иконо-
борецъ, иконописецъ, милоимецъ, муроварецъ,
муроточецъ, орлецъ, отецъ, первствотворецъ,
святотворецъ, скинотворецъ, христорецъ, хри-
стотворецъ, человеколюбцецъ, четверопѣснецъ,
чудотворецъ (не менее 24 лексем); 2) низкочастот-
ные (содержатся в одном из изданий САР или ЦС):
богопротворецъ, животворецъ, иконолюбцецъ, ман-
нодавецъ, милостивецъ, трипѣснецъ, блудотворецъ,
богоотцецъ, богочтецъ, великострадавецъ, велико-
давецъ, всевластецъ, вѣнцедавецъ, демоночтецъ,
добротворецъ, жезлотворецъ, жезлотворецъ, злотворецъ,
знаменотворецъ, злотворецъ, зломудрецъ, клобучецъ,
люботворецъ, мздопримецъ, первоотворецъ,
расоносецъ, самотворецъ, священнопѣвецъ, сквер-
новелеядецъ, смыслодавецъ (не менее 29 лексем); 3) выпавшие из словарей (содержатся в начале XVIII
в. в лексиконе Ф. Поликарпова (ЛП), но не поме-
щены ни в одном из изданий САР и ЦС: боготворецъ,
боготворецъ, богоненавистецъ, богочтецъ, доброненави-
децъ, добротворецъ, жертвецъ, злотворецъ, мужеложецъ,
мздоотцецъ, нечистотворецъ, образотворецъ, покровецъ, пре-
столотворецъ, пѣснопѣвецъ, пѣснотворецъ, человеконенавистецъ,
ралмписецъ (не менее 18 лексем).

Основные причины, обуславливающие выпа-
дение СРС из активного словарного употребле-
ния, могут быть связаны с наличием в языке более
сильных параллельных словообразовательных и
синонимических образований (например: жерт-
вецъ – жрецъ (ЦС, САР), образотворецъ – иконобо-
рецъ (ЦС, САР), пѣснопѣвецъ, священнопѣвецъ –
псалмостворецъ (САР), трипѣснецъ – тріодионъ
(ЦС), мужеложецъ – мужеложникъ (ЦС), престол-
лецъ – престолъ (ЦС, САР), мясодавецъ – мясоѣдъ
(САР), клобучецъ – клобукъ (ЦС, САР)), а также
редким использованием текстов, в которых данные
лексеммы употребляются (например: вѣнцедавецъ,
первоотворецъ, скверновелеядецъ и др.).

Семантический аспект изучения СРС

Не менее 90 % СРС, по данным обследуемых
словарей, в рассматриваемый период являлись од-
нозначными лексеммами.

При этом в рамках одной вокабулы в некото-
рых случаях составители словарей фиксировали
значения, свойственные, с одной стороны, обще-
употребительному дискурсу, а с другой – конфес-
сиональному. В связи с этим важно отметить, что
значения, характерные для религиозных текстов,
в большинстве случаев вторичны и являются ре-
зультатом метафорического переноса (Первенецъ,
который въ первыхъ родился отъ утробы матер-
ней <...> А въ новомъ завѣтѣ Христосъ есть пер-
венецъ <...> (ЦС)).

У СРС, имеющих несколько лексико-семантических вариантов, свойственных религиозному дискурсу, в рамках словарных статей анализируемых лексиконов объединяются, как правило, не более двух личных значений (*Богомолец* <...> 1) *Кто молит Бога за кого* <...> 2) *Кто посылает по набожеству мѣста святыя обители и храмы Господни* (САР)), в том числе фиксируются случаи энантиосемии (*Міродержецъ*, 1) *начальникъ сего міра, правитель вселенныя, то есть Богъ*. 2) *Иногда сіе имя придается діаволу, когда міръ взятъ будетъ в худую сторону* <...> (ЦС)). В единичных случаях под одной вокабулой объединяются личные и неличные религиозные значения СРС, при этом важно отметить, что развитие неличных значений у данных дериватов могло происходить на основе личных (*Агнецъ* <...> 3) *Исусъ Христосъ* <...> 4) *Въ церкви называется вынимаемая четвероугольная часть изъ просфоры, на коей сверху надпись Исусъ Христосъ Ника* (САР)).

При переиздании САР и ЦС¹³ составители словарей вносили правки, которые были связаны с уточнением лексических значений СРС и изменением материала в иллюстративной части (см., например: *обливанецъ*, *первенецъ*, *праотецъ*, *иновѣрецъ* (САР), *христородецъ* (ЦС)). Однако выявленные при сверке изданий изменения немногочисленны (они коснулись около 10 % словарных статей), что может свидетельствовать в определенной мере о консервации лексических значений у СРС в рассматриваемый период.

Заключение

1. Проведенный анализ выявил способность СРС соотноситься в словообразовательном плане с разными видами основ, а также многозначность самого суффикса *-ец* при данном словопроизводстве. Не менее 80 % выявленных в анализируемых словарях СРС – это сложные двукорневые личные субстантивы с постпозицией опорного компонента, являющиеся в этимологическом отношении кальками с греческого языка. Для их образования была продуктивна агентивная словообразовательная модель: «основа конкретного неличного субстантива + соединительная гласная *о* + личный отглагольный субстантив на *-ец* (или несовершенного вида переходный глагол V продуктивного класса + суффикс *-ец*) + флексия». Деминутивное значение суффикса *-ец*, «широко представленное в древнерусском языке» (Аверьянова 1941, с. 2), не было характерным для СРС в русском языке XVIII – первой четверти XIX вв.

2. В анализируемых словарях среди СРС было обнаружено 8 неологизмов XVIII века. Этот факт свидетельствует о том, что процесс, связанный

с количественным пополнением данного класса слов, не был активен в русском языке в рассматриваемый период. Примечательно, что среди отмеченных новообразований имеются отпричастные дериваты типа *изверженецъ*, *перекрещенецъ*. Их появление может быть объяснено, с одной стороны, экстралингвистическими факторами, связанными с активным распространением в XVIII веке различных религиозных течений и сект, а с другой стороны – собственно лингвистическими, поскольку XVIII век является «золотым веком» причастий [Ким 2007, с. 324], а также временем, когда субстантивы религиозной семантики на *-ние* (которые, как было показано, также могли быть потенциально мотивирующими основами для СРС) начинают активно «вытеснять из языкового употребления параллельные им образования со значением отвлеченного действия, оставляя за собой функцию его репрезентации в качестве основной» [Феликсов 2022, с. 127].

3. Абсолютное большинство СРС в гражданской речи XVIII – первой четверти XIX вв. являлось моносемантическими лексемами и принадлежало, как и в современном русском языке, к конкретной лексике, обозначающей лиц мужского пола. В то же время примеры фиксации у СРС в рамках одной вокабулы нескольких значений позволяют говорить о наметившихся изменениях, которые связаны с семантическим осложнением данных лексем.

4. Исследование показало, что анализируемые СРС имеют сложную тематическую организацию, при этом наиболее развитой системой наименований и большим семантическим разнообразием характеризуется тематическая макрогруппа, связанная с обозначением лиц, что вполне закономерно с учетом основной семантической функции форманта *-ец*. В рамках этой макрогруппы наибольшую номинативную плотность имеет тематическая группа «Наименования реальных лиц», не менее 35 % которой составляют лексемы, образующие тематическую подгруппу «Лицо (человек) как субъект действия, характеризующего его с духовно-нравственной стороны». Данный факт, отражая особенности воплощения православного миропонимания в русской языковой картине мира XVIII – первой четверти XIX вв., обусловлен важностью для религиозного сознания дать оценочную характеристику лицу, являющемуся субъектом действия.

5. СРС в своей совокупности образуют один из значимых пластов лексики православного вероучения в русской языковой картине мира XVIII – первой четверти XIX вв., что подтверждается самим фактом их широкой представленности в анализируемых словарях.

Примечания

¹ Данный славянский суффикс восходит «к сформировавшемуся еще в индоевропейском языке суффиксу *-ik-*» [Ефимова 2006, с. 69].

² Под «лексикой православного вероучения» в работе понимается «совокупность лексико-фразеологических единиц и непредикативных (назывных) сочетаний слов», служащих для обозначения религиозных понятий, связанных с православным вероучением. Подробнее см. [Феликсов 2018].

³ Подробнее о ЦС см.: [Феликсов 2009].

⁴ Так, например, В.С. Ефимова, анализируя старославянские лексемы типа *боговидецъ*, допускает их образование суффиксально-сложным способом и путем чистого сложения, поскольку в старославянских рукописях употреблялось существительное *видецъ* и т. п. [Ефимова 2006, с. 81]. Н. Х. Низаметдинова, рассматривая слова типа *властолюбецъ*, полагает, что «для периода XII–XVI в.» подобные дериваты «следует рассматривать как результат сложения, так как формально-семантически и хронологически» они «соотносились» с отдельными компонентами (в частности «*власть* и *любецъ*»), а «для периода позднее XVI в.» их «следует трактовать как сложносуффиксальные» образования (Низаметдинова 2004, с. 6).

⁵ СЗ – словообразовательное значение.

⁶ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по изданиям ЦС⁴ и САР².

⁷ Суффикс *-лец-* выделяется как самостоятельная словообразовательная единица в научных работах. См., например: [Виноградов 1999, с. 638].

⁸ О выделении сложного суффикса *-енец* в слове *перевенец* и т. п. писал, например, Г.О. Винокур, подробнее см. [Винокур 1959, с. 430–431].

⁹ О словообразовательной мотивированности слов данного типа на *-енец* отглагольными существительными на *-ение* писал Г.О. Винокур, допуская также постановку вопроса о их соотношении с основами страдательных причастий прошедшего времени в случае наличия таковых в языке, подробнее см.: [Винокур 1959, с. 431].

¹⁰ Здесь и далее новообразования XVIII в. среди СРС отмечены знаком – «<».

¹¹ В частности, эти слова не помещены в ЦС, а также (ЛП, Норд., КСС, Ян.).

¹² В частности, эти слова не помещены в САР, а также в (ЛПП, Норд., КСС, Ян.).

¹³ К данному анализу были привлечены ЦС² и ЦС⁴.

Материалы исследования

LSJ – *LSJ* – Древнегреческие словари. URL: https://lsj.gr/wiki/Main_Page.

Аверьянова 1941 – *Аверьянова А.П.* Функции именного суффикса *-ец* в русском языке: тезисы к дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1941. 1 с.

Воронцова 1953 – *Воронцова В.Л.* Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке: (Способы суффиксального словообразования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1953. 16 с.

Гильтебрандт 1882–1885 – *Гильтебрандт П.А.* Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Петроград, 1882–1885.

ГриГС – *Греческо-русский и русско-греческий словарь*. URL: <https://greekdictionary.ru>.

Гусева 2017 – *Гусева С.С.* Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте: на примере текстов А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. 24 с.

Дворецкий 1958 – *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. Москва: ГИС, 1958.

Дьяченко 2004 – *Дьяченко Г.М.* Полный церковнославянский словарь. Москва: Отчий дом, 2004.

Ерофеева 2010 – *Ерофеева И.В.* Именное словообразование в языке русских летописей: дис. ... д-р филол. наук. Казань, 2010. 414 с.

КСС 1784 – *Романовъ Е.* Краткой словарь славянской. Санкт-Петербург, 1784.

ЛП 1704 – *Поликарповъ Ф.* Ле҃зѣиконъ тре҃зѣичный. Москва: Синод. тип., 1704.

Мазурина 2007 – *Мазурина Н.К.* Словообразование существительных со значением лица в русском языке XI–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 22 с.

Назар. 2015 – *Назаренко А.А.* Греческо-русский словарь христианской церковной лексики с толковыми статьями. Москва: Изд-во МП РПЦ, 2015.

Низаметдинова 2004 – *Низаметдинова Н.Х.* Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 51 с.

Норд. 1782 – *Нордстетъ I.* Россійскій, съ нѣмецкимъ и французскимъ переводами, словарь: в 2 ч. Санкт-Петербург, 1782.

Октоих – *Октоих* [рукопись]: Песнопения триодей – на крюковых и линейных нотах. [Б.м.], конец XVII – начало XVIII в. 325 л.

Панд. – *Амфилохій* (Сергиевскій) Словарь из Пандекта Антиоха XI вѣка. Москва, 1880.

Поляков – *Поляков А.Е.* Грамматический словарь церковнославянского языка (по материалам корпуса). URL: <http://dic.feb-web.ru/slavonic/dicgram>.

САР¹ – *Словарь Академіи Россійской*: в 6 ч. Санкт-Петербург: В тип. Императ. Акад. наук, 1789–1794.

САР² – *Словарь Академіи Россійской*, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Санкт-Петербург: В тип. Императ. Акад. наук, 1806–1822.

СДРЯ – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. Москва, 1988–2019.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. Москва; Санкт-Петербург, 1975–2019.

Срезн. 2003 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. Москва: Знак, 2003.

СРЯ XVIII – *Словарь русского языка XVIII века* / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1984–2019.

СС – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, Москва: Русский язык, 1994.

Фасмер 1996 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Изд. центр «Терра», 1996.

Филкова 1986 – *Филкова П.Д.* Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка: учеб. словарь. Т. 1–4. София: Софийский ун-т, 1986.

Хабибуллина 2001 – *Хабибуллина Е.В.* Суффиксальное субстантивное словообразование в современном русском языке: на материале словарей новых слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2001.

ЦС¹ – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь. Москва: При Императ. Моск. ун-те, 1773. 396 с. Алексѣевъ П.А. Дополнение къ Церковному словарю. Москва: При Императ. Моск. ун-те, 1776. 324 с.; Продолжение Церковнаго словаря. Москва: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1779.

ЦС² – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь: в 3 ч. Санкт-Петербург: При Императ. Акад. наук, 1794.

ЦС³ – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь: в 4 ч. Москва: Синодальная Типография, 1815–1816.

ЦС⁴ – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь: в 5 ч. Санкт-Петербург: Типография Ивана Глазунова, 1817–1819.

Шاپорева 2012 – *Шاپорева О.А.* Наименования лиц в церковнославянских акафистах: морфемно-словообразовательные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 366 с.

Шаталова 1984 – *Шаталова З.И.* Множественность словообразовательной структуры имен существительных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984. 234 с.

Яновскій – *Яновскій Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: в 3 ч. Санкт-Петербург: Императ. Акад. наук, 1803–1806.

Библиографический список

Арутюнова 1980 – *Арутюнова Н.Д.* Аспекты семантических исследований. Москва: Наука, 1980. 354 с.

Варбот 1969 – *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. Москва: Наука, 1969. 230 с. URL: http://history-fiction.ru/books/all_39/book_3481/.

Виноградов 1999 – *Виноградов В.В.* История слов. Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/>.

Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.

Винокур 1959 – *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы. Москва, 1959. С. 419–442. URL: <https://pollang.sitehost.iu.edu/vinokur.pdf>.

Грязнова 1989 – *Грязнова В.М.* Личные существительные в русском литературном языке первой половины XIX века. Москва; Ставрополь: СГПИ, 1989. 90 с.

Ефимова 2018 – *Ефимова В.С.* К вопросу об образовании старославянских сложных слов // Славяноведение. 2018. № 4. С. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869544X0000461-0>. EDN: <https://elibrary.ru/ybskvv>.

Ефимова 2006 – *Ефимова В.С.* Старославянская словообразовательная морфемика. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2006. 366 с. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Efimova_Staroslav_slovoobrazovatel%27naja_morfemika.pdf.

Железнова 1988 – *Железнова Р.В.* Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX вв.). Душанбе: Дониш, 1988. 295 с.

Камчатнов 2022 – *Камчатнов А.М.* Введение в изучение русского исторического словообразования. Москва: Директ-Медиа, 2022. 300 с. URL: http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/Vvedenie_v_izuchenie_russkogo_istoricheskogo_slovoobrazovaniya.pdf.

Ким 2007 – *Ким С.Х.* Основные этапы эволюции форм и функций причастий и деепричастий в период становления норм современного русского литературного языка (начало XVIII – первая треть XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 1. Ч. 2. С. 324–330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-form-i-funktsiy-prichastiy-i-deeprichastiy-v-period-stanovleniya-norm-sovremennogo-russkogo-literaturnogo-1>.

Николаев 2010 – *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование. Москва: Либроком, 2010. 184 с. URL: <https://obuchalka.org/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html>.

Очерки по исторической грамматике... 1964 – *Очерки по исторической грамматике* русского литературного языка XIX в. / Е.А. Земская, В.А. Плотникова-Робинсон, В.Н. Хохлачева, А.Б. Шапиро. Москва: Наука, 1964. 600 с.

Русский язык и советское общество... 1968 – *Русский язык и советское общество*. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка. Москва: Наука, 1968. 299 с.

Феликсов 2022 – *Феликсов С.В.* Религионимы-субстантивы на -ние в русском языке XVIII века: словообразовательный и историко-этимологический аспекты анализа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 116–133. URL: <https://lingusgu.elpub.ru/jour/article/view/133>.

Феликсов 2018 – *Феликсов С.В.* Семантический аспект лингвистического описания лексики православного вероучения в церковнославянском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 2. С. 335–350. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350>.

Феликсов 2009 – *Феликсов С.В.* «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. 2009. № 3. С. 80–87. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2009-3/80-87>.

References

- Arutyunova 1980 – *Arutyunova N.D.* (1980) Aspects of semantic research. Moscow: Nauka, 354 p. (In Russ.)
- Varbot 1969 – *Varbot Zh.Zh.* (1969) Old Russian nominal word formation. Retrospective formal characterization. Moscow: Nauka, 230 p. Available at: http://history-fiction.ru/books/all_39/book_3481. (In Russ.)
- Vinogradov 1999 – *Vinogradov V.V.* (1999) History of words. Moscow: In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, 1138 p. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov>. (In Russ.)
- Vinogradov 1947 – *Vinogradov V.V.* (1947) Russian language: (Grammatical doctrine of word). Moscow; Leningrad: Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 783 p. (In Russ.)
- Vinokur 1959 – *Vinokur G.O.* (1959) Notes on Russian word formation. In: *Vinokur G.O. Selected works*. Moscow, pp. 419–442. Available at: <https://pollang.sitehost.iu.edu/vinokur.pdf>. (In Russ.)
- Gryaznova 1989 – *Gryaznova V.M.* (1988) Personal nouns in the Russian literary language of the first half of the XIX century. Moscow, Stavropol: SGPI, 90 p. (In Russ.)
- Efimova 2018 – *Efimova V.S.* (2018) Concerning the formation of Old-Slavic compound words. *Slavynovedenie*, no. 4, pp. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869544X0000461-0>. EDN: <https://elibrary.ru/ybskvv>. (In Russ.)
- Efimova 2006 – *Efimova V.S.* (2006) Old Slavonic word-forming morphemics. Moscow: In-t slavyanovedeniya RAN, 366 p. Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Efimova_Staroslav_slovoobrazovatel%27naja_morfemika.pdf. (In Russ.)
- Zheleznova 1988 – *Zheleznova R.V.* (1988) From the history of personal nouns in the Russian literary language (XI–XX centuries). Dushanbe: Donish, 295 p. (In Russ.)
- Kamchatnov 2022 – *Kamchatnov A.M.* (2022) Introduction to the study of Russian historical word formation. Moscow: Direkt-Media, 300 p. Available at: http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/Vvedenie_v_izuchenie_russkogo_istoricheskogo_slovoobrazovaniya.pdf. (In Russ.)
- Kim 2007 – *Kim S.Kh.* (2007) Basic fundamental stages in the evolution of forms and functions of participles and adverbial participles in the formation period of norms of the contemporary Russian literary language (early XVIII century to first third of the XIX century). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9*, issue 1, part 2, pp. 324–330. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-form-i-funktsiy-prichastiy-i-deeprichastiy-v-period-stanovleniya-norm-sovremennogo-russkogo-literaturnogo-l>. (In Russ.)
- Nikolaev 2010 – *Nikolaev G.A.* (2010) Russian historical word formation. Moscow: Librokom, 184 p. Available at: <https://obuchalka.org/2017100196746/russkoe-istoricheskoe-slovoobrazovanie-teoreticheskie-problemi-nikolaev-g-a-2010.html>. (In Russ.)
- Essays on historical grammar... 1964 – *Zemskaya E.A., Plotnikova-Robinson V.A., Khokhlacheva V.N., Shapiro A.B.* (1964) Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the XIX century. Moscow: Nauka, 600 p. (In Russ.)
- Russian language and Soviet society... 1968 – *Russian language and Soviet society*. Sociological and linguistic research. Word formation of modern Russian literary language. Moscow: Nauka, 299 p. (In Russ.)
- Feliksov 2022 – *Feliksov S.V.* (2022) Religious-Substances on -nie in the Russian Language of the XVIII Century: Word-Forming and Historical-Etymological Aspects of Analysis. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, vol. 12, no. 4, pp. 116–133. Available at: <https://lingusgu.elpub.ru/jour/article/view/133>. (In Russ.)
- Feliksov 2018 – *Feliksov S.V.* (2018) Semantic aspect of the linguistic description of lexicon of Orthodox dogma in Church Slavonic language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 2, pp. 335–350. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350>. (In Russ.)
- Feliksov 2009 – *Feliksov S.V.* (2009) The Church Glossary by Archpriest P.A. Alekseev. *Russian Speech*, no. 3, pp. 80–87. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2009-3/80-87>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82

Дата поступления: 19.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

Функционально-семантический потенциал лексем, характеризующих взгляд героини Софи Невё в романе Дэна Брауна «Код да Винчи»

Д.А. Мухартова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, МБОУ «Гимназия № 22»,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: daria.muhartowa@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-5712-030X>

О.Н. Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: olgitsa2010@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

И.В. Чекулай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: chekulai@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

Аннотация: Идея антропоцентричности языка предполагает системное изучение образа человека. Художественная антропология изучает персонажа, воссозданного автором в литературе, и человеческий образ, познаваемый читателем. Целью исследования является рассмотрение лексем, характеризующих взгляд Софи Невё, главной героини романа Дэна Брауна «Код да Винчи», и установление своеобразия данных языковых единиц при использовании их писателем для создания литературного портрета девушки. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов портретирования персонажа в художественном произведении в связи с тем, что портретирование выступает универсальной формой текстовой репрезентации человека. В связи с этим рассмотрение такой детали образа Софи Невё, как глаза, представляет особую важность как для анализа системы женских образов романов Дэна Брауна, так и для описания героини в целом. Неслучайно говорят, глаза – зеркало души, то есть через глаза раскрывается образ в целом, его дистинктивные характеристики как личности. Среди основных методов, использованных авторами, следует упомянуть количественный, дефиниционный, а также компонентный анализ. В статье рассматриваются функциональные особенности глаголов с гиперсемой «смотреть/look», гипосемы которых эксплицируются через дистинктивные характеристики и специфику их функционирования. С помощью дефиниционного и компонентного анализа авторы представляют лексикографический потенциал всех исследуемых лексем. Большую значимость имеет количественный анализ языковых единиц, отражающих движения глаз персонажа, на основании которого авторы приходят к выводу о многогранности образа героини, взгляд которой выступает одним из самых выразительных элементов ее литературного портрета.

Ключевые слова: литературный портрет; литературное портретирование; микродвижения; движения глаз; характеристика взгляда; Дэн Браун; персонаж; образ; художественное произведение.

Цитирование. Мухартова Д.А., Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Функционально-семантический потенциал лексем, характеризующих взгляд героини Софи Невё в романе Дэна Брауна «Код да Винчи» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 167–174. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-167-174>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мухартова Д.А., Прохорова О.Н., Чекулай И.В., 2025

Дарья Андреевна Мухартова – аспирант и ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85; учитель английского языка, МБОУ «Гимназия №22» г. Белгорода, 308004, Российская Федерация, г. Белгород, бульвар Юности, 14.

Ольга Николаевна Прохорова – доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Игорь Владимирович Чекулай – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Functional and semantic potential of lexemes characterizing eye movements of Sophie Neveu in the novel ‘The Da Vinci Code’ by Dan Brown

D.A. MukhartovaBelgorod National Research University, Municipal budget educational institution «Grammar School № 22»,
Belgorod, Russian FederationE-mail: daria.muhartowa@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-5712-030X>**O.N. Prokhorova**

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

E-mail: olgitsa2010@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9441-819X>**I.V. Chekulai**

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

E-mail: chekulai@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

Abstract: The idea of anthropocentricity of language presupposes a systematic study of the image of a person. Literary anthropology studies the character recreated by the author in literature, and the human image perceivable by the reader. The aim of the article is therefore to analyze the lexemes characterizing Sophie Neveu's eye movements in Dan Brown's mystical novel *The Da Vinci Code*, and to determine the specifics of these linguistic units used by the writer to create a literary portrait of the heroine. The study is of particular relevance considering the need to study the ways of portraying a character in a work of fiction due to the fact that portraying is a universal form of textual representation of a person. In this regard, considering the image of Sophie Neveu in the context of her eyes movements is of particular importance for the analysis of the whole system of female characters in Dan Brown's novels and for the description of the heroine as a whole. As the metaphor goes, the eyes are the windows of the soul, that is, through the eyes the image as well as its distinctive characteristics as a personality are revealed. Among the main methods used by the authors, quantitative analysis, definition analysis and component analysis should be mentioned. The article deals with the functional features of verbs with the hyperseme *look*, the hyposemes of which determine their distinctive characteristics and the specifics of their functioning. Based on the definition and component analysis, authors present the lexicographic potential of lexemes under study. Of great importance is the quantitative analysis of linguistic units reflecting character's eye movements, on the basis of which the authors come to the conclusion about the versatility and complexity of the heroine's image, whose eyes are one of the most expressive elements of her literary portrait.

Key words: literary portrait; literary portraying; micro-movements; eyes movements; look characteristics; Dan Brown; character; image; fiction.

Citation. Mukhartova D.A., Prokhorova O.N., Chekulai I.V. Functional and semantic potential of lexemes characterizing eye movements of Sophie Neveu in the novel 'The Da Vinci Code' by Dan Brown. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 167–174. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-167-174>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interests.

© Mukhartova D.A., Prokhorova O.N., Chekulai I.V., 2025

Darya A. Mukhartova – postgraduate student and assistant professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod National Research University, 85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; English teacher, Municipal budget educational institution «Grammar School № 22», 14, Yunosti Boulevard, Belgorod, 304004, Russian Federation.

Olga N. Prokhorova – Doctor of Philological Sciences, professor, director of the Institute of Cross-Cultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, 85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Igor V. Chekulai – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod National Research University, 85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Введение

Одной из важнейших категорий художественного текста выступает образ персонажа. Антропоцентрический характер художественного произведения выражается в том, что предметом изображения в художественных текстах является именно человек [Гончарова 1984, с. 3]. В рамках художественной антропологии целесообразно говорить о таких соотношениях, как человек/автор, человек/образ, персонаж/образ. Поскольку все эти ипостаси имеют человеческую природу, их функционирование в художественном мире становится одним из условий успешного диалога читателя, автора и персонажа [Морозова 2022, с. 32].

Будучи одной из основных универсалий текста, персонаж находит свое отражение в созданном автором литературном портрете. Мы разделяем точку зрения Е.В. Стрельцовой, которая называет портрет связующим звеном между системой персонажей и сюжетом произведения [Стрельцова 2018, с. 80], поскольку именно в различении героев и заключается значимость каждого из них в контексте общего повествования.

Рассматривая структуру литературного героя, Л.Я. Гинзбург в монографии «О литературном герое» приравнивает персонажа к серии «последовательных проявлений одного лица в пределах данного текста» [Гинзбург 2024, с. 89]. Взаимодействие персонажа с другими действующими лицами, его последовательное исчезновение и появление по ходу повествования, упоминание о нем другими героями приводит к наращиванию выше-названных проявлений [Гинзбург 2024, с. 89].

Обратимся к ключевым элементам литературного портрета, среди которых А.Б. Есин называет манеру поведения человека, его телосложение, мимику и артикуляцию [Есин 2000]. Как следствие, невербальному поведению персонажа свойственно привносить в текст особые, скрытые смыслы и содержать определенные подтексты, поскольку в этом заключена «специфическая функциональность невербальных знаков» [Боева 2015, с. 29]. Несловесные формы поведения придают внутреннему миру того или иного персонажа некую определенность, формируя более завершенный образ и «являясь важнейшей гранью персонажа как целостности» [Булаева, Бурова 2017, с. 204].

Вместе с тем, как подчеркивает Л.В. Воробьева, рассмотрение художественных текстов в аспекте вербальной характеристики невербального поведения персонажа позволяет выявить подробности его художественного образа [Воробьева 2015, с. 133]. В связи с этим целесообразно рассмотреть образное представление невербального поведения, так как оно служит для верной интерпретации замысла писателя. Говоря об авторском восприятии действительности, стоит отметить, что способы описания невербального поведения персонажей литературных произведений составляют идиомат автор, рассматриваемый в качестве определенной ступени формирования идиостиля, который, в свою очередь, характеризуется тем, что его элементы строго упорядочены, организованы иерархично и отличаются большей системностью [Медведкова 2016, с. 126]. Н.С. Болотнова в монографии «Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль» подчеркивает, что идиостиль выступает как «многоаспектное и многоуровневое отражение языковой личности творца текста» [Болотнова 2001, с. 303]. В свою очередь, структура идиостиля складывается из таких элементов, как мотивированный отбор и частота употребления языковых единиц [Чернышева 2010, с. 33]. Определенные параметры индивидуального стиля автора устанавливают Д. Брандидж и М. Лэйхи, среди них следует отметить такие, как структура предложений, форма повествования, образность и ритм текста [Brundage, Lahey 2011]. В контексте авторской специфики Р. Эдвардс также рассуждает о важности ритмических и благозвучных фраз для восприятия художественного произведения [Edwards 2019].

Формирование наглядно-чувственного образа является когнитивным процессом. В толковании И.Ф. Волкова художественный образ воплощает собой «художественно освоенную характерность реальной действительности» [Волков 1995, с. 75]. Иными словами, образ представляет собой способ поэтической действительности и способствует выразительности текста. Нельзя не отметить, что наряду с невербальным поведением средством художественного изображения персонажей также выступает речевое поведение, отражающее специфику языкового сознания. Речевое поведение обладает устойчивыми тематическими, стилистическими, а также композиционными характеристиками [Федосюк 1997, с. 104]. Вслед за Ю.Ю. Флигинских мы отмечаем значимость речевого портрета наравне с мимикой и языком жестов и разделяем его отнесенность к динамическому компоненту художественного портрета персонажа [Флигинских 2020].

Обращаясь к мимике, отметим, что прежде всего ее описание соотносится с выражением лица и его частями: лбом, бровями, веками, глазами, ртом, губами, подбородком. Характеристика взгляда представляется первостепенной задачей исследования, поскольку Дэн Браун мастерски оперирует широким спектром лексем с соответствующей семантикой.

Данное исследование проводилось на основе текста романа Дэна Брауна «Код да Винчи», опубликованного в 2003 году, и посвящено рассмотрению портрета персонажа с точки зрения описания его выражений глаз. Цель исследования заключается в установлении своеобразия лексем, характеризующих взгляд Софи Невё, главной героини романа Дэна Брауна «Код да Винчи», при использовании их писателем для создания литературного портрета девушки. В ходе исследования выдвигается гипотеза о том, что глаза являются наиболее выразительным элементом портретной характеристики в романах Дэна Брауна.

Согласно классификации движений по амплитуде и траектории, представленной авторами ранее в работе «Макро- и микродвижения персонажа как составной элемент литературного портрета (на примере образа Сиенны Брукс в романе Дэна Брауна „Инферно“», выделяются группы микродвижений и макродвижений. Первые представлены движениями с небольшой траекторией, они незаметны, отличаются произвольностью и малой амплитудой [Мухартова, Прохорова 2023]. Амплитуда же вторых больше, траектория макродвижений соотносится с анатомическими размерами человека [Мухартова, Прохорова 2023].

Методы

При проведении исследования нами были использованы методы количественного анализа, дефиниционный анализ и компонентный анализ. Первый, в частности, помогает понять особенности рассматриваемого в рамках данного исследования синонимического ряда лексем. Компонентный же анализ позволяет изучить семный состав анализируемых лексем, определить гиперсему и гипосему при последующем установлении специфики каждой лексемы.

Результаты и обсуждение

Предмет нашего анализа – микродвижения главной героини романа «Код да Винчи» Софи Невё. Принимая во внимание малую амплитуду и менее видимую траекторию движений, по сравнению с макродвижениями, к микродвижениям нами были отнесены движения глаз, мимика, артикуляция, а также движения головы, туловища, конечностей с малой амплитудой, которая характеризуется перемещением в пространстве не более чем на 90 градусов [Мухартова, Прохорова 2023]. Данное исследование направлено на анализ движений глаз героини. Примечательно, движения глаз Софи в романе «Код да Винчи» представлены 190 примерами. Рассмотрим языковые единицы, используемые автором для описания взгляда героини.

В ряду примеров встретились следующие лексемы с соответствующей семантикой: *eye*, *look*, *see*, *stare*, *glance*, *gaze*, *watch*, *scan*, *peer*, *glare*, *squint*. Данные лексемы являются синонимами, наиболее объемной в семантическом плане лексемой, определяющей их значение в словарях, выступает лексема *look*:

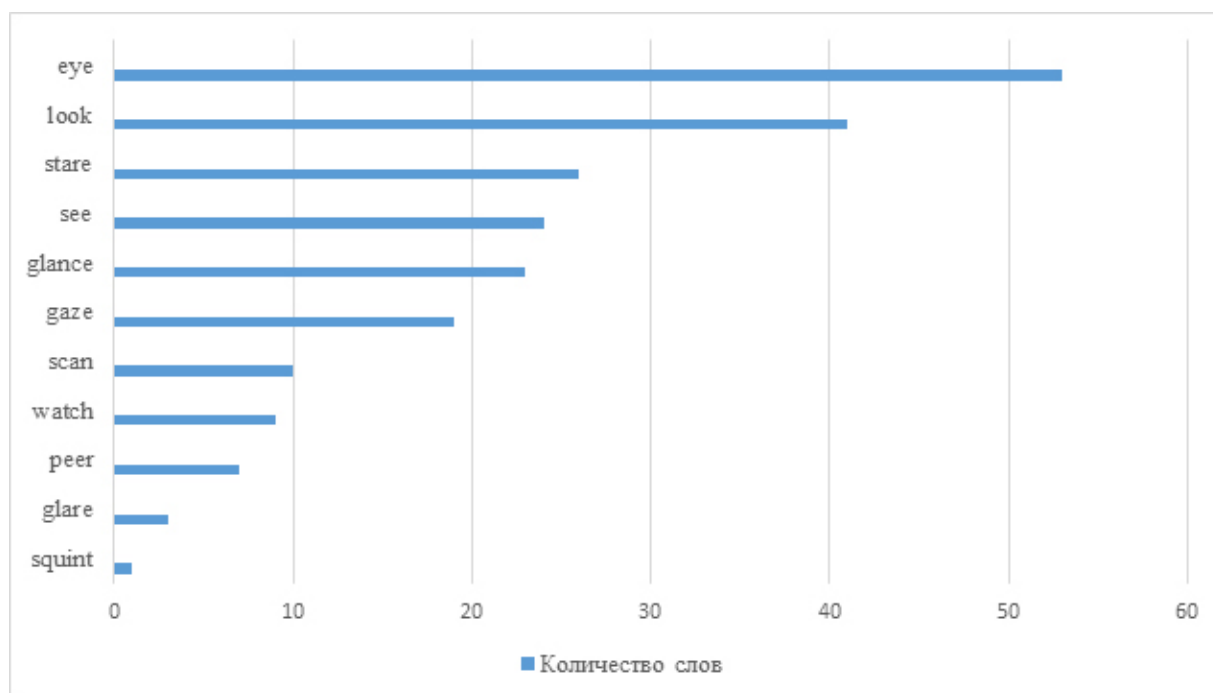

Рис. Лексемы, характеризующие взгляд Софи Невё
Fig. Lexemes characterizing Sophie Neveu's eye movements

look: to turn your eyes in the direction of something or someone so that you can see them – смотреть (Cambridge 2022).

Именно это значение выступает как гиперсема. Каждая из вышеуказанных лексем имеет свои гипосемы, определяющие характер взгляда.

Языковая единица *eye* встречается в тексте романа применительно к Софи чаще всего – 53 раза. Стоит отметить, что лексема *look*, которая в выше-названном ряду выступает доминантой, встречается лишь 41 раз.

Как видно из приведенной выше дефиниции лексемы *look*, данный глагол имеет обобщенное и в то же время нейтральное значение восприятия с помощью глаз, хотя и при целеустремленном взгляде (см. рис.).

Как следует из лексикографического толкования глагола *to eye*, он содержит гиперсему *to look*, однако предполагает более заинтересованный взгляд с легким оттенком любопытства:

eye: to look at someone or something with interest – разглядывать (Cambridge 2022).

Тем не менее языковая единица *eye* выступает как глагол применительно к взгляду Софи Невё всего 8 раз:

‘Opening the box, she *eyed* the cryptex’s dials’ (Brown 2003, p. 289).

‘Sophie *eyed* him, looking incredulous. “I had no idea”’ (Brown 2003, p. 510).

Остальная часть примеров представлена существительным *eye* в составе разнообразных глагольных сочетаний, таких как *raise eyes*, *open eyes*, *close eyes*, *eyes scan*, *eyes welling with emotions / tears*:

‘Sophie *raised her eyes* to the enormous departure board overhead’ (Brown 2003, p. 206).

‘Uncertain, Sophie *closed her eyes*’ (Brown 2003, p. 315).

‘She turned suddenly back to Langdon, *her eyes welling with emotion*. “I don’t know what I saw”’ (Brown 2003, p. 407).

Среди эпитетов, описывающих глаза или взгляд героини, можно выделить *olive-green*, *deep green*, *green*, *clear* (подчеркивают цвет глаз), *incisive*, *urgent*, *wary*, *sleepy*, *tearful* (подчеркивают эмоции и настроение).

‘Her *eyes were olive-green – incisive and clear*’ (Brown 2003, p. 75).

“Now do you understand,” Sophie said, *her eyes urgent*, “why Fache ordered you here tonight, and why you are his primary suspect?” (Brown 2003, p. 98).

‘Sophie’s *eyes were wary*. “Can you trust him?”’ (Brown 2003, p. 290)

‘Sophie’s *eyes were a deep green now, tearful*. “He raised me like his own daughter”’ (Brown 2003, p. 415)

Помимо эпитета *tearful*, автор неоднократно использует и существительное *tears*, что отнюдь не подчеркивает слабость героини, но говорит о ее эмоциональной натуре:

‘*Tears materialized in her eyes* again, and she dabbed them away with her sleeve’ (Brown 2003, p. 409).

‘Through her *tears*, Sophie nodded, standing. She did not know the young man’s face, but as they embraced, she could feel the power of the blood coursing through his veins... the blood she now understood they shared’ (Brown 2003, p. 574).

Дэн Браун использует широкий спектр метафор при описании глаз Софи, подчеркивая как резкость взгляда героини, его красноречивость и суровость, так и мягкость и присущую ей чувствительность.

'Sophie Neveu entered, her green eyes flashing fear. "Thank God you came. We don't have much time"' (Brown 2003, p. 93).

'Sophie's eyes flashed disbelief' (Brown 2003, p. 275).

"You?" Sophie declared, glancing up now, her green eyes boring into him with rage and realization. "You are the one responsible for my grandfather's murder?" (Brown 2003, p. 531).

"I'm not going anywhere," Sophie declared, her eyes narrowing with rage. "That cryptex was given to me by my grandfather. It is not yours to open" (Brown 2003, p. 550).

'When Sophie turned to him, her eyes were awash in deep emotion. "Not exactly the ending I expected"' (Brown 2003, p. 582).

'When she pulled away, her eyes were full of promise' (Brown 2003, p. 584).

Автор прибегает к использованию глагола *to flash* со значением «блеснуть» для выражения стремительной смены эмоций во взгляде героини, а также герундиальных конструкций *boring into him with rage and realization* и *narrowing with rage* для демонстрации такой яркой эмоции, как гнев. Составные именные сказуемые *were awash in deep emotion* и *were full of promise* подчеркивают глубину чувств героини, которые она способна выражать лишь при помощи глаз.

Таким образом, употребление лексем в комбинаторике с различного рода расширителями синтагматического ряда помогает представить героиню в диапазоне от беспомощности (*fear, disbelief*) до ярости (*rage*), что ведет к изменению выражения глаз (*awash in deep emotion*) и даже самой формы глаз (*narrowing with rage*).

Языковая единица *look*, как наиболее объемная в семантическом плане лексема при описании взгляда Софи, также выступает в качестве глагола и существительного. Исходя из дефиниции, глагол *to look* является нейтральным, выражает взгляд, направленный на человека или объект без выражения определенных эмоций. Дополнительные оттенки такому взгляду придают фразовые глаголы с компонентом *look*, они же указывают направление взгляда, что подчеркивает его более ярко выраженный характер.

"Because, Mr. Langdon, I believe you are innocent." Sophie looked away for a moment and then back into his eyes. "And also because it is partially my fault that you're in trouble" (Brown 2003, p. 99).

'She looked back at the Mona Lisa and shook her head' (Brown 2003, p. 139).

'Sophie immediately closed the lid and looked up. "We had the account number after all," she said' (Brown 2003, p. 257).

'Sophie looked over. "You're kidding, right? We're going to visit a knight?"' (Brown 2003, p. 294).

'Sophie drew a startled breath as she looked down the length of the abbey's nave, the full magnitude of the building now visible' (Brown 2003, p. 519).

Лексема *look*, употребляемая как существительное, сочетается с такими эпитетами, как *surprised*,

weary, puzzled, incredulous, odd, startled, uneasy, передавая реакцию героини на происходящее. Кроме того, она входит в состав ряда глагольных сочетаний, например, *give a look, exchange looks, shoot a look*.

'She gave him a weary look. "You have no idea, do you?"' (Brown 2003, p. 197).

'She and Langdon exchanged puzzled looks. Sophie leaned in and grabbed the box, lifting it out' (Brown 2003, p. 255).

'Sophie shot Langdon an uneasy look, hastily closing the cryptex box and latching it' (Brown 2003, p. 278).

'Sophie turned with an incredulous look. "The Chateau Villette?"' (Brown 2003, p. 293).

'Langdon and Sophie exchanged startled looks' (Brown 2003, p. 498).

Среди вышеупомянутых глаголов к нейтральным также можно отнести *to see* и *to watch*, поскольку, исходя из их дефиниций, взгляд, выражаемый данными лексемами, не характеризуется специфическими оттенками, хотя глагол *to watch*, в отличие от глагола *to see*, передает значение длительности. Лексикографическое толкование данных глаголов представлено следующим образом:

watch: to look at something for a period of time – смотреть, наблюдать (Cambridge 2022).

see: to notice people and things with your eyes – видеть, смотреть (Cambridge 2022).

"My grandfather gave it to me," Sophie replied, watching the man closely. His uneasiness seemed more evident now' (Brown 2003, p. 245).

'Sophie sighed, still watching him carefully. "This seal is the symbol of a secret society known as the Priory of Sion"' (Brown 2003, p. 248).

Для придания выразительности взгляду героини в случае с глаголом *to watch* Браун использует наречия образа действия *closely* и *carefully*. Взгляд Софи получает дополнительные характеристики, ее наблюдение за тем или иным объектом становится более целенаправленным, приобретая оценочное значение.

Лексикографическое толкование остальных глаголов, используемых автором для описания взгляда героини, представлено следующим образом:

squint: to look at something with your eyes partly closed – щуриться (Cambridge 2022).

glare: to look at someone in an angry way – смотреть грозно / сердито / пристально (Cambridge 2022).

gaze: to look for a long time at someone or something or in a particular direction – смотреть не отрываясь / пристально (Cambridge 2022).

stare: to look at someone or something for a long time and not move your eyes – пристально смотреть (Cambridge 2022).

scan: to look around an area quickly to try to find a person or thing – пробегать глазами, бегло осматривать (Cambridge 2022).

peer: to look carefully or with difficulty – всматриваться в / сквозь (Cambridge 2022).

glance: to look somewhere for a short time – взглянуть на что-либо (Cambridge 2022).

Как следует из дефиниций глаголов *to gaze* и *to stare*, они объединены гиперсемой *to look for a long time*. Глагол *to gaze* предполагает неотрывный, пристальный взгляд в одном направлении, в то время как глагол *to stare* выражает то же микродвижение, но с отрицательной коннотацией – «установиться, пялиться на кого-то или что-то»:

‘She felt small and insignificant as she *gazed up* at the enormous ceilings and down at the dizzying floor’ (Brown 2003, p. 138).

‘Sophie turned quietly back to The Last Supper and *gazed* at Mary Magdalene’s long red hair and quiet eyes’ (Brown 2003, p. 346).

“‘Meet us?’” Sophie turned and *stared* at him as if he were crazy’ (Brown 2003, p. 197).

‘Sophie sat in the passenger seat, *staring blankly* at the rosewood box on her lap’ (Brown 2003, p. 286).

Лексема *gaze* также используется как существительное с эпитетами *strong, intent, sharp, keen, olive, self-assured, stunned*.

‘She handed him the paper *with an intent gaze*. “While I explain the code to Captain Fache, you need to make this call”’ (Brown 2003, p. 76).

‘Sophie deleted everything she had just typed in and looked up at Langdon, *her gaze self-assured*’ (Brown 2003, p. 253).

Лексема *glare* также имеет значение «пристальный взгляд», тем не менее такой взгляд отличается большей строгостью, грозностью или суровостью. В романе «Код да Винчи» данная лексема в отношении взгляда Софи встречается лишь трижды (1 раз как глагол, 2 раза как существительное). Существительное *glare* сопровождается эпитетами *admonishing* и *silencing*.

‘Langdon opened his mouth to explain the bizarre error, but Sophie *flashed him a silencing glare* that lasted only an instant’ (Brown 2003, p. 77).

‘Sophie *glared* at Vernet’ (Brown 2003, p. 280).

‘She leaned across the table and *fixed Teabing with an admonishing glare*. “And frankly, sir, considering your allegiance to the Crown, I’m a little surprised you didn’t recognize it”’ (Brown 2003, p. 396)

Исходя из дефиниций глаголов *to scan* и *to glance*, данные лексемы содержат общую гиперсему *to look quickly*. Однако характер взгляда отличается: лексема *glance* характеризует быстрый / беглый взгляд, в отличие от нее лексема *scan* имеет значение «бегло осматривать», что предполагает осмотр с целью поиска чего-либо или кого-либо.

“‘Interesting watch,’” Sophie said, *glancing* at his wrist and maneuvering the SmartCar around the wide, counterclockwise rotary’ (Brown 2003, p. 199).

‘Sophie *glanced* at Langdon, and he gave her a soft nod of concurrence’ (Brown 2003, p. 313).

‘Sophie stood on the threshold a moment, *scanning* the large rectangular chamber beyond’ (Brown 2003, p. 148).

‘Sophie *scanned* the work eagerly. “Does this fresco tell us what the Grail really is?”’ (Brown 2003, p. 316).

Глагол *to peer* имеет значение разглядывать, то есть его использование означает, что героиня либо

испытывает трудности при различении того или иного объекта, либо рассматривает его с особой тщательностью.

‘Tiptoeing across the creaky wood floor to his closet, Sophie *peered* on the shelves behind his clothing’ (Brown 2003, p. 150).

‘Sophie’s heart rate climbed as she set the end cap on the table and tipped the cylinder to *peer* inside’ (Brown 2003, p. 425).

Глагол *to squint* со значением «прищуриться» предполагает, помимо взгляда, дополнительное движение век для избегания попадания в глаза яркого света или для того, чтобы лучше разглядеть объект. Данный глагол при описании взгляда Софи Невё используется Дэном Брауном лишь один раз.

‘Sophie *squinted* and saw a hand emerging from the crowd of disciples’ (Brown 2003, p. 331).

Таким образом, исходя из данных дефиниционного и компонентного анализа лексем, характеризующих взгляд героини, а также анализа сопутствующих эпитетов, следует отметить, что Софи Невё можно охарактеризовать как эмоциональную и сентиментальную личность. Эмоциональность образа достигается за счет употребления качественных прилагательных, входящих в состав разнообразных семантических полей. В частности, среди них:

Семантическое поле *Surprise. Astonishment*: прилагательные *surprised, stunned, incredulous, startled*.

Семантическое поле *Harshness*: прилагательные *incisive, keen, strong, intent, sharp*.

Семантическое поле *Fatigue*: прилагательные *sleepy, weary*.

Семантическое поле *Oddity*: прилагательные *puzzled, odd*.

Семантическое поле *Anxiety*: прилагательные *uneasy, tearful, wary*.

Иными словами, широкий спектр эмоций, передаваемых Софи глазами, от изумления до беспокойства и подозрительности, позволяет судить о яркости данного женского образа. Более того, как уже было отмечено ранее, выразительность взгляду, следовательно, и образу героини придают наречия образа действия *closely, carefully, etc*, а также абстрактные существительные *emotion, rage, fear, disbelief, etc*.

Выводы

Таким образом, глаза героини Софи Невё можно назвать одним из наиболее выразительных элементов ее портретной характеристики. Говоря о характеристике ее взгляда, представленного с помощью лексем с соответствующей семантикой, можно утверждать, что в рамках данного синонимического ряда они имеют разную степень выраженности характера движения взгляда, его направленности и скорости: от заинтересованного взгляда с оттенком любопытства в семантике глагола *to eye* и пристального взгляда, выраженного лексемами *glare, gaze* и *stare*, до беглого движения глаз в семантике глаголов *to glance* и *to scan* до

компонента, выражающего тщательность взгляда, в семантической структуре глагола *to peer*.

Количественный анализ примеров позволяет судить о том, что героине больше присущ неотрывный, пристальный взгляд, что говорит о ее повышенном внимании к собеседнику или к теме разговора. Подобная характеристика также может намекать на внутренний стержень и стойкость, о чем свидетельствуют такие сопровождающие лексему *eye* эпитеты, как *urgent* и *incisive*, а также ряд метафор. Однако нельзя не отметить, что Софи свойственна чрезмерная эмоциональность, выражающаяся в слезах, а также в эпитетах *incredulous*, *startled*, *surprised*. Наконец, еще одной яркой харак-

теристикой ее взгляда можно считать его беглость, мимолетность, что выражается в совокупном количестве примеров с лексемами *glance* и *scan*.

Все вышеназванные характеристики способствуют созданию многогранного образа, что делает его уникальным и запоминающимся. Движения глаз Софи Невё характеризуют ее как динамичного персонажа с точки зрения способности передавать настроение и эмоции одним лишь взглядом, не прибегая к другим микродвижениям. Этот факт подтверждает выдвинутую ранее гипотезу о большей выразительности глаз по сравнению с другими элементами литературного портрета персонажа.

Материалы исследования

Brown 2003 – Brown D. The Da Vinci Code. London: Transworld Publishers, 2003. 590 p.

Cambridge 2022 – Cambridge Dictionary 2022. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.01.2024).

Библиографический список

Brundage, Lahey 2011 – Brundage D., Lahey M. Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook. Toronto: Pearson Education Canada Inc., 2011. 544 p. URL: <https://archive.org/details/actingonwordshint0000brun>.

Edwards 2019 – Edwards R. Robert Louis Stevenson on Style in Literature, 2019. Available at: <https://www.everywritersresource.com/robert-louis-stevenson-on-style-in-literature> (accessed 29.03.2024).

Боева 2015 – Боева Е.Д. Авторские интерпретации невербальных знаков в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48), Ч. 1. С. 28–30. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_6-1_06.pdf (дата обращения 20.02.2024).

Болотнова 2001 – Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева, Р.Я. Тюрина, С.В. Сыпченко, О.В. Орлова, С.М. Карпенко. Томск: ТГУ, 2001. 331 с.

Булаева, Бурова 2017 – Булаева Н.Е., Бурова Е.А. О невербальных способах характеристики образов персонажей (на материале готической научной фантастики) // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 2. С. 203–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neverbalnyh-sposobah-harakteristiki-obrazov-personazhey-na-materiale-goticheskoy-nauchnoy-fantastiki> (дата обращения 25.01.2024).

Волков 1999 – Волков И.Ф. Теория литературы. Москва: Просвещение Владос, 1999. 256 с.

Воробейкина 2015 – Воробейкина Л.В. Жест как элемент образа персонажа // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 90. С. 133–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhest-kak-element-obraza-personazha> (дата обращения 20.02.2024).

Гинзбург 2024 – Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Москва: Омега-Л, 2024. 255 с. URL: https://imwerden.de/pdf/ginzburg_o_literaturnom_geroe_1979__ocr.pdf.

Гончарова 1984 – Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте. Томск: Изд-во Томского университета, 1984. 149 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000060205> (дата обращения 16.01.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35169601>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrsahr>.

Есин 2000 – Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва: Флинта Наука, 2000. 248 с. URL: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/esin/esin.pdf> (дата обращения 26.01.2024).

Медведкова 2016 – Медведкова Е.С. Идиостиль и идиолект автора исторического романа (на примере произведений В.И. Костылева) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Филологические науки. 2016. Т. 1, № 1. С. 124–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (дата обращения 17.01.2024).

Морозова 2022 – Морозова Т.В. Человек в системе литературно-художественных ориентиров // Гуманитарная парадигма. 2022. № 3 (22). С. 28–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-sisteme-literaturno-hudozhestvennyh-orientirov> (дата обращения: 03.03.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49532279>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpxrsz>.

Мухартова, Прохорова 2023 – Мухартова Д.А., Прохорова О.Н. Макро- и микродвижения персонажа как составной элемент литературного портрета (на примере образа Сиенны Брукс в романе Дэна Брауна «Инферно») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK223.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

Стрельцова 2018 – *Стрельцова Е.В.* Средства портретирования персонажа в рассказах Роальда Даля // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Филологические науки. 2018. Т. 2, № 2. С. 78–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-portretirovaniya-personazha-v-rasskazah-roalda-dalya> (дата обращения: 20.03.2023).

Федосюк 1997 – *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1997-5/102-120> (дата обращения 03.03.2024).

Флигинских 2020 – *Флигинских Ю.Ю.* Способы речевой портретизации персонажа (на примере образа Фагота-Коровьева в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/02FLSK120.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Чернышева 2010 – *Чернышева Т.А.* Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. Социально-гуманитарные и технические науки. 2010. № 1 (24). С. 29–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-lingvisticheskie-kontury-izucheniya> (дата обращения 17.01.2024).

References

Brundage, Lahey 2011 – *Brundage D., Lahey M.* (2011) *Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook*. Toronto: Pearson Education Canada Inc., 544 p. Available at: <https://archive.org/details/actingonwordsint0000brun>.

Edwards 2019 – *Edwards R.* (2019) Robert Louis Stevenson on Style in Literature. Available at: <https://www.everywritersresource.com/robert-louis-stevenson-on-style-in-literature> (accessed 29.03.2024).

Boeva 2015 – *Boeva E.D.* (2015) The authors' interpretations of non-verbal signs in a literary text. *Philology. Theory & Practice*, no. 6 (48), part 1, pp. 28–30. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_6-1_06.pdf (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

Bolotnova 2001 – *Bolotnova N.S., Babenko I.I., Vasilieva A.A., Tyurina R.Ya., Sypchenko S.V., Orlova O.V., Karpenko S.M.* (2001) Communicative stylistics of a fiction text: lexical structure and individual style. Tomsk: TGU, 331 p. (In Russ.)

Bulaeva, Burova 2017 – *Bulaeva N.E., Burova E.A.* (2017) On non-verbal means of representation of character images (on the basis of gothic science fiction). *Liberal Arts in Russia*, vol. 6, no. 2, pp. 203–207. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neverbalnyh-sposobah-harakteristiki-obrazov-personazhey-na-materiale-goticheskoy-nauchnoy-fantastiki> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

Volkov 1999 – *Volkov I.F.* (1999) *Theory of literature*. Moscow: Prosveshcheniye Vlados, 256 p. (In Russ.)

Vorodyuhina 2015 – *Vorodyuhina L.V.* (2015) Gesture as an element of the image of the character. *Vestnik of Novgorod State University*, no. 90, pp. 133–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhest-kak-element-obraza-personazha> (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

Ginzburg 2024 – *Ginzburg L.Ya.* (2024) About a literary character. Moscow: Omega-L, 255 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/ginzburg_o_literaturnom_geroe_1979__ocr.pdf. (In Russ.)

Goncharova 1984 – *Goncharova E.A.* (1984) Ways of linguistic and stylistic expression of author-character categories in a fiction text. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 149 p. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000060205> (accessed 16.01.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35169601>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrsahr>. (In Russ.)

Esin 2000 – *Esin A.B.* (2000) Principles and techniques of analyzing a literary work. Moscow: Flinta Nauka, 248 p. Available at: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/esin/esin.pdf> (accessed 26.01.2024). (In Russ.)

Medvedkova 2016 – *Medvedkova E.S.* (2016) The idiostyle and the idiolect of a historical novel (on the example of V.I. Kostylev's works). *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. Philological Sciences*, vol. 1, no. 1, pp. 124–132. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (accessed 17.01.2024). (In Russ.)

Morozova 2022 – *Morozova T.V.* (2022) A person in the system of literary and artistic reference points. *Gumanitarnaya paradigma*, no. 3 (22), pp. 28–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-sisteme-literaturno-hudozhestvennyh-orientirov> (accessed 03.03.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49532279>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpxrsz>. (In Russ.)

Mukhartova, Prokhorova 2023 – *Mukhartova D.A., Prokhorova O.N.* (2023) Macro- and micro-movements of a character as part of a literary portrait (on the example of the image of Sienna Brooks in the novel *Inferno* by Dan Brown). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 14, no. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK223.pdf> (accessed 17.01.2024). (In Russ.)

Streltsova 2018 – *Streltsova E.V.* (2018) Means of character portrayal in Roald Dahl's stories. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. Philological Sciences*, vol. 2, no. 2, pp. 78–86. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-portretirovaniya-personazha-v-rasskazah-roalda-dalya> (accessed 20.03.2024). (In Russ.)

Fedosyuk 1997 – *Fedosyuk M.Yu.* (1997) Unsolved problems of the theory of speech genres. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 5, pp. 102–120. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1997-5/102-120> (accessed 03.03.2024). (In Russ.)

Fliginskih 2020 – *Fliginskih Yu.Yu.* (2020) Ways to create a speech portrait of a character (on the example of the image of the Bassoon-Koroviev in the novel by M.A. Bulgakov «The Master and Margarita»). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 11, no. 1. Available at: <https://sfk-mn.ru/02FLSK120.html> (accessed 10.01.2024). (In Russ.)

Chernysheva 2010 – *Chernysheva T.A.* (2010) Idiostyle: linguistic aspect. *Cherepovets State University Bulletin*, no. 1 (24), pp. 29–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-lingvisticheskie-kontury-izucheniya> (accessed 17.01.2024). (In Russ.)

Эпонимы в медицинских картах пациентов

С.С. Барбашева

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: barbasheva-s@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6236-3726>

Аннотация: Данная статья посвящена изучению эпонимов в современной медицинской документации. В структуре медицинского письма особое место занимают записи в медицинских картах пациентов, являясь высокоэффективным средством передачи научных знаний по всему миру. Целью настоящей работы является изучение распространенности использования эпонимических терминов в медицинских картах пациентов, их структурный и этимологический анализ. Материалом исследования послужили выписки из медицинских карт пациентов в период с 2014 по 2024 год, находящиеся в открытом доступе. Исследуемые документы были рассмотрены с использованием методов количественного исследования, структурного и этимологического анализа. Изучение медицинских карт пациентов позволило выделить девять сематических групп эпонимов и определить, что наибольшее количество эпонимических терминов представлено в таких разделах медицины, как терапия, неврология, травматология, ортопедия и хирургия, поскольку они отражают большое количество болезней и их симптомов. Данное исследование продемонстрировало значительный словообразовательный потенциал греческого языка при образовании эпонимов и определило необходимость владения греко-латинской терминологией, что позволит глубже понять и сделать профессиональное общение в медицинской сфере более эффективным.

Ключевые слова: эпонимы; медицинские карты; медицинская документация; медицинская терминология; профессиональное общение.

Цитирование. Барбашева С.С. Эпонимы в медицинских картах пациентов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 175–179. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-175-179>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Барбашева С.С., 2025

Светлана Сергеевна Барбашева – кандидат медицинских наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, Самарский государственный медицинский университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, 89.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.01.2025
Revised: 27.02.2025
Accepted: 02.06.2025

Eponyms in patients' medical case reports

S.S. Barbasheva

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation
E-mail: barbasheva-s@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6236-3726>

Abstract: This article is devoted to the study of eponyms in modern medical documentation. Records in patients' medical case reports take a special place in the structure of medical writing, being a highly effective means of transferring scientific knowledge all over the world. The aim of the work is to study the prevalence of the use of eponymic terms in patients' medical case reports, their structural and etymological analysis. The material of the study was extracts from patients' case reports in the period from 2014 to 2024, which are in the public domain. The documents under study were reviewed using quantitative research methods, structural, etymological analysis. The study of patients' medical case reports allowed us to identify nine semantic groups of eponyms and determine that the largest number of eponymic terms is represented in such sections of medicine as therapy, neurology, traumatology, orthopaedics and surgery, as they reflect a large number of diseases and their symptoms. This study demonstrated the significant word-forming potential of Greek in the formation of eponyms and identified the need for a mastery of Greek-Latin terminology which will enhance understanding and make professional communication in the medical field more effective.

Key words: eponyms; medical case records; medical documentation; medical terminology; professional communication.

Citation. Barbasheva S.S. Eponyms in patients' medical case reports. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 175–179. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-175-179>. (In Russ.)

Information on conflict of interest: author declared no conflict of interests.

© Barbasheva S.S., 2025

Svetlana S. Barbasheva – Candidate of Medical Sciences, associate professor of the Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University, 89, Chapaevskaya Street, Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Медицинские эпонимы являются неотъемлемой частью языка медицины, отражая исторические этапы и сведения о людях, внесших вклад в развитие медицинской науки. Значимость эпонимов широко изучалась в разных медицинских специальностях [Барбашева, Симоненко 2017; Гончаров, Николаенко 2018; Гончаров, Николаенко 2018; Извекова, Грищенко, Пуртов 2014; Burdan et al. 2016]. Существуют исследования, посвященные этическим [Лейчик; Татаренко, Токпанова, Лисариди 2015; Швайко 2013], историческим [Bayomy et al. 2021; Whitworth 2007] и гендерным [Bader, Shipman 2015] аспектам медицинских эпонимов. Наряду с лингвистическими исследованиями эпонимы находятся в постоянном фокусе медицинских исследований. В профессиональном медицинском дискурсе активно используются эпонимы, произошедшие от имен выдающихся ученых и врачей, например нефрит Хеймана, болезнь Паркинсона, болезнь Альцгеймера, лимфома Ходжкина и другие.

В то же время существует множество терминов, этимология которых может быть не столь прозрачной на первый взгляд. Например, термин «варфарин» образован от аббревиатуры Wisconsin Alumni Research Foundation (WARF), что является данью уважения команде химиков из Университета Висконсина [Giugliano et al. 2013]. В название снотворного и противосудорожного препарата «Нованокс» входит термозлемент *nox* / *-noct*, образованный от имени римской богини ночи Нокс (лат. *nox*, *noctis* – «ночь») [Гончаров, Николаенко 2018]. Термин «фуллерен» произошел от имени американского архитектора Бакминстера Фуллера из-за сходства его молекулы с геодезическими куполами, которые он спроектировал.

Использование эпонимов в медицинском дискурсе позволяет раскрыть эволюцию медицинских исследований и практики, обеспечивает преемственность научных знаний и способствует формированию терминологической компетентности студентов-медиков (Варнавская 2009; Гончаров 2009). Действительно, эпонимы «привносят краску в медицину, встраивают медицинские традиции и культуру в нашу историю» [Whitworth 2007]. Однако особенности и распространенность эпонимов в медицинской документации до сих пор остаются недостаточно изученными (Бекишева 2007).

В структуре медицинского письма особое место занимают истории болезни пациентов и записи в медицинских картах, которые высокоэффективны в передаче научных знаний по всему миру, отсюда важность обучения медицинских специалистов созданию письменного дискурса в этом жанре. Поэтому мы считаем актуальным определение распространенности эпонимических терминов и их употребление в медицинских записях пациентов. Кроме того, это исследование будет способствовать правильному использованию и пониманию происхождения медицинских эпонимов специалистами в области здравоохранения.

Целью исследования является изучение распространенности использования эпонимических терминов в медицинских картах пациентов, их структурный и этимологический анализ.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили выписки из медицинских карт пациентов в период с 2014 по 2024 год, находящиеся в открытом доступе. Исследуемые документы были рассмотрены с использованием методов количественного исследования, структурного, этимологического и контекстного анализа.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования было обнаружено 90 эпонимов, представленных 2000 случаями их использования в медицинских картах пациентов.

Наше исследование продемонстрировало значительный потенциал греческого языка, поскольку этот этимологический источник является наиболее продуктивным с точки зрения образования терминов, например от *-algia*, *echo-*, *psyche-*: артралгия, миалгия, невралгия, фибромиалгия, масталгия, эхокардиография, эхокардиограмма, психика, психотический, соматопсихический.

С целью структурного рассмотрения изучаемого материала мы сгруппировали обнаруженные эпонимы в три категории:

- 1) однословные термины (никтурия, паника, психоз, гигиена);
- 2) двухсловные фразы (ахиллово сухожилие, паутинная оболочка, радужная оболочка);
- 3) трехсловные фразы (атлантозатылочный сустав, атлантоаксиальный сустав, рефлекс ахиллова сухожилия).

Большая часть эпонимов представлена двухкомпонентными терминологическими сочетаниями, в состав которых наряду с именем собственным входит тематическое и структурное ядро с обобщающим значением, например болезнь, симптом, мазь, капли, раствор, жидкость: операция Блохина, анализ мочи по Нечипоренко, мазь Симановского (Барбашева, Пикалов, Жданова 2017).

В связи с областью применения термина были выделены следующие группы:

1. Анатомические описания: *Белла мышца*, *Беллини каналы*, *Бурова вены*, *пучок Гиса*.
2. Названия болезней: *Мариона болезнь*, *Рейтера болезнь*, *болезнь Шерешевского-Тернера*.
3. Симптомы болезней: *Бриттена симптом*, *Лежнева симптом*.
4. Возбудители заболеваний: *Коха палочка*; *Клебсиелла(-ы)*, *Клебсиеллез*.
5. Методы исследования: *Богомолова проба*, *Буяльского – Мак Уортера метод дренирования*, *Нечипоренко метод*.
6. Хирургические операции: *Боброва грыжесечение*, *Брунса пластика губы*, *Михельсона – Терновского операция*.

7. Медицинские инструменты и приборы: *Броди катетер, Левковича щипцы, Федорова зажим*.

8. Химические вещества: *атропин, морфин*.

9. Лекарственные препараты: *раствор Люголя, мазь Вишневского, икарон, Адонис бром*.

Группируя выбранный материал в данные категории, мы достигли организационной ясности и семантической согласованности для анализа данных. Разбив выбранный материал на девять семантических групп, мы стремились облегчить практическое применение результатов в клинических или исследовательских условиях. Мы заметили, что определенные типы терминов были более употребимы в определенных контекстах или дисциплинах (например, патологические состояния), в то время как другие были более распространены в других (например, анатомические описания). Следовательно, путем выявления наиболее распространенных типов патологических состояний или химических веществ в эпонимическом материале исследование может предоставить ценную информацию для врачей и исследователей, работающих в этих областях.

Анализ медицинских карт пациентов позволил определить сферы медицины, больше затронутые эпонимами (см. таблицу).

Таблица

Распределение эпонимов по основным разделам клинической медицины

Table

Distribution of eponyms by main sections of clinical medicine

Специальность	Количество терминов	%
Терапия	559	18,5
Неврология	388	16
Травматология и ортопедия	223	9,2
Хирургия	221	9,1
Дерматовенерология	215	8,9
Инфектология	127	5,2
Психиатрия	103	4,3
Акушерство и гинекология	98	4
Офтальмология	74	5,1
Оториноларингология	56	2,1
Стоматология	36	1,5
Итого	2000	

Наибольшее количество эпонимических терминов присутствуют в таких разделах медицины, как терапия, неврология, травматология, ортопедия и хирургия, что в большей степени обусловлено тем, что они отражают большое количество болезней и их симптомов.

Наше исследование показало, что эпонимы широко включены в современный медицинский дискурс и требуют значительного объема энциклопедических знаний. Адекватное использование

эпонимов в медицинской документации и понимание их этимологии являются необходимыми предпосылками для всестороннего развития врачей и успешного сообщения своих клинических результатов зарубежным коллегам по исследованиям.

Использование этих терминов способствует лаконичности, краткости при заполнении медицинских документов, поскольку эпонимы приняты и понятны на международном уровне. Более того, распространенность эпонимов в современных медицинских картах пациентов показывает, что эти термины наделены мощным ассоциативным и образным потенциалом, то есть они непосредственно выражают характер заболевания и т. д., а также способствуют лучшему запоминанию благодаря насыщенным метафорическим оттенкам.

Проведенное исследование способствует пониманию этимологии и распространенности эпонимов в медицинских записях, а также представлению об исторических и культурных корнях медицинской терминологии. Владение греко-латинской терминологией позволит студентам-медикам лучше понимать медицинские эпонимы и успешно общаться с коллегами. Сохраняющаяся актуальность древнегреческого и латыни в современной медицинской практике оправдывает важность включения изучения этих языков в медицинское образование.

Заключение

Наше исследование дало обзор использования эпонимов в медицинских картах пациентов и подчеркнуло их важность в современном медицинском дискурсе. Использование эпонимов облегчает коммуникацию и передачу медицинских знаний через языковые и культурные барьеры, в конечном итоге способствуя глобальному развитию медицинской науки.

Исследование подчеркивает важность понимания этимологии и происхождения медицинской терминологии, поскольку это может дать ценную информацию об историческом и культурном развитии медицинской практики. В этом контексте для медицинских работников крайне важно иметь адекватные знания этих терминов, чтобы способствовать эффективному общению и пониманию клинических результатов. Поэтому крайне важно обучать студентов-медиков наиболее распространенным эпонимам, используемым в современной медицине, и их происхождению, чтобы обеспечить их правильное применение.

Включение изучения эпонимов в медицинское образование и непрерывное профессиональное развитие будет способствовать более глубокому пониманию этой области и способствовать продвижению медицины. Такой подход позволит подготовить всесторонне разносторонних специалистов здравоохранения, обладающих как профессиональным опытом, так и широкими фоновыми знаниями.

Материалы исследования

Барбашева, Пикалов, Жданова 2017 – *Барбашева С.С., Пикалов С.М., Жданова А.Н.* Иллюстрированный словарь эпонимических терминов в урологии и нефрологии / под ред. проф. Е.В. Бекишевой. Самара: Криптен-Волга, 2017. 151 с.: ил.

Бекишева 2007 – *Бекишева Е.В.* Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2007. 50 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003160766/?ysclid=macq2f4j1z231291877.

Варнавская 2009 – *Варнавская Е.В.* Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003486634/.

Гончаров 2009 – *Гончаров Н.И.* Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии / под ред. проф. И.А. Петровой. Волгоград: Издатель, 2009. 504 с.: ил. URL: <https://vobm.ru/elib/tpost/x7xs9fc811-goncharov-ni-illyustrirovannii-slovar-ep>.

Библиографический список

Bayomy, Forrester, Crowley, Popkin 2021 – *Bayomy A.F., Forrester L.A., Crowley S.G., Popkin C.A.* Eponyms in pediatric sports medicine: a historical review // *Open Access Journal of Sports Medicine*. 2021. Vol. 12. P. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.2147/OAJSM.S287663>.

Bader, Shipman 2015 – *Bader E., Shipman A.R.* The women behind the names: dermatology eponyms named after women // *International Journal of Women's Dermatology*. 2015. Vol. 1, issue 3. P. 157–160. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijwd.2015.05.005>.

Burda et al. 2016 – *Burda F., Dworzański W., Cendrowska-Pinkosz M., Burda M., Dworzańska A.* Anatomical eponyms–unloved names in medical terminology // *Folia Morphologica*. 2016. Vol. 75, no. 4, P. 413–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.5603/FM.a2016.0012>.

Giugliano et al. 2013 – *Giugliano R.P., Ruff C.T., Braunwald E., Murphy S.A., Wiviott S.D., Halperin J.L., Waldo A.L., Ezekowitz M.D., Weitz J.I., Špinar J., Ruzyllo W., Ruda M., Koretsune Y., Betcher J., Shi M., Grip L.T., Patel S.P., Patel I., Hanyok J.J., Mercuri M., Antman E.M., ENGAGE AF-TIMI 48 Investigators.* Edoxaban versus warfarin in patients with atrial fibrillation // *New England Journal of Medicine*. 2013. Vol. 369, issue 22. P. 2093–2104. DOI: <https://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa1310907>.

Whitworth 2007 – *Whitworth J.A.* Should eponyms be abandoned? // *The British Medical Journal*. 2007. No. 335. P. 425. DOI: <https://doi.org/10.1136/sbmj.0710346>.

Барбашева, Симоненко 2017 – *Барбашёва С.С., Симоненко Ю.А.* Различные подходы к классификации медицинских эпонимических терминов // *Наука и культура России*. 2017. Т. 1. С. 270–273. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30564369>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zsvvqn>.

Гончаров, Николаенко 2018 – *Гончаров Д.И., Николаенко Н.А.* Эпонимика и топонимика терминов в области фармакологии // *Гуманитарные научные исследования*. 2018. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2018/05/25034> (дата обращения: 16.01.2025).

Извекова, Грищенко, Пуртов 2014 – *Извекова Т.Ф., Грищенко Е.В., Пуртов А.А.* Эпонимы в медицинской терминологии = Eponyms in medical terminology // *Медицина и образование в Сибири*. 2014. № 3. С. 18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22147957>. EDN: <https://elibrary.ru/sqrgmz>.

Лейчик – *Лейчик В.М.* Обсуждение проблем эпонимии в современной науке. URL: <https://eponym.ru/Article/71> (дата обращения: 25.12.2024).

Татаренко, Токпанова, Лисариди 2015 – *Татаренко Т.Д., Токпанова А.А., Лисариди Е.К.* О необходимости существования эпонимов в медицинской терминологии // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12–6. С. 1140–1141. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8101> (дата обращения: 04.01.2025).

Швайко 2013 – *Швайко Е.С.* Эпонимы в латинской анатомической терминологии // *Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 16–18 мая 2013 г. / редкол.: О.Ю. Шиманская (гл. ред.), Т.С. Коротюк. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО». 2013. С. 238–242. URL: <https://www.bsmu.by/upload/iblock/602/5xgq2x6rgkf60jbq7hg435w6tuid241v/2014050808555411.pdf?ysclid=madoxzmysy147814338>.*

References

Bayomy, Forrester, Crowley, Popkin 2021 – *Bayomy A.F., Forrester L.A., Crowley S.G., Popkin C.A.* (2021) Eponyms in pediatric sports medicine: a historical review. *Open Access Journal of Sports Medicine*, vol. 12, pp. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.2147/OAJSM.S287663>.

Bader, Shipman 2015 – Bader E., Shipman A.R. (2015) The women behind the names: dermatology eponyms named after women. *International Journal of Women's Dermatology*, vol. 1, issue 3, pp. 157–160. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijwd.2015.05.005>.

Burdan et al. 2016 – Burdan F., Dworzański W., Cendrowska-Pinkosz M., Burdan M., Dworzańska A. (2016) Anatomical eponyms-unloved names in medical terminology. *Folia Morphologica*, vol. 75, no. 4, pp. 413–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.5603/FM.a2016.0012>.

Giugliano et al. 2013 – Giugliano R.P., Ruff C.T., Braunwald E., Murphy S.A., Wiviott S.D., Halperin J.L., Waldo A.L., Ezekowitz M.D., Weitz J.I., Špinar J., Ruzyllo W., Ruda M., Koretsune Y., Betcher J., Shi M., Grip L.T., Patel S.P., Patel I., Hanyok J.J., Mercuri M., Antman E.M., ENGAGE AF-TIMI 48 Investigators (2013) Edoxaban versus warfarin in patients with atrial fibrillation. *New England Journal of Medicine*, vol. 369, issue 22, pp. 2093–2104. DOI: <https://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa1310907>.

Whitworth 2007 – Whitworth J.A. (2007) Should eponyms be abandoned? *The British Medical Journal*, no. 335, p. 425. DOI: <https://doi.org/10.1136/sbmj.0710346>.

Barbasheva, Simonenko 2017 – Barbasheva S.S., Simonenko Yu.A. (2017) Different approaches to the classification of medical eponymous terms. *Nauka i kul'tura Rossii*, vol. 1, pp. 270–273. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30564369>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zsvvqn>. (In Russ.)

Goncharov, Nikolaenko 2018 – Goncharov D.I., Nikolaenko N.A. (2018) Eponymy and toponymy of terms in the field of pharmacology. *Humanities scientific researches*, no. 5. Available at: <https://human.snauka.ru/2018/05/25034> (accessed 16.01.2025). (In Russ.)

Izvekova, Grishchenko, Puertov 2014 – Izvekova T.F., Grishchenko E.V., Puertov A.A. (2014) Eponyms in medical terminology. *Journal of Siberian Medical Sciences*, no. 3, p. 18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22147957>. EDN: <https://elibrary.ru/sqrgmz>. (In Russ.)

Leichik – Leichik V.M. Discussion of the problems of eponymy in modern science. Available at: <https://eponym.ru/Article/71> (accessed 25.12.2024). (In Russ.)

Tatarenko, Tokpanova, Lisaridi 2015 – Tatarenko T.D., Tokpanova A.A., Lisaridi E.K. (2015) The need existence of eponyms for medical terminology. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 12–6, pp. 1140–1141. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8101> (accessed 04.01.2025). (In Russ.)

Shvayko 2013 – Shvayko E.S. (2013) Eponyms in Latin anatomical terminology. In: Shimanskaya O.Yu., Korotyuk T.S. (eds.) *Theory and practice of professionally oriented teaching of foreign languages: proceedings of the VI International research and practical conference, Minsk, May 16–18, 2013*. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO», pp. 238–242. Available at: <https://www.bsmu.by/upload/iblock/602/5xgq2x6rgkf60jbq7hg435w6tujd241v/2014050808555411.pdf?ysclid=madoxzysy147814338>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК811.161.1 + 81'373

Дата поступления: 05.02.2025
рецензирования: 07.03.2025
принятия: 02.06.2025

Система фразеологических средств реализации символических значений соматонима «рука» в русском языке

А.Б. Иванова

Приволжский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: annaboriva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3420-1973>

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов реализации символических значений лексемы *рука* в русских фразеологизмах. Целью исследования стало выявление совокупности данных фразеологических средств и их систематизация; определение смыслов, образов и моделей, легших в их основу, описание их системной организации. Материалом для исследования послужили 164 фразеологические единицы с лексемой *рука*, а также с такими наименованиями частей руки, как *плечо*, *локоть*, *кулак*, *палец*, *мизинец*, *ноготь*, полученные в результате сплошной выборки из современных фразеологических словарей русского языка. В процессе исследования были использованы элементы компонентного, когнитивного и количественного методов, а также семантический и семиотический анализ. Рассматриваемые фразеологические единицы были классифицированы на основании реализуемых в них символических значений компонента *рука* на семь основных семантических групп: деятельность, труд; власть, контроль; физическое воздействие, агрессия; согласие, доверие, дружелюбие; помощь, поддержка; эмоциональное состояние; измерение параметра, качества. В результате проведенного анализа выяснилось, что изучаемый пласт русской фразеологии имеет сложную системную организацию: внутри каждой группы рассматриваемых языковых средств обнаружена и описана разветвленная система семантических оппозиций, а также дополнительные компоненты значений. Основными механизмами реализации символических значений руки в исследуемых фразеологизмах являются метонимия, точнее, синекдоха – уподобление части (руки) целому (человеку), а также метафора, олицетворение, сопоставление соматического (телесного) и других кодов культуры: антропного, пространственного.

Ключевые слова: фразеологизмы; соматические фразеологизмы; соматоним «рука»; семантика; символическое значение; метафора; метонимия; синекдоха.

Цитирование. Иванова А.Б. Система фразеологических средств реализации символических значений соматонима «рука» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 180–190. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванова А.Б., 2025

Анна Борисовна Иванова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика», Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 в.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.02.2025
Revised: 07.03.2025
Accepted: 02.06.2025

System of phraseological means of implementing the symbolic meanings of the somatonym «hand» in the Russian language

A.B. Ivanova

Samara State University of Railway Transport, Samara, Russian Federation
E-mail: annaboriva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3420-1973>

Abstract: The study is devoted to the analysis of the mechanisms of realization of the symbolic meanings of the lexeme *hand* in Russian phraseological units. The aim of the study is to identify the set of data of phraseological means and their systematization; determination of the meanings, images and models that form their basis, description of their systemic organization. The material for the study was 164 phraseological units with the lexeme *hand*, as well as with such names of parts of the hand as *shoulder*, *elbow*, *fist*, *finger*, *little finger*, *nail*, obtained as a result of a continuous sample from modern phraseological dictionaries of the Russian language. In the course of the study, elements of component, cognitive and quantitative methods, as well as semantic and semiotic analysis were used. The considered phraseological units were classified on the basis of the symbolic meanings of the component *hand* realized in them into seven main semantic groups: activity, work; power, control; physical impact, aggression; agreement, trust, friendliness; help, support, emotional state; measurement of a parameter, quality. As a result of the analysis, it turned out that the studied layer of Russian phraseology has a complex systemic organization: within each group of the considered linguistic means, a ramified system of semantic

oppositions was discovered and described, as well as additional components of meanings. The main mechanism for implementing the symbolic meanings of the hand in the studied phraseological units is metonymy, or more precisely, synecdoche – likening a part (hand) to the whole (person), as well as metaphor, personification, comparison of the somatic (corporeal) and other cultural codes: anthropic, spatial.

Key words: phraseological units; somatic phraseological units; somatonym «hand»; semantics; symbolic meaning; metaphor; metonymy; synecdoche.

Citation. Ivanova A.B. System of phraseological means of implementing the symbolic meanings of the somatonym «hand» in the Russian language. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 180–190. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Ivanova A.B., 2025

Anna B. Ivanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Linguistics, Samara State University of Railway Transport, 2 v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Целью настоящего исследования является выявление, анализ и систематизация символических значений слова *рука* и механизмов их реализации во фразеологических единицах с данной лексемой в русском языке.

В целом стоит отметить, что соматическая лексика характеризуется высокой фразеологической активностью во всех языках по причине символизации частей тела, прежде всего головы, рук, ног, сердца и др. Соматические и жестовые фразеологизмы весьма активно изучаются в рамках сравнительно-сопоставительных исследований разных (родственных и неродственных) языков, которые направлены на поиск универсальных и уникальных характеристик, сходства и различий образности фразеологизмов, межъязыковых фразеологических эквивалентов [Basova 2021; Fedulenkova 2016; Ходжумян 2019; Денисова, Гуляева 2015; Пушкина, Николаева 2017; Цаллаева, Федуленикова 2024]. В частности, фразеологизмы с компонентом *рука* подвергаются сопоставительному анализу в русском и китайском [Вэй 2019; Чжоу 2013], русском и тувинском [Кечил-оол, Саая 2017], русском, испанском и итальянском [Баева, Суханова 2022], русском и нахско-дагестанских языках [Исакова 2019] и др. Движения, части тела и средства их языкового обозначения как «целостная и непротиворечивая знаковая система» являются объектом изучения «невербальной семиотики» [Николаева 2024; Крейдлин 2020].

Новая волна исследовательского интереса к фразеологии, наблюдаемая в последние годы, вызвана появлением и развитием когнитивной лингвистики, а также антропоцентрической направленностью современных гуманитарных наук в целом. В рамках такого нового научного направления, как когнитивная фразеология, фраземика рассматривается как средство познания и интерпретации действительности, фразеологической репрезентации картины мира. По точному замечанию В.Н. Телии, во фразеологическом корпусе языка «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением

в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [Телия 1996, с. 9]. Именно как элементы культурного кода, национальной картины мира фразеологизмы рассматриваются в рамках лингвокультурологии, задачами которой является исследовать, «какие смыслы добавляются в языковую семантику; выявлять, какие типы культурной информации актуализируются в сознании носителя языка» [Ковшова 2019, с. 197]. Самым важным в семантике фразеологизма современными исследователями признается его образ (его «образно-ассоциативное основание»), который рассматривается в ономастическом, аксиологическом и лингвокультурологическом аспектах (см., например [Современная фразеология 2016, с. 30–51]). Первый опыт комплексного лингвокультурологического анализа русских фразеологизмов представлен в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телии (Большой фразеологический словарь 2006), материалы которого были использованы при проведении настоящего исследования.

Одним из основных когнитивных механизмов формирования фразеологической семантики, по мнению Н.А. Илюхиной, является метонимия [Илюхина 2023 б, с. 130–135] (см. также работы автора, посвященные анализу роли разных типов метонимии и концептов в формировании фразеологической семантики [Илюхина 2023 а; Илюхина 2019]). Это подтверждают и исследуемые нами фразеологизмы: поскольку фразеологическим компонентом в них является название части тела человека – *рука*, то в качестве основного механизма переноса значения выступает метонимия, а точнее, синекдоха, т. е. происходит уподобление части целому. При этом в результате дальнейшего семантического развития фразеологизмы могут употребляться и метафорически (когда происходит перенос значения на другие внеязыковые реалии), то есть представлять собой «своеобразную контаминацию метонимии и метафоры» [Илюхина 2023 б, с. 132]. Рука, являясь одним из самых активных органов человека, основным инструментом познания внешнего мира, подвергается метафоризации и приобретает символическое значение (о смежности понятий «метафора» и «символ» см. [Воркачев 2024, с. 36]).

В данной работе нами будет предпринята попытка детального анализа системной организации русских фразеологизмов с компонентом *рука* и выражаемых ими символических значений.

В качестве основного исследовательского метода был использован метод семантического анализа, а также элементы компонентного, когнитивного, семиотического и количественного методов. Материалом нашего исследования послужили фразеологизмы, выявленные нами в основных современных фразеологических словарях русского языка (Большой фразеологический словарь 2006; Федоров 2008; Фразеологический словарь 2006). Общее количество фразеологических единиц (ФЕ) составило 164 единицы с самой лексемой *рука*, а также с лексемами, обозначающими ее части: *кулак, палец, мизинец, ноготь, плечо, локоть*.

Ход исследования

Как известно, рука – это одна из верхних конечностей человека, которая выполняет различные функции и играет большую роль в становлении человека как вида и в его дальнейшем развитии. Поэтому она является важнейшим элементом соматического (телесного) кода культуры, метонимически отождествляясь с человеком как часть целого (рука как часть тела замещает человека как такового).

Толкование этой лексемы находим в Большом толковом словаре русских существительных: «Часть тела человека от плеча до кончиков пальцев, предназначенная для выполнения сложных движений разной целенаправленности (обслуживание физиологических потребностей, производство материальных благ, художественных ценностей и т. п.), на которые способно только существо, обладающее высшими психическими функциями» (Большой толковый словарь 2005, с. 37). В качестве главной функции руки в приведенном определении указано движение, с помощью которого человек достигает разнообразных целей в разных сферах своей жизнедеятельности.

В результате анализа дефиниций рассматриваемой лексемы в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Ожегов, Шведова 2010, с. 687), а также в словаре Д.Н. Ушакова (Ушаков 2008, с. 917) мы выделили следующие наиболее значимые, с нашей точки зрения, символические значения руки: 1) труд, работа, деятельность; 2) помощь, протекция; 3) обладание, владение, власть; 4) вид, сорт, качество.

Однако в ходе нашего исследования было обнаружено, что спектр символических значений этой части человеческого тела гораздо шире, разнообразнее, сложнее и изучаемые фразеологизмы представляют собой целостную систему, которая строится на ряде многоуровневых семантических оппозиций и приращений. Представим результаты проведенного анализа.

Все выявленные нами фразеологизмы мы классифицировали на семь тематических групп в соот-

ветствии с выражаемыми ими символическими значениями.

1. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как символ деятельности, труда».

Несомненно, универсальной функцией руки является инструментальная функция: рука – это инструмент, орудие, при помощи которого человек осуществляет движения, действия. И в первую очередь рука – это, говоря языком биологии, уникальный специализированный орган труда. Однако проведенный нами анализ фразеологизмов показал, что символическое значение орудия деятельности, труда реализуется всего лишь в 33 фразеологических единицах нашей выборки. Внутри этой группы явно прослеживается семантическая оппозиция «*деятельность, труд – бездействие, праздность*». Движение рук метонимически отождествляется с любой деятельностью, трудом (не только физическим), а его отсутствие – с бездействием, праздностью.

1.1. Среди фразеологизмов, обозначающих **деятельность**, мы выделили несколько частных подгрупп в связи с различными нюансировками категориального значения:

– *Интенсивность труда*.

В основе фразеологизмов данной группы лежит представление об обязанности человека трудиться и трудиться. Усердный труд является нравственным эталоном, и, наоборот, недобросовестное отношение к труду, отсутствие старания, усердия оценивается негативно.

Семантика усердного труда отражена во фразеологизмах *прикладывать / приложить руку (руки)* – «проявлять усердие, основательно заняться кем-либо или чем-либо»; *не покладая рук* – «трудиться, не прерываясь, без усталости, усердно» (непрерывность движения рук ассоциируется с высокой интенсивностью труда, а их неподвижность – с бездействием); *руки отваливаются / отвалились* – так говорят о ситуации, когда человек предельно устал от усердной, интенсивной, тяжелой работы руками. И наоборот, во фразеологизме *руки не отваливаются (у кого)* содержится ироничное и отрицательно-оценочное суждение о том, что данная работа не будет представлять для другого человека большого труда. А сочетание *на скорую руку* означает «наспех, поспешно, кое-как (делать что-либо)».

К этой группе мы отнесли еще два фразеологизма с ключевым компонентом *рукав*, который формально принадлежит вещному миру, но в данных сочетаниях метонимически соотносится с рукой, и его состояние на руках работника во время труда – засученное или, наоборот, спущенное – служит внешним косвенным показателем интенсивности трудовой деятельности. Так, фразеологизм *засучив (реже закатав) рукава* обозначает «усердно, старательно, энергично работать, делать что-либо», а антонимичное ему выражение *спустя рукава* – «работать кое-как, не прилагая усилий, не стараясь».

– **Оценка трудовых умений и навыков человека.**

Важно отметить, что в основном русские фразеологические единицы с лексемой *рука* репрезентируют положительную, хвалебную оценку умений и навыков человека. Например, фразеологизм *горит в руках* (что, у кого, чьих) говорит о том, что какое-то дело делается очень умело, ловко, а сочетания *набить / набивать руку* (в чем, на чем); *рука набита* (у кого, чья) обозначают «приобрести или иметь навык, умение, опыт в каком-то деле». ФЕ *золотые руки, мастер на все руки* характеризуют человека как искусного мастера, умеющего хорошо выполнять работу.

В антонимических отношениях с указанными выше фразеологизмами находятся такие выражения, как *руки-крюки, корявые / кривые руки* и *руки не из того места (не оттуда) растут* (у кого), которые можно объединить общей семантикой «неумелый, неопытный, неловкий человек».

– **Желание / возможность или нежелание, отсутствие возможности действовать.**

Семантику сильного желания работать, что-либо делать, чем-либо заниматься выражают фразеологизмы *руки горят, руки чешутся*. При этом желание что-либо делать метафорически уподобляется физическому состоянию части тела – жару, зуду в руках. Значение возможности/невозможности деятельности имеет ФЕ *рука не поднимается* (из-за нехватки решимости, желания), а также противоположные друг другу сочетания *руки дошли (до чего)* и *руки не доходят (до кого, до чего)* – наличие или отсутствие времени, возможности делать что-либо. Важно отметить, что в последних двух фразеологизмах в основу образа положена синекдоха – метонимическое отождествление части и целого: руки как неотъемлемая часть целого замещают самого человека, приобретают самостоятельность, способность действовать и даже перемещаться в пространстве автономно от него, что выражено в сочетании существительного *руки* с глаголом *доходить*.

1.2. Фразеологические единицы, обозначающие бездействие, праздность, по своей внутренней форме представляют жестовые фразеологизмы, т. е. вербальную номинацию невербальных знаков, в частности, они обозначают позы, символизирующие неподвижность, отказ от деятельности, праздность. Это такие сочетания, как *складывать / сложить руки* – «переставать действовать, предпринимать что-либо»; *сидеть сложа руки* – «бездельничать»; *поджавши руки* – «ничего не делая».

Особого комментария требует фразеологизм *руки в брюки / руки в карманы, в карманах* – «быть без дела; ничем себя не обременять». Поза руки в карманах означает праздное положение рук, дерзкое, вызывающее, слишком свободное, непринужденное поведение, демонстрирующее пренебрежительное или презрительное отношение к окружающим. Руки выступают одновременно как: 1) символ общения и открытости (невежливо, не-

уважительно по отношению к другим держать руки в карманах) и 2) символ действия, деятельности, работы, орудия (в этом случае руки в карманах говорят о нежелании работать). В целом фразеологизм отображает жестовую форму выражения отказа от активного участия в каком-либо деле, а также вызывающее поведение.

Для обозначения бездействия, праздности также используются фразеологизмы с компонентом *палец*, который является частью руки. В этом случае в ФЕ реализуется многоступенчатая синекдоха – уподобление части целому: палец уподобляется руке – рука уподобляется человеку в целом; движение / отсутствие движения – деятельность / бездействие. Палец отождествляется с рукой в ее инструментальной функции. Малейшее движение приравнивается к деятельности в целом, а отсутствие движения – к бездеятельности. Сочетания (*и*) *палец о палец не ударить; пальцем не пошевелить / пошевелиться, не двинуть; пальцем не дотронуться (до чего)* выражают семантику «бездельничать, не желать ничего делать». В целом данные фразеологизмы объединяет значение полной бездеятельности, неучастия в каком-либо деле; намеренное бездействие, полное равнодушие, нежелание помочь кому-либо в каком-то деле. Во всех представленных ФЕ с компонентом *палец* происходит эталонизация минимальной части руки, способной двигаться, и минимального движения, осмысляемого как малейшее проявление деятельности, участия человека в каком-либо деле.

2. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как символ власти, контроля, собственности».

Фразеологизмы с этим символическим значением являются самыми многочисленными в нашем материале (63 единицы) и представляют сложную семантическую систему. Анализ семантики данных ФЕ позволил выделить внутри категориального значения несколько частных значений, построенных на следующих оппозициях: 1) владеть – овладеть – отдать во владение – лишиться власти; находиться во владении – попасть во владение – выйти из-под контроля; 2) свобода – несвобода (быть свободным – подчинить, лишить свободы – выйти из подчинения, освободиться).

Предваряя подробный анализ конкретных реализаций этих значений рассматриваемых фразеологизмов, хотелось бы отметить, что в целом с точки зрения онтогенеза в основе образа руки как символа власти, собственности лежит хватательная функция руки, а также древнейшее противопоставление «свой – чужой». Кроме того, во многих фразеологизмах этой группы дополнительно реализуется образ руки как вместилища: что находится в руках, становится предметом обладания, собственностью, которой можно распоряжаться. На грамматическом уровне это выражается предложно-падежными формами существительного *рука (руки)* с пространственными предлогами *в* и

из со значением нахождения внутри, перемещения внутрь и перемещения изнутри наружу в совокупности с такими глаголами, как *держать, взять, брать; дать, передать; вырваться, уплыть, выпустить*. См., например: *в руках* (у кого, в чьих); *держать в руках, брать, взять в [свои] руки, отдать в руки, попасть в руки, вырваться из рук, уплыть из рук, выпустить из рук*.

Рассмотрим более подробно реализацию указанных выше частных значений власти.

2.1. Владение, обладание, контроль.

Выразителем семантики нахождения чего-то или кого-то во владении, в распоряжении, во власти, под контролем является фразеологизм-предикат *в руках: в руках (кого, у кого, чьих что)* – «во владении, под контролем»; *в руках (кто у кого)* – о человеке, который полностью зависит от другого лица, находится в полном его распоряжении. То же значение реализуется в случае сочетания формы *в руках* с глаголом *держать: держать в [своих] руках, держать в кулаке* (кулак – кисть с сжатыми пальцами – символизирует жесткий контроль). Значение полного контроля, полной власти можно видеть в сочетании формы *в руках* с местоимением *все* в качестве подлежащего. См., например: *Все в твоих (моих, наших и т. д.) руках; Все в руках божьих*. Во всех этих примерах рука мыслится как вместилище, а предмет или лицо, находящиеся внутри него, как вместиемое.

Символ вместилища также реализуется в некоторых других фразеологических сочетаниях: *смотреть из рук (кого, чьих, каких)* – о человеке, поступающем несамостоятельно, по воле другого; *проходить / пройти через руки* – «временно находиться в ведении кого-либо».

Семантику обладания, контроля имеют еще несколько ФЕ с другой внутренней формой, такие как *длинные руки (у кого)* – о влиятельном, имеющем власть человеке (длинная рука способна достать и захватить что-либо, а значит, подчинить себе); *сильной (сильною) рукой* – «смело, властно (делать что-либо)». Контроль выражается и во фразеологизме *держать руку на пульсе* – «следить за происходящими событиями, контролировать их ход».

2.2. Переход власти, контроля, собственности.

Анализ фактического материала показал, что процесс перехода власти от одного субъекта к другому может быть представлен с нескольких разных (часто противоположных) ракурсов: как захват власти субъектом, как передача власти субъекту и как утрата субъектом власти; как переход предмета, лица под контроль и как их выход из-под контроля:

– **Овладение (захват власти, контроля, подчинение)**

Внутри этой подгруппы обнаружено несколько семантических оппозиций: «добровольность – насильственность», «честность – нечестность», «открытость – скрытность» захвата власти, контроля.

Семантику Присвоения власти, контроля, каких-либо ценностей можно наблюдать у фразеологизмов с глаголами *брать, взять, прибрать* и др., в буквальном смысле обозначающими «принимать в руки, схватывать руками». См., например: *взять / брать в [свои, собственные] руки; прибрать / прибирать возжи к рукам; наложить / накладывать руку, наложить / накладывать лапу (на что); а также под нозоть* – «взять что-то или кого-то в полную зависимость, в подчиненное положение». Другие ФЕ приобретают дополнительные семантические приращения. Так, во фразеологизме *брать / взять голыми руками* актуализируется значение легкости процесса захвата власти, а во фразеологизме *вырывать из рук* – наоборот, насильственности действия: «установить свой контроль, лишить права распоряжаться, забрать силой, с помощью принуждения или угроз». Семантика нечестности, корыстности заложена во фразеологизмах *запускать руку (куда, во что)* – «присваивать, пользоваться в корыстных целях»; *протянуть руку (к чему, за чем)* – «попытаться присвоить чужое; покуситься на чужое добро»; *греть / погреть, нагреть / нагревать руки* – «пользуясь обстоятельствами, нечестно обогатиться незаконным путем». В выражении *прибрать / прибирать к рукам* содержится целый комплекс приращений к основному значению: нечестность, скрытность, незаметность для посторонних.

– **Передача власти, контроля** над чем-либо, кем-либо другому человеку обозначают сочетания *дать / давать в руки, передать / передавать, отдать [из рук] в руки (что); передать / передавать с рук на руки (кого)* – «передать власть, опеку, заботу над человеком при личном контакте другому лицу»; *сдать с рук на руки (кого)* – «передать официальному лицу»; *сбыть с рук (кого)* – «избавиться, освободиться от человека, забота о котором представляется обременительной, тяжелой».

– **Утрата власти** выражается фразеологизмами *пропустить / пропускать мимо рук (что)* – «из-за невнимательности, нерасторопности упустить возможность воспользоваться чем-либо в своих интересах»; *выпустить / выпускать, упустить / упускать из рук (что)* – «из-за ошибки, неудачи лишиться, потерять контроль, власть, не суметь воспользоваться».

– **Переход кого-либо, чего-либо под чей-то контроль** обозначают такие ФЕ, как *даться / даваться в руки* – «самому подчиниться вне зависимости от воли человека»; *перейти / переходить, передаваться [из рук] в руки* – «оказаться во власти другого лица, стать его собственностью, попасть под его контроль». Во фразеологизмах *попасть / попадать, идти, плыть, приплыть / приплывать в руки; в руки просится; в руки плывет; в руки прет* (последнее грубое) подчеркивается случайность или неожиданность, легкость обретения чужой собственности: достается само, без какого-либо труда, без усилий человека.

– **Выход из-под контроля** отражают фраземы с глаголами *выскользнуть, ускользнуть, уплыть:*

выскользнуть / выскользывать, ускользнуть / ускользать из рук; уплыть / уплыть из рук; уйти из рук. При этом также эксплицируется дополнительная семантика легкости, незатрудненности, быстроты процесса, его независимости от воли владельца. Напротив, в ФЕ с глаголом *вырваться* (*вырваться / вырваться из рук*) содержится указание на то, что выход из-под контроля является результатом серьезной борьбы, усилий того, кто раньше находился в подчинении.

2.3. Особо мы выделили значение *самоконтроля, самообладания или их отсутствия*, которое выражает небольшое количество фразеологизмов с компонентом *рука*. Наличие или приобретение самоконтроля эксплицируется (как и в подгруппах 2.1. и 2.2.) при помощи глаголов *держат*, *брать*: *держат себя в руках, брать / взять себя в руки*. Отсутствие самоконтроля, неспособность совладать со своими чувствами можно обнаружить в сочетании *валиться из рук*.

2.4. Свобода, воля.

В основе данного образа лежит метафорическое отождествление внешней, телесной и внутренней, духовной свободы и несвободы человека. Свободные руки, способные двигаться, и даже само наличие рук как инструмента ассоциируются со свободой действовать, свободой принимать решения, с внутренней (нравственной, идеологической) свободой. Единственным примером реализации такого значения в нашей выборке является выражение *свобода рук* в значении «свобода действий». И напротив, связанные руки, неспособные двигаться, и их отсутствие выступают как символ бессилия, беспомощности, несвободы. Эта семантика представлена гораздо более многочисленными фраземами. Мы разделили их на несколько подгрупп, которые связаны, с одной стороны, тройной семантической оппозицией «состояние несвободы – лишение свободы – освобождение», а с другой – параллелизмом использованных лексических и грамматических средств:

– *Состояние несвободы, отсутствие воли, свободы* выражается во фразеологизмах *руки связаны (у кого)* – «нет возможности действовать свободно», *по рукам и ногам связан (кто)* – «быть целиком и полностью лишенным самой возможности свободы действий, находиться в прямой и жесткой зависимости от определенных обстоятельств». Во втором примере семантика несвободы усиливается указанием на то, что связаны все конечности – не только руки, но и ноги, в результате чего выражается полная, абсолютная несвобода.

В основе образа фразеологизма *руки короткие* – «нет достаточной власти, права, возможности; ограничение свободы действий, невозможность, неспособность что-либо сделать, отсутствие сил, возможностей» лежит оппозиция «длинный – короткий», в рамках которой физическая длина руки является измерителем возможности действовать и воздействовать. Короткие руки не способны дотянуться до каких-либо предметов внешнего мира,

совершать манипуляции с ними и поэтому становятся символом бессилия, ограничения свободы действия, и, наоборот, длинные руки – символ силы, власти, что наблюдается в выражении *длинные руки*.

В ФЕ как *без рук, остаться без рук* – «оказаться в безвыходном положении, потеряв помощника или какие-либо орудия, средства труда» семантика свободы-несвободы отсутствует, а реализуется значение бессилия, беспомощности, неспособности что-либо делать самостоятельно. Символом беспомощности является жест поднятых рук, а выражение *поднять руки* означает «сдаться, признать свое поражение, отказаться от сопротивления».

– *Подчинение, лишение свободы* уподобляется физическому насилию, выражающемуся в связывании, выкручивании конечностей человека, чтобы лишить его возможности двигаться, а значит, и действовать: *связать руки; связать, вязать / повязать, опутать / спутать по рукам и ногам* – «целиком и полностью лишить самой возможности свободы действий»; *выкручивать руки* – «насиленно заставлять повиноваться» (т. е. лишать власти, вынуждать действовать против своей воли, подчиняться). Семантика фразеологизма *укоротить / укорачивать руки* – «приструнить, обуздать, лишить возможности продолжать деятельность, ограничить власть, свободу деятельности, подчинить своей воле» – напрямую соотносится с фраземой *короткие руки*, анализ которой был приведен выше.

– *Выход из подчинения, освобождение* – процесс, противоположный лишению свободы, выражается во сочетаниях *развязать / развязывать руки* – «дать полную свободу действий в противоположность предыдущему состоянию жесткой несвободы»; *руки развязаны* – «есть возможность свободно действовать».

Во фразеологизме *отбиться от рук* на фоне семантики освобождения актуализируется значение нарушения правил поведения, норм, из-за чего выражение приобретает негативно-оценочную характеристику. А в ФЕ *отбиваться руками и ногами (от чего)* за счет указания активного физического действия (отбиваться) всех конечностей (рук и ног) выражается высокая интенсивность процесса: противиться чему-либо всеми силами, решительно; наотрез отказаться от чего-либо.

Перекличка фразеологизмов этих подгрупп в лексико-грамматическом и словообразовательном плане прослеживается в следующих примерах: *руки связаны* – *связать руки* – *развязать руки* – *руки развязаны; руки короткие* – *укоротить руки*.

3. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как орудие физического воздействия, агрессии».

Руки человека могут осуществлять не только созидательную, но и деструктивную, разрушительную деятельность, быть орудием агрессии. Издревле они использовались как орудие физического воздействия, орудие борьбы (можно вспом-

нить рукопашный, кулачный бой). Это символическое значение руки также находит отражение в русских фразеологизмах. В нашей выборке отмечено 19 таких ФЕ.

Семантику агрессии передают жестовые фразеологизмы *поднять / поднимать руку (на кого)* – «замахиваться на кого-либо, пытаться ударить; бить кого-либо», а также «покушаться на кого-либо»; *наложить руки (на кого)* – «лишить жизни, убить кого-либо»; *наложить на себя руки* – «кончить жизнь самоубийством», в которых движение руки (замах, наложение) получает значение агрессивного действия, физического насилия вплоть до убийства. Значение «уничтожить, ликвидировать» реализуется во фразе *к ногтю*.

В выражениях *распускать руки, давать волю рукам* со значением «драться» и противоположных им *руки не распускай; рукам воли не давай* со значением «не трогай, не дерись» отсутствие контроля над собственными руками (распустить руки, дать им волю) уподобляется неконтролируемой агрессии, агрессивным действиям. Рука приобретает самостоятельность, автономность от человека, приравнивается к человеку в целом.

Сочетания существительного *рука* с атрибутами *скорый* и *тяжелый* обозначают человека, склонного к агрессии: *скор на руку* – «поспешный, быстрый на физическую расправу», *тяжелая рука, тяжел на руку* – «человек, который обладает большой силой удара, сильно бьет рукой».

Еще более ярким символом агрессии, грубой силы является кулак – кисть руки с согнутыми и прижатыми к ладони пальцами. Фразеологизмы с компонентом *кулак* в большинстве своем выражают семантику физического насилия, избиения, драки: *кулаки чешутся* – «хочется подраться»; *пустить / пускать в ход кулаки; давать волю кулакам* – «бить, драться», *дело дошло до кулаков* – «началась драка»; *биться на кулаках* – «драться кулаками, рукопашную»; *отведать кулаков* – «перенести побои».

Противоположное значение сдерживания или отсутствия агрессии выражают фразеологизмы *держат кулаки на привязи* – «сдерживать себя; не ввязываться в драку, не бить»; а также *пальцем не трогать кого* – «не бить, не наказывать; не причинять ни малейшего вреда».

4. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как символ согласия, доверия, дружелюбия».

К этой группе мы отнесли, во-первых, фразеологизмы *рука об руку; рука в руке, рука с рукой* (идти, делать что-либо) – «вместе, дружно, согласованно, поддерживая друг друга, как единомышленники», в которых пространственная близость уподобляется духовной. То же уподобление происходит и во фразеологизмах сходной грамматической структуры, включающих в свой состав наименования частей руки – *плечо* и *локоть*: *плечо к плечу, плечом к плечу, плечо в плечо* – «в тесном единении, как единомышленники; вместе»; а так-

же *чувство локтя* – «верность принципам дружбы, товарищества; взаимная поддержка». Во-вторых, семантику согласия выражают жестовые фразеологизмы, словесно описывающие рукопожатие во время заключения соглашения: *бить / ударить по рукам, хлопать / хлопнуть по рукам* – «заключить соглашение, сделку»; *по рукам* – «полностью согласны, договорились, решено». Традиционно рукопожатие в европейской культуре является символом мира (изначально, как известно, оно выполняло прагматическую функцию – продемонстрировать отсутствие оружия в руках у мужчин), доверия, равенства, взаимного уважения и согласия.

В целом в основе образа согласия, доверия, дружелюбия лежит соотношение соматического (телесного) и пространственного кодов культуры (Большой фразеологический словарь 2006, с. 587), в результате чего через пространственную близость, соприкосновение, соединение частей тела (в нашем случае – рук и их частей) двух или более людей метафорически обозначается близость духовная, идейная.

5. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как инструмент помощи, поддержки».

Основным механизмом образования данного значения также является метонимическое уподобление части целому: руки – всему человеку. Рука предстает как инструмент, посредством которого человек может передавать и получать не только физические предметы, но и помощь, поддержку. Внутри рассматриваемой группы прослеживается оппозиция *«рука дающая помощь – рука берущая, просящая помощь»*. Рука дающая является символом *помощи, щедрости*, а рука просящая, берущая – символом *беспомощности, бедности*.

Символическое значение помощи (рука дающая) выражается в следующих фразеологизмах: *протянуть / протягивать, подать / подавать, дать руку [помощи] (кому)* – «оказать помощь, содействие, поддержку, ободрить» (в этих фраземах внутренняя форма содержит указание на жест рукой); *подставить плечо (кому)* – «прийти на помощь кому-либо в трудной для него ситуации» (плечо как часть руки выступает в данном случае как опора для падающего); *рука не оскудевает* – о том, кто щедр на подаяния. Косвенное содействие, помощь (чаще всего противной стороне) обозначает выражение *играть / сыграть на руку (кому)*. В качестве метафорической номинации человека, оказывающего помощь или содействие, рука выступает в сочетаниях *правая рука* – «первый помощник, главное доверенное лицо», *сильная рука* – «влиятельный покровитель», *своя рука* – «свой человек, единомышленник, готовый помочь, посодействовать в чем-либо».

Противоположную семантику обнаруживаем во фразеологизмах, где использовано страдательное причастие от глагола *протянуть*: *с протянутой рукой, пойти с протянутой рукой, стоять с протянутой рукой, ходить с протянутой рукой*, которые в прямом смысле обозначают «нищен-

ствовать, просить милостыню, собирать милостыню» (протянутая рука – жест попрошайки, нищего, символизирующий просьбу о подавании), а в переносном – «обращаться к другим за помощью, моральной, эмоциональной или финансовой поддержкой». В широком смысле эти выражения подчеркивают крайнюю нужду того, кто протягивает руку, указывая на его зависимость от щедрости или поддержки других.

6. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как символ эмоционального состояния».

К этой группе в основном мы отнесли собственно жестовые фразеологизмы, которые вербально описывают движения рук как импульсивные невербальные выражения каких-либо эмоциональных состояний человека или его реакцию на внешние события: *всплеснуть руками (в ладоши)* – «радость, удивление»; *потирать руки* – «радость, удовлетворение чем-либо, злорадство»; *с распростертыми объятиями* – «приветливо, радушно (принимать, встречать и т. п. кого-либо)»; *ломать руки / пальцы* – «горе, отчаяние»; *развести руками* – «признание собственного бессилия, невозможности что-либо сделать»; *опустить руки, руки опускаются* – «состояние инертности, бессилия»; *махнуть рукой (на кого, на что)* – «перестать заниматься, интересоваться, поняв бесполезность усилий»; *положа руку на сердце* – «искренность, откровенность, честность».

Семантику эмоционального состояния в нашей выборке также реализуют 2 не жестовых фразеологизма, в которых значение собственно эмоции, состояния выражено прилагательным, согласованным с существительным *рука*: *под горячую руку* – «в состоянии гнева, злости, раздражения»; *под веселую руку* – «будучи веселым, в радостном состоянии».

7. Фразеологизмы, реализующие семантику «рука как параметр».

В эту группу мы включили фразеологизмы, объединенные измерительной функцией руки и обозначающие пространственные, количественные, качественные характеристики предметов окружающего мира, человека. В целом в основе образа лежит соотношение телесного и пространственного кодов культуры: человеческое тело выступает как «источник осмысления окружающей действительности, пространство измеряется сообразно свойствам тела человека и его частей» (Большой фразеологический словарь 2006, с. 587). Рука является неким эталоном для измерения предметов.

7.1. Пространственная характеристика.

В центре модели находится «телесно достижимая сфера деятельности человека» (Большой фразеологический словарь 2006, с. 72). Длина руки определяет зону личного пространства, телесно достижимую часть окружающего мира, которая находится вне границ человеческого тела, но достижима для руки. В рамках этого значения реализуется оппозиция «достижимо, близко – недостижимо, далеко».

Достижимость, пространственную близость обозначают фразеологизмы *рукой подать, рукой достать (что)* – «совсем рядом»; *под рукой* – «в наличии, в пределах досягаемости, в непосредственной близости»; *попасть / упасть под руку (кому)* – «случайно оказаться поблизости, так, что легко воспользоваться». Также значение близости, совместности реализуется во фразеологизмах с компонентом, обозначающим такую часть руки, как локоть: *локоть к локтю, локоть о локоть* – «совсем рядом, вместе».

Противоположное значение выражает фразема *рукой не достать (до кого)* – «недосягаем, недоступен для кого-либо».

Большая дистанция, только не пространственная, а эмоциональная, также измеряется при помощи вытянутой руки: *держат кого-то или что-то на расстоянии вытянутой руки* – значит сохранять эмоциональную дистанцию, чтобы избежать фамильярности или близости; отделить себя от кого-то или чего-то и избегать тесного контакта.

Особый интерес в этой подгруппе, на наш взгляд, представляют следующие фразеологизмы с основным компонентом *локоть*: *кусать себе локти; обгрызть / обгрызать себе локти до крови* – «очень сильно сожалеть о непоправимом, упущенном», в которых реализуется оксюморонная семантика «недосягаемая близость», т. е. то, что, казалось бы, находится совсем близко (как свой собственный локоть), но невозможно достать (укусить).

7.2. Качественная характеристика.

Степень проявления того или иного качества в рассматриваемых нами фразеологизмах уподобляется размеру руки и выражается сочетанием основного компонента *рука* с размерными прилагательными *большой, средний*: *большой руки* – «кто-либо обладает какими-либо качествами в высшей степени»; *не так большой руки* – «не особенно значительный»; *средней руки* – «кто-либо посредственный, ничем не примечательный по своим качествам, способностям, по своему положению».

Высокую степень признака также выражают ФЕ *до ногтей (до конца ногтей, до ногтя)* – «совершенно, до совершенства, до конца», буквально до самой мелкой детали – ногтя.

Во фразеологизмах *мизинца не стоит, ногтя не стоит (чьего)* мизинец и ноготь выполняют роль эталона мельчайшего, самого незначительного элемента, тем самым подчеркивая совершенную ничтожность кого-либо по сравнению с другим человеком.

Заключение

Проведенный нами анализ русских фразеологизмов с компонентом *рука* позволил выделить семь тематических групп в соответствии с основными символическими значениями данного соматонима, как то: труд, власть, агрессия, согласие, помощь, эмоции, параметр. Самой многочисленной

группой оказалась группа со значением «власть, контроль, собственность» (63 из 164 фразеологических единиц), второй по численному составу является группа с семантикой «деятельность, труд» (33 фразеологизма).

Как показало наше исследование, системообразующую роль в данных группах играет многоуровневая семантическая оппозиция: внутри выделенных групп была обнаружена, проанализирована и подробно описана разветвленная система семантических противопоставлений. Например, значение «власть, контроль, собственность» оказалось представлено следующими оппозициями: 1) обладание властью (*держат в руках*) – захват власти (*взять в руки*) – передача во владение (*передать в руки*) – утрата власти (*упустить из рук*); 2) нахождение во власти (*в руках*) – попадание во

владение (*плыть в руки*) – выход из-под контроля (*ускользнуть из рук*); 3) свобода – несвобода: быть свободным (*свобода рук*) – подчинить, лишить свободы (*связать руки*) – выйти из подчинения, освободиться (*руки развязаны*). Далее к семантике захвата власти, контроля добавляются частные значения: насильственность (*вырвать из рук*), нечестность (*нагреть руки*), скрытность процесса (*прибрать к рукам*) и т. д.

В качестве основного механизма реализации символических значений руки в рассматриваемых фразеологизмах использована метонимия, точнее, синекдоха (рука как часть тела человека уподобляется всему человеку), а также метафора, олицетворение, сопоставление соматического (телесного) и других кодов культуры: антропного, пространственного.

Материалы исследования

Большой толковый словарь 2005 – *Большой толковый словарь русских существительных*: Идеографическое описание. Синонимы, Антонимы / под ред. проф. П.Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

Большой фразеологический словарь 2006 – *Большой фразеологический словарь русского языка*. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд., стер. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Ожегов, Шведова 2010 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2010.

Ушаков 2008 – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. Москва: Альта-Принт; ДОМ. XXI век, 2008.

Федоров 2008 – *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

Фразеологический словарь 2006 – *Фразеологический словарь русского языка* / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. Москва: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.

Библиографический список

Basova 2021 – *Basova T.A.* Variation in Japanese and English Phraseological Units with a Somatic Component // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Vol. 17, issue 1 (51). P. 68–77. URL: <https://donnu.ru/public/journals/files/SGRC%20T.%2017%2C%20Вып.%201%2851%29%202021.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).

Fedulenkova 2016 – *Fedulenkova T.N.* Isomorphic Models in Somatic Phraseology Based on Synecdoche in English, German and Swedish // *Language and culture*. 2016. № 2 (34). P. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/34/1>. EDN: <https://elibrary.ru/wkgfoh>.

Баева, Суханова 2022 – *Баева Е.И., Суханова М.В.* Невербальные средства коммуникации во фразеологии (на материале русского, испанского и итальянского языков) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. № 1. С. 9–11. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2022/01/2022-01-02.pdf> (дата обращения: 16.02.2025); <https://elibrary.ru/item.asp?id=48369006>. EDN: <https://elibrary.ru/jkjurw>.

Воркачев 2024 – *Воркачев С.Г.* Метафорика символа: косвенная речь сознания // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024. № 4. С. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-35-45>.

Вэй 2019 – *Вэй Ю.* Фразеологические единицы с лексемой «рука» в русском и китайском языке // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2019. № 1. С. 344–348. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39240875>. EDN: <https://elibrary.ru/ythcgy>.

Денисова, Гулятьева 2015 – *Денисова Э.С., Гулятьева А.В.* Соматические фразеологизмы в системе китайского и русского языков: психолингвистический аспект изучения // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4–4 (64). С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-frazeologizmy-v-sisteme-kitayskogo-i-russkogo-yazykov-psiholingvisticheskiy-aspekt-izucheniya>.

Илюхина 2023 а – *Илюхина Н.А.* Гештальт и структура фразеологического значения // *Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Вып. 3. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины*, 2023. С. 103–107. URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/slavanskaa_frazeologia_i_paremiologia_vipusk3.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

Илюхина 2023 6 – Илюхина Н.А. Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении: монография. Самара: САМАРАМА, 2023. 172 с. URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Leksicheskaya-metonimiya-v-lingvokognitivnom-osmyslenii-109493/1/978-5-6050869-9-4_2023.pdf. (дата обращения: 16.02.2025).

Илюхина 2019 – Илюхина Н.А. Фразеологическая семантика и типы концептов // Языкознание, литература и гуманитарные науки народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее. Уфа: Издательство БГПУ, 2019. С. 108–113. URL: <https://e.lanbook.com/book/129838> (дата обращения: 19.02.2025)

Исакова 2019 – Исакова Б.Н. Идиомы с компонентом соматизмом «рука» в языках различных типологий // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 374–376. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiomy-s-komponentom-somatizmom-ruka-v-yazykah-razlichnyh-tipologiy>.

Кечил-оол, Саая 2017 – Кечил-оол С.В., Саая О.М.о. Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–1 (72). С. 92–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29120878>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbnrxx>.

Ковшова 2019 – Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.

Крейдлин 2020 – Крейдлин Г.Е., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Переверзева С.И., Хесед Л.А. Язык и семиотика тела: коллективная монография: в 2 т. Т. 1, 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.

Николаева 2024 – Николаева Ю.В. «Язык и семиотика тела». Исследования Г.Е. Крейдлина по воплощенной семиотике // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 143–158. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.143-158>.

Пушкина, Николаева 2017 – Пушкина К.В., Николаева Н.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматическим компонентом в английском, русском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 296–304. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-frazeologicheskikh-edinit-s-somaticheskim-komponentom-v-angliyskom-russkom-i-chuvashskom-yazykah/viewer>.

Современная фразеология 2016 – Современная фразеология: тенденции и инновации / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. Москва; Санкт-Петербург; Брянск: Новый проект, 2016. 200 р. URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/sovremennaa_frazeologia_tendencii_i_innovacii_2016.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с. URL: <https://djvu.online/file/qB9P7bDqWeB0s>.

Ходжумян 2019 – Ходжумян Б.С. Соматические фразеологизмы (сопоставительное описание русских и армянских соматических фразеологизмов). Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. 370 с. URL: http://publishing.yysu.am/files/Somaticheskie_fraziologizmi.pdf.

Цаллаева, Федуленкова 2024 – Цаллаева Л.Г., Федуленкова Т.Н. Фразеологизмы со значением внешнего признака в английском и русском языке. // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 146–160. DOI: <http://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-146-160>. URL: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2024-god/vypusk-65-i-kvartal-2024-goda/frazeologizmy-so-znacheniem-vneshnego> (дата обращения: 16.02.2025).

Чжоу 2013 – Чжоу Х. Символические значения фразеологизмов с компонентом *рука* / *shou* в русском и китайском языках // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 103–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolnye-znacheniya-frazeologizmov-s-komponentom-ruka-shou-v-russkom-i-kitayskom-yazykah> (дата обращения: 16.02.2025).

References

Basova 2021 – Basova T.A. (2021) Variation in Japanese and English Phraseological Units with a Somatic Component. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 17, issue 1 (51), pp. 68–77. Available at: <https://donnu.ru/public/journals/files/SGRC%20T.%2017%2C%20Вып.%201%2851%29%202021.pdf> (accessed 16.02.2025)

Fedulenkova 2016 – Fedulenkova T.N. (2016) Isomorphic Models in Somatic Phraseology Based on Synecdoche in English, German and Swedish. *Language and culture*, no. 2 (34), pp. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/34/1>. EDN: <https://elibrary.ru/wkgfah>.

Baeva, Sukhanova 2022 – Baeva E.I., Sukhanova M.V. (2022) Non-verbal means of communication in phraseology (based on Russian, Spanish and Italian languages). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 1, pp. 9–11. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2022/01/2022-01-02.pdf> (accessed 16.02.2025); <https://elibrary.ru/item.asp?id=48369006>. EDN: <https://elibrary.ru/jkjurw>. (In Russ.)

Vorkachev 2024 – Vorkachev S.G. (2024) Symbol Metaphorics: Indirect Speech of Consciousness. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 4, pp. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-35-45>. (In Russ.)

Wei 2019 – Wei Yu. (2019) Phrase units with the word «hand» in Russian and Chinese language. *Russian Language and Culture Reflected in Translation*, no. 1, pp. 344–348. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39240875>. EDN: <https://elibrary.ru/ythegy>. (In Russ.)

Denisova, Gulyaeva 2015 – Denisova E.S., Gulyaeva A.V. (2015) Somatic phraseological units in the Chinese and Russian language systems: psycholinguistic aspect of the study. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4–4 (64),

pp. 65–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-frazeologizmy-v-sisteme-kitayskogo-i-russkogo-yazykov-psiholingvisticheskiy-aspekt-izucheniya>. (In Russ.)

Ilyukhina 2023 a – Ilyukhina N.A. (2023) Gestalt and the structure of phraseological meaning. In: *Slavic phraseology and paremiology: collection of scientific articles. Issue 3*. Gomel: GGU im. F. Skoriny, pp. 103–107. Available at: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/slavanskaa_frazeologia_i_paremiologia_vipusk3.pdf (accessed 16.02.2025). (In Russ.)

Ilyukhina 2023 b – Ilyukhina N.A. (2023) Lexical metonymy in linguocognitive comprehension: monograph. Samara: SAMARAMA, 172 p. Available at: https://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Leksicheskaya-metonimiya-v-lingvokognitivnom-osmyslenii-109493/1/978-5-6050869-9-4_2023.pdf (accessed 16.02.2025). (In Russ.)

Ilyukhina 2019 – Ilyukhina N.A. (2019) Phraseological semantics and types of concepts. In: *Linguistics, literature and humanities of the peoples of Eurasia: past, present, future*. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, pp. 108–113. Available at: <https://e.lanbook.com/book/129838> (accessed 19.02.2025). (In Russ.)

Isakova 2019 – Isakova B.N. (2019) Somatism «hand» as the component of idioms in languages of different typologies. *The world of science, culture and education*, no. 1 (74), pp. 374–376. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiomy-s-komponentom-somatizmom-ruka-v-yazykah-razlichnyh-tipologiy>. (In Russ.)

Kechilool, Saaya 2017 – Kechilool S.V. Saaya O.M.O. (2017) The semantic peculiarities of phraseological units with the component «hand» in the Tuvan and Russian languages. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1 (72), pp. 92–95. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29120878>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbnrzs>. (In Russ.)

Kovshova 2019 – Kovshova M.L. (2019) Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. Anthroponymic code of culture. Moscow: LENAND, 400 p. (In Russ.)

Kreidlin, Arkadyev, Letuchiy, Pereverzeva, Khesed 2020 – Kreidlin G.E., Arkadyev P.M., Letuchiy A.B., Pereverzeva S.I., Khesed L.A. (2020) Language and semiotics of the body: collective monograph: in 2 vols. Vol. 1, 2. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)

Nikolaeva 2024 – Nikolaeva Yu.V. (2024) «Language and body semiotics». Grigory E. Kreidlin's research on embodied semiotics. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 143–158. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.143-158>. (In Russ.)

Pushkina, Nikolaeva 2017 – Pushkina K.V., Nikolaeva N.V. (2017) Comparative analysis of phraseological units with somatic component in the Russian, the English and the Chuvash languages. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 1, pp. 296–304. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-frazeologicheskikh-edinit-s-somaticheskimi-komponentami-v-angliyskom-russkom-i-chuvashskom-yazykah/viewer>. (In Russ.)

Modern phraseology... 2016 – Alefirenko N.F., Zimin V.I., Vasilenko A.P., Fedulenkova T.N., Dobrovolsky D.O., Melerovich A.M., Mokienko V.M. (2016) *Modern Phraseology: trends and innovations*; Vasilenko A.P. (ed.). Moscow; Saint Petersburg; Bryansk: Novyy proyekt, 200 p. Available at: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/sovremennaa_frazeologia_tendencii_i_innovacii_2016.pdf (accessed 16.02.2025) (In Russ.)

Telia 1996 – Telia V.N. (1996) Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 285 p. Available at: <https://djvu.online/file/qB9P7bDqWeB0s>. (In Russ.)

Khodjumyan 2019 – Khodjumyan B.S. (2019) Somatic phraseological units (comparative description of Russian and Armenian somatic phraseological units). Yerevan: Izd-vo EGU, 370 p. Available at: http://publishing.ysu.am/files/Somaticheskie_fraziologizmi.pdf. (In Russ.)

Tsallaeva, Fedulenkova 2024 – Tsallaeva L.G., Fedulenkova T.N. (2024) Phraseological Units Denoting External Characteristics of a Person in English and Russian. *Lunn Bulletin*, issue 1(65), pp. 146–160. DOI: <http://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-146-160>. Available at: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2024-god/vypusk-65-i-kvartal-2024-goda/frazeologizmy-so-znacheniem-vneshnego> (accessed 16.02.2025). (In Russ.)

Khan'zhui Chzhou 2013 – Khan'zhui Chzhou (2013) Symbolic meanings of idioms with components pyka / shou in Russian and Chinese languages. *Cultural studies of Russian South*, no. 2 (49), pp. 103–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolnye-znacheniya-frazeologizmov-s-komponentom-ruka-shou-v-russkom-i-kitayskom-yazykah> (accessed 16.02.2025). (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

Дата поступления: 19.02.2025

рецензирования: 23.03.2025

принятия: 02.06.2025

**К вопросу о взаимодействии смежных научных дисциплин
в формировании мультидисциплинарной терминосистемы CLIMATE CHANGE****А.И. Лаптинова**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Email: anastasia.ko.en@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5367-3643>

Аннотация: В статье исследуется характер взаимодействия терминологии Climate Change с терминологическими системами дисциплин, входящих в анализируемую предметную область. Особое внимание уделено процессам концептуализации и ресемантизации терминов, их трансформации при интеграции в новую область знания – кумулятивным и интегративным изменениям, отражающимся на терминологической системе. Выявлено, что на уровне общенаучных терминов терминология Climate Change демонстрирует междисциплинарность, тогда как на уровне видовых терминов преобладает мультидисциплинарный характер, обусловленный антропоцентрической и антропогенной спецификой концептосферы Climate Change. Работа акцентирует внимание на ключевых концептуальных особенностях терминологии Climate Change, таких как популяризация, риски, угрозы, а также ее влияние на социально-гуманитарные области знания, что позволяет отнести эту область к числу активно формирующихся мультидисциплинарных систем.

Ключевые слова: Climate Change; междисциплинарность; мультидисциплинарная терминология; ресемантизация терминов; антропоцентризм; антропогенный фактор; кумулятивный эффект; интегративный процесс.

Цитирование. Лаптинова А.И. К вопросу о взаимодействии смежных научных дисциплин в формировании мультидисциплинарной терминосистемы CLIMATE CHANGE // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 191–198. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-191-198>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лаптинова А.И., 2025

Анастасия Ильинична Лаптинова – аспирант кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025

Revised: 23.03.2025

Accepted: 02.06.2025

**To the question of interaction of related scientific disciplines in the formation
of multidisciplinary terminology system CLIMATE CHANGE****A.I. Laptinova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: anastasia.ko.en@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5367-3643>

Abstract: The article is devoted to the analysis of terminology of the subject area Climate Change, in order to determine its belonging to the interdisciplinary or multidisciplinary type. The article examines the nature of interaction of the terminology of Climate Change with the terminological systems of disciplines included in the analyzed subject area. Particular attention is paid to the processes of conceptualization and resemantization of terms, their transformation during integration into a new area of knowledge - cumulative and integrative changes reflected in the terminological system. It was revealed that at the level of general terms, the terminology of Climate Change demonstrates interdisciplinarity, while at the level of specific terms, the multidisciplinary nature prevails, due to the anthropocentric and anthropogenic specificity of the conceptual sphere of Climate Change. The work focuses on the key conceptual features of the terminology of Climate Change, such as popularization, risks, threats, as well as its impact on the social and humanitarian areas of knowledge, which allows us to classify this area as an actively developing multidisciplinary system.

Key words: Climate Change; interdisciplinarity; multidisciplinary terminology; resemantization of terms; anthropocentrism; anthropogenic factor; cumulative effect; integrative process.

Citation. Laptinova A.I. To the question of interaction of related scientific disciplines in the formation of multidisciplinary terminology system CLIMATE CHANGE. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 191–198. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-191-198>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Laptinova A.I., 2025

Anastasiia I. Laptinova – postgraduate student, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Понятие *climate change* впервые вошло в научный обиход во второй половине XX века и с тех пор стало одним из самых обсуждаемых явлений, сопровождающих движение прогресса. На сегодняшний день оно является не только предметом изучения климатологов, но и концептом, существенным для экологии, географии, социологии, политологии и экономики. Это делает изменение климата полем интенсивного мультидисциплинарного взаимодействия, в ходе которого формируются новые термины и пересматривается содержание старых. Современное понимание изменения климата обусловлено не только объективными естественными (физическими) процессами, но и когнитивными механизмами, определяющими интерпретацию этого явления в различных научных и социальных контекстах.

Несмотря на то что проблемой глобального изменения климата ученые начали активно заниматься еще в прошлом столетии, до сих пор едва ли можно говорить об изменении климата как о полностью сложившейся области знания. На современном этапе разработки проблемы данная область исследований находится в стадии перехода в отдельную междисциплинарную сферу. В рамках настоящего исследования данное положение особенно актуально, поскольку оно находит отражение в особенностях терминологической системы и, шире, метаязыка, который складывается в результате взаимодействия специалистов разных наук и отраслей.

В свете вышесказанного в задачи настоящей статьи входит рассмотрение следующих вопросов:

1) выявление особенностей терминологии исследуемой области как *междисциплинарной* в ее взаимодействии с терминологическим аппаратом смежных наук, в отличие от тех характеристик, которые свойственны терминам *Climate Change* как *мультидисциплинарной* терминосистеме;

2) рассмотрение процессов концептуализации и ресемантизации терминов различных наук, вошедших или находящихся в процессе вхождения в терминологию *Climate Change*;

3) определение центра и периферии терминологической системы *Climate Change* в свете классификации естественных, гуманитарных и общественных наук.

Основная часть

Последние разработки, посвященные понятию междисциплинарности как особому явлению в современной научной парадигме, показывают, что она представляет собой особого рода интегративный процесс, приводящий к созданию новой структуры знания. Именно выделение области взаимодействия разных направлений в отдельный объект исследования является ключевой особенностью междисциплинарных исследований. Это подчеркивается на уровне номинации: использование префиксального терминологического элемента *меж-* выводит на первый план идею о создании нового,

«отмежевавшегося», интегрированного научного пространства на базе взаимодействия нескольких научных дисциплин [Зыкова 2017, с. 76–77].

Что же касается понятия *мультидисциплинарность*, то оно подразумевает взаимодействие разных дисциплин для решения многоаспектных, «наиболее злободневных» проблем [Киященко 2006, с. 17]. Согласно определению Е.Н. Князевой, «мультидисциплинарность» является характеристикой такого исследования, «когда какой-либо феномен или объект изучается одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами». Существенным оказывается то, что каждая дисциплина сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, образуя «неинтегрированную смесь дисциплин». Кооперация внутри мультидисциплинарной области может быть «взаимной и кумулятивной, но она не является интерактивной» [Князева 2011, с. 193].

Идентификационными признаками мультидисциплинарных подходов стали: «наличие целевого контекста исследования, не принадлежащего какой-то одной дисциплине, а также консенсуса и компромиссов, обуславливающих intersubjective (принимаемый большинством) результат исследования объекта или решения проблемы» [Мокий, Лукьянова 2017, с. 11].

В связи с развитием разнопредметных подходов в терминологических исследованиях был предложен термин «мультидисциплинарная терминологическая система (МДТС)» [Жабо, Авдонина 2020, с. 82], основными свойствами которой являются целостность, делимость, множественность и целенаправленность. Таким образом, формирование мультидисциплинарной терминологии связано с процессом ресемантизации – появлением или исчезновением определенных семантических характеристик слова-термина.

Ключевыми характеристиками мультидисциплинарности являются: 1) наличие проблемы, выходящей за рамки одного научного направления, когда ее значимость распространяется на различные области знания, а решение предполагает взаимодействие разных дисциплин; 2) интеграция различных направлений носит кумулятивный характер, в результате чего происходит изменение мультидисциплинарной области по мере накопления новых знаний; 3) изменение входящих в мультидисциплинарную область понятий отдельных направлений: они становятся объектом вторичной концептуализации в рамках мультидисциплинарной области, в результате чего одни характеристики идут на убыль, а другие, наоборот, приращиваются, становясь центральным звеном формирования терминологического значения [Касавин 2010; Измайлов, Пойзнер 2011; Князева 2011; Зыкова 2017; Жабо, Авдонина 2020].

Рассматривая предметную область *Climate Change*, мы пытаемся ответить на вопрос о том, является ли она меж- или мультидисциплинарной, поскольку основное отличие в определении этих двух понятий заключается в степени интер-

активности исследуемой терминологии. Иначе говоря, насколько активно развиваются процессы перехода терминов из одной области в другую при сохранении их собственной методологии и каковы те изменения, которые они претерпевают при вхождении в мультидисциплинарное терминологическое пространство. Характер изменений в анализируемой области знания (кумулятивный или интегративный) определяет принадлежность исследуемого термина к меж- или мультидисциплинарному типу.

Вопрос о соотношении мультидисциплинарной и междисциплинарной терминологии может быть рассмотрен на когнитивной основе верификации определений терминов, которые даются в предметных словарях и специализированных источниках по анализируемой проблематике. Так, на первый план выходит *ономасиологический* подход, согласно которому наиболее существенным в термине оказывается его референт – понятие или идея, будучи противопоставленным *семасиологическому* подходу, который в контексте исследования номинации предполагает движение от обозначения к значению. Так, при ономасиологическом подходе ключевая роль в построении терминосистемы отводится идентификации первичных объектов (понятий, идей) на основе проверки и сопоставления их дефиниций.

Термин служит завершающим этапом научного исследования, обеспечивающим переход от таксономии к метатаксономии, являясь ключом не только к уже зафиксированным теоретическим построениям, но и к новым потенциально возможным представлениям о предмете. Термины служат лексическими репрезентантами нового знания и инструментом, обеспечивающим взаимосвязь онтологического и эвристического аспектов исследования [Гвишиани 2024, с. 380]. С позиций когнитивного терминоведения, термин рассматривается как «вербализованный результат профессионального мышления», включающий как объективное знание, так и субъективные элементы, и представляющий собой результат концептуализации научного знания, что позволяет воспринимать термин в том числе как источник познания той теории, в которой он функционирует [Манерко 2024, с. 397].

В качестве материала исследования в настоящей работе используется структура терминологии предметной области Climate Change, представленная в глоссариях, посвященных проблеме изменения климата: 1) глоссарий Key Terms You Need To Know To Understand Climate Change, изданный в 2015 в рамках работы общественной организации «Климатическая реальность» (The Climate Reality Project), основанной в 2011 году лауреатом Нобелевской премии мира за исследования по проблеме изменения климата Альбертом Гором; 2) глоссарий Glossary of Climate Change Terms, опубликованный в 2016 году Агентством по охране окружающей среды США (United States Environmental Protection Agency); 3) глоссарий Climate Change: The Key Words and Phrases Every-

one Should Know & Understand, подготовленный Международной образовательной и правозащитной организацией Global Citizen в 2023 году; 4) глоссарий The Climate Dictionary: An everyday guide to climate change, разработанный в рамках Программы развития ООН (United Nations Development Programme) в 2023 году.

В ходе исследования были выделены наиболее частотные терминологические единицы из 11 предметных областей, подразделяемых согласно кодам международной классификации (Fields of Science and Technology – FOS) на естественные науки (Natural Sciences) – физика, химия, биология, география, экология, геология, метеорология, климатология – и общественные области знания (Social Sciences) – социология, политика, экономика.

Существующая проблемно-ориентированная классификация отражает иерархию предметных областей и научных специальностей на основе ключевого объекта исследования и доминирующих методологических принципов. Так, экология входит в состав биологических наук (Biology), в то время как метеорология является частью наук о Земле (Earth and related environmental sciences) вместе с географией, геологией, минералогией и океанологией. Согласно упомянутому классификатору FOS, климатология не выделяется в качестве отдельного научного направления, в то время как в российской номенклатуре научных специальностей климатология присутствует в составе географических наук (25.00.30 Метеорология, климатология, агрометеорология) и определяется как «наука о закономерностях формирования климатов и их распределении на Земном шаре, изменениях климата в прошлом и прогноз возможных изменений климата в будущем. В своих выводах климатология исходит из понятий и законов метеорологии» (Приказ Минобрнауки).

Классификация предметных областей отражает основной вектор, по которому следует то или иное научное направление, его приоритеты, цели проводимых исследований и методологические принципы, не исключая различия, возникающие в ходе конкретизации предмета исследования отдельной научной специализации.

Необходимо подчеркнуть динамический характер процесса познания, который, согласно Ж. Пиаже, находится в состоянии непрерывного развития (Пиаже 2001, с. 107). Вследствие этого любая классификация наук носит приблизительный характер и не может претендовать на абсолютную и неизменную истинность. Так, анализ научной терминологии должен учитывать постоянную динамику научного знания, его расширение и трансформацию.

Возвращаясь к вопросу о характере взаимодействия исследуемой терминологии со смежными областями знания, следует отметить, что минимальные различия в определениях терминологических единиц наблюдаются между областью Climate Change и такими предметными дисциплинами, как экология, метеорология и климатология.

Именно в этом интегрированном понятийном пространстве мы можем говорить о *междисциплинарном* характере исследуемой понятийной системы и ее интерактивности (см. табл. 1).

Термины *climate* и *weather* являются общенаучными и составляют предмет вышеупомянутых областей знания. Концептосфера Climate Change заимствует данные термины без явных изменений поскольку проблема изменения климата берет начало в названных направлениях исследований, в результате чего общие для данных дисциплин обозначения не подвергаются пересмотру. Приведенные термины описываются как природные явления в плане их продолжительности, локализации и основных метеорологических характеристик (давление, температура, видимость, влажность и т. д.).

В терминологической системе исследуемой области присутствуют и более «специальные» полилексемные термины. При переходе на уровень видовых терминов сходство наук представляется более проблематичным в плане междисциплинарности. Рассмотрим определение термина-словосочетания *Extreme Weather*, пришедшего в область Climate Change из метеорологии (табл. 2).

По своей форме анализируемый термин представляет собой сочетание общеупотребительного прилагательного *extreme* и общенаучного термина *weather*, которое в рамках научного дискурса выражает единое, но расчлененное понятие. Однако если в метеорологии основной акцент делается на статистической редкости данного феномена, в области Climate Change подчеркиваются конкретные исторические эпизоды, когда челове-

чество сталкивалось с описываемым явлением. Различие в анализируемых дефинициях становится более наглядным при переходе на уровень их лексической стратификации и рассмотрения определений с точки зрения трех лексических стратов – слов общего языка, специальных терминов и общенаучной лексики. Так, в области метеорологии понятие *Extreme Weather* определяется на основе других специальных понятий – *magnitude, location, timing, extent* (магнитуда, местоположение, время, протяженность), в то время как в глоссарии Climate Change для характеристики данного явления используются общеупотребительные синтагматические последовательности: *to fall outside of normal patterns* (выходить за рамки привычных моделей), *to become increasingly frequent and intense* (становиться все более частым и интенсивным), *numerous extreme and record-breaking weather events* (многочисленные экстремальные и рекордные погодные явления). Кроме того, указываются географические зоны стихийных бедствий: *from a heatwave across Asia, to Cyclone Freddy in southern and eastern Africa, to drought in the Horn of Africa* (от аномальной жары по всей Азии до циклона «Фредди» на юге и востоке Африки и засухи на Африканском Роге). Тем самым концептосфера Climate Change сближается с проблемами, которые носят экзистенциальный характер для людей.

Рассмотренный пример свидетельствует о том, что при переходе на уровень видовых терминов смежных дисциплин появляется основание говорить о возникновении мультидисциплинарности, поскольку, оказывая большое влияние на жизне-

Таблица 1

Определения терминов *climate* и *weather* в ряде естественно-научных дисциплин

Table 1

Definitions of the terms *climate* and *weather* in a number of scientific disciplines

CLIMATE Climate Change	CLIMATE Ecology	WEATHER Climate Change	WEATHER Meteorology
Climate is the average of weather patterns over a longer period of time (usually 30 or more years). (Key Terms You Need...)	Climate is the average weather conditions —temperature, solar radiation, precipitation, and humidity. (Encyclopedia of the Environment)	Weather refers to atmospheric conditions in the short term , including changes in temperature, humidity, precipitation, cloudiness, brightness... (Key Terms You Need...)	Weather is the state of the atmosphere at any given time with regard to precipitation, temperature, humidity, cloudiness, wind movement, and barometric pressure . (The National Weather Service)

Таблица 2

Определения термина *Extreme Weather*

Table 2

Definitions of the term *Extreme Weather*

EXTREME WEATHER Climate Change	EXTREME WEATHER Meteorology
Extreme weather refers to any weather that falls outside of normal patterns – and it's becoming increasingly frequent and intense as a result of climate change . Already in 2023, we've witnessed numerous extreme and record-breaking weather events, from a heatwave across Asia, to Cyclone Freddy in southern and eastern Africa, to drought in the Horn of Africa, and more . (Climate Change: The Key Words and...)	An extreme weather event is rare at a particular place and time of year, with unusual characteristics in terms of magnitude, location, timing, or extent . The characteristics of what is called extreme weather may vary from place to place in an absolute sense. (World Meteorological Organization)

деятельность человека, проблема «экстремальных погодных условий» выходит за пределы метеорологии. На уровне лексической стратификации в рассматриваемом определении преобладают слова общего языка и общенаучная лексика, а также содержатся указания на конкретные проявления описываемого явления, что свидетельствует о такой концептуальной характеристике, присущей терминологии Climate Change, как *популяризация*, то есть ее нацеленности на привлечение широкого внимания к обсуждаемой проблеме.

Рассмотрим определение еще одного термина-словосочетания *Loss and Damage* («Потеря и Ущерб»), возникшего непосредственно в рамках области Climate Change, откуда он заимствуется в такую смежную область, как экология (табл. 3).

Анализ определения, взятого из области Climate Change, показывает, что, помимо прямого указания на связь с изменением климата, в дефиниции термина *Loss and Damage* присутствуют термины других научных дисциплин – океанологии (*sea-level rise*), климатологии (*extreme weather events*), биологии (*species extinction*). При этом на уровне лексической стратификации данные терминологические словосочетания реализуются в синтаксической структуре экземплификации и образуют единую синтагматическую последовательность вместе со словами общего языка *things like*. Кроме того, данное определение выявляет такую концептуальную составляющую терминологии Climate Change, как *риск*. Риски негативных последствий подчеркиваются в терминологии Climate Change на уровне номинации исследуемого

феномена. Определение заимствованного термина в экологии, помимо указания на разрушительные последствия, содержит уточнение, указывающее на *антропоцентризм* описываемого явления – *impacts of climate change experienced by millions of people across the globe* (последствия изменения климата, которые испытали миллионы людей по всему миру) (Лесная энциклопедия 1985).

Антропоцентризм (от др.-греч. ἄνθρωπος – человек и лат. centrum – центр) – это философская позиция, которая ставит человека в центр мироздания и рассматривает все явления и сущности с точки зрения их значимости для человека. В контексте терминологии Climate Change *антропоцентризм* представляется одной из ключевых концептуальных характеристик, отличающих данную терминологию от других предметных дисциплин.

Помимо антропоцентрической перспективы, вхождение терминов в область Climate Change может приводить к появлению нового вектора развития, определяемого как антропогенный фактор. Антропогенность (от др.-греч. ἄνθρωπος – человек, γένεσις – происхождение, лат. factor – дело) – это свойство, характеризующее явления, процессы или объекты, возникновение или изменение которых обусловлено деятельностью человека. Антропогенность указывает на причинно-следственную связь между деятельностью человека и наблюдаемыми изменениями в окружающей среде и/или обществе.

Антропогенный фактор обнаруживается в дефинициях целого ряда терминов в рамках терминологии Climate Change. Рассмотрим некоторые из них (табл. 4).

Таблица 3

Определения термина *Loss and Damage*

Table 3

Definitions of the term *Loss and Damage*

LOSS AND DAMAGE Climate Change	LOSS AND DAMAGE Ecology
Loss and damage is a phrase you'll likely hear a lot, and it refers, to quote the UN Environment Program, «to the negative consequences that arise from the unavoidable risks of climate change » – things like, extreme weather events, rising sea levels, species extinction , and more. (Climate Change: The Key Words and...)	Loss and damage refers to the current and unavoidable impacts of climate change experienced by millions of people across the globe . Ecosystem loss and degradation, exacerbated by climate change, is a major component of loss and damage. (The UN Environment Program)

Таблица 4

Определения терминов *global warming* и *fossil fuels* в глоссариях Climate Change

Table 4

Definitions of the terms *global warming* and *fossil fuels* in Climate Change glossaries

GLOBAL WARMING Climate Change	FOSSIL FUELS Climate Change
Global warming refers to a long-term warming of the Earth's surface overall temperature. Though this warming trend has been going on for a long time, its pace has significantly increased in the last hundred years due to the burning of fossil fuels. Human activity has played a huge role in the increase of our planet's temperature. Burning fossil fuels leads to greenhouse gases, which cause what's known as the «greenhouse effect» in earth's atmosphere. (Climate Change: The Key Words and...)	Fossil fuels are sources of non-renewable energy, formed from the remains of living organisms that were buried millions of years ago. Burning fossil fuels like coal and oil to produce energy is where the majority of greenhouse gases originate. As the world has developed and demand for energy has grown, we've burned more fossil fuels, causing more greenhouse gases to be trapped in the atmosphere and air temperatures to rise. (Key Terms You Need...)

Данные определения прямо или косвенно указывают на роль человека в глобальном изменении климата. Синтагматические последовательности, выявленные в ходе лексической стратификации, подчеркивают явную связь описываемых явлений с деятельностью человека: *due to the burning of fossil fuels* (сжигание ископаемого топлива); *human activity has played a huge role* (человеческая деятельность сыграла огромную роль); *as the world has developed and demand for energy has grown, we’ve burned more fossil fuels* (по мере развития мира и роста спроса на энергию мы сжигаем больше ископаемого топлива).

Определения подчеркивают, что сжигание ископаемого топлива – антропогенный источник парниковых газов, являющийся основной причиной усиления парникового эффекта и глобального потепления. Эта корреляция подкрепляет тезис об антропогенности описываемых процессов.

На уровне лексической стратификации можно видеть, что в рамках одной синтагматической последовательности дефиниция термина, относящегося к предметной области *Climate Change*, объединяет в себе не просто сочетание общеупотребительной и общенаучной лексики, но объединение специальных терминов разных предметных областей. Данное явление характерно для дефиниций терминологических единиц в рамках *Climate Change*, что свидетельствует о превалирующем мультидисциплинарном характере анализируемой терминологии.

На мультидисциплинарный характер полилексемных (видовых) терминов *Climate Change* указывает и определение термина *Climate Overshoot* (Климатический выброс) (табл. 5).

На уровне лексической стратификации в определении из области *Climate Change*, содержатся специальные термины биологии (*biodiversity* – биоразнообразие), экологии (*ecosystem* – экосистема), географии (*dry areas* – засушливые районы) климатологии (*global temperature* – глобальная температура). В рамках сферы изменения климата мы снова наблюдаем объединение подобных обозначений в единые синтагмы, что подчеркивает явление мультидисциплинарности, поскольку определение, предлагаемое в рамках области *Climate Change*, демонстрирует явление кумулятивности,

которое выражается в расширении и накоплении смыслового содержания термина за счет его применения в новой предметной области.

Еще одним фактором, свидетельствующим о мультидисциплинарности описываемой терминологии, является изменение родовидовой иерархии, которое наблюдается при сравнении одних и тех же терминов в области *Climate Change* и других дисциплинах. Например, в химии термин *Greenhouse Gas* является родовым термином по отношению к таким обозначениям, как *carbon dioxide*, *methane*, *nitrous oxide*, *ozone* (конкретным видам парниковых газов). В рамках понятий области *Climate Change* термин *Greenhouse Gas* также становится родовым и конкретизируется в таких обозначениях, как *Greenhouse Gas Emissions* (выбросы парниковых газов) и *Greenhouse Gas Neutrality* (нейтральность выбросов парниковых газов). Добавление новых видовых терминов демонстрирует кумулятивный характер анализируемой терминологии: появление терминов *Greenhouse Gas Emissions* и *Greenhouse Gas Neutrality* обусловлено разнопредметными исследованиями проблемы изменения климата и соответствующим накоплением новых знаний, необходимых в контексте исследуемой области.

Масштабность проблемы *Climate Change* и ее влияние на различные сферы жизни обусловили появление новых феноменов, получивших собственные терминологические обозначения в рамках различных предметных областей.

Так, в экономике появился термин *Carbon Market* (углеродный рынок), обозначающий особый вид торговли квотами на эмиссии (*type of emission trading scheme*), который был разработан для выбросов парниковых газов. В области социологии появился термин *Climate Justice* (климатическая справедливость), принятый для обозначения специальной концепции, в рамках которой изменение климата рассматривается как вопрос социальной справедливости с акцентом на диспропорциональном воздействии климатических изменений на уязвимые слои населения. Влияние проблемы изменения климата на политику подчеркивается фактом возникновения в области политической науки понятия *Climate Security* (климатическая безопасность), которое подразумевает рассмотре-

Таблица 5

Определения термина *Climate Overshoot*

Table 5

Definitions of the term *Climate Overshoot*

CLIMATE OVERSHOOT Climate Change	CLIMATE OVERSHOOT Meteorology
Climate overshoot refers to the period during which warming will have increased past 1.5 °C, before falling back down. The longer the climate overshoot lasts, the more dangerous the world will become. A prolonged period of higher global temperatures will have devastating and irreversible impacts on natural ecosystems, biodiversity, and human communities, particularly in dry areas, coastal zones, and other vulnerable locations. (Climate Dictionary...)	Climate Overshoot is the period of time in which warming is increasing past the 1.5 °C mark and then cooling back down. (What is Climate Overshoot and...)

ние изменения климата как угрозы национальной и международной безопасности.

Данные примеры свидетельствуют об интегративных процессах, наблюдающихся между областью Climate Change и общественными науками, что отражается на уровне полилексемных видовых терминов, возникающих в отдельных областях научного знания в связи с изучением Climate Change. В случае подобных терминов наблюдается процесс не просто накопления знаний в одной области за счет другой (кумулятивный эффект), но появление совершенно нового знания, полученного в ходе интеграции и закрепленного в новом термине, что свидетельствует о явлении междисциплинарности.

Заключение

Итоги проведенного исследования сводятся к следующим положениям:

1. Понятийная область Climate Change находится на этапе формирования собственной терминосистемы, которая включает как междисциплинарные, так и мультидисциплинарные термины.

Основным фактором выявления междисциплинарного взаимодействия является интерактивный характер терминологий смежных дисциплин. Основным же фактором междисциплинарности выступает кумулятивность знаний в рассмотрении многоаспектной проблемы.

2. В случае терминов смежных естественных наук (метеорология, климатология, экология) мы наблюдаем явление междисциплинарности на уровне родовых общенаучных терминов, которые составляют ядро исследуемой терминологии. В то же время на уровне терминов видовых общность понятий сменяется различием за счет добавления новых ракурсов в рассмотрении многоаспектного целевого объекта, что свидетельствует о мультидисциплинарности описываемой терминологии.

3. Концептуальными особенностями терминологии Climate Change выступают такие характеристики, как *популяризация*, *риски*, *угроза*, *антропогенность* и *антропоцентричность*, что выявляется в ходе лексической стратификации текстов определений, представляющих метаязык исследуемой предметной области.

Материалы исследования

EPA 2017 – U.S. Environmental Protection Agency. Glossary of Climate Change Terms. URL: https://19january2017snapshot.epa.gov/climatechange/glossary-climate-change-terms_.html#C.

Encyclopédie de l'Environnement – The Climate Machine. URL: <https://www.encyclopedie-environnement.org/en/climate/the-climate-machine/>.

Global Citizen – Climate Change: Key Words & Terms to Know. URL: <https://www.globalcitizen.org/en/content/climate-change-key-words-terms-to-know-explainer>.

National Weather Service – National Oceanic and Atmospheric Administration. About the National Weather Service. URL: <https://www.weather.gov/about/>.

The Climate Reality Project – The Climate Reality Project – Key Terms You Need to Understand Climate Change. URL: <https://www.climateRealityProject.org/blog/key-terms-you-need-understand-climate-change>.

UNDP – United Nations Development Programme. Climate Dictionary: An Everyday Guide to Climate Change. URL: <https://climatepromise.undp.org/news-and-stories/climate-dictionary-everyday-guide-climate-change>.

WMO – World Meteorological Organization. Extreme Weather. URL: <https://wmo.int/topics/extreme-weather>.

WWF – World Wildlife Fund. What Is Climate Overshoot and Why Does It Matter?. URL: <https://www.worldwildlife.org/stories/what-is-climate-overshoot-and-why-does-it-matter>.

Жан Пиаже... 2001 – Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. Москва: Гардарики, 2001. 627 с. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/piazhe-teoriya--diskussii_2001.

Лесная энциклопедия 1985 – Лесная энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. Г.И. Воробьев; ред. кол.: Н.А. Анучин, В.Г. Атрохин, В.Н. Виноградов [и др.]. Москва: Сов. энциклопедия, 1985. 563 с.

Приказ Минобрнауки 2021 – Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043>.

Библиографический список

Гвишиани 2024 – Гвишиани Н.Б. Терминологические инновации в развитии и трансформации научных парадигм (опыт англоязычного корпусного дискурса) // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 378–389. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-2-378-389>.

Гвишиани 1993 – Гвишиани Н.Б. Терминология в обучении английскому языку (с глоссарием лингвистических терминов). Москва: Высшая школа, 1993. 157 с.

Гвишиани 2019 – Гвишиани Н.Б. Язык и дискурс науки. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 314 с.

Жабо, Авдонина 2020 – Жабо Н.И., Авдонина М.Ю. Мультидисциплинарная терминология в учебнике иностранного языка: экономические и юридические аспекты ландшафтного дизайна // Профессиональная коммуникация: от термина к дискурсу: сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции. Москва: «ОнтоПринт», 2020. С. 80–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44192084>. EDN: <https://elibrary.ru/phlyuo>.

Зыкова 2017 – Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва: Гнозис, 2017. 752 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30490689>. EDN: <https://elibrary.ru/zrfixsb>.

Измайлов, Пойзнер 2011 – Измайлов И.В., Пойзнер Б.Н. Аксиоматическая схема исследования динамических систем: От критериев их растожествления к самоизменению. Томск, 2011. 570 с. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000423310>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28350907>. EDN: <https://elibrary.ru/xwkmcz>.

Киященко 2006 – Киященко Л.П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // Santalka. Filosofija. Vilnius, 2006. Т. 14, № 1. С. 17–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.3846/coactivity.2006.03>.

Князева 2011 – Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201. URL: https://vestnik.tspu.ru/archive.html?year=2011&issue=10&article_id=3099.

Манерко 2024 – Манерко Л.А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. 2024. Т. 2, № 2. С. 390–405. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-2-390-405>.

Мокий, Лукьянова 2017 – Мокий В.С., Лукьянова Т.А. Междисциплинарные взаимодействия в современной науке: подходы и перспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 3 (78). С. 7–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30463756>. EDN: <https://elibrary.ru/zqqphf>.

References

Gvishiani 2024 – Gvishiani N.B. (2024) Terminological Innovations in the Development and Transformation of Scientific Paradigms (Based on the English Language Corpus Discourse). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, no. 2, part 2, pp. 378–389. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-2-378-389>. (In Russ.)

Gvishiani 1993 – Gvishiani N.B. (1993) Terminology in teaching English (with a glossary of linguistic terms). Moscow: Vysshaya shkola, 157 p. (In Russ.)

Gvishiani 2019 – Gvishiani N.B. (2019) Language and discourse of science. Moscow: LENAND, 314 p. (In Russ.)

Zhabo, Avdonina 2020 – Zhabo N.I., Avdonina M.Yu. (2020) Multidisciplinary terminology in a textbook of foreign language: economic and legal aspects of landscape design. In: *Professional communication: From term to discourse: collection of scientific works on the materials of the all-Russian research and practical conference*. Moscow: OntoPrint, pp. 80–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44192084>. EDN: <https://elibrary.ru/phlyuo>. (In Russ.)

Zykova 2017 – Zyкова I.V. (2017) Metalanguage of linguoculturology: constants and variants. Moscow: Gnozis, 752 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30490689>. EDN: <https://elibrary.ru/zrfixsb>. (In Russ.)

Izmailov, Poizner 2011 – Izmailov I.V., Poizner B.N. (2011) An axiomatic scheme of studying the dynamic systems: from criteria of their diversity to self-change. Tomsk, 570 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28350907>. EDN: <https://elibrary.ru/xwkmcz>. (In Russ.)

Kiyashchenko 2006 – Kiyashchenko L.P. (2006) The phenomenon of transdisciplinarity – experience of philosophical analysis. *Santalka. Filosofija*, vol. 14, no. 1, pp. 17–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.3846/coactivity.2006.03>. (In Russ.)

Knyazeva 2011 – Knyazeva E.N. (2011) Transdisciplinary research strategies. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 10, pp. 193–201. Available at: https://vestnik.tspu.ru/archive.html?year=2011&issue=10&article_id=3099. (In Russ.)

Manerko 2024 – Manerko L.A. (2024) Basic methods of Cognitive-Discursive Terminology. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, no. 2, part 2, pp. 390–405. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-2-390-405>. (In Russ.)

Mokiy, Lukyanova 2017 – Mokiy V.S., Lukyanova T.A. (2017) Interdisciplinary collaboration in contemporary science: approaches and perspectives. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (78), pp. 7–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30463756>. EDN: <https://elibrary.ru/zqqphf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.33: 659.4

Дата поступления: 21.10.2024
рецензирования: 13.04.2025
принятия: 02.06.2025

Топонимический палимпсест как репрезентант самарской идентичности. Статья первая

Т.П. Романова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: romanovatp@mail.ru. Scopus ID: 57190246234; Web of Science: Y-2600-2018.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

Аннотация: В статье исследуются семиотическое пространство Самары и состав топонимического палимпсеста самарского текста, эволюционирующего в соответствии с ценностными ориентирами, характерными для определенных периодов в истории города. Основанная в 1586 году как город-крепость, в середине XIX века Самара превращается в довольно крупный губернский город, известный как «хлебная столица России»; в советский период город Куйбышев становится крупным индустриально-промышленным центром, в годы Великой Отечественной войны – «запасной столицей», а в послевоенные годы – одним из ведущих центров авиационно-ракетной индустрии и, наконец, в постсоветское время получает дополнительную номинацию – «город-курорт». На основании проведенного исследования массива существующих в настоящее время внутригородских топографических объектов, собственные имена которых отражают концептуальные смыслы различных периодов, выявляются урбанонимы, представляющие собой вербальные элементы символического капитала Самары, обеспечивающие развивающуюся во времени картину ее территориальной идентичности. Исследование показало, что в топонимическом ландшафте города, который несколько раз менял свои концептуальные характеристики, находят отражение семиотические коды территориальной идентичности, актуальные для каждого из перечисленных периодов, что делает проблематичным формирование территориального бренда Самары на основании однозначной характеристики. В первой статье будут рассмотрены топонимические знаки самарской идентичности, отражающие дореволюционный период ее истории.

Ключевые слова: территориальная идентичность; топонимы; урбанонимы; топонимический ландшафт; топонимический палимпсест; семиотика пространства.

Цитирование. Романова Т.П. Топонимический палимпсест как репрезентант самарской идентичности. Статья первая // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31, № 2. С. 199–209. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-199-209>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Романова Т.П., 2025

Татьяна Павловна Романова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.01.2025
Revised: 13.04.2025
Accepted: 02.06.2025

Toponymic palimpsest as a representative of Samara identity. The first article

T.P. Romanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: romanovatp@mail.ru. Scopus ID: 57190246234; Web of Science: Y-2600-2018.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

Abstract: The article examines the semiotic space of Samara and the composition of the toponymic palimpsest of the Samara text, evolving in accordance with the value orientations characteristic of certain periods in the history of the city. Founded in 1586 as a fortress city, in the middle of the XIX century Samara turned into a fairly large provincial city, known as the «grain capital of Russia»; during the Soviet period, the city of Kuibyshev became a major industrial center, during the Great Patriotic War – the «reserve capital», and in the post-war years – one of the leading centers of the aviation and rocket industry and, finally, in the post-Soviet period, receives an additional nomination – «resort city». Based on the conducted research of an array of currently existing inner-city topographic objects, whose proper names reflect the conceptual meanings of various periods, urbanonyms are identified that represent verbal elements of the symbolic capital of Samara, providing a picture of its territorial identity that develops over time. Our research has shown that the toponymic landscape of the city, which has changed its conceptual characteristics several times, reflects the semiotic codes of territorial identity relevant to each of the listed periods, which makes it problematic to form a territorial brand of Samara based on an unambiguous characteristic.

Key words: territorial identity; toponyms; urbanonyms; toponymic landscape; toponymic palimpsest; semiotics of space.

Citation. Romanova T.P. Toponymic palimpsest as a representative of Samara identity. The first article. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 199–209. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-199-209>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Romanova T.P., 2025

Tatyana P. Romanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Идентичность места определяется картиной мира его жителей, главными смыслами, в которых они видят уникальность своей территории, как они чувствуют так называемый *Genius loci* – (лат. «дух места»). Картина мира может материализовываться в уникальном культурном ландшафте места, значительную часть которого составляет топонимический ландшафт – «совокупность топографических собственных имен, вовлеченных в единую систему пространственных семиотических связей и организующих семантические и функциональные слои в вербальном образе города» [Голомидова, Дмитриева 2023, с. 150].

Топонимический ландшафт города формируют разные виды внутригородских топонимов – урбанонимы, т. е. собственные имена любых внутригородских топографических объектов: агоронимы, годонимы, хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы [Подольская 1988, с. 139].

Урбанонимический ландшафт включает ключевые элементы символического капитала, которые имеют большое значение для репрезентации городской идентичности, так как «номинацию внутригородских объектов собственными именами в содержательном отношении можно представить как осмысление и структурирование пространства с помощью специальных вербальных символов его прагматической (в широком смысле) ценности. Именной пласт города – это и его летопись (нередко переписываемая в полном соответствии с привычками этого жанра), и действующая знаковая «форма», помогающая связать фрагменты городского ландшафта <...> Комплекс урбанонимов – это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в различных смысловых модальностях» [Голомидова 2001, с. 19–20].

Картина территориальной идентичности определяется исследователями на основании обращения к семиотическому анализу определенных синхронических срезов культурного ландшафта. Можно назвать работы многих отечественных и зарубежных ономастологов, посвященные этой тематике, например, исследование Р.В. Разумова и С.О. Горяева «Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние» [Разумов, Горяев 2020], серия работ М.В. Голомидовой [Голомидова 2019, 2022, 2023 и др.]; работу И.Т. Вепревой и А.В. Харитоновой «Ономастическое пространство Екатеринбурга:

уровневая организация маркеров региональной идентичности» [Вепрева, Харитоновы 2023], работы Т.П. Романовой, касающиеся региональной идентичности Самары [Романова 1995, 2022 а, 2022 б]. В.В. Разумов утверждает, что урбанонимическое поле «формирует образ города, создает его неповторимый пространственный текст, позволяющий узнать многое о прошлом и настоящем» [Разумов 2022, с. 108].

К числу актуальных фундаментальных исследований территориальной идентичности в аспекте ее отражения в урбанонимическом текстовом пространстве относится монография «Городская топонимия: современная политика и практика именования», в которой раскрываются методологические аспекты изучения репрезентации образа города в его урбанонимическом ландшафте [Городская топонимия... 2023].

Ю.М. Лотман обращает внимание на темпоральную изменчивость семиотического текста города, в котором прошлое встречается с настоящим: «Город представляет собой котел текстов и кодов, разнородных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город, как и культура, – механизм, противостоящий времени, потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно» [Лотман 2000, с. 453].

Е.Л. Березович указывает на стилистическую неоднородность и историческую изменчивость топонимического пространства: «Топонимическое пространство представляет собой <...> мозаичное переплетение различных стилевых пластов. Новые поколения номинаторов не только творят собственный текст, но и “переписывают” произведения предшественников, переосмыслив и изменив то, что не вписывается в культурную парадигму новой эпохи» [Березович 1995, с. 89].

Ученые отмечают, что топонимический текст постоянно меняется под влиянием социально-исторических факторов, номинации объектов преобразуются и переосмысливаются, старые номинации заменяются новыми особенно активно в переломные исторические моменты. В процессе временной трансформации в структуре топонимического ландшафта сохраняются самые важные знаки – ключевые компоненты символического капитала, которые составляют квинтэссенцию территориальной идентичности. В этом отношении городской топонимический ландшафт представляет собой своеобразный палимпсест.

К модели палимпсеста обращаются многие современные отечественные и зарубежные исследователи, работающие в разных областях гуманитарного знания [Басик 2018; Исаченко 2017; Кобозева, Казанцева 2023].

«Палимпсест (от греч. *palin* – «снова», *psaio* – «скоблю, стираю») – это рукопись, написанная поверх смытого или соскобленного текста. В зарубежной географии палимпсест – это метафора, представляющая ландшафт как многослойную структуру, состоящую из элементов, имеющих различное время возникновения и степень сохранности <...> Особенность места как палимпсеста при этом – в том, что прежние слои не стираются, они именно – сосуществуют одновременно» [Митин 2008, с. 23–24]. «В контексте образа города палимпсест означает, что каждый следующий слой городского пространства полностью или частично строится на основе предыдущих, сохраняя историческую память места и накапливая культурное наследие прошлых эпох. Отсюда можно выявить главное качество палимпсеста – многослойность» [Самогоров, Зубкова 2024, с. 311]. Как справедливо считает И.И. Митин, «каждый пласт места как палимпсеста может быть рассмотрен как определенное представление о месте, определенный текст, та или иная пространственная репрезентация» [Митин 2022, с. 115].

Ономатологи отмечают значимость модели палимпсеста для выявления городской идентичности: «семиотика городского пространства не только позволяет «перекодировать», переосмыслить тексты прошлого, но и вовлечена в непрерывное создание нового текстового пространства, которое наслаивается на старое, создавая подобие урбанонимического палимпсеста [Городская топонимия... 2023, с. 67].

Рассматривая образ Екатеринбурга сквозь призму топонимического хронотопа, М.В. Голомидова показывает, как урбанимический ландшафт постепенно становится похожим на палимпсест, сохраняя при этом старинные пласты топонимических названий и наслаивая новые, и как сквозь эти пласты «просвечивает» территориальная идентичность города. «Сохранение в урбанонимах некоторых смысловых доминант прошлого свидетельствует об их значимости для формирования современной территориальной идентичности» [Голомидова 2023, с. 49]. При всей сложности истории и многогранности развития Екатеринбурга в его топонимическом пространстве неизменно прослеживается доминанта идентичности – заводская индустриальная тематика, вырисовывается промышленный урбанимический портрет города.

В отличие от Екатеринбурга, у Самары нет единственной темы территориальной идентичности, доминирующего образа, сохраняющегося на протяжении всего исторического периода существования города. Трудность выявления *Genius loci* Самары связана, прежде всего с тем, что город несколько раз менял свое концептуальное назначение.

Основанная в 1586 г. как «*город-крепость*» для защиты восточных рубежей российского государства, с середины XIX в. Самара становится «*хлебной столицей России*», крупнейшим торговым и транспортным центром, через который проходят огромные товарные и финансовые потоки. С начала советского периода город постепенно приобретает значение индустриально-промышленного центра, в послевоенный период известного прежде всего как место производства авиационной, а затем ракетно-космической техники, в связи с чем появляется номинация «*авиационно-космическая столица*». Период Великой Отечественной войны имеет особенное значение для развития города. В 1941–1943 гг. Куйбышев становится «*запасной столицей*». В постсоветский период концепция Самары снова меняется в соответствии с установкой на комплексное развитие города-миллионника, на формирование комфортных условий для проживания и туризма, в связи с чем появляется новая характеристика – «*город-курорт*», отражающая рекреационные возможности территории.

В стратегическом комплексном плане развития г. о. Самары до 2035 г. миссия города определяется следующим образом: «комфортный для жизни всех социально-демографических групп населения, экономически активный, конкурентоспособный, ориентированный на долгосрочное устойчивое инновационно-технологическое развитие, один из центров космического машиностроения и сквозных технологий мирового уровня, туристически-привлекательный, предоставляющий условия и возможности для самореализации жителей» [Стратегия развития...].

Можно предположить, что в топонимическом палимпсесте Самары найдут отражение семиотические коды территориальной идентичности каждого из выделенных нами периодов.

Цель нашего исследования – определить структуру основных концептуально-временных пластов семиотического ландшафта самарской идентичности, репрезентированной в топонимическом палимпсесте самарского текста, выявить наиболее значимые элементы символического капитала в каждый из концептуально различных периодов исторического развития.

Специфика анализируемого материала требует использования *комплексной методологии исследования*, включающей *ономасиологический метод* в аспекте определения мотивировочной базы знаков топонимического ландшафта и *метод семантического анализа языкового материала* с использованием приемов *семиотической интерпретации*.

В качестве фактического материала использованы сведения о номинациях внутригородских топографических объектов и истории их функционирования, представленные в различных открытых источниках: картах, энциклопедиях, словарях, справочниках и историко-краеведческой литературе, а также материалы сайтов и публикации общественно-политического характера (см. список материалов исследования).

Большое значение для формирования краеведческой базы нашего исследования имеют фундаментальные труды историков Самарского университета [Смирнов 1995; История Самарского Поволжья... 2000; Мистрюгов 2024 и др.]. Отдельно следует отметить значимость материалов интернет-журнала «Другой город», который совместно с Институтом Города проводит аудит территории, выявляя культурный потенциал старой Самары [Культурный слой...].

Актуальность нашего исследования определяется все более возрастающим интересом современного общества к проблемам территориальной конкурентной идентичности российских городов, в том числе города Самары.

Новизна исследования определяется текстовым подходом к изучению внутригородской топонимии Самары с использованием системно-семиотической интерпретации городского текста как палимпсеста, что позволяет представить эволюционирующую концепцию самарской идентичности в исторической ретроспективе.

С целью определения сложной структуры кодов территориальной идентичности, представленной в современном культурном ландшафте, обратимся к исследованию существующих в настоящее время городских топонимов (урбанонимов), отражающих наиболее существенные смыслы каждого из выделенных нами исторических периодов. При описании номинаций исторических реалий мы используем урбанонимы не только полностью сохранившихся объектов, но и восстановленных или созданных в более позднее время. Последовательно раскрывая значение знаков каждого слоя топонимического палимпсеста, сохраняющих связь с доминирующим семантическим кодом каждого периода, сделаем попытку представить развивающуюся во времени картину территориальной идентичности города Самары.

Основная часть

1. «Город-крепость»

«Самарский городок», построенный в 1586 г. на правом крутом берегу реки Самары при впадении ее в Волгу, получил свое название по реке, которая была естественной преградой, отделявшей русское пространство от территории «дикого поля» и Ногайской орды. Это был «...бревенчатый городок – одинокий форпост, выдвинутый далеко на восток для защиты стратегически важного волжского пути. В крепости обосновалось более 300 стрельцов во главе с первым самарским воеводой князем Григорием Засекиным» [Моргун 1986, с. 3].

До 1747 г. Самарская крепость сохраняла свою охранно-пограничную функцию, а затем утратила ее в связи с перемещением границы Российской империи на Восток.

От деревянных крепостных сооружений (защитной стены и 14 сторожевых башен) сегодня в городе ничего не осталось. Об историческом месте расположения крепости напоминает толь-

ко *полномасштабный макет деревянной сторожевой башни и крепостной стены*, построенный к 400-летию Самары (1986 г.) на улице Водников (первой и долгое время единственной улице города, первоначально носившей название *Большая*).

Основателем Самары считается первый воевода князь Григорий Засекин, монументальный бронзовый памятник которому поставлен на набережной в 2014 г. Улица Карбюраторная, расположенная вдоль места, где проходила восточная стена крепости, в 2010 г. реноминирована в *улицу князя Григория Засекина*.

Главным и основным населением «Самарского городка» были государевы стрельцы и казаки. До 1830-х гг. главная улица города носила название *Казачья*, позднее переименовывавшаяся в *Торговую*, *Хлебную*, *Дворянскую*, *Керенского*, *Советскую*, ныне *улицы Куйбышева*. Снова название *Казачья* появилось на карте города только в 1930-е гг., однако теперь уже на новой территории – в Куйбышевском районе. Сегодня она одна из центральных улиц жилого района «Волгарь», где соседствует с улицами *Чистое Поле*, *Раздольная*, *Волгарей*, *Приозерная*. *Стрелецкий переулок* тоже находится на периферийной территории.

Город на окраине Российской империи был местом сосредоточения «*волжской вольницы*». Сюда бежали опальные стрелки, волжские и яицкие казаки, крепостные крестьяне, старoverы, «лихие люди». Население городка представляло собой конгломерат разных социальных слоев и народностей, активно взаимодействовало с населением «дикой» степи. Этому периоду посвящен новый исторический роман Д. Агалакова «Самарская казачья вольница» [Агалаков 2014].

Отряды вольных волжских казаков участвовали в составе государевых войск в войне России против Ногайской орды. В то же время они по собственной инициативе совершали набеги на «дикое поле», грабили флотилии ногайских купцов. На высоком берегу Волги в конце XVI в. находился стан отряда волжских «пиратов» под предводительством атамана *Богдана Барбоши*. Память о нем сохраняет название *Барбошина Поляна*, которая с конца 1920-х гг. до 2007 г. называлась *поляна им. М. Фрунзе*.

Жители Самарского городка сочувствовали крестьянским восстаниям. В 1670 г. они открыли ворота войскам атамана Степана Разина, многие самарцы сражались в его отрядах. Имя народного героя *Степана Разина* в 1923 г. получила одна из лучших улиц города – *Вознесенская*.

В 1773 г. Самара стала первым крупным городом, который перешел на сторону Емельяна Пугачева. В советский период в Самаре появилась *улица Пугачевская* (прежде *Первая линия Безымянки*), в настоящее время есть также *Пугачевский тракт* и *площадь Пугачева* (1950-е гг.).

Как видим, в современном урбанонимическом ландшафте Самары присутствуют лишь отдельные знаки, отражающие концептуальные смыслы

начального периода самарской истории: «город-крепость» и «волжская вольница». Почти все они появились в последующие исторические периоды в результате осознания локальной идентичности как коммеморативные номинации с целью восстановления утраченных знаковых имен, которые являются символическим капиталом города.

2. «Хлебная столица России»

Со второй половины XIX в. отмечается стремительный рост доходов мещанско-купеческого сословия Самары на базе растущего объема торговли продовольственными товарами, и прежде всего хлебом. Значение города как крупного транспортного узла, через который проходят многочисленные товарные и финансовые потоки, позволило ему войти в число самых состоятельных и культурно развитых городов России, в связи с чем Самару стали называть «хлебной столицей России» и «русским Чикаго».

В 1851 г. была образована Самарская губерния и Самара стала губернской столицей. «В это время в ней было 375 лавок, 8 ярмарочных, 135 деревянных хлебных амбаров. В 1912 году в Самаре было уже 3230 торговых предприятий» [Романова 1995, с. 225]. Город быстро богател, рос, застраивался оригинальными архитектурными сооружениями как производственного, так и культурного назначения, частными особняками, которые и сегодня

составляют «изюминку» исторического образа города.

2.1. Названия улиц, площадей и скверов

После пожара 1850 года центр губернского города отстроили заново, в соответствии со строгим поквартальным планом, а улицы получили официальные названия, которые, однако, так часто менялись местами, что теперь трудно ориентироваться в последовательности их смены. Наиболее значимое для «хлебной столицы» название *Хлебная* по очереди носили улицы *Некрасовская* (1830 г.), *Куйбышева* (1850 г.), *Ленинградская* (1860 г.), *Молодогвардейская* (1870 г.), *Студенческий переулок* (1952 г.). *Площадь Революции* с 1800 по 1918 г. называлась *Хлебной*. Современная *Хлебная площадь* (бывшая *Полицейская*) находится рядом с местом постройки первой самарской крепости.

Каждая улица губернского города много раз меняла название. Например, современная улица *Ленинградская*, отмеченная на самом первом регулярном плане Самары 1782 года, в 1830-е гг. называлась *Проломная*, в 1840-е гг. – *Сенная*, в 1850-е – *Москательная*, в 1860-е – *Хлебная*, в 1870-е – *Панская*, в 1918 г. – *Петроградская*, с 1924 г. – *Ленинградская*. Перемена названий улицы связана с изменением ее назначения. В то же время имена *Проломная*, *Сенная*, *Москательная*, *Хлебная*, *Панская* по очереди носили также и другие самарские

Таблица

Советские переименования топографических объектов в центре г. Самары

Table

Soviet renaming of topographic objects in the center of Samara

Прежнее название	Новое название
ул. Александровская	ул. Вилоновская
ул. Алексеевская	ул. Красноармейская
ул. Вознесенская	ул. Степана Разина
ул. Воскресенская	ул. Пионерская
ул. Дворянская	ул. Куйбышева
ул. Духовная	ул. Карбюраторная
ул. Ильинская	ул. Арцыбушевская
ул. Заводская	ул. Венцека
ул. Казанская	ул. Обороны, ул. Алексея Толстого
ул. Николаевская	ул. Чапаевская
ул. Оренбургская	ул. Чкаловская
ул. Панская	ул. Петроградская, ул. Ленинградская
ул. Предтеченская	ул. Некрасовская
ул. Преображенская	ул. Водников
ул. Почтовая	ул. Рабочая
ул. Челышевская	ул. Фрунзе
ул. Сенная	ул. Буянова
ул. Симбирская	ул. Ульяновская
ул. Соборная	ул. Кооперативная, ул. Молодогвардейская
ул. Соловьиная	ул. Никитинская
ул. Старо-Самарская	ул. Крупской
ул. Торговая	ул. Маяковского
ул. Троицкая	ул. Галактионовская
ул. Успенская	ул. Комсомольская
ул. Уральская	ул. Братьев Коростелевых
ул. Шихобалова	ул. Крестьянская, ул. Ворошилова, ул. Ленинская
площадь Алексеевская	пл. Революции
площадь Воскресенская	пл. Самарская
площадь Полицейская	пл. Хлебная
площадь Соборная	пл. Коммунальная, пл. Куйбышева
площадь Театральная	пл. Красная, пл. Парижской Коммуны, пл. Чапаева

улицы. Слово *Панская* сегодня сохраняется только как мотивировочная основа исторического названия поселка *Запанской*, в советское время переименованного в *поселок им. Шмидта*.

Улицы *Полевая поперечная* (перпендикулярная Волге) и *Полевая продольная* (параллельная Волге) традиционно ограничивали городские кварталы, *Садовая* – была последней городской улицей. Они много раз сменили свои денотаты в связи с изменением границ города. Лишь отдельные названия улиц Самары в настоящее время сохранились на том же месте, где оказались в предреволюционный период: *ул. Садовая*, *ул. Полевая* (поперечная), *ул. Самарская*.

В настоящее время старые названия улиц, отмеченные на плане Самары 1913 г., можно видеть на табличках аншлагах в качестве вторых номинаций, которые появились в 1990-е годы по инициативе самарских краеведов, например, *улица Венцека* – *улица Заводская*, *улица Комсомольская* – *улица Успенская*; *улица Пионерская* – *улица Воскресенская* и т.д. Представим в таблице соотношение прежних и новых урбанонимов центральной части города.

В советский период прежде всего устранялись номинации, связанные с названиями церквей и православными символами: *улицы Алексеевская*, *Вознесенская*, *Воскресенская*, *Духовная*, *Ильинская*, *Казанская*, *Предтеченская*, *Преображенская*, *Соборная*, *Троицкая*, *Успенская*; ассоциирующиеся с царским режимом: *Дворянская*, *Панская*, *Александровская*, *Николаевская*; связанные с понятиями старого быта: *Москательная*, *Сенная*, *Старо-Самарская*. Смена названия улицы *Симбирской* на *Ульяновскую* связана с переименованием города. Нейтральные, с точки зрения советской идеологии, годонимы (*Заводская*, *Оренбургская*, *Почтовая*, *Саратовская*, *Соловьиная*, *Торговая*, *Уральская*) также были заменены на актуальные меморативные символы, выполняющие идеологическую функцию. Так, нейтральное название *улицы Уральская* заменяется на коммеморативную номинацию – *улица Братьев Коростелевых*, в честь самарских революционеров Александра и Георгия Коростелевых.

Коммеморативные годонимы, представляющие собой персональные посвящения, в номинациях губернского города были редким явлением, однако все они отражали локальную идентичность. Эти названия в основном сохранились. Первое коммеморативное имя получил *Пушкинский сквер*¹, открытый в 1899 г. к столетнему юбилею поэта. В 1910 г. *улица Москательная* переименована в *улицу Льва Толстого* еще при жизни писателя, который был тесно связан с нашим краем и помогал

голодающим Самарской губернии. В 1910 г. появилась *улица Григория Аксакова*, названная в честь губернатора Г.С. Аксакова, сделавшего много полезного для развития города. С 1925 по 2009 г. она называлась *Желябовской*, но позднее получила прежнее имя. Сохранила свое название и *улица Аксаковская*, названная в 1910 г. в честь известного русского писателя С.Я. Аксакова, отца самарского губернатора.

Улица Чельшевская (1915 г.), названная в память о самарском купце-меценате и впоследствии городском голове М.Д. Чельшеве, в 1925 г. была переименована в *ул. Фрунзе*. Однако в 2020 г. *Улица Чельшевская* вновь появилась на новой территории – в Южном городе-2.

Улица Шихобалова в 1909 г. получила имя купца 1-й гильдии, мецената и благотворителя Антона *Шихобалова*, который построил на этой улице больницу, называемую в народе *Шихобаловской*. За свою долгую историю эта улица сменила 6 названий: первоначально *Заовражная* (1839 г.), с 1860 г. *Сокольничья*, с 1909 г. *Шихобалова*, с 1918 г. *Крестьянская*, с 1935 г. *Ворошиловская*, с декабря 1957 г. – *Ленинская*.

Любимым местом отдыха горожан с середины XIX в. является городской общественный *Струковский сад*, созданный на берегу Волги на месте усадьбы генерала Г.Н. Струкова. Несмотря на то, что с 1936 г. он назывался *ПКиО им. М. Горького*, его историческое имя продолжало жить как неофициальный топоним и в 1993 г. было возвращено локации.

2.2 Собственные имена объектов культового назначения

В Самаре было многонациональное население и различные религиозные конфессии, оставившие след в виде культовых сооружений, которые являются в настоящее время памятниками архитектуры и в основном сохраняют свое основное назначение.

Первая и единственная церковь в крепости *Самарский городок* была освящена во имя *Троицы Живоначальной*. Это название постоянно присутствовало в городском топонимическом ландшафте, переходя от одного храма к другому. В 1930 г. *Троицкая церковь* на *Троицкой улице* (*Галактионовской*) была снесена, однако ее номинация, метонимически перешедшая в название *Троицкого рынка*, пережила советский период в виде микро-топонима. *Троицкий рынок* на *Троицкой (Сенной) площади* был открыт в 1835 г. для «торговли с возов». Церковь *Троицы Живоначальной* вновь построена в 2014 г. на *улице Воронежской*.

Старейший из сохранившихся православных храмов Самары – *Вознесенский собор*, построенный в стиле классицизма в 1840-е гг., восстановлен в 1990-е гг.; сохранились также *Покровский собор* (1861 г.) и *Петропавловская церковь* (1865 г.). Особое место в самарской истории занимает *Иверский женский монастырь*, построенный

¹ Р.В. Разумов отмечает, что «в 1899 году, к столетию со дня рождения А.С. Пушкина. названия Пушкинская улица появились в Барнауле, Екатеринбурге, Иванове, Казани, Рыбинске, Самаре, Симферополе, Томске и ряде других населенных пунктов» [Разумов 2022, с. 240].

в середине XIX в. и восстановленный в 2000-е гг. Монахини Иверского монастыря в 1877 г. вышили *Самарское знамя*, подаренное болгарским ополченцам, которые при поддержке российских войск одержали победу в болгаро-турецкой войне. Особое расположение цветов на полотнище *Самарского знамени* (красный, белый, синий) стало основой для флагов Самары и Самарской области (1998 г.).

Католический *Польский костел*, построенный в 1906 г. в неоготическом стиле, восстановлен в 2000 г. как *Храм Пресвятого Сердца Иисуса*. *Самарская немецкая кирха*, построенная в 1865 г. в стиле русской неоготики, восстановлена в 1990-е гг. как *евангелическо-лютеранская Церковь Святого Георга*. В 2020-е годы восстановлена *Самарская историческая мечеть* (1891 г.). На стадии реставрации находится *Самарская хоральная синагога*, построенная в неомавританском стиле в 1908 г.

2.3. Собственные имена зданий общественно-го и культурного назначения, доходных домов и особняков

Многие здания исторического центра города охраняются как памятники культурного наследия федерального и регионального значения. «Постройки эклектики и модерна составили основу облика старой Самары <...>, сформировали ее самобытный архитектурный колорит» [Моргун 1986, с. 15].

К числу самых ярких образов исторического наследия относятся здание *Самарского драматического театра* (1888 г.), построенное по проекту М. Чичагова в псевдорусском стиле; здание *театра-цирка «Олимп»* (1907 г.), построенное П. Шаманским в стиле модерн, архитектурный облик которого ныне воспроизводит *Самарская филармония*. Здание *Крестьянского Поземельного банка* (1914 г.), построенное А.И. фон Гогеном в стиле «Северный модерн», ныне является корпусом химико-технологического факультета СамГТУ.

Под руководством первого архитектора Самары А.А. Щербачева в конце XIX в. построено 124 здания, определивших неповторимое лицо исторического центра города: постройки культового, производственного и общественного назначения, особняки, доходные и жилые дома, загородные строения [Ситрова 2024]. В стиле классицизма построены здание самарского филиала *Государственного банка Российской империи* (1902 г.) – ныне *Самарский художественный музей*; *особняк А.Н. Наумова* (1905 г.) – ныне *Самарский Дворец детского и юношеского творчества*; в стиле немецкого ренессанса – *особняк И. Клодта* (1889 г.) – ныне *Детская картинная галерея*.

В русском стиле А.А. Щербачевым построено свыше 60 домов разного назначения: *часовня Святого Алексея* (1890 г., восстановлена в 1998 г.); *дом Маштакова* (1900 г.), в котором после реставрации в 2020 г. разместилось новое творческое пространство *Музей-галерея «Заварка»*; *доходный дом купца М. Чельшева* (1889 г.) – ныне жилой

дом; *доходный дом купчихи М. Каргиной* (1908 г.) – сегодня *Самарский государственный колледж*. В 1899 г. в русском стиле построено здание *Городского шестиклассного училища*, в котором в 1920-е гг. размещался *Самарский ВХУТЕМАС* – ныне *Академия для одаренных детей Наяновой* на площади имени В.В. Куйбышева.

Украшением Самары являются особняки, построенные по проектам А.А. Щербачева: *особняк доктора Эриха Эрна* (1902 г.) – в настоящее время поликлиника Самарской областной клинической больницы № 2; *особняк купца Павла Щихобалова* (1906 г.), так называемый «*Дом с атлантами*», – ныне одно из зданий Самарского областного художественного музея. По первоначальному проекту Э. Шехтеля в стиле модерн А. Щербачев построил *особняк В. Сурошников* (1907 г.), в послевоенные годы в особняке размещился военно-медицинский факультет Куйбышевского медицинского института.

Самару называют городом русского модерна не только на основании наследия А.А. Щербачева. Постройки архитектора А. Зеленко также занимают в культурной жизни Самаре заметное место: *особняк А. Курлиной* (1903 г.) – с 2013 г. *Музей Модерна*; *дом архитектора Зеленко* (1902 г.) – ныне *Дом журналистов и литераторов*.

Сохранились работы архитектора Д. Вернера: в стиле бельгийского модерна построены *особняк Общественного собрания* (1914 г.) – ныне *Военно-исторический музей ЦВО г. Самара* и *особняк купцов Матвеевых* (1914 г.) – ныне жилой дом; лучший самарский образец «Югендштиля» – *особняк Альфреда фон Вакано* (1914 г.) – ныне районное отделение фонда социального страхования.

По проектам М. Квятковского в стиле модерн построены *доходный дом А. Нуйчева* – в 1903 г. *частная гимназия сестер Харитоновых* – с 1998 г. *Самарский технический лицей*; *гостиница «Гранд-отель»* (1909 г.) – ныне *гостиница «Бристоль-Жигули»*; *особняк Новокрещеновых* (1909 г.) – ныне *Самарский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов*; *ресторан «Аквариум»* (1914 г.) – ныне *Самарский театр кукол*.

В стиле модерн под влиянием «Венского сецессиона» по проекту К. Головкина при участии В. Тепфера построена *Дача купца К. Головкина*, или «*Дом со слонами*» (1909 г.), – с 2024 г. *Международная школа молодых архитекторов «АрхСлон» Самарского политехнического университета*.

2.4. Собственные имена памятников промышленной архитектуры

Главное отличие Самары от других процветающих российских городов имперского периода заключалось в том, что это был крупнейший край, производящий и продающий, прежде всего, зерновую и мукомольную продукцию. Художник К. Петров-Водкин, учившийся в Самаре в мастерской Ф. Бурава, писал: «Главным делом в Самаре считалось мукомолье. Недаром патриоты города восхвалялись, что-де, если понадобится, они смогут

из муки испеченными блинами дорогу выстлать от Самары до Владивостока» [Петров-Водкин, с. 34].

Среди старейших предприятий, основанных на переработке самарской пшеницы, можно назвать ныне действующий *Жигулевский пивоваренный завод*, здание которого построено в стиле индустриальной классики в 1881 году. На его стене помещен мемориальный барельеф с надписью: «Самара 1881 г. Альфреду фон Вакано – основателю Товарищества Жигулевского пивоваренного завода, предпринимателю, коллекционеру и благоустроителю города Самары от благодарных потомков. 2006». В 2021 г. завершилась реставрация *Кухмистерской Альфреда фон Вакано* (1903 г.), в залах которой проходила дегустация продукции завода.

Первая в стране *Самарская макаронная фабрика О. Кеницера* открылась в 1883 г., ее производственные корпуса построены почти одновременно с Жигулевским пивоваренным заводом. В настоящее время она продолжает работу как *АО СМФ «Верола»*.

В районе *Хлебной площади* сохранилось немало памятников промышленной архитектуры федерального и регионального значения: элеваторы, мельницы, складские помещения, а также здание крупнейшей в Поволжье *Хлебной биржи*, построенное в 1898 г. по проекту А.А. Щербачева, ныне здание *Областной клинической больницы № 3*.

Здание элеватора *Государственного банка Российской империи*, «построенное в 1914–1916 годах по проекту инженера В.Г. Петрова в стилистике рационального модерна, является памятником градостроительства и архитектуры регионального значения, используется по первоначальному назначению» [Макаров 2022]. В районе Хлебной площади сохранилась также *Мукомольная мельница Соколова* (1906 г.).

В Засамарской слободе находится самая старая из сохранившихся мельниц (1879 г.). В 1881–1882 гг. на ней было создано «*Товарищество паровой, мукомольной и крупчатой мельницы и заводов в Самаре*», учредителями которого были самарские купцы П. Субботин, А. и М. Шихобаловы и Г. Курлин. Старейшая мельница расположена на территории *Самарского мукомольного завода*, на базе которого в 2021 г. зарегистрировано ООО «*Торговый дом Шихобалова*», производящий муку из зерновых культур. Это редкий случай коммеморативной номинации в сфере эргонимии, отражающей имя самарского купца.

Паровая мельница купца Башикирова (1889 г.) в настоящее время – ТОЦ «*СтройДом*». Шестиэтажный корпус из ансамбля *мукомольной мельницы Стройкова-Якимова* (1903 г.), построенного в русском стиле по проекту А. Щербачева, ныне принадлежит Самарскому государственному социально-педагогическому университету.

В 2023 г. в бывшем доме купца Л. Покидышева открылась *ремесленная пекарня «Белотурка»*, маркетинговая концепция которой заключается в возрождении славы самарского хлеба, испеченного по старинным рецептам. Название пекарни восходит к номинации сорта твердой зерновой пшеницы, из которой получалась мука высшего сорта, сделавшая Самару хлебной столицей. Символично место расположения пекарни рядом с обелиском, посвященным *150-летию образования Самарской губернии* (2003 г.).

К истории хлеботорговой Самары имеет отношение картина И.Е. Репина «*Бурлаки на Волге*», которую художник написал в селе Ширяево (1870–1873 гг.), изучая образы волжских бурлаков, тянущих барки с хлебом. На *Старой набережной* к 170-летию И.Е. Репина установлена объемная копия картины, созданная самарским скульптором Н. Куклевым (2014 г.).

Обратившись к исследованию современных урбанонимов, отражающих наиболее существенные смыслы территориальной идентичности Самары имперского периода, мы пришли к выводу о том, что Самару вполне можно было назвать «*хлебной столицей России*». Самара была крупным торгово-промышленным центром, получавшим основной доход от производства, продажи и переработки сельскохозяйственных продуктов, главным образом зерновых. Богатое наследие губернского купеческого города сохраняется в виде многочисленных архитектурных памятников, посессионные названия которых, представленные на мемориальных досках, включены в культурно-историческое пространство. Их состав постоянно пополняется в связи с активной реставрацией памятников архитектуры и возвращением значимых для Самары имен. Например, в 2009 г. в бывшем особняке самарской купчихи О.В. Шадринной открыт *мини-отель «Купеческий дом»*.

В советский и постсоветский периоды эволюционирующая самарская идентичность порождает новые концептуальные смыслы, отразившиеся в топонимическом палимпсесте города, исследованию которых будет посвящена вторая статья.

Материалы исследования

Агалаков 2014 – Агалаков Д. В. Самарская казачья вольница: исторический роман: (легендарная быль) / Дмитрий Агалаков. Самара: Самарское отделение Литфонда, 2014. 246 с.

Культурный слой... – Культурный слой: *Альтернативный гид по непарадной Самаре: дом офицерского состава ПриВО (часть 1)* // Другой город - интернет-журнал о Самаре и Самарской области. URL: https://drugoigorod.ru/cultural_layer_officer_house/?ysclid=m54zwpflx996008183.

Макаров – Макаров А. Самарский культурный дозор – выпуск № 13. Элеватор Госбанка Российской империи. URL: <https://dzen.ru/a/YfbxhOeWJhI19opJ?ysclid=m4plcs9kgh655859336>.

- Моргун 1986 – *Моргун А.Г.* От крепости до города Куйбышева: Заметки об архитектуре. Куйбышев, 1986. 224 с.
- Петров-Водкин 2019 – *Петров-Водкин К.* Пространство Эвклида. Москва: Эксмо, 2019.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва, 1988. 192 с.
- Ситрова – *Ситрова М.* Городской архитектор Самары: какое наследие оставил после себя Александр Щербачев // Самарская газета. № 433. 29.06.2024. URL: <https://sgpress.ru/news/448573>.
- Стратегия развития... – *Стратегия развития г.о. Самары - Стратегия городского округа Самара до 2035 года.* URL: <https://xn----7sbbaonz2b7aicghc5s.xn--plai/?ysclid=m3mthvpw5s676300683>.

Библиографический список

- Басик 2018 – *Басик С.Н.* Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018. № 3. URL: <https://terjournal.ru/2018/id51>.
- Березович 1995 – *Березович Е.Л.* Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 86–95. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36100/1/ez_nii_rc-1995-09.pdf.
- Вепрева, Харитоновна 2023 – *Вепрева И.Т., Харитоновна А.В.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: урвневная организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 184–199. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/129381>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60019896>. EDN: <https://www.elibrary.ru/luvorc>.
- Голомидова 2022 – *Голомидова М.В.* Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 1. С. 160–179. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/110666?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48378311>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iwctg>.
- Голомидова 2023 – *Голомидова М.В.* Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 29–53. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50238956>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kyvtiy>.
- Голомидова 2001 – *Голомидова М.В.* Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 19–25. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/23778?mode=full>.
- Голомидова 2019 – *Голомидова М.В.* Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30. DOI: [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37522981>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zgxeyp>.
- Голомидова, Дмитриева 2024 – *Голомидова М.В., Дмитриева А.В.* Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 213–236. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/141044/1/vopon_2024_3_11.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80133406>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xbtbjh>.
- Голомидова, Дмитриева 2023 – *Голомидова М.В., Дмитриева А.В.* Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 2. С. 144–173. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/123677?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54304680>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmmgns>.
- Городская топонимия... – *Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / М.В. Голомидова, Р.В. Разумов, А.В. Дмитриева и др.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 226 с. URL: https://toponimika.spb.ru/images/pub/978-5-7996-3753-8_2023_2.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64516953>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iupkov>.
- Исаченко 2017 – *Исаченко Г.А.* Опыт интерпретации изменений культурного ландшафта с позиций динамического ландшафтоведения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 1. С. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2017-1-20-34>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28840090>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yhcuoh>.
- История Самарского Поволжья – *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX века – начало XX века / П.С. Кабытов, И.Б. Васильев, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Л.В. Храмов.* Москва: Наука, 2000. 236 с. URL: [https://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povol'ya_\"_\(seriya\)/Istoriya_Samarskogo_Povol'ya_.Vtoraya_polovina_XIX_-_nachalo_XX_v.\(2000\).\[djv\].zip](https://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povol'ya_\).
- Кобозева, Казанцева 2023 – *Кобозева З.М., Казанцева С.Г.* Семиотическое пространство фронтального «города N» на примере Самары губернского периода (1851–1917 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 4. С. 20–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-20-27>. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/27103>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59463735>. EDN: <https://www.elibrary.ru/otovii>.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с. URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm.
- Мистрюгов 2024 – *Мистрюгов П.А.* История Самарского края (конец XVI – начало XX в.). Самара: Издательство Самарского университета, 2024. 186 с. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Istoriya-Samarskogo-kрая-konec-XVI---nachalo-XX-v-113669>.

Митин 2022 – Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1. С. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.01.06>. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/575250905.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47984741>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kynrdb>.

Митин 2008 – Митин И.И. Место как палимпсест // 60 Parallel. 2008. № 4 (31). С. 20–25. URL: https://intelros.ru/pdf/60_parallel/31/03.pdf.

Разумов, Горяев 2020 – Разумов Р.В., Горяев С.О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 201–219. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/87042>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43676883>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xchzvs>.

Разумов 2022 – Разумов Р.В. Русская урбанонимия: полевая организация. Модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. 387 с. URL: https://yspu.academia.edu/Departments/Department_of_Russian_language/Documents?page=2; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53904070>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bshgsf>.

Романова 1995 – Романова Т.П. «Дрезден» на Панской (Из истории названий самарских магазинов) // Самарский краевед / сост. А.Н. Завальный. Самара: Самарский университет, 1995. С. 224–231. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38210623&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szmsq>.

Романова 2022 а – Романова Т.П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 99–106. DOI: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-99-106>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49450157>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fgebpx>.

Романова 2022 б – Романова Т.П. Самарская идентичность в зеркале рекламно-коммерческих наименований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-172-178>. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/viewFile/10209/9001>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48280257>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqvplq>.

Самогоров, Зубкова 2024 – Самогоров В.А., Зубкова И.И. Концепция палимпсеста в формировании «коллажного» образа города // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2024. Вып. 1 (94). С. 311–318. DOI: https://doi.org/10.35211/18154360_2024_1_3_11. URL: <https://vgasu.ru/upload/files/science/journals/2024-1-28.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66185591>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stzlbx>.

Смирнов 1995 – Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995. 200 с. URL: <https://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-Luka-v-HVI-nachale-HH-vv-Elektronnyi-resurs-ucheb-posobie-77592/1/Смирнов%20Ю.Н.%20Самарская.pdf>.

References

Basik 2018 – Basik S.N. (2018) Name and place: a toponymic palimpsest in the geocultural space. *Sovremennyye problemy territorial'nogo razvitiya*, no. 3. Available at: <https://terjournal.ru/2018/id51>. (In Russ.)

Berezovich 1995 – Berezovich E. L. (1995) The Toponymical Continuum as a Text. *Yezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoy kul'tury*. Yekaterinburg, pp. 86–95. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36100/1/ez_nii_rc-1995-09.pdf. (In Russ.)

Vepreva, Kharitonova 2023 – Vepreva I.T., Kharitonova A.V. (2023) Onomastic Space of Ekaterinburg: Level-Based Markers of Regional Identity. *Problems of Onomastics*, vol. 20, no. 3, pp. 184–199. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/129381>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60019896>. EDN: <https://www.elibrary.ru/luvorc>. (In Russ.)

Golomidova 2022 – Golomidova M.V. (2022) Urban Toponymy as a Means of Manifesting Regional Identity: The Case of Ufa City. *Problems of Onomastics*, vol. 19, no. 1, pp. 160–179. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/110666?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48378311>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iwctg>. (In Russ.)

Golomidova 2023 – Golomidova M.V. (2023) Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 14, no. 1, pp. 29–53. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50238956>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kyvtiy>. (In Russ.)

Golomidova 2001 – Golomidova M.V. (2001) The image of space and spatial images in the names of old Yekaterinburg. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 20, pp. 19–25. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/23778?mode=full>. (In Russ.)

Golomidova 2019 – Golomidova M.V. (2019) Urbanonyms as a resource of management of urban space perception. *Communication Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 11–30. DOI: [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37522981>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zgxeyp>. (In Russ.)

Golomidova, Dmitrieva 2024 – Golomidova M.V., Dmitrieva A.V. (2024) The image of Ekaterinburg through the prism of urbanonymic discourse. *Problems of Onomastics*, vol. 21, no. 3, pp. 213–236. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/141044/1/vopon_2024_3_11.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80133406>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xbtbjh>. (In Russ.)

Golomidova, Dmitrieva 2023 – Golomidova M.V., Dmitrieva A.V. (2023) Reflection of Territorial Identity in the Toponymic Landscape of Small Ural Towns. *Problems of Onomastics*, vol. 20, no. 2, pp. 144–173. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.024. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/139044/1/vopon_2023_2_11.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78013340>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xbtbjh>. (In Russ.)

org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/123677?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54304680>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmmgns>. (In Russ.)

Urban toponymy... 2023 – Golovidova M.V., Razumov R.V., Dmitrieva A.V. et al. (2023) *Urban toponymy: modern naming policy and practice: monograph*. Yekaterinburg: Izd vo Ural. un-ta, 226 p. Available at: https://toponimika.spb.ru/images/pub/978-5-7996-3753-8_2023_2.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64516953>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iupkov>. (In Russ.)

Isachenko 2017 – *Isachenko G.A.* (2017) Experience of Interpreting the Change of the Cultural Landscape from the Standpoint of the Landscape Dynamics. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, pp. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2017-1-20-34>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28840090>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yhcuoh>. (In Russ.)

History of the Samara Volga region... 2000 – *Kabytov P.S., Vasiliev I.B., Dubman E.L., Smirnov Yu.N., Khramkov L.V.* (2000) *History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Second half of the XIX century – beginning of the XX century*. Moscow: Nauka, 236 p. Available at: [https://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_\(seriya\)/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.Vtoraya_polovina_XIX_-nachalo_XX_v.\(2000\).\[djv\].zip](https://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_(seriya)/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.Vtoraya_polovina_XIX_-nachalo_XX_v.(2000).[djv].zip). (In Russ.)

Kobozeva, Kazanceva 2023 – *Kobozeva Z.M., Kazantseva S.G.* (2023) Semiotic space of the frontier «city N» using the example of Samara of the provincial period (1851–1917). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 29, no. 4, pp. 20–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-20-27>. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/27103>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59463735>. EDN: <https://www.elibrary.ru/otovii>. (In Russ.)

Lotman 2000 – *Lotman Yu.M.* (2000) *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb., 704 p. Available at: https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm. (In Russ.)

Mistryugov 2024 – *Mistryugov P.A.* (2024) History of the Samara Region (late XVI – early XX century). Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 186 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Istoriya-Samarskogo-kraya-konec-XVI---nachalo-XX-v-113669>. (In Russ.)

Mitin 2022 – *Mitin I.I.* (2022) City as a palimpsest: from a metaphor within Historical Geography towards a semiotic model of place management. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, no. 1, pp. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.01.06>. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/575250905.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47984741>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kynrdb>. (In Russ.)

Mitin 2008 – *Mitin I.I.* (2008) Place as Palimpsest. *60 Parallel*, no. 4 (31), pp. 20–25. Available at: https://intelros.ru/pdf/60_parallel/31/03.pdf. (In Russ.)

Razumov, Goryaev 2020 – *Razumov R.V., Goryaev S.O.* (2020) Manifestations of Regional Identity in Contemporary Russian Urbanonymy. *Problems of Onomastics*, vol. 17, no. 2, pp. 201–219. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/87042>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43676883>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xchzvs>. (In Russ.)

Razumov 2022 – *Razumov R.V.* (2022) Russian urbanonymy: field organization. Nomination models, sociolinguistic features of functioning: monograph. Yaroslavl: RIO YaGPU, 387 p. Available at: https://yspu.academia.edu/Departments/Department_of_Russian_language/Documents?page=2; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53904070>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bshgsf>. (In Russ.)

Romanova 1995 – *Romanova T.P.* (1995) «Dresden» on Panskaya Street (From the history of the names of Samara stores). In: *Samara local historian. Compiler A.N. Zavalny*. Samara: Samarskiy universitet, pp. 224–231. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38210623&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szmsq>. (In Russ.)

Romanova 2022 a – *Romanova T.P.* (2022a) Names of residential complexes as a special type of advertising names. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, no. 2 (29), pp. 99–106. DOI: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-99-106>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49450157>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fgebxp>. (In Russ.)

Romanova 2022 b – *Romanova T.P.* (2022b) Samara identity in the mirror of advertising and commercial names. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 1, pp. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-172-178>. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/viewFile/10209/9001>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48280257>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqvplq>. (In Russ.)

Samogorov, Zubkova 2024 – *Samogorov V.A., Zubkova I.I.* (2024) Palimpsest concept in the formation of the collage image of the city. *Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Civil Engineering and Architecture*, issue 1 (94), pp. 311–318. DOI: https://doi.org/10.35211/18154360_2024_1_311. URL: <https://vgasu.ru/upload/files/science/journals/2024-1-28.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66185591>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stzlbx>. (In Russ.)

Smirnov 1995 – *Smirnov Yu.N., Dubman E.L., Barashkov V.F., Artamonova L.M.* (1995) Samara Bend in the XVI – early XX centuries. Samara, 200 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-Luka-v-HVI-nachale-HH-vv-Elektronnyi-resurs-ucheb-posobie-77592/1/Смирнов%20Ю.Н.%20Самарская.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112 – 821.112.2

Дата поступления: 19.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

Средства создания многозначности в произведениях Петера Штамма

Н.В. Барабанова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Аннотация: В статье представлены результаты исследования языковых особенностей создания эффекта смысловой многозначности в тексте романа современного швейцарского писателя Петера Штамма *Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt*. Повествование становится способом создания новой реальности, что затрудняет верификацию познания и понимания ее единственности. П. Штамм акцентирует внимание на многомерности и неуловимости реальности, исследует сложные межличностные связи через призму идентичности и экзистенции, отражающиеся на языковой картине мира, охватывающей проблемы самосознания и воссоздаваемой в тексте романа. Мотив двойничества персонажей исследуется на уровне языковых средств выражения. Они служат отражением внутренних конфликтов, противоречия страхов и желаний, представляют разные аспекты одной и той же личности, что ставит под сомнение традиционные представления о самоидентичности. В статье анализируются языковые особенности текста романа на уровне лексического своеобразия, двузначных именований, особенностей ономастики, подбора лексического ряда с «плотным» использованием лексем, связанных с творческой, культурной, духовной деятельностью человека. В поле зрения попадают метафоричность, символизм, параллелизм, различные языковые игры, подчеркивающие двойственность или многозначность слов. С точки зрения языкового своеобразия анализируются факторы, влияющие на модальность и формирование точек зрения, а также внутренний диалог, нарративные техники, выражающиеся через использование определенных грамматических форм. Исследование выявило то, как языковые конструкции в текстах Штамма способствуют созданию эффекта «ускользающей реальности», ставя под сомнение четкость границ между реальным и воображаемым, как с помощью языковых особенностей языкового построения выделяется значимость сферы воображаемого в жизни человека.

Ключевые слова: многозначность; текстология; средства ономастики; Петер Штамм; немецкоязычный современный роман; *Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt*; языковые механизмы.

Цитирование. Барабанова Н.В. Средства создания многозначности в произведениях Петера Штамма // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 210–219. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-210-219>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Барабанова Н.В., 2025

Наталья Витальевна Барабанова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Means of creating polysemy in the works of Peter Stamm

N.V. Barabanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Abstract: The article presents the results of a study of linguistic features to create the effect of semantic ambiguity and meaningful multidimensionality in the text of the novel «*Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt*» by the modern Swiss writer Peter Stamm. It is noted that narration becomes a way of creating a new reality, which makes it difficult to verify knowledge and understanding of the uniqueness of reality. Strain focuses on the multidimensionality and elusiveness of reality, explores complex interpersonal relationships through the prism of identity and existence, reflected in the linguistic picture of the world, reflecting the problems of self-awareness and recreated in the text of the novel. The motif of character duality is explored at the level of linguistic constructions. Linguistic mechanisms in the construction of images of doppelgangers emphasize the multilayeredness of their worlds and personal relationships in different phenomena of reality. This structure allows the Strain to explore the themes of reality and the illusion of the inner Self, as well as the boundaries between the personal and the social. The article analyzes the linguistic features of the novel's text at the level of lexical originality, two-digit naming, onomastics, and the selection of a lexical range with the dense use of lexemes associated with creative, cultural, and spiritual human activities. Metaphoricity, symbolism, parallelism, and various language games that emphasize the duality or ambiguity of words come into view. From the point of view of linguistic

originality, the factors influencing the modality and formation of points of view, internal dialogue, narrative techniques expressed through the use of certain grammatical forms are analyzed. The article reveals how linguistic constructions in Strain's texts contribute to creating the effect of elusive reality, questioning the clarity of the boundaries between the real and the imaginary, and how linguistic features of construction highlight the importance of the imaginary in human life.

Key words: ambiguity of linguistic means; textual criticism; narratology; means of onomastics; Peter Strain; German-language modern novel; Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt; language mechanisms; double.

Citation. Barabanova N.V. Means of creating polysemy in the works of Peter Stamm. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 210–219. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-210-219>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Barabanova N.V., 2025

Natalia V. Barabanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Современный мир характеризуется стремительными изменениями, которые затрагивают все аспекты нашей жизни: от технологий до социальных феноменов является психолингвистическое ощущение «ускользающей реальности». Этим термином характеризуется ситуация, когда восприятие действительности становится искаженным или размытым, что может приводить к трудностям в понимании окружающего мира. Оно также связано с вопросами самоидентичности личности, понимания своего места в мире, в контексте происходящих событий и в формировании объективной самооценки. Этот эффект оформляется языковыми средствами, системно используемых авторами художественных произведений.

В данной статье анализируются языковые средства создания эффекта «ускользающей реальности» в тексте романа современного немецкоязычного автора Петера Штамма *Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt*. Он ставит в центр своего внимания вопрос о многомерности реальности и ее неуловимости. Петер Штамм (1975 г. р.) – современный швейцарский писатель, автор нескольких десятков романов, ставших бестселлерами, ему принадлежит большое количество сборников рассказов, из-под его пера вышли многочисленные театральные и радио-пьесы.

Целью данной работы стало выявление и анализ языковых способов выражения двусмысленности в романе П. Штамма. Предметом исследования является выбор автором языковых средств и использование приемов, которые выражают многозначность, отражают неуверенность в восприятии действительности, мира, с одной стороны, и, с другой стороны, несут в себе имплицитно оценочную окраску по отношению к лексемам, обозначающим процессы мышления, воображения и сознания по сравнению с реально существующим миром.

1. О причинах возникновения эффекта «ускользающей реальности»

Осознание многомерности мира и неоднозначности интерпретации событий, происходящих в нем, множественности оценок и источников формирования – это типичное явление для участ-

ника медиакommunikации, возникшее вместе с распространением средств массовой информации, которые с определенными целями, осознанно или неосознанно, «дублируют» реальность, повествуя о ней, но в то же время и создают новое, несуществующее прежде представление о реальности у читателей и зрителей. Не являясь очевидцами конкретных событий, они могут составить себе представление о них лишь благодаря прочитанному или увиденному. В широком понимании, любая форма искусства, а с появлением средств массовой информации и все они создают «вторичную реальность».

Это понятие для описания искусственно создаваемых реальностей ввел в использование в 1941 г. Эрих Фромм. Позднее этот термин стал использоваться в лингвистике и философии. Э. Фромм считал, что вторичная реальность создается в ходе культурных, социальных и технологических процессов и отличается от «естественной» реальности, независима от ее восприятия и интерпретации [Фромм 2016, с. 184]. В современном понимании она, на наш взгляд, может вызывать эстетический и этический отклик, либо быть интерпретацией и формой осмысления событий в мире и своего места в нем. В неотрефлексированном виде она может замещать первичную реальность в сознании. Проблема перехода грани между этими формами воспринимаемого и его содержанием становится в последнее время особенно острой. Это не проблема соотношения содержания и формы, а проблема соотношения разных типов реальностей, воплощаемых каждый раз в определенных языковых или знаковых формах и наделяемых определенным содержанием. Борьба за превалирование той или иной формы вторичной реальности получила, с нашей точки зрения, в последнее время название «информационной войны» [Рона 1976]. Возникающие в рамках вторичной реальности интерпретации по сути являются некоторыми личными представлениями о происходящем, включающими в себя отклонения от действительности, увиденной иными участниками тех же событий. Вопрос об истинной или единственно возможной реальности встает при этом особенно остро [Кристева 2015; Лейтес 1985]. Осмыслять процесс появления и восприятия вторичной реальности, и даже множественности вторичных реальностей

как отдельную многогранную проблему помогает анализ языковых средств, использованных для ее создания.

Писатели второй половины XX и начала XXI века разрабатывают через язык художественной литературы и изображают верифицируемую идентичность. Творчество Петера Штамма, лауреата множества значительных литературных премий, характеризует лаконичный стиль, глубокая психологическая проработка персонажей, исследование тем идентичности, связанной с экзистенцией человека. «Другой» в его полноте бытия осмысливается как недоступная пониманию субстанция, как носитель иной реальности, интерпретируя и проясняя которую, человек не приближается к другому человеку, а лишь удаляется от него. Спектр проблем, связанных с межличностными отношениями, П. Штамм исследует как на образцах романтических отношений (в романах *Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt* (Stamm 2019)), *Das Archiv der Gefühle* (Stamm 2021)), так и на примере семейных коллизий (*Nacht ist der Tag* (Stamm 2013), *Ungefähre Landschaft* (Stamm 2001)).

Что является миром реальных событий героя, а что – предметом из мира его фантазий и желаний, остается во многих романах П. Штамма неясным. Мир реальности, в совокупности его пространственно-временных отношений и привязанности к определенному сознанию рассказчика или персонажа, ускользает. Его координаты становятся зыбкими и невятными. Мы анализируем, с помощью использования каких языковых средств он изображает зыбкость представлений о реальности или действительности субъекта. В качестве предмета исследования выделяются те языковые приемы, которые задействованы в создании эффекта «ускользающей реальности». Это своеобразие ономастики, выбор лексем для описания творческой и мыслительной деятельности, а также выбор грамматических форм для передачи различной степени уверенности говорящего [Бенвенист 2010; Сепир 2021; Степанов 2021].

2. Средства ономастики

Языковые средства, используемые для именования главных и второстепенных персонажей, всегда имели в художественной литературе особый вес. Поэтому к особенностям именования основных героев Петера Штамма стоит присмотреться. В романе задействованы два основных персонажа, которые раздваиваются и разбиваются попеременно на пары: это рассказчик от первого лица Кристоф (Christoph), самоидентичность которого ставится под вопрос номинированием его разными способами. Одним из них является сокращение его имени до Крис (Chris). Второй персонаж – Магдалена (Magdalena) также не идентична себе – ее двойником становится Лена (Lena). При этом Магдалена, представляясь, отмечает, что никто не называет ее по имени, все зовут ее вместо этого „Лена“. Привычное в русскоязычной культуре вторичное именование с помощью упрощения или уменьшительно-ласкательных форм

официального имени, например «Саша» или «Сашенька» для «Александра», «Таня» для «Татьяны», совершенно не типичны для немецкоязычной речевой культуры, ономастика в которой не вариативна, то есть «Alexander» в любом контексте будет назван «Alexander», вариаций имени в культуре не существует, а имя «Sascha», заимствованное из русского разговорного языка, зафиксировано в удостоверении личности как официальное, и этого человека никогда не назовут именем «Alexasander», он в любой ситуации будет «Sascha». То, что «особенностью немецких антропонимов является их слабая способность к деминутивности», отмечает и С.Г. Стерлигов [Стерлигов 2003, с. 133], а также Г.У. Ахмедова и С.Ф. Салимова [Ахмедова 2016, с. 1139]. Поэтому русскоязычному читателю легче идентифицировать эти кодификации как принадлежность к одному и тому же персонажу, чем немецкоязычному.

Имена главных героев отсылают читателя к широкому социокультурному, религиозному и историческому контексту. Имя Магдалена восходит к библейскому образу Марии Магdalены из Нового завета. Как человек, встретивший первым Христа воскрешенным после распятия, она является важнейшим персонажем Библейского Евангелия. Ее изображения повлияли на представления о женщине и ее роли в обществе и вызвали многочисленные дискуссии о месте женщины в религии. Самый обширный этимологический немецкоязычный словарь братьев Гримм не содержит отсылок ни к имени Magdalena, ни к имени Christoph (*Deutsches Wörterbuch...*). Самый крупный дигитальный этимологический корпусный словарь также не содержит информации, касающейся имен собственных (DWDS). В европейских странах имя Марии Магdalены увязывается с такими качествами, как мудрость, сострадание и духовная высота. Имя Магдалена содержит часть, ассоциирующуюся со словом Magd, что значит „служанка“, „девушка“, „девственница“ (DWDS), представленное в большинстве германских языков и зафиксированное в письменных источниках, начиная с VIII века. Оно восходит к имени Марии Магdalены, указывает на ее служение Богу, святость, чистоту и целомудрие [Hamburger 2011]. Указывается также на древнееврейские корни имени, отсылающие к слову migdal со значениям „башня“, „возвышенная“ или „возвышающаяся надо всем“ [Hamburger 2011].

В романе П. Штамма образ Магdalены раздваивается на героиню с тем же именем и героиню по имени Лена, которые отделены друг от друга временной дистанцией. В юности героиню зовут Магдалена, спустя двадцать лет, рассказчик узнает ее снова при встрече, но она представляется именем Лена, комментируя: «Но никто меня так не называет»¹. Далее персонаж называется в зависимости от времени, о котором идет речь, то именем Лена, когда идет повествование о более позднем времени, то Магдалена, когда рассказывается

¹ Перевод наш. – В. Б.

о времени юности. Самоидентичность каждой из них или равенство одному образу Магдалены ставится под сомнение. Одна героиня, изображенная в разное время ее жизни, или две различных героини имеются в виду, читатель так не может однозначно определить до конца повествования [Лурия 1998].

Магдалена в начале романного повествования посещает рассказчика Кристофа. Имя персонажа Кристофа также связано с христианской традицией. Оно находится в родственных отношениях со славянским и скандинавским вариантом имени «Кристиан», и оба эти варианта означают «христианин», приверженец Христа, христианской религии. Таким образом, имя Кристоф становится культурным знаком религиозной идентичности его носителя. Имена главных героев отсылают читателя к широкому религиозно-культурному пласту, связанному с христианской культурой.

Но и образ рассказчика Кристофа обретает двойника в прямом смысле слова. Двойник носит имя Крис, имя, более удаляющееся в плане его восприятия от религиозной составляющей, аналогично Лене, отделившейся от Магдалены. Представляет интерес попытка проследить взаимоотношения персонажей, имплицитные в именах Кристофа и Магдалены, и соответственно Криса и Лены, то, на такие пары в ходе их взаимодействия они разбиваются.

Роман начинается со сцены, в которой Кристоф рассматривает портрет Магдалены, в виде выцветшей фотографии из газеты, вставленной в рамку. Облик на ней уже почти не узнаваем, но по-прежнему ценен и бережно сохраняется: «Ich nehme den kleinen Wechselrahmen mit Magdalenas Bild aus der Schublade, einer Fotografie, die ich vor Ewigkeit aus der Zeitung ausgeschnitten habe und auf der ihr Bild kaum zu erkennen ist» (Stamm 2019, S. 8). Однако за этим иконоподобным образом Магдалены скрываются живые воспоминания: «Ich streiche mit den Fingern über den schmalen Holzrahmen, und es ist mir, als sei sie es, die ich berühre, ihre Haut, ihr Haar, die Formen ihres Körpers» (Stamm 2019, S. 8).

Свидание Кристофа с Магдаленой годы спустя после первого знакомства происходит в Стокгольме на «лесном кладбище», находящимся под защитой организации ЮНЕСКО. Магдалена садится под огромным каменным крестом, который является частью архитектурной композиции. Под ним и происходит повторное знакомство героев романа. С одной стороны, в тексте описывается множество символов христианской религии, о которых говорят герои. С другой стороны, подробно живописуются и светские атрибуты. Разделение пространства маркируется не только самим названием объектов („часовня“, „крест“, „молитва“ или „часы“, „привокзальная площадь“), но и номинацией героев, соотносящейся с их поведением. Главная героиня названа Магдаленой, если речь идет о смерти как об «осознаваемой точке активности» (термин М.К. Мамардашвили [Мамардашвили 1995, с. 180]). Тогда героиня проникновенная и искренняя. Имя Лена сопрягается с актерской

игрой, поверхностной наигранностью и бездуховностью. Эта взаимосвязь подтверждается и в других сценах романа, пространство и время которого будто распадается на два пласта. Эти пласты маркируются ономастическими решениями автора.

Смешение местоимений и личных имен приводит к возникновению смещений в представлении о реальности. С одной стороны, идеальный образ скромной и самодостаточной Магдалены перемежается с описаниями менее изысканной в вопросах этики Лены. С другой стороны, границы между этими мирами становятся расплывчатыми из-за смены точек зрения через местоименные подхваты.

Символ христианства всплывает вновь в разговоре рассказчика с Леной о любви. Он вспоминает первую театральную постановку, в которой в главной роли играла Магдалена, и точно помнит, что на рекламном плакате этой постановке была изображена рыба. Лена проясняет, что медленно задышающаяся рыба действительно появляется в этой постановке в виде огромного карпа. С точки зрения рассказчика, Магдалену соблазняет мужчина, к которому ушла бывшая подруга ее партнера. Лена же утверждает, что мужчина ее не соблазнил, а заплатил ей за то, что она с ним спала, но не как проститутке. Это и есть самая чистая любовь, с точки зрения этого мужчины, когда ты кем-то обладаешь. Потому что в такой любви не будет взаимной выгоды, так как это не любовь, если кто-то любит ради того, чтобы быть любимым. Рассказчик относится к подобным рассуждениям недоверчиво. А Лена не хотела бы никем владеть, и не хотела бы, чтобы ею владели.

Неискренность в отношениях между Крисом и Леной, подменяющая понятия любви, влюбленности, эмоциональной охваченности чувством любви и образом любимого, пониманием любви как вызова, как устремленности к идеалу, подменяются в их сознании откровенной проституцией, платой за близость, которая гарантирует независимость обоим сторонам в возникших отношениях. Эти отношения живописуются на фоне задышающегося и умирающего карпа в темном озере, как символа умирающих идей любви, жертвенности и христианства в обществе. Происходит смешение, диффузия этических понятий: любовь, преданность, доверие, измена, проституция, соблазн, – все эти понятия теряют определенность. Эти ориентиры символически реализуются через имена героини Магдалена и Лена. Хотя это и одна героиня, но ее две ипостаси, выраженные в именах собственных, обладают разным воспитанием и представлениями об этике. Так ономастически образно дается описание состояния европейского общества.

3. Особенности употребления лексических средств

Путем сплошной выборки были проанализированы лексические средства, с помощью которых создается иллюзия ускользающей или колеблющейся реальности. Текст романа насыщен

Таблица

**Распределение лексических единиц, участвующих в последовательном формировании
многозначности в изображении реальности, по частям речи**

Table

**Distribution of lexical units involved in the sequential formation of polysemy
in the depiction of reality, by parts of speech**

Часть речи	Существит., из тематической группы творчества	Глаголы мышления и воображения	Глагол „scheinen“	Частицы	Наречия	Причастия 1 и 2	Устойчивые словосоч.	Всего
Количество	528	330	170	95	71	56	37	1287
%	42,9	26,8	13,8	7,7	5,7	4,5	3	100%

лексемами, относящимися к разным частям речи, а также грамматическими и синтаксическими средствами, служащими для передачи неуверенности нарратора. Рассмотрим лексические средства: существительные, глаголы и причастия, частицы, наречия, а также устойчивые словосочетания. Путем сплошной выборки было выявлено 1287 лексических единиц, участвующих в последовательном формировании многозначности в изображении реальности. Их распределение по частям речи представлено в таблице.

Наиболее частотными в употреблении оказались существительные, относящиеся к тематической группе творчества и обозначающие процессы фантазирования, вымысла, воспоминания как сопутствующие творческому мышлению, или иной мыслительной или творческой деятельности, ср.: «Erzähl deine **Geschichte**. Ich habe keine **Geschichte** ... Soll ich **ein Buch** schreiben über einen Mann, der es nicht schafft, **ein Buch** zu schreiben? ...Du stellst dir das alles ein bisschen zu einfach vor, sagte ich, ein literarischer **Text** braucht eine Form, eine Folgerichtigkeit, die unser Leben nicht hat, Glück macht keine guten **Geschichten**» (Stamm 2019, S. 48) В данном отрывке из нескольких предложений многократно используются существительные „книга“, „история“, „текст“. Палитра лексем, относящихся к тематической группе творческой и мыслительной деятельности и выраженных существительными, намного разнообразнее (Etymologisches Wörterbuch...).

На одной странице текста романа, (в среднем на 200 слов), может встречаться до 10 и более лексем, указывающих на продукты творческой деятельности, создание произведений искусства и написание текстов того или иного качества, либо указывающих на действия, связанные с творческим процессом подобного рода. Сюда относятся лексемы: Text, Geschichte, Buch, Szene, Schriften, Notizbuch, Bild, Gemälde, Theaterstück, Aufführung, Einbildung, Doppelgänger, Illusion, Zweifel, Traum, Fantasie и т. д. В романе изображается мир, в котором сфера воображения, таким образом, заменяет собой реальность и вытесняет ее на задний план. То, что происходит в сознании рассказчика

становится основным, становится действительностью его сознательной жизни. И эта реальность его мира воображения более интересна, насыщена и богата, чем мир его реальности в настоящем. Отголоски этой реальности из настоящего и прошлого врываются в его воображение и прерывают нить размышлений, мешают творческому созиданию. Но увлеченность воображаемым миром настолько сильна, что не позволяет противостоять обстоятельствам современной жизни героя. Поэтому в тексте романа создается дистанция по отношению к реальности.

Второе место по частотности употребления занимают глаголы, обозначающие мыслительную деятельность, понимание, оценивание, осознание и воображение. Часто они использованы в отрицательной форме или в контексте, включающем ситуацию уступки либо ограничение, ср.: Es ist **schwer** zu **verstehen**, **aber** ich **errate** aus seinen Worten... (Stamm 2019, S. 154). Сюда относятся лексемы, обозначающие такие действия, как: sich einbilden („воображать“), vorstellen („представлять себе“), sich täuschen („обманываться“), erzählen („рассказывать“), ausdenken („выдумывать“), denken („думать“), einfallen („иметь идею“), erkennen („узнавать, опознавать“), meinen („иметь в виду“), ahnen („подозревать“), vorhaben („намереваться“), überprüfen („перепроверять“), zweifeln („сомневаться“), vorkommen (в значении „казаться каким-то“: es kommt groß vor – „кажется большим“), wirken (в значении „производить впечатление“) и т. д.

Более чем в половине этих случаев (197 из 330) соответствующие лексемы использованы в отрицательной форме или сопровождаются языковыми средствами, описывающими неясность результата мыслительной деятельности: это лексемы, подчеркивающие неопределенность ситуации и потребность в ее прояснении, ср.: erkennen nicht mehr („больше не узнавать“), nicht wissen („не знать“).

В связи с высокой частотой употребления отдельно был выделен глагол scheinen („казаться“). В тексте романа он встречается 170 раз, в разных грамматических формах и контекстах: Der Mann **scheint nicht** verletzt zu sein (Stamm 2019, S. 154).

² Выделение. – Н. Б.

Er **scheint** verwirrt zu sein (Stamm 2019, S. 155). Oben auf dem Hügel stand ein Observatorium, das nicht mehr in Betrieb zu sein **schien** (2, с. 151). Sie war mir aufgefallen, weil sie stiller war, als die anderen und trotzdem im Zentrum zu stehen **schien**. Sie war mit Abstand die Jüngste der Gruppe und alle drei Männer machten ihr Hof, aber auf eine so verspielte Art, dass die anderen Frauen sich daran nicht zu stören **schienen** (Stamm, S. 45).

Немецкоязычный дигитальный корпусный словарь (DWDS) указывает среднюю современную частотность использования глагола «scheinen» в количестве примерно 80 на 1 миллион использованных слов. Срез касается всех оцифрованных текстовых источников в средствах массовой информации, современных литературных текстах и т. д. Подсчет в нашем исследовании, что однократное использование этого глагола в среднем выпадает на 12 500 слов. В тексте данного романа этот глагол в среднем используется один раз на каждой странице. В пересчете на количество слов на страницу (в среднем одна страница цитируемого издания насчитывает примерно 200 слов) это соответствует однократному использованию примерно на 200 слов, что в 62,5 раза чаще, чем в среднем в современном языке употреблении.

Отглагольные формами являются причастия, которые употребляются в предложениях в качестве обстоятельств образа действия или определений. Они составили 4,5 % от общего числа лексики, описывающей неуверенность и неоднозначность восприятия. Сюда относятся такие страдательные причастия, как: *benommen* („опьяненный“), *vorgetäuscht* („разыгранный перед другими“), *verschwommen* („расплывчато“), *eingebildet* („воображая“), *bestürzt* („обескуражено“) и т. д.

Относительно небольшая частотность употребления характерна для частиц (7,7 %) и наречий (5,7 %). В этот подсчет не вошли грамматические частицы с отрицательным значением (*nicht*), так как они сопровождали глагольные формы и были учтены при подсчете отрицательных форм глаголов. К учтенным в этом параметре частицам относятся такие, которые передают эмоциональные нюансы, связанные с различной степенью уверенности говорящего в содержании того, что он говорит, либо имеющие значение приблизительности или ограничения, например, *etwa* („примерно“), *wohl* („наверняка“), *ja* (передает уверенность), *kaum* („едва“). Среди наречий следует отметить: *vielleicht* („может быть – низкая степень уверенности“), *unwirklich* („нереально“), *womöglich* („возможно“), *sicher* („с уверенностью“), *bestimmt* („наверняка“).

Невысокую частотность употребления (3 %) можно наблюдать среди устойчивых выражений: *mit den Schultern zucken* („пожать плечами“), *keine Ahnung haben* („не подозревать, что...“).

Такое распределение языковых средств по употреблению в анализируемом тексте романа, в целом, соответствует частотности использования отдельных частей речи в современном языке. Но

статистический анализ значения лексем указывает, что ключевой проблематикой данного романа становится проблема «кажущейся» реальности. Представление о действительности как таковой изображается как проблемный момент сознания человека. Рассказчик не уверен в том, что представляется его сознанию. Усилия по творческому преодолению действительности превалируют над самой действительностью. Сфера воображения, мир иллюзорной реальности, доступный лишь сознанию героя, не осязаемой извне выступает на передний план. На главенствующее место, которое занимает мир воображаемой реальности, указывает подбор лексических единиц, имеющих отношение к творческой сфере.

Лексика, обозначающая вымысел и фантазирование, используется среднестатистически в количестве пяти единиц на одну страницу текста романа. Неравномерность их распределения заключается в том, что там, где рассказчик описывает свои встречи с Магдаленой, такая лексика не встречается. Действие романа в этих сценах перенесено как бы в план реальной жизни. А там, где речь идет о разговоре с Леной, плотность употребления подобной лексики увеличивается. Таким образом, на поле использования лексических единиц происходит разделение романного повествования на два пласта. Подбор лексических единиц в совокупности с выбором имени героев является маркером каждого из этих пластов: это план реалистичных для восприятия героем событий его встреч с Магдаленой, реальных для рассказчика отношений с ней, и иной пласт, охватывающий ситуацию воспоминания и описания этих событий в разговоре с Леной, где все происходящее здесь и сейчас иллюзорно и вторично по отношению к более реалистичному прошлому.

Подбор лексики П. Штаммом создает многозначность лексических интерпретаций. Так, например, рассказчик выходит из здания, которое он сам называет *das Heim*, лексемой, которую можно интерпретировать двояко. *Heim* – это, во-первых, «дом, родное место обитания» (*Hinter mir blieb das Heim* (Stamm 2019, S. 5)), но это, во-вторых, и сокращенный вариант слова *Altersheim* („дом престарелых“): *Im Altersheim bleiben nach seinem Tode die Bilder, die niemand gebrauchen wird* (Stamm 2019, S. 170), где по общенемецкой традиции заканчивается жизнь большинства пожилых людей. В пользу второго варианта интерпретации говорит описание скромной обстановки в комнате рассказчика в начале романа: кроме кровати, тумбочки и стола никакая иная мебель не упоминается, так же как не упоминаются и иные помещения этого пристанища. Но однозначность места обитания рассказчика, а вместе с тем и представление о его реальной жизненной ситуации, обретается лишь в самом конце романа. Подобный отбор лексических средств оказывает воздействие на адресата. О такой регулятивной функции лексем в художественном дискурсе, создающей позитив-

ную или негативную имплицитную оценку, пишет Е.В. Беспалова (Беспалова 2024, с. 32). Так в начале романа место обитания рассказчика маркировано позитивно, а в развязке символическая роль этого же здания имплицитно оценивает ее негативную оценку в общественном сознании.

В тексте романа сосуществуют два мира: герой испытывает желание войти в круг избранных лиц, к которым по традиции причисляют себя поэты, посещает соответствующие места, связанные с поэтическим освоением мира, с историей искусства. Это музеи, издательства, встречи с редакторами, театр и люди театра, телестудии и творческие деятели из сферы телевидения, и даже когда он назначает свидание с прежней возлюбленной на кладбище, то даже оно является памятником ландшафтной архитектуры. Свою любовь он, образно говоря, приносит в жертву искусству и делает он это без отчаяния. Рассказчик пытается преобразовать опыт одиночества в продуктивный опыт в литературном плане. У рассказчика от первого лица это не получается, он так и не создает нового произведения, помимо одного уже завершённого им пятнадцать лет назад, что метафорически указывает на утверждение, что автор всю жизнь пишет одно произведение. С другой стороны, в ходе повествования появляется роман.

4. Специфика грамматических средств создания эффекта неопределенности

Помимо лексических средств, в создании эффекта неопределенности изображаемой реальности участвуют также грамматические средства выразительности. К ним можно отнести нетипичные для разговорной речи, но используемое в литературном тексте местоимения. Их дейктическая функция реализуется, но указание на денотат предшествует называнию его именем существительным. Местоимения в их классической дейктической функции замещают в тексте имя собственное или нарицательное, стоящее в предыдущем контексте.

В романе Петера Штамма макроструктура текста, охватывающая целые главы, разворачивается в обратном направлении. Роман начинается с местоимения *sie*, которое вместе с последующим сказуемым в форме третьего лица единственного числа позволяет определить это местоимение как форму, соответствующую русскому «она»: *Sie besucht mich oft, meist kommt sie in der Nacht* (Stamm 2019, S. 7). Кроме некоего персонажа женского пола, именованного местоимением «она» тут же появляется рассказчик от первого лица (*Ich-Erzähler*), заявленный местоименной формой *mich*. Номинация главной героини романа по имени собственному Магдалена происходит лишь в конце первой главы (Stamm 2019, S. 9). Отметим, что роман поделен на главы объемом 3–7 страниц, в каждой из которых изменяется время повествования (*Erzählte Zeit*) [Hamburger 1994, S. 57] и пространство, о котором повествуется, и время, из перспективы которого ведется повествование (*Erzählzeit*) [Hamburger 1994, S. 58], так что читателю

приходится в каждой главе вновь определять для себя эти категории нарратива.

Мост через реку ведет рассказчика и героиню по направлению к месту, которое он называет *in das Dorf meiner Kindheit* («деревня моего детства») (Stamm 2019, S. 9). Описание строится таким образом, что невозможно отождествить описываемые места с реальной местностью прогулки рассказчика в его настоящем или с воспоминаниями о местах прогулок в детстве. Дальнейшие упоминаемые топографические координаты не прибавляют ясности: *Ich... komme an einem Teich vorbei, an dem wir als Kinder Enten gefüttert haben, an der Stelle, an der ich einmal mit dem Fahrrad gestürzt bin, und an jener, an der wir als Jugendliche nachts getroffen und Feuer gemacht haben* (Stamm 2019, S. 9). Упоминаемые места привязаны к этапам жизни рассказчика в прошлом. «Мы», на которое он опирается, и которое связывает его с попутницей, одновременно, оказывается, вбирает в себя и друзей детства, и товарищей в подростковом возрасте. Местоимение, таким образом, имеет двойное замещение: «мы» – это рассказчик вместе с главной героиней, а также рассказчик вместе с иными людьми из детства без главной героини. Перспектива освоения изображаемой реальности, ее видение самим рассказчиком многократно меняется даже в рамках одного предложения.

Роман кончается введением, собственно, в историю, историю жизни героя, которую он рассказал ей, и ее историю, которую он ей поведал. Он, таким образом, становится правообладателем своей и ее истории, а она оказывается объективированной с помощью его повествования.

К грамматическим формам, используемым для изображения «ускользающей реальности», относятся, в первую очередь, конъюнктивные или формы сослагательного наклонения. Ср.: *Als sie mir sagte, dass sie nicht mehr könne, dass sie mich vermisste, selbst wenn ich bei ihr sei, ...* (Stamm 2019, S. 17); *Man könnte meinen...* (Stamm 2019, S. 23), *Ich bezweifle, dass ich den Ort wiederfinden würde* (Stamm 2019, S. 151). Вальтер Юнг относит к важнейшим значениям конъюнктива в немецком языке выражение «нереального в самом широком смысле»: *Der Konjunktiv bezeichnet das Unwirkliche im weitesten Sinne, d.h. die Aufforderung, den Wunsch, das Ungewisse, das mittelbar Berichtete, das Nichttatsächliche* (Magdalena, S. 240).

В отношении частотности использования финитных форм глаголов в конъюнктиве Е.И. Маханцева приводит в своем исследовании следующие данные: в разговорной речи «на каждые 33 глагольные формы приходится одна конъюнктивная форма, в то время как в текстах из художественной литературы на каждые 15 финитных форм глагола приходится одна конъюнктивная форма» (Маханцева 1995). Нас тут интересует не установленный факт, что в разговорной речи конъюнктивные формы глаголов используются в два раза реже, чем в литературном языке, а сама указанная частотность использования

форм конъюнктива в литературном языке XX века, на материале которого проводилось это исследование Е.И. Маханцевой. В пересчете на процентное соотношение для разговорной речи она составляет 3 %, а для литературного языка примерно 6 %.

Хотя роман П. Штамма написан в начале XXI века, мы можем сопоставить усредненную частотность использования конъюнктива в его произведении со средней частотой использования в современном литературном языке. В романе П. Штамма одна форма конъюнктива приходится на каждые 4 использованных финитных глагола, что составляет 20 % от общего числа согласованных глаголов и превосходит среднечастотное употребление конъюнктива в современном литературном языке более чем в три раза. К наибольшей частотности имеют вспомогательные глаголы *haben* (7 % от общего числа использования конъюнктивных форм), *sein* (4 %), *konnte* (*würde* – 3 %) и модальные глаголы, наиболее частотным среди которых оказался глагол *können* (2,5 %). Это преобладание, в целом, соответствует показателям в литературном языке по среднестатистическим параметрам. 3,5 % случаев приходится на полносмысловые, полнозначные глаголы: ...*dass es scheint, als schwebte sie über die schneebedeckten Wege* (Stamm 2019, S. 9). Прямая речь всех персонажей, за исключением речи рассказчика, переданы с помощью использования конъюнктива, призванной создавать иллюзию дистанцирования между говорящим и точкой зрения того лица, речь которого говорящий передает.

В трети случаев (34 % от общего количества конъюнктивных форм) его использование сопровождается сравнением в форме придаточного предложения с союзом *als*, ср.: **als würden wir eins, ein vierbeiniges Wesen** (Stamm 2019, S. 155), **als hätten sie ohne meine Anwesenheit, ohne mein Zutun stattgefunden** (Stamm 2019, S. 153), **als hätte ich sie eben erst erlebt** (Stamm 2019, S. 153). *Es war, als würde ich...* (Stamm 2019, S. 151), **als müsste...** (Stamm 2019, S. 86), **als es sein könnte** (Stamm 2019, S. 46), **als könne geschehen** (Stamm 2019, S. 87). Подобное часто используемое сравнение привносит в контекст смысл нереального сравнения, не „как...“, а „будто бы...“, выявляет иллюзорность второго из сегментов сравнения, ставит в центр внимания само сравнение как таковое. Сюда же относятся и сравнительный оборот *als ob*: *es war mir als ob* – «мне было так, будто» (Stamm 2019, S. 76), *es war als ob...* с тем же значением (Stamm 2019, S. 98).

Частотное использование конъюнктива (от 3 до 7 примеров на одну страницу текста, то есть в среднем однократно на каждые 50 слов текста) формирует отношение к тексту как продукту фантазии художника. Это развенчивает иллюзию реальности того, что сообщается как реально произошедшее в нем. Рассказчик не доверяет словам других персонажей, не идентифицирует себя с образами собственной фантазии. На передний план выдвигается иллюзорность всего, что происходит в романе. Реальность не имеет языковых основ,

лежащих в области языковых грамматических форм. Наоборот, она изображена с помощью таких форм, которые допускают принятие нереальности описания. Избираемые автором грамматические формы развенчивают иллюзию действительности происходящего в тексте.

Между завязкой и финалом романа и на уровне циклического сюжета ничего, на первый взгляд, не происходит. Старик, охваченный воспоминаниями и фантазиями из прошлого, выходит на прогулку с воображаемой возлюбленной его молодости, поскользывается на льду и падает. Подняться ему помогает более молодой мужчина, он же сопровождает старика обратно в приют. Парадокс в том, что сопровождаемый и сопровождающий по сюжету романа оказываются одним и тем же лицом. И первый факт предстает не менее и не более реалистично, чем второй. Для читателя остается неизвестным, два это разных персонажа или один, охваченный воображаемым представлением о себе самом. Текст романа предстает не как единство, а как множественность вероятностей, каждая из которых не менее реалистична, чем противоположная. Реальность событий может быть сжата до короткой прогулки от комнаты приюта до падения героя на тропинке. В то же время в это узкое пространство вмещаются все события, описанные в романе. И жизнь рассказчика в образе обессиленного старика намного более богата, неповторима, ценна этим богатством бытия в воображении, воспоминаниях, мечтаниях, чем можно было бы подумать, глядя на сомкнувшийся в одну точку сюжет. Все, что происходит в сознании рассказчика, между сознаниями рассказчика и персонажей – это и есть неповторимая реальность бытия. Бытие в силе творчества, в воображении несостоявшегося писателя превосходит своим богатством, прощением, принятием многогранных точек зрения, существующих в мире и в его собственном сознании, всеобъемлющую саму действительность. Действительность, питая воображение, предстает менее убедительной и более ограниченной в силу своего равнодушия и отсутствия в ней человеческой мысли.

Заключение

Роман П. Штамма, таким образом, становится романом воспоминаний, романом о памяти как таковой, о законах и взаимосвязях событий, их важности и сущности, которые влияют на нашу память, на содержание того, что откладывается в памяти. Идентичность человека декларируется как идентичность воспоминаний. Но воспоминания всегда имеют некоторые отклонения. *Es gibt Abweichungen*, – говорится многократно в тексте романа. В связи с этими отклонениями ставится вопрос об идентичности человека самому себе, идентичности событий, идентичности мира и его реальности.

Проблематичность этих понятий проявляется на уровне отбора языковых средств. По сравнению со среднестатистическими показателями для лите-

ратурного языка в них преобладают многозначные существительные, включая ономастические именования, существительные, относящиеся к сфере творчества и воображения; глаголы, обозначающие мыслительные операции, воспоминание, фантазирование, творческие процессы. Способствует изображению иллюзорности происходящего во многом раз превосходящее статистическую «норму» использование глагола „scheinen“, а также конъюнктивные формы глаголов, сопровождающиеся сравнениями или без них. Подбор таких языковых средств ставит в центр внимания вопросы идентичности, которые оказываются связаны в современном мире с вопросами экзистенции. Именно взаимосвязь существования человека с его самоидентичностью, проблематичность самоопределения, неудача в поиске смысла жизни разрабатываются П. Штам-

мом через языковые средства построения образа реальности. Вопросы самоопределения отсылают читателя к проблеме осмысления жизни. Персонажи романа сталкиваются с кризисом идентичности в глобальном ключе, они не обретают себя через определение своего места в мире. Сложные человеческие отношения П. Штамм показывает через проблематизацию вопросов идентичности, выраженную в языковых формациях.

Языковые средства создания «ускользающей реальности» делают текст романа многослойным и открытым для интерпретации. Внутренний мир персонажей, открывается читателю в результате в «безвременье», то есть его с трудом удается привязать к определенной временной точке в судьбе героя, что делает модели изображаемого сознания универсальными.

Материалы исследования

Deutsches Wörterbuch ... – *Deutsches Wörterbuch* von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaft. // Der digitale Grimm. URL: <http://dwb.uni-trier.de/de>.

DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de>.

Etymologisches Wörterbuch... – *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>.

Stamm 2021 – *Stamm P.* Das Archiv der Gefühle. Fischer Taschenbuch Verlag, 2021. 185 S.

Stamm 2019 – *Stamm P.* Die sanfte Gleichgültigkeit der Welt. Fischer Taschenbuch Verlag, 2019. 157 S.

Stamm 2013 – *Stamm P.* Nacht ist der Tag. Fischer Taschenbuch Verlag, 2013. 258 S.

Stamm 2011 – *Stamm P.* Ungefähre Landschaft. Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 188 S.

Magdalena – URL: <https://www.beliebte-vornamen.de/18701-magdalena.htm>.

Беспалова 2024 – *Беспалова Е.В.* Моделирование имплицативной семантики в разных типах немецкоязычного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва: Инсома-Пресс, 2024. 46 с.

Маханцева 1995 – *Маханцева Е.И.* Конъюнктив в немецкой разговорной речи: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. URL: <https://cheloveknauka.com/konyuktiv-v-nemetskoj-razgovornoj-rechi>.

Библиографический список

Hamburger 1994 – *Hamburger K.* Die Logik der Dichtung. Stuttgart: Clett-Cotta, 1994. 301 S.

Jung 1973 – *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973, 518 S. URL: <https://archive.org/details/grammatikderdeut0000jung>.

Rona 1976 – *Rona Th.R.* Weapon Systems and Information War. Seattle, WA: Boeing Aerospace Co. 1976. 86 p. URL: <https://drive.google.com/file/d/1Tc7E071wtEMb9Xdi1JpySymb2arpxqlz/view>.

Ауэрбах 2000 – *Ауэрбах В.Д.* Мимезис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. Москва; Санкт-Петербург, 2000. 511 с. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Chrestomathy/Auerbach_mimesis_1976.pdf.

Ахмедова, Салимова 2016 – *Ахмедова Г.У., Салимова С.Ф.* Собственные имена в ономастике немецкого языка // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 1139–1141. URL: <https://moluch.ru/archive/111/27633>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25863459>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtzfof>.

Бенвенист 2010 – *Бенвенист Э.* Проблемы общей лингвистики. Москва: URSS, 2010. 448 с.

Кристева 2013 – *Кристева Ю.* Семиотика. Исследования по семанализу. Москва: Академический проект, 2013. 288 с. URL: <https://djvu.online/file/lcWPP1ISRyrbK>.

Лейтес 1985 – *Лейтес Н.С.* Роман как художественная система. Пермь: ПГУ им. Горького, 1985. 99 с.

Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 543 с. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statjy/?ysclid=mck5v9tmb290847957>.

Лотман 1998 – *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 1998. 387 с. URL: https://imwerden.de/pdf/lotman_struktura_khudozhestvennogo_teksta_1970__ocr.pdf.

Лурия 1998 – *Лурия А.Р.* Язык и сознание. Москва: Изд-во МГУ, 1998. 336 с. URL: https://prepod.nspu.ru/pluginfile.php/292686/mod_resource/content/1/А.Р.Лурия%20ЯЗЫК%20И%20СОЗНАНИЕ.pdf.

Мамардашвили 1995 – *Мамардашвили М.* Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). Москва: Art Maginem, 1995. 552 с. URL: <https://djvu.online/file/iVVHPkfSoTXG4?ysclid=mck6af5r5p30055158>.

Сепир 2021 – *Сепир Э.* Введение в изучение речи. Москва: URSS, 2021. 240 с.

Степанов 2021 – *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Москва: URSS, 2021. 334 с. URL: https://www.phantastike.com/semiotics/v_trekhmernom_prostranstve_yazyka/pdf/.

Стерлигов 2003 – *Стерлигов С.Г.* Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 131–137. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990196_West_filol_2003_1\(3\)/B_3-6.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990196_West_filol_2003_1(3)/B_3-6.pdf).

Фромм 2016 – *Фромм Э.* Бегство от свободы. Sweden: „Philosophical arkiv“, 2016. 233 с. URL: https://www.modernproblems.org.ru/attachments/article/299/transl_v6_Fromm.pdf.

References

Hamburger 1994 – *Hamburger K.* Die Logik der Dichtung. Stuttgart: Clett-Cota, 1994, 301 S.

Jung 1973 – *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973, 518 S. Available at: <https://archive.org/details/grammatikderdeut0000jung>.

Rona 1976 – *Rona Th.R.* (1976) Weapon Systems and Information War. Seattle, WA: Boeing Aerospace Co., 86 p. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1Tc7E071wtEMb9Xdi1JpySymb2arpxqlz/view>.

Auerbach 2000 – *Auerbach V.D.* (2000) Mimesis. Depiction of reality in Western European literature. Moscow; Saint Petersburg, 511 p. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Chrestomathy/Ауэрбах_mimesis_1976.pdf. (In Russ.)

Akhmedova, Salimova 2016 – *Akhmedova G.U., Salimova S.F.* (2016) Proper names in the onomastics of the German language. *Molodoy uchenyy*, no. 7 (111), pp. 1139–1141. Available at: <https://moluch.ru/archive/111/27633>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25863459>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtzfof>. (In Russ.)

Benvenist 2010 – *Benvenist E.* (2010) Problems of general linguistics. Moscow: URSS, 448 p. (In Russ.)

Kristeva 2013 – *Kristeva Ju.* (2013) Semiotics. Research on semanalysis. Moscow: Akademicheskij proyekt, 288 p. Available at: <https://djvu.online/file/lcWPP1ISRyrbK>. (In Russ.)

Leites 1985 – *Leites N.S.* (1985) Novel as an artistic system. Perm: PGU im. Gor'kogo, 99 p. (In Russ.)

Lotman 2002 – *Lotman Yu.M.* (2002) Articles on the semiotics of culture and art. Saint Petersburg: Akademicheskij proyekt, 543 p. Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statij/?ysclid=mck5v9tmb290847957>. (In Russ.)

Lotman 1998 – *Lotman Yu.M.* (1998) Structure of a literary text. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb., 387 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/lotman_struktura_khudozhestvennogo_teksta_1970__ocr.pdf. (In Russ.)

Luria 1998 – *Luria A.R.* (1998) Language and consciousness. Moscow: Izd-vo MGU, 336 p. Available at: https://prepod.nspu.ru/pluginfile.php/292686/mod_resource/content/1/А.Р.Лүрия%20ЯЗЫК%20И%20СОЗНАНИЕ.pdf. (In Russ.)

Mamardashvili 1995 – *Mamardashvili M.* (1995) Lectures on Proust (Psychological topology of the path). Moscow: Art Maginem, 552 p. Available at: <https://djvu.online/file/iVVHPkfSoTXG4?ysclid=mck6af5r5p30055158>. (In Russ.)

Sapir 2021 – *Sapir E.* (2021) An Introduction to the Study of Speech. Moscow: URSS, 240 p. (In Russ.)

Stepanov 2021 – *Stepanov Yu.S.* (2021) In the three-dimensional space of language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: URSS, 334 p. Available at: https://www.phantastike.com/semiotics/v_trekhmernom_prostranstve_yazyka/pdf/. (In Russ.)

Sterligov 2003 – *Sterligov S.G.* (2003) German anthroponymy as a linguistic and regional problem. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*, no. 1, pp. 131–137. Available at: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990196_West_filol_2003_1\(3\)/B_3-6.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990196_West_filol_2003_1(3)/B_3-6.pdf). (In Russ.)

Fromm 2016 – *Fromm E.* (2016) Escape from freedom. Sweden: „Philosophical arkiv“, 233 p. Available at: https://www.modernproblems.org.ru/attachments/article/299/transl_v6_Fromm.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.374

Дата поступления: 19.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 02.06.2025

Сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий в русском, английском языках и языке хинди

Ю.А. Соколова

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: yu.a.sokolova@samsmu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2219-2157>

Аннотация: Представлен опыт научно-исследовательской работы с индийскими студентами билингвального факультета по изучению и сравнительному анализу национальных паремий. В связи с профессиональной ориентацией будущих врачей основное внимание уделено раскрытию темы «Здоровье и медицина» в русском, английском и языке хинди. Проведены классификация и сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий, подчеркнута необходимость сопоставления исторического и современного контекста в осмыслении данной тематики, а также единство понимания темы многими народами мира.

Ключевые слова: здоровье и медицина; медицинские паремии; сравнительно-сопоставительный анализ; систематизация и классификация медицинских паремий; паремии языка хинди; единство языков; национальный характер; лингво-культурное сообщество; народная мудрость.

Цитирование. Соколова Ю.А. Сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий в русском, английском языках и языке хинди // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 220–227. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-220-227>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соколова Ю.А., 2025

Юлия Александровна Соколова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и латинского языков, Самарский государственный медицинский университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, 89.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 02.06.2025

Comparative analysis of medical paroemias in Russian, English and Hindi

Yu.A. Sokolova

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation
E-mail: yu.a.sokolova@samsmu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2219-2157>

Abstract: The article presents the experience of research work with Indian students of the bilingual faculty on the study and comparative analysis of national paroemias. In connection with the professional orientation of future doctors, the main focus is on the disclosure of the topic «Health and Medicine» in Russian, English and Hindi. The classification and comparative analysis of medical paroemias are carried out, the need to compare historical and modern context in understanding this topic is emphasized, as well as the unity of understanding of the topic by many peoples of the world.

Key words: health and medicine; medical paroemias; comparative analysis; systematization and classification of medical paroemias; Hindi language paroemias; unity of languages; national character; linguistic and cultural community; folk wisdom.

Citation. Sokolova Yu.A. Comparative analysis of medical paroemias in Russian, English and Hindi. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 220–227. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-220-227>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Sokolova Yu.A., 2025

Yulia A. Sokolova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Languages and Latin, Samara State Medical University, 89, Chapaevskaya Street, Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Опыт работы с иностранными студентами билингвального факультета обозначил вектор нашего исследования и необходимость поиска, изучения, классификации, систематизации и составления сравнительной характеристики медицинских па-

ремий в значимых для иностранных студентов языках: русский язык – как язык принимающей стороны и язык обучения на старших курсах медицинского университета; английский язык – как язык общения и обучения на начальном этапе обучения в вузе; язык хинди – как родной язык и язык

мышления. Обращение к народному поэтическому творчеству позволяет лучше почувствовать изучаемый язык, глубже проникнуть в структуру языка, увидеть единство многих языков [Александрова, Соколова 2021, с. 33–36].

Вопрос о точном определении и границах понятия «паремия» остается предметом научных дискуссий, что неудивительно, учитывая богатство и разнообразие форм народной мудрости. В данном исследовании мы используем термин «паремия» в широком, собирательном смысле, охватывая различные жанры, которые передают устоявшиеся суждения, наблюдения и житейский опыт. К ним относятся, безусловно, пословицы – краткие, ритмически организованные изречения, нормативно оценивающие явления действительности; поговорки – более образные и нередко ироничные выражения, иллюстрирующие определенные ситуации или характеры; крылатые слова – цитаты из литературных произведений, исторических источников или публицистики, вошедшие в широкое употребление; афоризмы – краткие, емкие и глубокомысленные высказывания, часто авторские, отличающиеся лаконичностью и точностью; и, наконец, изречения – более обширные высказывания, характеризующиеся философской глубиной или моральным поучением. Граница между этими жанрами часто размыта. Например, некоторые крылатые слова могут функционировать как пословицы, приобретая статус устоявшихся формул. Аналогично, афоризмы могут переходить в разряд пословиц, если их широко используют в народной среде. Так, по мнению Л.Г. Горбуновой и Ж.С. Тулуповой, «пословицы, поговорки, фразеологические единицы являются своеобразными маркерами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики. Паремии, как часть языковой системы, выступают в качестве хранилища культурных традиций, народного менталитета, в них наиболее ярко подмечены и отражены моменты жизнедеятельности представителей определенного языкового социума» [Павлова 2020, с. 126–130].

Целью данной работы является сравнительно-сопоставительный анализ паремий, объединенных темой «Здоровье и медицина» в русском, английском языках и языке хинди; выявление способов реализации медицинских паремий на тему «Здоровье и медицина» в русском, английском и языке хинди. Цель исследования задана работой над словарем медицинских паремий для иностранных студентов медицинских вузов.

Актуальность исследования связана не только с профессиональной ориентацией будущих врачей: тема здоровья и медицины является фундаментальной, затрагивая каждого человека вне зависимости от его происхождения или культурной принадлежности [Соколова 2018, с. 134]. Ее значимость для индивидуума неоспорима – здоровье определяет качество жизни, продуктивность и способность реализовывать свой потенциал. Для общества же здоровое население – залог экономи-

ческого процветания, социальной стабильности и национальной безопасности. Системный подход к изучению народной мудрости, заключенной в медицинских паремиях (пословицах и поговорках, связанных со здоровьем и медициной), является крайне важным, поскольку они отражают накопленный веками опыт, народные представления о здоровье, болезнях и методах лечения, часто предшествуя научным открытиям или дополняя их. Сложность задачи заключается в многообразии культурных контекстов, в которых формировались эти пословицы и поговорки (Бухтоярова 2010).

Новизна данной работы заключается в том, что впервые сравнительно-сопоставительному анализу подверглись медицинские паремии русского, английского и языка хинди, которые легли в основу для создания словаря медицинских паремий для билингвальных студентов медицинских вузов, прибывающих из Индии в Россию. Сводная таблица, являясь частью паремиологического словаря, соответствует разделам курса «Введение в язык специальности», который изучается на русском языке как иностранном в рамках профессионального модуля.

Материалы и методы. Источниками отобранных паремий послужили энциклопедии изучаемых языков, письменные художественные тексты народов мира, воспоминания людей старших поколений, устное народное творчество русского, английского языков и языка хинди. Для создания полной и систематизированной базы медицинских паремий были использованы языковые корпуса, а также материалы социологических исследований, опросы иностранных студентов и этнографические данные. Это позволило учесть широкий спектр вариантов и особенностей использования паремий в речевой практике разных народов. При подготовке работы нами были исследованы более 1000 русских паремий, более 550 английских паремий и более 400 паремий на языке хинди. Критерием отбора паремий является наличие в их составе слов, относящихся к теме «Здоровье и медицина». На основе отобранного материала нами составлен паремиологический словарь для иностранных студентов билингвальных факультетов медицинских вузов – «Медицинский паремиологический словарь» (Бекишева, Соколова, Александрова 2022). Для анализа отобранного материала использовались историко-этимологический, количественно-статистический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Ведущая роль в выделении паремиологии как раздела лингвистики принадлежит фразеологу, паремиологу В.М. Мокиенко, который отмечает, что с укреплением фразеологии как лингвистической дисциплины исследователей стали интересовать и «чисто языковые особенности фразеологизмов и паремий, их употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки» [Мокиенко 2011, с. 33].

Природа паремий рассматривается многими исследователями в разных аспектах. Анализ основных аспектов изучения паремий указывает на огромный текстообразующий и лингвокультурологический потенциал паремий [Бредис 2020, с. 265]. Так, с точки зрения В.П. Аникина, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, все малые паремиологические жанры (пословица, загадка, примета и др.) рассматривались как произведения фольклора. Таким образом, предмет высказывания оценивается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда ее идейно-эмоциональная характеристика (Аникин В.П.).

Объединение паремий по принципу семантической общности, сформировало основу тематико-идеографического аспекта (Нелюбова Н.Ю., Чертилин О.В., Ершов В.И.). По тематическому принципу осуществляется расположение паремиологического материала в ряде словарей.

Работы В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной основаны на историко-этимологическом аспекте изучения паремий. Такой анализ позволяет показать национальную специфику, уникальность каждой паремии и дать информацию об исконности паремии в родном для нее языке.

Лингвокультурологический аспект находим в исследованиях В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, в которых паремии рассматриваются как некий национальный «код», «отражая все установки жизненной позиции и философии народа определенной культуры» [Телия 1996, с. 214]. Основой лингвокультурологического подхода является положение о том, «что в языковых знаках хранится и транслируется культурная информация, объясняющая прошлое и прогнозирующая будущее» [Ковшова 2019, с. 14].

Паремии, будучи национально маркированными единицами, нередко вызывают трудности при переводе. Переводоведческий аспект помогает решению проблем, которые возникают в художественной практике и теории перевода [Бредис 2020, с. 269]. Способы перевода паремиологических единиц изучали Л.В. Енбаева, С.И. Влахов, А.Г. Колошиц, С.П. Флорин и др.

Паремии также рассматриваются в рамках дискурсивного (функционального) анализа в работах А.А. Константиновой, Д.Д. Комовой, О.В. Ломакиной. Анализ функционирования паремий в контексте «фиксирует метаязыковую информацию, что позволяет установить становление терминологического аппарата паремиологии, а также охарактеризовать паремиологический концентр определенного временного отрезка» [Комова 2019, с. 82].

Наше исследование базируется на изученных аспектах, но сложность задачи заключается в многообразии культурных контекстов, в которых формировались отобранные паремии. Например, паремия, имеющая позитивно оценочное значение в одной культуре, может иметь негативный оттенок в другой. Это обусловлено различными тради-

циями, устоявшимися представлениями о природе болезней и способах их лечения, а также доступностью медицинской помощи. Мы рассматриваем медицинские паремии с точки зрения сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического анализа, сопоставляя паремии русского, английского языков и языка хинди сквозь призму исследуемых культур. Привлекая паремиологический материал трех языков, можно доказать не только уникальность того или иного языка, выраженную в медицинской паремии, но и представить семантическую общность при мнимой различности, указывая на точки соприкосновения языков и культур.

Результаты исследования

Под паремиями в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие поучительный смысл и передаваемые народом из поколения в поколение. Под медицинскими паремиями мы понимаем паремии, рассматриваемые в качестве полифункциональных дискурсивных единиц, появление которых значимо и когнитивно обусловлено, а именно пословицы, поговорки и афоризмы, относящиеся к когнитивной базе, объединяющей знания и представления людей о здоровье и медицине. Медицинские паремии являются открытой лингвокогнитивной системой, постоянно формирующей новые репрезентации в индивидуальном и коллективном сознании человека любой народности. В процессе систематизации медицинских паремий в исследуемых языках были выделены три основных блока: паремии о здоровье человека, его недугах, болезнях и лечении; паремии о жизни и смерти, физическом состоянии; паремии с использованием названий частей тела и органов человека (Бекишева, Соколова, Александрова 2022, с. 5–7).

Основанием для классификации послужила особенность изучения медицинской лексики и формирование у будущих специалистов навыков общения в учебной и социально-профессиональной макросферах в объеме I сертификационного уровня на билингвальных факультетах. Для простоты восприятия пословицы в словаре разделены на блоки, названные по аналогии с разделами курса «Введение в язык специальности», который изучается на русском языке как иностранном в рамках профессионального модуля. Например, раздел курса «Здоровье человека, причины заболеваний, методы лечения» соответствует первому блоку паремий («Паремии о здоровье человека, его недугах, болезнях и лечении»), раздел «Ментальное и физическое здоровье» соответствует второму блоку («Паремии о жизни и смерти, физическом состоянии»), раздел «Тело человека. Строение органов и функциональных систем организма» соответствует третьему блоку («Паремии с использованием названий частей тела и органов человека»).

Таким образом, данная классификация медицинских паремий (см. таблицу) сопряжена с курсом «Введение в язык специальности» и является подспорьем в формировании языковой компетенции студентов-медиков, а также направлена на изучение актуальных для данного контингента учащихся метатем, которые сгруппированы по классам

изучаемых объектов: биологический объект (организм) («В здоровом теле – здоровый дух», «От здорового корня и поросль здоровая»); физиологический процесс («Аппарат тонкий – пищеварение быстрое», «Диета лечит лучше скальпеля»); патологическое состояние человека («Чрезмерное наполнение желудка вредно для здоровья»,

Таблица

**Сводная таблица наиболее распространенных паремий и их эквиваленты
на русском, английском и языке хинди**

Table

Summary table of the most common paroemias and their equivalents in Russian, English and

Русские медицинские паремии	Английские медицинские паремии	Медицинские паремии на языке хинди
В здоровом теле – здоровый дух.	A sound mind in a sound body.	स्वस्थ शरीर में ही स्वस्थ मन नविस करता है
Если здоровье хорошее, тогда ум будет счастлив. Если ум счастлив, то жизнь станет счастливой.	A healthy body is a healthy head.	सेहत अच्छी होगी तो मन खुश होगा मन खुश होगा तो ज़िंदगी अपने आप खुशहाल होगी।
Здоровое тело – здоровый и ясный ум.	A healthy body is a healthy head.	शरीर को अच्छे स्वास्थ्य में रखना एक करतव्य है, अन्यथा हम अपने दिमाग को मजबूत और स्पष्ट नहीं रख पाएंगे।
Врач, исцели себя сам.	Physician heal thyself.	डॉक्टर, अपने आप को चंगा
Дурака учить – что горбатого лечить.	You can't wash charcoal white.	मूर्ख को पढ़ाना कुबड़े के इलाज के समान है।
Жизнь коротка, искусство вечно.	Art is long, life is short.	जान है तो जहाँ है!
Здоровье – настоящее богатство, не куски золота и серебра.	Health is wealth.	स्वास्थ्य ही असली धन है। सोने-चाँदी के टुकड़े नहीं स्वास्थ्य ही धन है
Зажила рана, а все рубец остается.	Even the healed wound has a scar.	अच्छे स्वास्थ्य को बनाए रखना सभी का पराथमक उद्देश्य होना चाहिए।
Здоров как бык.	A cat has nine lives.	एक बैल के रूप में स्वस्थ।
Любовь и кашель не спрячешь.	Love and cough cannot be hidden.	प्यार हमें बेहतर इंसान बनाता है।
Не навреди!	Physicians kill more than they cure.	भविष्य का डॉक्टर कोई दवा नहीं देगा बल्कि अपने मरीज को मानव शरीर की देखभाल, आहार और बीमारी के कारण और रोकथाम के बारे में निर्देश देगा।
Промедление смерти подобно.	Procrastination is the thief of time.	Il est trop tard de délibérer, quand l'ennemi est aux portes.
Родиться под счастливой звездой.	To be born with a silver spoon in one's mouth.	जसिके पास स्वास्थ्य है उसके पास आशा है, और जसिके पास आशा है उसके पास सब कुछ है।
Слепой не судит о цвете.	A blind man can judge no colours.	एक अंधा व्यक्ति रंग का न्याय नहीं करता है।
Сон – лучшее лекарство. Сон – бальзам. Высписься – помолодеешь.	Without sleep, no health.	स्वस्थ नींद स्वस्थ शरीर
У кого что болит, тот о том и говорит.	To bear one's heart on one's sleeve. What the heart thinks, the mouth speaks.	हर कोई अपनी बीमारियों के बारे में बात करता है
Умеренность – мать здоровья. Свою болезнь ищи на дне тарелки. Здоровье близко: ищи его в миске. Не в меру еда – болезнь и беда.	To lengthen your life, lessen your meals. Diseases are the interests of pleasures.	संयम स्वास्थ्य की जननी है। यदि आप बहुत कुछ खाते हैं, तो आप स्वस्थ नहीं होंगे।

«Болезнь находит, где тело слабее»); практическая деятельность врача («Сильнодействующие лекарства в руке неопытного, как меч в правой руке безумного», «Закрытую рану лечить трудно»).

Каждый блок медицинских паремий отражает самобытность исследуемых культур сквозь призму изложения мировой мудрости в области медицины. Паремии первого блока позволяют задуматься о том, как правильно укреплять свое здоровье, заботиться о его сохранении («Ешь хрен едуч и будешь живуч. Кто встал до дня, тот днем здоров» (Бекишева, Соколова, Александрова 2022, с. 55)); в паремиях второго блока находим практические советы долголетия и ментального здоровья, вполне применимые и в наши дни («В труде разгадка долголетия», «Наслаждайся жизнью, пока живешь», «Радость молодит – горе старит» (Бекишева, Соколова, Александрова 2022, с. 67)). Отметим, что в паремиях третьего блока мы сосредоточили внимание не только на значении «Здоровье и медицина» в целом, но взяли во внимание изучение анатомической лексики, учитывая медицинскую направленность аудитории. Поэтому в третьем блоке также собраны паремии, в которых названы органы человека или части тела (для отработки лексического материала), при этом паремии часто теряют связь с темой «Здоровье и медицина» («В одно ухо впустить, а в другое – выпустить», «За чужой щекой зуб не болит», «Сердцу не прикажешь», «Люди больше доверяют глазам, чем ушам», «Родиться под счастливой звездой», «Где мило – там глаза, где больно – там рука», «Язык за зубами держать») (Бекишева, Соколова, Александрова 2022, с. 85–110)). Таким образом, паремии третьего блока, описывая жизненные ситуации, часто становятся метафорическими.

В процессе исследования медицинских паремий была предпринята попытка их унификации и определения соответствия в исследуемых языках (русский, английский, язык хинди). Результатом послужило создание сводной таблицы наиболее распространенных во всех трех языках медицинских паремий о здоровье и медицине, являющихся при этом эквивалентными друг другу. Полная версия таблицы представлена в «Медицинском паремиологическом словаре» (Бекишева, Соколова, Александрова 2022). В таблице приведены некоторые примеры.

При сравнительном анализе медицинских паремий мы обнаружили, что не все единицы имеют близкое (дословное) соответствие в других языках, но при этом имеют одинаковый смысл, который при переводе передается совершенно разными словами, что объясняется индивидуальностью развития каждого народа. Эквивалент же отображает возможность передачи конкретной паремии на переводимый язык, при этом некоторые соответствия уже не относятся к теме «Здоровье и медицина» в своем родном языке, в силу невоз-

можности абсолютной эквивалентности языков. Именно поэтому в сводной таблице имеются варианты полных и частичных эквивалентов, при этом сравниваемые выражения расходятся с исходными изречениями по объему значения, сфере употребления, оценочным коннотациям. Таким образом, в некоторых случаях теряется связь с медицинской тематикой, но сохраняется та же смысловая нагрузка (Бекишева, Соколова, Александрова 2022, с. 7). Так, в качестве эквивалентов иногда привлекались пословицы и поговорки, не обладающие высокой употребительностью в живом языке, но известные по фольклорным, литературным и лексическим источникам (Александрова, Соколова 2021, с. 5–15). О них следует помнить при решении вопроса о возможности непосредственного использования того или иного эквивалента при переводе в работе с билингвальными студентами. В остальных случаях наблюдается почти полное совпадение как значения, так и языковой формы сравниваемых языков.

Заключение

В концептуальном пространстве медицинские паремии отражают национальную специфику в отношении различных ситуаций: советы по лечению, средства лечения и профилактики, наставления и правила образа жизни, симптомы болезни, реакции на болезнь, защитные реакции организма. При этом, анализируя вербальные фрагменты медицинских паремий, была выявлена лексическая объективация всех трех выделенных блоков медицинских паремий. Это подтверждает коммуникативную релевантность медицинских паремий для языкового сознания народа, обобщая исторический и культурный опыт народа, отражая ментальные стереотипы и особенности восприятия мира.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий показал, что эквивалентность идиоматичных единиц разных языков не является абсолютной. Достаточное количество паремий не имеет близких соответствий в других языках, но имеют одинаковый смысл, отражая культуру и ценностные качества людей, говорящих на этом языке. Сравнительно-сопоставительный анализ медицинских паремий может представить собой ценный источник информации для медиков, лингвистов, культурологов и всех, кто интересуется историей и культурой своего народа и его представлениями о здоровье и болезни.

Медицинские паремии являются результатом когнитивной деятельности многочисленных предшественников разных народностей, на основании чего можно считать это явление коллективным научным достоянием, достойным изучения на билингвальных факультетах медицинских вузов через сравнительно-сопоставительный анализ с целью погружения в язык принимающей стороны.

Материалы исследования

Бекишева, Соколова, Александрова 2022 – *Бекишева Е.В., Соколова Ю.А., Александрова Е.В.* Медицинский паремиологический словарь. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 140 с. ISBN 978-5-4497-1888-4.

Бухтоярова 2010 – *Бухтоярова Г.Ю.* Отображение феноменов болезней и здоровье в русской языковой картине мира: специальность 10.02.01 «Русский язык»: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 257 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19236189>. EDN: <http://elibrary.ru/qeypaf>.

Библиографический список

Alyoshin, Zinovieva 2021 – *Alyoshin A., Zinovieva E.* Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // *Scandinavian Philology*. 2021. Vol. 19, no. 2. P. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>. URL: <https://scandphil.spbu.ru/wp-content/uploads/2022/03/Alyoshin-A.-Zinovieva-E.-Woman-girl-and-wife-in-Swedish-and-Russian-comparative-paremias.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48279246>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cboezm>.

Александрова, Соколова 2021 – *Александрова Е.В., Соколова Ю.А.* Пословицы, поговорки и языковые афоризмы о здоровье и физическом состоянии человека как выражение самобытности культуры народов в области медицины // *The Scientific Heritage*. 2021. № 77–4 (77). С. 33–36. DOI: <http://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-77-4-33-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjemjv>.

Арутюнова 2000 – *Арутюнова Н.Д.* Введение. Наивные размышления о наивной картине мира // *Язык о языке* / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 7–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28970550>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yjzalf>.

Арутюнова, Красухин, Гринцер 2000 – *Язык о языке* / Н.Д. Арутюнова, К.Г. Красухин, Н.П. Гринцер [и др.]; под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000. 624 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072994>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdqqr>.

Бекишева, Барбашева 2022 – *Бекишева Е.В., Барбашева С.С.* Репрезентация концептуального пространства «боль» в общеупотребительном языке и в медицинской терминологии // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. № 9 (172). С. 114–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49878812>. EDN: <http://elibrary.ru/mlfovuv>.

Бредис, Димогло, Ломакина 2020 – *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>. URL: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/23581>.

Будаева 2018 – *Будаева Ц.Л.* Обоснование непереводаемости паремий (на примере перевода бурятских паремий на английский язык) // *Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора П.П. Дашинимаевой, Улан-Удэ – Байкальская Ривьера, 28–30 июня 2018 года. Улан-Удэ - Байкальская Ривьера: Бурятский государственный университет, 2018. С. 268–274. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36316124>. EDN: <http://elibrary.ru/yltwpz>.*

Болокова 2007 – *Болокова Н.К.* Культурные аксиомы концепта «врач/медик» // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2007. № 5 (23). С. 41–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11992702>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kclivr>.

Демьянков 1999 – *Демьянков В.З.* Ю.С. Степанов. Язык и метод. К современной философии языка. Москва: Языки русской культуры, 1998. 784 с. // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 1999. № 4. С. 232–238. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42452087>. EDN: <http://elibrary.ru/qqiqwb>.

Гасанова 2019 – *Гасанова М.А.* Паремии как объект лингвистических исследований // *Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования*. 2014. № 3. С. 22–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22499394>. EDN: <http://elibrary.ru/rbdcdt>.

Дэн 2019 – *Дэн Л.* Паремии как форма отражения концепта «болезнь» в русском языке // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. Москва: Московский художественно-промышленный институт, 2019. С. 234–240. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38540059>. EDN: <http://elibrary.ru/zysdjv>.*

Ковшова 2019 – *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры: монография. Москва: Ленанд, 2019. 396 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38226723>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bkrgsm>.

Комова, Ломакина 2019 – *Комова Д.Д., Ломакина О.В.* Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2019. № 3 (103). С. 78–86. DOI: <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.011>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ampsev>.

Логачева, Анохина 2021 – *Логачева Е.В., Анохина А.Я.* Отражение концепта «врач» в паремиях русского народа // *Мультилингвизм как социальный контекст языка: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по итогам работы*

Всероссийской национальной научной конференции с международным участием, Армавир, 27–28 мая 2021 года / науч. ред.: Л.В. Чернова, О.А. Дорофеева; отв. ред.: Д.А. Ковальчук, Я.С. Никульникова. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2021. С. 92–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46612583>. EDN: <http://elibrary.ru/iaxvnl>.

Маджаева 2010 – Маджаева С.И. Вербализация концепта «ВРАЧ» – лингвокультурный и когнитивный аспекты // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95), вып. 8. С. 152–156. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/50426>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22985457>. EDN: <http://elibrary.ru/tiztoj>.

Мокиенко 2011 – Мокиенко В.М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума к 90-летию со дня рождения В.П. Жукова. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 33–41.

Павлова, Осейн 2020 – Павлова И.В., Осейн Д.О. Актуализация темы материнства и статуса женщины в изучении русского языка с иностранными студентами медицинского университета (в сравнительно-сопоставительном анализе национальных паремий) // Онкология – XXI век: материалы XXIV Международной научной конференции по онкологии «ОНКОЛОГИЯ – XXI ВЕК», X Итало-русской научной конференции по онкологии и эндокринной хирургии, XXIV Международной научной конференции «ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ – XXI ВЕК» (онлайн), Пермь – Стамбул, 06–07 мая 2020 года. Пермь: Книжный формат, 2020. С. 126–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42967664>. EDN: <http://elibraru.ru/ybrlch>.

Соколова, Глуховская 2018 – Соколова Ю.А., Глуховская И.А. Язык медицины в концепции профессионально-ориентированного обучения русскому языку как иностранному // Язык медицины: межвуз. сб. науч. тр. Т. 6. Самара: Криптен-Волга, 2018. С. 133–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37114503>. EDN: <http://elibrary.ru/yztgxb>.

Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с. URL: <https://djvu.online/file/qB9P7bDqWeB0s>.

References

Alyoshin, Zinovieva 2021 – Alyoshin A., Zinovieva E. (2021) Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremiology. *Scandinavian Philology*, vol. 19, no. 2, pp. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>. Available at: <https://scandphil.spbu.ru/wp-content/uploads/2022/03/Alyoshin-A.-Zinovieva-E.-Woman-girl-and-wife-in-Swedish-and-Russian-comparative-paremiology.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48279246>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cboezm>.

Aleksandrova, Sokolova 2021 – Aleksandrova E.V., Sokolova Y.A. (2021) Proverbs, sayings and linguistic aphorisms about human health and physical condition as an expression of the nation's culture identity in the field of medicine. *The Scientific Heritage*, no. 77–4 (77), pp. 33–36. DOI: <http://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-77-4-33-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjemjv>. (In Russ.)

Arutyunova 2000 – Arutyunova N.D. (2000) Introduction. Naive reflections on a naive worldview. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Language about language*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 7–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28970550>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yjzalf>. (In Russ.)

Arutyunova, Krasukhin, Grintser 2000 – Arutyunova N.D., Krasukhin K.G., Grintser N.P. [et al.] (2000) Language about language; N.D. Arutyunova (Ed.). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 624 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072994>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdqrr>. (In Russ.)

Bekisheva, Barbasheva 2022 – Bekisheva E.V., Barbasheva S.S. (2022) Representation of the conceptual space «pain» in the commonly used language and medical terminology. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 9 (172), pp. 114–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49878812>. EDN: <http://elibrary.ru/mlfov>. (In Russ.)

Bredis, Dimoglo, Lomakina 2020 – Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. (2020) Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>. Available at: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/23581>. (In Russ.)

Budaeva 2018 – Budaeva Ts.L. (2018) Untranslatability or relative translatability of paremic units (on the example of Buryat-into-English translation). In: *Language-culture, thinking-cognition. Integrative research: proceedings of the international research and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences, professor P.P. Dashinimaeva, Ulan-Ude – Baikal Riviera, June 28–30, 2018*. Ulan-Ude – Baikal Riviera: Buryatskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 268–274. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36316124>. EDN: <http://elibrary.ru/yltwpz>. (In Russ.)

Bolokova 2007 – Bolokova N.K. (2007) Cultural axioms of the concept «doctor/medic». *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 5 (23), pp. 41–44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11992702>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kclivr>. (In Russ.)

Demiankov 1999 – Demiankov V.Z. (1999) Stepanov Y.S. Language and method. Towards modern theory of language. Moscow, 1998. 784 p. *Bulletin Russian Foundation for the Humanities*, no. 4, pp. 232–238. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42452087>. EDN: <http://elibrary.ru/qqiqwb>. (In Russ.)

Gasanova 2019 – *Gasanova M.A.* (2019) Paremia as an object of linguistic research. *Herald of Dagestan Scientific Center*, no. 3, pp. 22–29. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22499394>. EDN: <http://elibrary.ru/rbdcdt>. (In Russ.)

Dan 2019 – *Dan L.* (2019) Paroemias as a form of reflection of the concept of «disease» in the Russian language. In: *The image of the Motherland: content, formation, updating: proceedings of the III International scientific conference, Moscow, April 19, 2019*. Moscow: Moskovskiy khudozhestvenno-promyshlennyy institut, pp. 234–240. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38540059>. EDN: <http://elibrary.ru/zysdjr>. (In Russ.)

Kovshova 2019 – *Kovshova M.L.* (2019) The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. Anthropomonal culture code: monograph. Moscow: Lenand, 396 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38226723>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bkrgsm>. (In Russ.)

Komova, Lomakina 2019 – *Komova D.D., Lomakina O.V.* (2019) Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: interpretation (on the material of the Russian language). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (103), pp. 78–86. DOI: <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.011>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ampsev>. (In Russ.)

Logacheva, Anokhina 2021 – *Logacheva E.V., Anokhina A.Ya.* (2021) Reflection of the concept «doctor» in the paremias of the Russian people. In: *Chernova L.V., Dorofeeva O.A. (eds.) Multilingualism as a social context of language: problems and prospects: collection of scientific articles on the results of the All-Russian national scientific conference with international participation, Armavir, May 27–28, 2021; responsible editors D.A. Kovalchuk, Ya.S. Nikulnikova*. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 92–98. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46612583>. EDN: <http://elibrary.ru/iaxvnl>. (In Russ.)

Madzhaeva 2010 – *Madzhaeva S.I.* (2010) Verbalization of concept «physician» – lingvocultural and cognitive aspects. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanitarian sciences*, no. 24 (95), issue 8, pp. 152–156. Available at: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/50426>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22985457>. EDN: <http://elibrary.ru/tiztoj>. (In Russ.)

Mokienko 2011 – *Mokienko V.M.* (2011) Proverb and saying: from terminological pluralism to unification. In: *Literary and dialectal phraseology: history and development (Fifth Zhukovsky readings): proceedings of the International scientific symposium dedicated to the 90th anniversary of V.P. Zhukov's Birth*. Veliky Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet im. Yaroslava Mudrogo, pp. 33–41. (In Russ.)

Pavlova, Osein 2020 – *Pavlova I.V., Osein D.O.* (2020) Actualization of the topic of motherhood and status of a woman during study of the Russian language by foreign students at medical university (comparative analysis of national paremias). In: *Oncology – XXI century: proceedings of the XXIV International scientific conference on Oncology «ONCOLOGY – XXI CENTURY», X Italian-Russian scientific conference on oncology and endocrine surgery, XXIV International scientific conference «National health – XXI century» (online), Perm – Istanbul, May 06–07, 2020*. Perm: Knizhnyy format, pp. 126–130. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42967664>. EDN: <http://elibraru.ru/ybrlex>. (In Russ.)

Sokolova, Glukhovskaya 2018 – *Sokolova Yu.A., Glukhovskaya I.A.* (2018) Language of Medicine in the Concept of Professionally Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language. In: *Language of medicine: Interuniversity collection of scientific papers. Vol. 6*. Samara: Kripten-Volga, pp. 133–137. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37114503>. EDN: <http://elibrary.ru/yztgxb>. (In Russ.)

Teliya 1996 – *Teliya V.N.* (1996) Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 285 p. Available at: <https://djvu.online/file/qB9P7bDqWeB0s>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-112.2

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 18.02.2025
принятия: 02.06.2025**Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке:
обзор основных направлений и понятий****Д.С. Борисова**Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: borisova.d.s@my.mgimo.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4709-3959>

Аннотация: На протяжении последних десятилетий изучение интернет-языка представляет собой значительный интерес для лингвистов, что объясняется ростом популярности социальных сетей и появлением новых форм коммуникации с помощью информационных технологий. В связи с непрекращающимся вниманием к данному направлению особую актуальность приобретает необходимость анализа уже существующей литературы с целью выявить направления и трудности, с которыми сталкиваются исследователи. В рамках этой работы представлен анализ основных исследовательских направлений в сфере интернет-лингвистики как в России, так и за рубежом. При этом были поставлены такие задачи как изучение историографии интернет-лингвистики и выделение основных терминов понятийного аппарата данного направления науки о языке. Предмет исследования был определен как интернет-лингвистика. В рамках исследования были рассмотрены работы на русском и английском языках, направленных на изучение интернет-коммуникации и интернет-языка. Результаты исследования показали, что за сравнительно короткий срок интернет-лингвистика как самостоятельное направление представлена значительным количеством публикаций, посвященных вопросам определения понятий интернет-коммуникации и интернет-языка, выделения их характерных черт – более предметному рассмотрению отдельных аспектов интернет-языка или применению интернет-технологий к изучению языка в целом и практического применения лингвистических знаний в интернет-среде. Несмотря на большое число работ в рамках данного направления, понятийный аппарат в интернет-лингвистике остается не до конца сформированным и крайне вариативным, что подчеркивает необходимость дальнейшего углубленного изучения и разработки теоретической базы данного направления.

Ключевые слова: интернет-лингвистика; интернет-язык; интернет-коммуникация; русский язык; английский язык; китайский язык; лингвистика; историография.

Цитирование. Борисова Д.С. Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 228–236. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-228-236>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Борисова Д.С., 2025

Дарья Сергеевна Борисова – преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков, МГИМО МИД России – Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 16.01.2025
Revised: 18.02.2025
Accepted: 02.06.2025**Internet linguistics as an independent field of the study of language:
review of main directions and concepts****D.S. Borisova**MGIMO University, Moscow, Russian Federation
E-mail: borisova.d.s@my.mgimo.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4709-3959>

Abstract: Over the recent decades the study of Internet language has been of considerable interest to linguists, which is explained by the growing popularity of social networks and the emergence of new forms of communication with the use of information technology. With this considerable interest the need to analyze existing literature in order to identify the directions and difficulties that researchers face is particularly relevant. This work presents an analysis of the main research areas in the field of Internet linguistics present both in Russia and other countries. In order to do this the goals of this paper include studying the history of Internet linguistics and identifying the main terms of this field. The subject of the study is defined as Internet linguistics. The study examined works in Russian and English aimed at studying Internet communication and Internet language. The results of the study showed that in a relatively short period of time, Internet linguistics as an independent field has acquired a significant number of works, including both theoretical issues

of defining the concepts of Internet communication and Internet language, as well as highlighting their characteristic features, and a more substantive analysis of individual aspects of Internet language or the use of Internet technologies to study language in general as well as practical application of linguistic knowledge in the Internet. Despite the large number of works within this field, the terms in Internet linguistics still lack definition which has been accepted by the majority of researchers and is extremely variable, which emphasizes the need for further in-depth study and development of the theoretical basis of this direction.

Key words: Internet linguistics; Internet language; Internet communication; Russian language; English language; Chinese language; linguistics; historiography.

Citation. Borisova D.S. Internet linguistics as an independent field of the study of language: review of main directions and concepts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 228–236. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-228-236>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Borisova D.S., 2025

Daria S. Borisova – lecturer of the Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao and Khmer Languages, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Изучение интернет-языка, или интернет-лингвистика, представляет собой относительно молодую ветвь языковых исследований. Связано это, в первую очередь, с тем, что сами инструменты компьютерно-опосредованной коммуникации (как называет общение с применением интернет-технологий Дэвид Кристал [Crystal 2001]) были изобретены меньше века назад: первый компьютер (как вычислительный аппарат) был разработан в 1934 году [Гайнулин 2016], в то время как в массовое производство компьютеры поступили к 1980-м гг. Что касается Интернета, то он появился еще позже: первая сеть ARPAnet была представлена публике в 1972 году, но так же, как и с компьютером, широкой аудитории сеть Интернет стала доступна значительно позже, в 1995 году, когда она перешла от государственного управления под контроль коммерческих компаний.

Таким образом, сеть Интернет стала относительно общедоступна не более 30 лет назад. Тем не менее за этот период времени она дала толчок к зарождению большого числа новых научных дисциплин, к которым относят и интернет-лингвистику. Данная обзорная работа нацелена на изучение основных направлений в области интернет-лингвистики в России и за рубежом. Предмет исследования определен как интернет-лингвистика, а объект – как основные направления и терминология данного направления науки о языке. Для выполнения этой цели автором были поставлены следующие задачи:

- определить начало исследования интернет-языка и появления термина «интернет-лингвистика»;
- рассмотреть основные направления исследований в этой области и выделить их общие характеристики;
- выделить основные термины, которые встречаются в рамках данного направления.

Актуальность данной темы связана с тем, что в настоящее время интернет-язык в связи с бурным развитием социальных сетей и внедрением инновационных способов общения с использованием

информационных технологий стал неотъемлемым элементом повседневной жизни многих людей по всему миру. Это может привести к тому, что в будущем интернет-коммуникация станет повсеместной и сделает характерные черты интернет-языка применимыми и для других форматов и стилей общения (что уже частично наблюдается в устной речи). Помимо этого, можно отметить, что активно распространяющиеся за последние годы нейросети при выполнении своих задач активно пользуются интернет-ресурсами, которые во многом ориентируются на интернет-язык.

В рамках данной статьи для решения первой задачи автор ориентировался на самые первые исследования, которые были нацелены на изучение интернет-коммуникации или интернет-языка. Для решения второй и третьей задач автор рассматривал спектр работ, доступных к прочтению в библиотеках или сети Интернет, где в список ключевых слов входили «интернет-язык» или «интернет-лингвистика», а также их вариации.

Интернет-лингвистика как самостоятельное направление

Во многих работах указывается, что термин «интернет-лингвистика» был принят в 2000-х гг., когда известный британский лингвист Дэвид Кристал первым выделил отдельную область лингвистических исследований, которая и получила это название. В ходе встречи с Американской ассоциацией по развитию науки в феврале 2005 г. он описал данную дисциплину как область языковых исследований, занимающуюся изучением новых языковых форм, которые применяются в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации [Crystal 2005].

Однако важно отметить, что существует немало примеров более ранних публикаций, которые затрагивали темы интернет-языка и интернет-коммуникации в контексте языкознания в целом. Например, в статье *The Future of English*, опубликованной в 1997 году, Граддол поддержал идею создания нового электронного дискурса как отличного от существовавших до сих пор форма-

та коммуникации. Хотя в его работе акцент сделан на общих тенденциях развития английского языка (в особенности на статусе английского языка как *lingua franca*), тем не менее он много раз упоминает английский язык в связке с сетью Интернет: («Является ли Интернет электронным первопроходцем мирового английского языка?» [Graddol 1997, с. 3]). Он отмечал, что английский язык «... получил новые электронные формы...» [Graddol 1997, с. 7].

Еще раньше, в 1996 г., был опубликован сборник статей под редакцией С. Херринг «Computer-Mediated Communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives» [Herring 1996]. Там были представлены работы, которые определяли понятие интернет-коммуникации или интернет-языка, и статьи по таким темам, как изучение компьютерных сообществ [Kollock 1996] и влияние коммуникации в сети Интернет на межкультурное общение на примере студенческого сообщества [Ma 1996].

Исследования в сфере интернет-лингвистики ведутся не только в западных странах. В частности, А.Н. Сбоев в диссертационном исследовании отмечает, что в китайской научно-исследовательской литературе тема интернет-языка, а также сам термин «*интернет-лингвистика*» появились в 2000 г., когда Хай Чжун опубликовал работу «Новейшая отрасль науки о языке – интернет-лингвистика» [Сбоев 2018, с. 6]. В качестве примера российских исследований на тему интернет-языка можно привести диссертационное исследование Е.Н. Галичкиной «Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций» [Галичкина 2001]. Данная работа является первым исследованием, в котором рассмотрены понятие и характеристики компьютерного дискурса в русском языке. Во многом ее можно считать основополагающей работой по этой теме, опубликованной в России.

Таким образом, исследователи впервые обратили внимание на изменения, происходящие с языком под влиянием сети Интернет, во второй половине 1990-х гг, однако особую популярность данная тема приобрела в начале 2000-х гг., когда началась разработка понятийного аппарата. Можно отметить, что исследования проводились параллельно в нескольких странах мира, преимущественно с развитой технологической базой, что позволяло применять компьютерные и интернет-технологии не только в целях обороны и научных исследований (как это было изначально при их разработке), но и в личных целях. Это создало новый вид дискурса, одним из названий которого является *компьютерный*, что, в свою очередь, стало стимулом для исследователей со всего мира заняться изучением этой темы и расширить границы научного знания, дополнив его новым направлением.

В дальнейшем, исследования в рамках интернет-лингвистики пошли по нескольким направлениям, которые возникали параллельно в нескольких стра-

нах, и за 30-летний период исследователи представили сотни работ по десяткам частных направлений.

Интернет-коммуникация

Одним из первых вопросов, который поставили исследователи языка интернет-коммуникации, было изучение среды, в которой он используется. Еще Граддол отмечал, что сеть Интернет влияет на изменения, которые происходят в английском языке [Graddol 1997]. Таким образом, эта сфера стала одной из основных в исследованиях этой тематики.

Интернет-коммуникация, или компьютерно-опосредованная коммуникация, которая может также иметь другие наименования, (что представляет собой вариации одного и того же понятия, а именно среды общения в сети Интернет) были объектом исследования в работах Е.И. Галичкиной [Галичкина 2012], П.Е. Кондрашова [Кондрашова 2004], Д. Кристала, Н. Янковски [Jankowski 2004], Д. МакМахана, Дж. Чесebro и П. Рассетта [Chesebro 2015].

При анализе литературы автор столкнулся с проблемой концептуализации понятий в интернет-лингвистике. Несмотря на то, что они во многом совпадают, каждый исследователь старается привнести новые акценты в изучение интернет-языка и интернет-коммуникации. Об этой проблеме писала Е.Н. Галичкина в своем диссертационном исследовании. Она отмечала, что «конститутивные признаки компьютерного дискурса еще не определены», а также то, что «типы и жанры компьютерного дискурса освещены в лингвистической литературе недостаточно» [Галичкина 2001, с. 15].

Согласно Дэвиду Кристалу, компьютерно-опосредованная коммуникация (этот термин в последние годы стали чаще заменять на интернет-коммуникацию) в значительной степени отличается как от разговорной, так и от письменной речи. Компьютерно-опосредованная коммуникация не требует немедленного ответа или реакции, а также дает возможность вести беседу сразу с несколькими людьми [Crystal 2005]. В то же время в отличие от письменной речи интернет-коммуникация динамична и обладает характеристикой гипертекстуальности, которая понимается как возможность нелинейного прочтения текста, выхода за рамки ограничений текстового жанра, формата и типа. Таким образом, были выделены основные отличия компьютерно-опосредованной коммуникации от других видов речи. Дэвид Кристал в своих работах анализирует компьютерно-опосредованную коммуникацию через дихотомию устной и письменной речи, утверждая, что компьютерно-опосредованная коммуникация представляет собой отдельный, формирующийся вид коммуникации.

Однако есть также исследования, которые рассматривают данный формат коммуникации не только через призму письменной/устной речи, но и через сопоставление характеристик формального и неформального стиля. МакКалоч писала, что особенностью неформального стиля общения яв-

ляется его особый акцент на достижениях, в первую очередь, коммуникационной задачи, а именно передачи информации. В результате, данная область тяготеет к использованию более кратких лексических форм и упрощенных грамматических конструкций [McCulloch 2020, p. 12]. Как следствие, можно сделать вывод о том, что компьютерно-опосредованная коммуникация – это не только совокупность разговорной и письменной речи или новый формат коммуникации, который возник в результате сочетания этих элементов [McCulloch 2020, p. 12]. Он также является объединением неформального стиля и письменного формата коммуникации [McCulloch 2020, p. 15].

Помимо сравнения интернет-коммуникации с другими коммуникативными формами, исследователи также делали акцент на ее специфических характеристиках. Например, Е.Н. Галичкина выделяет следующие характеристики: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) виртуальность; 3) дистантность, т. е. разделенность в пространстве и во времени; 4) опосредованность (осуществляется с помощью технического средства); 5) высокая степень проницаемости; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность компьютерных текстов; 8) преимущественно статусное равноправие участников; 9) передача эмоций, мимики, чувств с помощью «смайликов»; 10) комбинация различных типов дискурса; 11) специфическая компьютерная этика [Галичкина 2001, с. 73–74].

Другие признаки, которые выделил А.Б. Кутузов, включают в себя иллюзивность, мультимедийность, практическую непосредственность или сетевую структуру, а также устно-письменный характер коммуникации [Кутузов 2006, с. 13–14]. Таким образом, можно заметить, что он поддерживает точку зрения Г. МакКалоч о том, что интернет-коммуникация является сочетанием устной и письменной речи, а не полностью новой формой коммуникации [McCulloch 2020].

В целом можно отметить, что исследователи интернет-коммуникации и интернет-дискурса подчеркивают, что существует большое число вариаций общения с использованием современных информационных технологий, которые ведут к тому, что становится крайне сложно выделить характеристики, относящиеся сразу ко всем формам интернет-коммуникации. Этот факт, несомненно, затрудняет исследования в данной области. Тем не менее, несмотря на различие в терминологии и выделяемых признаках, все же возможно выделить основные: динамичность и анонимность (в большинстве случаев), гипертекстуальность и интерактивность. Помимо этого, лингвисты выделяют цифровой/электронный канал общения, объединение различных типов дискурса и дистантность. Данные особенности также учитываются и при анализе интернет-языка.

На сегодняшний день интернет-коммуникацию рассматривают как гибрид устной и письменной, формальной и неформальной речи, что приводит

к зарождению новой, отличной от привычных, формы общения, которая находит свое проявление только в сети Интернет.

Интернет-язык

Второе направление интернет-лингвистики предусматривает анализ отдельного языка и особенностей его применения в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации. Исследования подобного рода, в первую очередь, проводятся с целью изучения особенностей родного языка в рамках интернет-коммуникации, большинство из которых посвящены анализу английского интернет-языка. Это связано с тем, что английский язык является самым распространенным и широко используемым языком компьютерной коммуникации. Основными исследователями в этой области можно считать Д. Кристала [Crystal 2001], Г. МакКалоч [McCulloch 2020], К. Ли и Д. Бартона [Lee, Barton 2012]. Важно подчеркнуть, что обсуждаемые труды, хотя и были написаны на английском языке и преимущественно анализировали данные именно этого языка, тем не менее, рассматривали интернет-язык как общее понятие и зачастую не делали акцент на том, что результаты исследования могут быть применены только к английскому языку. К тому же, как показал анализ научной литературы, многие из представленных ими характеристик и определений интернет-языка также применимы и упоминаются исследователями, которые публиковали свои труды на других языках, в частности, на русском: М. Кронгауз [Кронгауз 2019], О.В. Дедова [Дедова 2010], П.В. Морослин [Морослин 2009], В.Н. Тюленева и И.А. Шушарина [Тюленева, Шушарина 2018].

Вторым по объему применения в сети Интернет является китайский язык, поэтому неудивительно, что работы по данному языку вызывают большой интерес в лингвистических кругах. Одной из публикаций на тему китайского интернет-языка является статья «Исследование интернет-языка в Китае» [Chen 2022], описывающая историографию интернет-лингвистики. Особое внимание авторы уделили анализу и выделению основных тенденций в развитии научных исследований по данной проблематике. Помимо этого, можно упомянуть таких исследователей как Чжан И [Zhang 2019], Сунь Юань [Sun 2019]. Существует также большое число работ по китайскому интернет-языку, написанных российскими лингвистами: А.Н. Сбоев (Сбоев 2018), О.О. Синишина [Синишина 2014], Т.А. Урывская [Uryvskaya 2020] и др.

В вышеупомянутых работах, как правило, отражаются отдельный элемент или характеристика китайского языка, применяемые в сети Интернет, например, Сунь Юань пишет об использовании эмодзи и о том, как они могут послужить заменой иероглифам, в то время как в своем диссертационном исследовании А.Н. Сбоев фокусируется на лексике китайского интернет-языка.

Говоря об изучении русского интернет-языка, также стоит отметить большое число работ, на-

пример, сборник статей «Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура», где представлены доклады более 30 авторов, посвященные русскому интернет-языку [Русский язык в Интернете 2017]; статьи Г.М. Мандриковой [Мандрикова 2013]; С.А. Шумиловой [Шумилина 2022]; А.А. Сосновской [Сосновская 2010].

Помимо исследований по отдельным аспектам русского интернет-языка, также стоит отметить такой значимый труд, как «Словарь языка интернет.ру», который был составлен М.А. Кронгаузом, В.Н. Мерзляковой и Е.А. Литвин [Кронгауз 2018]. В данной работе были отражены основные неологизмы и словосочетания, которые впервые появились в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации, однако впоследствии перешли в разговорный сленг. Словарь включает список новых слов, используемых в интернет-коммуникации. Большое число исследований, описывающих русский интернет-язык, показывают широкое распространение русского языка как инструмента интернет-коммуникации. Более того, это доказывает, что интернет-язык приводит к формированию собственной лексики, которая применяется в рамках общения с помощью современных информационных технологий.

Работы по интернет-языку показали еще большую вариативность терминологии и определения основополагающих понятий, чем исследования интернет-коммуникации. В ходе изучения данного вопроса автор статьи столкнулся с 8 терминами в русском языке и 12 в английском языке, которые применялись для обозначения интернет-языка. При этом не все исследователи давали непосредственное определение данному понятию.

Дэвид Кристал квалифицирует интернет-язык как новую разновидность языка, сравнимую с жаргоном или региональным диалектом. При этом он отмечает, что многие лингвисты определяют интернет язык как совокупность характеристик разговорной и письменной речи, что, по его мнению, не является корректной формулировкой, поскольку разные коммуникационные платформы в интернете придают различные характеристики языку, который используется в процессе общения. Таким образом, правильнее говорить не о появлении одной разновидности интернет-языка, а о формировании ряда языковых разновидностей, которые применяются в каждой отдельно взятой ситуации компьютерно-опосредованной коммуникации так же, как это происходит с письменной и разговорной речью, где возникают различия в языковых нормах в зависимости от ситуации и статуса собеседника.

О.В. Дедова писала, что язык в рамках интернет-коммуникации представляет собой «функциональную систему, обладающую рядом характерных особенностей» [Дедова 2010, с. 25], а также «совокупное обозначение многообразных сдвигов (речевых, текстовых, коммуникативных, семиотических), обусловленных распространением электронной сетевой коммуникации» [Дедова 2010, с. 37].

Важно отметить, что не все исследователи согласны считать интернет-язык языком. В частности, А.Н. Сбоев в диссертационном исследовании подчеркивает, что интернет-язык не подходит под определения языка, сленга или стиля, поэтому правильнее будет его воспринимать как дискурс [Сбоев 2018].

Данная точка зрения имеет свои основания, особенно в силу того, что многие исследователи не делают различия между интернет-дискурсом и интернет-языком, а иногда даже и между интернет-языком и интернет-коммуникацией. При этом, если проанализировать работы по тематике интернет-языка в целом, можно заметить, что основными характеристиками, которые изучаются в рамках исследования интернет-языка, являются его лексические и грамматические особенности. Большая часть работ по анализу сетевого языка опираются именно на данные аспекты, поскольку они легко выделяются на фоне письменного текста и считаются первыми и основными изменениями, которые происходят с языками в процессе интернет-коммуникации.

Прикладная интернет-лингвистика

Прикладная интернет-лингвистика, или исследования, которые направлены на реализацию задач по использованию языка или обработке языка для достижения отдельной коммуникативной задачи, были, как можно заключить из анализа литературы, предложены в последнюю очередь. Связано это с тем, что в начальный период развития компьютерной коммуникации и, как следствие, ее изучения еще не были очевидны возможности для прикладных исследований, в частности, в силу того, что некоторые инструменты и сферы взаимодействия на тот момент времени не были доступны исследователям. Здесь можно выделить несколько областей. Сразу стоит отметить, что примеры, приведенные ниже, не представляют собой все возможные примеры прикладной интернет-лингвистики, поскольку новые возможности для исследования возникают на ежедневной основе и общее число направлений невозможно подсчитать точно (в том числе из-за того, что многие из них находятся на стыке сразу нескольких дисциплин).

Первая и наиболее распространенная область прикладной интернет-лингвистики – это сфера образования, а именно применение новых коммуникационных технологий для преподавания иностранного языка. Здесь можно отметить, что интернет-язык способствует более широкому распространению данных и доступу населения к информации. Помимо этого, также существует мнение о том, что интернет-ресурсы предоставляют людям возможность ознакомиться с «аутентичными текстами» [Muiruri 2020]. В качестве примера можно привести работы Хо-Кин Тонг [Tong 2021], А.Д. Гарцова и Т.М. Балыхиной [Гарцов, Балыхина 2010], которые, хотя и рассматривают разные языки, тем не менее, описывают общие тенденции и характеристики исследования в области преподавания.

давания языка и его применения в других сферах с использованием современных информационных технологий.

В этой связи также можно выделить исследования взаимосвязи между использованием интернет-языка и уровнем креативности у пользователей сети Интернет. Первым эту тему поднял Д. Кристал. В своем выступлении он отметил, что технологии могут способствовать возникновению новых видов творчества (особенно в сфере литературы). В дальнейшем эту тему развили исследователи из Педагогического университета Центрального Китая [Zhang 2019], которые провели исследования, в которых группы пользователей должны были выполнить несколько творческих заданий (в частности, решение китайских задач чэньюй) до и после прохождения специальной программы, направленной на изучение лексики интернет-языка. Согласно результатам исследования, участники, которые чаще используют интернет-язык, быстрее решают поставленные перед ними задачи и адаптируются к ситуации. Авторы объяснили это тем, что интернет-язык (в данном случае исследовался именно китайский интернет-язык) использует больше способов и моделей словообразования, что положительно влияет на формат мышления. В то же время авторы признают, что уровень креативности нельзя повысить путем краткосрочного изучения интернет-лексики [Zhang 2019]. Данный феномен развивается постепенно и на протяжении продолжительного периода времени.

Более того, в рамках исследования потенциала новых компьютерных технологий появилась также новая область, занимающаяся сохранением редких языков, что является вторым выделяемым автором направлением прикладной интернет-лингвистики. В частности, в некоторых работах отмечается, что современные коммуникационные технологии способствуют формированию нового формата коммуникации, а именно разговорной речи, ее записи и передачи с помощью сети Интернет. В результате, сейчас уже сформированы несколько корпусов редких языков, которые состоят не из текстов, а из аудиозаписей. М. Муирури пишет, что новые коммуникационные технологии позволяют разработать ранее не изученные инструменты перевода и записи языков местных малых народов, которые находятся под угрозой исчезновения [Muiruri 2020, с. 14].

Корпусная лингвистика соприкасается с исследовательским полем интернет-лингвистики в вопросе не только сохранения редких языков, но и формирования новых корпусов языка, что

подтверждает МакКалоч, отмечая создание в современном мире нестандартизированных и постоянно пополняющихся языковых корпусов в виде социальных сетей и отдельных веб-страниц [McCulloch 2020, с. 56].

Заключение

Таким образом, исходя из проведенного анализа научной литературы, можно сделать следующие выводы. Исследования в сфере интернет-лингвистики начались в 1990-х гг. практически параллельно сразу в нескольких странах. По мере развития исследований в данной области были предложены сразу несколько направлений, которые часто пересекаются между собой. Однако в работах по интернет-лингвистике есть один общий аспект, а именно компьютерно-опосредованная коммуникация как способ общения, в рамках которого и применяется интернет-язык.

Несмотря на большое число исследований, которые, как было показано выше, отражают практически все возможные аспекты изучения как компьютерной коммуникации, так и интернет-языка, понятийный аппарат по-прежнему не определен до конца и отличается значительной вариативностью. В частности, до сих пор не существует единого определения и даже термина для обозначения языка, применяемого в сети Интернет.

Помимо отсутствия четкого понятийного аппарата необходимо подчеркнуть тот факт, что многие исследователи воспринимают интернет-коммуникацию, интернет-дискурс и интернет-язык как термины, обозначающие один и тот же феномен. Как следствие, признаки и характеристики их могут быть взаимозаменяемы в зависимости от позиции автора исследования.

В ходе анализа работ автор данной статьи принял решение определить интернет-коммуникацию как среду общения, которое реализуется через сеть Интернет и обладает такими неотъемлемыми характеристиками как дистантность и виртуальность, в то время как интернет-язык – это форма общения, которая применяется в рамках интернет-коммуникации.

В целом, поскольку область интернет-лингвистики сформировалась не более 30 лет назад, неудивительно, что большое количество вопросов и проблем еще предстоит изучить, а поскольку компьютерно-опосредованная коммуникация, как показывает практика, стала полноценной и неотъемлемой частью повседневной жизни людей, тема интернет-языка будет дальше исследоваться и сохраняет свою актуальность в ближайшие годы.

Материалы исследования

Галичкина 2001 – Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: на материале жанра компьютерных конференций: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 212 с.

Кондрашов 2004 – Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс, социологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 2004.

Кутузов 2006 – Кутузов А. Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.

Сбоев 2018 – *Сбоев А.Н.* Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018.

Библиографический список

- Chen, Shuqing, Zhang 2022 – *Chen M., Shuqing L., Zhang S.* Internet Language Studies in China // The Palgrave Handbook of Chinese Language Studies. Singapore: Springer Singapore, 2022. P. 275–296. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0924-4_17. URL: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/items/916bf46b-f399-4ef1-b685-b79bfb1bd372f/request-a-copy?bitstream=c19965a1-9570-43a0-b0b4-645c20d04cda>.
- Chesebro, McMahan, Russett 2015 – *Chesebro J., McMahan David T., Russett Preston C.* Internet Communication. Peter Lang Publishers, 2015. 400 p. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1307-9>.
- Crystal 2001 – *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p. URL: <https://irenehc89ukm.wordpress.com/wp-content/uploads/2010/02/david-crystal.pdf>.
- Crystal 2005 – *Crystal D.* The Scope of Internet Linguistics. URL: <https://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-4113.pdf>.
- Graddol 2000 – *Graddol D.* The Future of English // The British Council. 2000. URL: https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/pub_learning-elt-future.pdf.
- Herring 1996 – *Herring S.C. (ed.)* Computer-mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 1996. 324 p. URL: https://books.google.ru/books?id=NMZE8H4rX7gC&redir_esc=y.
- Jankowski 2004 – *Jankowski N.* The internet and Communication Studies. // Academy and the Internet. Peter Lang Publishers, 2004. P. 168–195. URL: https://www.researchgate.net/publication/30524227_The_internet_and_communication_studies.
- Kollock, Smith 1996 – *Kollock P., Smith M.* Managing the Virtual Commons: Cooperation and Conflict in Computer Communities // Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives / ed. by Susan Herring. Amsterdam: John Benjamins, 1996. URL: https://www.researchgate.net/publication/215643656_Managing_the_Virtual_Commons_Cooperation_and_Conflict_in_Computer_Communities.
- Lee, Barton 2013 – *Lee C., Barton D.* Language Online: Investigating Digital Texts and Practices. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2013. 224 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Language_Online.html?id=kAG9aDJXzQC&redir_esc=y.
- Ma 1996 – *Ma R.* Computer-mediated conversations as a new dimension of intercultural communication between East Asian and North American college students // Computer-Mediated Communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives / ed. by Susan C. Herring. Johns Benjamin Publishing Company, 1996. P. 173–186. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.39.14ma>.
- McCulloch 2020 – *McCulloch G.* Because Internet: Understanding The New Rules Of Language. New York: Penguin USA, 2020. 333 p. URL: <https://archive.org/details/gretchen-mc-culloch-because-internet-understanding-the-new-rules-of-language-riv/mode/2up>.
- Muiruri 2020 – *Muiruri M.* Relevance of Digital Corpus in indigenous language translation. Lorraine University; France, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/350688654_RELEVANCE_OF_DIGITAL_CORPUS_IN_INDIGENOUS_LANGUAGE_LANGUAGES_TRANSLATION_MUIRURI_Moses.
- Sun 2019 – *Sun Y.* Changes from the Internet Language to Emoji // Conference: Proceedings of the 6th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2019). URL: https://www.researchgate.net/publication/338241403_Changes_from_the_Internet_Language_to_Emoji.
- Tong, John, Gwendoline 2021 – *Tong H., John L., Gwendoline G.* Teaching Chinese as a second language: Chinese perspective // Quality in Teacher Education and Professional Development. Abington, Oxon: Routledge, 2021. 15 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003197973-16>.
- Uryvskaya, Takhtarova, Fominykh 2020 – *Uryvskaya Tatiana A., Takhtarova Svetlana S., Fominykh A.D.* Diversity of lettered words of the Chinese language in the Chinese digital media discourse // DEFIN '20: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. March 2020. Article no.: 12. P. 1–4. DOI: <http://dx.doi.org/10.1145/3388984.3389069>.
- Zhang, Chen, Li, Zhao, Zhou, Huang, Wang 2019 – *Zhang Y., Chen S., Li S., Zhao Q., Zhou Z., Huang F., Wang F.* The use of internet language enhances creative performance // The Journal of General Psychology. 2019. Vol. 148, issue 1. P. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/00221309.2019.1703628>.
- Гайнуллин, Кадомский, Яшников 2016 – *Гайнуллин Р.Ф., Кадомский А.А., Яшников А.П.* История развития вычислительной техники // Научный журнал. 2016. № 12 (13). С. 40–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-vychislitelnoy-tehniki> (дата обращения: 29.07.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27538701>. EDN: <https://elibrary.ru/xeqjgb>.
- Галичкина 2012 – *Галичкина Е.И.* Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. Москва: Флинта. Наука, 2012. С. 53–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=57981027&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/gaoroc>.
- Гарцов, Балыхина 2010 – *Гарцов А.Д., Балыхина Т.М.* Русский язык в сети как лингводидактический путь его глобализации // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 90–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-seti-kak-lingvodidakticheskiy-put-ego-globalizatsii> (дата обращения: 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=15056731>. EDN: <https://elibrary.ru/mrmqsj>.

Дедова 2010 – Дедова О.В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazyke-interneta> (дата обращения: 29.07.2024).

Кронгауз, Мерзлякова, Литвин 2018 – Кронгауз М.А., Мерзлякова В.Н., Литвин Е.А. Словарь языка интернета.ру. Москва: АСТ-Пресс. 2018. 288 с. URL: <https://archive.org/details/Slovar-yazyka-interneta-2016>.

Мандрикова 2013 – Мандрикова Г.М. Русский язык и Интернет // Народное образование. № 6 (1429). С. 275–280. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-i-internet> (дата обращения: 29.07.2024); <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2013-6/russkiy-yazyk-i-internet>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19544766>. EDN: <https://elibrary.ru/qldsdr>.

Морослин 2009 – Морослин П.В. Язык Интернета как объект лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. № 3. С. 10–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-interneta-kak-obekt-lingvisticheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=12905470>. EDN: <https://elibrary.ru/kwkrih>.

Русский язык в Интернете... 2017 – Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва: РУДН, 2017. 544 с. URL: https://www.csu.ru/faculties/Documents/Zagidullina_Russkiy_yazyk.pdf (дата обращения: 29.07.2024); <https://repository.rudn.ru/ru/recordsources/recordsource/8762>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28973529>. EDN: <https://elibrary.ru/ykasmz>.

Синишина 2014 – Синишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2014. № 3. С. 57–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-leksika-v-sovremennom-kitayskom-yazyke> (дата обращения: 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=21991129>. EDN: <https://elibrary.ru/sngaon>.

Сосновская 2010 – Сосновская А.А. Роль сленговых метафорических номинаций в интернет-общении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 25–30. URL: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/text-pdf/2024/01/7_sosnovskaya.pdf.

Тюленева, Шушарина 2018 – Тюленева В.Н., Шушарина И.А. Язык Интернета: характеристика, особенности и влияние на речь // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48). С. 20–25. URL: http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/5544/20-25_Тюленева.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

Шумилина 2022 – Шумилина С.А. Неологизмы в блогосфере публицистического дискурса Рунета // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 390–392. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-blogosfere-publitsisticheskogo-diskursa-runeta> (дата обращения: 29.07.2024).

References

Chen 2022 – Chen M., Shuqing L., Zhang S. (2022) Internet Language Studies in China. In: *The Palgrave Handbook of Chinese Language Studies*. Singapore: Springer Singapore, pp. 275–296. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0924-4_17. Available at: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/items/916bf46b-f399-4ef1-b685-b79bfb1bd372f/request-a-copy?bitstream=c19965a1-9570-43a0-b0b4-645c20d04cda>.

Chesebro, McMahan, Russett 2015 – Chesebro J., McMahan David T., Russett Preston C. (2015) Internet Communication. Peter Lang Publishers, 400 p. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1307-9>.

Crystal 2001 – Crystal D. (2001) Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 272 p. URL: <https://irenechc89ukm.wordpress.com/wp-content/uploads/2010/02/david-crystal.pdf>.

Crystal 2005 – Crystal D. (2005) The Scope of Internet Linguistics. Available at: <https://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-4113.pdf>.

Graddol 2000 – Graddol D. (2000) The Future of English. *The British Council*. Available at: https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/pub_learning-elt-future.pdf.

Herring 1996 – Herring S.C. (ed.) (1996) Computer-mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 324 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=NMZE8H4rX7gC&redir_esc=y.

Jankowski 2004 – Jankowski N. (2004) The internet and Communication Studies. In: *Academy and the Internet*. Peter Lang Publishers, pp. 168-195. Available at: https://www.researchgate.net/publication/30524227_The_internet_and_communication_studies.

Kollock, Smith 1996 – Kollock P., Smith M. (1996) Managing the Virtual Commons: Cooperation and Conflict in Computer Communities. In: *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives*, edited by Susan Herring. Amsterdam: John Benjamins. Available at: https://www.researchgate.net/publication/215643656_Managing_the_Virtual_Commons_Cooperation_and_Conflict_in_Computer_Communities.

Lee, Barton 2013 – Lee C., Barton D. (2013) Language Online: Investigating Digital Texts and Practices. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 224 p. Available at: https://books.google.ru/books/about/Language_Online.html?id=kAG9aDJXz5QC&redir_esc=y.

Ma 1996 – Ma R. (1996) Computer-mediated conversations as a new dimension of intercultural communication between East Asian and North American college students. In: *Computer-Mediated Communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives*. Edited by Susan C. Herring. Johns Benjamin Publishing Company, pp. 173–186. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.39.14ma>.

McCulloch 2020 – McCulloch G. Because Internet: Understanding The New Rules Of Language. New York: Penguin USA. 2020, 333 p. <https://archive.org/details/gretchen-mc-culloch-because-internet-understanding-the-new-rules-of-language-riv/mode/2up>.

- Muiruri 2020 – *Muiruri M.* (2020) Relevance of Digital Corpus in indigenous language translation. Lorraine University; France. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350688654_RELEVANCE_OF_DIGITAL_CORPUS_IN_INDIGENOUS_LANGUAGE_LANGUAGES_TRANSLATION_MUIRURI_Moses.
- Sun 2019 – *Sun Y.* Changes from the Internet Language to Emoji. In: *Conference: Proceedings of the 6th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2019)*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/338241403_Changes_from_the_Internet_Language_to_Emoji.
- Tong, John, Gwendoline 2021 – *Tong H., John L., Gwendoline G.* Teaching Chinese as a second language: Chinese perspective. In: *Quality in Teacher Education and Professional Development*. Abington, Oxon: Routledge, 15 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003197973-16>.
- Uryvskaya, Takhtarova, Fominykh 2020 – *Uryvskaya Tatiana A., Takhtarova Svetlana S., Fominykh A.D.* (2020) Diversity of lettered words of the Chinese language in the Chinese digital media discourse. In: *DEFIN '20: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, March 2020*, Article no.: 12, pp. 1–4. DOI: <http://dx.doi.org/10.1145/3388984.3389069>.
- Zhang, Chen, Li, Zhao, Zhou, Huang, Wang 2019 – *Zhang Y., Chen S., Li S., Zhao Q., Zhou Z., Huang F., Wang F.* (2019) The use of internet language enhances creative performance. *The Journal of General Psychology*, vol. 148, issue 1, pp. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/00221309.2019.1703628>.
- Gaynullin, Kadomskiy, Yashnikova 2016 – *Gaynullin R.F., Kadomskiy A.A., Yashnikova A.P.* (2016) History of the development of computing technology. *Science magazine*, no. 12 (13), pp. 40–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-vychislitelnoy-tehniki> (accessed 29.07.2024); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27538701>. EDN: <https://elibrary.ru/xecjgb>. (In Russ.)
- Galichkina 2012 – *Galichkina E.I.* (2012) General characteristics of computer-mediated discourse. In: *Kolokoltseva T.N., Lutovinova O.V. et al. (eds.) Internet communication as a new speech formation: multi-authored monograph*. Moscow: Flinta, Nauka, pp. 53–71. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=57981027&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/gaoroc>. (In Russ.)
- Gartsov, Balykhina 2010 – *Gartsov A.D., Balykhina T.M.* (2010) Russian in the network as a linguodidactic way of its globalization. *World of the Russian Word*, no. 2, pp. 90–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-seti-kak-lingvodidakticheskiy-put-ego-globalizatsii> (accessed 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=15056731>. EDN: <https://elibrary.ru/mrmqsj>. (In Russ.)
- Dedova 2010 – *Dedova O.V.* (2010) The language of the Internet. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 25–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazyke-interneta> (accessed 29.07.2024). (In Russ.)
- Krongauz, Merzlyakova, Litvin 2018 – *Krongauz M.A., Merzlyakova V.N., Litvin E.A.* (2018) Dictionary of the language of the internet.ru. Moscow: AST-Press, 288 p. Available at: <https://archive.org/details/Slovar-yazyka-interneta-2016>. (In Russ.)
- Mandrikova 2013 – *Mandrikova G.M.* (2013) Russian language and the Internet. *Public Education*, no. 6 (1429), pp. 275–280. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-i-internet> (accessed 29.07.2024); <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2013-6/russkiy-yazyk-i-internet>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19544766>. EDN: <https://elibrary.ru/qlsdr>. (In Russ.)
- Moroslin 2009 – *Moroslin P.V.* (2009) Linguistic consideration of texts in Internet. *Russian Journal of Linguistics*, no. 3, pp. 10–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-interneta-kak-obekt-lingvisticheskikh-issledovaniy> (accessed 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=12905470>. EDN: <https://elibrary.ru/kwkrih>. (In Russ.)
- Russian language on the Internet... 2017 – *Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the I International research and practical conference*. Moscow: RUDN, 544 p. Available at: https://www.csu.ru/faculties/Documents/Загидуллина_Русский_язык.pdf (accessed 29.07.2024); <https://repository.rudn.ru/recordsources/recordsource/8762/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28973529>. EDN: <https://elibrary.ru/ykasmz>. (In Russ.)
- Sinishina 2014 – *Sinishina O.O.* (2014) Internet lexicon in modern Chinese language. *Moscow University Oriental Studies Bulletin*, no. 3, pp. 57–63. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-leksika-v-sovremennom-kitayskom-yazyke> (accessed 29.07.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=21991129>. EDN: <https://elibrary.ru/sngaon>. (In Russ.)
- Sosnovskaya 2010 – *Sosnovskaya A.A.* (2010) Role of Slang Metaphoric Nominations in Internet Communication. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, no. 2, pp. 25–30. Available at: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/text-pdf/2024/01/7_sosnovskaya.pdf. (In Russ.)
- Tuleneva, Shusharina 2018 – *Tuleneva V.N., Shusharina I.A.* (2018) Internet-language: profile, characteristic features and effect on speech. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (48), pp. 20–25. Available at: http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/5544/20-25_Тюленева.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (In Russ.)
- Shumilina 2022 – *Shumilina S.A.* (2022) Neologisms in the blogosphere of the publicistic discourse of Runet. *The world of science, culture and education*, no. 1 (92), pp. 390–392. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-blogosfere-publitsisticheskogo-diskursa-runeta> (accessed 29.07.2024). (In Russ.)